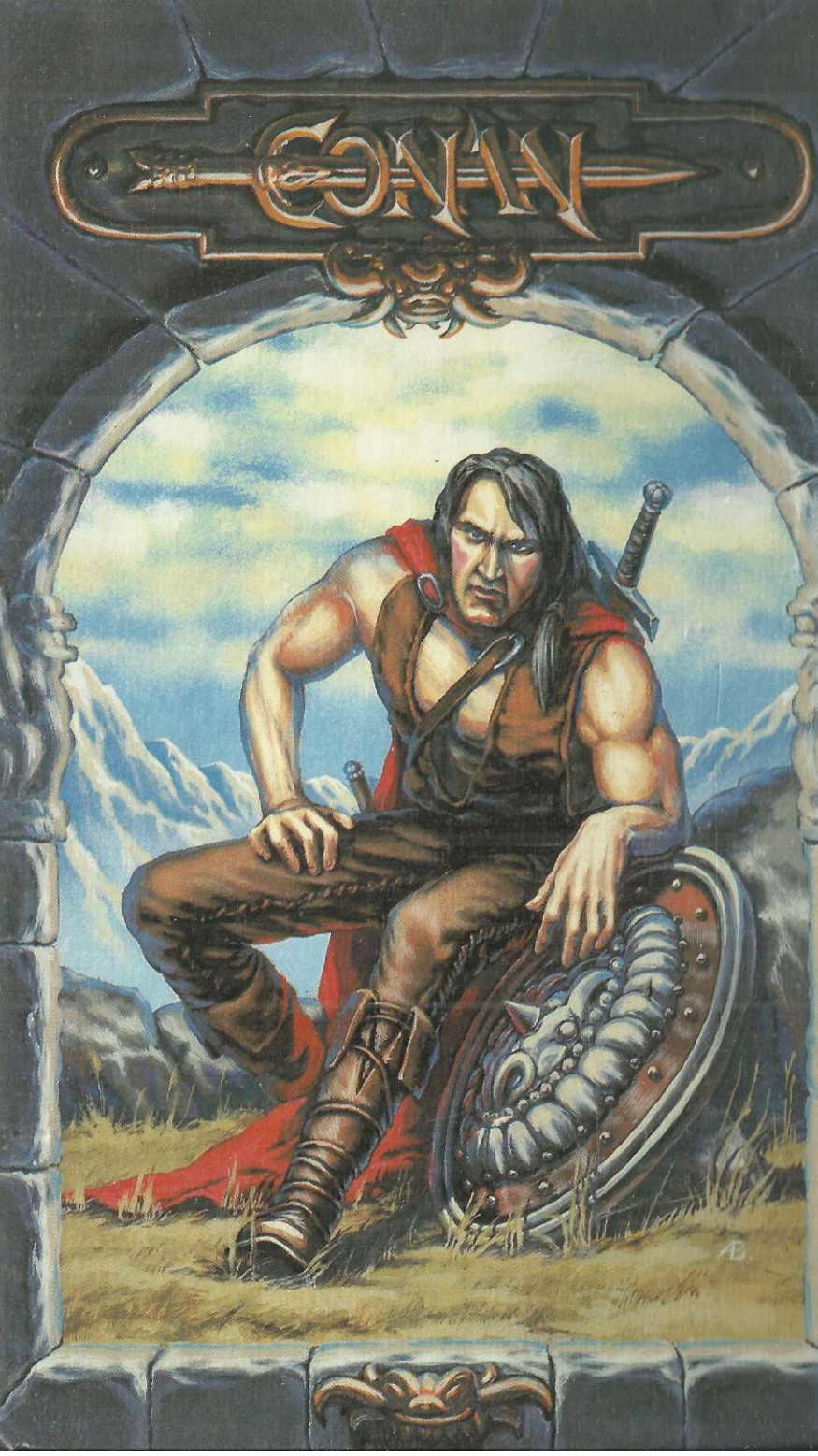
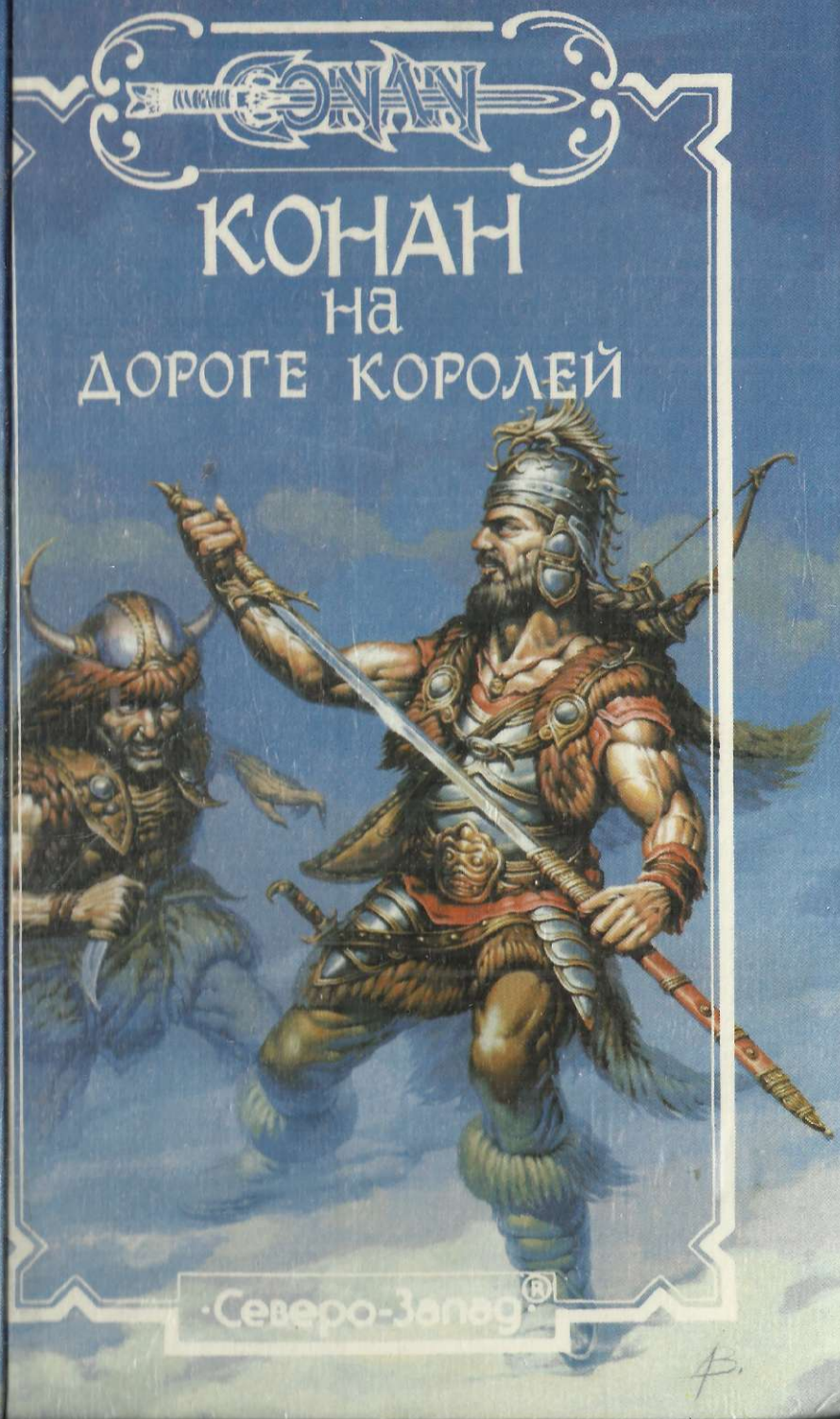

fantasy

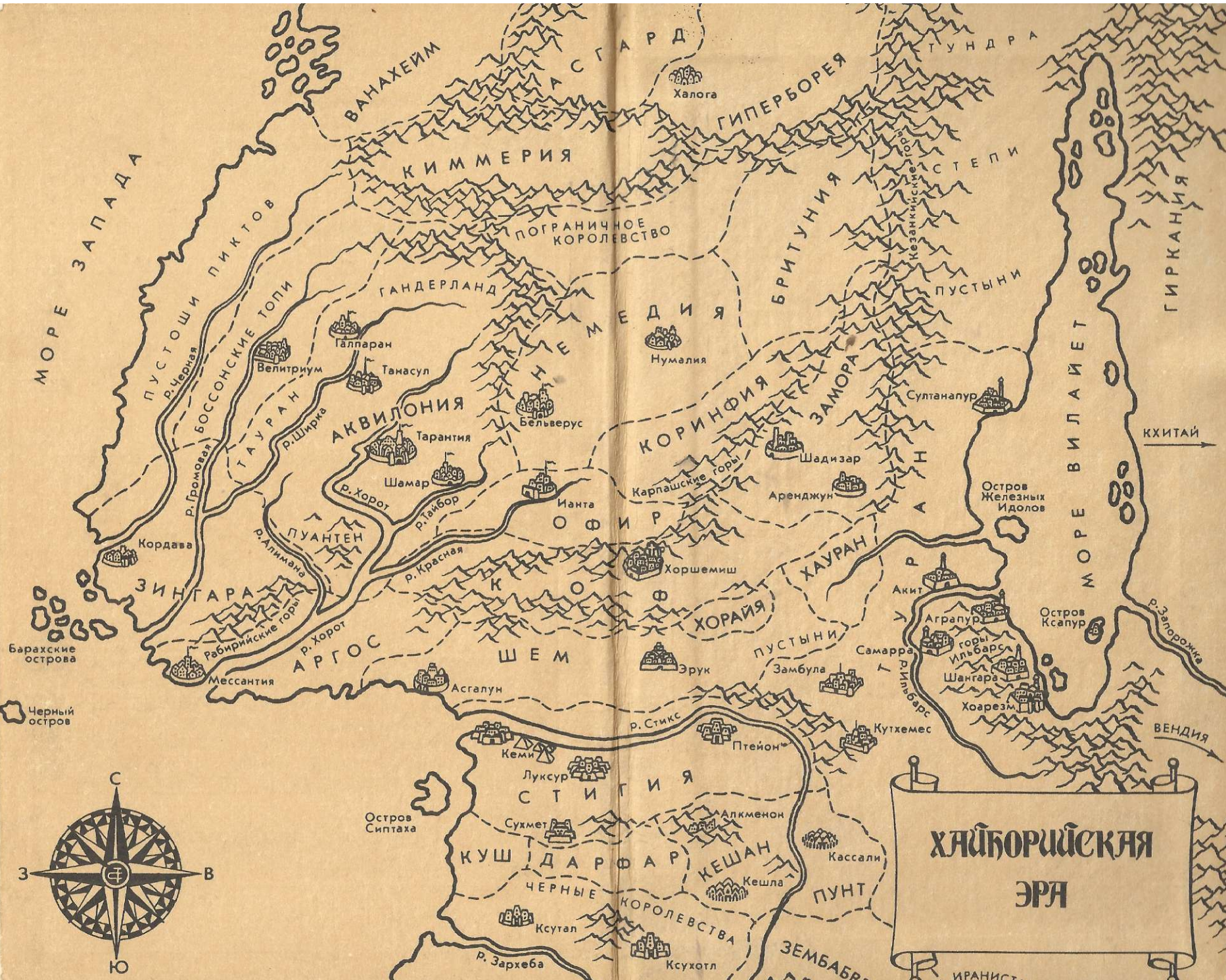
8

КОНАН

КОНАН
на
ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ

Северо-Знак®

КОНАН
НА ДОРОГЕ
КОРОЛЕЙ

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1994

*Перевод с английского
И. Башмачников,
О. Мовчанюк,
М. Сушко
Л. Сушко*

К 64 **Конан на Дороге Королей: Романы/Пер. с
англ. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — 542 с.
ISBN 5-8352-0482-5**

«Конан на Дороге Королей» — восьмая книга из сериала о непобедимом киммерийце. Дорога Королей — воспетый древними сагами путь воина, и отважный варвар Конан проходит по этому пути до конца. От мальчика, брошенного на поле боя среди трупов погибших соплеменников, до могучего, свирепого повелителя — короля Аквилонии. В настоящем томе представлены три романа о долгом пути Конана к славе и бессмертию. Бесстрашный киммериец вновь вступает в смертельную схватку с порождениями мрака, с черными колдунами и жуткими тварями, выползшими из недр преисподней.

© И. Башмачников, О. Мовчанюк,
М. Сушко, Л. Сушко, перевод, 1994
© «Северо-Запад», подготовка текста,
1994
© «Северо-Запад», оформление, 1994
® ~~Северо-Запад~~ Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0482-5

ПРОЛОГ

Узнай, о Принц, что между тем временем, когда океан поглотил Атлантиду с ее великолепными городами, и эпохой подъема Ариаса пролегли необыкновенные столетия, в которые, словно синие мантии под звездным небом, землю покрывали блистательные королевства. Из глубины тех веков появился Конан, вор, разбойник, убийца, и попрал своими сандалиями великолепные троны Земли.

Узнай же еще, о Принц, что в ту полузабытую эпоху Аквилония была самым могущественным королевством на земле и владычествовала над всем спящим Западом. И ее правителем был Конан. Конан Великий, его называли, и был он выдающимся монархом своего времени. Много песен было сложено о нем, о его молодости, и посему теперь трудно выделить правду из многочисленных легенд.

Немедийская Хроника

I. Меч

Мне, Каллиасу из Шамары, единственному из всех моих аквилонских братьев по пещере, была оказана огромная честь услышать из собственных уст моего короля, Конана Великого, рассказ о путешествиях и необычайных приключениях, которые выпали на его долю и привели его к вершине славы. Вот эта история — такая, какой он рассказал ее мне в последние дни своего правления, когда годы, хотя и не очень заметно, но уже наложили на него свою неумолимую печать.

На скалистой, лишенной снега вершине мужчина и мальчик боролись с неистовством бури. Кругом, словно демон, завывал ночной ветер. Молнии вспарывали истерзанное небо, раскалывали утесы, огненными бичами хлестали содрогающуюся землю. В неверном свете мужчина, огромный и заросший как тролль, стоял подобно гигантской статуе. Тяжелые меха защищали его могучее тело от порывов ветра.

Мужчина отбросил назад свой плащ, трепещущий, словно знамя, на фоне темного ночного неба, и вынул из ножен огромный двуручный меч, оружие богов. Он произносил нараспев странные слова древнего заклинания, вонзая клинок в самое сердце бури. Расставив могучие ноги, чтобы устоять против порывов ветра, он грозил небесам своим великолепным мечом, а вокруг него клубились опускающиеся облака, как будто его клинок изранил сам небосвод.

— Запомни, Конан! — закричал мужчина, перекрывая рев бури. — Огонь и ветер родились в лоне небес,

они — дети небесных богов. Самый могущественный из богов — Отец Кром, властвующий над землей и небом и бескрайним, беспокойным морем. Кром владеет многими тайнами, но самая великая из них — это секрет стали, тайна, которую боги не открывали людям, ревниво сохраняя ее в глубинах своих сердец.

Мальчик не отрывал взгляда от лица мужчины, сурового и непреклонного, как окружающие их камни. Мужчина тщательно взвешивал свои слова, не обращая внимания на ветер, который яростно рвал его бороду, словно желая заставить его замолчать.

— Когда-то, — снова раздался низкий голос, — великаны населяли землю. Возможно, они все еще существуют. Великаны были очень умны и хитры, они обрабатывали камень и дерево, добывали золото и драгоценные камни и во времена тьмы и хаоса провели даже самого Крома, Отца богов. Хитростью они овладели драгоценным знанием бессмертных: секретом серебристого металла, гибкого, но всегда вновь распрямляющегося, как ни сгибай его.

Кром был ужасно разгневан. Дрожала земля, и извергались горы. Ураганами и огненными молниями Кром сразил великанов; они были повержены, и земля навеки поглотила их. Сомкнув свои каменные челюсти, земля погребла их в глубинах, где обитают силы тьмы, в мире, о котором люди ничего не знают.

Глаза мужчины сверкали в полутьме, как голубые сполохи пламени среди тлеющих углей, а пряди его густых черных волос, подхваченные сильным ветром, развевались, подобно огромным крыльям. Маленький Конан содрогнулся.

— Битва была выиграна, — продолжал мужчина, — боги вернулись в свое небесное царство, но, все еще разгневанные, они не сумели сохранить в тайне секрет ковального металла, оставив его на поле брани. Первыми людьми, нашедшими металл, были легендарные жители Атлантиды, наши далекие предки.

Конан хотел было что-то сказать, но мужчина предупредительно поднял руку.

— Мы, люди, владеем теперь секретом стали. Но мы не боги и не великаны. Мы смертны, слабы и глупы, и

коротки дни наши. Будь осторожен со сталью, сын, и уважай ее — в ней заключена великая тайна и сила.

— Я не понимаю тебя, отец, — неуверенно сказал мальчик.

Мужчина встряхнул своей черной гривой:

— Ты поймешь в свое время, Конан. Чтобы в битве владеть стальным мечом — оружием, которое боги направили когда-то против великанов, — человек должен познать его тайну, он должен понять дупу стали. Знай, что в этом мире нельзя доверять никому — будь то мужчина, женщина или зверь, дух, дьявол или бог, но можно положиться на клинок из хорошей стали.

Мужчина взял маленькую руку сына и, обвивая его пальцы вокруг рукоятки огромного меча, сказал:

— Сердце человека похоже на кусок необработанного железа. Оно должно быть обожжено несчастьями, выковано молотом страдания и вызовами, что бросают ему беспечные боги, — так, чтобы сердце оказалось на краю гибели. Сердце должно быть очищено и закалено огнем битвы, заострено на наковальне отчаяния и потерь. И только когда твое сердце уподобится стали, ты сможешь владеть острым мечом в битве и побеждать своих врагов, как победили боги древних великанов. Когда ты познаешь тайну стали, сын мой, твой меч станет самой твоей сущностью.

Конан на всю жизнь запомнил эти слова, произнесенные его отцом в ту грозную, загадочную ночь. Со временем он начал понимать эти таинственные фразы, проникать в смысл завета, который его отец стремился передать ему: из страдания рождается сила. Только пройдя через боль и лишения, человеческое сердце становится закаленным, как сталь. Однако, прежде чем он постиг эту мудрость, прошло много лет.

Конан запомнил и другую ночь, когда бледный диск луны покоился в безоблачном черном небе, как поселенная сединой голова в траурном одеянии. Снег искрился в леденящем душу свете, а холодный ветер завывал в покрытых снегом соснах, пролетая над спя-

щей деревней, вдоль неровной дороги, ведущей к кузнице его отца. Там, прогоняя темноту, пылало яростное пламя, рассыпая мерцающие золотые искры, освещая багровым светом кожаный фартук и опаленные штаны кузнеца. Оно отражалось в каплях пота на его лбу, мерцало на лице мальчика, с удивлением наблюдавшего с порога за отцом. Кузнец неумолимо раздувал мехи. Затем, схватив длинные клещи, он вытащил из гудящего сердца горна ослепительный, сверкающий, раскаленный добела кусок железа. Когда кузнец бросил его на наковальню и начал придавать форму, каждый мощный удар молота швырял снопы искр в красный сумрак кузницы.

Остывающее железо из белого сделалось желтым, а потом — тускло-красным, и тогда кузнец снова отправил его в горн и вновь начал раздувать мехи. Наконец он взглянул на дверь и увидел мальчика. Суровый взгляд смягчился.

— Что ты здесь делаешь, сынок? Тебе давно пора спать.

— Ты говорил, что я могу смотреть, как ты превращаешь железо в сталь, отец.

— Да, конечно. Думаю, что сегодня закончу работу. Здешний народ считает кузнеца Ниаала кем-то вроде колдуна, превращающего железо в сталь, и я не разочарую их.

Действительно, для своих соседей кузнец был полубогом. Он пришел из южных земель, неся в своей груди тайное искусство — секрет стали — драгоценное наследство, оставленное древней Атлантидой, считавшееся безвозвратно утерянным и забытым людьми, жившими во мраке трех веков.

Когда мальчик подошел поближе, кузнец снова вынул железо из огня.

— Отойди, Конан, искры летят слишком высоко, и я не хочу, чтобы тебя обожгло.

Под мощными ударами молота наковальня звенела, как бронзовый колокол. Фонтаны искр взлетали и падали к ногам кузнеца. Раскаленный кусок железа медленно превращался в клинок грозного меча. Подняв его клещами, кузнец бегло осмотрел кромку, проверяя остроту, и поправил ее несколькими ловкими ударами.

Еще раз нагрев и осмотрев заготовку, Ниаал бросил раскаленный клинок в чан с водой, чтобы охладить податливый металл перед окончательным превращением его в сталь. Металл зашипел, как змея, и облако пара, кружась, на одно мгновение заволокло кузницу прозрачным одеянием богов.

— Подай мне вон то ведро с углем, — сказал Ниаал благоговейно наблюдающему за ним сыну. — Чтобы сделать сталь прочной и гибкой, клинок нужно теперь закалить при постоянной температуре. Вот тайна, которой владели жители Атлантиды; вот знание, которое я принес сюда с юга, покинув мой род. Смотри, вот так я даю пламени погаснуть...

Пока клинок несколько дней лежал под горячими углями, Конан наблюдал, как его отец доделывал меч. Гарде он искусно придал форму оленьих рогов, рукоять обернул нитью, скрученной из кишок лесного тигра, а стальное навершие, утяжеленное, чтобы крушить головы врагов, он отлил в форме лосиного копыта.

Готовый меч был оружием завораживающей, незабываемой красоты. Начищенный клинок сверкал как зеркало, отражая солнечный свет и грозовые тучи, словно металл его населили духи воздуха.

— Он уже закончен, отец? — однажды вечером спросил мальчик.

— Да, почти, — отозвался кузнец. — Пойдем, я покажу тебе.

Много лет спустя Конан вспоминал, как клубящиеся грозовые тучи застилали звезды, когда отец повел его к подножию заснеженной горы. Пока они взбирались ввысь, поднялся ветер и стал рвать защищавшие их меха. Преодолевая белые от снега расщелины, каменистые склоны и обнаженные скалы, на которых едва ли можно было найти выступ, чтобы поставить ногу, они приближались к вершине, когда раздалась первая раскаты грома и разразилась буря.

Так, среди неистовства стихий, свершился мистический обряд, сделавший меч непобедимым.

Вскоре после той бушующей ночи Конан впервые столкнулся со страданием. Страшным был тот урок и

слишком ранним для такого маленького мальчика. Но северные земли суровы, жизнь там жестока, и рука врага готова в любой момент нанести удар.

Темнота неуклюже отступала перед безмолвными шагами холодного утра. Зловещая луна садилась, пряча свое лицо в плывущую вуаль облаков. Только усталый ветер нарушал тишину, шурша ветвями голых деревьев.

Внезапно покой был нарушен яростными криками налетевших на деревню всадников. Их подкованные лошади вдребезги разбивали тонкий лед мелкой реки, у которой стояла деревня. Темные и зловещие, в кожаных одеждах, покрытых металлическими пластинками, вооруженные топорами, копьями и мечами, всадники устремились на деревню.

Жители деревни, поднятые с постели, увидели, что улицы паводнены вооруженными людьми. В замешательстве, в панике мужчины и женщины с криками выбегали из своих домов, наспех натягивая одежду. Какая-то женщина, пронзительно крича, выхватила младенца из-под копыт лошади. С торжествующим криком всадник нагнулся и вонзил свое копьё между лопаток убегающей матери. Она пошатнулась — наконечник копья вышел у нее из груди, — затем, спотыкаясь, как тряпичная кукла, она сделала еще несколько шагов, пока убийца с проклятиями не вырвал свое копьё из ее пронзенного тела.

— Ваниры! — закричал кузнец Ниал, выскакивая из своей хижины и потрясая кузнечным молотом.

Стоя на ступеньках крыльца, маленький Конан в замешательстве оглядывался, пытаясь хоть что-то понять в происходящем. Но вокруг царил хаос. Мимо промчалась молодая девушка, белая от ужаса. За ней неслась черная собака с разинутой пастью и высунутым алым языком. Мгновение спустя потрясенный Конан увидел, как зверь повалил девушку и впился зубами ей в горло. Одна ее рука затрепыхалась на грязном снегу, как выброшенная на берег рыба. Конан ошеломленно смотрел на нее.

Голый киммериец — охотник, вооруженный огромным топором, неистово ревел в этой свалке. Его грозное оружие вращалось в воздухе, подобно колесу смерти. Топор вонзился в бедро одного из наездников и отсек

ему ногу. Надрываясь от крика, ванир свалился с седла, оставляя на снегу кровавые пятна. Сквозь ржание лошадей, лязг оружия и воинственные крики до Конана доносились вопли женщин, стоны раненых и умирающих.

Отец Конана, пробежав мимо него, скрылся в доме и появился снова с огромным мечом в руках. Заколдованный клинок, сверкавший в утреннем небе, как ледяная молния, сметал все на своем пути. Один за другим валились с коней в грязный истоптанный снег разрубленные пополам ваниры.

Поборов парализующий страх, Конан поднял упавший нож и кинулся в гущу сражения, туда, где бился его отец. Хотя мальчик едва мог пробираться сквозь толпу сражавшихся мужчин, ему удалось вспороть икру высокому темному воину, тут же угодившему под летящий меч кузнеца. Через мгновение снесенная голова захватчика, вращаясь, как брошенный мяч, покатилась к ногам Конана. Мальчик отшатнулся, широко раскрыв глаза, волосы его встали дыбом.

Скоро и другие киммерийцы сплотились вокруг кузнеца Ниала. Но нападавшие были верхом, хорошо вооружены и защищены доспехами из бронзы и железа, в то время как полуголые жители оборонялись тем, что оказалось под рукой: кто-то успел схватить мотыгу или грабли, кто-то — настоящее оружие. Некоторые держали в руках щиты из шкур, натянутых на деревянные каркасы, но эти щиты почти не защищали от тяжелых ударов вражеской стали.

Не сумев пробраться к отцу, Конан безуспешно пытался отыскать в суматохе битвы свою мать. Он проскальзывал между сражающимися людьми, увертываясь от вздымающихся на дыбы лошадей, пробирался в водовороте кровопролития: только что отрубленная рука лежала на снегу, сочаась кровью, а пальцы ее все еще судорожно сжимали древко копья. Спасая свое дитя, мимо бежала женщина; она споткнулась и рухнула в скользкую грязь, а мгновение спустя копыта лошади раздробили ей череп, отбросив плачущего ребенка в красный от крови снег. Вот оборвался крик старика — стрела с бронзовым наконечником вонзилась ему в глотку. Кто-то шлепнулся в слякоть, прижимая руки к лицу. Конан смутно осознал, что глаз этого человека

болтается на нитке нерва, что задыхающийся от боли мужчина пытается вставить его на место.

Сквозь шум и крики Конан услышал звучный голос отца:

— Лопадей! Убивайте лошадей! — С этими словами кузнец свалил вражеского коня, который, падая с разрубленной спиной, заржал так, словно его выколачивали раскаленным железом.

Конан наконец заметил гибкую фигуру своей матери. Она внушала страх, встречая врага лицом к лицу. Она пылала яростью, волосы ее разметались по плечам, а руки крепко сжимали рукоять широкого меча. Вокруг нее громоздились окровавленные тела ваниров и трупы их злобных псов. Мальчик помчался к матери. Она, заметив взлохмаченную копну его жестких черных волос, так похожих на волосы отца, стала сражаться с удвоенной энергией.

Подняв глаза, Конан увидел огромную фигуру, неподвижно восседавшую на вороном коне. Всадник, чей силуэт четко вырисовывался на вершине стоявшего на краю деревни холма, пристально наблюдал за бойней. Мальчик не мог различить черты лица этого гиганта, но знак, который всадник носил на защищенной доспехами груди и окованном железом щите, задержал его обезумевший взгляд.

Это был странный символ: две черные змеи, обращенные головами друг к другу, переплелись, поддерживая в изгибах тел диск черного солнца. Этот неизвестный Конану знак наполнил его сердце страхом и предчувствием беды.

Вскоре большинство мужчин и женщин, выдержавших атаку, образовали живой щит вокруг кузнеца. Возвышаясь над самыми высокими киммерийцами, Ниал ободрял товарищей, заглушая возгласами звон металла и стоны умирающих. Ваниры были отброшены; их кони с вытаращенными глазами вставали на дыбы и шарахались в сторону, спасаясь от грубых орудий киммерийцев.

Не решаясь наступать, враги остановились; тогда великан на холме поднял руку в перчатке, собираясь

отдать приказ. Сверкающий в лучах рассвета шлем скрывал его лицо, усиливая впечатление свирепой мощи, исходящей от воина.

— Они пустят в дело стрелков, — прошептала мать Конана. — Они перебьют всех мужчин, а сами останутся недосыгаемыми для наших мечей.

— Спаси нас, Кром! — пробормотал мальчик.

Мать окинула его ледяным взглядом, как бы напоминая, что Кром не отвечает на молитвы людей; он вряд ли слышит их. Кром — бог морозов, звезд и бурь, а не людей.

Очень скоро слова Маев, жены кузнеца, подтвердились. Волна всадников отхлынула, и тучи стрел со свистом рассекли утренний воздух, ударяясь в крыши хижин, отскакивая от щитов, глубоко впиваясь в обнаженные тела. Снова и снова смертоносный дождь падал на кучку оборонявшихся, пока стена щитов не дрогнула.

Тогда великан на холме произнес глубоким, похожим на гул железного колокола, голосом:

— Пускайте собак!

Яростно рычащие, взбешенные псы, разинув алые пасти, ринулись с вершины холма. Их стремительные тела были отчетливо видны на фоне багряного рассвета.

Один киммериец с хрипом упал на землю — собака впилась ему в горло, другой успел проткнуть копьем уже прыгнувшего пса, третий глухо взвыл, почувствовав в плече острые волчьи клыки. Мужчины обратили свои уже затупившиеся в битве мечи против животных, и стена щитов распалась.

— Стрелки! — прогремел черный великан. — К бою!

На кучку оставшихся в живых обрушился смертоносный град стрел. Щиты обреченных были изодраны, и отступающие все плотнее и плотнее сжимали кольцо, оставляя раненых, корчащихся на утоптанном снегу. Какое-то мгновение отец Конана стоял один, и щит его был весь утыкан стрелами. Стрела попала в ногу кузнеца, пронзив бедро. Раненая нога подогнулась. С проклятиями кузнец упал в замерзшую грязь. Его рука шарилась по льду, пытаясь дотянуться до рукоятки огромного стального меча. Но собаки уже были рядом.

Вскоре все было кончено.

II. Колесо

Всадники достигли вершины холма, развернулись и вновь обрушились на деревню. Их беспощадные мечи сражали каждого, кто пытался сопротивляться. Зажженные факелы взлетали в морозный воздух, с шипением падая на тростниковые крыши незащищенных домов, зажигая жадное пламя. Те, кто пытался укрыться внутри, выскакивали и попадали под копыта боевых коней.

Всадники с гиканьем хлынули на разбитую улочку. Они пронзали копьями раненых, стариков, детей. Маев сразила одного воина с вождем взглядом, который нагнулся на полном скаку, чтобы схватить ее. Она слегка улыбнулась, увидев, как разрубленное тело соскользнуло с седла и распласталось в грязи. Удар меча киммерийской женщины разрубил ногу лошади. Когда брыкающееся животное упало, Конан наступил на грудь всаднику, корчащемуся от боли в ногах, придавленных тушей коня, и перерезал тому горло.

Но защищающихся было мало, и их ряды таяли на глазах. Внезапно они перестали сопротивляться. Все, кто остался в живых, ошеломленные и подавленные, бросили оружие к ногам захватчиков, — все, кроме Маев, жены Ниала, матери Конана. Ее глаза сверкали на бескровном лице. Женщина, оглушенная, оперлась на рукоять своего широкого меча, пытаясь перевести дыхание. А ее сын стоял подле, держа наготове свой маленький нож.

Наконец великан на холме поневелился. Огромный черный конь начал двигаться, почувствовав, что шпоры врезались в его лоснящийся бок. Не торопясь, размеренным шагом, пугавшим больше, чем бешеная скачка, предводитель ваниров направился вниз по склону, по утоптанному, забрызганному кровью снегу. Его лицо было закрыто железным рогатым шлемом, и на фоне утреннего неба он казался настоящим королем демонов, восседающим на адском скакуне.

Когда жуткий всадник шествовал мимо ваниров, они кланялись и монотонно возглашали: «Да здравствует предводитель Рексор! Да здравствует Рексор! И Дуум... Дуум... Тулса Дуум...»

Предводитель свернул с дороги и скрылся из вида за черной от сажи стеной сгоревшей хижины. Ваниры просветлели, словно стигнула мрачная туча, и приблизились к гордо застывшей женщине.

Обмениваясь непристойностями, два всадника, куражась, приставили копыта к ее открытой груди. Ударом меча Маев отбросила прочь одно из копий, и первый ванир со смехом попятился назад. Но его товарищ был менее удачлив. Подняв длинный клинок над головой, Маев ударила своего мучителя по руке, глубоко разрубив мышцы. Мужчина отпрянул. Копье выпало из его руки, повисшей, словно чужая. Цедя сквозь зубы проклятия, он здоровой рукой потянулся к мечу.

Как раз в это мгновение одетая в меха фигура предводителя, жуткая и молчаливая, как смерть, появилась из теней. Не было произнесено ни слова, но раненый ванир сник и отступил. Другой воин подбежал, чтобы принять уздечку боевого коня, пока его господин сходил на землю. Властным жестом Рексор указал на изрытую дорогу, где лежал кузнец. Безжизненная рука Ниала застыла на расстоянии пальца от меча, его последнего творения.

Стремясь выполнить приказ великана, какой-то воин помчался между двумя рядами тлеющих домов к месту, где сражался и пал кузнец. Подняв клинок, который никто не мог бы вырвать из руки живого Ниала, он поспешил принести меч своему повелителю. Сощуриив холодные голубые глаза, Маев следила за приближением человека. Конан, замороженный страхом, не отрывал взгляд от меча. Это оцепенение пришло к нему вместе с ужасной уверенностью, что его отца больше нет.

Рексор получил оружие и поднял его, рассматривая изумительную работу в косых лучах восходящего солнца. Конан безуспешно старался побороть сотрясание его рыдания. Мать дотронулась до его плеча. Воин засмеялся.

Внезапная дрожь стерла ухмылки с лиц ваниров, окружающих несдавшуюся пару. Конан поднял глаза. На фоне встающего солнца к ним медленно плыло знамя, укрепленное на древке из черного дерева. Поддерживаемое деревянной рамой, украшенной рогами животных, знамя из дорогой ткани неподвижно висело

в неподвижном воздухе. На знамени был вышит все тот же символ, который долго еще будет преследовать Конана во сне, — зловеющий, не сулящий ничего хорошего знак: сплетенные змеи, поддерживающие диск черного солнца.

Ужасная бахрама гнилых скальпов свисала с рамы, и желтые черепа насмешливо скалились с пик, украшавших сооружение. Даже Рексор склонил голову перед этим мрачным знаменем, багровеющим в лучах зари. Конан содрогнулся, увидев того, кто нес знамя. Странно деформированное тело его больше походило на тело зверя, чем на человека, хотя он и был облачен в покрытые железными пластинками доспехи, как остальные ваниры. Он нес внушающее ужас знамя с такой гордостью, что было ясно: в этом существе нет места ничему человеческому.

За несчастным порождением дьявола показался величественный всадник в роскошной кольчуге из кованых листочков, поблескивавших в беловатом свете, как чешуя змеи. Украшенный драгоценными камнями шлем закрывал его нос и скулы, оставляя открытыми только глаза, пылающие дьявольским огнем.

Конь был достоин седока: поджарый, грациозный, сверкающий драгоценной сбруей. Его глаза пылали, словно раскаленные угли. На таком коне, подумал Конан, должно быть, вопящие дьяволы вылетают из глубин Преисподней, опустошая зеленые холмы земли.

Благородное животное, повинуясь своему седоку, шло по окровавленному снегу, и ваниры низко кланялись, повторяя, как заклинание, одно слово: «Дуум... Дуум... Дуум!»

Великан Рексор подскочил, чтобы взять узду дьявольского коня, пока его хозяин сходил на землю. Они обменялись скупыми словами, а затем смерили взглядами киммерийскую женщину, которая хладнокровно сжимала рукоять своего широкого меча. Маев с ненавистью посмотрела на них, как пантера, защищающая своего детеныша. Она подняла оружие, готовясь к бою.

Человек в драгоценном шлеме, все еще не отводя от нее холодных, как лед, глаз, снял перчатку и про-

тянул худую руку, чтобы принять от своего подданного меч кузнеца Ниала. Рексор поклонился, передавая оружие своему повелителю.

«Дуум... Дуум... Дуум!» — опять запели ваниры. Вслушиваясь, Конан понял, что всадники произносили не просто приветствие. Это было зловещее имя — имя могущественного человека, имя, которого боятся.

Гибкий Дуум в змееподобной кольчуге неторопливо пошел к непобежденным киммерийцам, матери и сыну. Приближаясь, он, сощурив глаза, изучал необыкновенное совершенство своего нового оружия. Казалось, что все его внимание сосредоточено на великолепном клинке. Он поворачивал его, любясь острой кромкой, безупречными пропорциями и искусной работой. словно зеркало, сталь выпыхивала в лучах восходящего солнца, обдавая застывшего Конана потоками света.

Кольцо вооруженных людей расступилось, и Маев подняла свой палаш, стиснув зубы; она резко втянула воздух, готовясь напасть. Казалось, Дуум внезапно заметил ее. Он снял свой великолепный шлем, открыв жесткое красивое лицо. Легкая улыбка промелькнула на его тонких губах, и что-то похожее на восхищение красной искрой вспыхнуло в черных, как уголь, глазах. Женщина застыла словно пригвожденная к месту, зачарованная и испуганная властью и неотразимой мужской силой, исходившими от него.

«Дуум... Дуум... Дуум!» — хором восклицали неподвижные ванирские воины.

Дуум долго смотрел в большие глаза матери Конана. Ее высокая грудь, залитая розоватым светом восхода, поднималась и опускалась в такт учащенному дыханию. Затем, не заботясь о поднятом мече женщины, он приблизился. Дуум подошел так близко, что Маев уже могла сразить его, но он, казалось, не обращал на это внимания, словно опасность для него не существовала. Грация и гибкость его тела была чувственной, зовущей и полной желания; но Маев оставалась совершенно неподвижной. Казалось, что она зачарована, как куропатка под взглядом змеи.

Проходя мимо нее, Дуум внезапно с невероятной легкостью и силой взмахнул огромным мечом, запев-

шим в морозной тишине. С глухим стуком сталь впиалась в плоть.

Без крика и даже без вздоха Маев упала, словно дерево под топором дровосека. В ужасе маленький Конан смотрел, не веря своим глазам, как отрубленная голова матери покатилась в грязь к его ногам. На бледном лице не было ни страха, ни боли, и только в глазах застыло мечтательное, зачарованное выражение.

Полный ненависти, мальчик направил свой нож в широкую спину Дуума. Но ваниры уже вдавливали его в снег, вырывая нож из его цепких пальцев.

День угасал, а измученные пленники, прикованные один к другому, тащились по бесконечной равнине, покрытой нетронутым снегом, белизна которого оттенялась редкими соснами. Грязная цепочка людей, жалкие остатки дружного, тесно спянного киммерийского рода — немногие выжили после набега на деревню. Оборванные, израненные старики, женщины и дети прокладывали себе путь в рабство по скалистому плато, по снегу, покрытому ледяной коркой.

Далеко позади в небо все еще поднимался дым. Разграбив деревню, забрав оружие, пищу, меха и кожи, ваниры сожгли дома. Даже горячие угли и пепел были разбросаны копытами лошадей — когда весна согреет землю и вырастет свежая трава, там не останется ничего, что напоминало бы о некогда обитавших людях.

Маленький Конан шел вперед. Он сгибался под тяжестью цепей, продрогший, измученный железным ошейником, врезавшимся в горло. Он шел медленно. В голове его роились воспоминания, смешанные с необъяснимым ужасом. Сердце тяжело билось у него в груди, но он ничего не чувствовал, скованный кошмаром прошедшего дня. Это путешествие в Ванахейм навсегда запечатлелось в памяти Конана как ночной кошмар. То была неясная череда ужасных картин: одетые в меха всадники описывают круги вокруг согбенной, шатающейся от усталости вереницы пленников, обладавая их снежным дождем... Мрачное знамя со свившимися змеями и черным солнцем вздымается к небу... Расковывают и убивают с невероятной жестокостью

старика, который не может идти дальше... Маленькие алые следы израненных льдом детских ног... Холодные ветры в горных долинах... Усталость и отчаяние...

Конан не заметил, когда великан Рексор и его таинственный господин Дуум расстались с ванирскими всадниками. Просто он вдруг осознал, что этих двоих нет больше с ними, и внезапно стало легче дышать, и солнце засветило ярче. В глубине души мальчик не мог понять, почему эти два мрачных, могущественных человека, которые — никакого сомнения — не были жителями Ванахейма, возглавили нападение на его деревню. Когда Конан отважился шепотом спросить об этом другого пленника, мужчину, тот так же тихо ответил:

— Не знаю, малыш. Ванирам, безусловно, хорошо платят за службу у черных людей, хотя я не видел, чтобы этим давали сейчас какие-либо деньги.

Пленники и захватчики направлялись на север. Они прокладывали извилистую тропинку в холмах северной Киммерии. Мрачные утесы и голые скалы вздымались над снежным покрывалом. Вдали, на фоне сапфирного неба, поднимались зубцы Йелофианских гор, похожих на всадников, увенчанных белизной. На рабов, кутающихся в рвань, обрушивались снежные бури, обжигая их ледяными поцелуями. Босые ноги детей замерзали так, что казались чужими, — острые камни ущелий больше не причиняли боли полубомороженным ступням.

Когда киммерийцы пересекали горы, отделявшие их от Ванахейма, страны их врагов, все время шел снег. Всадники с их псами были вынуждены охотиться на дичь. Питаемые тающим снегом ручьи глубоко прорезали снег долин, снабжая стоянки пленников чистой ледяной водой. Им удалось выжить.

В конце концов они стали спускаться по противоположному склону горного хребта. Чахлые деревья судорожно цеплялись за каменистую землю; их кривые стволы напоминали мальчику усталых гномов, присевших отдохнуть у входа своих пещер. Просторы тундры были изрыты там, где стада оленей пытались извлечь из-под снега корм. Стаи болотных птиц пролетали мимо. Их скорбные крики наполняли сердце Конана отчаянием и грустью.

Пленники пробирались по болотам, среди робких весенних цветов, раскрывшихся на верхушках залитой водой травы.

Казалось, что рабам придется идти целую вечность. Но в конце концов мучительный переход завершился.

Однажды поздно вечером, когда заходящее солнце било кроваво-красными стрелами лучей в покрытую дымкой поверхность земли, Конан и другие пленники прошли через деревянные ворота города ваниров — большой общины, который, как они узнали позже, назывался Тродвана. Израненных рабов, словно скот, погнали мимо беспорядочно разбросанных каменных домов с соломенными кровлями, наполовину утонувших в торфе. Наконец они достигли загона, где стояло несколько сараев. В один из таких сараев с дырявой кровлей и затолкали вновь прибывших рабов. Там и провели они ночь, терзаемые неизвестностью. Спать им пришлось на жесткой глине, слегка прикрытой грязной соломой.

На рассвете пленники получили по маленькой порции хлеба и жидкой похлебки. Самых сильных и здоровых приковали ржавыми цепями к огромному колесу, спицы которого, сделанные из крепкого дерева, были гладко отполированы человеческими руками. Это колесо вращало гигантские жернова, и под их весом зерно растиралось в муку. К этому Колесу Страдания, как его называли рабы, и был прикован Конан рядом с другими: оборванными подростками с остановившимся взглядом, мужчинами из земель, о которых в Киммерии или не знали, или редко вспоминали. Что касается пленных женщин и девочек из его деревни, то их увели, и они, может быть, разделили еще более ужасную судьбу. Конан никогда больше о них не слышал.

Хозяином колеса был плотный мужчина, смуглый, с резкими чертами лица. Работающим детям он казался великаном-людоедом. День за днем, пока они толкали стонущее колесо по вечному кругу, он стоял в грязных мехах, мрачный и безмолвный, как каменный идол, на склоне холма над песчаной площадкой, над которой было закреплено колесо. Одни только свирепые глаза

двигались на его лице, когда хозяин, словно ястреб, высматривал признаки медлительности и лени.

Хозяин приходил в движение только когда изможденный ребенок, неспособный больше работать, падал от усталости на колени. Беспощадный сыромятный бич пел свою свистящую песню, обрушиваясь раз за разом на плечи несчастного до тех пор, пока под его ударами мальчик не поднимался на ноги, чтобы снова работать.

Так Конан вместе с другими работал день за днем, месяц за месяцем, пока время не потеряло для него всякое значение. Его окружали изможденные лица, остановившиеся глаза и бесчувственные сердца. Время сводилось только к текущему мгновению. Вчера было милосердно стерто из сознания рабов, завтра было еще неувиденным ночным кошмаром. Если раб падал и не мог больше подняться для работы, хозяин резким жестом подзывал всегда присутствующего неподалеку ванирского стражника, чтобы тот расковал корчащееся тело и унес — никто не знал, куда.

Иногда Конан думал, что так ваниры кормят своих собак.

Сменялись времена года; месяцы медленно складывались в годы. Рабы колеса умирали, и другие, захваченные ванирскими всадниками, вставали на их место. Некоторые из новых пленных были подростками и мужчинами из Киммерии; другие были золотоволосыми мальчиками из Асгарда; было несколько худых гиперборейцев в мягких льняных одеждах. Поговаривали, что они проникли в тайны колдовства, впрочем, было незаметно, чтобы это им помогало.

Жизнь превратилась в бесконечную череду дней изнурительного труда и короткого сна, похожего на смерть. Надежда давно угасла, словно свеча на ветру. Отчаяние настолько притупило чувства Конана, что он перестал ощущать лишения. Надо отдать должное тому, что о Конане и его товарищах все-таки хоть немного заботились, иначе они в качестве тягловых животных стали бы совсем бесполезны. Их хорошо кормили, разжигали огонь в сараях во время зимних бурь, снабжали одеждой, которая, впрочем, была слишком изно-

дранной для того, чтобы ее можно было починить. Но это было все.

Вечными были скрежещущее Колесо Страдания, безжалостное голубое небо над головой, а под ногами — замерзшая слякоть зимой или хрустящая, сухая грязь летом. И вечен был звон цепей, которыми рабы были прикованы к колесу.

Один и только один раз Конан заплакал, и только одна слеза сбегала по его грязной щеке, замерзнув на пронизывающем ветру, подобно драгоценному камню. На одно мгновение мальчик припал к рукоятке Колеса, лоснящейся от пота его ладоней, и взмолился о конце этой бесконечной пытки, даже если этим концом будет смерть. Но минутная слабость прошла. Он тряхнул своей длинной черной гривой и смахнул слезу.

В каждом сердце существует свой порог, за который безнадежность и смирение не могут проникнуть: точка, где жизнь и смерть равны. В это мгновение новая отвага рождается в душе даже самого отчаявшегося раба. Чувство, которое родилось в сердце Конана, когда он смахнул слезу, было яростью — обжигающей и беспощадной яростью.

Звериное рычание обнажило его крепкие зубы. Молодой киммериец дал безмолвный обет своим равнодушным северным богам: никогда больше, поклялся он, ни боги, ни люди, ни дьяволы не выжмут из него ни единой слезы.

В глубине сердца он дал еще одну клятву: люди будут умирать, если им это удастся!

Собрав все свои силы, он налег на рукоятку Колеса Страдания. Колесо закрипело и вновь начало свое бесконечное вращение.

Поддерживаемый искрой ярости, вновь обретенной гордостью и готовностью выжить, Конан возмужал. Годы изнурительного труда укрепили его мускулы, придав телу силу и гибкость, которые приобретает мягкий металл после того, как его раскалят в печи и выкуют кузнечным молотом. Невзирая на то, что дни его были отравлены монотонностью изнурительного труда, а тело заковано в цепи, ум Конана был свободен — свободен,

чтобы, подобно филину, по ночам парить на крыльях надежды.

В тот год, когда был плохой урожай, ваниры часто спорили. Одни предлагали урезать питание рабам; другие возражали, что если умирающие от голода рабы не смогут работать на мельничном колесе, то весь город останется без хлеба. Эти споры часто происходили между жителями города, приносившими зерно для помола. Никому не приходило в голову избавить несчастных рабов от этих злых споров, так как считали их слишком тупыми и невежественными, чтобы они могли понять чужую речь.

Но Конан был способным к языкам и понимал, о чем говорили ваниры. Он, с небольшим, правда, акцентом, свободно говорил на их языке; немного знал аквилонский и немедийский, которым он научился от своих товарищей по несчастью. Он бы научился больше, если бы разговаривал со своими соседями-рабами. Конан, словно голодный волк, вынашивал мечту о мести, однако в остальных отношениях ум его спал. Будучи молчалив по природе, он не искал общества других и не предлагал своего.

— Это было моей ошибкой, — сказал мне король Конан в зрелом возрасте. — Они могли бы научить меня писать на их языках, если бы я попросил об этом. Я тогда не думал, что это знание может мне когда-нибудь пригодиться, ведь в Киммерии не было письменности. Знание нужно хватать там, где оно лежит. Ныне я знаю, что это бесценный бриллиант.

Во время голодной зимы Тродван охватила чума. Многие умерли. Барабанный бой и пение памана не могли остановить болезнь. Эпидемия свирепствовала на мельнице. Полуголодные и изнуренные рабы были для нее легкой добычей. Они заходились в кашле, а потом начинался кровавый понос и приходила смерть.

Наконец настал день, когда Конан один стоял у Колеса Страдания. Когда хозяин спустился на дорожку, чтобы убрать последний труп, он растерянно сказал:

— Я не знаю, что с тобой делать теперь, киммериец. Нам нужна мука, но один человек не может вращать жернова.

— Ха! — прорычал Конан. — Ты так думаешь? Поставь меня на внешнюю сторону колеса, и я докажу тебе, чего я стою!

— Что же, я дам тебе этот шанс. И да будут с тобой твои киммерийские боги.

Его перековали, поставив к другой рукояти. Конан вобрал в себя воздух, напряг каждый мускул и надавил. Колесо пошло.

Много дней, пока не прибыли новые рабы, молодой богатырь вращал колесо один. Ваниры из окрестных деревень, приносявшие свои скудные запасы зерна для помола, любовались этим зрелищем. Они одобрительно смотрели на невероятно широкие плечи Конана и мощные мускулы рук и ног. О нем разнеслась молва...

Однажды бесконечно нудной, тяжелой работе пришел конец. Работая на колесе, Конан вдруг заметил, что хозяин о чем-то серьезно разговаривает с властным незнакомцем. Пять слуг гостя, держа лохматых пони, чинно остались стоять на дальней стороне мельничного двора. Хозяин колеса был смуглым, посетитель же принадлежал к другой ветви человечества, представителем которой Конан видел впервые.

Незнакомец был коренастым и кривоногим, как будто он вырос в седле. Его красивая одежда была сшита из меха неизвестного в Киммерии животного, а странные доспехи состояли из лакированных перекрещивающихся кожаных пластинок. У него были узкие глаза, широкие скулы, а густые рыжие волосы и борода были подстрижены на изысканный манер. Булавка, украшенная топазом, мерцала на его бархатной шляпе, шею обвивала тяжелая золотая цепь.

Черные, словно обломки вулканического стекла, глаза рыжего незнакомца изучали киммерийского юношу. Его взгляд был холодным и оценивающим, словно взгляд торговца лошадьми. Конан безразлично продолжал толкать колесо. Наконец человек удовлетворенно кивнул, засунул за пояс руку и достал несколько плоских кусочков золота. Он протянул их хозяину Колеса и направил

лошадь к работающим на мельнице. Хозяин поспешил вниз по склону, чтобы остановить колесо. Конан покорно стоял, пока снимали его цепи и прилаживали тяжелый деревянный ошейник. Он ждал терпеливо, разминая заострившиеся мозолистые руки. Хозяин замкнул ошейник и протянул всаднику конец цепи.

Незнакомец облизал губы и гортанно на языке ваниров сказал:

— Я Тогрул. Теперь ты мой раб. Пошли.

Он резко потянул за цепь, как дергают собачий поводок. Конан чуть не упал. Восстановив равновесие, он посмотрел вверх: человек ухмылялся. В мрачных глазах киммерийца вспыхнуло негодование, а из груди вырвалось рычание. С ненавистью он вырвал цепь из рук Тогрула.

Одно мгновение Конан стоял свободным. Ноги его были расставлены, плечи расправлены, глаза горели. Это жгучее дыхание свободы пробудило беспорядочные воспоминания в его сердце варвара. Все замерли от изумления. Зазвучала острая сталь, когда хозяин Колеса и вооруженные люди Тогрула окружили непокорного раба.

Глаза Конана засверкали синим огнем, он обвел свирепым взглядом кольцо сверкающих клинков. Затем он посмотрел на Колесо Страдания, на рукоятку, отполированную его потными руками, на цепи, приковывавшие его запястья: что бы ни ждало его впереди, он был свободен от Колеса.

Огни ярости в глазах погасли. Он сделал глубокий вдох, затем безмолвно поднял цепь и протянул ее конец своему новому хозяину. Всадник усмехнулся.

— У этого животного есть дух! — пробормотал он. — Он будет редкостным зрелищем в Яме.

III. Яма

Косматые пони быстрой рысью уносили Тогрула и его телохранителей из города. К грубому деревянному ошейнику раба-киммерийца была прикована цепь, свободный конец которой его новый хозяин намотал на луку своего седла. Не-

сколько лет изнурительного труда сделали мышцы ног Конана крепкими, а грудь — могучей, и все же мускулы его болели, а когда хозяин переводил лошадь в легкий галоп, дыхание Конана звучало, как придушенное всхлипывание.

Камни впились острыми краями в голые ступни Конана. Однажды он споткнулся, и низкорослая лошадь танцila его, пока, сбита с ритма тяжестью волочащегося тела, не перешла на шаг. После этого юноша все же сумел подняться и заставить свои избитые, кровоточащие ноги продолжать бег.

Наконец всадники спешили для привала. Появился бурдюк кислого красного вина, пошли по рукам ломти хлеба и сыра. Конан, чавкая, ел и слушал грубые путки мужчин. Из разговоров он узнал, что его новый хозяин — владеец гладиаторов из Гиркании, страны, расположенной далеко к востоку, намного дальше бесплодной Гипербореи. Этот рыжебородый человек разъезжал со своими людьми по просторам Асгарда и Ванахейма, устраивая гладиаторские бои для развлечения местных царьков и их азартных друзей. Иногда, суля хорошее вознаграждение, он заманивал местных силачей вступить в единоборство с его бойцами — рабами, последним противником которых всегда была Смерть.

Когда сумерки окрасили северное небо в серый с голубоватым отливом цвет и зелень вдоль дороги превратилась в размытое пятно, всадники и молодой киммериец, вконец сбивший ноги, добрались до лагеря Тогрула. Здесь, за грубым высоким частоколом, располагалось несколько домов, хижин, загоны лошадей и бараки для рабов, отобранных как за их варварскую жестокость и мощное телосложение, так и за умение драться.

Тогрул остановился у одного барака и что-то крикнул слонявшимся около ограждения вооруженным охранникам. Хотя Конан всех слов не смог понять, он сообразил, что его хозяин ищет кого-то по имени Улдин. Улдин оказался приземистым длинноруким человеком с бритой головой. Он обменялся с Тогрулом несколькими словами, которых киммериец не понял,

отвязал цепь от луки седла и крепко зажал ее в огромных жилистых руках.

Коверкая язык ваниров, он пробурчал:

— Ну ты! Идем!

Когда юного варвара ввели в душное, зловонное помещение, нечто похожее на ужас охватило его. Он чувствовал присутствие других людей, но в темноте различал только тени. Улдин зажег огарок свечи. В тусклом мерцающем свете Конан разглядел таких же, как он, грязных, одетых в лохмотья рабов, сидевших на сыром земляном полу. Молчаливые, неподвижные, они наблюдали за ним. В их освещенных огнем глазах не было почти ничего человеческого.

Улдин расстегнул опейник Конана и снял его, пристально вглядываясь в лицо изнуренного дорогой юноши.

— Имя? — рявкнул он.

— Конан.

— Откуда ты?

— Я киммериец. Зачем я здесь?

— Чтобы научиться сражаться, — ответил Улдин. — Что ты знаешь об искусстве боя?

— Ничего, — пробормотал Конан. — Меня взяли в плен восемь лет назад, и с тех пор я крутил проклятое мельничное колесо. До этого я иногда дрался с другими мальчишками.

— Тогда начнем с рукопашной. Раздевайся.

Киммериец повиновался. Он осторожно снял свою грубую рубаху, чтобы протертая ткань не расползлась окончательно. Улдин внимательно осмотрел тело Конана, освещая его свечой.

— От этого мельничного колеса тебе достались неплохие плечи, — проворчал он. — Нападай на меня.

Слегка пригнувшись, Конан двинулся на гирканца и уже вытянул руку, чтобы схватить его. Что произошло потом, Конан так и не понял. Коротышка выскользнул из объятий Конана, будто столб дыма. Мгновение спустя что-то зацепило лодыжку киммерийца и он грохнулся наземь.

— Еще раз! — скомандовал Улдин, когда обескураженный юноша с трудом поднялся на ноги.

Конан осторожно наступал, думая про себя: «Схвачу его за шею и перебросю через бедро, как мы это обычно делали в детстве». Вместо того чтобы уклониться от рук Конана, Улдин позволил ему зажать в локте свою шею. Потом, гибкий как барс, гирканец подался назад, увлекая Конана за собой. Упав на спину, Улдин мгновенно согнул ноги, уперся ступнями в живот Конана и резко толкнул его вверх. Юноша перелетел через голову противника и тяжело плелнулся на землю. Улдин вскочил на ноги и с кривой усмешкой посмотрел на лежащего Конана.

Конан поднялся, рыча, как загнанный зверь.

— Покарай тебя Кром, — брызнул он слюной и снова ринулся на Улдина. Но и на этот раз был сбит с ног. Когда Конан встал, он увидел ухмыляющегося Улдина, очень похожего на плешивую обезьяну.

— Давай снова! Возненавидь меня! — режущим голосом сказал гирканец. — Ненависть научит тебя бороться. Но тебе придется многому научиться. Завтра ты получишь первый урок.

Все легко Конан учился драться за свою жизнь. Здесь либо сражались, либо умирали. Конан сражался и жил.

Конан не нашел себе друзей среди гладиаторов. Он полагался на свое мастерство, поэтому было бы жестоко сблизиться с человеком, которого, быть может, придется убить, чтобы самому не быть убитым им.

Когда Конана в первый раз привели на арену, он одним быстрым взглядом окинул это место победы и смерти. В цепях, вместе с другими рабами Тогрула, Конана привели в Скаун — город ваниров. Там их поместили в похожем на хлев сарае с высокой крышей, где в железных коробках едва теплились уголья, хоть немного спасающие от сырой прохлады.

Ареной для поединков служила яма шагов десяти в длину и пяти в ширину, а глубиной в человеческий рост. По краям были расставлены деревянные щиты и кожаные флажки, раскрашенные кнюквенно-красным, небесно-голубым и черным.

Взглянув поверх ограждения, Конан увидел ванирских вождей. Они сидели на грубых скамьях, потягивая из рога эль. Если кто-нибудь уставал держать рог на весу, он втыкал его в мягкую землю у своих ног. Арену

освещали факелы. Мерцающие огни плясали на рыжих шевелюрах и багровых лицах мужчин, ярко вспыхивая на браслетах и нагрудных украшениях из золота и серебра, отделанных необработанными драгоценными камнями. Дымный воздух смешивался с запахами плохо выдубленной кожи и старой шерсти и становился еще более терпким от едкого пота.

Опьяневшие князьки гоготали и улюлюкали, отпуская грубые шутки. Тем не менее они очень внимательно осматривали гладиаторов, перед тем как побиться об заклад. Как залог своих ставок они выставляли напоказ слитки золота, драгоценные камни и прекрасное оружие.

Шестеро могучих бойцов стояли у дальней стены арены. Их мощные торсы, широкие спины и мускулистые руки и ноги были смазаны жиром, чтобы легче было выворачиваться из рук противника. Конан не знал никого из этих людей, но, поскольку он иногда слышал, как слуги Тогрула шептались еще об одном человеке, который держал гладиаторов, некоем асирце из Асгарда по имени Ивар, киммериец решил, что эти незнакомцы — рабы Ивара.

Еще раз взглянув вверх на пьяных, орущих ваниров, Конан заметил Тогрула. Тот стоял в стороне и разговаривал с человеком, в рыжеватой бороде которого были заметны серые волоски. Конан не мог слышать их слов, но по жестам он понял, что разговор идет о тех шести гладиаторах. Вскоре Улдин и два других человека спустились вниз лестницу. Все, кроме будущего противника Конана, поднялись наверх, оставив его один на один с гигантским негром.

Конан изумленно таращил глаза: он никогда прежде не видел кожу черного цвета. Отец когда-то рассказывал ему, что такие люди живут в стране Куш, лежащей в двухстах, а может и больше, днях пути на юг. Круглая голова негра была гладко выбрита. Он медленно разжевал пригоршню каких-то листьев, содержащих, по видимому, сильнодействующий наркотик. Взгляд негра утратил все человеческое, сделавшись взглядом хищного зверя.

Прикидываясь слабым и растерянным, молодой варвар изучал противника. Грозный негр был великолепен

ным образцом самца. Его намащенное тело, мерцающее в свете огней, было похоже на статую, вырезанную из обсидиана. Огромная сила таилась в этих массивных плечах и руках; мышцы торса и ног то напрягались, то расслаблялись, словно перевившиеся питоны.

Когда наркотик полностью завладел мозгом негра, подобно разъяренному тигру он бросился к Конану. В одно мгновение его громадные лапы схватили горло Конана и крепко сжали, сминая плоть и заставляя смолкнуть сдавленное рычание, рвущееся из груди киммерийца. Руки Конана сомкнулись на запястьях чернокожего, и они закружились в танце смерти, раскачиваясь из стороны в сторону и держа друг друга в объятиях, словно свирепые любовники. Зрители возбужденно завопили.

Конан боролся насмерть, до предела напрягая мышцы шеи. Легкие пылали, красная пелена застила глаза. Негр придвинулся ближе, растянув толстые губы в страшной гримасе, обнажившей желтые зубы, похожие на клыки. Его горячее дыхание, тошнотворно-сладкое от запаха зелья, обжигало лицо Конана.

Свирепое лицо негра все приближалось; противники раскачивались щека к щеке, и кушит старался подобраться своими клыками к вздувшейся вене противника.

Неожиданно Конан отпустил запястья негра, уперся ладонями в его грудь и резко толкнул его, как толкал рукоять Колеса Страдания. Его мощные мускулы отчетливо проступили под гладкой кожей могучих рук. Годы тяжелого труда на Колесе закалили их, словно железо под молотом кузнеца.

На лице негра промелькнуло удивление, когда, не смотря на страшную мощь крепких рук, его пальцы сорвались с горла противника. В то же мгновение Конан вновь схватил кушита за запястья и, согнувшись пополам, перекинул его через спину. Здоровенный негр перелетел через Конана и с глухим ударом врезался в хорошо утрамбованную землю.

Кушит вскочил на ноги почти мгновенно, но за время этой короткой спасительной передышки Конан уже успел наполнить свои истощенные легкие драгоценным воздухом. Теперь оба они осторожно двигались

по кругу. Колени их были чуть согнуты, ноги расставлены, а напряженные руки готовы к схватке. Кровь сочилась по груди киммерийца из ранок на шее, нанесенных отточенными ногтями негра. Пот стекал по лбу и, попав в глаза, причинял острую боль. Конан встряхнул головой, стараясь смахнуть капельки пота.

Кровавое вождество вспыхнуло в глазах негра. Обнажив в ухмылке зубы, он, как ягуар, бросился на Конана. Но молодой киммериец был наготове. Он легко уклонился в сторону и, когда противник пролетел мимо, ударил его в затылок тяжелым кулаком. Полуголушенный негр повалился на колени. Толпа хрипло заревела. Одни вопили в восхищении, другие от злости — они проиграли пари. Некоторые поощрительно кричали; они никогда еще не видели подобного боя между непобедимым юношей и непобедимым чемпионом.

Конан не замечал толпу. Для него во всем мире существовала теперь только арена боя и враг. Страстное желание убить вскипело в нем, и снова и снова наносил он тяжелые удары негру, которого уже почти покинуло сознание. Нос кушита превратился в кровавое месиво, а глаза заплыли.

Потом кушит отскочил назад и, согнувшись почти пополам, с новой силой бросился на противника. Его голова, словно пушечное ядро, ударила Конана в живот. Юноша был отброшен назад, к доскам, которыми были обшиты стены арены. Болельщики негра зашлись в криках: «Джанга! Джанга!»

Когда Джанга приблизился к киммерийцу, Конан схватил его черную лапу и, преодолевая боль в животе, рванул ее, выкручивая изо всех сил. Негр пронзительно кричал.

Кость с хрустом выскочила из сустава. Противник тяжело опустился на колени, а вывихнутая рука беспомощно повисла.

Конан схватил негра под мышки и с силой ударил головой в стену арены. Зрители застыли в напряженном молчании, и в этой полной тишине раздался звук, похожий на треск сучьев: Конан сломал шею гиганта. Шатаясь от изнеможения, Конан отпустил бьющееся в конвульсиях тело, и оно повалилось на землю. Пока-

чиваясь, он подошел к стене, привалился к ней и жадно вдохнул.

Толпа взбесилась. Ваниры срывали с себя золотые браслеты, швыряя их на арену, к ногам Конана. Но измученный киммериец не замечал роскошных подарков. Остаться в живых — вполне достаточная награда для гладиатора.

Тогрул спустился на арену и похлопал Конана по нотоющим плечам. Гирканец широко усмехался и, собирая золото, бормотал несвязные похвалы.

— Пойдем, парень! — наконец сказал он. Руки его были полны «безделушек». — Я знал, что ты будешь победителем! Мы уроем этих скотов, и ты будешь получать столько эля, сколько сможешь выпить.

Нетвердым шагом Конан поднялся по лестнице за своим хозяином и вошел в умывальную комнату. Здесь его поджидал Улдин с тазом теплой воды, полотенцем и кувшином холодного эля.

Так молодой киммериец стал гладиатором, человекоубийцей, постоянно рискующим собственной жизнью, чтобы поить кровью вождя племен северян. Когда Тогрул увидел, что сборы в Ванахейме уменьшаются, он отправил своих людей на восток, в Асгард, страну золотоволосых асиров. Несмотря на то что эти соседние народы ненавидели друг друга и не упускали случая совершить набег, разграбить и безжалостно перерезать своих врагов, бои гладиаторов были их общей любовью. Для обоих этих народов было вполне обычным делом, что давние враги становились друзьями на гладиаторских поединках, говорили друг с другом, заключали друг друга в медвежьи объятия, провозглашали тосты и давали присяги на верность.

Конан открыл для себя, что жизнь гладиатора была не самой худшей. Он получал определенное удовлетворение, когда встречался лицом к лицу с противником и убивал его, так как это хоть на какое-то скоротечное мгновение создавало иллюзию свободы. Выматывающая попытка Колесом Страдания пригуглила в нем чело-

веческие чувства; бои на арене возродили в нем мужество и самолюбие.

Кроме того, Тогрул неплохо обращался со своими любимыми рабами. Подобно владельцу ценных лошадей и собак, хозяин Конана следил, чтобы они имели вдоволь еды и питья: жирное жаркое, толстый кусок пшеничного хлеба и кружку пенящегося черного эля. Но Тогрул тщательно заботился и о том, чтобы его рабы не сбежали. Вооруженные стражники постоянно следили за ними и всякий раз заковывали, если хозяин считал, что у них есть шанс оказаться на свободе.

Более опьяняющим, чем даже крепкий эль, изрядная порция еды или похвала хозяина, было неистовство зрителей и лесть толпы.

Конан осознал, что жизнь приобретает особенный вкус, если чувствовать, что каждый день может оказаться последним. После каждого боя он спал, как усталый зверь. И все же время от времени его мучили кошмары. Он видел себя лежащим, окровавленные кишки его валялись на склизкой земле, а насмехающаяся толпа плевала в него. Тогда он посреди ночи вскакивал в холодном поту и с радостью ощущал себя живым и полным сил, с облегчением понимая, что это был только сон.

Нет, это была не самая плохая жизнь, но душу Конана она ожесточила. Постоянно видя смерть, он стал равнодушен к ней, да и толпа, приветствующая его страстными и яростными криками, мало беспокоилась о том, останется он жить или умрет.

Когда белое покрывало зимы окутало Асгард, поединки гладиаторов прекратились. Большинство рабов было занято строительством хижин, чтобы заменить ими палатки; но Улдин продолжал учить Конана пользоваться и другим оружием, кроме кулаков, зубов и ножей; он научил юношу драться простой палкой твердого дерева шести локтей в длину и толщиной с собачью лапу. Конан видел такие палки у мужчин в его родной киммерийской деревне. Одновременно Конан учился владеть копьем. Правда, держал он его обеими руками, как дубину, но с завидным умением орудовал железным острием. Во время таких опасных

занятий он и Улдин надевали защитные одежды, а в руках держали затупленное оружие.

После копья киммериец перешел к дротику, топору и затем к мечу. Когда Улдин впервые вложил меч в руки Конана, тот задумчиво повертел клинок. Это была простая металлическая полоса без острия, к которой была прикреплена гарда и обыкновенный деревянный эфес.

— Разве это меч, — пророкотал Конан. — Не такой, как те, что делал мой отец.

— Твой отец был кузнецом, так?

— Да. Он знал секрет стали. Он считал, что сталь — это дар богов. «Клинок из хорошей стали, — говорил он, — вот единственная вещь в мире, на которую может полагаться человек».

Улдин хохотнул.

— Истинная цена человека не в том, какую сталь он держит, а в нем самом.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Конан.

— Человек должен быть закален, а не сталь. Я знаю это, потому что закаливаю мужчин. Пойдем! Встань в первую оборонительную позицию! Подними щит!

К весне, когда Тогрул снялся с места и двинулся в другую часть страны, молодой киммериец умел обращаться с основными видами оружия. Он настолько овладел этим искусством, что теперь уже не валился с ног каждую ночь на свое убогое ложе, весь покрытый ноющими синяками и кровоподтеками от ударов и толчков Улдина, как раньше.

Чтобы удовлетворить жажду к жестоким зрелищам, северяне изобрели массу жестоких способов лишать человека жизни. Иногда Конану приходилось драться, будучи связанным с противником цепью. Разделенные только на ее длину, смертники были вооружены короткими кинжалами.

Для разнообразия Тогрул и другие владельцы одевали своих гладиаторов как животных, наряжая их в шкуры или меха, в подражание зверям водружая на

плечах рога и прикрепляя железные когти к рукам и ногам.

Но не всегда противниками Конана были мужчины. Однажды Улдин сказал ему:

— Сегодня твой враг — гладиатор из Гипербореи.

— Что это за народ? — спросил Конан. Он как-то слышал, что Гиперборея — страна, лежащая к востоку от Асгарда. — Я видел одного из них, когда был рабом Колеса, но мы не разговаривали.

— Они высокие, поджарые, в большинстве своем светловолосые, — ответил Улдин. — Опасные враги, имеют дурную славу колдунов и ведьм.

На этот раз Конана и его противника выпустили на арену в набедренных повязках и сандалиях, с короткими мечами и небольшими круглыми щитами.

Конан был изумлен, когда увидел перед собой женщину. Она была стройной, длинноногой, почти с Конана ростом, который теперь, будучи взрослым, на голову превосходил даже высоких ваниров и асиров. Волосы женщины цвета лунного света были сплетены в толстую косу, груди обнажены. Хотя ее гибкое тело распространяло вокруг сладкий аромат, зеленые глаза были смертельно холодны. По тому, как она держала свое оружие, Конан понял, что она очень опытна в искусстве боя.

Прозвучал свисток, бой начался. Противники стали осторожно кружить, а затем ринулись друг на друга. Сталь звенела о сталь, слышался глухой звук ударов железа о дерево и кожу щитов, перекрывавший крики зрителей. Несмотря на силу жилистых рук женщины-воина, мускулатура Конана, развитая на Колесе и закаленная в боях, бесспорно выигрывала. Несмотря на все ее умение, скорость и коварство, Конан спокойно и уверенно отражал ее сталь.

Неожиданно сильный удар Конана выбил меч из рук женщины. Со скамеек наверху раздался вопль: «Дреп! Убей!» На мгновение женщина оставалась раскрытой. Она стояла неподвижно, как бы примирившись со смертью.

Конан колебался. Среди непреложных обычаев киммерийцев, усвоенных Конаном в детстве, был долг мужчин защищать женщин и детей своего племени. И

хотя киммерийцы с готовностью нападали из засады и убивали мужчин враждебных племен, сознательно убить женщину, не причинившую зла, считалось неслыханной жестокостью.

Сомнение Конана длилось не более двух ударов сердца. За это время гиперборейская женщина отпрыгнула назад, схватила упавший меч и бросилась на Конана с удвоенной яростью. Ей удалось нанести ему глубокую рану на лбу, и кровь потекла в глаза Конана, застилая ему взор.

Наконец усталость ослабила атаки женщины. Орудия поочередно мечом и щитом, Конан отеснил ее назад, к стене арены. Мощным ударом плашмя он расколол ее щит и сделал резкий выпад. Кровь хлынула, окрапывая белое тело, женщина вскрикнула и неловко повалилась на грязный пол, прижимая руки к кровоточащей ране, будто желая остановить поток крови.

Конан отступил назад и посмотрел вверх. Тогрул поймал его взгляд и сделал резкое движение вниз рукой с одним выпрямленным пальцем. Когда Конан заколебался, его хозяин повторил недвусмысленный знак с большей энергией.

Молодой варвар склонился над упавшей, которая, казалось, потеряла сознание. Его меч поднялся вверх и резко опустился в рубящем ударе, с шумом рассекая воздух. Все еще не разгибаясь, он вонзил острие своего меча в землю, схватил светлую косу и поднял отрубленную голову на обозрение знати. Толпа пришла в исступление.

В тот момент, — говорил мне король, — я ненавидел себя. Я никогда не говорил об этом случае прежде, потому что этот поступок — один из немногих, которых я стыжусь. Правда, женщина была смертельно ранена, и то, что я сделал, было, возможно, более милосердно, чем оставить ее медленно умирать, но все-таки это было подло и гнусно для киммерийца. Потом я вспомнил, что это Тогрул заставлял меня сделать это. Вся моя ненависть обратилась на него. Я поклялся, что однажды отомщу ему за мой позор.

Рубец от раны над бровью, оставленный мечом гиперборейки, был только одним из многих, которыми покрылось лицо и тело Конана в течение того лета. Юноша сделался отменно энергичным и напористым бойцом. Его сила стала совершенной, а смелость — безграничной, но ему не доставало умения, и Тогрула очень беспокоило, что Конан незнаком с тонкостями воинского искусства. Он опасался, что его юный чемпион выйдет против бойца, равного по силе, но превосходящего в умении; в таком бою Конан может быть покалечен или убит, и в любом случае ему больше не будет никакой цены как гладиатору.

Поэтому, когда леса надели красные и золотые уборы осени, Тогрул со своим лагерем отправился далеко на восток, через холодные равнины Гипербореи, в город Валамо — самый отдаленный уголок страны. Там жил человек, которому не было равных в мастерстве владения оружием, и у него Тогрул намеревался обучить киммерийца. Там же Тогрул надеялся купить будущих гладиаторов, поскольку смерть унесла почти половину его бойцов.

Хорошо охраняемый караван был в пути два месяца. На каждой стоянке сначала асиры, а затем гиперборейцы приходили глазеть на тогруловского раба-чемпиона, ставшего знаменитым своими подвигами и невероятной силой. В таких случаях Тогрул — мастер устраивать зрелища — раздевал юношу и демонстрировал его обнаженным на вращающейся платформе, к которой раб прикреплялся четырьмя железными цепями. Северяне и их жены охотно отдавали медные деньги за возможность поглазеть на величественное телосложение Конана.

На их восхищенные похвалы и любопытные взгляды Конан отвечал ледяным равнодушием. Он догадывался, что всех бы позабавило пробуждение его плоти, вызванное косыми взглядами и обольстительными улыбками женщин, но он был полон решимости не доставить им этого маленького удовольствия. Он ненавидел их всех.

В Валамо, в самом глухом краю Гиркании, гирканец Онтор раскрывал киммерийцу секреты своего мастерства. Всю зиму юноша гренировался и упражнялся пол

руководством Онтора. К весне, когда солнце растопило тяжелые снега зимы, Тогрул был убежден, что не осталось ничего, чему можно было бы еще научить его раба-победителя.

За это время Конан многое узнал о восточных землях, о которых он раньше знал только понаслышке. Как любимому гладиатору Тогрула, Конану часто позволялось проводить вечера в юрте хозяина, когда тот принимал военных вождей и князей, навещавшихся время от времени в Валамо что-нибудь купить, продать или просто поболтать. Иногда Тогрулу выпадала честь принимать туранцев — представителей народа, относящегося к гирканской ветви. Этот народ воздвиг на западных берегах моря Вилайет великолепные города и вел теперь своих северных собратьев вперед по пути искусства и цивилизации.

Большую часть времени Конан сидел молча, скрестив ноги, на застеленном коврами полу юрты своего хозяина. Но когда представлялась возможность, он засыпал гостей вопросами о том, как они ведут бой. Его вопросы изумляли военных вождей, которые считали, что принципы стратегии и тактики мало нужны обыкновенному гладиатору, чьим уделом было снова и снова сражаться с единственным противником, пока смерть не подкараулит его.

Но Конан понимал, что чем больше у него будет подобных знаний, тем больше у него останется шансов выжить. Он начал задумываться о будущем. Он был уверен, что не будет гладиатором вечно. Поскольку мир был местом постоянных раздоров, где сильные берут все, что позволяет им их сила, он научится поступать так же.

Однажды гирканский военачальник, свернув большую кожаную карту, которую он перед тем расстелил на ковре, захотел расспросить людей, допоздна засидевшихся в юрте Тогрула за кубками изысканного белого вина.

— Что лучшее в жизни? — спросил он туранского князя, блиставшего шелковыми штанами и туфлями алой кожи, отделанными серебром.

Туранец сделал широкий жест, и в свете лампы сверкнули драгоценные камни перстней.

— Хорошо жить в открытой степи, под ясным небом. Хорошо, когда под тобой быстрый конь, обученный сокол сидит на запястье, а холодный свежий ветер развеивает волосы!

Генерал покачал головой и улыбнулся:

— Ошибаетесь!.. А вы что скажете? — обратился он с тем же вопросом к небольшому пожилому молчаливому человеку. Конан догадался, что этот человек прибыл из страны Кхитай, что лежит отсюда за год пути на восток.

Маленький человечек с плоским, косоглазым лицом поморщил лоб, покрытый пергаментом желтой кожи. Он поежился в подбитых ватой одеяниях, в которые кутался, защищая свое чуждое тело от вечернего холода, и медленно протянул:

— Я скажу, что жизнь лучше всего, когда человек может похвалиться любовью к учению, когда он приобрел мудрость и научился понимать прекрасную поэзию.

И снова важный гирканец покачал головой. Потом он внимательно посмотрел на Конана, который сидел, скрестив ноги, на небольшом круглом возвышении в центре юрты, одетый в теплую туннику, но скованный цепями, как и прежде. Ради забавы гирканский воин спросил:

— Что ответит этот молодой варвар, этот гигант, на мой вопрос?

Легкая улыбка пробежала по лицу Конана, и он сказал:

— Лучше всего на свете встретиться со своим врагом лицом к лицу, увидеть его кровь, разбрызганную по земле, и услышать плач и стоны его женщины!

Одобрение зажглось в темных глазах гирканца.

— Твоя школа не разрушила дух этого парня, Тогрул, и не подорвала его волю. Остерегайся, чтобы этот молодой тигр однажды не разорвал тебя.

— Не сможет, — фыркая от смеха, отозвался Тогрул. — Он ведь закован.

Конан не сказал больше ничего, но странный мрачный огонь на мгновение вспыхнул в его голубых глазах.

С наступлением весны Тогрул собрал своих людей и лошадей для нового переселения. На этот раз путь

его лежал на запад. Караван снова пересек Гиперборею и направился к землям асиров и ваниров. Тогрул нашел себе новых гладиаторов и теперь с нетерпением ждал прибыльного сезона в северных землях.

По пути караван остановился в деревне Колари, сделав небольшую стоянку на перекрестке дорог. Здесь, в одиноко стоящей таверне, отдыхали путники, прибывшие из дальних краев и окрестных селений, перед тем как продолжить свой путь через степи и тундру. Колари стояла на холмистой местности, в лощине между холмами. Тогрул нашел место для представления в пещере на склоне горы на время этого немногочисленного привала. Пещера когда-то была жилищем святого отшельника, который, чтобы остановить незваных посетителей, приделал ворота и железный засов. Тогрул украсил его настенными драпировками и подушками из своей собственной юрты. Он запер киммерийца внутри и часами каждый день стоял у входа, собирая барыши с желающих поглазеть на знаменитого гладиатора.

Однажды вечером, на закате солнца, когда любопытствующие отправились ужинать, Конан, чье массивное тело резко контрастировало с изысканной обстановкой, прислонился спиной к стене пещеры, пытаясь при свете свечей разобрать текст свитка. Он немного научился читать по-гиркански и сейчас, сдвинув брови, медленно шевелил губами. Конан ломал голову над каждым словом, написанным похожими на пауков туранскими буквами. На свитке оказалось любовное стихотворение, совершенно опеломившее юношу, когда он понял смысл большинства слов, потому что никогда прежде он не встречал ничего подобного.

Вскоре громкий голос Тогрула привлек его внимание. Тот торговался со стройной молодой женщиной, закутанной в плащ из великолепных соболей. Ее платье, драгоценности, уверенные манеры говорили о том, что она обладает высоким положением, может быть, близким к королевскому. Уловив обрывок беседы, Конан понял, что женщина хочет купить его услуги на эту ночь. У него перехватило дыхание от изумления, потому что подобное было неслыханным делом среди киммерийцев. Потом его удивление сме-

нилось гневом против хозяина, когда он понял, что тот увеличивает свое богатство, используя таким образом тело раба.

Тогрул взял деньги, отпер ворота, приоткрыл их ровно настолько, чтобы девушка могла проскользнуть внутрь, и затем поспешно запер. Девушка, сняв свой меховой плащ, решительно приблизилась к нему, а взгляд Конана блуждал вверх и вниз по ее изящному телу, проглядывавшему из-под прозрачных одежд. Он почувствовал, как бешено заколотилось его сердце, и поднялся навстречу. Вдруг у ворот он заметил Тогрула, усмехающиеся глаза которого сияли в свете свечей.

— Что тебе надо? — прорычал Конан.

— Хочу посмотреть на представление, киммериец, — со смехом сказал тот.

— Убирайся ко всем чертям! — заорал Конан. — Никакого представления не будет, пока ты не уберешь свою пучеглазую морду.

Девушка произнесла беспечным, высоким голосом:

— В самом деле! Я тебе хорошо заплатила. Шагай отсюда!

Когда разочарованный Тогрул пожал плечами и ушел, Конан сказал:

— А теперь, госпожа, вам придется научить меня кое-чему. Я умею убивать людей, но в таких сражениях мне еще не приходилось участвовать.

Полная луна уже спускалась по своему пути через небосклон, когда тихий звук нарушил сон Конана. Он приподнялся на одном локте, вслушиваясь в темноте. Слабый свет исходил от садящейся луны и серебряными стрелами проникал сквозь прутья решетки. Когда ленивое облако закрыло луну, все вокруг, казалось, окунулось в фиолетовую краску. Давящая тишина опустилась на землю, как будто Природа остановила свое дыхание и ждала. Рядом с Конаном пошевелилась спящая девушка.

Киммериец не понял, что разбудило его, но природный инстинкт его предупреждал о нависшей опасности. Он тихо нащупал одежду и оделся.

Где-то залаяла собака, потом другая. Вскоре все псы в округе зашлись в истошном лае. Негромко заржала лошадь, и затем Конан услышал ржание многих лошадей. Пронзительно кричали ослы, коровы мычали на пастбищах. Казалось, все животное царство кричало, предупреждая о надвигающейся беде.

Неожиданно земля содрогнулась. Приглушенный подземный звук перерос в угрожающий гул. Раскрылись трещины. Лавина камней ринулась вниз по склону горы, грохоча у отверстия пещеры.

Девушка проснулась, завизжала и бросилась к любовнику; но Конан, полностью одетый, припал к полу пещеры, его вытянутые руки были распростерты на камне. Земля раскачивалась и сотрясалась под ним. Он вспомнил легенды о гигантах под землей, которые рассказывал ему отец, и подумал, не кто-нибудь ли из них, разбушевавшись, вызвал эту катастрофу.

Грохот нарастал, и Конан крикнул дрожащей девушке, чтобы она не отходила. Из Колари доносились непрерывные вопли и пронзительные крики. Охваченные ужасом люди выскакивали из рушащихся домов. Позади Конана с оглушительным шумом осела часть свода пещеры, наполнив воздух гранитной пылью.

Конан, изрыгая проклятия, выламывал прутья решетки, когда земля под его ногами разошлась. Линия, похожая на черную молнию, зигзагами прошла по скале, в которую была вделана решетка ворот. Конан отчаянными рывками пытался расшатать их. Наконец нижняя петля поддалась. Резкий удар, и ворота повисли на одной петле.

— Беги! — заорал Конан, как только ему удалось приоткрыть выход.

Девушка протиснулась сквозь узкую щель и с криками скрылась в ночи, прижимая меха и прозрачные одеяния к обнаженной груди.

Следующим мощным рывком Конан выломал ворота и с силой швырнул их под гору. Земля дрожала и раскалывалась под ногами, и он покачиваясь шел к деревне, глядя на страшное опустошение.

Он видел разрушенные дома Колари, видел, как оставшиеся без крова жители беспомощно бегали вокруг, словно муравьи возле разрушенного муравейника.

— Конан! — донесся голос Тогрула. — Конан! Помоги мне!

Внизу, у подножия небольшой скалы, Конан увидел голову своего повелителя, торчащую из широкой расщелины. Земля разверзлась под гирканцем и поглотила его по самые плечи. Стиснутый скалами, Тогрул не мог выбраться без посторонней помощи.

— Вытащи меня! — взмолился он.

— С какой стати?

— Я заплачу золотом! Я дам тебе свободу! Только спаси меня!

— Свободу?! — Конан откинул голову и засмеялся — он не смеялся так вот уже десять лет, с тех пор как ваниры взяли его в плен. — У меня уже есть свобода. Оставайся здесь, скотина! Если земля проглотит тебя, тем лучше для тебя!

Конан повернулся и пошел прочь. Он шел к освещенной лунным светом группе деревьев на холмике вдаль. У него не было ни еды, ни оружия, и он не знал, куда идет; но он знал наверняка, что на юге теплее. Позади неистовый крик Тогрула сменился леденящим пронзительным воплем, когда с последним толчком трещина сдавила его еще сильнее.

Конан не видел никого, ни живых, ни мертвых. Спустя какое-то время он заметил на своем пути гирканского воина, который растянулся под упавшим деревом, переломившим ему позвоночник. Конан опустился на колени и снял с погибшего все, что могло ему пригодиться: обувь, камень и огниво, нож, меховую куртку и мешочек с монетами. Он взял также, хотя и не без сомнения, лук и колчан со стрелами, потому что они редко использовались киммерийцами, да и Конан никогда не учился стрелять из лука.

— В багровых глубинах Преисподней тебе не понадобятся эти вещи, гирканец, — с веселой усмешкой произнес он, — а мне они могут пригодиться, прежде чем я присоединюсь к тебе.

С этими словами он надел снаряжение убитого и тронулся в путь.

Когда первый робкий луч рассвета сверкнул на востоке, Конан ускорил шаг. Он шел на юг.

IV. Ведьма

Кюгу простиралась равнина, придавленная свинцовым небом. То тут, то там ветры сдули снег, обнажив черную землю.

Ноги уже плохо слушались Конана; он остановился, посмотрел на пройденный путь и прислушался. Издавка раздавалась жуткая волчья песня. Волки все еще преследовали его. Он нахмурился, стиснул зубы и плотнее укутался в куртку из медвежьих шкур. Если бы только ему удалось найти хоть что-нибудь на этой открытой, совершенно ровной земле, чтобы можно было прислониться спиной, он мог бы достойно встретить стаю с ножом в руке.

Киммериец упрямо шел вперед, но он едва различал окружающее в неясной, неподвижной дымке с каким-то странным металлическим оттенком. Однако Конан продвигался все дальше. Острые глаза варвара искали убежище, которое защитило бы его от голодных зверей. Наконец он нашел то, что искал. Это был всего лишь небольшой выступ, морщина на челе земли, но сверху на нем были навалены валуны. На гребне Конан надеялся отразить нападение. Здесь звери могли бросаться на него лишь по одному или, в худшем случае, по двое.

Он начал взбираться на груды камней, и его сандалии скользили по льду. Холодный ветер рвал одежду Конана, словно желая сбросить его, но он продолжал карабкаться. Наконец он остановился, чтобы перевести дыхание. Обернувшись, Конан увидел силуэты десятка тощих, черных волков. Глаза хищников горели в темноте, словно раскаленные угли. Серый свет уже померк в облачном небе.

Чувствуя, что добыча уходит, стая зарычала. За мгновение до того, как большинство волков достигло подножия каменистого выступа, Конан нашел плоскую плиту, выступавшую с одной стороны холма. Абсолютно правильной формы, она как будто была высечена ремесленником забытой цивилизации и оставлена здесь в память об этих людях, но Конан не обратил на это внимания. Плита являлась для него всего лишь защитой со спины.

Воя и рыча, волки заполнили проход между валунами. Прокладывая себе путь по крутому склону, они боролись за каждую точку опоры. Один волк высоко подпрыгнул, стараясь достать клыками ногу киммерийца, но нож Конана рассек морду зверя. С визгом волк свалился вниз, дав своей жертве недолгую передышку.

Пытаясь найти более надежное укрытие от хищников, Конан начал осторожно двигаться вдоль плиты и нащупал узкий проход в скалах. Он сразу понял, что проход достаточно широк, чтобы попытаться проскользнуть в черное отверстие. Конан знал, что, оказавшись в этой спасительной, пусть даже узкой расщелине, он получит неоспоримое преимущество перед своими преследователями.

Гибкий, как пантера, Конан протиснулся в промежуток между камнями, но куртка, зацепившись за острый край скалы, упала вниз. Конан видел через щель, как волки набросились на медвежью шкуру и разодрали ее в клочья.

По какой-то непонятной причине волки даже не пытались проникнуть в расщелину. Они вышли и набрасывались на плиту, но боялись лезть в таинственный ход среди камней.

Обернувшись, Конан увидел, что находится в гораздо большем помещении, чем ожидал. Это была квадратная пещера с выложенным камнями полом. Правильность формы пола и каменных стен насторожила молодого варвара. Здесь явно чувствовалась рука разумного существа — человека или кого-то другого. Он ощупью пошел вдоль гладкой стены, наткнулся на ровно вытесанные ступеньки, уходящие в еще более густую тьму, и спустился по лестнице.

Там, внизу, пол был завален осколками камней, истлевшей тканью вперемешку с чем-то твердым. Конан набрал пригоршню мусора и, желая поджечь его, полез в свой мешочек за кремнем и огнивом, которые он взял у мертвого гирканца. Вскоре загорелся небольшой костер. Мусор занимался быстро.

В этом слабом оранжевом свете Конан увидел, что стены пещеры были украшены отполированными каменными изваяниями каких-то странных форм. Пол был завален черепами и костями — останками по-

крайней мере нескольких десятков человек. Кости были чистые и сухие, мясо на них уже давно превратилось в пыль.

Пройдя дальше во тьму, Конан увидел огромный трон, высеченный из цельного камня, похожего на мрамор или алебастр. На этом почетном месте восседал скелет воина огромного роста. Он был облачен в медные доспехи странной формы, которые за много лет совсем позеленели. Конан подумал, что человек, чьи останки он видел, был в два раза выше его. Возможно, он был представителем какой-то давно забытой расы.

Освещая себе путь грубым факелом, сделанным из кости, завернутой в лохмотья, Конан приблизился к вооруженной фигуре. Казалось, что череп, проступавший в тени массивного шлема, застыл в беззвучном крике. На расставленных коленях скелета лежал огромный меч. Кожаные ножны до того истлели, что сквозь них просвечивал металл. На рукояти из окислившейся бронзы были расположены искусно отлитые таинственные фигурки.

Конан поднял меч. От его прикосновения ножны обратились в пыль и тонкие кусочки бронзы с приглушенным звоном упали на пол. Теперь клинок был виден целиком. Это был кусок ровного железа в пятнах ржавчины, но ржавчина не настолько въелась в него, чтобы ослабить его крепость. Конан попробовал кромку. Она была острой.

Болезненные воспоминания заволокли глаза Конана. Изучая прекрасный клинок и искусную работу рукояти, он снова явственно видел, как создавался великий меч, шедевр его отца. Страхнув воспоминания, Конан взвесил в руке старинное оружие. Меч был тяжел, но словно сделан именно по его руке. Он поднял его над головой и почувствовал, как мускулы наливаются силой и сердце начинает биться быстрее от гордости обладания могучим оружием. Воин, имеющий такой меч, может удостоиться самой высокой участи. С ним даже раб-варвар, гладиатор, обреченный на смерть, может прорубить себе путь к почетному месту среди правителей земли.

Вдохновленный мечтами, рожденными в душе варвара видом изумительного оружия, Конан, шутя, с

дикой силой рассек воздух. Когда острый меч разрубил спертый воздух мертвой пещеры, варвар испустил леденящий душу боевой клич киммерийцев. Громкий и ясный, крик облетел камеру, тревожа древние тени и многолетнюю пыль. В экстазе молодой варвар не думал о том, что этот вызов, брошенный в таком месте, может оживить мысли и чувства, спавшие там веками среди костей тех, кому они принадлежали.

Неожиданно Конан услышал ответный боевой клич. Казалось, что он был принесен ветром издалека. Но ветра не было. Конан остановился со все еще поднятым мечом. Может, это воют волки? Снова раздался иступленный крик. Теперь он был так близко, что чуть не оглушил Конана. Он обернулся, и его волосы встали дыбом, а кровь заледенела в жилах. Мертвец ожил.

Скелет медленно поднялся с мраморного трона. Его глубокие глазницы горели теперь дьявольским огнем и свирепо смотрели на киммерийского юношу. Кости стучали одна о другую, словно быющиеся в ураган ветки. Жутко оскаленный череп приближался. Конан, пронзенный ужасом, застыл с поднятой рукой.

Внезапно костлявая рука попыталась выхватить меч из рук Конана. Онемев от страха, Конан попятился назад. И теперь только его неровное дыхание и стук костей о каменный пол нарушали тишину камеры.

Мертвец загнал Конана в угол. Да, Конан был гладиатором, готовым вступить в битву со зверем и человеком, презирающим боль и смертного врага, но он все же был варваром и, как всякий варвар, боялся всех вышедших из могилы ужасных существ, населяющих темный мир и глубины Преисподней. Небольшой факел почти догорел. Конан стоял, парализованный страхом. В этот момент завыл волк.

Знакомый звук побудил Конана к действию. Его страх растаял, словно снег весной. Резким ударом меча он отсек протянутую к нему костлявую руку и обернулся, тщетно ища в неверном свете ступеньки, по которым он спустился. В это время скелет в шлеме начал продвигаться вперед. Конан защищался ловкими, сильными ударами. Наконец он нащупал узкие ступеньки и, поднявшись на одну из них, вонзил свое

оружие сквозь ржавые доспехи и пустую грудную клетку туда, где должно было бы биться сердце.

Раздался тихий вздох, словно зашелестела под осенним ветром осока, и скелет остановился на первой ступеньке. Гигантская фигура пошатнулась, сделала два неверных шага по направлению к трону и рухнула кучей костей и пыли. Шлем зазвенел о каменный пол, словно надтреснутый колокол. Факел Конана вспыхнул и погас.

Несколько минут Конан всматривался в темноту. Он не мог поверить, что его сверхъестественный противник был действительно мертв и что огромный меч принадлежал теперь ему. Затем он повернулся и, держа наготове свое оружие, поднялся по ступенькам.

Наконец Конан выбрался на лунный свет и обнаружил, что волки все еще ждут. С воем они бросились к нему, их слюнявые языки свисали из клыкастых пастей. С легкой улыбкой Конан занял позицию на выступе и поднял длинный клинок над головой. Когда первый зверь бросился на него, он повернулся и ударил его мечом. Застигнутый сталью в прыжке, волк перекувырнулся в воздухе и упал на камни.

Не успел киммериец поднять свой меч, чтобы нанести новый удар, как второй волк с раскрытой пастью прыгнул на него. В белом свете луны киммериец направил острие клинка в открытую пасть и глубоко вонзил его в глотку зверя. Лапы волка беспомощно заскребли по круглому камню, он тщетно пытался освободиться от вопиющего в него меча.

В это мгновение третий волк бросился на Конана сбоку и схватил его за ногу. Стесненный вцепившимся зверем, Конан отшвырнул пронзенного мечом волка, одновременно поймав ножом морду своего нового противника. Зверь с визгом отступил, затем снова напал. Но Конан уже высвободил свой меч и раскрыл ему череп.

Волки больше не решались нападать. Они заскулили, с поджатыми хвостами затрусили прочь и исчезли в стелющемся тумане.

Конан провел долгую и изнурительную ночь, спрятавшись среди валунов на возвышенности. Он избежал

двух опасностей: нападения голодных зверей и ходячего мертвеца из пещеры. На рассвете, ободрав трех мертвых волков и связав шкуры вместе, он сделал себе грубую накидку, чтобы защититься от холода. Затем поджарил немного мяса на маленьком костре и с жадностью съел его. Остальное завернул в шкуру, ободранную с волчьей ноги.

Конан повесил меч за спину, используя для этого пояс, снятый с мертвого воина, и закрепил веревкой из волчьих сухожилий. Вооруженный, с запасом провизии, он спустился с холма и, взглянув на бледное солнце, направился на юг.

Через три дня тундра отступила перед мягко очерченными холмами, покрытыми густым лесом. Земля под ногами Конана стала мягкой от таяния снега. Чистая вода ручейками бежала по прогалинам, а вдалеке ленивый столб дыма поднимался навстречу облакам.

Конан направился туда и добрался до чистенького каменного домика, крытого дерном, который примостился на склоне холма. Вокруг дома под всевозможными углами торчали покрытые странной резьбой шесты, словно шаткий частокот. Несколько грубо обработанных камней у дома по форме напоминали человеческие головы, которые гримасничали или кричали что-то беззаботному ветру. Инстинкт варвара безошибочно подсказывал Конану, что он опять столкнулся с чем-то сверхъестественным. Он чувствовал, что от этих загадочных колеб и камней исходит злая сила.

Дверь дома была слегка приоткрыта. Конан приблизился к ней, двигаясь с осторожностью леопарда, подкрадывающегося к своей добыче. Внезапно он в изумлении остановился. Его внимание привлекла прикованная цепью к тяжелому камню скрюченная, в изодранных мехах фигура — полуголый человек, приземистый, кривоногий, смотрел на незнакомца страдающими глазами раненого животного. Беззвучно и неподвижно, словно камень, к которому он был прикован, маленький человечек впился узкими черными глазами в молодого киммерийца.

Неожиданно чистый, как колокольчик, голос прервал бесстрастное созерцание Конана.

— Огонь разгорелся жарко, — голос был мягкий и приглашающий.

Киммериец поднял глаза и увидел на фоне очага силуэт женщины. Ее соблазнительное тело таило одновременно зловещую и зовущую силу, а томные улыбающиеся глаза, скользнувшие по мощной фигуре киммерийца, излучали нежность и желание.

— Не хочешь ли погреться у меня?

Ее обрамленное длинными черными волосами лицо уже покинуло первое цветение молодости, но в нем была неотразимая, неподвластная времени красота.

Конан, инстинктивно чувствующий присутствие зла, помедлил мгновение, пока женщина, таинственно улыбаясь, не вошла в дом, чтобы подбросить в огонь тамарисковых щепок. Но приветливый голос и сияние лица женщины при свете огня заставили Конана нагнуться у низкой притолоки и последовать за ней.

Огонь разгорелся, в его красном свете Конан изучал комнату. Каменные стены и пол были покрыты необыкновенно мягкими шкурами неизвестных киммерийцу животных. На двух столбах, которые поддерживали дерновую крышу, были укреплены странные черепа: медведя с огромными клыками, саблезубой кошки и однорогого животного невероятных размеров.

Женщина поставила к огню низкий столик, на котором лежали буханка ячменного хлеба, головка овечьего сыра, а также горшочек сушеных фруктов и кувшин свежего молока. Затем она кивнула Конану. Он благодарно принял ее приглашение. Подняв глаза, Конан увидел, что женщина изучает его, прислонившись к ближайшему от него столбу. Ее полные губы округлились от удивления.

— Ты пришел с севера, — сказала она грудным голосом.

Конан ощутил неловкость и опустил глаза. Его рука потянулась к мечу, лежавшему подле него.

— Я киммериец, — ответил он.

Женщина, заметив робкий взгляд юноши, его смущение, резко засмеялась:

— Ты раб! Думаешь, я не могу определить раба по его глазам? Раб-варвар!

Наступила неловкая тишина. Затем свободным волнообразным движением женщина отбросила назад свои длинные волосы и с чувственной грацией прошла по комнате. Что-то было не то с ее тенью, то есть она лежала не совсем там, где должна бы, и это обеспокоило молодого варвара.

— Куда ты направляешься, киммериец? — спросила она.

Конан пожал плечами:

— На юг.

— Почему? — настаивала она, улыбаясь, но в ее лице проскользнуло что-то жестокое.

Конан быстро взглянул на нее:

— Говорят, что там тепло и что там не задают вопросов чужакам. Кроме того, там есть золото, которое может добыть мужчина, умеющий владеть мечом.

Женщина наклонилась к огню и бросила порошок на горячие угли. Неожиданно языки пламени взмыли вверх и снова упали. Она, приоткрыв рот, какое-то время смотрела на вздымавшееся пламя и потом сказала:

— Золото, женщины, воровство — это цивилизация! Что такой дикарь, как ты, знает о цивилизации? Но это не важно. Вскоре твоя спина будет прибита гвоздями к дереву.

Женщина протянула Конану кубок вина. Чувственность сквозила в ее взгляде, пыльная грудь вздымалась и опускалась под мягкими одеждами в такт учащенному дыханию. Странный огонь загорелся в глубине ее черных глаз. Она со все возрастающим волнением гладила свои бедра, а на ее крепких блестящих руках играли отблески пламени очага.

Остро ощущая желание женщины, Конан заглянул в свой кубок. Поверхность жидкости сверкала, словно начищенное серебро. Он сделал большой глоток темного вина и почувствовал, как страсть овладевает им. Но он не доверял женщине и не мог объяснить этого чувства. Было нечто странное в ней и в доме, в котором она жила. Он заметил, что ее улыбка, лишенная внутреннего тепла, застыла холодной маской, а глаза на какое-то мгновение потеряли все человеческое.

— Я знала, что ты придешь... — Она говорила шепотом, и ее сверкающие в свете огня глаза были прикованы к нему. — С севера, говорили они... человек огромной силы. Завоеватель, покоритель королей, который однажды добудет себе трон и сможет удержать его, когда придут кровавые тени войны и предательства. Тот, кто раздавит змей земли своими сандалиями...

— Змей... Ты сказала змей? — Голос Конана был резок, а глаза были прикованы к ее лицу.

Она выдержала его взгляд.

— Что ты ищешь на юге, варвар? Говори правду.

— Зная... на щите, может быть, или на знамени. Там были две змеи, лицом к лицу; но они тем не менее одно целое, их хвосты соединены, — Конан, вспоминая, сжал кулаки.

— Держащие черное солнце с эбеновыми лучами, — добавила женщина, кивая.

— Ты знаешь, о чем я говорю?

Конан вскочил и схватил ее за руку. Она выскользнула, но ее тень не сразу последовала за ней.

— Я знаю. Но это чего-то стоит, варвар.

— Назови цену! — прорычал киммериец.

Улыбка заиграла на ее полных губах, руки широко раскрылись, и она пошла к нему. Кровь закипела у Конана, когда он заключил ее в свои объятия и почувствовал, как ее грудь и бедра прижимаются к нему. В волнении женщина неловко срывала свои и его одежды. Все мысли Конана о сопротивлении улетучились, он полностью отдался экстазу страсти.

Их обнаженные тела блистали в свете очага. Она обвивалась вокруг него, обжигая Конана дыханием страсти. Конан был охвачен столь пылким желанием, что оно граничило с болью. Все мысли улетучились. Он чувствовал, что ее пальцы впиваются в спину и гладят его непослушные волосы, но он был полностью поглощен своей страстью. Когда страсть приблизилась к апогею, женщина издала слабый стон и проговорила звериным шепотом:

— В Шадизаре, в Заморе, в центре мира ты найдешь то, что ищешь. Глупец ты будешь, если пойдешь... Только глупцы ищут свою собственную смерть...

Затем, сотрясаясь в неистовой пляске, они насладились друг другом.

Через мгновение что-то заставило Конана открыть глаза, и ужас сменил его недавнее возбуждение.

— Кром!.. — чуть слышно прошептал он.

Он все еще держал женщину в своих объятиях, но теперь он с ужасом увидел, что ее белые зубы удлиннились и стали подобны волчьим клыкам, губы и грудь посинели, а пальцы, стиснувшие его плечи, превратились в когти какой-то ужасной хищной птицы. Темный дым струйкой поднимался из ее ноздрей, а язык стал раздвоенным, как у змеи.

Объятия любви оказались когтями неминуемой смерти. Конан попытался освободиться от ужасного существа, которое, словно гигантская змея, обвилось его железным кольцом. Когда чудовище подняло веки, на него посмотрели узкие дьявольские зрачки, и он понял, что вся его сила не сможет избавить его от страшной участи.

Тогда Конан вспомнил то, чему научил его Улдин, когда он был гладиатором. Дьявольская женщина все сильнее сжимала его, но Конан не сопротивлялся. Внезапно он изогнулся, покатавшись с ней к огню и прижал ее чешуйчатую спину к пылающим углям. Ее длинные волосы, извивающиеся словно живые змеи, зашипели и вспыхнули.

Пронзительно крича, чудовище старалось вырваться из пляшущих языков пламени. Потом оно съежилось и почернело, а струя разноцветного пламени рассыпалась дождем искр. Из сожженного дотла тела поднялся и закружился по комнате невесомый огненный шар, на мгновение озарив шкуры и черепа животных. Дверь, как бы под давлением невидимой руки, отворилась, и огненный шар укатился прочь в темноту. Уменьшающаяся огненная точка, как падающая звезда, быстро исчезала вдалеке. Вместе с ней затухал и протяжный крик агонии.

Обливаясь холодным потом, ослабевший от недавнего напряжения молодой киммериец рухнул на колени и начал ошупывать искать свою одежду.

— Кром! — воскликнул он и крепко выругался.

Ночной ветер, ворвавшись в комнату через открытую дверь, развеял запах паленой кожи. Огонь в очаге погас, но угли все еще тлели.

Когда Конан поднялся, чтобы закрыть двери и защититься от холодного ветра и злых сил, которые кишат в ночи, его взгляд упал на съжившееся существо, в встревоженных глазах которого отражался красный свет пламени. Измученный ведьмой, Конан совсем забыл о несчастном создании, загадочно смотревшем на него.

— Еды! — простонал узник. — Я умираю от голода, варвар! Я уже много дней ничего не ел.

— Кто тебе сказал, что ты ее сейчас получишь? — нахмурился Конан. — Что ты здесь делаешь?

— Я обед для волков, любимцев ведьмы. Она околдовала меня и привязала здесь. Оставь мне хоть немного еды, чтобы, когда придут волки, у меня были силы умереть сражаясь, как подобает мужчине.

— Кто ты? — спросил Конан.

Маленький человечек поднялся и с достоинством, которое так не вязалось с его жалким положением и лохмотьями, посмотрел на Конана:

— Я Саботай, гирканец из рода Керлайт. В былые дни стрелок из лука, убийца и вор.

Конан оглядел гирканца. Он был маленького роста, тощий, как хорек, но весь его внешний облик: посадка головы, разворот плеч — выдавали не только хитрость и коварство, но и вызывающую храбрость и даже благородство. Конан с удовольствием отметил про себя, что этот человек, которому ничего не стоит солгать в лицо, похоже, никогда не ударит тебя в спину.

Черные глазки смотрели на киммерийца с надеждой. Конан зашел в дом, нашел там ключи и при свете луны снял с узника кандалы. Маленький человечек, криво усмехаясь, неровной походкой направился к открытой двери, потирая свои затекшие члены.

Конан махнул ему, приглашая войти.

— Ешь и пей, — пробурчал он.

Пока Саботай раздирал зубами остатки ужина и с жадностью пил вино, киммериец бродил вокруг дома, собирая вещи, которые могут ему пригодиться, или те, которые просто нравились ему: серебряный широкий

пояс, ножны для его меча, бриллиантовые браслеты, причудливые подвески и одежду из тяжелого меха с капюшоном взамен невыделанных волчьих шкур, которые уже начали подгнивать.

День только занимался, бескрайняя голая равнина была чуть освещена, когда Конан распахнул дверь, чтобы посмотреть на рассвет. Серебряный свет переливался на тонком покрывале свежеевыпавшего снега. Этот снег вскоре растает под лучами солнца, но пока он закутывал землю в розоватую королевскую мантию. Молодой варвар глубоко вдохнул чистый воздух; ему не терпелось уйти из этого ужасного колдовского места. Он обернулся к Саботай, который сидел, обняв колени, около догорающего костра.

— Теперь ты свободен. Куда пойдешь? — спросил Конан.

— В Замору, — ответил гирканец, ослабившись. — Столица Шадизар — это город воров, а воровство — моя работа.

— Ты говорил мне, что был воином, — сказал Конан, внимательно изучая гирканца.

— Я из рода военачальников. Ну а поскольку сущность войны в хитрости, я и преуспел в искусстве воровства. — Черные глаза Саботая засверкали. Он посмотрел на Конана с кривой усмешкой.

— Говорят, нездоровая профессия.

— А что ты делаешь, киммериец?

— Я убиваю людей.

Саботай звонко рассмеялся.

— Более жизнерадостно, чем воровство, уж точно! И с более определенным будущим. Воры редко попадают, а уж если их поймают, то всего лишь избивают. Убийц же распинают.

— Тогда почему же ты был привязан здесь для волков?

— Откуда мне было знать, что я краду у ведьмы! Она колдовством заманила меня в свои сети, как, впрочем, и тебя. Теперь, благодаря тебе, мне не нужно красть.

Конан нетерпеливо стоял у двери, пока Саботай рылся в ведьминых вещах. Он выбросил из сундука меховую одежду, взял лук и колчан со стрелами и

привязал к поясу кривой меч в ножнах. Конан с одобрением посмотрел, когда гирканец сгреб оставшуюся еду в мешок и перекинул его через плечо.

Они вместе покинули дом. Перед ними лежали бесконечные холмы, залитые лучами восходящего солнца.

— Я тоже иду в Замору, — коротко сказал Конан.

— Не пойти ли нам тогда вместе? — предложил Саботай. — Хорошо иметь за спиной друга, когда попадешь в переделку.

Конан посмотрел на маленького человечка и пожал плечами:

— Ты знаешь туда дорогу?

Саботай кивнул. Конан взвалил на плечо мешок.

— Тогда пойдём.

V. Жрица

Дорога в Замору, в город Шадизар, была долгой и утомительной. Над путешественниками раскинулась безбрежная ярко-голубая и безоблачная небесная ширь. К ночи небосвод покрывался черным бархатом, по которому щедрые боги пригоршнями разбрасывали бриллианты.

Они шли по пустынной дороге, змеей извивавшейся по ровной степи и по склонам невысоких холмов. Здесь обнаженная черная почва щеголяла жалким убранством чахлах трав, словно какая-нибудь смуглая проститутка не первой молодости. Карликовая растительность скрадывала вечное однообразие степи. Размеренным шагом шли Конан и Саботай по этой пустынной земле, отмеривая милю за милей; маленький человечек частенько припускал проворной рысью, чтобы не отстать от громадного киммерийца. Иногда они принимались бежать. Конан бежал огромными прыжками, а Саботай семенял рядом.

Однажды, во время привала, Конан сказал:

— У тебя сильные ноги для такого коротышки, а легкие — как кузнечные мехи.

Саботай усмехнулся:

— Чтобы быть хорошим вором, нужно уметь убегать.

Через четырнадцать дней пути степь сменилась лесом. Высокие деревья окружали озера и пруды, вырытые ледниками тысячи лет назад. Они подошли к небольшому обрыву и спустились на берег реки Незвайи. Русло вело на юг, а потом поворачивало на восток, к границе Заморы, и путники пошли вдоль берега.

Когда продукты, захваченные из дома ведьмы, кончились, им пришлось часть каждого дня тратить на поиски пищи. Конан ловил рыбу в реке подобием копья, изготовленным из небольшого деревца, а Саботай рыскал по лесу со стрелами наготове. Один раз он принес зайца, в другой — барсука. Бывали дни, когда они ложились спать голодными.

Через некоторое время лес поредел, и деревья оставались только по берегам Незвайи. Перед ними открылись широкие луга, расцвеченные желтыми, алыми и васильковыми цветами ранней весны. Залитые солнечными лучами улыбающиеся небеса объявили о неоспоримом уходе зимних холодов.

Когда стрела Саботая поразила дикого осла, товарищи весь день коптили мясо и теперь могли несколько дней идти без остановок. Пока они отдыхали у потрескивающего костра, над которым висели поджаривающиеся куски мяса, Конан отбросил свою обычную молчаливость, чтобы побольше узнать о своем попутчике и его народе.

— В каких богов верят твои сородичи? — спросил он.

Гирканец пожал плечами.

— Я молюсь Четрем Ветрам, которые управляют землей. Ветры небес приносят снег, дождь, запах животных, на которых мы охотимся, и шум приближающихся врагов. Скажи, киммериец, а каким богам молится твой народ?

— Кромю, Отцу звезд, повелителю богов и людей, — угрюмо ответил Конан, потому что не особенно любил размышлять о таких вещах. — Но люди из моего племени редко молятся ему, а я — никогда. Кром вдалеке — на небесах, он равнодушен к нуждам и молитвам смертных.

— А этот твой бог воздает наказание за грехи?

Конан фыркнул:

— Его не волнуют грехи ничтожных людейшек.

— А что толку в боге, который не обращает внимания на молящихся ему и не наказывает за грехи?

— Когда я дойду до конца длинной дороги, ведущей к великому трону Крома, он задаст мне один вопрос: разгадал ли я тайну своей жизни? И если я не смогу ответить, он отправит меня бродить в пустоте небес бездомным духом. Потому что Кром строг, силен и вечен.

Саботай нетерпеливо перебил:

— Мои боги охраняют человека. Они помогают ему в час нужды.

Конан вспыхнул:

— Кром хозяин твоих Четырех Ветров, — огрызнулся он, больше для собственной уверенности. — Он правит ими, как человек правит лошадьми, запряженными в колесницу.

Маленький человечек пожал плечами. Он слишком устал, а может быть, был слишком мудр, чтобы приводить бесполезные доводы.

Несколькими днями позже, когда звезды зажглись в темном небе, Конан и Саботай подошли к границе Заморы. В этой стране удивительных тайн, хитрых соглядатаев, непонятных философов, развратных королей и женщин с огромными глазами каждый странник надеялся найти то, о чем мечтал: Конан — смысл переплетенных змей, поддерживающих черное солнце, а Саботай — богатство, которое, как он надеялся, ждало его здесь.

— Замора! — вздохнул Саботай, усиленно жестикулируя. — К югу лежит Замора. Страна на западе — Бригуния, а если пройти вдоль реки несколько лье на восток, то попадешь в Туран... Через Замору проходят все караваны на свете: товары сплавляют по рекам в дальние королевства — роскошные ковры из Иранистана, ароматные фрукты из Турана, знаменитый жемчуг из Козалы, драгоценные камни из рудников Вендии и крепкие вина из Шема.

— Ах, мой дикий дружок, — обратился он к Конану, — это цивилизация — древняя, безнравственная, пропитанная прекраснейшими грешками. Пробовал ли ты удовольствия цивилизации, Конан из Киммерии, видел ли ты величественные башни и изобильные базары?

— Нет еще, — коротко ответил Конан. — Пойдем вон в тот приграничный город, пока ночь не наступила, и не будем тратить время на разговоры.

— Риторика, как мне кажется, чужда жителям Киммерии, — со вздохом сказал Саботай.

Приграничный город состоял из небольшого числа каменных домов под соломенными крышами, окруженных стеной в два человеческих роста. С внешней стороны стены располагались хлев, свинарники и загоны, вмещающие множество домашнего скота.

Двое одетых в кольчуги охранников у ворот были слишком поглощены игрой в кости и даже не подняли головы, когда путники проходили мимо.

Хотя улицы были всего-навсего зловонными и грязными переулками, на юного варвара они, казалось, произвели гораздо большее впечатление, чем кривые дорожки его родной деревни или даже главные улицы северных городов. Центральная площадь Яздир была вымощена каменными плитками, а вокруг нее располагалось несколько больших зданий. Конан глазел, разинув рот, а Саботай показывал ему храм, казармы, здание суда, постоянный двор и большие дома, которые, по его мнению, были особняками местных богачей.

На площади торговцы двадцати национальностей продавали редкие товары. Некоторые уже прекратили торговлю, чтобы закрыть свои палатки на ночь, другие еще кричали во все горло, зазывая покупателей. Конан купил круглую буханку хлеба и колбасу и сжевал все это, прогуливаясь по рядам и лицезрея ослепительное собрание оружия, одежды, драгоценностей, рабов и великого множества таких простых товаров, как крестьянские инструменты и кухонные горшки.

Куда бы ни взглянул Конан, везде он видел нечто необыкновенное: расфуфыренных шутов с дрессирован-

ными обезьянками и танцующими медведями; раскрашенных куртизанок, и мужчин и женщин; акробатов с косыми глазами из какой-то неведомой восточной страны; книготорговцев, уверявших, что их рукописи содержат мудрость веков. Колдуны в деревянных будках за плату показывали чудеса. Важные астрологи предлагали гороскопы и предсказывали будущее. Тучные торговцы выставляли напоказ великолепные шерстяные ковры, блестящие ткани и подносы с кольцами и браслетами, в то время как безобразные нищие тыкали деревянными чашками под нос путешественникам, а голодные мальчишки дурачились в притворном веселье, рассчитывая на вознаграждение.

Завороженные, Конан и его спутник бесцельно бродили среди сарайчиков и клеток, в которых располагались странные животные: яки, верблюды, снежный барс. Они проследовали на улицу, где с музыкальным звоном кузнец ковал изделия из меди, латуни, серебра и железа. За углом они увидели работников, выделывавших кожу и предлагавших на выбор туфли, сапоги, пояса, ножны, седла, сбрую и обитые кожей сундуки.

Время от времени Конан останавливался то у одной, то у другой палатки, чтобы спросить о том, известно ли им что-нибудь о символе — две переплетенных змеи с обращенными друг к другу головами и с черным солнцем между ними?

Иногда торговец просто не понимал гирканского языка, ведь киммериец еще не выучил язык Заморы. Иногда же ответ был достаточно уклончив: «Нет, молодой господин, я не знаю. Но у меня есть кубки из настоящего шемского стекла, сделанного из чистого песка реки Силк...», или же описывал какие-нибудь другие товары, которые всегда есть у купцов на продажу.

Они шли дальше — от пограничного города яздиров к центральным городам Заморы. Конан и Саботай продолжали свой путь пешком почти без остановок. Они шли, потом час бежали, а затем опять шли, но и такой способ передвижения казался варвару недостаточно быстрым. На своих длинных ногах он мог запросто оставить своего кривоногого попугайчика далеко позади. Тем более что маленький человечек постоянно брюзжал, не-

довольный тем, что им приходится идти пешком, как простым крестьянам, вместо того чтобы ехать на лошади, как и подобает достойному гирканскому воину. Всякий раз, когда они проходили мимо лошадей, пасущихся на поле, Саботай предлагал стащить пару, но Конан, никогда не ездивший верхом, эту затею отвергал.

Наконец путешественники добрались до столицы — Шадизара, города воров и прибежища мошенников. Здесь, в относительной безопасности, обитали все преступники западного мира, даже сбежавшие рабы, ссыльные и люди, за головы которых была назначена плата, потому что здесь можно было спрятаться.

Конан очутился в самом центре пестрой толпы. Вокруг него теснились купцы в богатых мантиях, ремесленники продавали с лотков медные украшения, драгоценные камни и оружие; бородачи крестьяне в простой домотканой одежде направляли к рынку повозки, груженные мешками пшеницы и ячменя, коровьими тушами и связанными хрюкающими свиньями. Здесь были и надменные солдаты, и крутобедрые проститутки, и нищие, и горбуны, и жрецы. Он видел приземистых шемитов с курчавыми бородами, тощих зуагиров с покрытыми головами, бритунцев в юбочках, коринфийцев в ботинках и туранцев в тюрбанах.

Конан был поражен. Шадизар во столько раз превосходил Яздир по размерам и великолепию, во сколько Яздир превосходил города, в которых Конану приходилось выступать как гладиатору. Никогда прежде он не видел такой массы людей. Киммерийцу казалось, что здесь были собраны представители самых разных народов всей Земли. Никогда он не видел ничего равного широким городским бульварам, храмам с колоннами, увенчанным куполами дворцам и особнякам, а также пышным садам, окруженным стенами. Он поразился тому, что столь многие люди могут жить так тесно и не грабить, и не убивать друг друга, как это делают дикие звери.

Не все районы города были такими блистательными, как кварталы знати и богачей, с их мраморными колоннами, множеством садов и парков. На окраинах он обнаружил кривые улочки, кипащие страдными старухами и жуликами, размазанными детьми-уро-

дами на продажу, нищими и больными. Здесь можно было купить тело человека или по крайней мере взять его в арсенду. Здесь можно было купить любые, даже самые низменные удовольствия.

На этих задворках к тому же притаилась насильственная и внезапная смерть. Однажды, когда Конан и Саботай пробирались через толпу, вдруг истошно закричала женщина. Люди воровато, с проклятиями зашепили прочь. Мгновенно двое мужчин остались в одиночестве на узкой улочке, и руки их легли на рукояти мечей. У их ног корчился человек, стискивая рану на животе, из которой сквозь его пальцы ровной струей текла кровь.

— Что... — начал было Конан.

— Не спрашивай, — прошептал Саботай. — Идем отсюда, пока не появилась стража.

Конан только пожал плечами, когда гирканец повел его прочь темными закоулками.

Узкий проход вывел их на широкий мощный бульвар, вдоль которого расположились роскошные магазины и внушительных размеров деревья. Какая-то процессия двигалась по бульвару, занимая всю середину, и оба странника остановились поглядеть.

Шествие возглавляла группа девушек и молодых женщин. Некоторые из них — почти еще дети. Они танцевали и пели, подчиняясь ритму бесчисленного множества тамбуринов. Все они были облачены в грязные белые одежды, венки из увядших цветов увенчивали их головы с растрепанными волосами. За ними маршировали шеренги юношей, отбивавших такт на барабанах; гулкие звуки сливались с какофонией тарелок, лир и печальных флейт.

У всех был неподвижный, остекленевший взгляд, а сами они, как лунатики, казалось, не осознавали, что с ними происходит. Среди них вышагивал человек с выбритой макушкой в широкой рясе. Он нес бронзовый горшочек, в котором курился фимиам, наполнявший воздух одурманивающей сладостью.

От тошнотворно-сладкого аромата Конан поморщился. Такая непривычная музыка резала его слух, а странное поведение марширующих насторожило его. Своим

острым звериным чутьем он ощутил присутствие здесь какой-то дьявольщины.

Звуки нескладной музыки нарастали, так как оркестр обнаженных юношей подходил ближе. Шею или плечи каждого обвивала змея, у некоторых змеи толстыми кольцами вились вокруг рук. Они проходили мимо, и каждый из них шел отдельно от товарищей, как будто они шествовали по земле разных миров. Солнечные лучи вспыхивали на гладких чешуйках серых или коричневых, черных или алмазных, испещренных крапинками или украшенных узором ярких колец змеиных тел.

— А эти гады ядовиты? — спросил Конан своего товарища.

— Некоторые ядовиты. Вон та коричневая точно ядовита. Если я не ошибаюсь — это смертоносная кобра из Вендии. А вот эти здоровенные зверюги, те, что толще твоей руки, прибыли из тропических джунглей, это много лун пути на юг. У них нет яда, но если их испугнуть или раздражить, они могут свиться кольцами вокруг шеи человека и задушить его насмерть.

— Ух! — выдохнул Конан. Змеи вызвали у него отвращение, они смутно напомнили ему картину разрушения его дома в Киммерии. Нахмурившись, он повернулся к Саботай, чтобы поговорить с ним, но тот был уже поглощен созерцанием юной девушки в следующей группе шествующих. Девушка, как заметил Конан, была настоящей красавицей, несмотря на небольшую хромоту, грязные волосы, увядший венчик на голове и отрешенный взгляд. Тонкая сорочка на девушке была разорвана, и при каждом шаге открывалось ее нежное обнаженное бедро.

Жадно глядя на девушку, вор покачал головой:

— Какая жалость! Такое тело должно согревать постель воина по ночам, а не быть игрушкой попов и ползучих змеюк.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Конан.

Саботай взглянул на своего огромного товарища и увидел, что тот не смеялся.

— Зачем эта девчонка, как и все остальные, отдавала себя культу Сета, Змею? Я терпеть не могу змей и

большую часть жрецов, но более всего я презираю прислужников Сега.

— Бог Змеи! — воскликнул Конан. — Имеет ли это нечто общее с тем знаком, который я разыскиваю?

Саботай развел руками. Минуту спустя ливень лепестков обрушился на обоих, и компания смеющихся проституток пристала к ним. Эти, улыбающиеся и сверкающие глазами, казались куда менее замороженными, чем девушки из процессии.

— Идем с нами, — мурлыкнула одна из них Саботаю.

— Ни за что, красавица, — с некоторым сожалением ответил гирканец. — Меня не волнуют ни змеи, ни их бог.

— В руках Бога Змеи находится любовь, подобной которой люди никогда не знали, — шептала она, раскачиваясь из стороны в сторону. — Любовь, которую люди могут разделить с ним.

Саботай фыркнул:

— С каких это пор у змей появились руки?

Когда девица отстала, чтобы попробовать свои льстивые речи на более податливом зрителе, другая бесшумно подкралась к Конану и легонько щлепнула его по локтю.

— Блаженство ждет тебя, рыцарь, — шепнула она. — Тебе нужно лишь пойти со мной...

— Пойти куда? — проворчал Конан, испытывая сильное искушение согласиться.

Торговец, стоявший на пороге своей лавки, ступил вперед.

— Берегись, чужестранец, — тихо сказал он киммерийцу. — Слуги Сега — мошеники. Они — слуги смерти.

— В самом деле? — возмутился Конан. Смерть была его постоянным врагом.

Торговец кивнул головой:

— Они готовы убить своих собственных родителей и думают, что творят благо, освобождая их от бремени жизни.

Конан поблагодарил коротким кивком и проводил взглядом девиц, которые тут же растаяли в толпе.

Вдруг на солнце набежала легкая тень. Конан поднял глаза и увидел роскошный паланкин, который несли на плечах восемь молодых женщин. Убранные вышитыми шелками царственно пурпурного цвета, прихваченными золотыми перевками, сами носилки являлись олицетворением богатства. Но не на это чудо распахнулись глаза Конана в величайшем изумлении. Он неожиданно вздохнул, потому что увидел на носилках, в кресле, существо такой красоты, какую он не мог себе даже представить. Как бледнеет задержавшаяся луна перед восшедшим солнцем, так эта женщина затмевала и превращала в блеклые тени всех красавиц, каких он когда-либо видел.

Водопад черных волос ниспадал к ее талии; сапфировые глаза искрились на тонко очерченном лице; ее сочные губы были свежи, как утренняя роса. Ее тело, гибкое и крепкое, было облачено в расшитое золотом одеяние жрицы, а когда она поднималась, приветствуя бушующую толпу, из-под ее одежды открывалось белоснежное, совершенное бедро.

Увидев восхищение Конана, Саботай присвистнул:

— Не смотри так! Это все-таки настоящая принцесса.

Варвар, замороженный, остался прикованным к месту. Казалось, что он не слышал предупреждения. Как раз в этот момент внимательный взгляд принцессы упал на Конана. Огонь вспыхнул в ее ясных глазах, губы приоткрылись, и неожиданный вздох вырвался из ее груди. Подняв руку, она остановила покачивающееся движение паланкина.

— Эй ты, воин! — позвала принцесса мягким гортанным голосом, звуки которого взволновали кровь киммерийца.

— Слушаю, моя госпожа!

Голос женщины окутал юношу, как накатившаяся волна оглушает пловца в волнуемом море.

— Выброси свой меч и иди с нами. Оставь кровавую тропу войны и возвращайся к обычной жизни — с ее неизменной последовательной сменой времен года. Время очищения уже ждет на вершине мира, время возрождения после падения и разложения всех устоев. Присоединяйся к нам, и ты будешь обновлен, как обновляются змеи, которые сбрасывают старую кожу и

живут заново, молодые и энергичные, проворные и прекрасные.

Конан тряхнул взъерошенной головой, чтобы лучше понять значение этих загадочных слов, высказанных столь пламенно. Но женщина приняла его жест за отказ, потому что, когда он посмотрел вверх снова, она уже задернула занавеску паланкина, и служанки понесли его дальше.

Конан остался стоять, одурманенный и потрясенный. Ни одна женщина не казалась ему столь желанной. Когда Саботай дернул его за рукав, Конан оттолкнул его и бросился за исчезающими носилками. Маленький человечек, сильно встревоженный, побежал за ним.

Вскоре улица вывела к большой, обсаженной деревьями площади, где собирались караваны. Здесь был настоящий маленький город, поражающий изобилием патров и палаток из верблюжьего волоса и ярко раскрашенных войлочных юрт. Множество ослов, мулов, верблюдов было собрано посередине площади. Кольцом вокруг этого стада стояли палатки их хозяев, а по краям вздымались защитные стены постоянных дворов, где утомленные путники могли найти стол и ночлег.

За этим оживленным скопищем Конан увидел тонкую черную башню, уходящую в ясное небо. Несмотря на чудесный день, башня казалась закрытой тенью. Конан понял, что процессия направляется к этому зловещему шпилю. Расталкивая плечами прохожих, он бежал, стремясь достигнуть паланкин и его прекрасную хозяйку.

Расстояние сократилось уже до нескольких больших шагов, как вдруг Конан застыл на ходу, потому что в то самое время, когда голова шествия собиралась войти в зияющие ворота башни, возникла и поплыла сквозь шум улиц монотонная песня:

— Дуум... Дуум... Дуум...

Замешательство, страх и волна гнева исказили лицо молодого киммерийца, когда эта зловещая песнь разбудила в его памяти давно уснувшие картины. Чувство, вскипевшее в его сердце, было настолько острым, что он вряд ли видел последние группы шествующих, которые прошли на расстоянии вытянутой руки от него. Это были два молодых человека, почти что мальчики,

которые шли вперед с бесцветными, лишенными выражения лицами и стегали хлыстами свои голые плечи. Плети, опускавшиеся на спины и плечи, были сделаны из змеиных хвостов и снабжены зазубринами из ловко вставленных змеиных зубов, так что при каждом ударе тело самоистязателя покрывалось каплями крови. По-видимому, не ощущая боли, они на ходу пели:

— Дуум... Дуум... Тулса Дуум... Тулса Дуум...

Конан мрачно смотрел, как хвост процессии исчезал в этих отвратительных воротах. «В Шадизаре, в Заморе, — говорила ведьма, — ты найдешь то, что ищешь...» Теперь он уже нашел фанатичных поклонников чело- века, бога или дьявола, который носит имя Дуум.

— Болваны! — сверкнул глазами Саботай, сплевывая на мостовую. — Глупцы и безумцы, змеелюбцы, поборники смерти! Повсюду в этих землях они воздвигают такие черные бапти, оплоты Сета. Всегда одно и то же: они заманивают молодых невинных людей в свои ловушки — простофиль, которые оставляют мужей, возлюбленных, семьи, чтобы участвовать в мерзких оргиях, любиться со змеями и чокнутыми жрецами.

— Кто эта женщина, которую ты назвал принцессой? — настойчиво спросил Конан. — Разве она не жрица змеиного культа? — Со смешанным чувством отвращения и желания он вспомнил змей, расцвеченных золотыми и серебряными нитями, которые извивались на ее одежде.

— Эта женщина, как ты ее назвал, — ответил Саботай, — принцесса Ясимины, дочь короля Осрика и наследница бесценного трона. Ты должен был заметить королевскую печать на ее кулоне — ведь вы глазели друг на друга достаточно откровенно.

— А что королевская дочь делает среди помешанных на змеях жрецов?

Саботай состроил гримасу.

— Она одна из них, верховная жрица Сета. Много лет тому назад обманом и дурманыщими средствами заманили ее. Они все обманщики, как и сказал купец. Тис рассказывала, что они присоединяются к путешественникам в дороге, чтобы задушить их, когда те спят, или заколоть ножом в темноте — все это ради их

склизкого божка. Варвар, смерть притаилась возле этих мечтательных глаз!

— И король Осрик способствует этому странному культу? Он тоже один из них?

— Нет. Он тяжело оплакивает жребий своего единственного ребенка.

— Ну, если ему не по вкусу эта змеиная братия, то почему бы ему не послать солдат согнать всех в кучу и перебить?

— Эти жрецы — сильные люди, — ответил гирканец. — Осрик не отваживается открыто выступить против них, потому что многие в Заморе считают его чужаком и никуда не годным королем. Его величество был когда-то искателем приключений из Коринфии, дослужился до генеральского чина в армии Заморы и захватил трон, который не собирается покидать. Его судьба не значит ничего для таких, как мы.

— Это загадочные края, — пробормотал Конан, — и те, что живут здесь, все еще непонятны мне.

VI. Вор

Два путешественника шатались по извилистым дорогам Шадизара в поисках новых развлечений. Они бродили по широким улицам и аллеям, упиваясь видами, запахами и звуками, столь новыми для варваров. По пути Конан обдумывал план своих поисков. Может быть, он ошибся, решив, что ведьма не зря направила его сюда. Пока еще в песнях с повторяющимся словом «Дуум» ему явно ничто не напоминало о ванирских всадниках и зловещем знамени их предводителя — ничто, кроме омерзительного культа поклонения Змее. Змейные элементы в обоих случаях совпадали.

Солнце, словно красно-оранжевый мяч, садилось за остроконечные крыши высоких зданий и возвышающийся узкий пипиль мрачной башни. На большой площади в палатках зажглись огни. Собаки рыскали в тени в поисках отбросов. Лица с хищными глазами выглядывали украдкой из темных дверных проемов и

окон с решетками. Когда людской поток спал, запылали костры, у которых собирались бродяги, ища тепла и человеческого общества.

Найдя харчевню, товарищи щедро потратили на хорошую еду несколько серебряных монет, украденных у мертвого солдата. Пока Конан, чавкая, жевал кусок жареной свинины, его приятель расспрашивал хозяина.

— Я Керлайт, — между прочим сказал гирканец, — эмблемой моего рода всегда были девять хвостов яков и лошадиный череп. Не видел ли ты когда-нибудь такое знамя?

Хозяин харчевни был чем-то раздражен. С показным равнодушием он только бросил, что слышал, как путешественники говорили о чем-то подобном.

— Знамена очень интересуют меня, — доверительно сказал Саботай. — Мне, наверное, надо было стать герольдистом! — После небольшой паузы он добавил с обезоруживающей улыбкой: — Я встретил один знак, который ты, может быть, видел — две черные змеи лицом к лицу, поддерживающие черное солнце своими скрученными хвостами...

— Я редко замечаю подобные вещи, они мало интересуют меня. Кроме змей Сета, других здесь нет. Им поклоняются в этих проклятых башнях, таких, как вон та.

— Значит, есть и другие? — резко спросил Конан. Хозяин кивнул.

— Их много в Заморе. Как я слышал, по крайней мере по одной подобной башне в каждом городе и каждом городке. Видишь ли, чужестранец, только их теперь и строят. В последние несколько лет этот культ сильно распространился.

— О-о! — простонал Конан.

Его интерес побудил хозяина харчевни снизить до доверительного разговора.

— Совсем недавно прислужники культа Сета были всего лишь жалкой кучкой людей, теперь они повсюду.

— Что ты говоришь? — изумился Саботай, подмигивая молодому киммерийцу.

— А как же! А вон та башня — мать их всех. Они называют ее Башней Черной Змеи.

Веселый огонек загорелся в глазах гирканца. Он уже открыл рот, чтобы задать еще один вопрос, но Конан опередил его:

— В процессии сегодня вечером выкрикивали имя, что-то вроде «Дуум». Не знаешь ли ты, не имя ли это какого-нибудь человека?

Хозяин пожал плечами.

— Я не связываюсь с ними, чтобы и они не трогали меня. Я ничего не знаю об их порядках. Говорят, что они убийцы. Они любят смерть больше, чем жизнь, а объятия ядовитых змей им милее, чем человеческие. Но я против них ничего не имею... Посмотрите, господа, я только сегодня получил это от торговца из Истерлина.

Он достал шелковый кошелек, полный увядших лепестков черного цвета.

— Черный Лотос из Кхитая, — прошептал он. — Самый лучший.

Саботай облизнул губы. Серебро переключалось из рук в руки. Когда они направились к выходу, маленький человечек раскрыл кошелек. Он положил один лепесток под язык и предложил другой Конану. Конан отрицательно покачал головой.

В последующие дни Конан пытался найти работу стражника или солдата, но все, к кому он обращался, отказывали ему, потому что он знал только несколько ломаных слов по-заморийски. В конце концов, после покупки очередной порции еды для них обоих, Конан сказал Саботай:

— Это были наши последние деньги. Сегодня мы заплатили за ночлег, но что мы будем делать завтра?

Товарищи сидели за столом в кабачке, где они отдали свои последние деньги. Саботай размышлял вслух:

— Ты можешь продать эту побрякушку, что висит у тебя на шее. Она странной формы и сделана умело.

— Я нашел это в ведьмином доме, — возразил Конан, — и я не сомневаюсь, что она служила силам зла. Кроме того, это дорогая игрушка, подумают, что я украл ее.

— Нищие не выбирают, — пожал плечами гирканец. — Если, конечно, ты не хочешь продать свой старинный меч. За него тоже дадут неплохие деньги.

— Меч? Никогда! — воскликнул Конан. — Он спас меня от волков и послужит мне еще, когда придет время. Такое оружие мог бы сделать мой отец.

— Ну, тогда мы завтра голодаем, — безразлично сказал Саботай. — Я больше тебя привык к этому, киммериец.

— Если бы ты не потратил так много на свое проклятое зелье из Черного Лотоса, у нас бы еще оставались деньги на еду и жилье!

Саботай злобно огрызнулся и молча закончил еду. Они постепенно становились друзьями и не собирались ссориться из-за такого пустяка. Наконец Конан проворчал:

— Приведи меня к ювелиру, который покупает драгоценности из дальних стран.

Саботай, прикрывая рукой улыбку, повел киммерийца в квартал воров, известный как Маул.¹ Когда они проходили мимо башни культа зловещего стигийского Бога-Змеи, Конан остановился и долго смотрел на ее величественные очертания.

— Знаешь ли ты, что там внутри так хорошо охраняется жрецами? — спросил Саботай, хитро взглянув на своего спутника.

— Нет.

— Бриллианты... бесконечные богатства. И самый большой рубин, его зовут Глазом Змеи... Считают, что он может управлять человеческими мыслями... А ты не хочешь ли узнать, что там еще есть?

— Нет.

— Змеи. Здесь жилище змей, которых ты видел в процессии. Не хочешь ли заполучить змею, как у служителей Культа?

— Довольно. У нас есть другие дела, — резко оборвал Конан.

Но его глаза, глаза человека, рожденного в горах, скользили по монументальному зданию, похожему на скалу в его родной Киммерии. Да, его можно покорить... Если у тебя есть подходящее снаряжение, отвага и надежный меч.

¹

Избивать, калечить (англ.).

Саботай провел своего друга по нескольким темным переулкам. В одном из них седая и согбенная старуха поманила их какими-то странными культовыми вещичками.

— Несколько амулетов защитят вас от зла, — предложила она.

— Они мне нужны не больше, чем ты, старуха! — сказал Саботай. — Я сам зло! — рассмеялся он.

— Да скиснет молоко твоей матери! — проворчала она, ковыляя прочь.

Когда спутники пробирались по улице проституток, грязная девка незаметно подошла к ним.

— Вот ворота Рая, — вкрадчиво сказала она, улыбаясь Конану, и, приподняв край своей одежды, выставила напоказ стройные бедра.

— К несчастью, у нас нет денег, — сказал Саботай. — Боюсь, они не будут любить нас ради нас самих.

Конан с отвращением посмотрел на гирканца: слишком ярко были еще воспоминания о ночи, проведенной в доме ведьмы.

На улице зверей неприятное чувство переросло у Конана во что-то похожее на омерзение. Всюду вокруг них кишели бесчисленные представители фауны всех видов, многие были из неизвестных киммерийцу земель. Они хрюкали, рычали, лаяли и блеяли. Земля вокруг них была вся загажена. Торговцы спорили о ценах так яростно, что товарищам еле-еле удалось протиснуться между ними.

— Здесь всегда такая вонь? — спросил Конан. — Неужели сюда не заглядывает свежий ветер?

Саботай ничего не ответил, потому что у него не было ответа на вопрос человека, всю жизнь прожившего в горах.

Через минуту Конан, заглянув в открытую дверь, увидел, что там идет какой-то магический ритуал. Он понял только, что в нем задействованы несколько обнаженных мальчиков и молочно-белая корова.

— Будет ли конец непристойностям, называемым цивилизацией? — спросил он Саботая.

— Во всяком случае не в Шадизаре, — с безразличием многоопытного человека ответил гирканец.

Конан молча уставился на бесформенное существо, проشمывнувшее мимо него. Ему показалось, что чудовище олицетворяло собой все то злое, что создали люди, построив большие города.

Маул был тайным убежищем насильников, убийц и извращенцев. Здесь также собирались воры и те, кто продавал краденое торговцам, менее щепетильным, чем их законопослушные коллеги.

Друзья нашли лавку торговца драгоценностями. Это было неухоженное строение, которое можно было с легкостью покинуть, если власти будут искать владельца. Конан снял со своей сильной шеи изображение, украшенное драгоценными камнями, и протянул его скупщику, старому шемиту, если судить по его тюрбану и седой выющейся бороде. Острые глаза торговца оценивали продающего, как казалось, более внимательно, чем вещь, которую тот продавал.

— Она старая, очень старая, — пробормотал ювелир, с большим интересом изучая вещь. — Она из какой-то неведомой страны, лежащей за тысячи лиг к востоку, а то и дальше. На ней лежит печать веков.

— Что означают символы, которые высечены между рубинами, обрамляющими это странное изображение? — спросил Конан. — Они говорят о колдовстве, или мне это только кажется?

Шемит изучающе посмотрел на молодого киммерийца. Хотя жадность засветилась в его небольших глазках, он ответил с напускным равнодушием.

— Вещь древняя и сильно изношенная. Не особенно дорогая, — сказал он. — А что касается магической силы, то разве можно судить об этом, пока эти свойства не могут быть показаны? Я даю тебе за нее две с половиной кроны, и это щедрое предложение. — Он отвернулся и начал особой щеткой сметать пыль с полки, где был разложен его товар.

— Идет, — быстро сказал Конан, не обращая внимания на еле заметное подергивание за рукав.

Торговец обернулся и кинул в протянутую руку Конана несколько маленьких кусочков золота.

Когда они отошли от лавки, Саботай взорвался:

— Идиот! Простофиля! Каждый дурак знает, что нельзя принимать первое же предложение. Я бы мог,

немного поторговавшись, получить вдвое, а то и втрое больше.

Конан рассерженно сказал своему спутнику:

— Почему же ты не сказал этого вовремя?

— Ты не предупредил, что собираешься делать, а никто не станет поправлять руку стрелка, когда тот уже натянул тетиву!

Приступ негодования как ветром сдуло, и Конан сказал:

— Боюсь, ты имеешь на это право. Я никогда не учил законы торговли. В следующий раз я предоставлю это дело тебе.

— Признание своей невежественности, — ответил гирканец, — это начало мудрости, как любил говорить один кхитайский философ. Не переживай так. У нас достаточно денег, чтобы прожить две недели, а к тому времени, я уверен, что-нибудь да подвернется.

Конан проворчал:

— А если нет, что мы будем делать тогда? Я должен отыскать убийцу моих родителей, того, кто нес ту эмблему. Моя киммерийская честь требует этого!

— Да пошел ты к черту со своей змеиной эмблемой и киммерийской мстью! — Саботай кивнул в сторону черной башни; безмолвная и угрожающая, она была видна с каждой улицы и из каждого закоулка. — Мне кажется, я знаю, что сделает нас богатыми, как короли...

— У тебя больше идей, чем копыт у осла, — заметил Конан. — Что же на этот раз?

— Если это и вправду Башня Черной Змеи, как нам сказали, то я, к твоему сведению, кое-что слышал о ней от людей, испытывающих к ней профессиональный интерес, от моих братьев-воров.

— Ну, и что ты слышал?

— Слышал, что в ней собраны невиданные богатства, — прошептал Саботай, облизывая пересохшие губы. — Сюда прибывают пожертвования от верующих из каждой общины Культа со всего королевства: золотого, вино, бриллианты. Жрецы ценят хорошо ограненные драгоценные камни, глубокие и немигающие, как глаза змей, которых они обожают.

Конан заворчал. Он никогда в жизни не воровал ничего, кроме разве нескольких фруктов из соседского

сада, если не считать снаряжения мертвого гирканца да еще вещей из дома исчезнувшей ведьмы. И, пока он не встретил Саботая, он презирал всех воров. Киммерийцы никогда не крали друг у друга, хотя они спокойно грабили земли тех кланов, с которыми воевали.

Теперь, в городе, при недостатке денег и малых шансах наняться куда-нибудь, пока он получше не выучит заморийский, ему обязательно нужно было найти способ удовлетворять свой волчий аппетит. Видя, что он сомневается, Саботай продолжил:

— Говорят, что там лежит самый большой драгоценный камень. Тот самый Глаз Змеи, о котором я говорил. Это такой редкий камень, что мы сможем купить на него целое графство. По слухам, он обладает и магической силой, но я не верю в эти толки. Его ценность в настоящих деньгах вполне достаточна.

Конан выразил сомнение:

— Такое сокровище наверняка хорошо охраняется.

— Да, — Саботай убежденно кивнул, — но не людьми, а змеями, которые свободно ползают по своим извилистым дорожкам, как собаки бродят возле домов моего народа.

— Так ли? — спросил Конан.

Саботай развел грязными руками:

— Ты ищешь змей; я — богатство. Может быть, мы сможем найти и то, и другое в этой башне...

В конце концов они решили проникнуть в башню, хотя киммерийцу эта идея не особенно пришлась по душе. На следующий день, согнувшись над скудным обедом, они разработали план. Их и без того тихий шепот заглушался потрескиванием жаркого огня в камине. Они решили приступить к выполнению своего дерзкого замысла ближайшей ночью, потому что небо было затянуто тучами, застилавшими полную луну, что было очень удобно для их целей.

Темнота окутала двух грабителей своим бархатным одеянием, когда они взбирались по крутому подъему на холм, с которого черная башня вздымалась к суровым небесам. Подножие холма было обнесено стеной, увитой виноградом и украшенной им, словно старинным рисунком. Никакая веревочная лестница не могла

быть удобнее, чем эти прочные переплетающиеся ветви винограда. Саботай, как более легкий, вскарабкался на стену первым. Поднявшись, он чуть слышно прокричал по-птичьи. Тогда киммериец последовал за ним.

Спрятавшись в тени сухих ветвей низкого кустарника, воры осматривали проход, отделявший их от подножия башни. Узловатые деревья предупреждающе поднимали свои ужасные ветви. Острые скалы высовывали из бесплодной почвы неровные клыки. Башня, черная на фоне облачного неба, вздымалась ввысь. Она была абсолютно гладкой, из темного камня, где-то в вышине она сужалась и острым пиком вонзалась в небеса. Между башней и спасительным кустарником в беззвучном вопле открыла пасть блестящая лужа. Незванные гости уже собирались покинуть свое убежище и приблизиться к башне, когда ветка хрустнула под чьей-то ногой и из глубокой тени башенной стены появилась фигура.

Как раз в это мгновение серебристый луч луны прорвался сквозь щели облачной дымки, осветив вновь прибывшего. Это была женщина, молодая и прекрасная. Лунный свет заливал ее плечи, играл на голом мускулистом бедре и длинной стройной ноге танцовщицы или акробата. Конан затаил дыхание. Того, что он успел разглядеть, было вполне достаточно, чтобы полностью воссоздать ее образ.

Поверх черного шелкового белья на ней был короткий костюм из черной кожи, не закрывавший ее руки и ноги. В мгновенной вспышке лунного света Конан увидел, что тело женщины, бронзовое от загара, налитое стальной силой. Ее башмаки были высоко зашнурованы, светлые волосы спадали на плечи, а лоб обхватывал металлический обруч. Взгляд Конана скользнул по поясу, где были привязаны шелковая веревка и трехзубый крюк. Кривой нож в ножнах, почти такой же длинный, как сабля, висел на ее бедре.

Конан пошевелился, и сухой лист хрустнул под ним. Женщина бросила взгляд в ту сторону, откуда слышался звук, и в то же мгновение кривой клинок был выхвачен из ножен и приставлен к груди Конана. Казалось, что женщина могла видеть в темноте, как кошка. Поскольку прятаться было уже бесполезно, Конан мед-

ленно поднялся, держа все время обе руки на виду, так как пропорции и форма меча женщины были подобраны так, что можно было и метать его, и рубить им.

Конан и женщина изучающе смотрели друг на друга, пока луч света не померк и не исчез совсем.

— Ты не стражница, — прошептал Конан.

— Не больше тебя, — ответила девушка. — А кто это там, рядом с тобой, пытается лежать беззвучно, а дышит тяжело, как толстяк?

— Еще один вор, — ответил Саботай, вставая. — Боюсь, что мои манеры несколько грубоваты.

— Кто ты и откуда? — холодно обратилась девушка к Конану.

— Я Конан, киммериец, убийца по профессии, вор по необходимости. А это Саботай, гирканец...

— Вор и по выбору, и по профессии, — не без гордости отрекомендовался Саботай. — Мы припили поживиться сокровищами из здешних кладовых.

Девушка широко улыбнулась. Несмотря на темноту, было видно, как блеснули ее белые зубы.

— Вы два дурака, которые смеются над верной смертью! У вас нет даже веревки и крюка. Как вы, интересно, собираетесь проникнуть в башню — полететь на спине у дракона? Здесь нет окон внизу.

— У меня есть свои средства, — сказал Саботай. — Правда, мой друг хуже подготовлен. А кто ты, девчонка?

— Я Валерия, — коротко ответила она.

Саботай чуть не задохнулся:

— Неужели та самая Валерия?

Девушка кивнула. Конан озадаченно посмотрел на своего товарища.

— Это знаменитая дама, Конан. Как говорят, сама королева воров. Но скажи мне, госпожа, где твоя шайка разбойников? Неужели ты собиралась одна покорить башню Змей?

Девушка пожала плечами.

— Все они дураки и трусы! Некоторые исполосованы змеиными бичами; другие боятся этого демонического культа; все трепещут перед человеком по имени Дуум.

Конан вздрогнул при звуке этого имени. Остроглазая Валерия заметила это движение.

— Ты не боишься этого имени, киммериец. Но оно, как мне кажется, что-то для тебя значит. Тут, в башне, поклоняются странным богам; ты что, один из них?

— Это не мои боги, девочка! — прорычал Конан.

Она пожала плечами и перевела свое внимание на башню.

— Ужасы таятся за этими стенами, — пробормотала она.

— А также богатства, — сказал Саботай.

Валерия улыбнулась:

— Ну, тогда иди первым, маленький человек.

В конце концов на Башню Черной Змеи первым взобрался Конан. Пришлось три раза забрасывать крюк, прежде чем он надежно укрепился в кладке верхнего карниза башни. Конан попробовал шелковую веревку и убедился, что она может его выдержать. Саботай, не обращая внимания на эти приготовления, был поглощен привязыванием стальных когтей к обуви и пары бронзовых крючков к запястьям. Затем он повзвил крюки в просвет между гладкими камнями и усмехнулся.

— Я не доверяю веревкам, — сказал он. — Я полезу по-своему.

— Как хочешь, — сказал Конан, пожав плечами.

— Поменьше разговоров, — огрызнулась Валерия. — Богатство половины мира лежит у вас под рукой, а вы трагите время на пустую болтовню.

Заворчав, Конан начал подниматься. Валерия последовала за ним. Ее гибкое тело без усилий двигалось по стене. Она, смеясь, посмотрела через плечо на карабкающегося гирканца и спросила:

— Ты хочешь жить вечно?

— Я лезу быстро, как могу, — сказал Саботай, задыхаясь. Колчан и лук, как горб, висели у него за спиной. Он добавил, бормоча себе под нос: — Эта женщина лазает и шипит, как кошка.

Темнота сгустилась под ними, но они редко смотрели вниз. Наверху, с порывом свежего восточного ветра, облачная завеса рассеялась. Луна смотрела на них своим большим белым глазом, словно желая продемонстрировать их всему свету. Конан выругался и обернулся

на спящий город. Огни костров и очагов были подобны ожерелью из топазов, золота и сверкающего жемчуга. Он был теперь так же высоко над опустевшими улицами, как часовые на башнях близлежащего королевского дворца. Эта мысль смутила его, и он поспешил подняться еще выше.

Вскоре Конан добрался до узкого окна, из которого шел неровный свет, доносились странная, несгройная музыка и приглушенный барабанный бой. Его слуха коснулся неясный хор шипящих голосов, которые не были похожи на шепот человека, и слабая сладковатая струйка фимиама проникла ему в ноздри. Неожиданно в окне появилась огромная голова. На Конана уставились холодные узкие глаза, а раздвоенный язык ощупывал воздух. Конан отшатнулся столь стремительно, что чуть не выпустил веревку. Но вскоре он понял, что оконное стекло отделяет его от гигантской рептилии.

Конан возобновил подъем и достиг парапета. Зубцы крепостной стены напоминали зубчики короны — на них покоились мириады ярко сверкающих бриллиантов. Они переливались, будто снежная корочка под таинственными лунными лучами, и рассыпались тысячами маленьких радуг.

Оглянувшись, Конан перелез через парапет. Но как только он приземлился с другой стороны, на него набросилась огромная фигура. Она была похожа на человеческую, но с длинными, как у обезьяны, руками. Существо — человек, дьявол или обезьяна, Конан не знал, кто — неожиданно ударило его так, что он повалился на землю.

Когда же Конан поднялся на ноги и выхватил свой меч, то увидел, что его противник, закутанный в плащ с капюшоном, с руками, покрытыми мерцающими чешуйками, вместо того чтобы прикончить незваного гостя, перегнулся за край и неловко пытается снять крюки, чтобы сбросить веревку, за которую цеплялась Валерия.

Конан навалился на спину непонятного существа и нанес ему несколько ударов мечом. Острие распороло материю, и из-под нее, там, где должна была бы оказаться голова, появилась мягкая, как грибочек, растительность, в сплетении которой сверкнул ярко-крас-

ный глаз. В ужасе Конан нанес еще один удар и рассек его. На грудь варвара из раны брызнула жидкость. Когда же он поднял меч, чтобы снова ударить существо, оно повернулось, и мощные чешуйчатые руки сомкнулись на горле Конана.

Киммериец сильно ударил отвратительную тварь о парпет и вонзил свой меч в брюхо чудовища. Все в крови, невиданное существо, обмякнув, повисло на зубцах. Пока оно боролось со смертью, Конан во мгле разглядывал его: глубоко посаженные слепые глаза истекали слезой; широкая, лишенная губ пасть, похожая на лягушачью, была прикрыта складками чешуйчатой кожи. Зарывав, словно леопард, Конан сгреб неподвижное тело, затем, собрав воедино все свои борцовские навыки, он поднял его высоко над головой и бросил на покрытый бриллиантами парпет. Раздался глухой удар; к небу поднялся затихающий вошь.

Совсем рядом за его спиной рассмеялась женщина. Конан обернулся и увидел, что Валерия пролезла между зубцами башни и с небрежной грацией перегнулась через парпет.

— Для вора ты хорошо убиваешь, — фыркнула она, смеясь.

— Ты для вора тоже хорошо лазаешь, совсем как горный человек, — ответил он, вытирая свой меч и пряча его в ножны.

VII. Камень

— Эй! — донесся хриплый шепот снизу. Конан и Валерия увидели Саботая, который с помощью когтей, тяжело дыша, поднимался по стене башни.

— Я гляжу, вы были заняты, — проворчал гирканец, когда они помогли ему пролезть в бойницу. — Что это за штуковина упала и чуть не сбила меня с крюков?

— А Кром ее знает, — глухо ответил Конан. — Какое-то чертово отродье, оставленное здесь для охраны. Ты-то в порядке?

— Как всегда, только дай чуть-чуть отдышаться.

Валерия ощупывала драгоценности, вделанные в камень.

— Какое богатство здесь! — выдохнула она. — И все это наше!

Вытащив кинжал из ножен, Валерия попыталась выковырять большой сапфир из его каменного ложа. Саботай достал свой лук из чехла, упер один его конец в грубо обтесанную плиту и натянул на лук тетиву. Затем он принялся изучать Валерию.

— Брось ковыряться в этих красивых камушках, господа моя, — сказал он. — Они стоят гроши по сравнению с тем, что лежит внизу. Кроме того, ты затупишь лезвие, а оно скоро может тебе понадобиться.

— Пошли, — буркнул Конан, — пока какие-нибудь служители или охрана не наткнулись на нас.

Валерия высыпала пригоршню собранных камней в сумку на поясе.

— Ну, тогда за работу, — ответила она, направляясь к узкой двери, врезанной в черепицу. Она взялась за украшенную деревянную ручку и сильно дернула за нее, ожидая сопротивления, но дверь распахнулась так легко, что девушка чуть не потеряла равновесия. Нахмутив брови и всматриваясь в открытый дверной проем, Конан увидел там лишь тусклые зеленые блики. Валерия, упруго ступая на носках, смело вошла внутрь. Конан следовал за ней по пятам. Его поразило увиденное: пол, почти скрытый клубами тумана, доходящего до колен, круглые каменные колонны, поддерживающие крышу, и фризы вдоль стен между колоннами. Жуткий, леденящий душу свет отражался в легком тумане, затрудняя видимость.

Возле краев круглой площадки туман был более разрежен, так как проходил через открытую дверь. Конан различил круглое, похожее на колодец отверстие в середине площадки, из глубин которого исходил изумрудный свет и слышались приглушенные звуки размеренного пения. Вместе с туманом вверх поднимался и гнилой запах. Валерия закрыла лицо рукой; Саботай поморщил нос.

— Какое растение или животное может так вонять? — прошептал он.

— Так воняет падалью поле битвы через три дня после сражения, — грохотнул Конан. — Чтоб я стал гирканцем, если ошибаюсь.

— Посмотрите на это, — выдохнула Валерия.

Она указала на край колодца, откуда сбегали вниз железные перекладыны, образуя узкую лестницу. Поблизости торчал огромный крюк, и на нем висел шкив. Через этот шкив был перекинут толстый канат, концы которого уходили вниз в темноту.

Конан внимательно осмотрел это хитрое приспособление.

— То животное, которое я убил, наверное, поднялось по этой железной лестнице. Но если бы нужно было спешить, оно могло забраться и по канату, если, конечно, внизу есть противовес. Но поскольку мы ничего об этом не знаем, лучше пойдем по ступенькам.

— Я больше склонна доверять своему собственному канату, — неодобрительно прошептала Валерия. — Эти ступеньки стоят далеко друг от друга и, кажется, плохо прикреплены к стене колодца.

— Пойдем, девочка! — проворчал Конан, ступая на край площадки. — Уж коли тот зверь смог пройти по лестнице, то и нас она тоже выдержит.

Скрывая свой страх под показной храбростью, Валерия шагнула в пустоту, осторожно нащупала ступеньку и начала спускаться. Саботай, держа натянутый лук со стрелой наготове, пошел следом.

Они спускались к неизвестным глубинам в абсолютной тишине. Темные полированные плиты с яркими драгоценными камнями являлись как бы насмешкой над усеянным звездами небосводом, раскинувшимся над башенным шпилем, потому что в противоположность настоящим звездам эти, рассыпанные по стенам колодца, навевали зловещие мысли. С каждым шагом отдаленное пение становилось громче, а гниlostная вонь сильнее одурманивала их.

Наконец они почувствовали каменный пол под ногами и увидели источник таинственного свечения. Теперь все трое стояли в круглой пещере, из которой

вели два затемненных прохода. Третий проход, размером с большую дверь, был перегороден железной решеткой из толстых прутьев, и именно через эти прутья пробивался демонический свет. К удивлению Конана, рядом с тем местом, где они стояли, зияло отверстие другого колодца, уходившего в полнейшую темноту.

Осторожно приблизившись к решетке, Конан и его друзья смогли увидеть огромный зал с колоннами, освещенный мерцающим зеленоватым светом. Пол этой огромной пещеры странно светился — как гладкая поверхность тихого пруда.

Валерия прошептала:

— Как они сумели поместить в баню такой зал? Он же слишком большой!

— Мы, надо думать, спустились гораздо ниже уровня улиц, — пробормотал Конан.

Он и Валерия обменялись взглядами, в которых иголками страха были вышиты пышные узоры любопытства. Затем девушка пожала плечами, и ее стройное тело проскользнуло между прутьями решетки. Конан проделал то же самое с большими трудностями; ему пришлось повернуться боком и резко выдохнуть, чтобы протиснуть свои массивные плечи. Саботай, гибкий как угорь несмотря на свое богатое вооружение, легко присоединился к ним. Они укрылись в тени между двумя рядами колонн, а на некотором расстоянии, спиной к ним стояли фигуры в мантиях. В дальнем конце этой рукотворной пещеры расположился еще один человек на чем-то вроде трибуны или балкона. Его было хорошо видно над головами большой благоговейщей толпы. В ярком свете, идшем откуда-то сверху, Конан увидел, что это был человек гигантского роста с черной кожей. Великолепный образец зрелого мужа, негр стоял полуобнаженным, с поднятыми руками и закрытыми глазами, произнося нарастав высокопарные слова, которые разрезали тишину.

Валерия слегка толкнула Конана локтем.

— Это Яро, второй в иерархии Культа, — шепнула она. — Только человек, которого зовут Дуум, стоит выше него.

При упоминании этого имени Конан на мгновение остолебенел, но не сказал ничего.

Саботай пробормотал:

— Я слышал о таких черных людях из стран, расположенных далеко на юге. Так этот Ярз купит?

Валерия пожала плечами:

— Они говорят, что ему тысяча лет, поэтому одни только Бел и Иштар знают, откуда он.

— Эти поклоняющиеся преградили нам дорогу, — тихо сказал Конан. — Как мы сможем пройти мимо них, не подняв тревоги?

— Давайте попробуем пойти в обход, — прошептала Валерия. — Я думаю, здесь есть еще один уровень — ниже этого, и несомненно лестница ведет туда.

И она украдкой начала скользить от колонны к колонне безмолвной тенью среди теней. Конан и Саботай последовали за ней. Когда они почти вплотную подошли к тому месту, где собралась община, Валерия указала на черную винтовую лестницу, ведущую вниз.

— Вы оба спускайтесь, — выдохнула она, — и посмотрите, что там, а я на время останусь здесь и прикрою вас со спины.

Двое мужчин, напряженные в предчувствии дурного, спускались по узкой винтовой лестнице в неподвижном зловонном воздухе, который забивал их ноздри все усиливающейся вонью. Наконец они вошли в другую сводчатую пещеру, слабо освещаемую через круглое отверстие в потолке. Это отверстие, догадался Конан, соединяло пещеру, в которой они сейчас находились, с залом, где проходила церемония.

Друзья ощупью двигались, глотая гнилой воздух, как вдруг Саботай дернулся и прошипел:

— Клянусь кровью Эрлика, Конан! Посмотри на это!

Пол под отверстием проема был завален трупами, мужскими и женскими. Одни казались свежими, другие недавно начали разлагаться; некоторые превратились в скелеты. Мужчины приблизились к груде гниющих тел, и в стороны с писком разбежались крысы. Глаза грызунов пылали ненавистью, когда они с безопасного расстояния следили за пришельцами.

Скрытый темнотой, Конан посмотрел вверх. Через отверстие ему был виден балкон и стоящий на коленях Ярз. Как только негр поднялся, пение прекратилось. Двигаясь бесшумно, как пантера на охоте, киммериец подошел к самому краю горы трупов и встал так, чтобы быть прямо под жрецом. Отсюда он, оставаясь невидимым, мог наблюдать за лицами молящихся из первого ряда. Несмотря на то что капюшоны закрывали их экзальтированные лица, а длинные одеяния скрывали тела, все они казались молодыми. Вдруг один человек из толпы шагнул вперед и сбросил свой плащ с капюшоном. В изумрудном свете взору Конана открылась прекрасная молодая девушка; ее грациозное тело было едва прикрыто кусочками тончайшей материи. Твердым шагом девушка поднялась на каменный помост, который выступал над отверстием; и пока она шла, торжественное пение становилось все громче и громче.

Саботай схватил Конана за рукав и указал на низкий сводчатый проход в дальнем конце пещеры. Конан оторвал пристальный взгляд от девушки, которая стояла как раз над проемом, и последовал за гирканцем. Опустившись на четвереньки, чтобы пролезть в проход высотой по пояс, Конан очутился в круглом, диаметром около двадцати шагов помещении. В комнате не было никаких входов и выходов, за исключением того, через который они сюда проникли. Всего два бра отбрасывали судорожный свет на неровные стены этой комнаты, похожей на пещеру.

Центр ее занимал алтарь в виде усеченной пирамиды, на которой были вырезаны рельефные фигурки.

— Змеинный Глаз! — шепнул, тыча пальцем, Саботай. — О боги, посмотри на это!

Взгляд Конана, повинувшись красноречивому жесту гирканца, наткнулся на огромный красный рубин в форме слезы, покоящийся на каменном ложе. Неожиданно легкое движение привлекло его внимание к основанию алтаря. Змея невероятных размеров кольцами обвивала его. Конан не только не слышал, но и никогда не мог себе представить змеи такой неимоверной толщины. Блестящие чешуйки, покрывающие изогнутое

тело гигантской рептилии, искрились в свете лампы, что еще больше подчеркивало ее размеры.

— Редчайший камень на земле, и самый большой, клянусь Митрой! — задыхаясь, шептал Саботай. — За этот камень мы могли бы купить целый эмират в Туране!

— Конечно, если только мы сможем прибрать его к рукам. Видишь ли ты, кто его охраняет?

Саботай судорожно вздохнул, как только рассмотрел гнусное животное.

Конан осторожно шагнул вперед.

— Она спит или нет? — пробормотал он. — Глаза ее открыты.

— Это ничего не значит. По глазам нельзя определить, спит змея или нет. У змей нет век.

Конан сделал еще два шага, но змея по-прежнему не шевелилась.

— Но я мог бы отсечь ей башку одним мощным ударом... — подумал вслух киммериец.

— О нет! — возразил Саботай. — Ты не представляешь себе, как живучи такие гады. Обезглавленное тело в агонии превратит нас в кашу.

— Ну, ладно, — буркнул Конан, — значит, мы должны взять камень так, чтобы не потревожить этого зверя. Так?!

Двигаясь как можно тише, Конан стащил перевязь меча через голову и отдал свое оружие гирканцу. Затем он скользнул к пирамиде и ее мерзкому чешуйчатому стражу. Когда только половина ступни отделяла ногу Конана от вздутых колец этой твари, он протянул руку. Но рубин оставался мучительно недостижимым.

Конан отступил и задумался. Если он сумеет наклониться вперед и опереться грудью на алтарь, то он сможет взять камень, не касаясь змеиных колец. Если нет, то он, очевидно, умрет. Конан глубоко вздохнул, напряг спину и, стоя на носках, стал падать вперед, пока его согнутые руки не достигли алтаря.

Опираясь на правую руку, он протянул вперед левую, чтобы достать камень из небольшого углубления на поверхности пирамиды, в котором тот лежал. Хотя камень ледяным холодом обжег Конану ладонь, он

засунул его под куртку и уже собирался выпрямиться, когда еще один предмет привлек его внимание.

Рядом с тем углублением, в котором находился камень, лежал маленький бронзовый медальон, чеканка на крышке которого даже при тусклом свете оживила в нем картины прошлого. При виде двух извивающихся змей с переплетенными хвостами память Конана вернулась к тому ужасному дню его детства, когда черные всадники описывали круги по утопанному снегу его киммерийской деревни, как они спустили своих безжалостных собак и подняли мечи на незащитных жителей. Он вспомнил также сверкнувшую дугу, которую описал меч Дуума — меч отца Конана, — и отрубленную голову своей матери...

Со злобющим лицом, зажав медальон во рту, Конан с усилием выпрямился. Повернувшись, он направился уже к низкому сводчатому выходу, как вдруг тень ужаса исказила лицо гирканца.

— Сзади! — выкрикнул Саботай, чьи голосовые связки были наполовину парализованы страхом.

Конан резко обернулся и увидел, что змея проснулась. Огромная клиновидная голова, большая, как у лошади, поднялась на высоту человеческого роста. Открылись истекающие слюной челюсти, похожие на разводной мост, обнажая ряды кинжальных зубов.

Когда громадное тело сделало выпад и голова змеи приблизилась, Конан выхватил длинный кинжал, нанеся удар со звериной быстротой натренированного убийцы. Острые кинжала пронзило нижнюю челюсть и вошло в небо рептилии, сшив воедино злобные челюсти.

Раненая змея с шипением набросилась и обвила кольцом тело врага, захватив одну руку Конана. Чудовище дернуло головой, вырвало кинжал из рук киммерийца, и теперь он не мог дотянуться до него. Стараясь освободиться из смертоносного кольца, Конан отступал назад к стене пещеры, но безуспешно. Змея обвила второе кольцо вокруг него.

Безжалостные кольца сдавили грудь Конана, и его лицо потемнело от прилива крови. Свободной рукой киммериец пытался ударить змеиную голову о стену,

но змея была настолько сильна и огромна, что усилия юноши остались бесплодны.

Терзаясь страхом, Саботай прыгал вокруг, стараясь выстрелить из лука так, чтобы не подвергнуть еще большей опасности своего друга. Наконец он вставил стрелу и отпустил тетиву. Стрела наполовину вошла в чешуйчатую шею, но, казалось, змея ничего не почувствовала. Она обвилась еще одним убийственным кольцом вокруг ног Конана, почти сбив его с ног.

Неимоверным напряжением груди и плеч Конану удалось прижать змеиную голову к стене так, что острие кинжала, торчащее из скулы чудовища, вошло в известняк между камней. Последними усилиями варвар колотил по рукоятке кинжала кулаком свободной руки, вбивая его в крошащуюся известковую породу.

За время этой мимолетной передышки Саботай выпустил вторую стрелу, потом третью. Эта стрела прошила шею змеи насквозь и воткнулась в известняк, сковывая движения рептилии. Она забилась, пытаясь освободиться, и поэтому ослабила тиски, в которых был зажат противник, и Конан, пошатываясь от напряжения, наконец-то сумел вырваться из ее объятий.

— Лоии, Конан, лови! — шипел Саботай, бросая варвару меч рукояткой вперед.

Конан схватил оружие и замахнулся как раз в тот момент, когда змея освободилась. Чешуйчатое тело бросилось на киммерийца, но он, стиснув двумя мощными руками рукоять, ударил мечом поперек шеи. Отрубленная голова отлетела в сторону.

— Берегись! — воскликнул Саботай.

Обезглавленное тело билось, подобно гигантскому бичу, свалив Конана на землю и швырнув гирканца через пустующий алтарь. Постепенно, по мере того как кровь истекала из разрубленного тела рептилии, рывки стали ослабевать. Похитители подобрали разбросанные вещи и выбрались обратно в пропитанный гнилью зал.

В зале наверху церемония приближалась к своей кульминации. Конан увидел, как черный жрец Яро встал в полный рост. По его повелевающему жесту

загипнотизированная девушка, стоящая на выступающем помосте, подняла руки и бросилась в отверстие колодца.

Возгласы удивления и суеверный страх наполнили затемненный зал, потому что никто не услышал ожидаемого глухого звука упавшего тела или крика умирающей жертвы. Яро наклонился вперед, всматриваясь в мрачные глубины колодца. Вместо разбившегося тела на гряде трупов он увидел девушку, которую поймал на лету, не причинив ей никакого вреда, и поставил на пол какой-то гигант. Яро услышал ее крики: «Наш бог мертв, мертв!» — девушка через арку смотрела на обезглавленную змею. Яро увидел также, как гигант поднял окровавленный меч, который он отбросил, чтобы поймать падающую девушку, и как вместе с еще одним человеком меньшего роста они исчезли в темноте.

Пока Конан и Саботай бежали вверх по лестнице, вызванная потрясением тишина взорвалась шумом неразберихи. Когда они достигли верхней ступеньки, то увидели между колонн несколько фигур в мантиях, согнувшихся над телом лежащей навзничь незащищенной женщины. Конан тщетно искал глазами Валерию; он видел, что у женщины на полу волосы были черными, а поэтому она не могла оказаться их компаньонкой.

— Быстрее в пахту башни! — тяжело выдохнул Саботай, и оба метнулись к решетке, отделявшей их от колодца башни.

— Вору! — вопил Яро им вслед. — Туда побежали неверные. Вы, преданные, убейте их!

Приподняв края своих мантий, толпа ринулась вперед. Среди прочих бежали Яро, два бритоголовых лучника и мужчина, вооруженный топором. Конан и Саботай пролезли сквозь решетку.

— Где девка, девять чертей ее побери? — рычал Конан.

— Бегите, вы оба! — раздался знакомый голос. — Я прикрою ваш отход.

— Бежим! — закричал Саботай, ставя ногу на нижнюю ступеньку лестницы. Конан неохотно вложил меч

в ножны и, помогая себе руками, последовал за своим товарищем вверх по лестнице. Два лучника подбежали к колодезю башни и, присев на одно колено, выпустили по одной стреле.

Неожиданно вперед выскочила небольшая фигурка в мантии и перерезала ножом тугие тетивы луков. Мгновение спустя один из лучников, весь в крови, растянулся на полу, а затем и другие преследователи рядом с первым. С окровавленным кинжалом в руке Валерия отшвырнула скрывавшую ее одежду и побежала к канату.

— Хватайте ее! — взревел Яро.

Человек с топором бросился за ускользящей девушкой и замахнулся. Валерия быстро нагнулась, топор просвистел у нее над головой, а сила собственного удара развернула мужчину вполоборота. Тотчас Валерия зажала кинжал в зубах, обвила концом веревки шею врага и затащила ее.

Поскольку мужчина отбивался, пытаясь ослабить веревку, которой его душили, Валерия быстро завязала узел и толкнула задыхающегося человека к кромке отверстия в полу. Затем, как только человек кувыркнулся в колодез, девушка схватила конец веревки, которая была перекинута через шкив. Благодаря тяжести падающего тела Валерия без усилий взмыла вверх и скрылась от преследователей, теснившихся толпой у прутьев решетки, воя от отчаяния.

Валерия так быстро неслась вверх, что обогнала Конана и Саботая, которые с великим трудом, рука к руке, поднимались по узким ступеням железной лестницы. Держась за веревку обеими руками и сжимая нож в зубах, девушка откинула голову назад и улыбнулась, как будто хотела сказать: пошевеливайтесь, уальни, если хотите поймать меня!

Чуть позже мужчины, задыхаясь от напряжения, выбрались из шахты и увидели Валерию, вытирающую кровь со рта. Они повалились на пол, чтобы отдышаться.

— Ну, достали вы его? — спросила Валерия.

Безмолвно Конан вынул обжигающий, словно лед, камень из-за пазухи и показал его. Доносившиеся снизу

звуки погони согнали улыбку удовлетворения с уст Валерии.

— Они поднимаются по лестнице, — прошептала девушка, взглядываясь вниз, в глубокую шахту. — Я думаю, несколько человеко-зверей поднимаются с ними. Спрячь Змеинный Глаз!

— Вылезай за перила! — сказал Конан, кивая головой по направлению к усеянному звездами дверному проему. — Я буду рубить их головы одну за другой, по мере того как они будут вылезать на площадку.

— Нет! — возразила Валерия. — Слишком рискованно, лучше спустимся вниз по стене башни, пока они не перерезали мою веревку. Но торопитесь!

Вскоре все трое, как мухи на стене, держась за веревку, начали спускаться с башни. Они были благодарны заходящей луне, которая не освещала больше их поспешного бегства.

Все, кроме Конана, были уже на земле, в полной безопасности, когда между зубцами стены показалась отвратительная морда и волосатая рука ножом начала перерезать тонкую веревку, по которой спускались беглецы. Понимая, что веревка скоро порвется, Конан взглянул вниз, чтобы определить положение черной мерцающей поверхности бассейна. Рассчитав прыжок, он крепко уперся обеими ногами в стену, оттолкнулся, изо всех сил напрягая мускулистые ноги, и вылетел как раз в тот момент, когда веревка упала. Свернув свое гибкое тело, как падающий котенок, Конан нырнул в темную воду.

Когда Конан целым и невредимым всплыл на поверхность, Валерия счастливо рассмеялась, и ее хохот слился с ревом бешенства все растущего числа наблюдателей с башни.

— Дураки! — объяснила Валерия. — Они помогли нам смыться! Теперь никто не сможет спуститься, чтобы помешать нам уйти от этих мерзких стен!

Усмехаясь, Саботай кольцами смотал веревку и перебросил моток через плечо. Затем, преодолев стену сада, все трое исчезли в неизвестности темнеющих городских улиц.

VIII. Поручение

В воровском квартале Шадизара, в камешном очаге грязной таверны трещал огонь. Едкий дым, как ленивая кошка, клубился вокруг закопченных стропил, но и он не мог ослабить радужного сверкания тысячи гладких граней Глаза Змеи. Драгоценность лежала на грубом дубовом столе. Три закутанные в плащи фигуры склонились над ним, загораживая его своими телами от посторонних глаз.

— Клянусь Нергалом, он прекрасен! — прошептал Саботай. Его алчные глаза были прикованы к сверкающему камню.

— Да, это точно, — растягивая слова, произнесла Валерия. Она поднесла к губам кубок вина, не отрывая взгляда от предмета своего восхищения.

— Он и должен быть прекрасным, — проворчал Конан. — Только он сильно попортил нам кровь.

Саботай раздраженно поморщился.

— Нужно ли ворошить уснувшие воспоминания? — спросил он. — Миновавшую опасность лучше всего забыть, как говорят у нас в Гиркании.

Однако маленький человек тут же начал перебирать все события с того момента, как их обнаружили в храме Башни Черной Змеи. Он вспомнил, как они перелезали через стену храмового сада, в то время как их преследователи в ярости прорывались через невидимую дверь своего отвратительного места поклонения. Он напомнил своим товарищам и день, когда они скрывались, боясь даже пойти за едой в ближайшие лавки, и как они наконец впервые вышли из своего убежища и, словно чужие, бродили по городу, по самым грязным кварталам, где не многие представители власти осмеливаются искать воров и убийц. Саботай плотно зажмурился, чтобы отогнать ужасные воспоминания. Затем, открыв глаза, он вновь уставился на огромный камень, словно на королевский обед.

— Это стоило того, — прошептал он. — Как ты думаешь, киммериец, имеет ли смысл купить нам два графства в Аквилонии, или два эмирата в Туране, или парочку соседних сатрапий в Вендии? А на что, госпожа Валерия, собираетесь вы потратить свою долю?

— Прежде всего нам нужно найти покупателя для такого дорогого камня, — прошептала Валерия, беспокорно оглядываясь.

Таверна была полна красномордых, потных мужчин, которые хрипло горланили песни и стучали своими кружками по грубым столам, пока обнаженная танцовщица плавно двигалась под варварский ритм музыки. Ее загорелое тело мерцало в свете огня.

— У тебя не было проблем, когда ты продавала камни, позаимствованные из башни, — напомнил маленький вор, значительно кивая на кошелек Валерии, туго набитый золотыми монетами с профилем Осрика, короля Заморы. Девушка крепче прижала к себе кошелек, недоверчиво глядя на веселящуюся толпу проститутток, грабителей, сводников, наемников и праздношатающихся стражников.

— Говори потише, идиот, пока ты не привлек внимание, — резко оборвала она. Зрачки ее глаз засверкали, словно два кинжала.

Саботай пожал плечами. Длинноногий мальчик-разносчик пробирался мимо, собирая пустую посуду. Гирканец, слегка толкнув коленом киммерийца, поймал мальчика за руку:

— Найди нам девочек, парень, холеных девочек с округлыми бедрами и темными сосками! Изучив горизонты мира, я намерен теперь заняться изучением пределов плотских наслаждений, которых я ждал слишком долго, слишком долго...

Мальчишка с понимающим видом нагнулся, чтобы прошептать какие-то рекомендации в ухо гирканца. Конан и Валерия обменялись долгим многозначительным взглядом.

— Итак, друзья, я уйду в дом мадам Илди на ночь. Там будет пирушка что надо! А как твои планы, Конан? А твои, госпожа Валерия?

— Что касается нас двоих, то у нас другие планы, — резко сказал Конан.

Саботай ухмыльнулся, оглядывая две пары полускрытых капюшонами глаз.

— Это тоже что-то в этом роде, не так ли? Я в этом уверен! Ну, что ж, приятно вам повеселиться, друзья. А теперь я пожелаю вам ночь, полную любви. У каждого

есть свои слабости. Я намерен как следует заняться своими и оставляю вас с вашими.

Валерия схватила его за рукав, когда гирканец неверной походкой направился в ночную тьму. Она протянула ему горсть монет из туго набитого кошелька.

— Будь осторожен, маленький человек! Помни: у того, кто при деньгах, всегда много добрых приятелей, но мало настоящих друзей.

Саботай посмеялся над ее дурацкими наставлениями.

— Я до этого убил несколько человек — людей, у которых глаза на затылке, таких, как тот, на башне, — помнишь, Конан? Кроме того, золото мне досталось слишком дорогой ценой, чтобы тратить его для чьего-то удовольствия. Я намерен потратить его только на себя!

Беспечно махнув рукой, кривоногий Саботай с важным видом направился в толпу ночной улицы. Горящий вулканическим огнем взгляд Конана встретился с задумчивыми глазами Валерии.

— Пойдем в тишину нашей комнаты, девочка.

Валерия улыбнулась силе его желания. Оно было столь же горячим, как и ее собственное. Она нежно погладила прекрасный камень, медленно спрятала его у себя на груди и последовала за Конаном из таверны.

Хромая старуха ввела Конана и Валерию в освещенный свечами домик и улыбнулась им беззубым ртом. Конан бросил ей мелкую монету. Поклонившись, старуха заковыляла из комнаты. Варвар скинул свою тунику, а женщина-вор расстегнула пояс и сняла доспехи.

Валерия опустилась на колени. Ее жадные руки пробежали по голому телу Конана.

— Скажи мне, — выдохнула она, — одну вещь — только одну. Когда я впервые увидела тебя, в тени, ты двигался так красиво. Где ты научился этому?

Конан дотронулся до ее груди. Его рука пробежала по ее сильному животу и подвижным бедрам.

Валерия задыхалась в экстазе. Она напряглась под ищущими руками Конана, которые скользили по ее трепещущему телу.

— И все же, где ты научился двигаться так?

Конан с безразличным лицом секунду изучал нетерпеливую девушку. Затем, положив руки на свою по-

крытую рубцами шею, он показал ей следы от жесткого ошейника, который он носил когда-то. Тогда Валерия начала неистово целовать его рубцы и прижалась в нему в судорогах острого наслаждения. Содрогаюсь в его объятиях, она отбросила назад свои длинные волосы и показала такие же пирамы. Она тоже долгое время была гладиатором. Потом свеча погасла и темнота эхом повторяла тихие звуки счастья.

Рассвет застал любовников под низким потолком общей комнаты бедной таверны. Они жадно ели. Конан отрезал сочный кусок мяса с помпола и на кончике кинжала протянул его Валерии. Девушка энергично жевала, и жир стекал по ее подбородку. Себе Конан отрезал большой кусок мяса, чтобы утолить свой волчий аппетит.

Конан навечно запомнил это нежное свидание. Много лет спустя он сказал своему летописцу:

— Если боги заимуются любовью, что же может быть величественнее этого? Ни одна женщина ни до, ни после не может сравниться с ней, — но об этом в то время я не знал.

Они запивали мясо вином, охлажденным в снегу с горной вершины, — напитком для знати. Пьяная от любви не меньше, чем от крепкого напитка, Валерия откинулась на спинку грубой скамьи. Она смотрела на Конана, любуясь его тугими, как у прекрасного животного, буграми мускулов, которые играли под его кожей.

Он, в свою очередь, восхищался чувственной красотой женщины; которая в свободной позе сидела перед гаснущим огнем. Ее одежда была накинута небрежно, прекрасная шея и плечи были обнажены. Конан, обнаружив маленькую дырочку в огромном камне, Змеином Глазе, продел сквозь нее тонкий ремешок, чтобы у Валерии было меньше шансов потерять его. Теперь неземные лучи великолепного камня горели у нее на груди, удваивая свою красоту.

Настало утро. Ухмыляющиеся рабы мадам Илди принесли Саботая обратно в таверну. Он с трудом приходил в себя после ночного дебоша и чувствовал

утрызения совести. До захода солнца три вора снова окунулись в свежий поток развлечений и удовольствий. Их грязные одежды смесились на кожаные куртки и дорогие меха, а грубые железные украшения уступили место кольцам и браслетам из полированной бронзы и сверкающего серебра, сделанным прекрасным мастером. Хорошие ботинки из мягкой кожи заменили их изношенную обувь. С помощью гирканца Конан выбрал ножи и мечи, выпленные из-под молота умелого кузнеца.

Все эти обновки, обильная пища и каждодневные увеселения покупались на деньги, вырученные за драгоценные камни из банни, украденные Валерией. При продаже новых камней они уже не соблюдали особой осторожности, как раньше, хотя и знали, что пипионы и доносчики змеиного культа прочтут все рынки Шади-зара, стремясь вернуть свой дорогой талисман. Они надеялись найти в Туране или в Вендии купца, у которого хватит и денег для покупки Змеиного Глаза, и ума, чтобы не распространяться о своем приобретении.

Несмотря на непривычное богатство, все трое вскоре устали от бесконечного безделья. Борцы, танцующие девушки и пиры — все это быстро потеряло свою новизну и стало пресным для тех, кто привык к постоянным опасностям, придававшим настоящий вкус жизни. Очень скоро, однако, их постарались избавить от скуки. Но это застало их врасплох.

Однажды вечером, когда Конан, Валерия и Саботай, полупьяные и полусонные, склонились над своими кружками в темной таверне, которую они часто посещали, сверканье наконечника копья в свете очага вывело Валерию из оцепенения. Ее чуть слышный вскрик заставил остальных поднять головы. Они увидели, что их столик окружен солдатами с суровыми лицами, в панцирях из золота и бронзы и сверкающих плечах, которые были низко надвинуты на брови.

Неожиданно разбуженный Конан приподнялся со своего стула. Он мгновенно понял, что незнакомцы — это стражники змеиного храма, которым стало известно о краже, и стремился найти путь к спасению. Но он ошибался — у солдат были плечи с гребнями и кирасы с королевской печатью Заморы легионеров короля.

— Что вам от нас нужно? — проворчал Конан с мрачным подозрением. — Да, мы пьянствуем, но это безусловно не против королевского Закона...

— Вставайте и следуйте за нами, все трое! — отрезал офицер. — На все вопросы вам ответят те, кто послал нас найти вас. И давайте без глупостей!

Саботай, все еще в пьяном оцепенении, посмотрел на вздымающиеся копья. Его лицо скривилось в изгибающей улыбке, и он пробормотал:

— Ну, никаких проблем... никаких проблем... — и, опираясь о стол, поднялся на неустойчивых ногах.

Волей-неволей им пришлось последовать за вооруженными людьми, так как поднять меч сейчас, несмотря на весь свой боевой опыт, было для них равносильно самоубийству. Будь Конан один, он попытался бы счастья и сразился с двенадцатью противниками, но всепоглощающая любовь к Валерии обезоруживала его. Он не хотел riskовать ее жизнью, даже когда сама свобода висела на волоске.

Под безлунным небом они прошли по тихим улицам, покинутым в этот час даже особыми любителями темноты и безлюдья. Наконец они вышли на широкий проспект, в конце которого на фоне звездного неба возвышался королевский дворец. По приказу офицера в боковой стене отворились ворота. Отряд солдат провел трех искателей приключений под сводчатыми галереями с колоннами, по каменистым дорожкам между ровными бархатистыми лужайками и мраморными фонтанами. Журчание воды наполняло ночь сказочной музыкой.

Когда они достигли главного входа во дворец, Саботай, большой любитель путешествий, с удовольствием огляделся вокруг. Дворец короля Заморы считался одним из самых экзотических сооружений в восточной Аквилонии. Он был построен на деньги, вырученные от торговли с Дальним Востоком. Но случайно брошенный острый взгляд Саботая, когда они проходили мимо солдат, застывших у дверей, подметил следы упадка — трещины в кирпичной кладке и следы сырости. Гирканец сделал про себя глубокомысленное заключение, что даже богатства монархии не могут побороть подбирающееся изнутри гниение, подтачива-

ющее, как злокачественная опухоль, основы государства. Предательские щупальца змеиного культа смогли парализовать отвагу и разложили население.

Конан, гораздо менее склонный к философствованию, бросал любопытные взгляды направо и налево, когда их вели через вереницу залов и мраморных лестниц, стараясь запомнить дорогу на случай, если им придется сражаться за свою свободу. Он мало обращал внимания на резные балюстрады из слоновой кости и алебаstra, дорогие настенные ковры, обтянутые шелком скамейки и необычные светильники — словом, все, что создавало роскошь, превосходящую самое богатое воображение. Но в конце концов это великолепие подействовало и на него, несмотря на то что даже в приглушенном свете ламп и свечей было видно, что прекрасная обстановка находится далеко не в лучшем состоянии. В гобеленах зияли дыры, на коврах виднелись потертости, золотое на роскошной мебели потускнело; но-видимому, все здесь давно уже было в небрежении.

В главном зале дворца, украшенном скульптурами, это отзывалось, словно в склепе, во мраке гулко раздавались шаги, и пыль густым слоем покрывала половицы. Когда искатели приключений и их эскорт приблизились к королевскому трону Заморы, их взору предстала фигура, затененная балдахином. Рука поддерживала подбородок, а глаза выдавали воина, давно уже опустившегося из-за вина и лени. Около высокой фигуры стоял одинокий слуга и шепотом переговаривался со своим повелителем.

Король Осрик, уже по тому, как он обратился к капитану стражи, показался Конану человеком уставшим и потерявшим интерес к жизни. Годы тяжело легли на его согбенные плечи, а худое лицо говорило о постоянных заботах и разочарованиях.

Солдат сложил к ногам короля оружие пленников, а капитан опустился на одно колено и доложил:

— Воры, о которых вы спрашивали, государь.

Саботай и Валерия, знакомые с этикетом, низко поклонились. Конан же спокойно смотрел на короля.

Стражник толкнул Конана под ребро и прошипел:

— Кланяйся, дурак!

Конан бросил на него прищуренный мрачный взгляд, но при этом все же слегка нагнул голову.

Монарх смотрел на пленников отсутствующим взглядом; чувствовалось, что мысли его были далеко. Наконец он встал и пальцем показал, что офицер может подняться.

Чтобы нарушить затянувшееся молчание, слуга попытался напомнить королю:

— Это воры, ограбившие Башню Змеи.

Монарх заговорил глухим, дрожащим от негодования голосом:

— Знаете ли вы, что вы наделали, воры? Вы заставили его, Яро, предстать передо мной, перед моим тронном, чтобы угрожать мне. Да, чтобы запугивать Осрика, великого короля всей Заморы! Какая дерзость! Какое высокомерие! Эти жрецы Черной Змеи ставят себя выше монархов мира! И это произошло из-за вас, троих воров, негодяи!

Конан украдкой посмотрел на своих товарищей. Валерия нервно облизывала губы; умные глаза Саботая, как у загнанной в угол крысы, метались в поисках хоть какого-то выхода. Киммериец был напряжен и в любой момент готов к взрыву неповиновения. Он был безоружен, а потому у него не было никаких иллюзий относительно исхода событий. Но лучше дорого продать свою жизнь, чем послушно подставить шею под топор или самому вдеть ее в петлю. Уж он-то попытается прихватить с собой в мир теней одного-двух стражников.

Король продолжал говорить, не отрывая взгляда от воров, но теперь улыбка тронула уголки его рта. Отбросив бархатное одеяние, он поднялся и воскликнул:

— Воры, я приветствую вас! Вы совершили великое дело!

Король коротко рассмеялся.

— Видели бы вы лицо черного жреца! Он был так зол, что бешеная пена летела с его губ! Я не получал такого удовольствия, пожалуй, с той самой ночи, когда женился!

Затем, повернувшись к своим телохранителям, он добавил:

— Придвинь скамейки для моих друзей-воров, капитан Кобадес. Ты останься, а остальные пусть возвращаются к своим обязанностям. И принесите вина, лучшего вина!

Паж принес серебряные кубки и чашу отличного красного вина, и вот уже все трое стояли возле трона Заморы и пили за здоровье короля, и Осрик поднимал свой кубок в ответ. Саботай, смущенный таким неожиданным подарком фортуны, жадно глотал вино. Валерия и Конан, больше привыкшие к лести и славе после успеха на гладиаторской арене, старались вести себя более изящно.

— Вы можете сесть, — наконец сказал король.

В задумчивости он не отрывал взгляда от своего кубка. Когда же он заговорил, его слова были отрывочны, а голос дрожал:

— Этот человек Тулса Дуум — меня уже давно раздражало присутствие этого дьявольского бога в моем бедном королевстве. Змеи в моей прекрасной столице! На западе, на юге, в Бритунии, Коринфе — везде змеи! Везде черные бапни и жрецы с черными сердцами! Они крадут наших детей и делают из них чудовищ — рептилий, таких, как змеи, которым они поклоняются. Наши развращенные дети оскалывают свои отравленные зубы на своих собственных родителей...

Дрожа всем телом, Осрик закрыл лицо руками. Трое друзей переглянулись, а затем уставились на капитана Кобадееса. Король перехватил их взгляды.

— Мои собственные стражники не устояли против них. Мои храбрейшие воины, мои самые свирепые бойцы ушли от своих обязанностей, нарушили клятву верности. Вы — отбросы общества — в одиночку осмелились открыто выступить против Яро в его цитадели!.. Всех, кто противостоит змеиным жрецам, атакуют и убивают. Смерть в ночи... видели ли вы что-либо подобное?

По сигналу монарха слуга подал ему тонкий бронзовый нож. Его клинок изгибался, как тело змси. Держа его в вытянутой руке, король продолжал:

— Вот зуб змеи, вонзенный в сердце моего отца его младшим сыном, моим братом, который был одурманен их колдовством. И моя собственная дочь, брилли-

ант моего королевства, радость моей старости, также попала в лапы Тулса Дуума. Она отвернулась от меня и верховных богов. Бережет ли она такой же нож, направленный в мое сердце? Ждет ли меня такая же судьба?

Конан нахмурился, вспоминая редкую красоту молодой женщины в паланкине с занавесками. Саботай тогда сказал ему, что она дочь короля. Варвару было трудно поверить в то, что такая прекрасная девушка может однажды убить своего отца-государя, но в то же время он знал, что она жрица змеиного Бога.

Во внезапном взрыве ярости король Осрик швырнул змеиный нож на мраморный пол. Там он и остался лежать — видимое всем орудие зла.

— Каждое новое поколение слабее предыдущего. Сегодняшняя молодежь погрязла в этом Культе — этой ложной религии. Они стремятся стать рабами и бродягами, живущими в наркотическом сне. Когда я был молод, мальчики стремились стать героями, а не паразитами и разрушителями.

Король опустил голову. Это был слабый старый человек, раздавленный проблемами, которые он не мог разрешить. Задрожав, он сказал:

— Теперь я вынужден возлагать на воров спасение королевства.

Валерия с несвойственной ей жалостью в голосе спросила монарха:

— Какую услугу мы можем вам оказать, государь?

— Моя дочь, моя маленькая Ясими́на — она следует за ним повсюду... за Яро. Я имею в виду Яро, черного жреца. Она говорит, что ищет правду в глубине своей души... Эти пустые инфантильные глупцы забыли былую силу и бывшие добродетели. Они погрязли в разврате, как свиньи в грязи, и называют это религией!.. А сейчас моя дочь отправилась на восток, чтобы встретиться с человеком по имени Дуум, в самый центр, в могущественный оплот его Культа, где сходятся все нити интриг. Идите на Гору Могущества и верните мне дочь!

Король подал знак. И по этому безмолвному приказу слуга выдвинул из тени урну и опрокинул сосуд. Полился сверкающий поток драгоценностей. Они удара-

лись об пол у ног искателей приключений — рубины, аметисты, топазы, сапфиры и мерцающие алмазы. Второй королевский знак остановил поток. Валерия разинула рот; жадность засветилась в глазах гирканца. Конан, ожидавший нечто подобное, смотрел на короля.

— Ну же, собирайте их, — предложил Осрик. — Это будет задатком, на это вы сможете купить оружие, лошадей и нанять воинов, чтобы они сражались за вас. Доставьте мою Ясими́ну назад, и вы получите все драгоценные камни, оставшиеся в кувшине. Покажи их, Варданес!

Слуга поднес сосуд. Саботай засунул туда палец и поворачивал им. Убедившись, что у сосуда нет второго дна и что в нем остались мириады драгоценных камней, гирканец кивнул и вытащил руку. Вместе с Валерией они подобрали упавшие камни и положили их в кошелек.

Конан наблюдал, как его товарищи поспешно собирали разбросанные драгоценности. Затем, задумчиво нахмурившись, он обратился к королю:

— Почему вы не боитесь ножа в темноте или яда в вашей чаше?

Осрик грустно улыбнулся:

— Приходит время, друг мой, когда даже для королей драгоценности теряют свой блеск, золото тускнеет, а пища и питье теряют свой вкус. Время, когда сама тронная зала, хотя и разукрашенная, становится тюремной камерой. Тогда все, что останется, — это любовь отца к своему ребенку. Но ты... что ты можешь знать об этом? Ты слишком молод и полон жизни... Когда придет моя смерть, от руки Дуума или кого-нибудь другого, я буду спокоен, если только мое дитя будет свободно от этого проклятия и сможет служить моему народу в качестве его королевы.

Конан кивнул.

— Хорошо, король Осрик. Я убью этого Дуума или погибну сам. У меня есть с ним собственные счета. Если я смогу спасти вашу дочь, я сделаю это.

— Тогда мы договорились! — сказал король и обратился к капитану своей стражи: — Покажи моим гостям приготовленные для них комнаты. Позаботься, чтобы им было удобно. Всего хорошего!

Трое последовали за капитаном Кобадесом из этой затененной комнаты и оставили на троне полностью ушедшего в свои мысли короля Осрика.

IX. Дорога

Два дня спустя после аудиенции у короля Осрика искатели приключений легли спать усталыми. Второпях пришлось провести большую подготовку к пути — заготовить продукты, мехи с вином, вещи для ночлега и сотни других предметов, которые могут понадобиться в дороге. Драгоценные камни они обменяли на золотые, серебряные и простые медные монеты. Позаботились также о лошадях.

Однажды утром Конан и Валерия прогуливались по конному рынку, пока Саботай, единственный опытный наездник из них троих, торговался из-за лошадей. Конан обратил внимание Саботая на горячего жеребца, гарцевавшего и пытавшегося сорваться с веревки, яростно сверкая глазами.

— Этот как раз для меня! — воскликнул Конан.

Гирканец усмехнулся:

— И как долго ты думаешь удержаться на этом коне? Поскольку ты никогда не садился верхом даже на клячу, позволь мне найти для тебя что-нибудь побезопаснее, поспокойнее и покрупнее, чтобы оно выдержало твой вес.

Конан часами учился ездить на лошади, которую выбрал для него Саботай. Под его дружеской опекой Конан узнал, как ездить шагом, рысью, галопом, как седлать, чистить и кормить лошадей. Однажды принесенное ветром перекати-поле укололо коня, тот помчался с неожиданной резвостью и сбросил всадника. С проклятиями варвар поднялся и бросился ловить коня.

— Я же говорил тебе: помни о коленях! — сказал Саботай. — Пустяки, если это окажется твоим самым неудачным падением, считай, что тебе здорово повезло. Мы, керлаиты, говорим, что мужчина не станет наездником, пока не упадет семь раз.

Тем вечером, когда Конан остался в спальне, чтобы подлечить свои разбитые ноги, двое королевских слуг внесли большую деревянную бадью. Другие слуги появились с ведром кипятка. Когда они вышли, Валерия скинула одежду и со вздохом удовлетворения забралась в бадью.

— Полезай сюда! — сказала она. — Здесь хватит места для нас обоих.

Конан отрицательно покачал головой:

— Горячие ванны вредны. Пар портит легкие.

— Вздор! Посмотри на меня! Я всю жизнь принимаю горячие ванны, а вот от тебя запах совсем не похож на запах клумбы с розами. Хочешь, я тебе спину потру?

Киммериец все еще отказывался:

— Позже, может быть, когда ты помоешься.

Девушка сидела в бадье, растирая свои роскошные плечи. Неожиданно она обернулась к Конану:

— А гори они синим пламенем, эти Дуум и принцесса! Этот человек — злой колдун, который может вызвать демонов из адских пещер, вроде того, которого ты убил на башне. Что до принцессы, то почему мы должны спасать ее, если она хочет умереть его рабыней? Все это из-за ее глупости... Кроме того, Тис говорил, что Гора Могущества — оплот Дуума — не может быть взята. Там засели тысячи его сторонников. Сколько у нас шансов против них? — Она встала. — Брось мне вон то полотенце.

Вымыв и вытерев свое тело, Валерия улеглась на огромную кровать, поигрывая драгоценными камнями. Камушки тонкой струйкой текли между ее пальцев, водопад падали вниз в ложбину меж ее высоких грудей и рассыпались по животу, а она любовалась огоньками, которые играли на их полированных гранях. Потом она заговорила снова:

— Я обсудила это с Саботаем, и он согласился со мной. Мы будем последними дураками, если ввяжемся в это очень опасное дело. Возьмем все, что у нас уже есть, пока мы еще живы! Забудь Дуума и его глупую принцессу! То, что дал нам король, вместе с золотом, которое мы получим за Змеинный Глаз, сделает нас богачами. Мы сможем жить, как знать.

Конан, погруженный в свои мысли, присел на край кровати спиной к девушке. Валерия медленно придвигалась к нему, рассыпая драгоценности по покрывалу. Ласкающие руки пробежали по широким плечам; она поцеловала Конана в затылок и, обхватив его руками, положила голову ему на плечо.

По-видимому, равнодушный к проделкам Валерии, Конан неподвижно сидел, уставившись на свои сжатые кулаки.

— У меня никогда не было больше, чем сейчас, — мечтательно мурлыкнула проказница. — Всю жизнь я была одинока. Часто я глядела прямо в разинутую пасть смерти, но никогда не заботилась о том, останусь я жива или нет. Одна, в холоде и темноте, я вглядывалась в чужие дома и пстры и видела теплый очаг, мужчин и женщин, сидящих бок о бок, играющих детей у их ног. А я шла по земле... одна.

Она взглянула в лицо Конану, но оно было темным и мрачным.

— А теперь у меня есть ты. Нам тепло, хорошо, мы любим друг друга. Мы даже богаты. Нам не нужно больше рисковать, чтобы добыть золота. Давай сядем вместе у зажженной лампы, прогоняющей темноту, и пусть какой-нибудь одинокий странник увидит и позавидует нам...

Валерия протянула руку, взяла целую пригоршню ярких камней и игриво высыпала их на обнаженную грудь Конана.

— Иди ко мне! Давай забудем обо всем!

Конан молча покачал головой. Потом медленно разжал кулак. На ладони лежал бронзовый медальон из сокровищницы Бога-Змеи — пластинка со знаком Дуума: две обращенные друг к другу змеи, поддерживающие черное солнце.

Рассвет подкрался к Шадизару, тронув розовым и золотым шпилью королевского дворца. Первый утренний луч пробрался в комнату, где спала Валерия, и оторвал ее от снов. Сонная, она отбросила шелковое покрывало и потянулась, подставив обнаженное тело под ласковые поцелуи теплого солнца. Затем она вытянула руку,

чтобы коснуться своего любовника, но рядом с ней никого не было. Конан ушел.

Сладость сна тотчас улетучилась. Она вскопятила и уставилась на пустую подушку. Вместо величественного тела молодого варвара она увидела только горстку сверкающих камешков — его долю от подарка короля. Непроизвольно руки ее потянулись к горлу — Глаз Змеи по-прежнему висел у нее на груди. Валерия окинула спальною быстрым взглядом: оружие и одежда Конана исчезли. По щеке Валерии покатились слеза, но она ее решительно смахнула. Гладиаторы не плачут, строго сказала она себе.

Далеко на востоке от Шадизара одинокий всадник держал свой путь через ущелья Кезанийских гор, отроги которых достигают каменистых степей Турана. Этим всадником был Конан; но уже не нищий беглый раб, которым он однажды пересек эту внушающую страх землю. На громадном варваре был превосходный плащ и кольчуга поверх одежды, на голове красовался стальной шлем, а сбоку висел старинный меч, тот самый, который Конан взял в пещере неумершего скелега. Сейчас меч был отточен как бритва и вложен в великолепные ножны из змеиной кожи. Чтобы защититься от резких ветров ранней весны, он надел поверх кольчуги накидку из хорошо выдубленной волчьей шкуры.

Вспоминая прошлое, Конан поскреб густую черную бороду, которая закрывала его покрытое рубцами лицо. Торгул заставлял своих рабов бриться, чтобы не давать противникам преимущества, и Конан строго придерживался этой привычки. Но сейчас, страстно желающий схватки с Дуумом, он позабыл о ней.

Киммериец помнил также о милой женщине, от страстных объятий которой он сейчас уезжал все дальше. Много лет спустя он сказал своему летописцу:

— Я знал, что Валерия никогда не поймет меня. Ее боги — не северные боги. Я двигался на восток, но склонил голову перед Валгаллой. Кром с ледяным спокойствием ждал, когда я отошлю своим врагам. Я знал,

что моя жизнь висит на тонкой нитке, но не желал ничего другого.

Целыми днями киммериец без остановок скакал по узкой тропе, щедро усыпанной красными, голубыми, желтыми и фиолетовыми подснежниками. Иногда ему приходилось пригибаться к седлу, защищаясь от внезапной бури, а ветер и ледяная крошка обжигали его израненное лицо. Время от времени он останавливался, чтобы дать выбранному Саботам мощному жеребцу пощипать скудную траву и отдохнуть.

Когда Конану казалось, что он сбился с пути, он спрашивал дорогу у попадавшихся навстречу людей: одиноких пастухов, утомленных крестьян в лохмотьях и кочевников, восседавших на набитых домашней угварью скрипучих повозках, в то время как жены и дети гнали перед ними истощенный скот. Все они направляли Конана еще дальше на восток.

Остановленный им крестьянин безучастно смотрел на впечатляющую фигуру на огромном коне. Конан показал ему знак культа змеи — медальон Дуума. Проблеск понимания мелькнул на морщинистом лице, и старик ответил:

— Многие прошли... в основном дети... вот по этой дороге и шли, — он сделал жест высохшей рукой, затем, обернувшись, добавил: — Обратного не проходил никто.

И вот однажды киммериец выехал на дорогу, протопанную множеством ног. Он поторопил коня и еще до захода солнца увидел серое облако пыли, поднимающееся к лазурному небу. Конан осторожно приближался к этому необычному облаку и наконец разглядел его источник. Как он и ожидал, это была длинная вереница паломников. Вся процессия направлялась в святую обитель Сета, к змеиному Богу. Грязные юноши и девушки, украсив себя венками и гирляндами давно увядших цветов, тяжело брели, ударяя в бубны и напевая монотонную мелодию.

Конан проскакал мимо них, внимательно оглядывая колонну. То там, то здесь ему кричали:

— О воин! Иди с нами! Выброси свой меч и посвети себя времени и земле, как это сделали мы! Уступи судьбе! Иди с нами к Горе Могушества!

Криво улыбаясь, Конан отрицательно покачал головой и пустил коня галопом. Еще будет достаточно времени посвятить себя земле, когда жизнь подойдет к концу, подумал он.

Дорога поднималась вверх и шла между двумя хребтами вулканических скал; а за ними, на гладкой равнине, неясно вырисовывался конусообразный пик, устремленный в небеса. Вдали Конан увидел мерцающие воды моря Вилайет, уходящего за горизонт. С этой высокой точки варвар заметил наполовину скрытую поднявшейся пылью еще одну колонну паломников. Ветер доносил звуки их заунывного пения.

Пока конь отдыхал, Конан изучал раскинувшиеся перед ним горы, покрытые буйной весенней зеленью. Вдоль побережья внутреннего моря, справа от Горы Могуущества, лежал участок земли, сплошь усеянный холмами. Свернув с пути, протоптанного чуть живыми путешественниками, Конан направил коня к пашне, которая была примерно в трех тысячах шагов к югу от горы. Когда же Конан подъехал поближе, то увидел, что за холмы он принял курганы, подобные тем, какие древние люди насыпали над своими королями. Один из могильных холмов, превосходивший другие, был высотой в несколько раз больше человеческого роста, а длиной — в половину полета стрелы. Вокруг его основания на одинаковом расстоянии друг от друга стояли остроконечные столбы, на каждом из которых еще сохранились пронзенные останки коней со всадниками. Ветер и дождь превратили их в скелеты, кое-где прикрытые лоскутками выцветшей материи и ржавыми кусками железных доспехов.

Конан осторожно повел коня вокруг, терзаясь дурными предчувствиями, от которых по его телу побежали мурашки. Он не мог сказать, как долго жуткая гвардия стояла на страже в этом всеми забытом краю, но что-то сжалось в его грубой душе перед величием бессмертия и неизвестности.

За курганами шла равнина, усеянная осколками камней и кусками древней кладки — обломками города, разрушенного давным-давно. Он пустил коня среди разбитых колонн, опрокинутых плит, обвалившихся стен, засыпанных галькой канав и еле видных следов колодцев, безводных с древнейших времен. Опустоше-

ние казалось полным, а причина его лежала за пределами человеческого понимания.

Затем, к своему великому удивлению, Конан заметил убогое жилище: простой навес из кольев, связанных воедино и обтянутых шкурами диких животных. Перед входом, завешанным лоскутками шкур, горел небольшой костер, распространявший в морском воздухе едкий дым с запахом горелого мяса. Киммериец направил коня, желая осмотреть это жилище, и увидел, как оттуда вышел худой старик в грязных лохмотьях, с подозрением рассматривавший пришельца.

— Привет, дед! — низким, похожим на рев голосом произнес Конан, поднимая раскрытую ладонь в знак своих добрых намерений. — Я пришел с миром.

— Это ты хорошо сделал! — ответил старик с живостью, не соответствовавшей его морщинам. У него было плоское лицо, бритая голова; одет старик был в рванину, но он вызвал уважение варвара. — Знай, юный воин, я колдун, и этот погост хранит кости и беспокойные души могущественных царей. Тот, кто осмелится причинить мне вред, будет иметь дело с силами, о которых он ничего не знает.

— А ты можешь вызвать демонов, колдун?.. — тень веселости мелькнула в голосе варвара.

— Да, это я умею! Могу вызвать дьявола свирепее, чем любой из семи чертей! — Хвастовство старика закончилось приступом кашля.

— Какая удача, что мы станем друзьями, — сказал Конан. Он бросил колдуну серебряную монетку, которую тот поймал не по летам проворно. — Это плата за несколько дней, которые я проживу в твоей халабуде!

На закате солнца, Конан, сняв шлем и кольчугу, сидел у костра, с трудом разжевывая копченое мясо и пресный хлеб. Отшельник суетился рядом, предлагая гостю сделанную из тыквы бутылку с кислым элем и болтая так, словно не разговаривал годами.

— Эти могильные холмы, чужестранец, стоят здесь со времен Титанов, — говорил старик. — Великие цари снят здесь, цари, чьи царства когда-то сверкали, подобно молниям над бушующим морем. Проклятия лежат

под этими горами земли; вот почему я обитаю ниже их вершины.

— Так ты смотритель этого кладбища? — поинтересовался Конан.

Колдун засмеялся:

— Нет, но я пою предания о прошлом, о битвах и героях, о богачах и женщинах для тех, кто покоится здесь, чтобы успокоить их сны...

— Чем же ты живешь, добрый колдун?

— Местные жители приносят мне мясо и хлеб, а я вызываю духов и предсказываю им удачу. Кроме того, я выращиваю зелень. Никто не досаждаст мне; все знают о моей силе.

Конан наклонил свою косматую голову в сторону Горы Могущества.

— А что эти?

— Ты спрашиваешь о тех, кто служит змеям? Они хорошо знают меня, но думают, что я сумасшедший, и поэтому не трогают. Каждую весну человек по имени Дуум приходит сюда принести жертву духам моих спящих царей. Ты их видел... — он махнул рукой в сторону скелетов людей верхом на лошадях.

Конан как-то время ел молча, с сомнением размышляя о том, были ли это кости древних царей или же сторонников Дуума.

— Здесь в округе растут какие-нибудь дикие цветы? — спросил он.

Рот старика раскрылся.

— Цветы? На какой?.. — Затем, спохватившись, поправился: — Да, я думаю, тебе удастся собрать немножко. Месяц назад эта равнина была вся выстлана цветами. Но на что тебе цветы?

— Увидишь, — ответил Конан.

Следующим утром Конан поднялся, сбрил свою жесткую бороду и достал из дорожной сумки белую мантию паломника. Одетый таким образом, он целый час бродил по окраине разрушенного города, собирая наиболее свежие цветы, какие только мог найти. Когда варвар начал сплетать венок, колдун с отвращением посмотрел на него.

С безмятежным видом Конан спросил у старика:

— Что ты знаешь об этом Тулса Дууме? И успокойся, я не из его компании.

Старик облегченно вздохнул и усмехнулся беззубым ртом:

— Вообще-то ты не очень похож на паломника. Если ты собираешься в таком виде проникнуть внутрь горы — берегись. Люди Дуума коварны, жестоки и склонны к предательству. Кроме того, ты не сможешь взять с собой меч; даже под мантией они тотчас увидят его.

— Ну что же, придется обойтись без него. — Конан просунул руки под мантию, расстегнул пряжку и вложил меч в ножнах в руки колдуна со словами: — Храни его и найди корм для моего коня. Я хорошо награжу тебя, когда вернусь... если вернусь.

Водрузив венок из уже увядших цветов, Конан пошел к горе. Колдун, бормоча оберегающие заклинания, смотрел ему вслед.

По мере того как дорога зигзагами поднималась вверх по склону Горы Могущества, она становилась все круче. Конан незаметно затесался в колонну бредущих в беспорядке юношей и девушек. У них были запяленные, изможденные лица и пустые глаза. Разница между здоровым и сильным варваром в свежей одежде и утомленной, вылаканной в путешествии толпой была так велика, что Конан боялся, что он будет немедленно раскрыт.

Вдоль извилистой дороги стояли девушки в чистых мантиях, пели приветствия и указывали толпе путь дальше. На первом повороте дороги Конан увидел небольшой храм из белого мрамора, словно светящийся на фоне обсидиана, на котором он стоял. Этот белый храм, меньший из святынь Дуума, был украшен фризами в виде мерзких корчащихся змеиных тел. Под его величественным куполом все паломники должны были пройти очищение и возродиться.

У арки, ведущей в храм, какая-то женщина остановила Конана и дала ему свежую гирлянду цветов, потому что венок, который он сплел несколько часов назад, уже завял. Наклонив голову, чтобы получить новый венок, Конан уже приготовился идти дальше, но девушка с поднятыми руками задержала его. Он внут-

рение востепенулся, но быстро понял, что это обычный ритуал приветствия.

— Ты должен отказаться от всего, что у тебя было, высокий странник, — напевно произнесла девушка на одной ноте. — Ты должен увидеть себя в чистой воде таким, каким ты себя никогда раньше не видел.

Повторяя слова юноши, пропешившего перед ним, Конан нараспев ответил:

— Я хочу быть очищенным.

По тому, как бессмысленно девушка улыбнулась ему, Конан понял, что она ничего не видит и находится под воздействием какого-то дурмана. Не осознавая волнения Конана, девушка договорила слова предписания, лишенные ее голосом теплоты и смысла:

— Теперь ты спасен от опасностей дороги. Здесь, в тени горы, мы все в безопасности. Не бойся, потому что эта дорога — дорога в Рай!

Конан пробормотал невразумительный ответ и поспешил вперед. На следующем повороте дороги он прошел через узкую щель между двумя отвесными каменными стенами и оказался в естественном амфитеатре, чашеобразном пространстве, защищенном от ветра. Палатки и простые шатры покрывали скалистую землю. По обе стороны стояли здоровенные стражники, гордые и внушительные, в одежде из черной лакированной кожи. За ними Конан увидел, или ему так показалось, жрецов в черных мантиях из храма Змеи.

Инстинктивно Конан сделал шаг назад, затем поспешно придал своему лицу бессмысленное, вялое выражение. Заметив, что он стоит на месте, жрица поспешила к нему.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

Конан показал на безликих стражников:

— Кто это?

— Это наши друзья. Они здесь, чтобы защищать нас.

— Защищать нас? От чего?

Жрица успокаивающе, как говорят с испуганным ребенком, ответила:

— Очень часто от нас самих. Мы редко знаем, что хорошо для нас; мы всегда окружены сомнениями и страхами. Мы так слепы, что не можем различить путь

истины. Только Господин может направить наши стопы на дорогу, ведущую к Раю.

Мягко взяв Конана за руку, она повела его к концу процессии, с которой он пришел, и там оставила его. Двигаясь вместе с остальными, Конан очутился в толпе мальчиков и юношей, которых, как стадо, вели несколько жрецов. Всем прибывшим приказали снять дорожную одежду. На дальнем краю амфитеатра колонна женщин скрывалась из вида.

Хитрый варвар некоторое время стоял в нерешительности среди смущенной толпы. Если он снимет мантию, то длинный кинжал и пояс сразу же выдадут его замысел. Когда колонна тронулась вперед, Конан проскользнул между двумя палатками и побежал к стройному жрецу в мантии с капюшоном.

— Куда ты, брат? — мягко спросил человек.

— Я... я не знаю, — запнулся киммериец, — я боюсь...

— Ты боишься обнажить себя, не так ли, о мальчик! Дитя мое, ты должен гордиться таким прекрасным телом, — жрец хотел дотронуться до него, но Конан оттолкнул его руку. Ничуть не смутившись, жрец продолжал: — Как ты можешь полностью очистить себя, если не знаешь своего тела?

Конан украдкой взглянул на проход в скалах, хорошо защищенный от посторонних глаз.

— Не могли бы мы поговорить наедине... там, где нас не смогут увидеть? — он показал в сторону ниши.

С тонкой понимающей улыбкой человек в мантии пошел туда, говоря:

— Мы, жрецы, много знаем о телах и душах мужчин; ты не должен испытывать стыда...

Оказавшись в нише, Конан обернулся.

— Скажите мне, — спросил он с наигранной простотой, — эта мантия — все, что на вас надето?

— Да, сын мой. Это все...

— Хорошо, — проворчал варвар и двинул локтем в ребра жреца. Раздался звук ломающихся костей и придушенный тяжелый вздох. Затем удар гладиатора, сравнимый с ударом молотка, переломил жрецу шею.

Высокий человек в мантии с капюшоном быстро прошел через шеренгу голых паломников и направился в храм. Жрец, спускавшийся со святилища, встретился с ним глазами и пальцами сделал тайный знак. Конан неуклюже ответил безмолвным приветствием и, заметив тень замешательства на лице жреца, быстро двинулся дальше.

Два жреца прошли мимо, горячо споря о чем-то. Конан заметил, что на груди каждого висит такой же медальон, как тот, что Конан взял с алтаря в Башне Змеи. Пошарив в непривычной сутане, он извлек медальон и, заменив грубый ремешок шелковым шнурком, повесил его на виду. Стражники храма, грубые, полоумные парни с нахмуренными бровями, пристально посмотрели на лежежреца; затем, увидев медальон с двумя змеями, запомнили его и пропустили. Так Конан проник в недра Горы Могущества.

Х. Гора

Конан шел вперед по проходу среди других еле заметных фигур, которые, словно тени, двигались в том же направлении. Наконец варвар попал во двор необыкновенной красоты. Здесь были сады, яркие от цветов всевозможных оттенков вперемешку со странными экзотическими деревьями. Кристально чистая вода падала из фонтана в тихий бассейн, окруженный мраморными скамейками.

За бассейном шла церемониальная лестница. Ее массивные ступени вели вверх, к portalу храма. Дверь, украшенная резьбой по мрамору, вела внутрь пещеры, вырубленной, как подумал Конан, в цельной скале. В этом широком святилище киммериец увидел расположенные амфитеатром мраморные скамьи. За ними был проход, обрамленный рядами остроконечных колонн, похожих на обелиски.

Перед скамейками возвышался помост. К нему вела лестница поменьше. Купол из разноцветного стекла освещался каким-то неизвестным источником света, сияние которого могло соперничать с самым небосводом.

Прекрасные женщины, одетые в прозрачные покрывала, расположились на ступенях помоста, а благоговейные паломники искали себе места на удобных скамейках. Конан, осторожно двигаясь, примкнул к ожидающей толпе и, уверившись в своей безопасности, начал осматривать раболепных юношей и девушек вокруг него. Платя из дорогой ткани и нарядные ленты, охватывавшие их лбы, выдавали существ, стоящих выше толпы, оставшейся снаружи, которой была недоступна роскошь этой залы, доставлявшей сейчас Конану такое наслаждение.

Вскоре грациозные молодые женщины внесли подносы с зажженными свечами и раздали по одной каждому участнику Культа. Когда сияние купола начало угасать, тонкие свечи замерцали, словно звездочки в ночном небе. Их свет делал молодые лица поклоняющихся подобными лицам богов.

Поглощенный созерцанием этой процедуры, Конан не заметил, что два стражника, похожие на обезьян, последовали за ним в храм в Горе Могущества. Теперь, стоя в густой тени позади Конана, они знаками переговаривались со жрецом из башни — черным Яро из Шадизара. Яро со своей свитой прибыл сюда, чтобы возвестить о пропаже храмового талисмана, чтобы извести о краже разнеслось среди верующих во всех землях, где утвердился культ змеинобога. Здесь Яро также надеялся узнать о местонахождении вора и хотел задержать его.

Призванный в храм обезьяноподобными стражниками, черный гигант изучал киммерийца суженными задумчивыми глазами. Он лишь мельком видел вора, похитившего Глаз Змеи, когда двое неизвестных карабкались по узкой лестнице на вершину башни. Но широкие плечи, бугры мускулов и грива спутанных черных волос, подстриженных до плеч, выдавали Конана с головой.

Черный жрец обернулся, чтобы что-то сказать другому человеку, скрывавшемуся под покровом темноты. Тот сделал шаг вперед и оказался мужчиной гигантского роста, на груди которого свободно извивались две свитые воедино змеи. Он был в доспехах из синей стали, отделанных черной кожей.

Рексор, а это был он, постарел за годы, прошедшие после его набега на деревню Конана и после того, как он отправил юношу на долгие годы работать на Колесе. Однако время каким-то образом укрепило его осанку и жизненные силы. Невероятно сильные мускулы вздымались на его обнаженных руках, мощных бедрах и массивной шее. Без скрывающего лицо шлема было видно, что годы несколько сгладили его грубые черты, но его глаза стали холоднее и жестокие складки вокруг тонкогубого рта сделались глубже, чем раньше. Металлически-серая седина, тронувшая волосы Рексора, закрепила за ним среди змеопоклонников прозвище Стального Человека.

Его ледяной взгляд был прикован к киммерийцу, сидящему перед ним. Рексор не помнил ребенка, отобранного у матери, которую убил его повелитель, но это не имело значения. Любой, незвано проникший в Храм Змеи, был врагом; любой сторонний наблюдатель, который видел тайные ритуалы, был святотатцем и богохульным изменником. И наказанием служила смерть, медленная и мучительная смерть.

Общее внимание было сосредоточено теперь на процессии жрецов, которые ритмичным шагом направлялись к возвышению. Их низкое гортанное пение все нарастало. Два ряда обнаженных девушек танцевали в проходах под звуки труб и звон цимбал, на груди у них извивались змеи. За ними группа стигийских жрецов внесла ароматические факелы, которые наполнили воздух слоистым дымом, сладким, всепроникающим и ароматным. Затем в церемониальный зал кошащей походкой вошел человек по имени Дуум.

Конан издали изучал своего заклятого врага. Его глаза сузились до такой степени, что превратились в горящие скрытой ненавистью щелки. Киммериец не обратил ни малейшего внимания на великолепные колышущиеся, отделанные мехом одежды Дуума. Конан не отрывал взгляда от его злого лица. Годы не убавили чувственности, которая по-прежнему таилась в его полуприкрытых глазах и худых, аскетических чертах лица. Время также не иссушило обольстительной улыбки, которой он приветствовал своих почитателей и обезу-

мевших в экстазе служанок, которые бросали к его ногам лепестки роз.

Слева, на шаг позади Дуума, Конан увидел молодую женщину чарующей дурой прелести. Она была одета в тончайшую мантию, подчеркивавшую ее соблазнительную фигуру и оттенявшую золотистую кожу. Женщина шла величественно, и ее внешне спокойный взгляд, обращенный к ее господину, горел скрытым огнем. Конан нахмурился, когда узнал в ней принцессу, виденную им мельком в паланкине с занавесками на улице Шадизара. Это была Ясиминая, пропавшая дочь короля Осрика.

Когда Ясиминая в смиренном обожании опустила на колени, Дуум повелительно поднял руки, затем резко повернул их ладонями вниз. Пение, повинуясь жесту, прекратилось. В наступившей гробовой тишине его сильный голос то возвышался, то затихал, подобно ударам колокола.

— Кто среди вас боится жарких объятий смерти? Когда я, ваш отец, прошу этого; будете ли вы жить для меня? Будете ли по-настоящему бороться с сердцами неверных, будь то сердце друга или возлюбленного, или того, кого вы любили в прежней жизни?

Он сделал паузу и обвел гипнотическим взором открытые лица, обращенные к нему в исступлении.

— Дуум! — распевали они, раскачиваясь в такт его речи. — Дуум! Дуум!

Вопросы продолжались.

— Затянете ли вы шелковую петлю на шее врагов Сета? В большом мире сможете ли вы стоять на истинном пути, вопреки ухищрениям вождей, судей и родителей, которые неверно учили вас? Вонзите ли вы свои ножи по рукоятку и выпустите ли кровь из сердец неверных, чтобы дать им бесконечное блаженство вечного покоя?

Магнетические глаза Дуума переходили с лица на лицо, поработавшая каждого последователя. Теперь вопросы прекратились и началась литания.

— Вы почувствуете только радость, когда будете исполнять свой долг перед вашим Богом и Господином, когда будете бороться за Сета и Дуума, когда неверный склонится перед клинком, веревкой или тетивой лука,

принимая неизбежность. Вы вырастаете в глазах Черного Господина, Мудрой Змеи. В объятиях ее колец лежит вечная жизнь и невыразимое блаженство. Скоро наступит день Дуума, день Великого Очищения.

Голос Дуума становился все мощнее и мощнее. Он медленно спускался по ступеням помоста, ближе к слушающим. С пригвожденными к нему глазами последователи повторяли каждое движение своего господина, пока его невидящий взгляд не остановился на Конане. Примитивные инстинкты варвара побудили его к действию, и он приготовился проложить себе путь к свободе.

— Ваши родители обманывали вас, ваши учителя обманывали вас. Глупцы те, кто пытается обмануть вас!

Глядя прямо на Конана полными ненависти глазами, Дуум указал на него пальцем и обратился к нему:

— Изменник, ты обманут так же, как пытаешься обмануть меня. Ты умрешь сегодня.

Конан вскочил на ноги, его зубы стиснулись в рычании. Едва он поднялся, на мраморных ступенях за ним послышались шаги. Готовый к сопротивлению, Конан обернулся. Хотя его реакция была как у кошки, она все же оказалась недостаточно стремительной. Лишь только он повернулся, тяжелая дубина опустилась на его голову.

Удар был направлен в затылок, но пришлось несколько вскользь по виску. Однако смерть была близка. Мощный удар окунул варвара в водоворот темноты. Он не чувствовал сокрушительных ударов, наносимых стражниками по его неподвижному телу. Они рычали, словно дикие псы, и били сапогами по ребрам, а беспощадная дубина поднималась и опускалась, превращая в кровавое месиво его лицо, торс и беспомощные руки и ноги. Но он всего этого не чувствовал.

Сознание медленно, словно ленивый школьник, который неохотно плетется на урок, возвращалось к Конану. Каждый мускул болел, казалось, что каждый миллиметр плоти был сплошным синяком. Сквозь полуоткрытые веки Конан увидел сияющее солнце и смутно понял, что наступил новый день. Стиснув зубы,

он заставил себя пошевелить руками и ногами и, к своему удивлению, обнаружил, что ничего не было сломано. Несмотря на то что его били долго и со знанием дела, он не был искалечен.

Наконец Конану удалось открыть свои опухшие глаза. Он видел столь неясно, что посчитал сном прекрасный фонтан, кристально чистая вода которого радугой падала вниз. Но когда он пристальнее посмотрел из-под спутанных волос, слипшихся от пота и засохшей крови, то заметил мозаичные дорожки между клумбами бледно-желтых нарциссов и тюльпанов и множеством других разнообразных цветов, похожих на палитру художника. Теперь он знал, что лежит на солнце в саду. Киммериец увидел также, что высокая стена окружает сад, а из-за нее выступает храм из светлого камня, так называемая Гора Могущества, крепость Дуума.

Невероятным усилием воли Конан чуть-чуть приподнял голову. Он обратил внимание, что сад заполнен группами юношей и девушек, одни из которых прогуливались по стене, другие расхаживали между кустами и цветами, третьи сидели около фонтана у ног высокого человека, который деловито поедал спелый фрукт. Конана словно громом поразило, потому что он узнал в нем Рексора, второго человека после Дуума.

Волна топноты нахлынула на молодого варвара, и он заставил свое ноющее тело приподняться на колени. Мир закачался вокруг него, и его вырвало. Конан попытался встать на ноги, но звон цепей возвестил о том, что он прикован, так же как во времена, когда был рабом Колеса, а потом гладиатором. Толстые цепи, соединяющие наручники и кандалы, прикреплялись к бронзовому кольцу в мостовой.

Еще недавно твердый духом киммериец, дрожа от слабости, в отчаянии рухнул на землю прямо в лужу собственной рвоты. Двое молодых последователей установились поглазеть на его бесформенное тело. На их лицах изобразилось отвращение. Другие проходили мимо, окидывая его равнодушным взглядом, и легкий ветерок доносил их смех, но пленник слышал его, словно в тумане.

Конан не знал, сколько он так лежал, пока Рексор не наклонился к нему и не проревел:

— Господин будет сейчас говорить с тобой, а ты, грязная свинья, не готов предстать перед ним.

Сказав это, Рексор нагнулся, чтобы разомкнуть наручники. Подняв еще живого узника, он опустил Конана в фонтан. Поток ледяной воды оживил избитого юношу настолько, что ему удалось по приказу Рексора выползти из бассейна и упасть на мраморную скамью.

Через мгновение он услышал шипящую речь Дуума. Подняв глаза, киммериец увидел прямо перед носом змеинный медальон.

— Как это попало к тебе? — звучно спросил Дуум. — Это ты украл его из моего дома в Шадизаре? А что постигло Глаз Змеи — знаешь ли ты, у кого он? Говори правду, и тебе не причинят больше никакого вреда. Откажешься, тогда боль — необыкновенная, восхитительная — приведет твою душу к последнему восторгу самой смерти.

Конан сплюнул кровавую слюну, затем стиснул зубы и уставился на своего врага. Дуум изучал его. Его таинственный, жуткий взгляд проникал в мятежные глаза варвара, словно желая достичь самой глубины его души. В конце концов глава Культа отвел глаза, покачал головой и убрал талисман в карман.

Повернувшись к своему преданному военачальнику, Дуум сказал:

— Его разум поведал мне, что он отдал великий рубин какой-то женщине за несколько минут удовольствия, несколько не заботясь о том, что в нем заключается ключ к власти над миром. Какая утрата! Эти животные лишены понимания, у них нет никакого чувства ответственности за свои действия.

Рексор зарычал. Его голос был хриплым от скрытой злобы:

— Я убью его для тебя, господин!

Дуум покачал головой и снова повернулся к окровавленному киммерийцу. Полным злости голосом он сказал:

— Ты ворвался в жилище моего Бога, похитил мою собственность, убил моих слуг и моих питомцев. Ты нарушил важный для моих последователей ритуал. Это огорчает меня больше всего.

Ответ каких-то странных чувств отразился на темном лице Дуума, и роковой огонь неизбывной печали зажегся в глубине его сверкающих глаз.

— Ты убил огромную змею, обитавшуюся вокруг моего алтаря. Яро и я безутешны от этой утраты. Она была выращена нами из яйца. Почему ты украл мои богатства и лишил меня живых существ, столь дорогих моему сердцу? Почему ты осквернил святилище моего храма и нарушил церемонию, которую твой грубый ум никогда не сможет постигнуть? Почему ты проник в самую мою питадель и лишил жизни священника, которого я называл братом?

— Если бы Кром даровал мне еще несколько минут жизни, я бы и тебя лишил жизни! — прорычал Конан.

— Откуда такая ненависть? Откуда?

— Ты убил моего отца и мать. Ты вырезал мой народ, — проговорил Конан. — Ты украл меч моего отца из прекрасной стали...

— А, сталь... — Дуум кивнул, погрузившись в воспоминания. — Много лет назад я исколесил мир в поисках стали, секрета стали. Я считал его дороже золота и бриллиантов. Да, я был одержим тайной стали.

— Загадкой стали, — прошептал Конан, вспоминая слова отца, киммерийского кузнеца.

— Ты знаешь эту загадку, не так ли? — Голос главы Культа был доверительным, убеждающим, словно он беседовал с другом. Его речь лилась безостановочно, гипнотически, лукаво. — В то время я считал сталь сильнее всего на свете, даже могущественнее человеческого тела и духа. Но я ошибался, мой мальчик! Я опибался! Душа мужчины или женщины может покорить все, даже сталь! Вот, смотри, мальчишка!

Дуум указал на дорожку на стене сада. На ней стояли прелестная златокудрая девушка и красивый юноша, держась за руки.

— Это милое создание прекрасно, не правда ли? И этот красивый юноша любит ее. Знаешь ли ты, варвар, что значит любить девушку? Или быть любимым ею?

Конан вспомнил Валерию, с которой он много дней назад с такой болью в сердце расстался, и сжал зубы. Из глубины его горла вырвалось утвердительное рычание.

— Возможно, что и знаешь, -- проговорил Дуум. Тень улыбки показалась на его лице. — Возможно, ты думаешь, что любовь все побеждает, но я покажу тебе сейчас силу более могущественную, чем сталь, и даже чем любовь. Смотри внимательно.

Подняв гипнотические глаза, он остановил их на хорошеньком личике улыбающейся девушки.

— Иди ко мне, дитя, — прошипел он. Его свистящий голос был чуть громче шепота.

Детское личико озарилось радостью. Девушка минуту помедлила у края стены, затем, не взглянув на юношу, который был около нее, соскользнула со стены и с тяжелым стуком упала на плиты садовой дорожки.

Конан отвел глаза от кукольного сломанного тела у их ног. Дуум расхохотался. В звуках его смеха слышались триумфальные ноты. Потом он сказал:

— Вот сила, мальчик, вот могущество! Это сила, которой не могут противостоять ни крепость стали, ни упругость человеческого тела. Что такое сталь без руки, направляющей ее? Что такое рука без разума, управляющего ей? В этом секрет силы... Сталь, ха!

Тулса Дуум остановился и внимательно посмотрел на безмятежное лицо Конана. Главе Культа казалось, что замкнутое выражение лица варвара, гордый разворот его широких плеч умаляют его могущество, бросают безмолвный вызов ему, не привыкшему к этому. Он сделал еще одну попытку восстановить свой авторитет и произвести впечатление на строптивого юношу, чье тело было заковано в цепи, но дух остался свободным.

Дуум поднял руку и привлек к себе внимание плачущего юноши, который неподвижно стоял и смотрел вниз на сломанное тело своей возлюбленной. Жесткие губы Дуума на одно мгновение скривились в змеиной усмешке. Это движение было замечено только остроглазым киммерийцем. Притворная улыбка исказила темное лицо Дуума, и он прошептал приказ:

— Иди за ней в Рай, сын мой.

Без колебаний, двигаясь как во сне, юноша вынул маленький, украшенный бриллиантами нож и вонзил острый клинок себе в сердце. Солнце играло в потоке крови, сочившейся из раны, пока он стоял, словно

статуя, на стене, затем, внезапно съсжившись, он наклонился и упал на мертвое тело девушки.

Выражение торжества засветилось на лице Тулса Дуума, когда он взглянул на варвара.

— У меня, — сказал он, — тысячи таких, как они.

Но на Конана и это не произвело должного впечатления. Он по-прежнему сурово смотрел на Дуума.

— Какое мне дело до того, что ты имеешь власть над глупцами и слабовольными? Ты никогда не встречал настоящего человека, равного тебе, и не сражался с ним лицом к лицу.

Огонь ненависти вспыхнул в глазах Дуума, и что-то похожее на стыд промелькнуло в них на мгновение; но ненависть тут же исчезла, подавленная сверхчеловеческим усилием воли. Конан, не обратив на это внимания, продолжал:

— Ты вырезал мой народ. Ты приковал меня к Колесу Страдания под хлысты ваниров. Ты обрек меня на жизнь раба-гладиатора, который знает, что каждый день может стать для него последним...

Дуум гордо поднял черную голову.

— О! Посмотри же, что я сделал для тебя, как жизнь закалила твоё тело и укрепила твой дух! Взгляни на твою выдержку, твою храбрость, твоё намерение убить меня из чувства мести за твой род. Ты следовал за мной по миру, пришел сюда, в цитадель моего могущества, чтобы отомстить за то, что я сделал тебе. Хотя на самом деле я сделал тебя победителем, героем, настоящим полубогом. И теперь ты хочешь растратить мой дар — эту силу и храбрость, и волю, которыми я награждал тебя через боль и страдание, — на простое возмездие. Какая утрата! Как жаль!

Дуум, как казалось, действительно опечаленный, прикусил нижнюю губу перед тем, как продолжить.

— Я дам тебе последний шанс получить жизнь и свободу. Ответь на два вопроса: где ты взял знак двух змей? Где находится Глаз Змеи? Говори!

Конан молча покачал головой.

— Прекрасно, — после паузы сказал Дуум. — Ты пожнешь плоды своего упрямства на Дереве Скорби.

Он резко повернулся на каблуках и пошел из сада. Снова появился Рексор, чтобы заняться пленником.

Дойдя до ворот, Тулса Дуум еще раз обернулся и низким мелодичным голосом отдал приказ своему верному военачальнику.

— Распни его, — небрежно бросил он.

XI. Дерево

Багровое солнце ярко освещало царящее вокруг запустение. Гладкая равнина известковой почвы, белой, как свежий снег, простиралась во всех направлениях. Потоки раскаленного воздуха, как привидения, отплясывали на земле, среди полной неподвижности, свой танец смерти. Путешественник — если бы он отважился пересечь эту бездорожную пустыню — обнаружил бы, что смутная неприязнь еще больше усиливается из-за какого-то металлического запаха.

Над этой совершенно пустынной равниной возвышалось Дерево Скорби: черное, искривленное чудовище, царапающее раскаленное небо голыми ветвями. Когда-то, возможно, оно было величавым деревом и ласково прятало в тени и человека и зверя. Теперь же этот мрачный, покрытый шипами скелет стал деревом зла.

Высоко на черном стволе висел Конан-варвар. Его обнаженное тело было покрыто запекшейся кровью и слоем меловой пыли. Капельки пота, стекая по телу, оставляли за собой извилистые грязные дорожки. Спутанные волосы свисали грязными жгутами, очерчивая избитое лицо, превратившееся в растрескавшуюся, обожженную солнцем маску, на которой жили только глаза. Это были злые, горящие глаза пойманного и умирающего зверя.

Руки Конана были туго привязаны к двум широко разнесенным сучьям, веревки крепко стягивали и его ноги, прочно прижимая бедра к шершавой коре дерева. Конана жестоко мучили эти ремни, но гораздо страшнее была боль, причиняемая тонкими гвоздями, которыми прибили к ветвям ладони Конана.

Конан не знал, сколько часов прошло с того времени, как стражники Дуума безжалостно его распяли. Мозг

Конана оцепенел от боли, временами он терял сознание. Жажда стала невыразимой мукой, а неумолимые лучи солнца жгли тело. Ничто не нарушало медленную агонию, кроме теплей стервятников, парящих на неподвижных крыльях под безжалостным солнцем. Они ждали смерти человека, ждали пира. Эти падальщики казались единственными живыми существами во всей белой пустыне.

Один стервятник, лениво двигая крыльями, спустился вниз и уселся на ветке над головой киммерийца. Птица вытянула морщинистую шею, чтобы взглянуть в распытого человека, чья голова уже упала на широкую грудь. Падальщику это избитое тело показалось безжизненным. Он стал внимательнее всматриваться в жертву то правым, то левым глазом.

Конан оставался неподвижным. В эту минуту он стал ясно понимать, что без глотка жидкости смерть возьмет его еще до захода солнца. А на всей этой пылающей жаром равнине можно было выпить только одно...

Стервятник подпрыгнул на ветке, бросился в безветренное небо, а затем набрал высоту для атаки и ринулся вниз. Согнутый крючком клюв поднялся, целя в глаз Конана. Тень птицы пронеслась по лицу киммерийца. Напрягая все свои силы, Конан поднял голову. Он не шевельнулся, когда стервятник вцепился когтями в его грудь и захлопал крыльями о воздух, готовясь нанести удар.

В это мгновение голова Конана рванулась вперед. Его челюсти щелкнули подобно волчьим, а крепкие зубы вонзились в толстую шею птицы, задушив вскрик удивления и боли. Черные крылья били Конана по обожженному лицу, когти раздирали его грудь, но он не ослабил хватку. Его зубы все глубже входили в морщинистую шею, лишенную перьев. Наконец хрустнул позвонок, и крылья стервятника безжизненно повисли. Продолжая сжимать челюсти, Конан всасывал кровь птицы. И даже теплая и соленая, она могла потягаться по вкусу с бокалом лучшего вина.

Чувствуя себя возрожденным, Конан поднял голову. Солнце, опускаясь к западу, раскрашивало мрачную равнину красными полосками. Вдруг что-то заставило напрячься притупившийся разум варвара. Было ли это

клубом пыли, чуть подкрашенным красными лучами заходящего солнца, или облаком дыма? Что бы это ни было, оно становилось больше, оно приближалось.

Долгое время Конан не мог понять, что именно приближается к нему. Это что-то шло по волнам жара, как плывец, грудью пробивающийся сквозь бушующее море. Наконец расплывчатое пятно превратилось в наездника, скачущего легким галопом. Вдруг всадник — так управляться с лошадьми могут только гирканцы — пустил своего коня в карьер. Несмотря на опухшие, растрескавшиеся губы, Конан улыбнулся.

— Эрлик! Что они с тобой сделали? — воскликнул Саботай, соскакивая с коня и привязывая поводья к нижней ветке проклятого дерева. Конан что-то прорычал в ответ, но горло так пересохло, что его слова остались непонятными.

Трясущимися руками Саботай достал из седельной сумки инструмент, похожий на клещи, которыми вытаскивают камни, застрявшие в подковах лошадей. Засунув его за пояс, Саботай вскарабкался вверх по дереву, туда, где висел киммериец. Саботай поспешно попытался извлечь гвозди из рук Конана, которые распухли так, что стали вдвое больше обычного. Варвар закусил губу, чтобы заглушить стоны, а гирканец с силой дергал и тянул, пока не вытащил гвозди.

Потом гирканец выбросил щипцы и перерезал ножом веревки на ногах Конана; и только когда эти узлы ослабли, он сделал надрезы на ремнях, связывавших руки друга.

— Держись локтями за ветки, если можешь, — посоветовал Саботай. — Ты ведь не хочешь свалиться на землю.

Наконец последняя веревка была перерезана, и Конан, поддерживаемый невысоким вором, с трудом соскользнул вниз. Опираясь на ствол дерева, израненный, он молча переносил страдания, пока Саботай растирал его обожженные, в сильных кровоподтеках конечности, чтобы восстановить кровообращение. Подавая Конану кожаную фляжку с водой, он сказал:

— Сперва прополощи рот и сплунь. Потом сделай несколько маленьких глотков. Если ты будешь пить, как обычно, тебе будет очень плохо, а может быть... Я видел, как люди умирали от этого.

— Я знаю, — тихо пробормотал киммериец. — У тебя есть что-нибудь поесть?

— Сначала я разожгу сигнальный костер, чтобы его увидела Валерия. Мы долго искали тебя. Колдун сказал, что ты будешь южнее Горы Могущества, но не смог сообщить нам ничего более определенного.

Гирканец собрал ивутья под мертвым деревом, сломал пару небольших ветвей, и вскоре, с помощью кремня и огнива, запыхавшись, зажег костерок. Затем, поискав вокруг, он нашел несколько кустиков сухой травы и бросил их в пламя. От травы к небу поднялось большое клубящееся облако дыма. После этого Саботай поднял мертвого стервятника и, присев на корточки, начал ощипывать птицу.

— Ради Крома, скажи, что ты делаешь? — проворчал Конан.

— Выдираю перья, — ответил вор.

— Ты собираешься зажарить эту гадость!

— А почему нет? Мясо есть мясо, да и мы оба голодны.

Конан еле удержался от рвоты и недовольно сказал:

— Если я даже и буду есть, то тебе придется кормить меня. У меня руки не двигаются.

Саботай кивнул и согнулся над костром. Вскоре с кусков жарящегося мяса, насаженных на заостренную палку, в костер стал капать жир, и сытный подкупающий запах наполнил воздух. После скудного, но вкусного ужина Конан тяжело вздохнул, а потом погрузился в сон, прислонившись к Дереву Скорби.

Конан очнулся среди могильных холмов мертвых царей на берегу моря Вилайет. Валерия, склонившись над ним, промывала и смазывала его раны. Он смутно помнил — а может быть, это был сон, — как он ехал на лошади Валерии, а она сидела за ним, держа поводья и поддерживая его всякий раз, когда он начинал вываливаться из седла.

Он долго смотрел на свои руки, онемевшие, распухшие, воспаленные. Было невыносимо больно пошевелить даже пальцем.

— Больше никогда не смогу держать меч, — невнятно произнес он. — Лучше бы я умер.

Затем сознание снова покинуло его и все вокруг потонуло в мутном тумане. Нескончаемые часы, проведенные киммерийцем на Дереве Скорби, так истощили его звериную жизнеспособность, что те, кто ухаживал за ним, боялись, что он может не оправиться от ран. Конан горел в бешеной лихорадке. Его вера в собственные силы исчезла.

— Он еще жив? — спрашивал старый колдун, переступая порог лачуги, в которой лежал умирающий мужчина.

— Да, но едва-едва, — отвечала девушка.

— Старик, — обратилась к нему Валерия, — он зовет тебя колдуном. Знаешь ли ты хоть какое-нибудь заклинание, чтобы помочь ему? Или, может быть, твои боги помогут тебе?

Старик молча смотрел на нее. Сочтя его темный пристальный взгляд за признание того, что он в самом деле может управлять потусторонними силами, Валерия воскликнула:

— Ну, так используй же свои чары! Верни силу рукам, которые должны поднять меч мести!

Старик устал, но смиренно ответил:

— За такое колдовство нужно дорого платить. За такое волнество всегда нужно платить. Духи, которые часто навещают в это священное место и охраняют могилы царей, настоятельно требуют плату.

— Какой бы ни была цена, я буду рада ее отдать! — ответила Валерия. — За дело, колдун!

Завывал жуткий ветер, и тени крались среди могил. Над ртутной поверхностью моря Вилайт луна освещала мертвенно-бледное лицо беспокойного дряхлого призрака, чья черная тень металась на бесплодной земле между двумя наибольшими памятниками. Валерия и Саботай с замиранием сердца следили, как колдун обвязал ноги и руки Конана полосками черной материи

и накрыл его неподвижное тело покрывалом того же самого могильного оттенка. Еще одну полоску он повязал на голову варвара, тщательно прикрыв его обожженные, посиневшие веки. Поверх этой повязки ловкими взмахами маленькой кисти старик нанес несколько таинственных знаков.

Потом колдун отправил Саботая на берег, приказав ему принести ведро чистой воды, и, когда вода была доставлена, он опустился на корточки на коверную подстилку, медитируя и собирая внимание. Валерия, стерегущая каждое движение старика, чувствовала, как он погружался в самые глубины своего духа, чтобы разбудить дремлющие источники внутренней силы.

Наконец колдун вышел из транса. Он торжественно окропил водой все тело Конана, еле слышно бормоча могущественные имена. Сделав это, он приказал гирканцу крепко привязать конечности Конана к четырем столбам, врытым глубоко в землю.

— Зачем это? — потребовала ответа Валерия.

Колдун мрачно смотрел за работой Саботая.

— Ночью, — начал он, — духи этого места, рассерженные заклинанием, попытаются унести молодого человека отсюда. Если им это удастся... — его голос осекся.

Валерия вынула из ножен кинжал; его лезвие ярко сверкнуло в лунном свете.

— Если твои духи унесут его, старик, то ты тотчас же последуешь за ними.

В этой безмолвной темноте яростные слова девушки прозвучали со злобой загнанной в тупик пумы.

В ответ старик только пожал плечами, но от такой давно забытой им юношеской горячности на его губах дрогнула чуть заметная улыбка.

Ночь тянулась бесконечно долго для тех троих, что бодрствовали среди древних гробниц. Беспечная луна забралась на самый верх бархатного неба и теперь плыла среди звезд. На юге возвышался злоедающий конус Горы Могущества, черный даже на фоне сверкающего, усыпанного звездами темного неба. Не было слышно ни одного сверчка. Нависла абсолютная тишина.

Вдруг Валерия схватила гирканца за руку. Саботай, который уже начал дремать, выругался, когда ногти

девушки вонзились в его кожу, а затем так же изумленно уставились на Конана.

Огромное, закутанное в покрывало тело киммерийца поднималось, двигаясь жутко, безвольно, как будто невидимый гигант взял его в руки. Веревки, которые удерживали Конана, натянулись и глухо гудели; столбы скрипели под могучим напором невидимых сил.

— Они унесут его! — взывала Валерия, когда тело Конана забилося и задергалось так бешено, что один столб был вырван из земли. Колдун ничего не ответил, но начал петь заклинания срывающимся голосом и чертить в воздухе костлявыми руками магические знаки. Валерия вскочила на ноги и бросилась к Конану, оглашая ночь проклятиями. Пока неистовая девушка боролась с невидимыми силами, рыча как львица, защищающая своего детеныша, Саботай нацупал свою кривую саблю. Затем, прыгнув вперед, он разрубил пустой воздух над пребывающим в беспамятстве киммерийцем и девушкой, которая старалась всеми силами удержать его.

К изумлению Валерии, тело в покрывале тяжело упало и осталось неподвижно лежать на соломенном туфяке. С моря подул свежий ветер, и призрачные тени, спустившиеся на землю, как хлопья тумана, казалось, уплыли прочь.

— Они улетели, — со вздохом облегчения сказал колдун, не переставая дрожать. — Мое заклинание оказалось сильнее, и они не смогли унести его. — Он взглянул на Валерию глазами, полными жалости.

Утреннее солнце поднималось над морем. Колдун снял погребальное одеяние с Конана. Саботай от удивления раскрыл рот. Валерия хлопнула себя по щекам, чтобы обуздать слезы, ручьем бежавшие из ее утомленных глаз.

Огромный киммериец проснулся, зевнул и потянулся, затем в полном изумлении уставился на свои руки. Раны и кровоподтеки — даже на ладонях — зажили, как будто он и не испытал никаких страданий. Со счастливой улыбкой он держал руки перед лицом, осматривая их со всех сторон. Раны, нанесенные гвоздя-

ми, стянулись в маленькие прымы; уродливо распухшие пальцы приняли свой обычный вид. Он сжимал и разжимал кисти, чтобы убедиться, что они здоровы.

— Колдун, теперь я твой должник, — прогрохотал голос варвара.

Старик, сияя, закивал головой.

Валерия, которая заложила за жизнь Конана свою жизнь, бледная от бессонных тревог, обвила руками киммерийца и расцеловала его со словами:

— Моя любовь крепче смерти. Ни духи, ни демоны, откуда бы они ни были, не смогут разлучить нас! Если я умру, а ты попадешь в опасность, помни, что я приду из бездны, из самых глубин Преисподней, чтобы сражаться вместе с тобой...

Конан улыбнулся и, притянув девушку к себе, страстно ее поцеловал. Валерия, все еще не успокоенная, упорствовала:

— Обещай мне, что ты это будешь помнить! Всегда!

Улыбаясь такому упорству, Конан поцеловал ее снова и ответил:

— Не беспокойся. Я буду помнить...

ХII. Ущелье

В то самое время, когда Конан и его друзья в скромной хижине колдуна радовались его счастливому исцелению, в далеком Шадизаре смех нарушал тишину ночи. В самом большом зале дворца Осрик, король Заморы, устроил пир. Тайные агенты донесли ему, что Конан достиг Горы Могущества и проник в самый сокровенный храм. Теперь король с нетерпением ждал скорого возвращения дочери.

На старом королѣ были мерцающие парчовые одежды, пальцы украшали великолепные кольца. Он гордо восседал на троне и маленькими глотками пил вино из золотого кубка. В радостном свете свечей, некоторые из которых были столь велики, что достигали роста пятилетнего ребенка, а в объёме — ширины мужских бедер, величаво расхаживали придворные в парадных одеждах. Они припили во дворец, чтобы возобновить

давно остывшую дружбу с монархом. У ног Осрика на алых и темно-красных подушках возлежали девушки-рабыни в широких прозрачных шароварах. Они напоминали о короле-воине прежних лет, когда еще Сет не наполнил землю страхом и ненавистью.

Однако даже в своем тронном зале король не чувствовал себя в безопасности от убийц, которые могли быть подосланы Дуумом. Вот почему по два суровых стражника стояли в каждом портале и у каждого открытого окна, чтобы оградить монарха от бесшумных шагов в ночи.

Осрик оставил непривычный для него шутливый тон, когда главный камергер приблизился к трону. Свет свечей играл на начищенном серебряном жезле камергера.

Король подозвал его:

— В чем дело, Чорос?

— Государь, он снова пришел — Яро, черный жрец Дуума, и просит личной аудиенции вашего величества по важному государственному вопросу.

На лице короля появилась невеселая улыбка.

— Просит, говоришь? Требуется, не иначе. Что ж, отправь пса обратно в его конуру и не прерывай моего столь редкого удовольствия.

— Но, государь, — настаивал камергер, — Яро сказал мне, что это касается вашей дочери принцессы Ясиимины.

Лицо короля посерело, глаза стали печальными.

— Хорошо. Но пусть его тщательно обыщут, и не пропустите его колец, брошей и других украшений. Эти служители Змеи хитрые и коварные люди, в их руках самый безобидный предмет может стать смертоносным оружием.

Когда камергер с поклоном удалился, Осрик позвал капитана охраны:

— Очисти комнату. Скажи моим гостям, что меня ждут неотложные государственные дела. Я не хочу свидетелей. Оставь только Манеса и Вагоаса, моих самых преданных стражников. Пусть они встанут за колонной и будут готовы сражаться, если черный пес замыслил предательство.

— Да, государь, — ответил капитан.

— А когда они уйдут, вели слугам погасить самые большие свечи. Яркий свет режет мне глаза.

Капитан поклонился и повернулся, чтобы огласить волю короля. Вскоре придворные, стражники и девушки-рабыни удалились из зала. Остались только два воина, которые заняли свои места за двумя массивными колоннами у королевского трона. Когда вынесли свечи, по мраморному полу змеями поползли тени.

Осрик содрогнулся и облизал губы, но продолжал сидеть по-прежнему прямо, пряча свои дурные предчувствия за царственной осанкой. Король осушил кубок вина и, как всегда, отбросил его. Он забыл, однако, что слуга, который должен был поймать его, был выслан из комнаты. Сосуд ударился о мрамор и со звоном покатился к ногам Яро.

Черный жрец бесшумно вошел в приемный покой и медленной, размеренной походкой приближался к трону. Спокойно стоя перед королем, он приложил руки к своей груди и нагнул бритую голову в небрежном кивке. Осрик молча смотрел на него, но в его взгляде скрывали страх и ненависть.

— Государь! — начал жрец.

— Да? — спросил монарх, скрывая бравадой дрожь в голосе. — Ты хотел говорить со мной. По какому поводу?

— По очень важному делу, государь, — ответил Яро, еще на шаг подходя к трону. — Мой господин Тулса Дуум, истинный пророк Вечного Сета, желает оказать честь твоему дому и жениться на твоей дочери принцессе Ясимине.

— Оказать честь моему дому! — пронзительно закричал Осрик. — Оказать честь! Ты злоупотребляешь словами и моим терпением, любезный!

— Государь, женитьба — это почетное установление...

— Чудовище! И ты имеешь наглость прийти сюда и говорить это? — Король дрожащей рукой схватился за бороду. — Твое бесстыдство переходит все границы!

— Я не хотел вас обидеть, — бесстрастно сказал Яро. — Честь, которую Дуум окажет вам, больше, чем вы думаете. Великий Учитель желает, чтобы через этот

союз Замора стала истинным королевством Сета и центром все расширяющейся империи.

Дрожа от ярости, Осрик поднялся.

— Довольно! — закричал он. — Пока я король, я никогда не дам согласия на этот чудовищный союз, на эту дьявольскую игру с законами брака. Стража!

Два дюжих телохранителя выступили из тени мраморных колонн. Яро оглядел их. Потом мягким, невыразительным голосом он сказал:

— Вы обещали, что мы будем одни. Вы обещали мне личную аудиенцию, король Осрик!

Смех короля напоминал лай рассерженного пса.

— Ты думаешь, я останусь наедине с человеком, пропитанным ядом Змеи? Я бы не жил так долго, если бы подставлял свою голую ногу под зубы крадущейся гадины.

— О мудрый и могущественный король! — Яро поклонился с фальшивой услужливостью, затем, повернувшись к двум вооруженным людям, он спросил: — Если я попрошу вас, сможете ли вы убить этого изменника дела нашего господина Тулса Дуума?

Словно во сне, двое стражников вынули мечи и приблизились к королю, который, дрожа, стоял на возвышении своего трона.

— Помогите! Убийца! Ко мне, верные стражники...

Осрик кричал напрасно. Его слабые крики не могли проникнуть сквозь тяжелые двери, которые по его приказу были плотно закрыты.

Когда звук тяжелых клинков, вонзившихся в тело, оборвал иступленные крики монарха, Яро повернулся и направился вон из огромного приемного покоя. Два стражника вытерли кровь со своих клинков о платье мертвого короля и последовали за ним.

На берегах внутреннего моря Конан, Валерия и Саботай продолжали наслаждаться гостеприимством колдуна-отшельника. За несколько дней киммериец полностью восстановил свои прежние силы, и друзья разработали план спасения принцессы Ясиимины. Они должны будут действовать вопреки самозабвенному обожанию девушкой Дуума.

Однажды поздно вечером, когда они сидели у огня в ветхой хижине, Конан сказал:

— Старик рассказал мне, что в Горе Могущества есть целая сеть комнат: одни из них — естественные пещеры, другие сделаны теми, кто строил этот храм-укрытие Дуума. Я видел несколько этих комнат, когда проник туда под видом паломника.

Валерия возразила:

— Ты попробовал войти в дверь, открытую для верующих, и чуть не погиб. Нам придется идти этим же путем, иначе как мы попадем туда?

— Есть потайной ход, — пробормотал Конан. — За горой поток вымыл глубокое и узкое ущелье. Значительно выше ущелья есть неохраемый вход. Старик говорит, что никто, кроме него, не знает об этом.

— Ты хочешь сказать, — заметил Саботай, — что хороший вор может пройти по ущелью, украсть девочку и ускользнуть, пока никто ее не хватился?

— Откуда колдун знает об этом входе? — подозрительно спросила Валерия.

— Старый колдун прожил здесь всю свою жизнь, — отозвался Конан. — Он излазил гору вдоль и поперек, до того как Дуум пришел в эти места.

Саботай, ковыряя палочкой в зубах, добавил:

— Какие глубины Преисподней извергли Дуума?

— Те же самые, в которые, да поможет мне Кром, я отправлю его!

Глаза киммерийца загорелись вулканически-синим пламенем, а рука сжала рукоять воображаемого меча.

Валерия внимательно посмотрела на Конана. Не в силах постичь кровожадное выражение его лица, она сказала:

— Мы приехали сюда только с одной целью — доставить девочку Ясимины к ее отцу и получить королевские дары. Время для мести наступит позже. Когда мы получим обещанные Осриком богатства, то сможем нанять убийц или собрать целые армии для осады этой крепости.

Саботай согласно кивнул. Конан сидел молча. Он задумчиво водил большим пальцем по кромке своего острого меча. Валерия замолчала.

На рассвете следующего дня друзья расстались с колдуном. Ветер рвал гривы коней. Валерия скакала галопом, и ее белокурые волосы плыли за ней, подхваченные потоком воздуха. Саботай несколько замешкался, прикрепляя свой лук и колчан, полный острых стрел, потом и он последовал за Валерией. Конан уезжал последним. Он хотел попрощаться с колдуном, который утрировано сидел у порога своего теперь опустевшего жилища.

Погруженный в молитвы или раздумья, колдун потирал свои узловатые руки. Казалось, что он не замечает приближения киммерийца. Его глаза все так же смотрели в одну точку, даже когда Конан заговорил.

— Пожелай мне удачи, старик, — сказал варвар, — сегодня мы отдаемся в руки беспечных богов.

Конан не был уверен, что старик слышит его. Он помахал ему, повернул своего жеребца и помчался галопом за остальными. Мудрый старик смотрел вслед Конану до тех пор, пока всадник и лошадь не растаяли в тумане моря Вилайет, и слезы струились по его щекам.

Трое искателей приключений пересекли равнину и поехали по незаметной тропинке, которая огибала Гору Могуущества. Они двигались очень осторожно, чтобы их не заметили стражники, расставленные на высотах, пока не добрались до подножия горы, к тому месту, где поток вымыл глубокое ущелье. Впереди, на невероятной высоте, в отвесной скале зиял проход. Зажатый между каменными стенами, весенний поток пенился и падал маленьким водопадом с горы. Он спешил, бурлил на камнях и, наконец, вливался в тихие заводи между скалами.

Там, где низкорослые деревца цеплялись за скудную землю, трое всадников спешили и привязали лошадей. Саботай вытащил из своего мешка какие-то странные предметы, которые он смастерил вместе со стариком. Это были просмоленные мешочки из козьей кожи. Пока мужчины надували и туго завязывали эти неуклюжие пузыри, Валерия смесивала минеральное масло и угольный порошок, пока не получилась густая смесь. Затем все трое сняли одежду и обмазались смесью так, чтобы создать иллюзию игры теней на земле, а к голове привязали маленькие зеленые веточки. Теперь случай-

ный наблюдатель увидел бы куст, а не человеческую фигуру.

В сером свете хмурого дня быстрый поток казался опасным и холодным, как лед. Но у них не было иного способа проникнуть в цитадель Сета. Привязав к спинам оружие, завернутое в темные тряпки, и пристегнув надувные мешки, они бросились в поток.

Они взбирались на выступающие скалы, чтобы отдохнуть от изнурительной борьбы с холодной водой. Нелегким оказался их путь. Доплыв до места, где вода падала с бешеной скоростью, Конан сумел уцепиться за выступающую скалу и вскарабкаться на крутой берег. За ним вылезли из воды Валерия и Саботай. Закоче-невшие от холодного ветра, они начали подниматься вверх по грубым ступенькам ужасных скал.

Внизу редела падающая вода, и казалось, что каменные стены сомкнулись над ними, совсем заслонив бледный свет угасающего дня. Во время короткой передышки у громадного валуна они увидели высоко наверху мерцание огня у входа в пещеру. Вход оказался расселиной в скалистой стене, высокой и узкой, как бойница крепости.

Сквозь рев водопада был слышен медленный и монотонный ритм барабанов. По мере того как друзья продолжали свой опасный подъем, низкий и размеренный барабанный бой нарастал, настойчиво и неумолимо. Конан прошептал девушке, которая карабкалась за ним:

— Звучит так, как будто этот дьявол Дуум собирается приветствовать своих непроходимых идиотов. Если бы я только мог добраться до него...

Валерия почувствовала, что ужас, куда более холодный, чем пронизывающий ветер, леденит ее сердце. Она смогла только еле слышно выдавить из себя:

— Только девушке, Конан. Мы припили только за ней.

Киммериец небрежно кивнул и снова полез вверх. Невидимые, как тени в сумерках, они наконец добрались до входа в пещеру и заглянули внутрь. Тихо, как призраки на кладбище, Конан и Валерия вжались в маленькую выемку в стене пещеры, а Саботай на цыпочках пошел дальше на свет огня...

Барабаны внезапно замолчали. Конан и Валерия, скрывавшиеся в углублении скалы, услышали какофо-

нию слабых звуков: писк голодных крыс, медленные удары воды о камень и завывание ветра у входа в пещеру.

Саботай наконец-то вернулся и возбужденно помахал им, и тогда они очень медленно двинулись вперед, стараясь не задеть ни одного камешка, чтобы не выдать себя.

— Слышите! — прохрипел Конан, внезапно останавливаясь. — Опять барабаны...

Где-то над потолком узкой пещеры они услышали фанатичный барабанный бой, громкий и нетерпеливый. Бешеный ритм сопровождался иступленным пением сотни молодых голосов. Под прикрытием этого непрекращающегося безумного шума трое дошли до более широкой пещеры, откуда и исходил свет огня.

Множество факелов освещало картину самой Преисподней. Языки пламени окрашивали каменный потолок высоко над их головами в желтый, оранжевый и красный цвета. И в этом неземном свете перед ними открылась огромная пещера, просторная, словно храм. Точно так же как в храме, ее сводчатый потолок поддерживали известняковые колонны.

— Стража! — прошипел Саботай, дотрагиваясь до руки Конана.

В мерцании огня воры увидели фигуру вооруженного человека, и по знаку Конана они отступили в тень, пытаясь найти место, где можно было бы спрятаться. Там, в полутьме, среди неровных теней, их разрисованные тела были невидимы. Они приготовились к действию. Гирканец вынул из чехла лук и привычным движением натянул тетиву. Конан высвободил из тряпок свой меч, а Валерия обнажила длинный нож. Они знали, что очень скоро им понадобится все их воинское искусство.

ХIII. Пещера

Конан осторожно смотрел из своего укрытия на прыгающие огни и здоровенных охранников, одетых в железо и кожу. Он облизал губы, по-прежнему оставаясь неподвижным, как будто ожидал какого-то сигнала, чтобы ринуться в битву с этими скотами, потому что, казалось, не было иного способа проникнуть в пещеру, кроме как силой.

Саботай выглядел не слишком счастливо. Вору были не по душе занятия, в которых он не может применить свое искусство, а в прямом открытом бою нельзя проявить ни один из воровских талантов, которыми он так гордился. Наконец он прошептал:

— Киммериец, ты думаешь, мы должны пробивать себе дорогу? Я не трус, это даже Эрлину известно, но было бы глупо лезть на рожон с такими ничтожными шансами на успех, если втихомолку, действуя с известным умением, мы сможем добиться цели.

Валерия согласно кивнула головой:

— Они стоят спиной к нам. Это дает нам некоторое преимущество.

Конан уступил:

— Они ничего не знают о входе из ущелья, если старый колдун сказал правду.

— До сих пор он был прав, — ответила Валерия.

Конан буркнул что-то нечленораздельное. Молодой киммериец настроился на бой. Кровь его кипела, и он стремился отплатить своим врагам за мучения, которые ему пришлось перенести. Все же он понимал, что если их присутствие откроется слишком рано, то они потеряют все преимущества, которые дает внезапное нападение.

Саботай, чьи острые глаза изучали окрестность, возбужденно прошептал:

— Посмотрите туда, налево! Видите те группы скальных колонн, стоящих отдельно от стены пещеры? Они будут хорошим прикрытием для нас, если мы сумеем вскарабкаться туда без лишнего шума.

— Там узко, — возразила Валерия. — Мы с тобой сможем пройти там, а Конан вряд ли.

Конан усмехнулся.

— Я не прочь оставить там немного кожи, если это нужно, — ответил он. — По крайней мере избавлюсь от тошнотворной грязи на спине.

Следуя за Саботаем, они пробивались вдоль стены пещеры. Сталагмиты, напоминающие огромные зубы, скрывали друзей. Каменистая тропа вела вверх, так что, когда они остановились, чтобы посмотреть через пролом в стене, оказалось, что они стоят над самым центром пещеры.

В центре пещеры они увидели огромный котел на четырех массивных столбах из черного камня. Сам котел так же был сделан из чего-то, издали напоминавшего камень. Из-под него с ревом вырывались языки пламени, лижущие дымный воздух.

Вокруг котла сустились взмокшие от пота человеко-звери, подкладывая дрова в костер под этой громадной кастрюлей. Такие же покрытые шерстью существа возились с каким-то хитроумным приспособлением, переменивающим содержимое котла. Густой пар столбом поднимался вверх. В кипящей воде уже плавали большие куски варившегося мяса, а обезьяноподобные мясники разрубали все новые туши, чтобы добавить их к своему пахучему вареву. За этой кухней располагалась большая столовая со столами на козлах и скамьями из бревен.

Вдруг судорога свела мышцы троих лазутчиков и они замерли, не в силах поверить своим глазам. У края котла они увидели подвешенные на крюках, наполовину скрытые паром и мерцающими отблесками костра человеческие тела, которые вытянулись и стали бескровными, подобно кускам говядины или ошипанной птице. По тонкой, почти прозрачной коже мертвенно-бледных лиц, по неподвижным конечностям было ясно, что эти жертвы когда-то были паломниками к Горе Могущества и служили змеиному божеству. Пока смельчаки с ужасом следили за происходящим, два человеко-зверя большими ножами раскромсали еще одно тело и, быстро поднявшись к краю котла, бросили куски в кипящую жидкость.

Валерия побледнела и уткнулась лицом в плечо Конана. Киммериец молча выругался. Саботая стояло. К счастью, римтичный бой барабанов усилился и заглушил изобличающие их звуки. По мере того как шум нарастал, внимание лазутчиков переключилось на бешеную барабанную дробь, наполнявшую пещеру гулким эхом. Барабаны были огромны, как котел; их туго натянутая на каркасы кожа вибрировала не под ударами рук или колотушек, а под ногами прыгающих по ним уродливых, слабеющих существ.

Танцующие фигуры, или по природе своей обросшие шерстью, как звери, или закутанные в шкуры диких

животных, были очень странного сложения. Тени, которые они отбрасывали в тусклом свете пламени, были похожи на демонов из самых глубинных кругов Преисподней.

— Что это за люди? Или они дьяволы? — с сомнением прошептал Саботай.

Конан только пожал плечами, вспомнив неуклюжих человекоподобных стражников, мимо которых ему пришлось пройти по дороге в храм.

Переизобретения лазутчиков были заглушены бряцанием оружия. И только они успели отпрянуть назад, во мрак, как отряд обросших шерстью существ в одежде стражников строем вошел в столовую. Все сняли шлемы и уселись обедать. Вскоре к ним присоединилась беспорядочная толпа опоздавших, и их ворчание еще более усилило общий шум.

Конан сделал резкий, не допускающий возражений жест, чтобы поторопить своих товарищей. Двигаясь с крайней осторожностью, они обошли пенящийся котел со страшным варевом и очутились у другой части пещеры, которую эти человеко-звери приспособили для жилья. Здесь женщины и дети чудовищ, такие же безобразные, как и их мужчины, занимались домашним хозяйством.

— Тролли! — произнес Саботай с широко раскрытыми глазами. — О них мой народ рассказывает легенды.

Валерия несогласно покачала головой:

— Нет, это потомки древнего народа, который жил в пещерах с незапамятных времен.

— Как же они смогли опуститься до уровня зверей? — задумчиво произнес маленький гирканец.

Валерия ответила:

— Как я слышала, они — совсем другое дело. Они не люди, превратившиеся в животных, а животные, которые почти стали людьми. Мои родичи говорили, что много, много лет тому назад на земле было две ветви человеческого рода: наппи предки и эти — обитающие во тьме. Мои предки называли их так, потому что эти человеко-звери не переносят дневного света и предпочитают устраивать свои жилища в подземных пещерах. Пока люди распространялись по земле в

поисках света и плодородных земель, эти, живущие в тени, все глубже зарывались в землю.

— И питались человеческим мясом, — с отвращением добавил Саботай.

Валерия кивнула.

— Этот Дуум, должно быть, разводит их здесь в своих собственных отвратительных целях. Он кормит их телами своих почитателей или телами тех, кого убивают его ученики.

Конан вспыхнул.

— Так вот как змеиный пророк оберегает своих бездумных детей — армией животных-каннибалов, чьи желудки наполняются дураками, которые поплыли за ним.

— Или теми, кто не захотел идти за ним дальше, — произнес Саботай.

За жилищами обезьяноподобных людей пещера кончилась, и Конан, Саботай и Валерия оказались у висячего моста, сделанного из связанных ремнями жердей, натянутых между двумя огромными колоннами. Этот узкий мост протянулся через широкую и очень глубокую расщелину, которая разверзлась внутри горы в незапамятные времена в результате землетрясения. За этим препятствием они различили роскошный рукотворный портал, из которого исходил загадочный переливающийся свет. Не заметив поблизости охраны, они рискнули проникнуть внутрь. Впереди всех, держа стрелу наготове, шагал Саботай.

Вдруг на дальнем конце моста появился полуживотный детеныш. По его росту — около четырех футов и мускулистой коренастой фигуре можно было судить о его недюжинной силе. Вытащив из-за пояса топорик, он сердито делал какие-то жесты руками и дико рычал, как настоящая зверь. Потом существо двинулось прямо на них.

— Они не умеют говорить, — догадался Конан, приготавливаясь защищать себя и девушку, идущую следом.

Слова киммерийца послужили сигналом. Тут же прозвенела тетива и детеныш замер, пронзенный стре-

лой. Он взвизгнул, пошатнулся и упал в пропасть. Саботай вздохнул:

— Он был еще ребенком.

— Да, но он должен был вырасти, — ответила Валерия. — Пошли вперед.

Они поспешили пройти через неохраемый портал, откуда изливалось зеленоватое свечение, и очутились в узком коридоре, в каких обычно слуги ждут приказаний своих хозяев. Здесь не было никого, кто мог бы помешать им; и все-таки они двигались очень осторожно, прижимаясь к стене и стараясь держаться в тени.

— Это, наверное, проход для охранников Тулса Дуума, — прошептал Конан, — и тех, кто обслуживает легковерных глупцов.

Саботай кивнул.

— А поскольку все они слуги Змеи, Дуум решил, что нет надобности оставлять здесь часовых.

— Все равно, надо быть осторожными, — сказала Валерия. — Мы не знаем, что ждет нас впереди.

Очень тихо они прошли вдоль коридора и поднялись по вырубленной в скале лестнице. Здесь было чему удивиться. Они оказались на пороге зала, задрапированного прозрачной материей. Весь этот павильон был наполнен зеленым светом. Наполовину скрытые легчайшими занавесями, как вечерним туманом, незванные гости в изумлении оглядывали внутренний сад с диковинными деревьями и клумбами цветов самых нежных оттенков. Пол из полированного темно-голубого мрамора светился, как поверхность спокойного озера, а из серебряных сосудов тонкими вьющимися струйками дыма вверх поднимался фимиам. Перекрывая шум барабанов, звучала песня флейты, подобная песне соловья, зачаровывая все вокруг.

В эфирном сиянии этого сказочного мира осторожно крались три человека, скользя от куста к кусту, как невесомые тени. За драпировкой павильона они увидели несколько десятков юношей и девушек, нагих или одетых в воздушный газ. Некоторые спали, другие вяло занимались любовью; были и такие, кто сидел, замерев в экстазе, опираясь спинами о стройные колонны из

малахита, на которых висели занавеси, огораживающие этот райский уголок.

Молодые люди здесь двигались так медленно, если двигались вообще, что Конан, взглянув на своих товарищей, одними губами произнес:

— Они одурманены!

Вскоре острые глаза Саботая заметили сначала одного стражника, затем другого. Их человекообразные волосатые туши по-свински растянулись между теми, кого они охраняли. Стражники спали. Даже леопарды, цепями прикованные к колоннам, находились под действием паров наркотика, которые заполняли зал. Они лежали с закрытыми глазами, в полузабытии положив головы между лапами.

Вдруг Валерия коснулась руки Конана и глазами указала ему в сторону. Конан узнал своего старого врага. Тулса Дуум сидел в алькове в состоянии полного транса, его руки и ноги были скрещены, голова опущена. Он вдыхал струйки дурманящего пара, поднимающегося из чаши на жаровне.

Перед ним на коленях стояла принцесса Шадизара Ясимины. Ее прозрачные одежды спали с плеч, открывая изящные выпуклости высокой груди. Две служанки пели странную песнь на непонятном языке, а принцесса, потонув в сладострастном забвении, медленно раскачивалась и водила руками вверх и вниз по круглым бедрам. Ее голова была откинута назад, глаза полужакрыты, иногда она проводила по губам кончиком языка.

Дуум вяло поднял голову и, любуясь, остановил глаза на прекрасной девушке.

— Принцесса? — прошептала Валерия. Конан кивнул. Его голубые глаза пылали злобой и отвращением.

— Так это и есть Рай Сета! — заметил Саботай. — Этот пророк мог бы обратить меня в свою веру, если бы его женщины были столь же пылки, как и желанны.

Валерия холодно взглянула на него. Затем, обратившись к Конану, она выдохнула:

— Что теперь?

Но Конан не ответил.

— Если мы немного подождем, — вставил Саботай, — они все заснут. И тогда... А ты что скажешь, киммериец?

Две пары глаз смотрели в лицо Конану в ожидании ответа, но его внимание было приковано к стене алькова, где Дуум и Ясимины забылись в наркотическом сне. От изумления Валерия разинула рот. Она никогда прежде не видела у Конана такого выражения лица: ненависть и животная свирепость овладели им, и вместе с тем здесь была глубокая сердечная боль, слишком глубокая для того, чтобы заплакать.

Валерия и Саботай, проследив за взглядом Конана, остановили свои недоуменные взгляды на нефритово-зеленой стене за спиной Дуума. Там, на двух серебряных колышках, висел тяжелый меч. Гарда его была выкована в виде оленьих рогов, а рукоятке придана форма лосяного копыта. Длинный клинок был превосходно сработан, и его полированная поверхность блестела в мутном зеленоватом свете, как зеркало.

Этот меч — настоящий шедевр из стали древних атлантов — был выкован отцом Конана.

XIV. Похищение

Молодой киммериец, забыв об осторожности, выступил вперед. Все его помыслы были теперь сосредоточены на одном желании — вернуть отцовский меч. Валерия и Саботай, презрев опасность, открыто последовали за Конаном. Когда три фигуры с оружием наготове отрезали себе все пути к отступлению из алькова, Тулса Дуум неожиданно вышел из оцепенения. Его глаза сузились, когда он увидел три решительных лица и три обнаженных клинка всего в нескольких метрах от себя. Злоба, куда более страшная, чем та, что когда-либо приходилось видеть двум гладиаторам, искажила его лицо. Эта дикая, безумная ненависть во взгляде Дуума на мгновение сковала их.

Валерия, вонзив ногти в руку Конана, держащую меч, прошептала:

— Смотри!

Саботай подобрал в себя воздух и выругался по-гиркански. Один из леопардов, привязанных цепью к колонне, открыл свои золотистые кошачьи глаза и, на-

вострив уши, молча наблюдал. Конан застыл в оцепенении.

А тем временем с грациозным телом Дуума происходили какие-то странные метаморфозы. По его шее пробежала судорога, и шея удлинилась. Нижняя часть лица выдвинулась вперед, а челюсти растянулись. Орлиный нос сжался и совсем исчез, а лоб сплюснулся назад. На его аскетическом лице появились узкие черные линии, похожие на дорожки, которые остаются весной на льду реки. Эти линии перекрещивались, образовывали толстые сходящиеся полосы. Губы Дуума сделались тонкими и исчезли вовсе, а сонные глаза округлились, зрачки превратились в щелки в красном обрамлении, веки пропали совсем. Темно-красный раздвоенный язык высунулся из теперь уже змеиной пасти Дуума и, тронув воздух, скрылся.

— Кром! — пробормотал Конан.

Змеиная голова и шея Дуума извивались, словно у кобры, которая танцует в корзине под звуки дудочки укротителя или вторит движениям его тела.

Саботай первым обрел дар речи.

— Мы должны выжечь это змеиное гнездо! — прошептал он.

Конан кивнул:

— Подобная мерзость должна быть уничтожена только огнем.

— Однако после того как мы достанем принцессу, — выдохнула Валерия.

— И клинок моего отца, — добавил Конан.

Со скоростью прыгающей пумы киммериец достиг алькова, проскочил мимо извивающейся змеиной головы и снял со стены огромный меч. В то же мгновение Валерия наклонилась над стоящей на коленях приверженницей Сета.

— Иди сюда, — прошептала Валерия.

Принцесса Ясимила посмотрела на женщину-воина, излучавшую необыкновенную силу и решимость, и закричала.

— Вставай, — приказала Валерия. Когда же насмерть перепуганная девушка отказалась повиноваться, она схватила ее за длинные волосы и бросила к своим ногам.

Ошеломленная принцесса лишь слабо сопротивлялась, и Валерии пришлось схватить ее за руку и протащить через комнату, в которой пресытившиеся любовники и жрецы лежали в наркотической дремоте бесстрастного самопогружения рядом со своими стражниками.

Когда Валерии удалось вытащить упирающуюся принцессу из алькова, Конан и Саботай поднесли свечи к ниспадающим занавескам, так уютно обрамлявшим место отдыха Тулса Дуума. Служительницы Сета, разбуженные едким запахом горящей ткани, бросились к центральному павильону, но и там они не нашли убежища.

Прикрывая отступление Валерии, Конан и Саботай задержались ровно настолько, чтобы успеть поджечь сначала одну газовую драпировку, затем вторую и третью. Между тем последователи Змеи постепенно просыпались. Они кашляли и терли глаза, изъеденные дымом. Очнувшись и увидев, что везде вокруг них горят занавеси, они, пронзительно крича от ужаса, попытались спастись через выход в дальнем конце комнаты.

Звероподобный стражник тем временем загородил незванным гостям проход. Раздался звон клинков, и получеловек упал, рассеченный почти пополам мечом Конана. Саботай сунул факел в лицо юноши в тюрбане, который подступил было к нему с оружием. Визжа, тот схватился за голову и отступил.

Достигнув лотайных ступенек, киммериец оглянулся и поискал глазами в пылающей комнате Тулса Дуума, думая увидеть его мертвым. Но его надежде не суждено было осуществиться. Занавеси больше не тлели, дым рассеялся, а колдун, который, по-видимому, был не кем иным, как самим змеиным Богом, исчез.

Около узкой лестницы, по которой они проникли внутрь, среди всеобщего хаоса стояла Валерия. У ее ног лежала обезумевшая от страха, дрожащая Ясимила. Испуганные глаза которой искали возможность высвободиться.

Вдруг еле заметная улыбка появилась на ее сомкнутых губах и, словно язычок пламени, осветив ее лицо, исчезла. Для Валерии, с ее гладиаторским опытом, это было сигналом опасности. Прислушавшись, она услышала легкое поскрипывание ступенек. Этот звук был еле различим в исступленном бое барабанов, который доносился из нижней пещеры, во множестве папических криков в когда-то прелестном, сказочном уголке, созданном для любовников и их возлюбленных. Валерия обернулась и увидела перед собой огромного воина в железных доспехах. Он был немолод, от лица его веяло холодом смерти, мускулы руки, державшей меч, казались стальными. Воина сопровождали четыре мохнатых стражника с деревянными дубинами. Дикая ненависть горела в их глазах.

— Рексор! — позвала принцесса Ясимины. — Рексор, спаси меня! Спаси меня для нашего Учителя, который любит меня!

Бросив принцессу на пол, Валерия пригнулась, чтобы избежать удара дубины стражника. Затем она молниеносно выпрямилась и нанесла удар, ее кривая сабля свистнула в воздухе, неся смерть на острие. Стражник пошатнулся и схватился за горло. Кровь сочилась между его волосатых пальцев.

Отскакивая, нагибаясь и увертываясь, Валерия кружилась перед стражниками, избегая ударов дубин, которые раздавили бы ее, как насекомое. Один из стражников, рыча, пошел на нее, но девушка опередила его, вонзив нож между кожаными пластинками его грубых доспехов. Получеловек заревел от боли, схватился за рану и рухнул. Окровавленный клинок Валерии настиг еще одного стражника, ранив его в шею, но он, дико воя, снова бросился на нее. Валерия отскочила, ожидая нового нападения, чтобы отправить стражника в центр комнаты, прямо в объятия пылающих занавесей.

Рексор и оставшиеся в живых стражники отгеснили девушку в угол. Валерия знала, что зажата в тиски, и теперь ей потребуется быстрота реакции и скорость, которые всегда были основой ее успеха. Как раз в это мгновение Конан, словно дикий зверь, проскочил между

пылающими полотнищами ткани. В его руках был огромный отцовский меч. Человек-животное обернулся, но тяжелый меч Конана разрубил его доспехи и отсек голову.

Валерия двинулась на первого помощника Дуума, но Конан прорывался:

— Принцесса уходит! Поймай ее! Оставь Рексора мне!

Когда великан взглянул на киммерийца, его глаза загорелись красным огнем от гнева и удивления. Он оставил избитого Конана висеть на Дереве Скорби, однако он был здесь — цел и невредим. Но у Рексора не было времени осознать это чудо. Огромный меч Конана уже был занесен для сокрушительного удара.

Два клинка скрестились в яростной схватке. Не выдержав натиска стали атлантов, клинок Рексора упал на мраморный пол. Рексор тут же метнул рукоять в голову Конана, но тот уклонился от удара. Тогда защитник Культа прыгнул и железным кольцом своих рук зажал своего мощного противника.

Конан отбросил отцовский меч. Он был бесполезен в таком близком бою. Два гиганта закружились по пылающей комнате. Они не обращали никакого внимания на дым и языки пламени, их мощные мускулы были напряжены, а воля нестигаема. Они царапали, сжимали и били друг друга, пока Рексору не удалось схватить Конана за горло. Его мощные пальцы, словно железные зубы, врезались в шею киммерийца. Борясь за воздух, Конан отогнул один палец своего противника и сгибал его, пока не треснула кость. С проклятиями, в боли и ярости Рексор ослабил хватку и с силой швырнул юношу к центральной колонне. Полуоглушенный Конан, опираясь о малахитовую колонну, попытался подняться на ноги, но Рексор уже потянулся за огромным мечом, много лет назад выкованным отцом киммерийца. Исход боя решил один из леопардов. Обезумев от огня и дыма, он разорвал цепь, которой был привязан к колонне, бросился на спину Рексора и повалил его, тщетно пытающегося защититься от когтей и клыков зверя. В конце концов он, визжа, повалился на пол, а грациозная кошка, звеня о мрамор своей порванной цепью, помчалась дальше.

Конан в мгновение ока встал на ноги. Распростертый Рексор лежал в луже крови, а рядом с его рукой, бьющейся в судорогах, находился огромный меч. Подняв оружие, в густом дыму киммериец бросился искать Валерию и принцессу. Он увидел их около обгорелых занавесей, где Валерия изо всех сил пыталась удержать свою бьющуюся пленницу.

Конан двинулся было к ним, но зловеющий скрежет над его головой заставил его осмотреться. Это начали разрушаться своды павильона, по которым языки пламени бегали, словно светящиеся мыши. Одна балка падала за другой; потрескалась и начала осыпаться каменная колонна, поддерживающая потолок.

Не задерживаясь более ни на мгновение, Конан поспешил на помощь Валерии. Ясимины яростно сопротивлялась, желая ускользнуть, так что, несмотря на выдержку и волю, силы начали оставлять Валерию. В тот самый момент, когда Конан наконец добрался до своей усталой подруги, в опустевшей комнате раздался гул обвала. Малахитовая колонна пошатнулась и упала, прижав Рексора, а съездившаяся ткань, обгоревшие балки и щебенка почти полностью завалили его.

Величественная картина разрушения фантастического сооружения и безумный грохот отвлекли Валерию. Ясимине удалось высвободить руку, и она бросилась прочь. Киммериец в несколько прыжков догнал ее и подхватил на руки, но обезумевшая девушка с проклятиями впиалась ногтями в его лицо.

Не желая более встречаться со стражниками и подвергаться новой опасности, Конан отбросил кодекс варварской галантности и жестко ударил принцессу по щеке. Ошеломленная девушка затихла и больше не сопротивлялась. Киммериец перекинул ее грациозное тело через плечо и побежал к выходу. Валерия следовала за ним по пятам.

Они промчались по залу, обогнув дымящиеся груды камней и испуганные группы поклонников Змеи, которые запоздало искали спасения от дыма в дальних коридорах цитадели их повелителя. Конан и Валерия нашли Саботу недалеко от лестницы, по которой они попали сюда. Гирканец спрятался за каменную вазу и держал стрелу наготове на тот случай, если еще один

обезьяночеловек попытается проникнуть в этот еще недавно прелестный сад, превратившийся теперь в обгоревшие развалины.

Друзья выбрались из едкого дыма, и Саботой крикнул: — Сюда, пока огонь не отрезал нас!

Сбежав по узким ступенькам, они вновь оказались в широкой пещере, где жили семьи обезьяноподобных стражников Тулса Дуума. Они промчались по мосту и только было спрятались за валуном, как мимо них пробежала группа стражников, призванных потушить пожар. Растворившись в темноте, Валерия и Саботой провели киммерийца с его потерявшей сознание пленницей на плече по узкому проходу между скалами к пещере, через которую они проникли в цитадель Дуума. Все это время барабаны неумоимо отбивали свой леденящий душу ритм:

— Дуум! Дуум! Дуум!

За ними, там, где когда-то был павильон наслаждения, огонь утих, и общий хаос постепенно прекратился. Те, кто старался укротить огонь, опаленные и измученные, отступили и стояли, виновато понуриив головы, когда Тулса Дуум показался из внутренних покоев своей горы-крепости. Он был облачен в воинские доспехи, голова имела привычный вид, а глаза пылали яростью. Предводитель звероподобных стражников выступил вперед, приветствуя его.

— Слава Сету, ты жив, Господин! — прокричал он. — Мы знали, что наш бог уберет тебя!

Глава Культа слегка кивнул, и злость исказила его узкоглазое мертвенно-бледное лицо.

— Где жрица Ясимины? Почему она не приветствует меня?

Груда камней зашевелилась, раздалось приглушенное рычание. По приказу Дуума стражники растащили обломки балок и дымящиеся останки роскошной мебели. Услужливые руки помогли Рексору подняться. Окровавленный и сильно помятый, он предстал перед главой Культа.

Гнев Дуума вскинулся с новой силой.

— Знаешь ли ты, где принцесса?

— Человек, которого ты распял, и другие — они убили трех стражников, изранили меня и унесли ее, когда я был беспомощен.

— Предатели! Убийцы! Прислужники смерти! — зашипел глава Культа. — Они осквернили мое святилище; разрушили место нашего отдыха. Они должны захлебнуться в собственной крови. Найди их, верный Рексор, и доставь сюда живыми или мертвыми! Иди!

Рексор поклонился и поплелся прочь. Полуживотные последовали за ним и скрылись в густом дыму, который поднимался над догорающими углями.

Конан и его друзья стремительно пересекли пещеру. Бешеный бой барабанов заглушал их шаги. Они не остановились посмотреть на кипящий котел с его жутким содержимым, не обратили внимания на пировавших у огня звероподобных существ. Каждый из них молился своим богам о том, чтобы сталагмиты помогли им укрыться от случайного взгляда обитателей пещеры.

И вот свершилось чудо, показался кусочек звездного неба. Конан вздохнул с облегчением, когда они, протиснувшись в ущелье, очутились на том самом месте, откуда проникли в Гору Могущества. Рядом мирно нес свои воды все тот же водопад. Истопленный барабанный бой внутри пещеры сменился приветливым рокотом воды.

XV. Смерть

Чистый ночной воздух ласкал измученных, утомленных спасителей и спасенную. Легкий ветерок нежно, как пальцы возлюбленного, трепал длинные волосы принцессы Ясиminy, и девушка шевельнулась на широком плече киммерийца.

— Если нам немного повезет, — тяжело дышал Саботай, — мы сможем смыться подальше от этого проклятого места прежде, чем они обнаружат нас.

Валерия прошептала:

— Я думаю, они потеряли нас в темноте и ищут какой-нибудь другой проход.

Конан мрачно тряхнул черной шевелюрой:

— Я слышу, как в пещере звенит их оружие. Мы должны торопиться.

Он передвинул Ясимины; при этом руки ее, словно плети, обвинили Конану шею.

— Валерия, свяжи ей запястья; чтобы спускаться вниз по скалам, мне понадобятся обе руки.

Отважная красавица развязала пояс и стянула им повисшие руки принцессы, недовольно бормоча:

— Если эта девка соскользнет с твоей спины, то задушит тебя.

Конан усмехнулся:

— Ну нет! Эта привилегия останется только за тобой.

Итак, согнувшись под ношей, он ухватился за кусок скалы и нащупал ближайший валун — ступень лестницы, ведущей к безопасности.

Как только варвар начал осторожно спускаться, Ясимины полностью припила в себя. Ее сны, улетевшие вместе с запахом дурманящего дыма, уступили место кошмару реальности. Водопад, казалось, чуть не поглотил ее. Бездонная черная пропасть разверзлась под ней, и грязный, вонючий гигант уносил ее прямо туда. А выше виднелись силуэты мужчины с натянутым луком и женщины-воина, крепко сжимающей в руке кинжал.

Ясимины закричала, и этот резкий крик разорвал тишину ночи.

Конан крепко выругал Осрика и всю его семью, а потом жестко прибавил:

— Заткнись, если не хочешь умереть.

Но принцесса, обезумев от ужаса, истерически закричала:

— Господин, господин, спаси меня! О Дуум, спаси меня!

Конан, едва балансируя на прямоугольном куске скалы, ударил принцессу по лицу, прильнувшему к его шее. Ошарашенная девушка замолчала. Но было слишком поздно.

На вершине горы загорелись сторожевые костры. Лица вглядывались в темную пустоту. Какие-то пред-

меты со свистом пронесли мимо Конана и канули в темноту. Он не мог сказать, были это стрелы, копья или просто камни. Что-то сильно ударило его в плечо, и Конан скрипнул зубами от боли. Вынужденный увеличить скорость, Конан наконец спустился и, укрывшись за чахлым деревцем, стал оглядываться в поисках своих товарищей.

Проворная, как горная серна, Валерия спускалась вниз по каменной лестнице. Саботай был еще довольно высоко, он целился в кого-то, находящегося выше. Как заметил Конан, стрела вспорхнула вверх, описала дугу и во что-то вонзилась. Издав ужасный рев, пещерный человек повзвизнул и полетел прямо в сигнальный костер.

Вторая стрела отправилась вслед за первой, и новый стражник, стоявший на краю обрыва, схватился за пронзенную грудь. С диким визгом он свалился в ущелье, стремительно падая в каменную глотку, и пропал в водопаде, прежде чем затихло эхо его крика.

Как раз в это время первые охранники Дуума, как увидел Конан, начали протискиваться через узкий проход в горе, чтобы войти в ущелье. Смущенные жутким криком, усиленным эхом, они некоторое время топтались на уступе и тупо озирались по сторонам, пытаясь установить, откуда исходит этот странный звук. Их нерешительность дала Саботайю время, чтобы прыгнуть с уступа и спрятаться за глыбами, наминавшими ступени лестницы. А чуть позже, когда мохнатые стражилища вернулись в пещеру, чтобы сообщить о случившемся, гирканец почти кубарем скатился вниз и присоединился к своим друзьям. Дальше склоны горы стали более пологими и ровными.

— Чтобы Эрлик сварил их всех в масле! — проворчал Саботай, осматривая стертую кожу на костяшках пальцев и расцарапанные ладони. — Я подумал было, что мне конец.

— Нужно найти наших лошадей, пока эти дьяволы не подняли тревогу, — сказала Валерия. — Мы переходили речку где-то здесь.

Они стали вглядываться в темноту, стараясь найти кожаные мешки, наполненные воздухом, на которых друзья переправились через эту быструю горную речку.

Но между острыми обломками скал и валунами было так много щелей и темных углов, куда свет не мог проникнуть, что пришлось отказаться от бесплодных поисков.

— Пойдем вдоль берега, пока не выйдем на равнину, — сказал Конан. Он поднял Ясимиу и снова положил ее на левое плечо.

— Но река там становится шире, а мы, люди степей, не особенно хорошо плаваем, — возразил гирканец.

— Ну, ладно, делай как знаешь, — огрызнулась Валерия. — Эта глупая девица связывает нам руки.

Саботай пошел вперед, и все остальные двинулись следом за ним вдоль незнакомого берега бурного потока. Они шли молча, благодаря небеса за темную безлунную ночь и за то, что им удалось убежать из рук Дуума и его обезьяноподобных стражников. Тяжелая ноша на плече Конана замедляла их движение, но спящая принцесса не могла по крайней мере призывать стражников.

Слишком скоро, как им показалось, лучи рассвета покрыли небо румянцем и прогнали дружелюбные звезды. Птицы вылетали из гнезд и с жалобными криками кружились над листвой, скрывавшей молодых людей. Теперь каждый мог видеть, где находятся похитители. Валерия, замыкавшая шествие, скорее почувствовала, чем увидела, тропинку.

— Я, кажется, вижу дорогу или тропинку, петляющую по склону горы, — задумчиво проговорила она. — Как вы думаете, зачем она нужна?

— Я не сомневаюсь, что она ведет прямо к какому-нибудь сторожевому посту, — как всегда громко ответил киммериец. — Они поставили караулы по всему пути, где я поднимался вместе с баранами-паломниками.

— Пока поблизости нет ни одного стражника, — весело сказал Саботай. — Лошади где-то совсем близко. Мы уже пересекали этот мельничный пруд; вода здесь такая тихая, что даже я смогу пройти.

— Я помогу Конану справиться с черногривой девчонкой.

Валерия шагнула в воду, и поверхность пруда разбилась, словно зеркало.

— Моли Крома, чтобы она не заорала опять, — прошептал Конан, перекладывая принцессу на руки Валерии. Когда ледяная вода разбудила Ясимину, Конан свирепло посмотрел на нее и прорычал: — Скажи только одно слово, я и утоплю тебя прямо здесь!

Конан и Валерия вдвоем протащили принцессу через тихую запруду. Тем временем Саботай уже перебрался на другую сторону и, мокрый до нитки, вышел на покрытый травой берег. Здесь он оставался настороже до тех пор, пока Конан и Валерия вытаскивали из воды на смерть перепуганную принцессу и затем, задыхаясь, повалились лицом вниз на траву.

С неусыпной воровской бдительностью Саботай следил за тропой, ведущей к наблюдательному пункту стражников Дуума.

— Конан, — сказал он, — нужно уходить, пока они нас не учуяли... О Эрлик! Посмотрите вон туда!

Он указал на извилистую тропинку на склоне над ними, по которой спускалась группа людей.

— Клянусь Кромом, это Дуум и Рексор с отрядом пещерных людей, — пробормотал Конан.

— Они заметили нас, — подтвердила Валерия. — Дуум показывает в нашу сторону.

Рексор, по-видимому, отдавал приказание, человеко-звери послушно кивали головами и потом цепочкой начали спускаться по голому склону. На пути они издавали истошный дикий вой. Несмотря на то что в их свинячьих глазках не было даже искорки разума, оружие в своих волосатых лапах они держали очень ловко и, приближаясь, грозно потрясали дубинками, булавами и острыми топорами. Первые лучи солнца освещали их истекающие слюной пасти и отражались на металлических пластинках, покрывающих кожаные доспехи.

Три товарища приготовились к битве. Валерия стала так, чтобы защищать спину Конана, а Саботай выхватил легкую кривую саблю и встал слева от него. Грубые твари начали наступление. Члены маленького отряда Конана слаженно рубили и уворачивались от ударов, делали резкие выпады и ускользали от оружия полужверей. Каждый старался отбить удар, предназначенный другому. Они действовали как безупречная, непобеди-

мая команда. Движимые любовью и отчаянием, захваченные безумием боя, Конан и Валерия сражались так искусно, как не бывало ни до того дня, ни после.

Под мощными ударами киммерийца трещали кости. Быстрый меч Валерии кровью метил свой путь. Человеко-звери падали один за другим. Один из них голой рукой схватился за саблю Саботая. Острое лезвие разрезало ему кожу и жилы, но он, как будто не чувствуя боли, вырвал оружие из руки гирканца и поднял для удара свой меч. Саботай с проклятием отскочил назад, но Конан успел прийти к нему на помощь, и пещерный человек упал с распоротым животом.

Прислонившись спиной к валуну, Саботай достал лук, стрелу, натянул и отпустил тетиву. Хотя тетива отсырела и стрела летела довольно медленно, еще один противник повалился на землю, схватившись за стрелу, наполовину вошедшую в его тело. Сражение кончилось так же неожиданно, как и началось. Оставшиеся в живых животные с рычанием бросились прочь. Как побитые псы, поджав хвосты, они взбирались по склону горы к сторожевому посту, где все еще оставались Дуум и его преданный слуга.

Три пары усталых глаз следили, как стражники поднимались вверх. Три пары глаз увидели царственную фигуру Тулса Дуума, который стоял, широко расставив ноги, и его первого приближенного. С быстротой молнии Дуум схватил змею, свернувшуюся кольцом у него на плече, и одним движением руки превратил гадюку в покрытую чешуйками стрелу. Взяв тугой лук из услужливых рук Рексора, он натянул тетиву и выпустил стрелу, которая за мгновение до того была живой змеей.

Отравленная стрела устремилась прямо к сердцу Конана. Но ее опередила женщина, женщина-воин, которая живым щитом стала на защиту любимого человека. Смертоносный наконечник стрелы вонзился в грудь Валерии и выпел между лопатками.

Валерия обмякла, но Конан схватил ее и, упав на колени, бережно обнял своими могучими руками. Затем он поднял голову и полными ненависти глазами посмотрел на своего смертельного врага. Дуум наблюдал,

как его слуга снимает тетиву огромного лука. Кривая дьявольская усмешка искажала его жестокое лицо.

Оскалив зубы, Рексор выразил свое восхищение.

— Очень сильный и меткий выстрел, хозяин! Смерть неверным! — прокричал он.

Тонкая улыбка обернулась нечеловеческой гримасой, и по округе пронесся его ответ:

— Смерть всем, кто встанет против меня!

Повернувшись на каблуках, Дуум пошел прочь.

Конан наклонился над раненой девушкой и поцеловал ее в побелевшие губы. Потом он увидел наконечник стрелы, торчащей из ее спины, и выдернул ее. Валерия чуть не задохнулась от боли, но была слишком слаба, чтобы кричать. В руках варвара стрела снова превратилась в змею. Преодолевая нахлынувшее отвращение, Конан швырнул ее в кристальную воду дремлющего потока.

— Живи! Ты должна жить, — стонал он. — Ты нужна мне.

Валерия слабо улыбнулась.

— Колдун... сказал мне... что я должна заплатить духам... — голос Валерии стал таким же тихим, как шорох листьев при еле заметном ветерке. — И теперь я... плачу.

Конан прижал ее к своей груди. Их волосы, черные и светлые, спутались вместе в золотых лучах восходящего солнца. Со стороны моря Вилайет подул ветер.

— Обними меня крепче... крепче, — чуть слышно шептала Валерия. — Поцелуй меня... вдохни тепло в мое тело...

И он неистово, жадно целовал ее, прижимая к себе ее податливое тело, как мать успокаивает и ласкает ударившееся дитя. Ее лицо стало пепельным, длинные ресницы темными тенями легли на восковые щеки.

— Холодно... как холодно, — Валерия едва дышала. — Согрей... меня...

Ее губы снова искали его, а потом рука беспомощно упала на свежую траву.

Конан все еще крепко прижимал Валерию к себе, когда Саботай тронул его за плечо и безмолвно покачал головой. Тогда он уткнулся лицом в ее волосы.

Солнце еще поднималось вверх по лазурному небу, когда два всадника остановили своих измышленных коней у двери лачуги колдуна. Конан слез с коня, держа на руках безжизненное тело Валерии. Саботай тоже спрыгнул с лошади и поспешил снять ремни, которыми была привязана к седлу принцесса.

Старый чародей сразу же вышел им навстречу. Он взгляделся в лицо хрупкой девушки, взял повисшую руку за запястье. Потом, в ответ на немой вопрос Конана, он поднял глаза, полные сочувствия, но лишённые надежды. Валерия была мертва.

Киммериец внес свою легкую ношу в жилище колдуна. Саботай, кивнув в сторону принцессы, сказал ему вслед:

— Я останусь здесь сторожить эту девчонку. Тебе захочется побыть одному.

С помощью старого отшельника Конан уложил Валерию на одеяло и снял с нее мокрую, испачканную землей одежду. Затем он смыл следы крови и прилипшие комочки грязи с ее бледной кожи. Огромный рубин, украденный из Башни Змеи, разливал свой холодный свет по израненной груди девушки.

Нахмурившись, Конан взял Змеинный Глаз, повесил его себе на шею и спрятал под одеждой.

— Этот камень, — спросил колдун, — как он оказался у нее?

— Я подарил ей эту безделицу, — прорычал киммериец. — Я не хочу говорить об этом.

Колдун пожал плечами и продолжал готовить Валерию к огненному погребению. Вместе они одели ее в сорочку из тонкого шелка, которую она купила в Шадизаре, чтобы носить по праздникам, скрестили руки на груди и вложили в них ее меч. Потом натерли лоб благовониями и расчесали длинные волосы.

— Она прекрасна, — дрожащим голосом проговорил колдун, — как невеста.

— О если бы так! — тихо сказал Конан, торопливо выскакивая из лачуги, чтобы помочь Саботайю собрать дрова на берегу моря.

Солнце превратилось в огненный шар, висящий на западе невысоко над горизонтом. Погребальный костер был собран. Он стоял на самом большом холме, среди

надгробий древних воинов и царей, а плиты, под которыми покоились их останки, образовали почетный караул вокруг костра. Туда Конан отнес Валерию и ласково опустил ее на последнее ложе. Там, на фоне розового заката, она казалась совсем юной, спящим ребенком.

Саботай помог старику подняться на холм. В дрожащих руках колдун держал зажженную свечу. Конан в глубокой задумчивости смотрел на свою возлюбленную, а потом тихо и медленно запел траурную песнь гладиатора:

Меч воспевает кровь и месть,
Дорога война
Сквозь плоть и кость
Ведет его во смерть.

Простившись с Валерией в последний раз, киммериец взял пылающий факел и, шагнув вперед, дотронулся им до сухих дров. Огненные языки пламени взметнулись к небу вокруг мраморно-белой красавицы. Легкий ветерок с моря ласково, как будто касаясь пальцами, шевельнул ее волосы и стих. Дым тонкой струйкой поднимался к темнеющему небу, словно желая дотянуться до вечерних звезд.

Конан замер, казалось, что он высечен из камня. Саботай тихо всхлипывал, и слезы одна за другой скатывались по его щекам. Колдун закончил бормотать заклинания и внимательно посмотрел на него.

— Почему ты так плачешь, гирканец? Она так много значила для тебя? — спросил он.

Саботай смахнул слезу и откашлялся.

— Мне она была другом, а для него она была всем, — ответил маленький человек. — Но он киммериец и не должен показывать слезы, поэтому я плачу вместо него.

Колдун задумчиво кивнул, размышляя о судьбах чужестранцев.

От костра остались одни угли, которые вскоре превратились в золу, и ночной ветер развеял этот пепел по всему свету. Все это время Конан стоял не шелохнувшись, а потом, когда ветер унес последнюю горстку праха, повернулся к Саботаю и колдуну и сказал:

- Теперь мы должны готовиться.
- К чему готовиться?
- К тому, что они нападут на нас.

XVI. Битва

В домике отшельника в эту ночь никто не спал. Старый колдун кутался в свой грязный плащ и не отрывал взгляда от молодого гиганта, за чью жизнь была заплачена такая дорогая цена. Конан углем набрасывал на гладкой кладке печи план битвы. Саботай следил за Ясиминой, привязанной к кровати старика.

Едва рассвет озарил неподвижную гладь моря Вилает, в маленьком домике начались бурные приготовления. Тюфяки были свернуты, а над только что зажженным огнем повесили котелок. Саботай отправился на поиски всего необходимого для предстоящей битвы. Старик бродил среди груды хлама, пытаясь отыскать хоть какие-нибудь остатки оружия, доспехи или вещи, которые можно будет использовать в этих целях.

Ясиминая сидела на кровати, уставившись на киммерийца. Ее глаза пылали яростью, а алый ротик исказила усмешка.

— Наслаждайся этим днем, пес-варвар, — прошипела она, — так как он будет твоим последним.

Конан посмотрел на нее и поднял свои густые брови.

— Мой Змеиный Король знает, где вы, — продолжала она. — Он видел ваш огонь и придет сюда. Это так же верно, как то, что солнце встает на востоке. И он убьет тебя.

— Ты что же, предсказательница? — проворчал Конан. — Я думаю, что, конечно, нет — просто глупая девчонка. Не знаю, и за что твой отец так любит тебя.

Он подошел к разгневанной принцессе, взял своей огромной рукой ее за подбородок и, посмотрев в ее сверкающие гневом глаза, мягко сказал:

— Я родился на поле боя... Первым звуком, который я услышал, был крик... Предстоящая битва не пугает меня.

— Меня она тоже больше не пугает! — бросила ему Ясими́на. — Потому что мой бог приведет своих людей, чтобы спасти меня. Мой бог... и будущий супруг, Ту́лса Дуум.

Конан мрачно усмехнулся:

— Тогда ты увидишь битву, каждый удар. Ты будешь находиться именно там, чтобы приветствовать его, когда он придет за тобой.

У девушки был несколько испуганный вид, когда варвар отвязал ее от спинки кровати и, словно мешок, взвалил на плечи. Поднявшись на ближайший могильный холм, он привязал ее к надгробному столбу.

— Отсюда ты все увидишь. И тот, кто придет за тобой, легко найдет тебя.

Саботай позвал снизу. Конан спустился по склону и увидел гирканца с целой охапкой бамбуковых палок, которые тот с шумом бросил на землю.

— Они сойдут для копий, — сказал он, затем взял одну из них и заострил конец ножом.

— Где ты нашел их? — спросил Конан, принимаясь обрабатывать концы других палок.

— Там, около моря — за густой травой.

Наконец, когда последнее копьё легло на землю, Саботай сказал:

— Дуум скорее всего придет прямо с горы. Не вырыть ли нам ров с дальней стороны могильного холма?

— Да, — согласился киммериец, — и мы покроем его тонкими палочками и дерном.

— Если у нас будет время, — сурово сказал Саботай. — Я возьму лопаты из подвала колдуна.

Вскоре двое мужчин уже работали в поте лица. Все утро летела земля; ров медленно углублялся. Маленькому вору приходилось время от времени отдыхать, Конан же копал без усталости, как манина. Безграничная ненависть и жажда мести вливали новую энергию в его мощные мускулы, увеличивая его и без того невообразимую силу. Он выкопал втрое больше, чем смог бы обычный человек.

Когда колдун принес им хлеб, сыр и кувшин домашнего пива, ров был уже готов и острые палки прочно установлены на дне.

— Вы собираетесь сражаться здесь? — спросил он.

— Здесь или на вершине ближайшего холма, — ответил Конан.

Старик посмотрел туда, куда указывал киммериец, и кивнул головой.

— Много битв видели эти места в давние времена, — сказал он. — По ночам тени мертвецов поют об этих сражениях наводящие ужас песни.

— Сегодня здесь будет бой, каких не бывало раньше, — ведь двое будут сражаться против тысячи. Старик, если мы падём, может быть, ты споешь и о нас песню, когда нас уже не будет в живых, — сказал Конан.

— Или нам, если мы выстоим, — жизнерадостно добавил Саботай.

— Я отнесу еды и питья строптивой дочери Осрика, — сказал Конан. — Мы ведь не можем допустить, чтобы она превратилась в тень, если надеемся на вознаграждение.

Взобравшись на холм, Конан предложил Ясимине грубую еду колдуна. Она поморщилась при виде простой пищи и свирепо взглянула на дающего ее, однако, как с удивлением замстил Конан, ела и пила с необыкновенным аппетитом.

И все же принцесса не сменила гнев на милость. Закончив еду, она язвительно улыбнулась:

— Теперь уже скоро.

— Да, скоро, — отозвался Конан.

Присоединившись к Саботаю, который вырезал стрелы, готовя свое снаряжение, Конан сел рядом и принялся точить мечи. Заостряя свой огромный меч древних атлантов, киммериец вспоминал свое детство, размышлял о могуществе своего кровного врага, об умении и хитрости, столь необходимых, чтобы преодолеть во много раз превосходящую грубую силу.

Он благодарно подумал о Саботае. Хитрый гирканец знал множество уловок и был знаком со стратегией боя. Его кочующий народ был крайне воинственным, но кровная вражда истощала его силы, и людям часто приходилось идти на хитрость, чтобы победить своих более многочисленных врагов. Сейчас это был бесценный опыт.

Так Конан и Саботай дружно укрепляли свои позиции. Они перекинули через ров тонкие палки и прикрыли их мхом, чтобы создать впечатление твердой почвы. Осмотрев плиты на могильном холме, они выбрали самые прочные, разложили стрелы и камни в своем самодельном форте, поставили туда кувшин питьевой воды. Однако, проделав это, оба решили, что еще недостаточно подготовились.

— Скрытый ров позаботится лишь о первых пяти лошадях и их всадниках, — сказал Саботай, вытирая пот со лба.

— Да, их будет гораздо больше, — прорычал Конан.

— Может быть, духи умерших воинов протянут нам руку помощи, — безнадежно ухмыльнулся Саботай. — Вдвоем можно сделать то, что мы сделаем, не больше.

— Вы, со всеми своими приготовлениями, уже ходячие мертвецы, — сказала принцесса, вызываяще тряхнув тугими локонами. — Когда мой бог придет со своими людьми...

Внезапно Ясимины оборвала свои рассуждения на полуслове. Мужчины переглянулись и потянулись к мечам, так как услышали где-то у подножия холма скрежет металла о металл. В жизни они не слышали подобного лязга! Товарищи обернулись, их нервы и мышцы напряглись, подготовившись к бою. Вдруг Конан расхохотался.

К ним медленно подходил старый колдун, с ног до головы закованный в старинные латы. В руках у него была куча панцирей, шлемов и копий. Саботай поспешил к нему и возбужденно закричал:

— Где ты нашел все это, старик?

— У мертвых, — осклабился колдун. — Это их подарок. Ты найдешь еще много внизу, — он махнул головой в сторону своей хижины.

Саботай сбежал с холма и принялся собирать наколенники, мечи, топоры, стрелы и связки дротиков, Конан же поднял прекрасный панцирь и внимательно осмотрел его.

— Ты сказал, у мертвых? Но это прочное, свеженачищенное железо. Оно не могло лежать в могиле.

— Ты забыл, что я знаю секреты колдовства. Если мне удалось разжечь уже затухающую свечу твоей жиз-

ни, то выпросить дар у тех, кто покоится под этим холмом, значительно более легкое дело. Кроме того, боги благосклонны к тебе. Они будут следить за предстоящей битвой.

— А будут ли они помогать? — спросил киммериец.

— Нет, этого они не могут сделать.

— Им может не понравиться это зрелище, — прорычал Конан. — Нас всего двое против...

— Нас трое, — прервал его колдун.

— Неужели ты будешь сражаться вместе с нами? — с удивлением спросил Конан.

— Почему нет, почему нет? — задумчиво отозвался колдун. — Если вы погибнете, они убьют меня за то, что я приютил вас. Поэтому я должен помочь вам всем, чем смогу. — Хитро улыбувшись, он добавил: — А я еще не забыл некоторые уловки.

В то время, когда колдун пошел осматривать укрепления, киммериец облачился в кольчугу искусной работы, надел стальной шлем и наколенники из тонкой бронзы. На выбранной им позиции положил прочный щит, топор и воткнул в мягкую землю целый ряд дротиков так, чтобы в нужный момент они оказались под рукой.

Тем временем вернулся Саботай. Он прекрасно вооружился сам и принес с собой целую грудку оружия. Окружив себя своим любимым оружием: мечом, огромным луком и множеством стрел, он разложил также в непосредственной близости от себя еще целый арсенал ножей, мечей и копий. После всех этих приготовлений Саботай словно окупился в поток чистой воды, и его упрямая уверенность в себе удвоилась.

— Удивляюсь, почему они все еще не пришли! — сказал Саботай. — Уж не боятся ли они нас, или они про нас уже забыли?

Ясимины оглядела гирканца так, словно он был вредным насекомым.

— Идиот, неужели ты не знаешь, что сегодня выходной, установленный Сетом для молитв и отдыха? Никто не может работать до захода солнца.

— Почему ты не сказала об этом раньше? — прорычал Конан. — Тебе бы принесли ужин.

— Я не стану помогать тебе, варвар, я прекрасно обошлась и без еды. Ты враг Сета.

Солнце было уже на горизонте. По равнине, которая растянулась между могильными холмами древних королей и нависшей Горой Могущества, сердцем невидимой империи Дуума, поползли багровые тени. Конан, Саботай и старик-колдун смотрели из своего укрытия на темнеющий запад и ждали. Ожидание действовало им на нервы, потому что они твердо знали, что как только мрак сотрет последние отблески догорающего дня, полулюди-полузвери начнут атаковать их.

— Что это за звуки? — спросил Саботай, вздрогнув, когда вдруг на холме раздалось какое-то пение. Осторожно выглянув из укрытия, они увидели привязанную у могильного столба принцессу, которая стояла и смотрела вдаль, на заходящее солнце, туда, где бесплодная равнина переходила в гору, и ветер развеивал ее длинные волосы. Последние лучи солнца поцеловали ее обращенное на запад лицо и залили золотом обнаженные руки и плечи.

Песня, которую она пела, была непривычна для слуха. Ее все расширяющаяся мелодия, в которой звучала страсть и тоска одновременно, действовала на слушателей странным образом. Сама же Ясиминая была похожа на жрицу, ведущую за собой людей, хотя одежда ее была испачкана и изорвана.

— И что теперь? — прошептал старик, не отводя глаз от колдовских движений девушки и подавившись чувственной магии ее пения.

Саботай как завороченный слушал эту неземную мелодию.

— Как прекрасно! Что она поет? — прошептал гирканец.

— Не обращай внимания! — ответил Конан. — Это один из гимнов змеиного бога, направленный на привлечение последователей Сета. Он несет с собой разрушение. Не слушай!

Когда звезды осыпали темный свод небес, Конан поднял глаза к ясному ночному небу, — он очень устал от бесконечного ожидания. Конан редко молился Кро-

му, богу киммерийцев, ибо знал, что бессмертные боги равнодушны к делам людей. Однако перед лицом неминуемой гибели варвар обратил к небесам свою молитву:

— Кром, у меня нет красивых слов молитвы, а для тебя исход этой битвы безразличен. Ни ты, ни кто другой не сохраняют воспоминаний о том, за что мы сражались и как мы погибли. Но мужество нравится тебе, Отец Кром, и для меня это важно. Сегодня ночью три отважных человека будут сражаться с сотнями, и это ты мог бы запомнить. За мою храбрость и мою кровь я прошу только одного: дай мне отомстить прежде, чем я умру.

Принцесса замолчала, и тишина опустилась на черную землю. Ветер слегка шевелил высокую траву. Стая морских птиц с жалобными криками пролетала мимо и растворилась в темноте. Где-то запел сверчок.

Убаюканный тишиной и уставший от непомерных трудов дня, Конан отдыхал, опершись о рукоятку топора. Неожиданно, сам не зная почему, он поднял голову и начал всматриваться в сгущающиеся сумерки. Его инстинкт варвара подсказывал ему, что вот-вот что-то должно произойти.

Словно материализовавшись из ночных кошмаров Конана, множество всадников, черных на сером фоне угасшего дня, топотом копыт лошадей и лязгом оружия разорвали тишину. Они, словно ураган, обрушились на холм, где Конан и Саботай поставили свои укрепления. Над головой знаменосца развеивалось все то же незабываемое знамя с двумя перевитыми змеями, поддерживающими черный диск солнца.

Служители змеиного бога, безликие, в дорогих племах подняли над головами копыя и мечи и завyli, как волки на полную луну. Они не успели еще достигнуть холма, а земля будто разверзлась под ними. Трое всадников попали на колья рва, приготовленные для них киммерийцем и его товарищем.

Одна лошадь сумела выбраться из этой ловушки и, не обращая внимания на своего беспомощного хозяина,

умчалась прочь. Получеловек вылез за ней и, прихрамывая, побежал вдогонку за обезумевшим конем.

Другие лошади, послушные умелым наездникам, перепрыгнули скрытый ров или объехали его. Теперь всадники не спеша поднимались по склону в поисках врага. Варвар выступил из-за укрепления. Он стоял у всех на виду в полный рост, мрачный гигант в угасающем свете сумерек. Когда один из всадников приблизился к нему, Конан метнул дротик и услышал глухой звук падения. Тут же новый всадник оказался около него, и Конан метнул топор, который вонзился в ключицу врага.

Еще один дротик ранил лошадь, она заржала и сбросила седока; затем, пробежав несколько метров, рухнула на землю. Получеловек, с боевым кличем, не обращая внимания на опасность, с обнаженным мечом, бросился на киммерийца и сбил его с ног. Но в эту самую минуту пропела тетива, и Конан услышал свист стрелы. Его противник слишком поздно закрыл лицо руками, стрела пронзила его глаз, и он, воя, скатился с холма.

В яростном порыве с копьем наготове другой воин Дуума налетел на киммерийца. Наконечник копья ударился о щит Конана, и мощный удар отбросил киммерийца назад, но он тут же выпрямился и, выхватив меч, вспорол брюхо зверя. Лошадь, заржав, с круглыми от ужаса глазами встала на дыбы и сбросила всадника к ногам Конана. Следующий удар меча атлантов отсек голову от изуродованного тела.

Какой-то всадник, заметив за могильной плитой гирканца, галопом въехал на холм. Когда же тот приблизился, Саботай выпрямился и выпустил стрелу. Кровь хлынула из раны, и получеловек, рухнув на землю, покатился вниз по склону, а лошадь без наездника скрылась в темноте. Издав победный крик, Саботай вставил в лук новую стрелу.

Два новых всадника попытались с вершины холма обрушиться на своих врагов. Одному это удалось, другого же настигла стрела Саботая. В агонии он было приподнялся в седле, но повалился, его нога застряла

в стремени, и конь потащил своего поверженного седока по каменистой земле.

У ног Конана и Саботая, которые в пылу битвы незаметно передвинулись выше своего укрытия, копошился колдун, начищенные доспехи которого поблескивали при лунном свете. Думая, что старик от страха лишился рассудка, Конан попытался освободить ему путь к отступлению. Между тем трое врагов подъехали к колдуну, потрясая оружием. Копье колдуна, мелькнув в темноте, вонзилось в грудь ближайшего всадника, и тот откинулся на круп лошади. Поводья так натянулись, что лошадь, взвившись на дыбы, несколько секунд танцевала на задних ногах, а затем рухнула, придавив своего раненого седока к земле.

Два других наездника помедлили мгновение, взирая на упавшего, как вдруг ужас отразился на их обезьяньих мордах. Они увидели, как копье начало ходить из стороны в сторону, словно какая-то невидимая рука пыталась вырвать его из умирающего. Через мгновение оно высвободилось и полетело тупым концом в протянутую руку старого колдуна. С округлившимися безумными глазами всадники повернулись и поскакали прочь.

Конану не долго пришлось удивляться увиденному, так как очередной получеловек — на этот раз пеший — двинулся на него. Киммериец поднял отцовский меч и обрушил на своего противника страшный удар. Тварь удачно парировала и острием копья сбросила шлем Конана. Но огромный меч взвился вновь и перерубил древко пополам. Вскоре раненый получеловек пошатнулся, упал и с воем скатился с кургана.

По команде звероподобные существа отступили за холм, чтобы вновь сомкнуть там свои ряды. Конан поднял глаза и увидел, что Саботай вставляет новую стрелу. На вершине холма остался только один всадник. Он направлялся к могильному столбу, к которому была привязана принцесса. Когда он приблизился, девушка, которая во время битвы в страхе пряталась в высокой траве, вдруг с широкой улыбкой поднялась и крикнула:

— Рескор, ты пришел ко мне! Перережь только мои путы и отвези меня к тому, кого я люблю.

Рексор направил своего боевого коня к сторающей от нетерпения девушке, которая протянула к нему руки, чтобы тот освободил ее. Но взгляд Рексора был мрачен и грозен; и, когда он поднял свой топор, холодно сверкнувший в лунном свете, принцесса неожиданно поняла, что топор нацелен в ее тонкую шею, а вовсе не на веревки, которыми она была связана. Ясимины инстинктивно упала на колени, и топор с силой врезался в старинное надгробие. В этот самый момент стрела Саботая со звоном ударилась о щит Рексора, и мрачный всадник с проклятиями отступил.

Короткое мгновение непобедимая тройца наслаждалась передышкой. Саботай, подойдя к Конану со старинным мечом в руке, сказал, что он уже выпустил свою последнюю стрелу. Колдун тем временем взобрался по склону, потрясая заколдованным копьём, которое достигло цели и вновь возвратилось в его руки.

— Не говорил ли я вам, что еще кое-что умею? — хихикнул он.

— Готовься! — неожиданно крикнул Саботай. — Они снова возвращаются!

Оставшиеся в живых стражники спустились с возвышенности и ровной шеренгой начали новое наступление. Они не спеша поднимались по склону, желая выманить кучку защищавшихся из-за надгробных плит королей, которые служили им укрытием. На полпути они остановились, словно в нерешительности.

— Атакуй! — прокричал Саботай. С копьём в руке он был готов уже выскочить вперед и сразиться со странными существами, медленно приближавшимися к ним.

Но Конан охладил его пыл.

— Их замешательство притворно. Я боюсь, что это ловушка, — проворчал он. — Оставайся наверху. У нас есть преимущество в позиции.

Через минуту вновь раздался бешеный звон мечей. Конан с ходу зарубил одного стражника, но почувствовал, что его левая рука ранена. Копье Саботая вонзилось в горло второго получеловека, однако, как только тот упал, другой схватился за древко, вырвал его из руки гирканца и нацелился окровавленным острием. Саботай отскочил, но, споткнувшись о камень, потерял равно-

весие и упал. Прежде чем он успел подняться, стражник вновь бросился на него с его же собственным копьём. Копье скользнуло по панцирю гирканца и воткнулось в землю. Тогда стражник выхватил тяжелый меч, чтобы нанести смертельный удар, но дротик колдуна уже просвистел в воздухе, угодив прямо в сердце получеловека.

Как и раньше, дротик выдернула из тела убитого какая-то невидимая сила и вернула тому, кто его выпустил. Заколдованное оружие полетело вновь, чтобы убить еще одного стражника. Третий в ужасе бросился обратно к возвышенности, но земля подалась под ним, и он, визжа, упал на колья рва.

Разгоряченный безумием битвы, Конан выскочил из укрытия, надеясь застать врасплох одинокого всадника, который мчался галопом к вершине холма. Копье киммерийца со звоном ударилось в мерцающие в лунном свете доспехи, но древко копья разлетелось вдребезги, не выдержав удара о прочную сталь. Воин сбил его с ног. Подкованные копыта опустились на упавшего киммерийца; ловкий удар меча отбросил меч его отца к надгробному памятнику. Новый удар скинул с Конана шлем.

Конан истекал кровью. Ему удалось подняться на колени, но не хватило сил, чтобы встать на ноги. Всадник обогнул свою жертву, отъехал на несколько метров, снова повернулся, чтобы нанести своему искалеченному противнику решительный удар. Рексор поднял забрало, открыв свое ухмыляющееся лицо. Его жестокие глаза сверкали в предвкушении близкого смертоносного удара.

Но киммерийцу удалось схватить свой упавший меч и подняться. Когда он поднял клинок в салюте гладиатора, его глаза горели вулканически-синим огнем. Конан приготовился дорого отдать свою жизнь. Смеясь над отвагой израненного юноши, великан-военачальник поднял своего коня и занес меч для последнего удара.

В этот самый момент около своего беспомощного возлюбленного чудом возникла сверкающая Валерия. На ней были мерцающие доспехи, светящиеся белокурые волосы развевались под крылатым шлемом из неземного металла. Ее мускулистые ноги светились в

лунных лучах; от поднятой кривой сабли исходило синее сияние. Занесенную над головой Конана руку остановил волшебный клинок. Рексор отпрянул перед сверкающей фигурой, которая ударила ослепительным светом клинка по его незащищенным глазам. Рексор поднял руку, чтобы защитить глаза от невыносимого света, и застыл, словно пригвожденный к месту.

Конан, не отрываясь, смотрел на светящуюся фигуру, от благоговейного ужаса волосы встали дыбом у него на затылке. Девушка повернула к нему смеющееся лицо, и в его душе прозвучали ее слова:

«Киммериец, ты собрался жить вечно?»

Когда Конан выпрямился и новые силы разлились по его телу, мерцающая фигура в неземных доспехах растворилась, как призрак, в темном небе. И Конан вспомнил слова Валерии, произнесенные, когда колдун своими чарами вырвал его из цепких рук смерти. Она тогда прошептала:

— Моя любовь сильнее смерти. Если я буду мертва, а ты в опасности, я вернусь из самых глубин Преисподней, чтобы сражаться рядом с тобой.

Воспоминание об этой всесильной любви наполнило гордостью раненого варвара. Побеждая боль, он с трудом дотянулся до черной лошади еще не пришедшего в себя военачальника Дуума и выдернул из стремени ногу гиганта, а затем с силой сбросил его с седла. Когда Рексор, как кошка, приземлился на ноги, киммериец ударил лошадь по крупу, и испуганное животное умчалось в темноту.

Конан бросился на Рексора, беспощадно осыпая его ударами. Рексор, очнувшись от внезапного ослепления, теперь рубил сплеча. Конан быстро нагнулся, избежал столкновения и снова бросился в бой, мощными боковыми ударами оттесняя гиганта, пока двуручный меч киммерийца не вошел в шею заклятого врага. Рексор замер на мгновение, затем громадой мускулов рухнул на землю. Неожиданно он приподнялся, слышался звон доспехов, но это был уже предсмертный рывок первого помощника Дуума.

Конан глубоко вздохнул и огляделся. Колдун и Саботай с перевязанной ногой стояли на вершине могильного холма, наблюдая за отступающими стражни-

ками, скачущими галопом к Горе Могущества. Вскоре мрак ночи поглотил их.

Слабый вскрик Ясиимины нарушил тишину опустевшего поля брани. Трое подняли глаза и увидели на фоне звездного неба худую фигуру Тулса Дуума. Изящный, в змеиных доспехах, он гордо восседал на коне. Его лицо было обращено к измазанной грязью девушке, которая была принцессой Заморы, жрицей Сета и его невестой.

— Учитель! Я говорила им, что ты явишься за мной, — пролепетала она. — Отвяжи меня, чтобы я могла прийти к тебе.

— Это невозможно, — холодно ответил глава Культа. — Они осквернили тебя так же, как осквернили святилище храма.

— Нет, бог Дуум, это не так. Я была предана тебе, мой господин, отец мой. Не покидай меня!

— Теперь ты не можешь быть моей невестой.

— Тогда, Учитель, я с радостью буду твоей рабыней. Не оставляй меня здесь, среди врагов Сета.

— Не бойся, дитя мое, — мягкий голос Дуума был успокаивающим.

Тулса Дуум, не говоря больше ни слова, снял с шеи ядовитую змею и так же, как раньше, превратил ее в смертоносную стрелу. Ясимина непонимающе смотрела на него, но Саботай, заметив движение Змеи, понял, в чем дело. Когда Дуум приготовился выпустить волшебную стрелу, раненый гирканец бросился вперед, и в тот самый момент, когда стрела, с шипением рассекая воздух, уже готова была поразить свою жертву, Саботай загородил принцессу щитом. Стрела ударилась о дерево, вновь превратилась в змею и, извиваясь, упала на землю. Маленький вор выхватил меч и изрубил ее на куски.

Ясимина закрыла лицо связанными руками и истерически зарыдала. Конан медленно подошел к главе Культа. Сошуренные глаза киммерийца не отрывались от Дуума. Конан встал между принцессой и ее повелителем. Дуум косо посмотрел на меч, зажатый в руке киммерийца, — клинок из великолепной стали атлантов, выкованный много лет назад деревенским кузнецом. Когда он посмотрел в суровое лицо варвара, страх

ледяной рукой сжал сердце Тулса Дуума. Содрогнувшись, он повернул коня и поскакал за исчезающими остатками своей стражи.

— Здесь покоятся великие души, — сказал древний колдун и добавил: — Сегодня они сражались за вас.

— Знаю, старик, знаю, — пробормотал Конан, думая о сияющей фигуре Валерии. — Ты и Саботай много сделали для сегодняшней победы.

Молодой гигант обернулся и осторожно приподнял лицо принцессы.

— Он бы убил тебя, — сказал он. — Ты знаешь это. Сначала он послал своего слугу, потом пришел сам, чтобы сделать это.

Девушка молча кивнула. Конан продолжал:

— Теперь я должен убить его, потому что он — воплощение зла. И ты должна провести меня к нему. Ты готова?

Принцесса опять кивнула, и грустная улыбка растерянного ребенка показалась на ее заплаканном лице, когда он развязывал ей руки.

— Ты поймешь... когда-нибудь... когда ты будешь королевой, — сказал он.

Остаток ночи Конан и колдун по очереди присматривали за принцессой и за раненым Саботаем. Конан проснулся на рассвете и увидел около себя колдуна. Старик прошептал:

— Покажи мне талисман, который ты снял с убитой женщины-воина. Я изучу его на свету. — Указав на узкий луч света, пробившийся в хижину, он добавил: — Мои знания могут помочь тебе.

Конан снял с шеи драгоценный камень и протянул его колдуну. Старик поднес камень к окну, и сияние залило его простое жилище. Наконец он заговорил:

— Это Глаз Сета, не так ли? Знаешь ли ты о его магических свойствах?

— Нет, — ответил Конан. — Для меня это была всего лишь безделушка на продажу.

— Среди нас, колдунов, с ним очень считаются. Как он попал к тебе?

— Мы украли его из Башни Змеи в Шадизаре, — ответил киммериец. — Мы добыли его с риском для жизни.

— Ничего удивительного, что жрецы так его охраняли и были готовы убить тебя, чтобы вновь завладеть им! — воскликнул колдун. — Одно из многих его магических свойств, как говорят, — это управление полукровками, которые служат Дууму. Стоит поднять его перед ними и приказывать что-то — и они не смогут не повиноваться.

Конан с удивлением уставился на него.

— Кром, почему же ты не сказал мне этого раньше? Это помогло бы нам избежать отчаянной схватки вчера.

Колдун развел руками.

— Я пытался расспросить тебя об этом камне раньше, но ты отказался говорить о нем и прятал у себя на груди.

Конан сжал губы.

— Ты имел на это право, старик. Это, должно быть, была шутка безжалостной судьбы, от которой я получил хороший урок. Что ж, у меня еще остались дела, и это может еще мне пригодиться.

Сказав это, он снова перекинул пинурок через голову и спрятал Глаз под одеждой.

XVII. Возмездие

В большом храме верные слуги Сета собирались слушать проповедь Дуума. Сотни рук бережно держали свечи, маленькие огоньки выхватывали из полумрака восторженные лица паломников и, сливаясь воедино, слабо освещали пещеру. Юношеские голоса, звуки флейты и других музыкальных инструментов сливались в одну торжественную мелодию, которая, придавая собранию личину святости и безгрешия, отражалась от стен, летела по проходам, убаюкивая слух почитателей Сета.

Как только Тулса Дуум, сверкая доспехами, похожими на кожу змеи, появился на возвышении и повернулся лицом к пришедшим, мертвая тишина сковала зал. В черных таинственных глазах Дуума не было

ничего человеческого. Он всматривался в лица людей, стоящих перед ним, как будто мог видеть будущее, мог видеть то, что никто другой видеть не может. Затем Дуум начал говорить, растягивая слова:

— Роковой день настал. Близится час очищения. Все, кто стоял против нас, все, кто лгал вам, кто хотел отлучить вас от меня — родители, учителя, судьи, — все отираются в ночь крови и огня. А потом земля должна быть очищена и готова принять нашего Бога.

— Сет! — в экстазе завопили слушатели.

Мягким, вкрадчивым голосом Дуум продолжал:

— Вы, дети мои, вы — та чистая вода, которая очистит мир. Вы должны уничтожить всех, кто выступит против нас. В ваших руках вечный огонь, который горит в глазах Сета.

— Сет! — как один воскликнули паломники.

Дуум зажег свечу, которую держал коленопреклоненный жрец.

— Это пламя, — сказал он, — прогонит тьму и осветит вашу дорогу в Рай, если только вы будете послушны мне.

В нескольких милях от крепости Тулса Дуума бок о бок рысью бежали две лошади. Одной из них правила принцесса Ясими́на, одетая в шелковое платье, взятое из седельной сумки Валерии. Рядом с ней на огромном жеребце восседал мужчина в кожаной одежде воина. Лицо его было скрыто шлемом, какие носят стражники Тулса Дуума. Несмотря на стук копыт, можно было услышать разговор всадников, потому что ветер подхватывал их слова, как легкие лепестки.

— Я любила его, а он пытался убить меня! Почему он сделал это?

Конан — а это был он — пожал плечами.

— Не знаю. Но с тех пор, как он появился на свете, ты в опасности, а мои молитвы о мщении остались безответными. Дуум должен умереть.

— Мне бы хотелось, чтобы Саботай был здесь и помог тебе.

— Но он ранен. Сейчас колдун заботится о нем, — ответил Конан.

— А какую пользу могу тебе принести я? — в голосе Ясимины послышались резкие нотки.

— Ты должна провести меня к своему господину, как ты его зовешь. Никто не знает все проходы внутри горы лучше тех, кто жил там.

Девушка долго смотрела на гору, которая недавно еще была ее домом. Вдруг дрожь пробежала по ее телу.

— Я все еще преклоняюсь перед ним. Как я могу помочь тебе убить его?

— Ты должна сделать это. Для тебя самой и для Заморы.

— Для моей страны? Почему?

Как можно мягче Конан ответил ей:

— Ты видела, как встает солнце. Оно прогоняет ужасы тьмы, от его света бегут и прячутся все черные силы зла. Ты должна стать для Заморы восходом солнца.

Ясими́на кивнула, но слезы навернулись ей на глаза.

Ясими́на смело подъехала к воротам черной цитадели; так же открыто, под видом стражника, Конан последовал за ней. Охранники, человекообразные страшилища, ничего не знали о похищении девушки и об отречении от нее их хозяина. Ворота распахнулись настежь, и лошадей отвели в конюшню.

Высоко подняв голову, как и подобает жрице Сета, принцесса проследовала по широкому коридору, ведущему к Храму Змей. На мгновение она остановилась, чтобы смочить пальцы ароматизированной водой фонтана, расположенного у подножия широкой лестницы, и взглянула на вооруженного мужчину, неотступно следовавшего за ней. Когда Ясими́на и сопровождающий ее человек поднялись в святилище, лишь готовое вырваться из груди сердце выдавало сильнейшее нервное напряжение принцессы.

Бесшумными шагами они, никем не замеченные, переходили от одной темной ниши зала к другой. При слабых, мимолетных отблесках свечей принцессе трудно было узнать. Теперь она успокоилась и сделалась задумчивой. Позади поклоняющейся толпы стояло десятка два вооруженных стражников, но и они не заме-

тили вошедших. Все, не отрываясь, смотрели на Дуума, своего предводителя, который, подняв руки, продолжал говорить.

— Знайте же, что на том трудном пути, по которому вы сейчас идете, вашим жребием могут стать усталость и боль. Голод и одиночество могут оказаться рядом с вами, и те, кого вы любите, станут вашими врагами. И тем не менее для Сета нет преград, а пока весь мир не станет подвластным ему, вы должны убивать всех, кто осмелится воспротивиться.

Конан взглянул на Ясимину. Станные, смепанные чувства — печаль, любовь, ненависть, одно сменяемое другим, появились на лице принцессы, когда она смотрела на Дуума. Она думала, что этот человек любит ее, а он отмахнулся от нее так же небрежно, как выплескивают на землю остатки вина. Свирепо вспыхнули глаза Конана. Месть перестала быть его главной целью, так как теперь он понял, что на его долю выпало куда больше — избавить землю от этого дьявола. Вся жизнь, догадался он, долгие годы мучительного труда на Колесе Страдания, бесконечные месяцы, когда он учился искусству и хитрости гладиатора, бесчисленные часы скитаний по дикой степи — все это было лишь подготовкой к решающему бою.

Высокий Дуум молча застыл на возвышении, держа в руке зажженную свечу. Один из младших жрецов, сменив Дуума, продолжил обряд дальше. Под его гипнотическое пение паломники начали раскачиваться, как змеи, танцующие под дудку заклинателя.

— О, ослепни, Великая Змея, — тянул жрец, — Кабил сабул, Кабил, Кабил хахим! Подними невидящие глаза к луне. Кого вызываешь ты из бездны ночи? Чья тень закрыла от тебя свет? О, Отец Сет, загляни в его глаза. Посмотри и преврати его душу в сухую пыль! Убей его, убей его, убей его! И всех, кто любит его, убей!

Восторженная толпа заревела:

— Убей!

Подняв над головой зажженную свечу, поющий жрец величественным шагом двинулся вперед. Тулса Дуум, прищелец с востока, колдун и верховный жрец Сета, блистающий в своих посеребренных змееподобных до-

спехах, как непобедимый завоеватель шел следом за своим слугой. Верноподданные, ряд за рядом, падали перед ним ниц. У большого портала Дуум остановился и обернулся, чтобы в последний раз освятить когорты, готовые нести в мир повеления дьявола.

Когда он поднял руку для благословения, волна ужаса поколебала зал, подобно тому как рябь от брошенного камня разбивает поверхность воды. Торжественное течение обряда нарушилось, и все погрузилось в тишину. Сотни пар глаз пытались разглядеть тени возле открытых дверей.

Дуум обернулся, чтобы увидеть причину такого замешательства. В тот же момент верные стражники встали между своим повелителем и его учениками. Сцепившись руками, они образовали живую цепь, которую никто не смог бы пробить, если бы попытался сделать это, и стали ждать дальнейших приказаний.

Конан медленно, небольшими шагами, как пошавшая в облаву пантера, вышел вперед, сжимая в правой руке меч своего отца. Он двигался неумолимо, словно прилив, наступающий на прибрежную полосу. Шедший впереди всех жрец отпрянул в сторону, подавленный уверенностью киммерийца в том, что это Рок руководит им, но Дуум лицом к лицу встретил варвара, и ни тени страха или удивления не промелькнуло в его холодных змеиных глазах.

— Не бойтесь его! — сказал Дуум. — Он уже почти покойник. Он не сможет помешать нам победить! Ох-рана! Схватите его!

Прежде чем тупоумные человеко-звери успели понять приказ, Конан выхватил рубин, украденный им из храма в Шадизаре, и повторил слова, которым научил его колдун.

— Стойте, именем Сета! — прогремел голос киммерийца. — *Баканд рестрийнзе азерс!* Подождите, назад!

Увидев красный Глаз Змеи, стражники отступили, как будто их ударили рвущим мясом кнutom. Они отскочили, но их живая цепь не разорвалась. Паломники в беспомощном изумлении наблюдали за происходящим. Один только жрец с криками ужаса бросился вниз по широкой лестнице.

Худое лицо Дуума по-прежнему оставалось бесстрастным, но его острые глаза так внимательно изучали

лицо Конана, что, казалось, они проникают в самые потаенные глубины его души. В киммерийском юноше злой маг видел не только силу, но и человечность, а это он считал слабостью. Дуум перехватил и прочно приковал пристальный взгляд варвара к своим загадочным змееподобным глазам.

— Наконец-то ты пришел ко мне, Конан, как сын к своему отцу, — начал Дуум мягким гипнотическим голосом. — И это воистину так, ибо кто еще может называться твоим отцом, если не я? Кто дал тебе волю, чтобы бороться за жизнь? Кто научил тебя терпению? Я — источник твоей силы. Если я уйду, твоя жизнь потеряет всякий смысл.

Молодому киммерийцу казалось, что глаза Дуума расширяются все больше и больше, и вот они поглотили уже весь мир. Он очутился в какой-то безбрежной пустоте между звездами и видел только эти пылающие немигающие глаза.

— Без меня будет так, словно тебя не было вовсе. Сын мой, я твой друг, а не враг!

Всего лишь мгновение, показавшееся вечностью, черные глаза Дуума, наполненные неземной силой, сковывали Конана. Затем замороженный Конан сумел моргнуть и, прилагая всю силу воли, оторвать свой взгляд от глаз Дуума. В тот же момент киммериец поднес Глаз Змеи на расстояние вытянутой руки к лицу Тулса Дуума. Дуум какое-то время в упор смотрел на рубин, затем поднял широко раскрытые, наполненные ужасом глаза и встретил свирепый, мстительный взгляд Конана.

Застывшие паломники увидели, как шея Дуума начала удлиняться, челюсти стали растягиваться, нос сжался и исчез, лоб расплылся, губы стали тонкими и потом пропали. Его черные глаза округлились и превратились в выпуклые шары, лишённые век, а темно-красный язык высунулся наружу. На плечах Тулса Дуума сидела голова чешуйчатой змеи — голова древних человеко-змей, вечных врагов человечества.

Паломники как один разинули рты; толпа содрогнулась. Принцесса, из тени наблюдавшая за происходящим, издала полузадушенный вопль, и слезы горечи,

смешанной со страхом и облегчением, потекли по ее щекам.

Меч Конана со свистом описал дугу и снес качающуюся змеиную голову с человеческого тела. Тело отшатнулось и упало у самой лестницы, продолжая корчиться, словно раздавленная змея. Отрубленная голова покатилась вниз по длинной лестнице и остановилась у фонтана.

Конан смотрел на окровавленную голову, лежащую в багряных тенях умирающего дня. Потом, как бы про себя, он сказал:

— Мой отец был светом дня; Тулса Дуум — моей ночью. И все же в одном он оказался прав. Не важно, как закален клинок, важно, как закален человек.

Встряхнувшись, Конан повернулся лицом к стражникам, которые, по его приказу, все еще стояли цепью перед паломниками. Конан поднял Глаз Змеи еще раз и сказал:

— Все, кто были стражником на службе у Дуума, возвращайтесь в свои пещеры, откуда он призвал вас... И найдите себе другую пищу. Идите.

Когда человеко-звери скрылись, Конан обвел взглядом бывших последователей Тулса Дуума. Некоторые из них уныло оглядывались, как будто не знали, где они и как попали в это странное место. Другие оплакивали убитого вождя. Третьи рыдали по потерянному Раю, и их стоны то становились громче, то затихали как шум волн прибоя.

За суровыми словами Конан постарался скрыть свою жалость.

— Я знаю, вы сейчас чувствуете себя сиротами, но у каждого из вас есть дом, куда можно пойти и где вас всегда ждут. У меня этого нет. И все-таки я доволен жизнью, и вы должны быть довольны, потому что с этой ночи вы свободны. Идите и приготовьтесь к дороге домой.

Варвар стоял на пороге храма, а мимо него один за другим проходили и спускались вниз по лестнице дети Дуума. Они бросали свои горящие свечи в фонтан, и на мгновение свечи вспыхивали ярче, а потом с шипением гасли навсегда.

Когда вышел последний, Конан начисто вытер меч, который так долго занимал все его мысли и мечты. Сев у входа, он стал наблюдать, как гаснут маленькие огоньки. Положив отцовский меч на колени, Конан вспоминал прошлые годы и думал о том, что может принести ему будущее. Ясимины, которая вместе с другими погасила свою свечу — символ намерений Дуума покорить мир, — присела на пустые ступени в двух шагах от Конана. Она восхищалась его силой, но, став смиренной, не решалась нарушить его покой. Так они провели ночь.

Как только бледный рассвет возвестил о наступлении нового дня, Конан заметил, что вокруг него произошли непонятные изменения. Каменные ступени перекошились и потрескались, как если бы прошло уже много лет. Все цветы в саду завяли, а кусты поникли; на дорожке вокруг полувысохшего бассейна остались грязные следы подошв. Церемониальная дорога выглядела совершенно разбитой, как будто колдовство, призванное охранять эту дорогу от разрушения, само оказалось разрушено. За спиной Конана рухнул фасад пещерного храма, и каменные глыбы загромождали вход в него.

Напряжение наконец-то покинуло его, и он, впервые за долгое время, ощутил покой. Но к чувству исполненного долга примешивалось еще острое желание покинуть это оскверненное место, забыть все, что с ним связано. Конан встал. Принцесса тут же поднялась на ноги.

— И что теперь? — спросила она.

— Мы с Саботаем отвезем тебя домой, — сыплю ответил Конан. — Твой отец будет счастлив увидеть тебя.

— Мой отец мертв, — сказала Ясимины. — Не прошло и пяти дней, как прибыл гонец из Шадизара сообщить, что король зарезан приспешниками Яро.

— Значит, ты королева и тебе нужно быть в Заморе, чтобы управлять этой несчастной страной.

— А что с Яро? Он не потерпит меня на троне.

— Не бойся, я займусь Яро сам. А сейчас время трогаться в путь.

— Но, — перебила девушка, — есть и другие Башни Сета и другие жрецы, кроме тех, что в Заморе. Как быть с ними?

Некоторое время Конан стоял в задумчивости и наконец ответил:

— Многие из них сбегут, потому что их цель умерла вместе с Тулса Дуумом. Этот культ, может быть, еще надолго кое-где сохранится: ведь змею трудно убить. Культ Сета, может быть, возродится вновь, но, я думаю, это будет очень нескоро.

Ясимины озабоченно посмотрела на варвара и улыбнулась.

Когда лето добавило к своему наряду красноватые краски осени, Конан в новых сверкающих доспехах, в алом плаще, развевавшемся за плечами, гнал галопом гнедого жеребца по колоссящимся полям Заморы. Наконец он поравнялся с человеком, которого догонял, с маленьким гирканцем на косматом степном пони. После краткого приветствия они спешили.

— Почему ты уехал, не сказав ни слова? — спросил Конан.

Саботай пожал плечами.

— Мне сказали, что королева предложила тебе место на троне рядом с собой. — Маленький человечек усмехнулся и добавил: — Я думал, что ты будешь слишком занят своими... ну... королевскими делами, чтобы найти время для старого друга... Почему ты здесь? Я взял не больше, чем мне причитается из королевской награды за Глаз Змеи, хотя не могу представить, зачем он ей нужен.

Конан выглядел слегка смущенным.

— Я сделал то же самое, прежде чем уехал из города.

— Ты хочешь сказать, что отверг предложение этой барышни?

Конан кивнул.

— Если я когда-нибудь надену корону, то прежде я завоюю ее своим собственным мечом, а не получу в дар.

Саботай вздохнул.

— Странные вы люди — киммерийцы! Как ты справился с Яро? Хотел бы я тогда быть рядом с тобой, вместо того чтобы охранять дворец.

Конан пожал плечами.

— Боя в общем-то не было. Когда народ в Шадизаре узнал, что Дуум мертв, собственные люди Яро разорвали его на куски прежде, чем мне представился шанс зарубить его.

— И куда ты теперь направляешься? — спросил Саботай.

— На юго-запад. Иду к морю, — ответил Конан. — А ты?

Гирканец махнул рукой.

— На северо-восток, там моя родина. Встретимся ли мы снова?

Конан усмехнулся:

— Мир не так велик, и пути таких искателей приключений, как мы, обязательно пересекутся. Мы встретимся, но только Кром знает, где и когда.

— Может быть, только у ворот Преисподней, — улыбнулся Саботай.

— А до этого дня удачи тебе!

Друзья обнялись, похлопали друг друга по плечам и вскочили в седла.

— Что такого есть на юге, что тебя так тянет туда? — крикнул Саботай.

— Золото, драгоценности, красивые женщины и красное вино! — бодро ответил Конан.

Потом, махнув друг другу на прощание, они поскакали в разные стороны.

I. Когда царствует безумие

Н а черных крыльях тумана парила ночь над высокими башнями королевской Тарантии. Вдоль улиц, по которым стелился скрадывающий звуки туман, горели факелы — словно глаза хищных зверей в дикой глуши. Немногие в этих краях разгуливали в подобные ночи, несмотря на то что от кромешной тьмы уже веяло ранней весной. Те немногие, кого ужасный долг выгонял из дому, крались, точно воры, вздрагивая от любой тени.

На акрополе, вокруг которого раскинулся старый город, стоял замок многих поколений королей, вздымающийся к бледным мерцающим звездам башню с многочисленными бойницами. Охваченный замком капитолий прижался к холму, точно некое фантастическое древнее чудовище, впившееся взглядом в стены внешнего города, каменные глыбы, не позволявшие ему вырваться на волю.

В залитой светом анфиладе и мраморном зале мрачного замка лежала густая тишина, густая, как пыль в разрушающихся Стигийских гробницах. Слуги и пажи в страхе жались за запертыми дверями, и никто, кроме королевской стражи, не проходил длинными коридорами и витыми лестницами. Даже покрытые шрамами, закаленные в былых битвах воины избегали взгляды вать во мрак и вздрагивали при каждом внезапном шорохе.

Двое стражников недвижно стояли перед главным входом, богато задрапированным пурпурной парчой. Оба напряглись и побледнели, когда из внутренних покоев донесся зловещий, приглушенный крик. Как

слабая, жалобная песнь последней агонии звучал он, и песнь эта ледяной иглой пронзила мужественные сердца стражников.

— Да спасет Митра всех нас! — прошептал левый стражник, едва разомкнув побелевшие от напряжения губы.

Его товарищ не ответил, но сердце его глухо застучало, вторя отчаянной мольбе, и он добавил про себя: «Да спасет Митра всех нас и страну нашу...»

Ибо в Аквилонии говорили: «Храбрые из храбрых прячутся от страха, когда царствует безумие». Король же Аквилонии был безумен.

Нумедидес было его имя, и был он племянник и преемник Вилера Третьего, отпрыск древнего королевского рода. Шесть лет изнывала страна под его тяжелой дланью. Суеверным, невежественным, капризным и жестоким был Нумедидес; но до поры до времени грешен он был не более любого другого короля-сластолюбца, обожающего чувственные наслаждения, свист бича и плач раболепствующих просителей. Некоторое время Нумедидес соглашался на то, чтобы министры правили страной от его имени, пока сам он тешил свою чувственность в стенах гарема и камеры пыток.

Все это изменилось с приходом Туландра Ту. Никто не мог сказать, кем же он был, этот сухощавый, темнолицый, таинственный человек. Никто не знал, откуда и для чего пришел он в Аквилонию с сумрачного Востока.

Втихомолку поговаривали, что был он колдун из скрытой туманами Гипербореи; говорили также, что он вышел из населенного призраками мрака, что лежит за осыпающимися гробницами Стигии и Шема. Некоторые верили даже, что он был вендиец, об этом говорило его имя — если то было его настоящее имя. Много было домыслов; но никто не знал правды.

Больше года жил Туландра Ту в замке, осыпaeмый щедротами короля, наслаждаясь властью и вседозволенностью королевского любимца. Говорили, что он был философ, алхимик, занятый поисками способа превращения железа в золото или создания лекарства-панацеи. Иные называли его чародеем, погрязшим в черном ремесле гоэтейи. Кое-кто из наиболее просвещенной

знати считал его не кем иным, как хитроумным шарлатаном, жаждущим власти.

Впрочем, никто не спорил против того, что он наложил чары на короля Нумедидеса. То ли его хваленое мастерство алхимика вкупе с соблазном безмерного богатства пробудило алчность короля, то ли он мало-помалу опутал монарха паутиной колдовских чар, — никто не знал. Однако все видели, что на Рубиновом Троне Правителя восседал Туландра Ту, но не Нумедидес. Малейшая причуда его становилась теперь законом. Даже королевскому канцлеру, Вибии Латро, было предписано принимать приказы Туландры, как если бы они исходили от самого короля.

Вместе с тем, поведение Нумедидеса становилось все более странным. Он повелел отлить из золотой казны свои изображения и украсить их королевскими драгоценностями. Зачастую он вел беседы с цветущими деревьями и пышными бутонами роз, что украшали дорожки в его саду. Горе тому королевству, где царствует безумец, — и, более того, безумец, управляемый рукой искусного, ничем не чурающегося фаворита, — будь то гениальный волшебник или хитроумный шарлатан!

За парчовой драпировкой главного входа, который охраняли стражники, открывалась зала, стены ее были обиты зловещим пурпуром. Странное действо разворачивалось там.

В просвечивающем алебстровом саркофаге, точно погруженный в глубокий сон, лежал король. Тело его, покоящееся, безжизненное, свидетельствовало тем не менее о жизни, направленной на удовлетворение грязных, низменных желаний. Кожа была покрыта гноинками, лицо обрюзгло, веки нависли на глаза. Огромное, непристойное жабье брюхо не помещалось в гробу.

Над открытым гробом висела вниз головой, подвешенная за лодыжки, обнаженная девочка лет двенадцати. Детское тело хранило следы орудий пытки. Последние лежали теперь в тлеющих угольях на медной жаровне, покрытой таинственными письменами, мерцающими слабым серебристым светом. Жаровня стояла перед черным железным тронem.

Горло девочки было только что перерезано, и ярко-алая кровь струилась по искаженному лицу, цвет крови смешивался с цветом ее пепельных волос, саркофаг был полон дымящейся крови, и эта алая ванна частично скрывала тучное тело короля Нумедидеса.

Девятнадцать массивных свечей, каждая высотой с десятилетнего ребенка, точным овалом окружали саркофаг, освещая его содержимое. В замке среди слуг ходили слухи, что свечи эти изготовлялись из сала, вытопленного из человеческих трупов. Но откуда брались эти трупы, никто не знал.

Туландра Ту, сухощавый человек аскетического сложения и, по-видимому, средних лет, восседал, погруженный в раздумья, на черном железном троне. Волосы его, схваченные обручем красного золота, выполненным в форме венца из двух переплетающихся змей, отливали серебристой сединой, и змеиными были холодные глаза под набрякшими веками. Внешность его была внешностью философа, но немигающий взгляд выдавал фанатика.

Казалось, что это узкое, хрящеватое лицо высечено резцом скульптора. Кожа была темна, как кора тикового дерева; время от времени он облизывал узким, похожим на змеиное жало языком тонкие губы. Его сухощавое тело облегал длинная просторная темно-красная хламида, которая несколько раз оборачивала тело и свисала с одного плеча, оставляя другое обнаженным.

На тощих коленях его лежал древний фолиант, на верхней крышке которого свилась кольцом большая змея. Время от времени он поднимал от него глаза и устремлял взор на алебастровый гроб, где в крови девственницы покоилось тучное тело короля Нумедидеса. Затем, хмурясь, вновь возвращался к страницам своей книги. Пергамент этого чудовищного тома был покрыт паучьими письменами на языке, неизвестном ученым Запада. Ряды крючкообразных иероглифов, писанных скорописью, столбцами располагались по странице. И многие из значков написаны были чернилами из аметиста, изумруда, киновари, невыцветшими по прошествии многих лет.

Водяные часы из золота и хрусталя, стоявшие близ трона на подставке, издали серебристый звон. Туландра Ту бросил еще один взгляд в гроб. Выражение его темного лица, плотно сжатые губы без слов свидетельствовали о том, что замысел его провалился. Густокрасная кровавая ванна темнела, покрываясь тусклой пленкой по мере того, как живительные силы испарялись из охлаждающейся жидкости.

Колдун резко поднялся, гневным жестом разочарования отшвырнув книгу. Она попала в драпировку стены и упала, раскрытая, разворотом на мраморный пол. Если бы кто-нибудь был здесь, — чтобы взглянуть на переплет и понять тайные письмена, — он обнаружил бы, что загадочная книга называлась «Тайны Бесмертия, согласно Учению Гучупты из Шамбалы».

Пробужденный от гипнотического сна, король Нумедидес вылез из саркофага и ступил в ванну, полную цветочной воды. Он вытер сухим полотенцем уродливое лицо, Туландра Ту смыл губкой кровь с его грузного тела. Колдун никогда не допустил бы никого, даже королевскую прислугу, в святилище во время своих магических ритуалов; поэтому ему пришлось своими руками омыть и одеть монарха. Король впился взглядом в задумчивые, скрытые под набрякшими веками глаза чародея.

— Ну что? — требовательно произнес Нумедидес грубым голосом. — Что там получилось? Что, кровь этой девчонки действительно принесла мне вечную жизнь?

— Принесла, великий, — ответил Туландра Ту сухим, отрывистым голосом. — Принесла, но не до конца.

Нумедидес засопел, почесывая волосатое брюхо длинным ногтем. Густые, выющиеся волосы на его животе, напоминающие небольшую бороду, были ржаво-красного цвета и уже начинали седеть.

— Что ж, тогда надо продолжить. В Аквилонии наберется немало девчонок, чьи родственники никогда не посмеют заявить об их пропаже, а у меня верные слуги.

— Позволь мне решать это, о король! Я должен свериться с рукописью Амендраната, дабы убедиться, не вызвана ли моя частичная неудача неблагоприятным

или враждебным расположением планет. И я почел бы за честь вновь составить твой гороскоп. Звезды предвещают злое время.

Король, запахнувшись в алую мантию, взял кубок темно-красного вина, в котором плавали лепестки мака, и одним махом выпил экзотический напиток.

— Знаю, знаю, — пробормотал он. — На границах вспыхнули беспорядки, здесь, под самым носом, половина придворных затевает заговоры. Но я не боюсь вас. Трепещите, злоумышленники! Наш королевский род стоял веками и будет стоять века после того, как вы обратитесь в прах.

Глаза короля заблестели, легкая улыбка играла на его губах, пока он бормотал:

— Прах, прах, все — прах. Все, кроме Нумедидеса.

Затем он, словно придя в себя, раздраженным, требовательным голосом обратился к колдуну:

— Ладно, хватит, ответь мне — ты достанешь другую девочку для своих опытов?

— Да, о король, — ответил Туландра Ту после минутного раздумья. — Я решил изменить кое-что в ритуале и думаю, что это поможет нам достичь нашей цели.

Король расплылся в улыбке и похлопал колдуна по костлявой спине волосатой рукой. Тот, не обладая достаточной физической силой, пошатнулся. Злобная гримаса промелькнула на темном лице алхимика и тут же исчезла, словно стертая невидимой рукой.

— Отлично, господин волшебник! — рявкнул Нумедидес. — Сделай меня бессмертным, чтобы я вечно правил этой прекрасной страной, и я отдам тогда тебе все золото, что есть в моей казне. Уже чувствую я, как льется в меня божественная сила, — однако пока я не буду возвещать моим верным и преданным подданным о своей божественности.

— Но государь! — молвил колдун, вновь обретая утраченное на миг самообладание. — Похоже, положение в стране кажется тебе менее серьезным, чем оно есть на самом деле. Народ волнуется. Доходят вести о мятежах на море и на юге. Я не понимаю, почему...

Король отмахнулся от него:

— Не раз я душил козни подлых предателей в зародыше; придется снова за них взяться.

То, от чего король отмахнулся, как от пустячных неприятностей, заслуживало, на самом деле, более пристального внимания. На землях вдоль западных границ Аквилонии, разделенных войнами и междоусобицами, полыхало огнем не одно восстание. Народ изнывал от самодурства правителей и молил небо об избавлении от непосильного бремени налогов и чудовищных беззаконий, творимых королевскими прислужниками. Но заботы простого народа мало трогали государя; он оставался глухим к его воплям.

Тем не менее Нумедидес еще не так глубоко погрузился в свои чувственные наслаждения, чтобы не просматривать шпионские донесения, которые отбирал для него добросовестный Вибий Латро. Канцлер доносил о слухах, ходящих о самом князе Троцero Пуантенском, богатом и могущественном вожде престолюдинов. Троцero, чья тяжелая конница не имела себе равных и чьи воинственные, отчаянно преданные ему люди готовы были броситься в бой по одному мановению его руки, был не тот, от которого можно было лениво отмахнуться.

— Троцero, — размышлял король, — должен быть уничтожен, это ясно. Но в открытом бою он слишком силен. Надо обратиться к искусному отравителю... С другой стороны, на южных границах у меня наместником рачительный, верный Амулий Прокас. Он сократил немало зарвавшихся князьков, у которых доставало смелости поднять голову.

Непроницаемы были холодные темные глаза Туландры Ту.

— На лике неба читаю я знамения, грозящие опасностью твоему военачальнику. Мы должны заняться...

Нумедидес не слушал. Гипнотический сон и маковое вино подогрели его чувственный аппетит. Гарем недавно пополнился восхитительной, полногрудой наложницей-кушиткой, и извращенное сознание короля придумывало для нее пытку, которой еще не было названия.

— Я ухожу, — бросил он. — Не задерживай меня, чтобы не пришлось испепелить тебя моими огненными молниями.

Король, взглянув на Туландру Ту, предостерегающе поднял палец и издал утробный звук. Затем, урча от животного вожделения, он отодвинул панель, скрытую пурпурным гобеленом, и шагнул внутрь. Отсюда начинался тайный подземный ход, ведущий в ту часть гарема, которую шепотом, с трудом сдерживая отвращение, называли Домом Боли и Наслаждения. Колдун проследил за ним глазами, тень улыбки скользнула по его губам; затем он тщательно задул девятнадцать массивных свечей.

— О Король Жаб, — пробормотал он странным голосом. — Ты говоришь чистую правду, вот только имена ты путаешь. Нумедидес обратился в прах, а Туландра Ту будет править Западом с вечного трона, — если Отец Сет и Мать Кали научат своего верного сына, как заставить темные страницы Неизведанного открыть тайну вечной жизни...

Сухой голос витал в темной зале, — так шуршит чешуей змея, проползая по белым, высохшим костям мертвецов.

II. Львы собираются

Далеко на юге Аквитании рассекала стройная военная галера бурные волны Западного моря. Корабль, принадлежащий к флотилии Аргоса, держал путь к берегу, где в сумерках мерцали огни Мессантии. Светящаяся земная полоса над западным горизонтом возвещала о конце дня, на прозрачно-синем небе зажглись драгоценными камнями первые вечерние звезды. Луна медленно всплыла над водой и чуть затмила их блеск.

На носу галеры, опираясь руками о перила, стояли семеро — все одетые в плащи, которые защищали их от ледяных брызг, фонтаном обрушивавшихся на палубу, когда обшитый бронзой нос корабля зарывался в воду, разваливая волны пополам. Одним из семерых был Декситель — мужчина средних лет, одетый в низпадающее складками одеяние служителя Митры. Ясное лицо его хранило невозмутимое выражение.

Возле него стоял широкоплечий, стройный, благородной наружности человек. Темные волосы его были тронуты сединой. На груди виднелась отливающая серебром кольчуга с тремя необычного вида золотыми леопардами Пуантена, выбитыми на металле. То был Троцерио, князь Пуантенский. Три леопарда на его кольчуге в точности повторяли рисунок на флаге, реющем высоко над головами на фок-мачте.

У плеча князя Троцерио пощипывал свою бородку юноша аристократического облика, в серебряной кольчуге поверх изящного бархатного камзола. Движения его были порывисты, под неизменно-беззаботной улыбкой скрывалась стальная воля закаленного и опытного воина. То был Просперо, бывший военачальник Аквилонской армии. У борта сидел коренастый, лысеющий человек без кольчуги, меча при нем тоже не было. Не обращая внимания на сгущавшиеся сумерки, он водил стилем по восковым табличкам, выписывая какие-то цифры. Публий, бывший королевский казначей Аквилонии, попал в опалу за свой отчаянный протест против неограниченных налогов и непомерных расходов монарха.

Рядом, крепко держась за непрочные перила, стояли две девушки. Одной из них была Белиз Корцеттская, красавица знатного рода из Зингары, прелестная, тоненькая, только-только вошедшая в пору своего расцвета. Ее длинные черные волосы, точно шелковое знамя, развевались на морском ветру. К ней прижималась бледная девочка с льняными волосами, широко раскрытыми глазами глядевшая вперед, на огни, что горели у самой кромки воды. Тина, рабыня из Офира, была спасена леди Белиз от свирепого хозяина. Неразлучные друг с другом, госпожа и рабыня вместе делили тяготы гнетущей ссылки в Пустыне, куда добровольно удалился в свое время дядя леди Белиз, ныне покойный князь Валенсо.

Над ними возвышался человек гигантского сложения. Мрачным было его лицо, согревающий огонь синих глаз, черная грива жестких, прямых волос, спадающих на могучие плечи, говорили о таящейся ярости дремлющего льва. Был он киммерийцем, и имя ему было Конан.

Морские сапоги Конана, узкие штаны и разорванная шелковая рубашка не скрывали его великолепного телосложения. Наряд этот достался ему из сундуков Кровавого Траникоса, короля пиратов. Трупы Траникоса и его капитанов и сейчас восседали где-то в горной пещере Пиктленда за столом, заваленным сокровищами стигийского принца. Одежда, тесная для такого громадного человека, была рваной, замаранной грязью и кровью; однако никому из тех, кто смотрел на возвышающегося киммерийца и тяжелый широкий меч у него на боку, и в голову бы не пришло принять его за нищего.

— Если мы станем продавать сокровища в открытую, — размышлял вслух князь Троцero, — мы впадем в немилость к королю Мило. До сих пор он благоволил нам, но когда слухами о наших рубинах, изумрудах, аметистах и прочих оправленных золотом побрякушках Траникоса прожужжат ему все уши, он может издать указ и отринуть их в пользу короны Аргоса.

Просперо кивнул головой:

— О да, король Аргоса, как и любой другой, любит, когда сокровищница его полна. А если мы обратимся к ювелирам и ростовщикам Мессантии, то через час о нашей тайне будут кричать на всех улах.

— Кому же нам продавать драгоценности? — спросил Троцero.

— Спросим-ка нашего маршала, — Просперо хитро улыбнулся. — Прости меня, если я в чем-то ошибаюсь, Командор Конан, но ты случайно никогда не был знаком с...?

Конан передернул плечами:

— Ты спрашиваешь о том, не был ли я проклятым пиратом, грабившим каждый порт? Да, я был и мог стать им снова, не приди вы вовремя, чтобы наставить меня на путь истинный.

Помедлив, Конан продолжал:

— Я думаю так. Пусть Публий отправится к казначею Аргоса и заберет залог, который мы платили за эту галерею, за вычетом причитающейся платы за пользование. Тем временем я отнесу наши сокровища одному торговцу, умеющему держать язык за зубами, я

знал его в былые дни. Старый Варро всегда давал мне хорошую цену за награбленную добычу.

— Говорят, — молвил Просперо, — что драгоценности Траникоса стоят дороже всех драгоценностей на свете. Люди вроде того, о котором ты говоришь, предложат нам за них лишь половину цены.

— Будь готов к разочарованию, — сказал Публий. — Цена на эти игрушки всегда растет, когда о них говорят, но падает, как только дело доходит до продажи.

Конан по-волчьи оскалился:

— Будьте уверены, я получу от него все, что смогу. Не забывайте, я имел дело с этой страной. И потом, даже половины сокровищ довольно, чтобы поднять на бой всю Аквилонию.

Конан посмотрел назад, на бак, где стояли капитан и рулевой.

— Эй, капитан Зено! — прокричал он на аргосском наречии. — Скажи своим гребцам, — если они доставят нас на берег до закрытия таверн, то получают по серебряной монете на брата сверх уговора. Я вижу огни лоцманской лодки впереди.

Конан повернулся к своим спутникам и понизил голос:

— Теперь, друзья, мы должны быть настороже, чтобы не проболтаться о сокровище. Одно подслушанное слово может стоить нам денег, которые нам нужны, чтобы нанять людей. Помните это!

К галере подошла лоцманская лодка. В ней сидели шесть дюжих гребцов. Закутанный в плащ человек махал фонарем, и капитан ответил ему, также махнув фонарем. Конан собрался спуститься вниз, чтобы собрать свои вещи, но Белиз задержала его, накрыв его руку своей нежной ручкой. Ее мягкие глаза смотрели просительно, в голосе звучала боль.

— Ты не оставил своего намерения отправить нас в Зингару? — спросила она.

— Лучше, чтобы вас не было с нами, госпожа. Войны и восстания — не место для благородных дам. Продав драгоценности, которые я дал тебе, ты получишь много денег, их хватит на жизнь, хватит и на то, чтобы справить приданое. Если ты хочешь, я сам продам их. А сейчас я должен спуститься в свою каюту.

Белиз молча подала Конану мягкий кожаный мешочек, в нем были рубины, выбранные киммерийцем из сундука в пещере Траникоса. Он двинулся на корму к своей каюте, и Белиз проводила его взглядом. Вся ее женская натура тянулась к мужественности, исходившей от него, как жар от пламени. Если бы исполнилось ее тайное желание, в приданом не было бы нужды. Но Конан, хотя и спас их с маленькой Тиной от пиктов, был для них не более, чем друг и защитник.

Конан, как она с горечью понимала, был в подобных делах мудрее ее. Он знал, что утонченная высокородная леди, напичканная зингаранскими идеями о женской стыдливости и чистоте, никогда не примет дикую, бурную жизнь искателя приключений. И кроме всего прочего, если его убьют или он пресытится ею, она станет отверженной, ибо княжеские дома Зингары никогда не впустят подругу варвара, наемника, в свои беломраморные залы.

Тихо вздохнув, она тронула обнявшую ее Тину.

— Пора идти вниз, Тина, собирать наши вещи.

Галера, приветствуемая криками, медленно пристала к берегу. Публий заплатил пошлину, щедрой рукой рассчитался с лоцманом, уплатил капитану Зено и команде то, что причиталось, и, наказав ему не болтать о плавании, церемонно распрощался с аргосцем.

Капитан лающим голосом отдавал приказы. По его командам был спущен и скатан парус, весла, с бранью и грохотом, убраны и положены под сиденья гребцов. Команда — помощники капитана, матросы и гребцы — весело потекла на берег, где приветливо горели огнями кабаčky и таверны, где размалеванные плюхи, призывно кивая из окон, уже вступали в шуточные перебранки и обмен игривыми непристойностями с разохотевшими моряками.

Улица, примыкавшая к порту, была полна народу. Одни бродили, пошатываясь, другие уже храпели у дверей кабаков или справляли нужду в темных закоулках.

Был в толпе этих гуляк один, которому пьяный вид и затуманенные глаза служили лишь внешним прикрытием. Худощавый, с сумрачным лицом, он был зингаранцем и называл себя Кесадо. Чуть выющиеся иссиня-черные волосы обрамляли его узкое лицо, глаза,

сонно смотревшие из-под тяжелых век, создавали обманчивое впечатление ленивого безразличия. Одетый в лохмотья, он сидел, празднично развалившись, на пороге дома, — казалось, для него само время остановилось. К нему пристали было двое подвыпивших моряков, он ответил им избитой шуткой, и те, гогоча, двинулись дальше.

Кесадо внимательно наблюдал за тем, как припвартовывалась галера. Он отметил то, что вслед за шумной командой на берег сошла группка вооруженных людей, с которыми были две женщины. Воины остановились на молу и помедлили, пока к ним не кинулось несколько зевак, предлагающих свои услуги. Вскоре странная компания исчезла в сопровождении носильщиков, с сундуками и мешками на спинах.

Когда темнота поглотила последнего из носильщиков, Кесадо отправился в кабак, где пировали матросы с этого корабля. Там он отыскал приятное местечко у огня, заказал вина и принялся наблюдать за моряками. Под конец он выбрал дюжего, загорелого гребца — аргосца, бывшего уже изрядно навеселе, подсел к нему, завязал разговор, заказал моряку пинту эля, рассказал непристойный анекдот.

Гребец долго гоготал. Когда же он успокоился, зингаранец как бы между прочим заметил:

— А ты, часом, не с той большой галеры, что стоит у третьего причала?

Аргосец кивнул и отхлебнул эля.

— Галера-то небось торговая?

Гребец поднял всклоченную голову и окинул собеседника презрительным взглядом.

— Больше слушай всяких паршивых чужеземцев, которые не могут отличить один корабль от другого! — фыркнул он. — Это военный корабль, понял ты, дурак долговязый? Это «Ариан», гордость королевского флота.

Кесадо хлопнул себя по лбу.

— О боги, ну и глупец же я! Так долго была в плавании, что я ее еле узнал. Но вроде, когда эта галера вошла в порт, на ней был какой-то флаг со львами?

— Это алые леопарды Пуантена, дружище, — важно сказал гребец. — Сам князь Пуантенский нанимал корабль и командовал им, вот.

— Не верю своим ушам! — воскликнул Кесадо, изображая безграничное удивление. — Вы, небось, в какой-нибудь первостатейной важности поход ходили, я просто уверен, что...

Пьяный гребец, польщенный восторженным вниманием своего слушателя, выпалил:

— Мы были в самом дьявольском плаваньи, — двадцать тысяч лиг отсюда, — и чудом выбрались живыми из лап диких пиктов, и...

Тяжелая рука помощника капитана опустилась ему на плечо, и он осекся. Лицо помощника было сурово.

— Попридержи язык ты, болтливый дурак! — бросил он, окинув зингаранца подозрительным взглядом. — Капитан же предупреждал нас держать рот на замке, особенно с незнакомцами. Заткнись, осел!

— Да, да, — промямлил гребец. Избегая смотреть Кесадо в глаза, он уставился в свою кружку.

— Да мне-то что, — зевнул Кесадо, вяло пожав плечами. — В Мессантии-то за последнее время ничего не случилось, вот я и решил просто послушать что-нибудь новенькое.

Он лениво поднялся, расплатился и вышел.

За дверьми кабака Кесадо вмиг скинул маску своего сонного безразличия. Он быстро зашагал по направлению к сомнительного вида корчме, где снимал на втором этаже комнату, выходившую окнами на порт. Крадучись, точно ночной вор, он поднялся по узкой лестнице к себе.

Он торопливо запер дверь, опустил ветхие шторы; в маленькой железной жаровне тлели угли, и он зажег от них огарок свечки. Затем уселся за шаткий стол, взял остро очиненную палочку и, скрючившись, принялся выводить значки на крохотном листке папируса.

Написав донесение, зингаранец скатал папирус в узкий свиток и ловко вставил его в медный цилиндрок, размером не больше ногтя. Затем он медленно поднялся. У стены, выходящей на море, стояла клетка. Он с лягом отворил ее и вытащил жирного, нахохлившегося голубя. Тщательно привязав цилиндрок к его лапке, он отодвинул штору, бесцумно открыл окно и выпустил птицу в ночь. Голубь покружил над портом и исчез. Кесадо улыбнулся, — он знал, что почтовый голубь

отыщет безопасное место для ночевки и с рассветом начнет свой долгий полет на север.

Девять дней спустя в Тарантии Вибий Латро, канцлер короля Нумедидеса и глава его разведки, держал в руках королевского почтового голубя с медной трубкой на лапке. Осторожными пальцами он развернул хрупкий папирус и поднес его к солнечному лучу, косо падавшему из окна его кабинета. «Князь Пуантенский в сопровождении немногочисленной свиты прибыл с неизвестной целью из дальнего порта. К», — прочитал он.

Войско росло, новобранцы из всех сил старались освоить воинское искусство. Конан же распрощался с леди Белиз и ее юной подопечной. Он видел, как их карета с грохотом катила по прибрежной дороге. Они ехали в Зингару. Статные воины охранительного отряда скакали спереди и сзади кареты. В вещах был спрятан окованный железом ларец с золотом, которого Белиз и Тине должно было хватить на долгие годы безбедной жизни. Конан надеялся больше с ними не встретиться.

Хотя могучий киммериец и поддался очарованию Белиз, он оставался верным своему принципу — не привязываться к женщине, и в особенности — к женщине благородного происхождения, которой было не место в походном стане. Когда-нибудь потом, если восстанию суждено увенчаться победой, он, может быть, потребует какую-нибудь принцессу себе в жены — чтобы заполучить корону. Хотя за короны и платит своей кровью простой люд, голубая кровь королей удерживает их своей мистической властью.

Несмотря на все это, Конан мучился страстным желанием не меньше, чем любой другой зрелый, сильный мужчина. Уже долгое время не доводилось ему быть с женщиной, и эта неудовлетворенность находила выход в резких словах, мрачном расположении духа и беспричинной ярости. Под конец Просперо, верно догадавшись о причинах этой раздражительности, решил предложить ему приглядеть себе в Мессантии какую-нибудь портовую красотку.

— Поищешь-поищешь, Командор, — посоветовал он, — и, может статься, найдешь себе подружку по вкусу.

Просперо и не подозревал, что его слова, точно жужжащие мухи, долетели до ушей долговязого зингаранского торговца, дремавшего, уткнув нос в колени, у навеса, под которым были свалены товары.

Конан, оставаясь, как обычно, невозмутимым, пожал плечами, оставив предложение товарища без ответа. Но время шло, желание боролось с самообладанием, и с каждой новой ночью Конану требовалось все больше сил, чтобы держать себя в руках.

Армия увеличивалась с каждым днем, в нее вливались отряды лучников, оставивших свои дома в Боссонских Топях, копейщиков из Гандерланда, конников из Пуантена — со всех концов Аквилонии приходили люди разных званий и сословий. Учебное поле оглашали командные крики, тяжелая поступь пених воинов, топот коней, свист стрел и щелчки тетивы луков. Конан, Просперо и Троцero трудились не покладая рук, чтобы выковать из сырых новобранцев крепкое, хорошо обученное войско. Но оставалось только гадать, удастся ли этому войску, собранному с миру по нитке, не знающему, что такое настоящий бой, противостоять превосходно вооруженным, закаленным в сражениях, победоносным отрядам Амулия Прокаса.

Тем временем Публий организовал тайную разведку мятежников. Его шпионы проникали в самую глубь Аквилонии. Одни просто собирали сведения. Другие распространяли получаемые донесения о бесчинствах короля Нумедидеса, — и тут даже сплетникам было нечего прибавить. Третьи обращались за денежной помощью к тем из вельмож, кто сочувствовал мятежу, но не осмеливался еще заявить об этом открыто.

Каждый день, в полдень, Конан производил смотр своих войск. Затем он обедал в лагере — по очереди в походной палатке каждого отряда, — ибо хороший полководец обязан знать своих людей по имени и лично поддерживать их дух и верность. Спустя несколько дней

после того, как Просперо завел разговор о подружке из Мессантии, Конан обедал у конников. Он сидел среди простых воинов и отпускал двусмысленности, деля со своими соседями мясо, хлеб и горьковатый эль.

Услышав вдруг чей-то картавящий голос, Конан оглянулся. Неподалеку стоял узколицый зингаранец, — Конан вспомнил, что уже видел его где-то, — он сопровождал свой рассказ красочными жестами, — Конан на полуслове оборвал свой анекдот и прислушался: торговец говорил о женщинах, и Конан почувствовал, как кровь жидким огнем потекла у него в жилах.

— Вот есть такая танцовщица, — громко говорил зингаранец, — волосы черные, как воронье крыло, а глаза зеленые, как два изумруда. Губы алые, мягкие, вся такая гибкая, — просто околдовывает. А груди — как спелые гранаты! — он руками изобразил все это в воздухе.

— Каждую ночь она пляшет в гостинице «Девять Мечей», перед стражниками, те играют в кости, а она раздевается, покачиваясь, у мужчин на глазах. Но эта Альсина — редкая птичка, — надменная, капризная, она кружит головы, но всем отказывает. Она еще не встречала мужчину, который мог бы пробудить в ней страсть, — по крайней мере, она так говорит.

— Надо думать, — прибавил Кесадо, двусмысленно подмигнув, — здесь, в этой палатке, найдутся пылкие воины, чтобы укротить своенравную красотку. Вот даже хотя бы сам наш бесстрашный маршал...

Тут Кесадо почувствовал взгляд Конана. Он осекся и поклонился:

— Тысяча извинений, храбрый Командор. Твое превосходное пиво развязало мне язык, да так, что я, бедный, совсем забылся. Соболаговоли простить мне эту оплошность, прощу тебя, мой добрый господин.

— Ладно, ладно, — буркнул Конан и, нахмурившись, вернулся к своей трапезе.

Но в этот самый вечер он справился у слуг о том, как найти гостиницу «Девять Мечей». Кесадо, стоявший в тени, видел, как Конан вскочил в седло и, в сопровождении одного лишь груга, поскакал к Северным воротам. По губам его скользнула самодовольная усмешка.

III. Изумрудные глаза

Когда лазурное небо оделось зарею, пение серебряной трубы возвестило о прибытии вестника короля Мило. Бравый герольд в расшитом камзоле поверх кольчуги прогарцевал на гнедой кобыле по лагерю мятежников, высоко поднимая руку, сжимавшую запечатанный и перевитый лентой свиток. Вестник окинул пренебрежительным взглядом поле для учений, — там кипела жизнь, пестрая толпа строилась на переключку. Он громогласно потребовал препроводить его к палатке маршала Конана, и тогда один из людей Троцера повел кобылу в центр лагеря.

— Что-то неладно, — шепнул Троцера жрецу Декситю, не сводя глаз с аргосского герольда.

Сухоощавый, лысоватый служитель Митры перебирал четки.

— Нам уже нужно привыкать к бедам, мой господин, — молвил он. — И ты знаешь, — впереди нас ждут беды много больше этой.

— Ты говоришь о Нумедидесе? — спросил князь, криво усмехнувшись. — К этому мы готовы, мой добрый друг. Я говорю о сложностях с королем Аргоса. Я чувствую, что из-за того, что Мило предоставил мне возможность собирать здесь людей, он теперь не в ладах со многими из тех влиятельных чужеземцев, что осели в столице. Похоже, Его Величество уже начинает раскаиваться, что предоставил нам удобное место для лагеря.

— Да, — подал голос Публий, — коренастый казначей уже успел присоединиться к беседе. — Я не сомневаюсь в том, что таверны и закоулки Мессантии давно кишат милионами из Тарантии. Нумедидес ловко заставит короля Аргоса убедиться в том, что ему теперь не стоит поддерживать нас.

— Король был бы глупцом, если бы пошел на это, — размышлял вслух Троцера, — наше войско здесь и готово броситься в бой.

Публий пожал плечами:

— До сих пор владыка Мессантии был нашим другом. Но короли вероломны по своей природе, и даже

самые благородные из них руководствуются внешними обстоятельствами. Поглядим, посмотрим... Интересно, какие дурные вести принес этот надменный герольд?

Публий и Троцера удалились к своим обязанностям, оставив Декситя, отрешенно перебиравшего молитвенные четки. Говоря о грядущих бедах, он думал не только о предстоящей битве. Зловещее предчувствие томило его.

Прошлой ночью привиделся ему тревожный сон. Бог Митра часто посылал своим верным служителям прозрение будущего в сновидениях, и теперь Декситей гадал, не был ли его сон пророческим.

Ему снился бой, маршал Конан, бьющийся с врагами, зовущий своих воинов вперед, разящий мечом направо и налево. Но за спиной великана-киммерийца пряталось смуглое, едва уловимое НЕЧТО. Сознание, скованное дремотой, не могло определить, чем было это таящееся; видны были только кошачьи глаза, изумрудным огнем горевшие из-под капюшона. Тень эта неизменно стояла у Конана за спиной — там, где он был неприкрыт, там, откуда он не ждал удара.

Поднявшееся солнце уже согрело прохладный весенний воздух, но Декситя била дрожь. Он не любил подобные сны, — они, словно мелкие камушки, падали в глубокий колодец его безмятежного спокойствия. Кроме того, ни у кого в лагере мятежников не было таких сверкающих, изумрудных глаз, — иначе он уже давно приметил бы их необычность.

Вздыхая, пыль, герольд поскакал в Мессантию, — посланец известил вождей восстания о решениях городского совета.

Великан-киммериец, стоя в своей палатке, — слуги одевали его для утренних упражнений с оружием, — едва сдерживал ярость. Когда собрались Просперо, Троцера, Декситей, Публий и другие, он заговорил резко, цедя слова сквозь зубы:

— Одним словом, друзья, Его Величеству угодно, чтобы мы ушли на север, в степи, на расстояние девяти лиг от Мессантии, по меньшей мере. По мнению

короля Мило, наша близость к его столице подвергает опасности как город, так и наше дело. Наши ратники, по его словам, в последнее время развлекаются слишком шумно, буянят, нарушая, тем самым, покой короля и причиняя немало хлопот страже.

— Этого я и боялся, — вздохнул Декситей. — Наши воины стали слишком охочи до кубка вина и ночных забав в постелях красавиц. Вообще говоря, наивно было бы ожидать, что ратники — в особенности те, что собрались у нас в лагере, — будут вести себя, словно благонравные монахи.

— Верно, — промолвил Троцero. — К счастью, мы готовы покинуть город прямо сейчас. Когда мы должны выступить, Командор?

Конан резким движением застегнул свою перевязь. Синие глаза его по-львиному сверкали из-под черных прядей, ровно спадающих на лоб.

— Он дал нам десять дней на сборы, — бросил он, — но я бы выступил прямо сейчас. В Мессантии слишком много глаз и ушей, чтобы я мог быть спокоен, и у многих наших солдат слишком длинные языки, которые очень легко развязать за чаркой вина. Девять миль или девяносто — все равно, только бы уйти из этого шпионского гнезда.

Так что, давайте оставим этот город, друзья. Отмените все отпуска и вытащите людей из кабаков, — силой, если нужно. Сегодня ночью я возьму с собой отряд разведчиков и поеду вперед, чтобы осмотреть дорогу и выбрать новое место для лагеря. В мое отсутствие командовать войском будешь ты, Троцero.

Они вскинули вверх оружие в знак прощания, и Конан удалился. За оставшиеся полдня люди были собраны, провиант подготовлен, снаряжение погружено на телеги. Наутро, не успело солнце коснуться золотых шпилей Мессантии своими лучезарными копьями, палатки были убраны и отряды построены для перехода. Призраки туманов еще витали в ложбинах, а войско было уже в пути — рыцари и йомены, лучники и копейщики; впереди, сзади и по обе стороны шли разведчики и дозорные.

Конан с отрядом пуантенских конников двигался на север — туда, где землю скрывала мгла. Этот

дикий воин не особенно доверял дружбе короля Мило. Короли делают то, в чем их убеждают; и, может статься, шпионы Нумедидеса уже убедили владыку Аргоса вступить в союз с правителем Аквилонии, не полагаясь на непредсказуемую судьбу бунтовщиков. Безусловно, Аргос знал, что если восстание обречено на провал, то месть Аквилонии будет скорой и сокрушительной. И если король замыслил разделаться с ними, то лучше всего напасть на войско во время перехода, когда люди измотаны, разрознены и отягощены своим снаряжением.

И вот Львы двинулись на север. Отряд за отрядом шло полуобученное войско по пыльной дороге, переправлялось через реки, переваливало через Дидимейские холмы. Никто не нападал на них, никто не беспокоил, никто не таился в засаде. Может быть, подозрения Конана по отношению к королю Мило были беспочвенны; может быть, войско было слишком сильным, чтобы аргосцы отважились напасть на него. Могло быть и так, что король выжидал благоприятный момент, чтобы обрушиться на мятежников. Был он другом или тайным врагом, — Конан радовался своей осторожности.

Когда его войска благополучно прошли дневной переход, Конан, приехавший оттуда, где он выбрал новое место для лагеря, позволил себе немного отдохнуть. Теперь они были вне предела досягаемости шпионов, наводнявших кривые улочки Мессантии. Его разведчики и дозорные разъезжали по окрестностям; если в деревнях мятежники встречали недружелюбные взгляды, Конан лично следил за тем, чтобы разведчики обратили внимание на их обладателей. Ничего не было обнаружено.

Великан-киммериец доверял немногим и никому не доверял слепо. Долгие годы войны, долгие годы, проведенные «вне закона», обострили его кошачью чувствительность, его осторожность. Тем не менее он знал этих людей, которые шли за ним, его дело было их делом. И поэтому ему никогда не пришло бы в голову, что шпионы могут уже быть и в его лагере, а недоброжелатель — таиться за его спиной.

Два дня спустя мятежники перешли вброд реку Астар в Ипсонии и вышли на Паллосскую равнину. На севере высились Рабирийские горы, их розоватые зубчатые пики, точно великаны, шагали в закат. Лагерь был устроен там, где начиналась равнина, на низком, пологом холме; окопанный рвом и укрепленный валом, он представлял собой неплохое укрытие. Пока из Мессантии и окрестных деревень поступало продовольствие, ратники могли упражняться здесь в воинском искусстве, — перед тем как переправиться через Алиману и войти в Пуантен, южную провинцию Аквилонии.

На следующий день воины взяли в руки лопаты, кирки и мотыги и, недовольно ворча, принялись возводить вокруг лагеря защитный вал. Отряд конников выехал назад, чтобы встретить отставший продовольственный обоз и сопровождать его на пути в лагерь.

Ночью, во время второй стражи, из темной палатки Конана выскользнула гибкая тень. Все кругом было залито лунным светом. Длинный, до пят, шерстяной плащ цвета янтаря скрывал ее очертания. Тень подошла к другой тени, притавшейся за соседней палаткой.

Они обменялись приглушенным возгласом приветствия. Затем тонкие, все в кольцах, нежные пальчики напили грубую, черную от работы ладонь и вложили в нее клочок пергамента.

— Тут на карте я отметила проходы, которыми мятежники пойдут в Аквилонию, — голос женщины был мягок, вкрадчив — точно кошка мурлыкала. — И расстановку отрядов.

— Я все передам, — прошептал ее собеседник. — Хозяин позаботится о том, чтобы это попало к Прокасу. Ты хорошо поработала, леди Альсина.

— Это еще не все, Кесадо, — проговорила женщина. — Нельзя, чтобы нас видели вместе.

Зингаранец кивнул и скрылся во мраке. Танцовщица откинула капюшон, серебристый лунный свет упал на ее лицо. Могучие руки Конана-киммерийца совсем недавно выпустили ее тело из страстных объятий, но черты ее хранили печать ледяного спокойствия. Бледное, правильной формы лицо напоминало маску, высеченную из желтоватой слоновой кости; изумрудные

глаза, бездонные и холодные, были полны злобы, презрения и насмешки.

Этой ночью, когда все войско мятежников спало посреди Паллосской равнины, окруженной полукольцом Рабирийских гор, из лагеря исчез один новобранец. Его отсутствие было замечено только на утренней переключке. Троцero решил, что этому не стоит придавать значения. Дезертир, зингаранец по имени Кесадо, был известен как лодырь, вечно притворявшийся больным, чтобы увильнуть от работы, и войско немного потеряло в его лице.

Кесадо хорошо притворялся. На самом деле он был кем угодно, но только не лодырем. Искусный шпион, он всегда был начеку, смотрел, слушал, писал краткие, но точные донесения и ловко скрывал это под маской бездельника. И этой ночью, когда весь лагерь был погружен в сон, он увел с выгона коня и, обойдя сторожевые посты, покинул лагерь. Теперь он уже скакал на север, неутомимо преодолевая лигу за лигой.

Десять дней спустя, весь запыленный, забрызганный грязью, еле держась в седле от усталости, Кесадо доскакал до главных ворот Тарантии. На груди его была секретная метка — условный знак звезды, — пароль, по которому Кесадо немедленно провели к Вибии Латро, канцлеру Нумедидеса.

Глава шпионов, нахмурившись, склонился над доставленной Кесадо картой — той самой, которую под покровом ночи передала Альсина.

— Почему ты привез ее сам? — сталь звучала в голосе Вибии Латро. — Ты ведь знаешь, что ты должен быть там, в лагере мятежников.

Зингаранец пожал плечами:

— Не было никакой возможности послать ее с почтовым голубем, мой господин. Когда я присоединился к шайке бунтовщиков, мне пришлось оставить всех моих птиц в Мессантии, поручив их заменившему меня Фадию Котианцу.

Взгляд Вибии Латро был по-прежнему холоден.

— Почему же в таком случае ты не передал карту Фадию, который мог переслать ее сюда обычным способом? Ты должен был оставаться в гнезде изменников, чтобы знать, что там творится. Я рассчитывал, что твой кинжал будет торчать в спине Конана.

Кесадо беспомощно развел руками.

— Когда госпожа Альсина срисовала эту карту, войско было уже в трех днях пути от Мессантии. Едва ли мне удалось бы испросить шестидневный отпуск, чтобы побывать там и вернуться, не возбудив подозрений. Если бы я ушел, как дезертир, меня искали бы в Аргосе, могли найти и подвергнуть допросу. Покинув лагерь без разрешения, я уже не мог вернуться обратно. И, кроме того, голуби иногда теряют дорогу, попадают в когти соколов и диких кошек, их убивают охотники. Я подумал, что будет лучше, если я сам доставлю такое важное донесение.

Канцлер скривился и хмыкнул:

— Что же ты не доставил его прямо маршалу Прокасу?

Холодные мурашки поползли по спине Кесадо, на землистом лбу и заросших щетиной щеках выступила испарина. Тому, кто вызывал неудовольствие Вибия Латро, это не так-то легко сходило с рук.

— Маршал П-прокас не знает меня, — голос шпиона звучал жалобно. — Тайная метка у меня на груди ничего не говорит ему. Только ты один, мой господин, держишь в своих руках все пути, которые связывают разведку с военным командованием.

Узкая улыбка скользнула по непроницаемому лицу его собеседника.

— Это верно, — произнес он. — Ты поступил так, как должен был поступить в сложившихся обстоятельствах. Если бы Альсина добыла карту до того, как мятежники вышли из Мессантии на север, я был бы полностью доволен.

— Мне сдается, что вожди мятежников окончательно определили свой маршрут только в ту ночь, когда я покинул лагерь, — сказал Кесадо. Он не был точно в этом уверен, но звучало это убедительно.

Вибий Латро отпустил шпиона и призвал к себе секретаря. Изучив карту, он продиктовал два коротких

донесения — одно маршалу Амулию Прокасу и другое, в точности повторяющее первое, для короля. Пока секретарь перерисовывал весьма приблизительный план Альсины, Латро вызвал пажа и вручил ему обе бумаги.

— Отнеси это к королевскому секретарю, — велел канцлер, — и попроси, чтобы Его Величество соизволил отметить это донесение своею печатью. Затем, если на то не будет возражений, поезжай с ним в Пуантен, к Амулию Прокасу. Вот тебе пропуск в королевские конюшни. Выбери самого лучшего коня и меняй лошадей в каждой почтовой гостинице.

Донесение не дошло до королевского секретаря. Вместо этого оно было доставлено в высохшие, темные руки Туландры Ту. Доставил донесение его кхитайский слуга, Хсяо. Прочитав послание и изучив карту у свечи из трупного сала, колдун холодно улыбнулся и одобчительно кивнул кхитайцу.

— Все получилось, как ты и говорил, хозяин, — произнес Хсяо. — Я сказал пажу, что Его Величество занят в своем кабинете беседой с тобой и писец при нем, и тогда он передал свитки мне.

— Ты молодец, любезный Хсяо, — проговорил Туландра Ту. — Принеси мне воск, я сам их запечатаю. Нет нужды по таким пустякам отрывать короля от милых его сердцу развлечений.

Колдун отпер ларец, вынул перстень, в точности такой же, как королевский, скатал вместе карту и донесение и зажег от большой свечи тонкую свечку. Поднеся воск к пламени, он капнул им на край свитка. Затем Туландра приложил к застывающему воску свой перстень и вручил свиток кхитайцу. Печать в точности повторяла королевскую.

— Передай это посланцу Латро и скажи — Его Величество желает, чтобы это было доставлено маршалу Прокасу как можно скорее. И напиши от моего имени Аскаланте, князю Тунскому, он сейчас командует Четвертым Тауранским полком в Палайе. Мне нужно, чтобы он прибыл сюда.

— О всемогущие боги! — прошептал Хсяо. Туландра Ту резко взглянул на слугу.

— Что такое?

— Мне, недостойному, известно, — нерешительно начал Хсяо, — что ты и маршал Прокас не всегда ладите друг с другом. Дозволь спросить тебя, — неужели ты изволишь желать, чтобы именно он подавил мятеж варваров?

Тонкая улыбка появилась на губах Туландры Ту. Хсяо знал, что колдун и маршал отчаянно соперничали друг с другом за милость короля и Хсяо был единственным в мире, кому колдун доверял. Туландра тихо произнес:

— Пока — да. Оставаясь на юге, далеко от Тарантии, Прокас не сможет угрожать моему положению здесь. Мне придется позволить ему одержать еще одну военную победу, — их у него много, — потому что никто из нас не жаждет увидеть Конана под стенами Тарантии. Прокас стоит на той дороге, которой мятежники пойдут к столице. Он должен подавить бунт и подавит его, это ясно, но я сделаю так, что это будет моя заслуга. И потом, победа победой, но какая-нибудь трагическая случайность может неожиданно лишить нас нашего маршала, — он может даже не успеть с триумфом вернуться в Тарантию. А теперь — нет.

Хсяо низко поклонился и вышел. Туландра Ту отпер шкатулку черного дерева и положил в нее копии донесения и карты.

Троцero озадаченно смотрел на своего маршала, который, словно тигр в тесной клетке, метался по палатке, глаза его сверкали яростью.

— Что с тобой, маршал Конан? — спросил он. — Раньше я думал, что тебе не хватает женщины, но после того, как ты привез с собой эту танцовщицу, мое объяснение стоит меньше дырявого бурдюка. Что же беспокоит тебя?

Конан вдруг остановился и подошел к раскладному походному столику. Угрюмо глядя перед собой, налил кубок вина.

— Я не могу сказать, что это такое. Не знаю. Но что-то мне тревожно последнее время, как-то не по себе, я вздрагиваю от каждой тени.

Внезапно он осекся и бросил настороженный взгляд в угол палатки. Потом натянуто рассмеялся и откинулся на спинку скамьи.

— Дьявол, я чувствую себя, как сука в горящем доме. Понятия не имею, что меня гложет, оно не дает мне покоя. Иногда, когда мы собираемся на совет, я почти готов поверить, что ночные тени слушают наши разговоры.

— Порой и тени имеют уши, — сказал Троцero. — И глаза тоже.

Конан передернул плечами.

— Я знаю, что здесь никого, кроме нас с тобой, нет, — только ты и я, да еще она, спит, да еще двое моих слуг, которые чистят мне кольчугу, и часовые около палатки, — пробормотал он. — И все равно я чувствую, что есть что-то еще, оно слушает нас.

Троцero сделался серьезным. Дурное предчувствие зашевелилось в нем. Он уже научился доверять примитивной интуиции киммерийца и знал, что тот чувствует много острее, чем люди цивилизованные, такие, как он сам.

Но и Троцero был не лишен интуиции; и интуиция отгадывала его от гибкой танцовщицы, которую Конан привез в лагерь, как свою верную подругу, интуиция кричала, что ей доверять нельзя. Что-то в ней настораживало Троцero, хотя пока он не мог определить, что именно. Она была определенно красива, — даже слишком красива для плясуньи, имевшей дело с пьяными стражниками в портовой таверне Мессантии. Кроме того, она казалась ему слишком тихой и замкнутой. Троцero всегда располагал женщин к доверию, но, когда он попытался вытащить что-нибудь из Альсины, его попытка не увенчалась успехом. Она отвечала на все его вопросы вполне вежливо, но совершенно не по существу и оставила его в таком неведении, в каком он и находился.

Троцero пожал плечами, тоже налил себе вина и мысленно послал все эти тревоги в Преисподнюю к Митре.

— Тебя угнетает бездействие, Конан, — проговорил он. — Когда мы выступим в поход, когда Знамя Львов будет реять над нашими головами, ты снова станешь

таким, какой ты есть. Там уже не будет никаких подслушивающих теней!

— Да, пожалуй, — пробормотал Конан.

В словах Троцера была доля истины. Если бы Конан имел перед собой противника из плоти и крови, а в руке — стальной клинок, — он бесстрашно ринулся бы в бой. Видимая опасность, какой бы она ни была, не страшила киммерийца. Но теперь, когда вокруг были неуловимые тени, призрачные враги, он чувствовал, как первобытные суеверия диких предков поднимаются в его крови.

В глубине палатки, отгороженная пологом, тихо улыбалась Альсина. Она по-кошачьи жмурилась, тонкими пальцами поглаживая странный амулет, висящий на тонкой цепочке. Только одна вещь во всем мире могла составить ему пару.

Далеко на севере, за степями, за горами, за рекой Алиманой, на железном троне восседал Туландра Ту. На коленях его лежал не до конца развернутый свиток, испещренный астрологическими символами и диаграммами. Прямо перед ним, на подставке, стояло овальное зеркало из черного вулканического камня. От края магического зеркала был полукругом отколот кусок, и это обсидиановое полукружие, связанное с зеркалом сокровенными узами тайной силы, покоилось теперь меж округлых грудей танцовщицы Альсины.

Внимательно изучая рукопись, колдун время от времени поднимал голову и бросал взгляд на небольшие водяные часы из золота и хрусталя, стоящие перед зеркалом. Это редкое устройство издавало тихие, чуть слышные звуки — кап, кап.

Когда серебряный колокольчик часов отзвонил час, Туландра Ту отложил свиток.

Он простер руку к зеркалу, — скрюченные пальцы напоминали когти, — и прошептал странное заклинание на неизвестном языке. Устремив взгляд в глубины зеркала, он слился — душой и сознанием — с Альсиной; и в тот момент, когда двое стали единым целым, — а момент этот был определен согласно особым признакам расположения небесных тел, — колдун обрел волшебную способность, находясь в Тарантии, видеть

все, что видела Альсина, и слышать все, что она говорила.

Воистину, чародею не было нужды в шпионах Вибия Лагро. И воистину, обостренная чувствительность Конана не подвела его — даже тени в его палатке имели глаза и уши.

IV. Кровавая стрела

Каждое утро, с первыми лучами солнца, медные горны будили людей, выводили их на необъятные пространства Паллосской равнины для многочасовых учений и на закате распускали на отдых, тем не менее войско росло. Новобранцы приносили из Мессантии новости и слухи. В один из вечеров вожди восстания собрались в палатке Конана, чтобы разделить трапезу. К тому времени луна уже превратилась из серебряной монеты в узкий стальной серп. Завершив глотком дурного пива грубый походный ужин, вожди войска начали свой совет.

— Похоже, день ото дня король Мило беспокоится все больше и больше, — молвил Троцера.

— Да уж, ему мало удовольствия от того, что на его землях стоит такое большое, вооруженное войско, не подчиняющееся ему, — кивнул Публий. — Похоже, он боится, как бы мы не обратили свои мечи на него — как на добычу более легкую, чем аквилонский тиран.

Декситей, жрец Митры, улыбнулся:

— Короли — недоверчивый народ, особенно те, которые боятся потерять свою корону. Король Мило — такой, как все.

— Уж не думаешь ли ты, что он попытается напасть на нас сзади? — резко бросил Конан.

Одетый в черную хламиду жрец предостерегающе поднял руку:

— Кто знает? Даже я, кого священные знания наделили способностью читать в сердцах людей, не рискну гадать, какие сокровенные планы таятся в голове короля Мило. Но вот мой совет — нам нужно переправиться через Алиману, и как можно скорее.

— Войско готово, — сказал Просперо. — Люди полностью обучены и могут хоть сейчас идти в бой. Чем скорее они побывают в настоящей битве, тем лучше, — бездействие ослабляет их боевой дух.

Конан мрачно кивнул головой. Он на собственном опыте знал — когда хорошо обученное войско пребывает в бездействии, то зачастую оно, движимое гордыней и воинственным духом, что его начальники так старательно пестовали в нем, распадается на враждующие между собой группировки.

— Я согласен с тобой, Просперо, — произнес киммериец. — Но выходить слишком рано — не менее опасно. Вне сомнения, Прокас, сидя в Аквилонии, располагает шпионами, которые уже донесли ему, что мы стоим лагерем в горах Северного Аргоса. А он, к сожалению, достаточно умен, чтобы догадаться о наших планах переправиться через Алиману и войти в Пуантен — именно в ту провинцию, которую Аквилония так и не сумела до конца подчинить себе. Все, что ему нужно будет сделать, — это поставить заградительные отряды у каждого брода и держать свой Приграничный Легион наготове, чтобы послать его к любой опасной переправе.

Троцero провел рукой по седеющим волосам.

— Весь Пуантен пойдет за нами; но пока что мои сторонники держат язык за зубами, чтобы ни одно слово не достигло бдительных ушей Прокаса раньше срока, — уверенно произнес он.

Остальные обменялись многозначительными взглядами, в которых сомнение боролось с надеждой. Несколько дней назад лагерь покинули гонцы мятежников, переодетые купцами, странствующими торговцами и бродячими лудильщиками. Их задачей было проникнуть в Пуантен и склонить вассалов и приверженцев князя Троцero к отвлекающим внимание вылазкам и набегам. Это должно было внести смятение в ряды сторонников короля и вынудить их бесплодно тратить силы на тщетные поиски летучих отрядов. Как только лазутчики достигнут своей цели, войско мятежников получит условный сигнал выходить. Этим сигналом станет окрашенная кровью пуантенская стрела. День

проходил за днем, неопределенность до предела натягивала струны нервов. Ожидание мучило.

Просперо сказал:

— Меня не очень тревожит восстание в Пуантене — в нем можно быть уверенным, — если вообще в этом мире случайностей можно быть в чем-то уверенным. Гораздо больше меня беспокоит помощь, обещанная нам северными баронами. Если к девятому дню этого месяца мы не будем в Куларио, они могут отвести свои войска, их насторожит задержка.

Конан тяжело вздохнул и осушил свой кубок. Северные властители, горячо ненавидевшие Нумедидеса, поклялись помогать мятежникам, но если печать злого рока обречет восстание на провал, они не признаются в том, что сочувствовали ему. Если Львиное Знамя будет повержено в битве при Алимане или же бунт в Пуантене будет задушен в зародыше, то эти своевольные вассалы не будут связаны никакими обещаниями.

Осторожность баронов была вполне понятна; но неуверенность острыми шпорами терзала вождей восстания. Если они задержатся на Паллосской равнине в ожидании тайного сигнала из Пуантена, то смогут ли они поспеть в Куларио к сроку? Несмотря на то что своевольная варварская природа понуждала Конана к решительным действиям, он настаивал на необходимости терпеливого выжидания сигнала из Пуантена. Но его товарищи пребывали в неуверенности или предлагали иные планы.

Была уже глубокая ночь, но вожди восстания так и не пришли к согласию. Просперо предлагал разбить войско на три части и бросить их одновременно на три лучшие переправы: у Мевано, у Ногары и у Тунаиса.

Конан покачал головой:

— Этого Прокас и ожидает.

— В таком случае что же нам делать? — Просперо нахмурился.

Конан развернул карту и указал на среднюю Ногарскую переправу. Указательный палец его был обезображен шрамом.

— Ложная атака. Мы пошлем сюда всего лишь два-три отряда. Тебе известно, как можно ввести врага в заблуждение, чтобы он думал, что нас больше, чем

на самом деле. Лишние палатки, лишние костры. Отряды будут маршировать на виду у врага, потом скрываться в лесу и проходить по полю снова и снова. Мы поставим на берегу пару баллист, их дротики причинят вражеским часовым немало неприятностей. Прокас решит, что нужно спешно направить войско к Ногарской переправе. Командовать ногарскими отрядами будешь ты, Просперо, — добавил Конан.

Юноша, узнав, что ему не придется участвовать в главном сражении, запротестовал, но Конан отверг все возражения:

— Троцero, ты и я, разделив войско пополам, двинемся к Мевано и Тунаису. Если повезет, мы заждем Прокаса в клещи.

— Возможно, ты и прав, — пробормотал Троцero. — Если к тому же в Пуантене, в тылу Прокаса, начнется восстание...

— Да будут боги благосклонны к твоему плану, Командор, — сказал Публий, утирая пот со лба. — Иначе все пропало.

— Ах ты брюзга! — воскликнул Троцero. — На войне все зависит от случая, а нам, кроме тебя, терять нечего. Ждет нас победа или поражение, — нам нужно стоять вместе.

— Конечно, даже у подножия виселицы, — проворчал Публий.

В глубине палатки Конана, за пологом, на ложе из шкур возлежала его любовница. Ее гибкое тело мерцало в слабом свете одинокой свечи, язычки пламени отражались в изумрудных глазах и мутных глубинах обсидианового амулета, что покоился в благоухающей ложбинке меж двух грудей. Она улыбалась, жмурясь по-копачьи.

Рано утром Троцero разбудил часовой. Солнце еще не взошло. Князь зевнул, потянулся, поморгал глазами и раздраженно сбросил с плеча теребившую его руку часового.

— Довольно! — резко сказал он. — Я уже не сплю, болван, хотя вроде бы еще не слишком-то светло, чтобы проводить утреннюю переключку.

Он осекся, увидев то, что протягивал ему часовой. То была пуантенская стрела, вся от наконечника до оперения окрашенная кровью.

— Как это попало сюда? — спросил он. — Когда?

— Только что прискакал гонец с севера, господин, — ответил часовой.

— Моих слуг сюда! Бей тревогу, а стрелу неси прямо к маршалу Конану! — приказал Троцero, вскакивая с постели.

Часовой поклонился и выбежал из палатки. Вскоре появились двое слуг и принялись одевать князя, топорливо застегивая ремни и пряжки доспехов.

— Наконец, наконец-то, слава Митре, слава Иштар, слава Крому Киммерийскому! — кричал Троцero. — Эй, Минестер! Собери на совет моих сотников! А ты, приятель, скажи-ка — что моя Черная Леди — накормлена, вычищена? Пусть ее оседлают, да поживей! Мне неохота искупаться в холодных водах Алиманы!

Солнце не успело еще окрасить алым лесистые хребты Рабирийских гор, а палатки были уже убраны, телеги нагружены, часовые сняты. Когда ясный день прогнал прочь сырые утренние туманы, войско уже находилось в пути. Оно шло тремя длинными колоннами, держа путь к Саксульскому перевалу и оттуда — в Аквилонию, на войну. Земля под ногами была неровной, дорога вилась. По обе стороны маячили голые бесплодные холмы, высились зубчатые скалы. То были подножия гор Рабира, тянувшиеся на запад, следуя за величавой поступью самих гор.

Дорога шла то в гору, то под гору, и ратники неутомимо шагали по ней, лига за лигой. Беспощадно палило солнце. Когда дорога шла в гору, люди, облепив телеги, точно муравьи, изо всех сил толкали, тянули, катили их вверх. Достигнув гребня холма, каждый десятник наматывал на одно из колес длинную цепь, — колесо, таким образом, тормозило телегу, когда та катилась вниз. Войско поднимало тучи пыли, клубившейся в прозрачном горном воздухе.

Казалось, что с каждым новым подъемом горы не приближались, а удалялись, точно неуловимый мираж. Но когда на восточных склонах холмов легли густые тени, они оказались вдруг совсем близко — будто кто-то

отдернул скрывавший их полог. Потом они расступились, открывая Саксульский перевал — глубокое ущелье, словно вырубленное топором разгневанного бога.

Пока войско тянулось вверх, к ущелью, Конан отослал своих разведчиков обследовать крутые склоны, чтобы убедиться, что их не поджидает засада. Разведчики доложили, что все в порядке, и войско двинулось через ущелье. Тяжелая поступь воинов, грохот и лязг снаряжения, топот копыт, скрип тележных осей эхом отзывались в скалах.

После тесного ущелья дорога пошла вниз и скрылась в густом лесу, которым были покрыты северные холмы. В отдалении, за холмами, виднелась Алимана, разбросавшая свои петли по равнине, — словно серебристая змея, греющаяся в последних лучах заходящего солнца.

Люди двинулись вниз, обвязав предварительно тележные колеса тормозящей цепью. Дорога петляла по холмам. Когда на гаснущем небе загорелись звезды, они достигли развилки. Тут войско остановилось и встало лагерем. Конан, опасаясь того, что враг может неожиданно напасть из-за реки, всюду расставил часовых. Но ничто не потревожило покой измученных воинов, — кроме рычания леопарда, который случайно забрел в лагерь и обратился в бегство от громкого крика часового.

Наутро Троцери со своим полком выступил по направлению к Тунаисской переправе, — туда вела правая дорога. Конан и Просперо двинулись по левой и вскоре, около полудня, достигли еще одной развилки. Здесь Просперо с небольшим отрядом повернул направо, к средней, Ногарской переправе. Конан же с оставшимися конными и пешими воинами продолжал свой путь на запад, к Мевано.

Сотня за сотней, отряд за отрядом, шли мятежники, возглавляемые Конаном, по узкой дороге. Они встали на еще один ночной привал и утром двинулись дальше. Спустившись с лесистых пригорных холмов, они снова увидели полноводную Алиману, которая отделяла Аргос от Пуантена. Вообще говоря, Аргосу принадлежали также и земли за Алиманой, а именно, треугольник при слиянии Алиманы с Хоротом. Но во времена Вилера Третьего Аквилония нарушала границы и, будучи силь-

нее, все еще владела этой землей, исконно принадлежавшей Аргосу.

Когда войско Конана достигло равнины, киммериец велел всем говорить как можно меньше и как можно тише и идти как можно бесшумнее. Телеги были укрыты в густом лесу. Мятежники разбили лагерь так, чтобы его не было видно с Меванской переправы. Вперед были высланы разведчики, вернувшись, они сообщили, что не обнаружили никаких признаков врага, но принесли неприятную новость — река разлилась. Было время таяния горных снегов.

Еще до рассвета сотники Конана подняли людей. Те, недовольно ворча, поели всухомятку и торопливо построились. Конан пошел вдоль рядов, изрыгая проклятия и угрозы тем, кто громко говорил или звенел оружием. Ему, обладавшему необыкновенно чутким слухом, казалось, что враг, находясь за несколько лиг, за бурлящей рекой, может что-нибудь слышать. «Если бы они были лучше обучены, — думал он раздраженно, — то двигались бы бесшумно, как кошки».

Чтобы шуметь как можно меньше, сотники отдавали приказы не окриками и не сигналами горном, как обычно, а жестами, и это вызывало определенное замешательство в рядах воинов. Один отряд пошел не туда, куда было нужно, и налетел на другой. Десятники пустили в дело кулаки, и с помощью оплеух и зуботычин порядок был восстановлен.

Войско Конана спустилось к Алимане. Дорога и берега реки были скрыты густым туманом. Моросило. Конан отпустил поводья и вгляделся в туман, пытаясь разглядеть, что творится на том берегу. Его конь, Яростный, стоял у самой кромки воды, мутно-бурой от глины. Река действительно прибыла, она бурлила и рокотала.

Конан жестом подозвал своего помощника, Аларика. Этот аквилонский юноша подавал надежды. Аларик подъехал к своему маршалу.

— Глубоко, как ты думаешь? — негромко спросил Конан.

— Глубже, чем по колено, Командор, — ответил Аларик. — Может быть, по грудь. Позволь мне пустить в реку своего коня, чтобы узнать наверняка.

— Постарайся не попасть в ил — может засосать, — предупредил Конан.

Юноша заставил своего гнедого войти в бурлящий поток. Конь заартачился было, но потом послушно поплыл к северному берегу. Когда они достигли середины реки, мутная вода дошла Аларику до пояса; он обернулся, и Конан знаком велел ему плыть обратно.

— Нужно попробовать, иначе мы просто не можем, — сказал Конан, когда помощник снова стоял вместе с ним. Голос его звучал озабоченно. — Передай конникам Дио, чтобы они переправились первыми и обследовали лес. Потом пойдут пешие воины — цепочкой, каждый должен держаться за пояс впереди идущего. Кто-нибудь из этих деревенских болванов наверняка потонет: стоит только потерять дно под ногами — и оружие потянет вниз.

На рассвете конные отряды начали переправу. День обещал быть хмурым. Тысячник Дио подал с того берега знак — все в порядке, в лесу неприятеля нет.

Конан пристально смотрел за тем, как кони плыли через бурлящую реку, отмечая глубину воды. Когда стало ясно, что ближе к тому берегу река мельче и в лесу никого нет, он подал пешим воинам знак — переправляться. Два отряда копейщиков и один — лучников вошли в воду, река доходила им до груди. Каждый крепко держался за пояс впереди идущего, а лучники высоко поднимали свои луки над водой.

Конан, подъехав близко к Аларику, сказал:

— Передай тяжелой коннице, чтобы теперь переправлялась она. Потом пойдет отряд Церко с телегами, пусть следят, чтобы они не встряли в ил. Я — на тот берег.

У самой воды Яростный уперся, не желая входить в глубокую, бурную реку. Чуткий конь задрожал, заржал, словно чувствуя невидимую опасность, но Конан, туго натянув удила, направил лошадь именно туда, где река была глубже всего.

Пристальным взглядом он вглядывался в изумрудно-зеленые заросли на противоположном берегу, туда, где

буйно цвел кустарник, окружая пестрыми, чуть смазанными из-за тумана красками стволы древних деревьев. Между дубами, покрытыми молодой листвой, дорога казалась таинственным подземным ходом, а хмурое небо — укрывавшей его свинцовой плитой. «Вот уж где предостаточно места для засады», — мрачно подумал Конан. Конники, вместо того чтобы обшаривать все потаенные уголки леса, пока первые отряды пелтих воинов еще переправлялись, сгрудились на полянке, там, где дорога кончалась и начиналась река, и ждали неизвестно чего. Ярость искажила лицо Конана.

— Дио! — заревел он, пытаясь перекричать поток. Если бы враг был здесь, то он уже давным-давно наблюдал бы за переправой, и Конан не видел причины и дальше хранить тишину. — Россыпью, обшарить все кусты! Живее, черт бы вас подрал!

Три пелтих отряда вышли на берег, грязные и промокшие до нитки. Всадники Дио разбились попарно и скрылись в густых зарослях по обе стороны от дороги. Во время переправы войско наиболее уязвимо, — Конан знал это, и дурное предчувствие билось у него в жилах.

Он повернул коня обратно к южному берегу. Тяжелые конники были уже в воде, доходящей им до колена, и первые подводки уже боролись с течением. Несколько подвод завязло в ямах с илом; воины, налегая на колеса, изо всех сил пытались сдвинуть их с места.

Неожиданно туман прорезал пронзительный крик. Резко обернувшись, Конан краем глаза уловил тень движения в зарослях, там, где дорога подходила к реке. Издав короткий предостерегающий крик, Конан резко осадил коня, и стрела, которая предназначалась ему, пролетела мимо и вонзилась, точно стремительная гадюка, в шею молодого сотника, стоявшего позади него. Сотник рухнул в бурлящую воду. Конан, прищипывая коня, мыча от ярости, выкрикивал приказы. Он должен вывести свое войско лицом к лицу с противником, — будь то сторожевой отряд или все войско Прокаса во всеоружии.

Внезапно Яростный заржал и шарахнулся в сторону от другой стрелы. Снова заржав, конь рухнул на колени, сбросив Конана с седла. Киммериец плотнул грязной

жижи и резко вскочил, изрыгая проклятия. Еще одна стрела тупо ударилась в его кольчугу, соскользнула вниз и закружилась в потоке. По бесстрастно-свинцовому утреннему небу двигались рваные ключья облаков. Люди испускали воинственные вопли, кричали от страха и боли и проклинали всех богов.

Протерев слезящиеся от грязи глаза, Конан увидел тройную цепь лучников и арбалетчиков, одетых в голубые цвета Приграничного Легиона. Они разом выступили из густых зарослей и теперь осыпали беспомощных, барахтающихся в реке людей тучей стрел.

Зловещий свист стрел сменялся с сухими шелчками арбалетов. Хотя арбалетчики и не могли стрелять так же быстро, как лучники, их стрелы били дальше и могли пробить самую прочную кольчугу. Люди падали один за другим, молча или с криком боли, грязные воды смыкались над ними и несли тела к берегу.

Конан тоже плыл к берегу, ища глазами трубачей, чтобы собрать рассеявшихся людей в боеспособные отряды. Одного из них, гандерландца с волосами, как пакля, он напел на мели, — тот тупо смотрел на бойню. Изрыгая проклятия, Конан двинулся к парню, который и с места не мог двинуться от страха, но, когда он уже протянул руку, чтобы хлопнуть трубача по плечу, тот вдруг согнулся пополам и упал навзничь в воду, пораженный стрелой. Горн выпал из его руки и тут же был поглощен потоком.

Конан остановился на миг, чтобы перевести дух, глаза его горели, как у льва, загнанного в угол, и тут он обратил внимание на топот копыт, доносившийся с берега, топот, который слышался все отчетливее. Из леса появилась аквилонская конница — конейщики и меченосцы, — в броне, на могучих конях, они с криками обрушились на разрозненные отряды легкой конницы и пеших мятежников. Их разведчики, на конях послабее, были отброшены назад; пешие воины были смяты и растоптаны. Вскоре войска мятежников исчезли с северного берега реки. Затем, мерной поступью, тяжелые отряды Прокаса разом развернулись в одну цепь и ступили в воду, чтобы добить оставшихся в реке.

— Ко мне! — заревел Конан, потрясая мечом. — Стройся в фаланги!

Но те, кто уцелел в этом побоище, — те, кто отступил в реку под натиском аквилонской конницы, — теперь в паническом ужасе бились в воде, отталкивая или топя своих товарищей, что шпыли к ним на подмогу. Конница Прокаса, поднимая тучи брызг, входила в реку. За второй цепью шла третья, за ней еще и еще. Лучники Прокаса вели заградительный огонь с обоих флангов, и лучники мятежников своими намокшими луками не могли противостоять им.

— Командор! — закричал Аларик. Конан обернулся — юноша двигался к нему, по грудь в воде. — Спасайся! Они все полягут здесь, но ты еще можешь увести людей назад. Возьми моего коня!

Цепь всадников быстро приближалась, Конан прохрипел проклятие. Мгновение он колебался, он представил себе, как один бросается им навстречу и рубит, крошит врагов направо и налево. Мысль эта промелькнула у него в голове, но исчезла столь же быстро. В былые времена Конан, возможно, и решился бы на такое безумство. Но сейчас он был военачальник, ответственный за жизнь других, и, кроме того, опыт несколько охладил пыл его безрассудства. Аларик приподнялся, чтобы спешиться, но Конан дернул его за стремя:

— Не надо, парень! Давай назад, обратно к берегу, тысяча молний Крома!

Аларик, вонзив пилоры в бока коня, направил его к аргосскому берегу. Конан, держась за стремя, двигался сбоку огромными шагами, почти прыжками. Все пространство вокруг было заполнено беспорядочно отступающими мятежниками, пешими и конными, пытавшимися доплыть до берега. Жалким было это бегство.

Аквилонские всадники рубили тех, кто замешкался и теперь беспомощно барахтался в потоке. Ниже Меванской переправы вода, бурая от грязи, стала аллой от пролитой крови. Только то, что преследователям приходилось бороться с сильным течением, спасло передовые отряды Конана от полного уничтожения.

Наконец отступающие достигли рядов своей тяжелой конницы, которая начинала переправу позже пешеходов.

воинов. Люди попадали под копыта коней и кричали от ужаса. Кони ржали, спотыкались, всадники повернули обратно, присоединившись к бегству. За их спинами, увязая в грязи, десятники пытались развернуть подводы с продовольствием и, отчаявшись, бросали их на волю реки и выбирались на берег. Аквилонцы убивали ревущих быков и двигались дальше. Течение кружило мертвые тела, живые натывались на них, и страшным было это месиво. Подводы перевернулись, и безжалостная река уносила вниз свернутые палатки и жерди, связки копий и стрел — весь походный скарб.

Конан, рыча от ярости, выбрался на берег, где стояли оставшиеся отряды, дожидаясь, пока им можно будет начать переправу. Он попытался было собрать их, чтобы дать бой, но ряды рассыпались, беспорядочно отступая. Они выбирались на отмель, бросали копья, племы и щиты и бежали куда глаза глядят. Вся дисциплина, дух которой взращивался в течение стольких месяцев и с такими усилиями, рассеялась, — люди не помнили себя от страха.

Некоторые встретили аквилонских конников лицом к лицу и дрались яростно, не отступая, но их смяли и порубили мечами.

В этом месиве Конан отыскал Публия и, схватив его за плечо, принялся кричать что-то ему в ухо. Не слыша своего командора в этом реве, казначей лишь беспомощно разводил руками. У его ног лежало тело Аларика, помощника Конана, и Публий пытался защитить его от тяжелых сапог бегущих воинов. Конь Аларика исчез.

Со стоном ярости Конан выхватил меч и, ударяя пламья по спинам бегущих, расчистил пространство. Он взвалил Аларика на плечо и ринулся вперед. Коренастый Публий, тяжело дыша, попевал за ним. За их спинами на берег выбирались аквилонские всадники и цепью преследовали бегущих мятежников. У воды стояли подводы, которые нужно было переправить последними; всадники перевернули их и двинулись дальше.

Некоторым из десятников удалось развернуть неповоротливые телеги, и теперь они нахлестывали быков, грузно трусивших под укрытие холмов. Дорога была

черна от бегущих людей, сотни других стрелой мчались по луку, торомясь укрыться в лесу.

Было еще далеко до вечера, аквилонцы и их кони ничуть не устали, и войску Конана грозило полное уничтожение. Однако тут произошла небольшая заминка, — небольшая, но ее было достаточно, чтобы отступавшие получили некоторое преимущество. Аквилонцы, вместо того чтобы двигаться дальше, окружили подводы и принялись их грабить, не обращая внимания на окрики своих начальников. Увидев это, Конан, тяжело дыша, прохрипел:

— Публий! Где сундук с деньгами?

— Я... не знаю, — Публий задыхался. — Он был в одной из задних телег, так что, наверное, не утонул. Я... не могу... дальше... бежать. Беги, Конан.

— Не валяй дурака, — зарычал Конан. — Мне нужен человек, который умеет вести подсчеты, а этот молодец уже приходит в себя.

Конан положил свою ношу на землю, — Аларик открыл глаза и застонал. Конан торопливо осмотрел его тело — ран не было. По-видимому, юноша был только оглушен дротиком, — на шлеме оставалась вмятина. Конан поднял его на ноги.

— Я тебя тащил, мой милый, — сказал киммериец. — Теперь твой черед, — помоги-ка мне нести этого толстяка.

Они снова заторопились под укрытие холмов. Публий ковылял между Конаном и Алариком, уцепившись за их плечи. Пошел дождь, — сперва закапало, потом начался настоящий ливень.

Конан сидел в горной пещере, горечь поражения ледяными когтями терзала его сердце. Сегодня он проиграл, его люди, уцелевшие после кровавой бойни, учиненной Прокасом, — разбежались кто куда. Казалось, что всего за несколько часов пламя мятежа было затоптано, залито грязными, алыми от крови водами Алиманы.

И вот теперь Конан, Публий и сотня других мятежников коротали темную ночь в горной пещере, которую укрывали от посторонних глаз дуб и сосна у самого входа. Положение было безнадешным.

Те, кто спасся, принадлежали к разным родам и сословиям, — были тут аквилонские рыцари, перепешшие на сторону мятежников, их верные йомены, наемники, искатели приключений с темным прошлым. Были раненые, — хотя немногие смертельно. В груди у всех царил обжигающий холод отчаяния.

Отряды Амулия Прокаса рыскали среди холмов и добивали тех, кто выжил, — Конан знал это. Одержав победу, аквилонцы, по-видимому, решили окончательно разгромить мятежников и предавали смерти каждого встречного. Конан скрепя сердце отдал плану старого полководца должное. Будь он на месте Амулия Прокаса, он действовал бы почти так же.

Укрытый безмолвным мраком, Конан с тревогой думал о судьбе Просперо и Троцero. Просперо должен был предпринять ложную атаку на Ногарскую переправу — с тем, чтобы оттянуть туда основные силы Прокаса, — таким образом, Конан и Троцero встретили бы лишь немногочисленные сторожевые отряды. Но вышло наоборот, — воины Прокаса, имея численное преимущество, выступили из засады как раз в тот момент, когда авангард Конана, по пояс в водах Алиманы, находился в наиболее уязвимом положении. Конан изумлялся тому, как мог Прокас так тонко предугадать действия мятежников.

Люди сидели подле своего вождя, отступившего с поля боя. Все вымокли до нитки, — в реке, и потом, под дождем, — и жались друг к другу, чтобы согреться. Кругом был непроглядный мрак, ничего, кроме мрака. Они не осмеливались развести костер — свет огня мог привести сюда их погибель. Кашель и чихание звучали погребальной песнью их надеждам. Кто-то принялся проклинать погоду, но Конан осадил его:

— Благодарю своих богов за этот ливень! Если бы день был погожий, то Прокас перебил бы нас всех. Не смей разводите огонь! — рявкнул он на воина, который пытался огнем высечь искру. — Что, хочешь, чтобы сюда явились ищейки Прокаса? Сколько нас? Пусть каждый ответит, но тихо. Сосчитай их, Публий.

— Здесь!.. Здесь!.. — откликались люди.

Публий загибал пальцы. Когда отзвучало последнее «здесь», он сказал:

— Сто тринадцать, Командор, не считая нас с тобой.

Конан тяжело вздохнул. Его душа, душа варвара, горела жадной мести, но казалось невероятным, чтобы из такой ничтожной кучки людей можно было составить новое войско. Перед остатками мятежников он пытался показать, что не разуверился в победе, но отчаяние ястребиными когтями терзало его измученное тело.

Он выставил часовых, и всю ночь напролет они приводили к Конану тех, кто случайно вышел к пещере, — по одному, по двое, по трое. Все валились с ног от усталости. Около полуночи появился Декситей, жрец Митры, его поддерживал часовой, он опирался на подобранный в лесу палку и вздрагивал от боли в вывихнутой лодыжке.

Теперь их было уже около двух сотен, некоторые — тяжело ранены. Жрец Митры, не обращая внимания на себя, принялся врачевать раны, извлекать стрелы и делать перевязки, — он хлопотал над ранеными не покладая рук, и, в конце концов, Конан резко приказал ему дать себе отдых.

Весьма ненадежным было их укрытие, и Конан знал, что мало шансов остается на то, что мятежники доживут до следующей ночи. Но, по крайней мере, они были живы, многие — вооружены, и если Прокас обнаружит их убежище, то они будут драться не на жизнь, а на смерть. С этой мыслью заснул наконец и сам Конан.

Рассвело. Тучи разошлись, голубое небо было чистым, безоблачным. Конан проснулся от звуков приглушенных голосов и бряцания мечей. В пещере был Просперо со своим отрядом — еще пять сотен воинов.

— Просперо! — Конан вскочил на ноги и стиснул товарища в могучих объятиях. Они вышли наружу, — киммериец ожидал дурных вестей и не хотел, чтобы они долетели до его людей — те и так пали духом. — Слава Митре! Расскажи, что было с вами, Просперо! Как ты нашел нас? Что с Троцero?

— Начну с начала, Командор, — ответил Просперо, вздохнув. — Возле Ногарской переправы остались одни сторожевые отряды, и они обратились в бегство при нашем появлении. Мы целый день маршировали взад

и вперед, трубачи играли сигналы, барабанщики били в барабаны, но на переправе так никто и не появился. Это показалось мне странным, и я послал конного гонца к Тунаису. Он прискакал назад с вестью, что там идет кровавый бой и Троцero отступает. Вскоре часовые привели одного из твоих воинов, он бежал с Мевано, от него мы узнали, что ты разбит. Нас было мало, и, чтобы не оказаться в ловушке, я отвел свой отряд назад, в холмы. Там мы встретили других беглецов, они успели заметить, в каком направлении ты отступал. Теперь расскажи, что случилось с вами.

Конан стиснул зубы, осознание собственного позора душило его.

— Я был последним болваном. Просперо, я сам сунул голову в пасть Прокаса. Мне нужно было дожидаться, пока Дио обследует лес, и только потом начинать переправу. Хорошо, что Дио погиб одним из первых, — а то я бы заставил его пожалеть, что он остался в живых. Они переправились раньше всех и, вместо того чтобы прочесать заросли, сбились в кучу, точно старые овцы. Но все равно, это моя вина, я позволил нетерпению взять над собой верх. Дозорные Прокаса сидели на деревьях и вовремя подали сигнал наступать. Теперь все пропало.

— Не скажи, Конан, — молвил Просперо. — Не ты ли всегда говорил — если есть хоть один, кто еще не сдался, кто еще не повержен в прах, — значит, есть еще надежда. На войне случаются и поражения, и победы, — такова воля богов, а они даруют свою милость каждому. Мы отступим на Паллосскую равнину, в наш старый лагерь. По дороге мы, может быть, встретим Троцero. Сейчас нас — семьсот человек, по пути к нам присоединится немало из тех, кто спасся и теперь бродит в холмах, и нас будет больше. Ведь, я уверен, в каждой пещере, в каждом овраге кто-то прячется, — так же как мы.

— Войско Прокаса много больше нашего, — угрюмо произнес Конан, — его воины превосходно обучены и воодушевлены победой. Мы же разбиты, мы пали духом, что можем мы против них, даже если нас будет несколько тысяч? И потом, как пройти через Рабирийские горы? Он выставит сторожевые отряды, где только

можно, и уж у Саксульского перевала — в любом случае.

— Это верно, — ответил Просперо, — но сейчас силы Прокаса рассеяны, он ищет тех, кто уцелел при Мевано. Мы, гордые львы, которых загнали в ловушку, разорвем в клочья этих рыщущих шакалов — стаю за стаей. По правде сказать, мы уже набрали на них по дороге сюда, — это были всадники, мы перебили их. Смелей, Конан! Твой дух неукротим, ты непобедим, ты всегда идешь до конца. Из шайки разбойников ты создал войско, ты сможешь сделать это и теперь. Бодришься!

Конан глубоко вздохнул и расправил могучие плечи.

— Клянусь Кромом, ты прав! Уныние на поле брани вношу лишь полудохлой кляче. Мы проиграли один бой, но наше дело еще не проиграно, — нас двое, мы будем стоять — спина к спине — и драться за него. Иного пути у нас нет.

Он шагнул в тень скалы и из-под большого камня достал Львиное Знамя, символ восстания. Знаменосец, смертельно раненный, все же смог донести его сюда, к горной пещере. Когда он скончался от ран, Конан свернул знамя и спрятал его. Теперь Знамя Льва вновь реяло на ветру, и лучи восходящего солнца пронизывали его алым светом.

— Войско разбито, его уже не соберешь, — раздался в утренней тишине громогласный голос Конана, — но троны берут и меньшим числом!

На губах его играла мрачная, полная решимости усмешка.

V. Багровый лотос

День выдался погожий, и оказалось, что Судьба еще не совсем отвернулась от мятежников. Ночью был сильный туман, и утомленным аквилонским воинам удалось найти далеко не всех из тех, кто уцелел в битве и теперь разбежался кто куда и прятался в оврагах, пещерах и расселинах, — так же как их вождь. Одни ускользнули от рук преследо-

вателей, другие встретили их лицом к лицу и обратили врага в бегство. И утром, когда солнце разогнало тучи, разрозненные группы мятежников уже брели по горным перевалам, возвращаясь обратно на Паллосскую равнину. Тяжко было у них на душе.

Когда Конан с остатками своих воинов подошел к Саксульскому перевалу, день близился к вечеру. Конан был уверен в том, что им придется с боем прокладывать себе дорогу, и потому выслал вперед разведчиков. Вернувшись, разведчики доложили, что, по всей очевидности, Приграничного Легиона у перевала нет. Конан удивленно поднял брови и нахмурился. Все говорило о том, что отряды Прокаса стояли здесь лагерем, — многочисленные кострища, сор на земле, но ни души вокруг.

— О, Кром! Что бы это значило? — размышлял Конан, глядя на ущелье. — Странно. Если только Прокас послал своих людей дальше, в глубь Аргоса...

— Не думаю, — сказал Публий. — Это означало бы объявление открытой войны королю Мило. Скорей всего, он отвел людей за Алиману еще до того, как на королевском дворе в Мессантии стало известно о его набеге. Если король Мило возмутится, то Прокас просто заявит, что на аргосских землях нет ни одного аквилонского воина.

— Что же, остается надеяться, что ты прав, — молвил Конан. — Вперед, мои верные воины!

К полудню следующего дня к отряду Конана присоединились еще несколько отрядов, которым удалось выйти живыми и невредимыми из Меванской западни. Но самой большой наградой мятежникам стал князь Троцери собственной персоной, он стоял лагерем на холме, с ним было две сотни пеших и конных воинов. Князь Пуантенский обнес лагерь частоколом и был, таким образом, готов к тому, чтобы оборонять свой маленький форт от Прокаса и его стальных легионов. Троцери взволнованно заключил Конана и Проспери в объятия.

— Слава Митре, вы живы! Я слышал, что твои отряды попали под град стрел, Конан, и вы отступили

к югу, как дикие звери, которые спасаются от холодной зимы.

— Ты слышал многое об этой битве, но, наверное, тут нету и десятой доли правды, — и Конан рассказал ему о Меванской западне. — А ты, чего стоил тебе Тунаис?

— Прокас разгромил нас так же, как и тебя, — точно так же. Я думаю, что он сам командовал битвой. Он поставил на берегу засаду и, когда мы начали переправу, напал на нас с обеих сторон. Я никак не думал, что он осмелится столь дерзко вторгнуться в аргосские земли.

— Амулий Прокас — кто угодно, только не дурак, — сказал Конан, — и если у него есть возможность, он никогда ее не упустит. Но как ты попал сюда? Через Саксульский перевал?

— Нет. Когда мы подошли к нему, там стояло сильное войско Прокаса. К счастью, один из моих конников, контрабандист, знал одно узкое, почти не используемое ущелье, и он провел нас через него. Оно лежит очень высоко, но переход прошел вполне благополучно, мы потеряли только двух лошадей. Неужели теперь Саксульский перевал свободен?

— По крайней мере, прошлой ночью он был свободен, — Конан огляделся вокруг. — Я предлагаю вернуться на Паллосскую равнину, в наш лагерь, и как можно скорее. С твоим отрядом нас больше тысячи человек.

— Тысяча — это слишком мало для войска, — вздохнул Публий. — Вот и все, что осталось от десяти тысяч, которые вышли с нами на север.

— Это только начало, — сказал Конан. Его недавнее отчаяние улетучилось, как только наступил новый день. — Ведь когда-то нас было только пятеро — пять стойких сердец.

По дороге к отступавшим мятежникам присоединялись все новые отряды, уцелевшие в кровавой битве, присоединялись также и одиночки, маленькие группы. Конан с опаской поглядывал назад, в любой момент ожидая увидеть Приграничный Легион Прокаса, спу-

скающийся с Рабирийских гор и идущий по горячему следу. Но Публий думал иначе.

— Вот послушай, Командор, — говорил он. — Ведь король Мило нас еще не предал и не перешел на сторону наших врагов, — иначе Прокас, поймав нас в ловушку, нанес бы нам удар с тыла. Мне думается, что даже безумный король Аквилонии не рискнет объявить независимому Аргосу открытую войну; аргосцы — важный народ. Амулий Прокас разбирается в политике; он не смог бы задержаться на службе у Нумедидеса, если был бы так безрассуден, чтобы оскорблять соседние королевства. Когда мы придем в лагерь и укрепим защитные сооружения, мы некоторое время будем в безопасности. Мы оставили в лагере запасы оружия и продовольствия, нас ждут новоприбывшие.

Конан нахмурился:

— Все это хорошо до поры до времени, пока Нумедидес не подкупит Мило или не припугнет его так, что он повернется против нас.

Предчувствие не обманывало Конана. Именно в это время проходила тайная встреча аквилонских посланцев с королем Мило и его советниками. Аквилонскую миссию возглавлял Кесадо-зингаранец, посланцы проделали долгий, утомительный путь из Тарантии в Мессантию, пробираясь между враждующими отрядами.

На этот раз Кесадо выглядел великолепно — черный бархатный камзол, высокие сапоги превосходной красноватой кордавской кожи. Теперь он выступал в иной роли, чем прежде, и эта смена роли была не в пользу его прежнего хозяина. Прослышав о достижениях шпиона на службе у Вибия Латро, восхищенный король Нумедидес настоял на повышении Кесадо и назначении его послом. Как оказалось, это было ошибкой.

Зингаранец был превосходным шпионом, многолетний опыт научил его, как действовать, не вызывая ни малейшего подозрения, сохраняя глуповато-безразличный вид. Теперь же, неожиданно назначенный на более высокооплачиваемую и значительную должность, он утратил свой униженный, смиренный облик. На передний план вышла заносчивость и напыщенное высокомерие новоиспеченного зингаранского вельможи. Он

напоминал стервятника, воспарившего слишком высоко. И вот теперь надменным тоном, тонко завуалированными угрозами он пытался убедить короля Мило и его советников, что было бы мудрее снискать расположение короля Аквилонии, нежели поддерживать всяких мятежных оборванцев.

— О Государь и почтенный совет, — говорил Кесадо резким, поучающим голосом, — несомненно, вам известно, что, коль скоро вы предпочтете выбыть из числа друзей моего господина, вы будете считаться его врагами. И чем дольше вы будете позволять мятежному врагу укрываться в ваших владениях, тем суровой будут последствия этой черной измены моему властелину, могущественному королю Аквилонии.

Квадратное лицо короля Мило побагровело от гнева, он резко выпрямился в кресле. Коренастый человек средних лет, обладатель роскошной седеющей бороды, покоящейся на груди, Мило производил впечатление флегматичного молчуна и скорее походил на какого-нибудь доброго крестьянина, чем на властителя богатой, могущественной страны. Медлительный в решениях, он мог быть исключительно упрямым, когда наконец принимал решение. Глядя в глаза Кесадо, он отчеканил:

— Аргос — свободное и независимое государство, сир! Мы никогда не были и, если есть на то воля Митры, никогда не будем вассалами короля Аквилонии. Измена — это злодеяние вассала против своего сеньора. Уж не утверждает ли ты, что этот жирный Нумедидес — владыка Аргоса?

Кесадо прошиб пот; его костлявый лоб влажно заблестел в полосах лазоревого, изумрудного и алого света, падавшего через витражные окна палаты совета.

— Я отнюдь не имел в виду этого, — торопливо поправился он и попросил теперь уже довольно робко: — Но при всем уважении, я должен заметить, что мой господин едва ли сможет закрыть глаза на поддержку, которую его властительный собрат оказывает бунтовщикам, посягающим на его священный Рубиновый Трон.

— Мы не оказывали им никакой поддержки, — сердито произнес Мило. — Твои шпионы должны были донести тебе, что остатки мятежников стоят лагерем

на Паллосской равнине и, не получая продовольствия из Мессантии, в отчаянии рыщут по окрестностям в поисках еды. Их прославленные боссонские лучники упражняются в стрельбе, охотясь за утками и оленями. Ты говоришь, что победа, одержанная маршалом Прокасом, была решающей? В таком случае чего бояться могущественной Аквилонии — кучки беглецов, которые от голода уже превратились в сборище разбойников? Нам известно, что у них нету и десятой части прежней силы и что лишения день за днем еще больше истощают их ряды.

— Это верно, Государь, — проговорил Кесадо, вновь обретая равновесие. — Но это лишний раз доказывает, что такому могущественному государству, как Аргос, совершенно незачем укрывать на своих землях эту шайку. Они не могут напасть на государя и занимаются тем, что грабят твоих же верных подданных.

Мило нахмурился и замолчал — он не мог найти ответ, который прозвучал бы для Кесадо убедительно. Он не мог сказать, что дал князю Троцero, своему давнему другу, слово, что позволит мятежникам использовать его земли для того, чтобы вести подготовку к действиям против соседнего королевства. Кроме того, аквилонский посланник явно торопил его с решением, а это вызывало у него негодование. Он любил принимать решения самостоятельно, неспешно, сейчас же ему попросту угрожали.

Король грузно встал и кратко объявил о том, что переговоры откладываются.

— Посланник Кесадо, мы примем к сведению просьбы нашего собрата. Тебя известят о том, какое решение мы благоволили принять. Мы разрешаем тебе удалиться.

Натянуто улыбнувшись, Кесадо поклонился и вышел. Злоба душила его. На этот раз судьба оказалась на стороне мятежного киммерийца, подумал он, но уж в следующий раз кости лягут по-другому. Потому что Конан, знал он об этом или нет, притрел змею на своей груди.

Вопреки мнению Мило и Кесадо, Львиное Войско было далеко не столь истощено и малочисленно и уж,

во всяком случае, не голодало. Оно насчитывало уже больше пятнадцати сотен и день ото дня крепло и получало продовольствие. Отощавшие кони паслись на необъятных просторах равнины; женщины, которые остались в лагере, когда войско выступило на север, ухаживали за ранеными. Почти весь обоз уцелел; один за другим приходили воины, — оборванные, шатающиеся от усталости и ран, они пополняли редкие, но исполненные решимости ряды мятежников. Леса шорохами отзывались шагам охотников, звенели под ударами топоров, а в лагере оружейники вырезали копья и стрелы, и наковальни гудели под молотами — кузнецы готовили наконечники и мечи.

Прошел слух, что аррьергард — тысяча под командованием барона Гродера Аквилонского — уцелел в Тунаисской бойне и теперь продвигается по горным перевалам на восток. Это вселило надежду. Конан послал Просперо с отрядом всадников, чтобы проверить, так ли это, найти оставших товарищей и привести их в лагерь. Дексией молился Митре, чтобы слух оказался верным, — войско Гродера почти удвоило бы их силы. Королевства рушились под натиском и более малочисленного войска, — тут все дело было в решимости.

Над Паллосской равниной сияла полная луна — словно желтый глаз разгневанного бога. Ледяной, пронизывающий ветер шелестел в высоких травах, невидимыми пальцами забирался под плащи часовых, что охраняли лагерь мятежников.

Конан сидел в освещенной свечой палатке, перед кружкой эля, и слушал товарищей. Одни, удрученные недавним поражением, не желали и думать сейчас о дальнейших военных действиях. Другие жаждали мести и настаивали на том, что нужно выступить как можно скорее, несмотря на более чем скромные силы.

— Послушай, Командор, — говорил князь Троцero. — Амулий Прокас уверен, что мы растоптаны, и уж никак не ожидает, что мы нападём на него столь скоро, так что мы наверняка застигнем его врасплох. Когда мы перейдем Алиману, к нам присоединятся верные пуантенцы, которые только и ждут нашего прихода, чтобы поднять всю провинцию.

Дикарская душа Конана толкала его к тому, чтобы последовать совету друга, и как можно скорее. Если

они прорвутся через границу именно сейчас, когда судьба отвернулась от них, то поражение превратится в победу, в торжество мести. Он остро нуждался в какой-нибудь успешной вылазке, чтобы поднять дух людей. Люди уже начинали разбегаться, они попросту не желали принимать участия в деле, которое казалось им безнадежным. Если он не сможет подкрепить их глубокую преданность надеждами на победу, то утечка недовольных скоро превратится в поток, который размоет войско и превратит его в ничто.

Однако могучий киммериец много лет посвятил войне и стал много мудрее в искусстве вести ее. Опыт предостерегал его и подсказывал, что нужно умерить пыл нетерпения и не использовать пока те силы, что остались, — хотя бы до того, пока не вернется Просперо с вестями о бароне Гродере или с его войском. Если бы Конан был уверен в том, что ему удастся сдержать нетерпеливые порывы, то он мог бы определить, когда будет лучшее время для нападения.

Распустив совет, Конан отправился к Альсине, к ее горячим объятиям, нежной груди, золотистому телу. Танцовщица, применяя всевозможные уловки, для утоления страсти Конана, приводила его в состояние восторга, граничащее с безумием. Но в этот вечер она со смехом выскользнула из его объятий и подняла кубок вина.

— Настало время, мой господин, когда тебе пора выпить напиток знатных. Довольно хлебать горькое пиво, — ты ведь не какой-нибудь крестьянин. Я привезла с собой из Мессантии прекрасное вино — специально для тебя.

— Клянусь Кромом и Митрой, милая, мне уже хватит того, что я выпил за этот вечер. Я хочу испытать вино твоих губ, что мне какие-то виноградные выжимки.

— Но от этого твое желание станет еще сильнее, — так же как и то наслаждение, которое я от него получаю, — вкрадчиво произнесла она.

Стоя в полосе света, окутанная тонким шелковым покрывалом цвета шафрана, — впрочем, оно почти не скрывало линии ее соблазнительного тела, — она лукаво улыбнулась и протянула ему кубок.

— В нем пряности моей родины, они обострят все твои чувства. Неужели ты не выпьешь это, мой господин, — ради меня?

Бросив нетерпеливый взгляд на ее лицо, бледное, как луна, Конан произнес:

— Мне не нужны никакие пряности, когда я чувствую благоухание твоих волос. Но дай его сюда, я выпью — за наслаждение сегодняшней ночи.

Он выпил вино тремя большими глотками, не обращая внимания на чуть резкий привкус, и отбросил кубок в сторону. Затем шагнул к обольстительнице, — та не сводила с него пристальных, широко раскрытых глаз.

Но когда он раскинул руки, чтобы заключить ее в объятия, стены палатки вдруг закружились перед его глазами, жгучая боль пронзила тело. Он попытался ухватиться за столб, промахнулся и тяжело упал навзничь.

Альсина наклонилась над его распростертым телом. В глазах Конана все помутилось, черты лица ее растаяли, как туман, из которого пылающими изумрудами сияли зеленые глаза.

— Во имя крови Крома, сука, — просипел Конан. — Ты отравила меня.

Он попытался подняться, но киммерийцу показалось, что тело его налилось свинцом. Вены на лбу вздулись, лицо побагровело, жилы натянулись, как корабельные тросы, но встать он не мог. Он упал назад, судорожно хватая воздух. Взор его затуманился, обстановка палатки, освещенная свечой, отодвинулась куда-то вдаль, он погружался в какое-то оцепенение. Он не мог ни двинуться, ни пошевелить языком.

— Конан! — тихо позвала Альсина, наклонившись над ним, но он не ответил. Голос ее был мягок, вкрадчив. — Вот тебе, грязная свинья, варвар! Скоро все твое презренное войско сойдет вслед за тобой в Ад. Вы в нем однажды уже побарахтались!

Грацияно опустившись на землю, она протянула вперед амулет, который носила между грудой. На подставке стояла свеча, отмеряющая время. Бросив на нее взгляд, она убедилась, что осталось еще полчаса до того, как она сможет связаться со своим хозяином. Она сидела недвижно, безмолвно, точно сфинкс. Наконец

время подошло. Она устремила мысленный взгляд на обсидиановый осколок.

В далекой Тарантии Туландра Ту не отрывал взгляда от магического зеркала. Увидев недвижимое тело великана-киммерийца, он сухо рассмеялся. Он поднялся, накрыл зеркало покрывалом, вызвал слугу и послал его к королю.

Когда Хсяо нашел Нумедидеса, тот лежал голый, четверо милостивых девушек делали ему массаж. Опустив взгляд к мраморному полу, Хсяо низко поклонился и смиренно произнес:

— Мой хозяин имеет честь сообщить Государю, что мятежный разбойник Конан убит в Аргосе волшебной стрелой моего хозяина.

Поморщившись, Нумедидес сел и оттолкнул девушек.

— А? Ты сказал — убит?

— Да, Государь.

— Чудесная новость, чудесная новость, — Нумедидес захохотал и хлопнул себя по голым ляжкам. — Когда я буду... ладно, хватит об этом. Что еще?

— Мой хозяин просит твоего дозволения на то, чтобы известить об этом событии маршала Амулия Прокаса и поручить ему пересечь границы Аргоса и разбить остатки мятежников, пока они не выбрали нового вождя.

Нумедидес сделал кхитайцу знак удалиться.

— Иди-иди, желтая собака, и скажи своему хозяину — пусть делает так, как считает нужным. Эй, девочки, можете продолжать.

Поздно ночью по широкой дороге поскакал нарочный, он держал путь к маршалу Прокасу, стоявшему на аргосской границе. В пакете, с печатью короля Нумедидеса, был приказ — как можно скорее обрушить всю мощь Приграничного Легиона на обезглавленное войско Львиного Знамени. Крайний срок — две недели.

Тем временем в палатке Конана Альсина раскрыла свой походный сундук, вытащила одежду паж и переоделась. Под одеждой лежала медная шкатулочка, ее крышка была украшена серебряным драконом; Альсина повернула дракона, и шкатулочка открылась. Она была доверху набита драгоценностями — кольцами, брасле-

тами, ожерельями, серьгами — всевозможных форм и размеров. Альсина порылась в шкатулке и нашла продолговатую медную пластинку, покрытую аргосскими письменами. Это был ловко подделанный Кесадо пароль, по которому можно было менять лошадей на королевских заставах. Она торопливо перебрала драгоценности, спрятала самые лучшие в свой пояс и набила кошель золотыми и серебряными монетами.

Затем она задула свечу и смело вышла из темной палатки. Она просто сказала часовому:

— Командор спит, но он велел мне доставить в Аргос срочное донесение. Не будешь ли ты так любезен, чтобы велеть конюхам оседлать коня и привести его сюда как можно скорее.

Часовой позвал начальника стражи, и тот отправил человека выполнять просьбу Альсины, она же тем временем стояла у входа в палатку, молча ожидая, пока все будет готово. Воины, которые привыкли к уходам и появлениям любовницы своего полководца и восхищались ее роскошной фигурой и непринужденностью в общении, сломя голову кинулись выполнять приказ.

Наконец коня привели, она ловко вскочила в седло, и часовой провел ее через лагерь. Она пустила коня рысью и скрылась в лунном свете.

Спустя четыре дня Альсина достигла Мессантии. Она сразу же отправилась в логово Кесадо и обнаружила там Фадия Котианца, прибывшего ему на смену. Фадий кормил почтовых голубей Кесадо. Она спросила:

— Боги, где же Кесадо?

— Разве ты не знаешь? — отозвался Фадий. — Он теперь посланник, он стал слишком гордым, чтобы водить компанию с такими, как мы. С тех пор как он прибыл сюда посланником, он только один раз зашел сюда.

— Я не знаю, гранд он или не гранд, мне нужно видеть его немедленно. У меня новости исключительной важности.

Недовольно ворча, Фадий отвел Альсину на постоянный двор, где останавливались прибывшие в Мессантию аквилонцы. Альсина и Фадий не велили о себе докладывать и вошли к Кесадо как раз в тот момент,

когда слуга снимал с него сапоги и раздевал его на ночь.

— Будь я проклят! — рявкнул Кесадо. — Кто вы такие, чтобы врываться к вельможе, когда он отходит ко сну? Даже самый низкий сброд не позволяет себе этого!

— Ты прекрасно знаешь, кто мы такие, — произнесла Альсина. — Я пришла, чтобы сказать тебе, — Конан мертв.

Кесадо разинул рот и застыл в изумлении.

— Что ж, — наконец выговорил он. — Это многое меняет. Нарсес, надень мне сапоги. Я должен немедленно отправиться во дворец. Что же произошло, госпожа Альсина?

Через некоторое время Кесадо вошел во дворец и не допускающим возражений тоном заявил, что ему необходимо видеть короля. Зингаранец собирался настоять на том, чтобы Аргос напал на войско Конана немедленно. Он был уверен в том, что смерть вождя вызвала смятение в стане мятежников и первый же мощный удар полностью уничтожит их.

Однако судьбе было угодно, чтобы события развернулись по-иному. Король Мило был поднят с постели и наглость Кесадо, требовавшего ночной аудиенции, разгневала его невероятно.

— Его Величество, — передал Кесадо старший паж, — приказывает тебе немедленно удалиться и явиться в более подходящее время. Он назначил тебе встречу на одиннадцать часов утра.

План Кесадо срывался, он побагровел от злости. Смерив слугу презрительным взглядом, он сказал:

— Похоже, ты, приятель, не понимаешь, кто я такой.

Паж расхохотался, — казалось, они с Кесадо соревнуются в наглости.

— Да, сир, мы все знаем, кто ты такой, — и кем ты был раньше — тоже.

Стражники, стоявшие по обе стороны от пажа, презрительно ухмыльнулись.

— Теперь изволь удалиться отсюда, да поживей, чтобы не прогневать моего господина.

— Ты еще пожалеешь о своих словах, мерзавец, — прошипел Кесадо. Он вышел из дворца на булыжную

мостовую и понуро двинулся к своему прежнему жилищу в портовой таверне. Там он застал Фадия и Альсину, ожидавших его. Он настроил королю Аквилонии злобное донесение об упорстве Мило и отправил его с почтовым голубем.

Через несколько дней донесение бывшего шпиона достигло Вибия Латро, и тот отнес его королю. Нумедидес, который всегда действовал под влиянием первого порыва, прочитал о короле Аргоса, поднявшем голову против своего могущественного соседа, и тотчас же отправил гонца к маршалу Амулию Прокасу. Прощлое донесение привело к тому, что Прокасу был дан приказ вторгнуться в Аргос; на этот же раз маршалу предписывалось напасть на аргосские границы немедленно, используя столько военных сил, сколько может понадобиться, и окончательно растоптать тлеющий огонь мятежа.

Жестокий и хитрый старый воин, Прокас нахмурился над королевским приказом. На следующую ночь после победоносного сражения при Алимане он быстро отвел назад отряды, которые были посланы в Аргос, чтобы воспрепятствовать отходу мятежников. Подобного рода вторжение оправдывалось преследованием по горячим следам. Но если он повторит его теперь и открыто нарушит границы, то король Мило оставит позицию осторожного нейтралитета и станет откровенно враждебен к Аквилонии и ее планам.

Но королевский приказ не допускал ни возражений, ни отказа его выполнять. Если Прокасу хотелось, чтобы его голова и дальше оставалась на плечах, он должен был напасть на мятежников, хотя все в душе опытного воина протестовало против этого поспешного, неурочного приказа.

Прокас медлил еще несколько дней, надеясь на то, что король переменит свое решение. Но никаких распоряжений на этот счет не поступило, и Прокас решил ждать дальше. И вот, ясным весенним утром Амулий Прокас со всеми своими силами переправился через Алиману. Вода несколько спала, и переправа казалась легкой задачей для аквилонских отрядов — закованных в блестящую броню, вооруженных до зубов

рыцарей, суровых конейщиков, неповоротливых в своих кольчугах и одетых в дубленую кожу лучников. Они, шумно всплеснув воды реки, переправились на другой берег и неумолимой поступью двинулись по дороге, которая, извиваясь, вела к Рабирийским горам, к Саксульскому перевалу и оттуда — в лагерь мятежников на Паллосской равнине.

Товарищи Конана обнаружили его бездыханное тело только утром, когда Альсина была уже далеко. Они обстужили его, положили на постель и стали искать раны. Декситей, который все еще хромал и потому опирался на палку, обнюхал кубок. Там еще сохранились остатки вина.

— В этом напитке, — молвил он, — сок багряного лотоса, что растет в Стигии. Наш Командор должен быть мертв, как король Тутхамон; однако он жив, хотя и не больше, чем живой труп с открытыми глазами.

Публий, загибая пальцы, словно подсчитывая что-то в уме, проговорил:

— Вероятно, отравитель взял такую дозу яда, которой хватило бы, чтобы убить обычного человека, он и не подозревал о силе великана Конана.

— Это зеленоглазая ведьма! — воскликнул Троцero. — Это ее рук дело! Я никогда не доверял ей, и то, что она исчезла этой ночью, доказывает, что это ее рук дело. Будь она в моей власти, я сжег бы ее у позорного столба!

Декситей повернулся к князю:

— Ты сказал — зеленые глаза? Женщина с зелеными глазами?

— Да, зеленые, как два изумруда. Но почему ты спрашиваешь? Разве ты не знаешь о подруге Конана, этой красотке Альсине?

Декситей вспомнил свое предчувствие, нахмурился и покачал головой.

— Я слышал, что наш маршал привез с собой какую-то танцовщицу из аргосских таверн, — пробормотал он, — но я пытаюсь закрывать глаза на подобное беспутство среди моих сыновей, и Конан скрывал ее от меня. Горе нам! Ибо всеведущий Митра предупреждал меня во сне — остерегайтесь зеленоглазой тени,

что витает возле нашего вождя, я же не знал, что зло уже проникло к нам. Горе мне, горе, ибо я не исполнил волю Бога, не поведал товарищам о предостережении.

— Довольно! — произнес Публий. — Конан жив, и мы можем вознести хвалу богам за то, что прекрасная отравительница не умеет хорошо считать. Пускай при нем будут только слуги, никого другого в палатку не пускать! Пока мы восстанавливаем силы, людям надо говорить, что у него легкое недомогание. Если он выживет — то выживет; но пока командование должен принять ты, Троцero.

Князь Пуантенский утрюмо кивнул:

— Я сделаю все, что смогу, раз я помощник командора. Ты, Публий, должен восстановить свою шпионскую сеть, — нам нужно знать о действиях Прокаса. Сейчас время утренней проверки, и мне нужно идти. Я буду держать этих ребят в ежовых рукавицах, как Конан, если не пуще.

К тому времени, как Прокас выступил, чтобы вторгнуться в Аргос, у Львов снова были зоркие глаза и чуткие уши за границей. Вожди мятежного войска получили сообщения о мощи захватчиков и собрались у Конана в палатке. Годы тронули волосы Троцero сединой, наложили печать усталости на его чело, но принесли ему также чувство уверенности в себе. Он спросил Публия:

— Что нам известно о численности врага?

Публий склонился над своими восковыми табличками и погрузился в подсчеты. Наконец он поднял глаза, лицо его выражало тревогу.

— Второе сильнее нас, даже больше, — вздохнул он. — Черный день, друзья. Мы не потянем против них, это будет наш последний бой.

— Бодришь! — князь хлопнул тучного казначея по спине. — Ты никогда не будешь военачальником, Публий; еще до начала битвы ты убедишь воинов, что их побьют.

Он повернулся к Декситейо:

— Как наш больной?

— Он начинает постепенно приходить в себя, но двигаться еще не может. Я думаю, что он выживет, — слава Митре!

— Что же, если он не сможет сесть на коня, когда запоют боевые трубы, то это сделаю я. От Просперо слышно что-нибудь?

Публий и Дексией покачали головами.

— Что же, в таком случае мы должны сделать то, что в наших силах, — вздохнул Троццо. — К утру враг уже будет в пределах досягаемости, и нам нужно решить — либо драться, либо отступать.

С гор спустился туман, он окутал Приграничный Легион — конницу, пехоту. Впереди кружились конные разведчики, между рядами воинов ехала колесница маршала Амулия Прокаса. Мятежники выстроились на равнине и готовились дать бой.

Все сохраняли внешнее спокойствие, оно скрывало бесчисленные страхи и немые молитвы. Люди ждали. Широкий фронт аквилонского войска, превосходящего их по численности, не позволял князю Троццо напасть с флангов или произвести ловкий обходной маневр. Тем не менее отступление привело бы к тому, что войско мятежников немедленно рассеялось бы. Князь знал, что организованный, продуманный отход, когда арьергард задерживает врага, невозможен. Подобный отход с босм успешен только тогда, когда войско хорошо обучено и сохраняет бодрость духа. А эти люди, обескураженные тем, что случилось с ними на Алимане, попросту обратятся в бегство, не разбирая дороги, каждый сам по себе. Аквилонские же всадники будут настигать беглецов и убивать, убивать, — пока спасительная ночь не накроет уцелевших воинов своими драконьими крыльями.

Троццо стоял на холме и смотрел, как приближается враг. Он сделал слуге знак принести меч. Подтянув ремни на кольчуге, полководец вскочил в седло. Его окружали несколько сотен конников, и он обратился к ним:

— Друзья, вам известен наш план. Вряд ли что получится, но это — наш единственный шанс.

Ибо Троццо решил, что их единственная надежда заключается в том, чтобы броситься навстречу аквилонскому войску, в самую гущу их рядов и прорваться к самому Амулию Прокасу. Это было самоубийство, это граничило с безумием. Он знал, что вражеский военачальник был в летах, тучен, старые раны не позволяли ему быстро двигаться, поэтому он находил, что ездить верхом слишком тяжело для его дряхлых костей, и предпочитал передвигаться в колеснице. Он знал также, что колесничему будет нелегко управлять колесницей в сражении. Таким образом, если бы коннице мятежников чудом удалось прорваться к аквилонскому маршалу и убить его, можно было бы породить смутнение в рядах его воинов и разбить их.

По словам Троццо, перспектива была мрачной, но лучшего плана он не мог изобрести. Он старался не показывать своей неуверенности. Он смеялся, шутил с воинами — так, словно их ожидала неременная победа, а не жалкая попытка разбить лучшее в мире войско, втрое превосходящее силой.

Судьба в лице царствующей особы, Мило, короля Аргосского, вновь оказалась на стороне мятежников. Еще до того как Аквилония начала свое вторжение, аргосский шпион, загнав по дороге из Мессантии трех лошадей, привез во дворец известие о том, что Нумедидес приказал нарушить границы Аргоса. Таким образом, король Мило узнал о готовящемся нападении одновременно с мятежниками. Мило, оскорбленный до этого заносчивостью посланника Кесадо, рассвирепел. Обычную его флегматичность как рукой сняло. Он приказал полку, что был ближе всего к границе, выступать немедленно и во всеоружии с тем, чтобы дать отпор захватчикам.

Быть может, несколько успокоившись, Мило отменил бы свой приказ. Он не думал, что Нумедидес намеревается отобрать часть его земель, — как это сделал его предшественник, король Вилер, — и поэтому, если трезво подумать, не стоило прибегать к таким решительным мерам. Но к тому времени, как гнев его остыл, войска уже шли к северу, и король, движимый своим упрямством, отказался изменить решение.

Амулий Прокас встал со своим войском на привал. Разведчик, задыхаясь, подлетел к его колеснице, когда он подробно объяснял войнам план атаки.

— Командор! — он жадно ловил ртом воздух. — Над южной дорогой висит огромное облако пыли; выглядит так, как будто на подходе другое войско!

Прокас велел разведчику снова повторить то, что он сказал. Выслушав его, он прошипел злобное проклятие, рывком стащил с головы шлем и швырнул его под ноги — шлем загудел колоколом. Произошло именно то, чего он так боялся, — король Мило, узнав о вторжении заранее, выслал вперед войска, чтобы преградить ему путь. Лающим голосом Прокас подзывал помощников:

— Отдайте команду «вольно» и проследите, чтобы у каждого была вода. Пусть разведчики наблюдают за мятежниками и попробуют узнать что-нибудь о приближающемся войске — какова численность, сколько конницы, сколько пехоты и все остальное. Разбейте палатку и соберите моих военачальников на совет.

Через час разведчики доложили, что приближается тысяча конных воинов, и Прокас растерялся, не зная, какое из двух зол выбрать. Он не решился вступить в бой, не имея на то прямого приказа короля, — это означало бы начало открытой войны с Аргосом. К тому же он не мог просто так нарушить прежний приказ.

Не было сомнений в том, что войско Прокаса сможет разбить мятежников и заставить конницу Мило отступить в Мессантию. Но это повлечет за собой великую войну, к которой Аквилония не готова. Да, его страна больше и сильнее, и жителей в ней больше, но король ее был склонен, мягко говоря, к странностям; и его правление серьезно ослабило силы могучей Аквилонии. И может случиться так, что Аргос, сражаясь на родной земле, подвижный праведным гневом против захватчиков, — да еще и получая помощь от каких-то ничтожных бунтовщиков, вроде тех, что собрались под Львиным Знаменем, — возьмет верх над родиной Прокаса.

Вместе с тем Прокас не мог и отступить. Его войско превосходило войска мятежников и аргосцев, вместе взятых, и король Нумедидес с легкостью мог расценить

отход как трусость или измену, — после чего Прокас лишится головы за неповиновение.

Солнце клонилось к западу, а Прокас все еще держал совет. Мнения его военачальников расходились, и он медлил с решением. В конце концов он сказал:

— Сегодня уже слишком поздно, чтобы что-то начинать. Мы отойдем к северу, туда, где мы оставили обоз, и разобьем укрепленный лагерь. Отдайте людям приказ, пусть начнут земляные работы.

Троцери, давно спешившись, наблюдал за войском врага, щурясь от солнца. Рядом стоял Публий и жевал куриную ножку. Досв ее, казначей спросил:

— Во имя Митры, что делает Прокас? Мы здесь и ждем его, а он отходит назад и разбивает лагерь. Спятил он, что ли? Ведь он должен знать, что ночью мы можем без шума исчезнуть. Или проскользнуть мимо него и войти в Аквилонию.

Троцери покачал головой:

— Разведчики доложили, что приближаются аргосцы, — очень может быть, что поведение Прокаса как-то с этим связано. Все, что нам остается, — это ждать и гадать. Аргосские всадники означают либо помощь, либо угрозу, — для нас, конечно. Может выйти так, что эти две силы нас зажмут и сотрут в порошок, — если, конечно, Прокас не рассчитывает, что аргосцы за него сделают его грязное дело.

Когда князь произносил последние слова, его слуха достиг конский топот. Он обернулся на запад и оглядел равнину. К холму подскакали всадники, — то были мятежные аргосцы. Двое из них спешили — их оружие зазвенело — и стали подниматься на холм. Один был худ, высокого роста, скуластое лицо его было обветрено, — он выглядел, как старый воин, для которого война была единственным занятием. Его товарищ был моложе и ниже ростом, толстошекий, курносый, он с любопытством оглядывался по сторонам. На нем была позолоченная кольчуга и багряный плащ с алой каймой, на плече его развевался султан багряно-алых перьев.

Старый воин заговорил первым:

— Привет тебе, князь Троцерио! Я, Аркадио, командир Королевского Охранительного Полка, к твоим услугам, сир. Позволь мне представить Кассио, принца Аргосского. Он — будущий наследник трона. Мы желали бы видеть вашего маршала, Конана-киммерийца, нам нужно посоветоваться с ним.

Кивнув Аркадио и склонив голову перед принцем Аргосским, Троцерио сказал:

— Я помню, каким ты был в детстве, принц Кассио, — озорной мальчишка, настоящий сорвиголова. Что касается маршала Конана, то мне очень жаль, но он нездоров. Однако вы могли бы рассказать мне, что привело вас сюда, — я его помощник.

— Наша задача, князь Троцерио, — произнес принц, — воспрепятствовать аквилонскому вторжению на наши земли. Для этого король, мой отец, послал сюда меня вместе с наспех собранным войском. Полагаю, мои военачальники и я могут рассчитывать на тебя и на твоих сторонников, как на союзников?

Троцерио улыбнулся:

— Добро пожаловать, добро пожаловать и еще раз добро пожаловать. Принц Кассио! Судя по вашему виду, вы проделали долгий путь по пыльной дороге. Может быть, вы с Аркадио зайдете к нам в палатку, чтобы отдохнуть; а ваша охрана расположится пока внизу? Вино у нас давно кончилось, но эль еще есть.

Когда они шли к палатке, Троцерио тихо сказал Публию:

— Вот почему Прокас отступил, хотя мы были почти уже у него в лапах. Он не решился перейти в нападение, — это было бы началом войны с Аргосом, а такого приказа у него не было. Покинуть пределы Аргоса он тоже не решается, — тогда его заклеят как труса. Поэтому он сидит в своем лагере и ждет, пока...

— Троцерио! — прогремел голос в палатке. — Я слышу, что у тебя, кроме Публия, появился еще один собеседник. Кто это такой? Тащи его сюда!

— А вот и маршал Конан, — Троцерио удалось ловко скрыть изумление. — Не угодно ли вам войти внутрь, distinguished гости?

Когда они вошли в палатку, Конан, полуодетый, попытался привстать с постели им навстречу. Благодаря молитвам и уходу Декситей он полностью обрел сознание, могучее тело взяло верх над смертельным напитком, глоток которого погубил бы обычного человека. Однако пока он мог только думать и говорить, ибо яд продолжал еще сковывать члены великана. Будучи не в состоянии подниматься без посторонней помощи, он чувствовал себя как в тюрьме, и это злило его.

— Боги и демоны! — сердился он. — Если бы я только мог встать и взять в руки меч, я показал бы Прокасу, как можно рубить головы! А кто такие эти аргосцы?

Троцерио представил принца Кассио и командира Аркадио и пересказал ему, что сделал Прокас. Конан хмыкнул:

— Я хочу увидеть все это сам. Эй, слуги! Поднимите меня. Прокас мог просто сделать вид, что отступает, — чтобы напасть ночью и застать нас врасплох.

Опираясь о плечи двух слуг, Конан неверной поступью двинулся к выходу. Солнце висело уже над Рабирийскими горами, словно насаженное на их острые пики, — день клонился к закату. На склонах лежали густые тени. Лучи заходящего солнца падали алыми бликами на кольчуги аквилонцев, которые были заняты устройством лагеря. В вечернем воздухе был слышен глуховатый стук деревянных молотков, — в землю забивались колышки для палаток.

— Может быть, Прокас захочет пойти на переговоры с нами? Как вы думаете? — спросил Конан. Все пожали плечами.

— Пока еще он нам этого никак не показал, — сказал Троцерио, — это может вообще не входить в его планы. Подождем — увидим.

— Мы и так ждали целый день, — буркнул Конан, — и наши люди стояли под палящим солнцем в полном вооружении. Лично я хотел бы, чтобы что-нибудь случилось, — что угодно, только бы покончить с этим бездействием.

— Мне кажется, что наш Командор сейчас увидит то, чего он желает, — пробормотал Декситей. Приложив руку ко лбу, щурясь от солнца, он вглядывался вдаль,

туда, где располагался лагерь противника. Остальные устали на него.

— Ну что там, досточтимый жрец? — спросил Конан.

— Посмотрите! — Дексией показал рукой в сторону лагеря.

— Иштар! — выдохнул Аркадио. — Пусть меня изжарят живьем, если они не спасаются бегством!

На самом деле так оно и было, — если даже они и не бежали, то, по крайней мере, начинали организованное отступление. Играли трубы, — пронзительный звук их был далеко слышен. Вместо того чтобы продолжать строить оборонительные сооружения вокруг лагеря, воины Приграничного Легиона, казавшиеся издалека крохотными муравьями, убрали только что поставленные ими же самими палатки, закидывали поклажу на телеги и устремлялись, отряд за отрядом, туда, откуда они пришли, — к перевалу через Рабирийские горы. Конан и его товарищи в замешательстве смотрели друг на друга.

Вскоре стало понятно, чем вызван этот отход. Из-за холма показалось еще одно войско — четвертое по счету, оно быстро надвигалось с запада. По подсчетам Троцера, оно насчитывало более пятнадцати сотен. Воины выстроились в шеренгу и приближались, готовые к бою.

Подскакавший разведчик резко осадил коня у холма, бегом поднялся наверх, отдал честь Конану и выпалил:

— Господин маршал, это идут Пуантенские Леопарды и отряды Гродера, барона Аквилонского.

— Кром и Митра! — прошептал Конан. Лицо его прояснилось, и он зычно захохотал, а окрестные холмы отозвались гулким эхом. Ибо это действительно был Просперо с мятежными отрядами, которые он разыскивал на востоке.

— Неудивительно, что Прокас бежит! — сказал Троцера. — Теперь, когда нас больше, он имеет полное право отступить, не рискуя вызвать гнев своего хозяина. Он скажет Нумедидесу, что был окружен тремя войсками и ему грозил полный разгром.

— Маршал Конан, — проговорил Дексией, — тебе пора возвращаться в палатку, тебе нужно отдохнуть. Или ты снова сляжешь.

Когда слуги бережно опустили Конана в постель, киммериец прошептал:

— Просперо, Просперо! За это я сделаю тебя Рыцарем Трона — если Аквилония когда-нибудь будет моей!

Альсина сидела одна в грязной каморке Фадия — в Мессангии. Она держала перед собой обсириановый амулет. Рядом стояла свечка-часы, на которой чередовались черные и белые полосы, и Альсина не сводила с них глаз. Фадия дома не было, он бродил по темным городским улицам, — Альсина попросту его выгнала, чтобы общаться с Хозяином один на один.

Свечка догорела до следующей черной полосы. Мигающий огонек отсчитывал время. Когда последняя черная полоска растворилась в тающем воске и огонь приблизился к белой, ведьма-танцовщица вскинула вверх амулет и сосредоточила на нем все свои мысли. В ее сознании послышался отрывистый голос Туландры Ту, — звук доносился издалека, чуть слышный, он напоминал разговоры, которые ведутся во сне; в то же время она увидела самого колдуна, он сидел на железном троне — но все было смутно, тускло, как в тумане.

Речь Туландры Ту отзывалась в сознании Альсины так тихо, что ей приходилось напрягаться и при этом следить за жестами и движениями губ волшебника, чтобы понять, о чем он все-таки говорит.

— Ты хорошо поработала, дочь моя. Что нового в Мессангии?

Она покачала головой:

— Ничего.

Призрачный шепот продолжал отдаваться в ее голове:

— Тогда у меня для тебя есть еще одно задание. С первыми лучами солнца ты должна снова влезть в одежду паж, сесть на коня и отправиться на север...

Альсина ужаснулась.

— Неужели мне снова придется ходить в этих гадких лохмотьях, и жить в глупи, и спать, когда по постели ползают муравьи и жуки? Молю тебя, Мессир, дозвожь мне остаться здесь и побыть женщиной еще хоть немного.

Колдун сардонически вскинул бровь.

— Таверны Мессантии нравятся тебе больше?

Она решительно кивнула.

— Придется с ними распрощаться, увы! Здесь уже все сделано, и мне нужно, чтобы теперь ты следила за Приграничным Легионом и его командиром. Нужно уезжать отсюда, и, если ты находишь это жестоким, вспомни о почестях, что ждут тебя в будущем, — ведь я дал тебе слово.

Войско, посланное королем Аргоса, должно было уже выйти на Паллосскую равнину. Не больше чем через два солнечных восхода Амулий Прокас, по всей вероятности, примет решение переправиться через Алиману и отойти в Пуантен. Предчувствие подсказывает мне, что он изберег Ногарскую переправу. Отправляйся в путь и проберись между враждующими сторонами так, чтобы выехать на дорогу, что идет от Куларио к югу, и появиться с севера. При первом же благоприятном моменте свяжись со мной.

Глухой голос затих, туманное видение растаяло. Алясина осталась наедине со своими размышлениями.

Раздался барабанный стук в двери, и в каморку ввалился Фадий. От него изрядно несло вином, — Котианец больше думал о местных кабаках, чем о собственной безопасности, и тратил на них все свое время и все деньги, что получал от Вибия Латро. Шатаясь, он раскинул руки и шагнул к Алясине:

— Мой сладкий цветочек! Иди ко мне! Мне надоело спать на голом полу, и пора уже обойтись со своим дружком так же любезно, как ты обходилась с варварами...

Алясина резко вскочила на ноги и отскочила в сторону.

— Поосторожней, господин Фадий! — предупредила она. — Я буду так любезна, что не позволю тебе вести себя подобным образом. Наглец!

— Давай-давай, моя красавица! — бормотал Фадий. — Я не сделаю тебе больно.

Рука Алясины скользнула за корсаж. словно по волшебству, между ее пальцами, униженными перстнями, блеснул тонкий кинжал.

— Назад! — воскликнула она. — Один удар, и ты — мертвый шпион!

Угроза дошла до затуманенного сознания Фадия, и он отпрянул назад. Он знал, с какой молниеносной скоростью эта ведьма-танцовщица может подскочить и вонзить клинок.

— Но... но... моя дорогая...

— Поплел вон! — бросила Алясина. — И не появляйся, пока не протрезвеешь!

Втихомолку чертыхаясь, Фадий вышел. В каморке, уставленной клетками с нахохлившимися голубями, Алясина принялась рыться в сундуке. Она искала одежду, в которой наутро ей нужно было отправиться в путь.

VI. Зал Сфинксов

За время от заката до полуночи аргосцы — перенга за шеренгой — дошли до лагеря. Мятажники встретили их барабанным боем и приветственными возгласами. Каждый из оголодавших дружинников барона Гродера и измученных воинов Просперо получил по порции солонины, грубого ячменного хлеба и по меху эля из скудных запасов. Лошадей напоили, стреножили и выпустили пастись в высоких травах. Мятажники со своими новыми союзниками принялись разводить костры и готовиться к вечерней трапезе. Ветер раздувал пламя, и скоро уже костры загорелись по всей Паллосской равнине — точно мерцающие звезды на равнине небесной. Далеко были слышны крики и хохот четырех тысяч воинов, и нестройными звуками погребальной песни обрушивались они на отступающие ряды Прокаса.

Принц Кассио, Аркадио и вожди восстания собрались в командирской палатке, у постели Конана, чтобы разделить скромный ужин и решить, что делать завтра.

— Выступим на рассвете все вместе и догоним их! — воскликнул Троццо.

— Нет, — отозвался юный принц. — Указания моего царственного отца вполне определены. Мы должны вступить в бой с маршалом Прокасом только в том

случае, если он поведет свое войско в глубь нашей территории. Король надеется, что наше присутствие удержит Прокаса от подобного безрассудства; похоже, что так оно и есть, — ведь аквилонцы бегут.

Конан промолчал, но глаза, загоревшиеся злым огнем, выдали его разочарование. Принц бросил на него взгляд, наполовину благоговеющий, наполовину сочувственный.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, маршал Конан, — мягко сказал он. — Но и ты должен понять нас. Мы не хотим войны с Аквилонией, которая нас в два раза больше. Вообще говоря, мы и так пошли на большой риск, предоставив твоему войску убежище в наших землях.

Конан взял кружку эля и медленно поднес ее к губам, рука его дрожала от усилия. На лбу выступили капли пота, словно кружка весила десять пудов. Он пролил немного эля, выпил остальное и уронил пустую кружку на землю.

— В таком случае давайте будем преследовать Прокаса своими силами, — настаивал Троцero. — Мы сможем гнать его до Алиманы и заставим отступить в Пуантен. Когда же в Пуантен войдем мы — что ж, все в руках изменчивой судьбы.

Конан боролся с искушением. Воинственные инстинкты его варварской души настаивали на том, чтобы пуститься в погоню немедленно, гнать аквилонцев, как гончие гонят зайцев, настигать их поодиночке на всем пути к Алимане. Рабирийские горы словно самой судьбой были предназначены для того, чтобы разбить захватчиков, пусть даже имеющих численное превосходство. Изрезанные тысячами ущелий и расселин, эти морщинистые горы и парящие в облаках скалы умоляли его не упустить ни одного отступающего воина.

Но если войско Прокаса остановится, чтобы дать бой, судьба, может статься, не станет покровительствовать мятежникам Конана. Уже сейчас им недоставало продовольствия и оружия; полк, который разыскал Просперо, был утомлен и измучен, тонкие кони едва передвигали ноги, — слишком долгое время приходилось прятаться и питаться, чем попаало. Кроме того, полководец, что не в силах держаться на коне или держать

меч, не особенно может воодушевить своих воинов на деяния, требующие дерзости и натиска. Все еще обессиленный после отравы Альсины, Конан сознавал, что у него нет другого выбора, кроме как оставаться в лагере, или же схватить в обозе, чтобы иметь возможность наблюдать за схваткой.

Когда ночь растаяла в утреннем тумане и трубы пропели зорю, Конан, опираясь на плечи двух слуг, произвел осмотр пробуждающегося лагеря и обдумал положение. Он не должен позволить Прокасу просто так вернуться в Аквилонию. С другой стороны, чтобы взять верх над сильным в бою Приграничным Легионом, он должен изобрести какой-нибудь неожиданный маневр — что-то такое, что даст преимущество его войску, меньшему по численности. Ему нужна была сила подвижная и быстрая и в то же время способная разить врага на расстоянии.

Рассеянно наблюдая за переключкой, Конан случайно обратил внимание на одного боссонца, который вскочил в седло и поскакал к частоколу. «Верно, это гонец, посланный к дальним часовым, — подумал Конан, — должно быть, какой-нибудь спешный приказ». Всадник не позаботился даже о том, чтобы поправить лук, косо свисавший с плеча, или оставить тяжелый колчан, бивший его по бедру.

В памяти Конана всплыли годы службы у короля Туранского. В том войске конные лучники составляли самый большой полк: на полном скаку они стреляли из своих особых, роговых луков с тетивой из сухожилий с точностью, не уступавшей пешим стрелкам. Его боссонские лучники могли бы приобрести подобный навык лишь после десяти лет тренировки; кроме того, длинный боссонский лук был слишком тяжелым и громоздким, чтобы пользоваться им в седле.

Вдруг в голове Конана возникла картина — конные лучники преследуют бегущего врага, затем, оказавшись на расстоянии полета стрелы, спешиваются и выпускают одну смертоносную стрелу за другой и молниеносно отступают, когда разгневанный неприятель наконец разворачивается, чтобы вступить в бой. Громыхающие

раскаты смеха Конана напугали его слуг, они разинули рты в изумлении, как крестьяне, глазеющие на заезжий цирк, а Аларик, помощник Конана, побежал будить жреца-лекаря.

Декситей, полуодетый, поспешил к палатке Конана, и Конан усмехнулся, заметив его пораженный, озадаченный вид.

— Нет, — засмеялся он, — нет, мой друг, я не повредился в уме от багряного лотоса. Но Всемогуший Митра, или Кром, или другой благословенный Бог даровал мне наитие. Скорей пошли кого-нибудь, пускай позовут сюда аргосских вождей.

Когда принц Кассио и Аркадио, уже облаченные в кольчуги и вооруженные, откинули полог главной палатки, Конан шумно приветствовал их.

— Вы говорите, король Мило запретил вам напасть на отступающих аквилонцев. Распространяется ли этот приказ и на ваших коней?

— Наших коней? — переспросил Аркадио, ничего не понимая.

Конан нетерпеливо кивнул.

— Да, ваших коней. Отвечайте же что-нибудь! Наши кони — те, что у нас есть, — недокормлены, вы видите, им все ребра пересчитать можно. А ваши — свежие и чистопородные. Дайте нам пять сотен коней на время, и аргосским воинам не нужно будет ничего делать, — мы сделаем так, что Амулий Прокас подожмет хвост и побежит домой, только пятки засверкают.

Когда Конан изложил свой план, принц Кассио заулыбался. Ему все больше и больше нравился этот суровый северный варвар, военные планы которого были столь же искусными, сколь и невероятными.

— Дай ему пятьсот коней, Аркадио, — сказал он. — На это король, мой отец, ничего не скажет.

Аркадио, звеня оружием, отправился выполнять приказ. Вскоре на поле, где боссонские лучники строились на утреннюю переключку, появились двести аргосцев. Они вели в поводу оседланных коней и подгоняли их криками. Троцери и Просперо собрали лучших воинов, стоящих в недоумении кто где, и самолично построили их стройными рядами.

— Приведите моего коня и посадите меня в седло, — приказал Конан. — Я должен разъяснить свой план тем, кто будет его исполнять.

— Командор! — воскликнул Декситей. — Твое состояние не позволяет тебе...

— Пощади меня, почтенный жрец, довольно забото обо мне. Люди не видели Конана целый месяц и наверняка уже гадают, жив ли он вообще.

Слуги Конана общими усилиями подняли в седло его огромное тело, и киммериец рассердился, увидев, какими неповоротливыми, точно скованными, сделались его могучие члены. Синие глаза его горели огнем непобедимой воли, густые брови нахмурились в яростном усилии оживить ослабевшие мышцы. От этой отчаянной попытки он весь напрягся, но кровь едва двигалась в его онемевшем теле. Постаралась Альсина, готовя свое смертоносное зелье.

Наконец слуги привязали Конана к седлу ремнями, — он же дал яростную клятву и призвал своих суровых северных богов помочь ему отомстить за это позорное, оскорбительное положение.

Как зачарованный наблюдал за всем этим принц Кассио. В Мессантии придворные с презрением смотрели на Конана как на варвара, необразованного зверя, которого аквилонские дворяне из необъяснимой прихоти назначили командором повстанческой армии. Глядя на него сейчас, принц чувствовал необыкновенную властность этого человека, бесконечные запасы затаенной в нем энергии. Он ощущал целенаправленность киммерийца, нестандартность мысли и силу его присутствия — качества, которые подчиняли его воле простых солдат, равно как и благородных воинов. Этот человек, думал Кассио, создан повелевать, рожден, чтобы стать королем.

Поддерживаемый с обеих сторон верховными, Конан направил коня вдоль разношерстных рядов пехоты к тому месту, где расположился батальон боссонских лучников. С перекошенным от неимоверного напряжения лицом Конан поднял руку в приветствии своему войску. Воины ответили воодушевленным ревом.

Пол-лиги к северу, двое королевских разведчиков, оставленных в тылу для наблюдения за повстанцами,

наскоро обедали в кустах у дороги, ведущей к Саксульскому перевалу. Многоголосый рев армии мятежников, достигший их ушей, заставил разведчиков переглянуться.

— Что это? — встревоженно спросил тот, что помоложе.

Другой заслонил от солнца глаза, всматриваясь вдаль:

— Слишком далеко, чтобы разглядеть; что бы это могло так обрадовать разбойников? Я думаю, нужно сообщить маршалу Прокасу. Оставайся здесь, а я съезжу.

Старший из разведчиков, дожидаясь на ходу, отвязал коня и вскочил в седло. Утренний воздух ответил эхом удаляющемуся стуку копыт по утоптанной дороге.

Успокоив возбужденных воинов легким движением поднятой руки, Конан обратился к шеренге лучников. Он сказал, что на них, из всей армии, пал выбор исполнить чрезвычайно важное задание — уничтожить отступающих захватчиков. Им предстояло тайком пробраться в расположение врага, спешиться и открыть стрельбу. Стреляя из укрытия, рассредоточившись по двое и по трое, им удастся поразить сотни отступающих врагов, не подозревающих о засаде. А когда сторонники короля опомнятся, не отягощенные броней лучники успеют сесть на коней и с легкостью уйдут от тяжеловооруженных аквилонцев.

Во главе каждого отряда был поставлен опытный всадник, который позаботится о лошадях, когда лучники спешатся. А тем, кто не привык к верховой езде, — Конан как-то хмуро усмехнулся, — придется покрепче вцепиться в седло или в лошадиную гриву; для пехотинцев, временно посаженных в седло, искусство верховой езды не имеет значения.

Ведомые Паллантидом, аквилонским наемником, в прошлом туранским верховым лучником, дезертировавшим недавно из лагеря королевского войска, боссонцы на рысях выехали из расположения повстанческих отрядов и взяли на север, поднимая клубы желтой пыли со старой аквилонской дороге.

Они поравнялись с арьергардом королевской армии у подножия Рабирийских гор, не доезжая до Саксульского ущелья: отступление войска Прокаса отягощал огромный обоз и неповоротливая пехота. Обнаружив противника, боссонцы рассредоточились, спешили, выбрав нужную дистанцию, и взялись за дело. Корчась от боли и выкрикивая проклятия, дюжины королевских копьеносцев повалились в пыль, настигнутые боссонскими стрелами. Услышав грохот железа, — тяжелая кавалерия Прокаса, идущая на выручку беззащитной пехоте, — боссонцы спрятали луки, отступили к стреноженным лошадям, бесшумно вскочили в седла и рассыпались — скрылись в лесу. В результате этого маневра они потеряли всего одного человека — непривычный к верховой езде лучник упал с коня и сломал лезю.

В течение следующих трех дней боссонцы трепали тылы отступающего аквилонского войска, как голодные гончие, преследующие беглых каторжан. Они нападали из укрытий, неожиданно; а когда королевская конница разворачивалась, чтобы отбить атаку, лучники бросались врассыпную — растворялись, исчезали в поросших травой ложбинах и оврагах, вымытых дождями и высушенных ветрами шрамах многострадальной аргосской земли.

Амулий Прокас и его военачальники проклинали себя, но не могли ничего поделать. То и дело из-за валуна с леденящим душу свистом вылетала боссонская стрела. Иногда она не попадала в цель, заставляя пригибаться и вздрагивать отступающих пехотинцев. Иногда стрела вонзалась в бок лошади, которая оседала и падала, увлекая за собой всадника. Время от времени, то здесь, то там, вскрикнув от неожиданной боли, падал замертво ужаленный стрелой пехотинец, или валился с коня, гремя железом лат, пронзенный смертоносным оружием всадник. А то из зарослей, по обе стороны обступивших горную дорогу, обрушивался на отступающих воинов град стрел, выкапывая подчистую целый отряд.

У Амулия Прокаса не было выбора. Он не мог остановить войско на привал у Саксульского ущелья, где не было ни достаточно места, чтобы разбить лагерь, ни пресной воды. Не мог он и контратаковать врага в открытом бою, пользуясь численным преимуществом, так как повстанцы не шли на сближение. Если бы Прокас развернул все свое войско и бросил его против повстанцев, он, несомненно, уничтожил бы их в мгновение ока, но это означало бы возвращение на Паллосскую равнину.

Поэтому Прокасу не оставалось ничего, кроме как продолжать отступление и мрачно трястись в седле, разворачивая своего быстрого коня всякий раз, когда вражеские стрелы взвивались в воздух. Его потери были весьма незначительны, несравнимы с жертвами настоящей битвы. Но постоянное чувство подстерегающей опасности совершенно издергало воинов; и противный холодок, леденящий сердце полководца, напоминал о том, что король Нумедидес не забудет и уж тем более никогда не простит неудачи похода, предпринятого по его высочайшему повелению.

Когда колонны Прокаса втянулись в Саксульское ущелье, град валунов обрушился на головы усталых, измученных воинов. Полководец мрачно приказал расчистить дорогу, оттащить в сторону изуродованные подводы и добить раненых людей и лошадей. В дальнем конце ущелья продвижение войска ускорилося, но общее возбуждение достигло предела.

Прокас понял, что его киммерийский противник был мастером такого рода войны. Он трясся от гнева: отступление королевской армии вдохновило неистощимую фантазию бунтарского главаря. Прокас поклялся смыть позор поражения кровью разбойников.

На третий день отступления, когда серое небо затянулось свинцом, измученные королевские отряды остановились на южном берегу Алиманы у Ногарской мели. Здесь, мучимый нерешимостью, Прокас задержался. Хотя весенний паводок кончился, река оставалась удобным местом для вражеской атаки, особенно во время переправы, когда королевские воины будут не в состоянии ее отразить. Похоже, капризные боги приготовили Прокасу ловушку, в которую два месяца назад

он сам загнал войско бунтовщиков. Кроме того, начать переправу в сгущающихся сумерках почти наверняка значило обресть собственные отряды на большие потери.

Однако встать лагерем на аргосском берегу означало подвергнуть часовых и спящих воинов мириадам смертоносных стрел аргосских лучников. Прокас прикусил губу. Принимая во внимание то, что его армия не была в состоянии противостоять кровавым ухищрениям варваров, полководец решил начать переправу не медля ни минуты. Несмотря на ширину реки и быстрое течение, делавшее опасными мели, воды Алиманы отрадят войско от безжалостных стрел мятежников.

Мучимый этими нелегкими мыслями, Амулий Прокас не заметил, как один из его сотников приблизился к маршальской колеснице, стоявшей на возвышении у кромки воды. Сотник, широкоплечий великан, — судя по акценту, босонец, — с мрачным выражением на грубом лице, поднял руку в приветствии.

— Маршал, мы ждем вашего приказа начать переправу, — молвил он. — Чем дольше мы ждем, тем больше наших людей гибнет от предательских стрел.

— Я знаю об этом, Громель, — угрюмо проговорил маршал. Он вздохнул, и его лицо исказилось болью. — Начинайте. Здесь нечего медлить. Но мне больно видеть наше славное войско гонимым сворой паршивых псов, которым мы даже не можем отплатить за позор. Если бы это только от меня зависело...

Громель бросил презрительный взгляд на темные громады холмов, поднимающихся за спиной.

— Да будут прокляты законы, связывающие руки воина! — прохрипел он. — Эти трусы не станут сражаться с нами в открытую, потому что мы сотрем их с лица земли. Нам ничего не остается, как собрать силы на священной земле Пуантена и ждать, когда эти разбойники снова вздумают перейти Алиману.

— В следующий раз мы будем готовы к этому, — грозно сказал Прокас. — Пусть звенят горны.

Переправа через Алиману проходила в исключительном порядке, хотя сумерки упали прежде, чем последний отряд покинул берег. В то время как королевское войско удалялось от враждебного южного берега, из

прибрежных зарослей, готовя на ходу стрелы, высыпали две сотни аргосских лучников.

Прокас, крича от боли старых боевых ран, перебрался из колесницы на своего жеребца. Командуя небольшим арьергардом легкой кавалерии, закаленный в битвах воин был одним из последних аквилонских солдат, покинувших берег; он ввел коня в почерневшие воды Алиманы, когда ядовитые стрелы аргосцев, словно рой разъяренных насекомых, наполнили свистом холодный воздух. На середине реки маршал неожиданно вскрикнул, схватившись за ногу. Боссонский сотник, ранее принявший от Прокаса приказ о начале переправы, приблизил коня и вопросительно взглянул на маршала. Хищный огонек мелькнул в глазах Громеля, когда он увидел разбойничью стрелу, впившуюся в ногу маршала чуть выше колена, и тут же погас — боссонец был из тех, кто мечтал о продвижении по службе любой ценой.

Усилием воли Прокас заставил себя добраться до берега, где слуги помогли ему спешиться, пока Громель разыскивал лекаря.

Когда стрела была извлечена и рана перевязана, лекарь сказал:

— Много дней пройдет, о маршал, пока ты снова сможешь сесть в седло.

— Ладно, — мрачно вымолвил Прокас. — Разбейте мой шатер вон на том холме. Здесь мы станем лагерем. Пусть разбойники сами идут к нам, если только посмеют.

В призрачной тени близлежащих деревьев мелькнула гибкая фигура. Некто в заношенном, истрепанном длинном переходе платье пажа прислушивался к приглушенным голосам и зорко наблюдал за происходящим. Если бы кто-то заметил эту скользящую между деревьев фигуру, он без труда бы догадался, что она принадлежала молодой, очень милой женщине. С безрадостной улыбкой она отвязала коня и бесшумно отвела его на безопасную дистанцию от лагеря, который спешно разбивали на прибрежных холмах воины Приграничного Легиона.

Весть о том, что бесстрашный Амулий Прокас ранен во время позорного бегства от отрядов взбунтовавшейся

черни, несомненно обрадует Туландру Ту, подумала госпожа Альсина. Теперь, когда могучий киммериец мертв, Прокас сделал свое дело и вполне может быть принесен в жертву неутешимым козням ее хозяина. Как только расположение звезд и планет позволит воспользоваться обсидиановым амулетом, она сообщит о случившемся колдуну. Альсина вскочила на коня и растворилась в ночи.

Всматриваясь в свое волшебное зеркало из полированного обсидиана, Туландра Ту с радостью узнал о ране маршала Прокаса. Когда отражение Альсины померкло в зеркале, колдун в задумчивости стал тереть переносицу своего ястребиного носа. Он протянул руку к металлическому молотку и ударил в гонг в форме человеческого черепа, висящий у его железного трона. Тягучий гул эхом прокатился по пурпурным покоям.

Тяжелые шторы раздвинулись, и на пороге показался Хсяо-кхитаец. Пряча кисти рук в широких рукавах своей зеленой шелковой хламиды, он склонил голову в приветствии, молча ожидая распоряжений повелителя.

— Князь Туны все еще ожидает меня? — осведомился колдун.

— Повелитель, князь Аскаланте ждет твоего благоволения, — пробормотал желтый слуга.

Туландра Ту кивнул:

— Превосходно! Я приму его. Скажи, что он получит аудиенцию в Зале Сфинксов. А сам иди и сообщи Королю, что мне нужно видеть его по делу государственной важности. Можешь идти.

Хсяо поклонился и исчез. Тяжелые шторы вновь скрыли дверь, откуда появился кхитаец.

Сфинксовый Зал, который Туландра Ту использовал для собственных надобностей, перестроив для этого одно из помещений дворца, недаром получил свое название. Пустой, словно гробница, он был выложен розовым мрамором и лишен всякой обстановки, если не считать обширной скамьи из грубого ракушечника, расположенной у дальней стены. Эта скамья, или, скорее, трон, находилась на двух подставках в форме чудовищ с человеческими головами. Такие же чудовища были изображены на многочисленных гобеленах, которыми была увешана стена позади трона. Искусно вы-

шитые переливающейся пряжей, два монстра с курчавыми бородами грозно смотрели с полотна холодными надменными глазами. Единственный свет в этом жутком зале исходил от двух медных светильников, пламя которых отражалось в серебряных зеркалах на стене.

Не очень отличался от хищных сфинксов и сам Аскаланте, этот искатель счастья, своевольный князь Туны. Гибкий, стройный, в элегантном камзоле из сливового бархата, он крадущейся походкой пересек зал. Движения князя были исполнены некой животной грации. Несмотря на его военную выправку и благородную осанку, глаза Аскаланте, как и глаза чудовищ на гобеленах, были холодны и надменны, но, кроме того, в них затаилась тревога и настороженность.

Вот уже несколько дней ожидал Аскаланте аудиенции у этого всемогущего колдуна неизвестного происхождения. Хотя Туландра Ту вызвал Аскаланте с восточной границы, потребовав его постоянного присутствия во дворце, он не торопился удостоить князя личным свиданием. Теперь, похоже, старик одумался.

Аскаланте внезапно замер, правая рука инстинктивно схватилась за рукоять кинжала. Один из гобеленов бесшумно поднялся, открыв узкую дверь, на пороге которой показался странный темноликий человек. Он, не произнося ни слова, в упор смотрел на князя. Казалось, что затененные капюшоном глаза, которые буквально пронизывали собеседника, могли прочесть его самые сокровенные мысли. Оправившись от неожиданности, Аскаланте почтительно поклонился вошедшему в зал Туландре Ту. В руке у колдуна был искусно вырезанный жезл, испещренный надписями на неизвестном Аскаланте языке.

Туландра неторопливо пересек комнату и воссел на сфинксовом троне. Он ответил на поклон собеседника легким кивком и едва заметной улыбкой, проговорив:

— Я думаю, что несколько затянувшееся ожидание не утомило князя.

Аскаланте промямлил что-то в ответ, вежливо улыбнувшись.

— Князь Аскаланте, — сказал волшебник, — твой опыт и великие дела не ускользнули от внимания тех, кто в далеких землях служит мне глазами и ушами.

Известно мне и о твоём желании возвыситься, как и о тех средствах, которыми ты не брезгуешь для удовлетворения своих амбиций. Спешу заверить тебя, князь, что Его Величество, да и я сам по достоинству оцениваем твоё честолюбие и — хм — практичность.

— Благодарю тебя, мой господин, — ответил князь со спокойствием, соответствующим учтивому тону колдуна.

— Ну что ж, я перейду прямо к делу, — продолжал Туландра Ту, — время летит, и нам, смертным, приходится торопиться, чтобы угнаться за событиями. Положение вещей таково: Его Величество отказал в благосклонности командиру Приграничного Легиона, досточтимому Амулию Прокасу.

Удивление блеснуло в непроницаемых глазах Аскаланте — настолько ошарашило его это известие. Всем известно, что Прокас — самый лучший полководец Аквилонии, особенно после того, как Конан покинул королевскую службу. Если кто-то и может утихомирить своевластных баронов на севере и подавить бунт на юге, то это Амулий Прокас. Отстранить его от командования аквилонским войском в то время, когда ни одна из этих угроз не уничтожена, — сущее безумие.

— Я понимаю твоё недоумение, — едва заметно улыбнулся Туландра, — дело не в том, что наш достопочтенный маршал Прокас совершил большую ошибку своим необдуманным маневром при Алимане, поставив нас под угрозу открытой войны с Мило, королем Аргоса.

— Прости меня, повелитель, но тому, что ты говоришь, трудно поверить, — проговорил Аскаланте. — Перейти границу соседнего дружественного нам царства без высочайшего повеления! Ведь это равносильно государственной измене.

— Ты, несомненно, прав, — усмехнулся чародей. — Но, боюсь, история не сохранит упоминания о том, что наш король отдал неосмотрительный приказ совершить набег на Аргос. Дело в том, что все копии высочайшего указа странным образом исчезли. Ты понимаешь меня, князь?

Во взгляде Аскаланте блеснул хищный огонек.

— Я понял тебя, мой господин.

Князь Туны ценил тайное предательство, как знаток вин ценит редкие образцы винодельческого искусства.

— Маршал мог бы избежать опалы, — добавил Туландра Ту с фальшивым сожалением, — если бы он раздавил бунтовщиков; однако слухи о том, что самозванцы, называющие себя Армией Освобождения, собрали отряды к северу от Рабира, к сожалению, правдивы. Прохвост, называющий себя Конаном Киммерийским...

— Это тот великан, что в прошлом году командовал Легионом Львов и разбил войско разбойников-пиктов? — воскликнул Аскаланте.

— Тот самый, — оборвал его Туландра. — Однако у нас нет времени на пустые сплетни. Время не терпит. Если бы маршал Прокас разгромил мятежников и вернулся в Аквилонию прежде, чем король Мило разведет о вторжении в его земли, все было бы нормально. Но Прокас не выполнил порученного ему, разгневал аргосского государя и позорно бежал с поля битвы, не пролив при этом ни одной капли разбойничьей крови. Он так торопился при переправе через Алиману, что лучники мятежников в спешу расстреляли сотни наших лучших воинов. Его ошибки были отягчены неверными сведениями, полученными от нашего шпиона в Мессангии, зингаранца по имени Кесадо. Его Величество явно не подумал, назначив этого идиота послом.

И кроме всего прочего, во время отступления сам маршал был ранен, да так серьезно, что, боюсь, он уже не в состоянии командовать войском. К нашему счастью, вождь разбойников Конан также мертв. В общем, возвращаясь к тебе, дорогой князь...

— Ко мне? — встрепенулся Аскаланте, на мгновение воплотив в своем лице удивленную потрясенную скромность.

— Именно к тебе, — продолжал колдун, чуть улынувшись. — Твоя служба на офирской и немедийской границах, по моему мнению, вполне завоевала тебе право принять командование Приграничным Легионом, который вышел из повиновения маршала Прокаса или выйдет, как только он получит этот указ.

Колдун сделал многозначительную паузу и вынул из глубокого рукава своего одеяния свиток, богато

украшенный дымчато-голубыми лентами, которые скрепляла королевская печать, горящая в полумраке пятном свежепролитой крови.

— Я начинаю понимать, — проговорил Аскаланте, и волна возбуждения пробилась в его сердце, как бурлящий ручей из-под валуна.

— Ты долго ждал возможности возвыситься и заслужить королевское благоволение. Вот она, эта возможность. Но... — тут Туландра поднял палец в предупреждении и продолжил многозначительным голосом: — Ты должен хорошо понять меня, князь Аскаланте.

— Мой господин?

— Мне известно, что Суд Герольда все еще не утвердил твое княжение над Туной. Наслышан я и о некоторых — хм — неясностях, связанных с отречением от престола твоего старшего брата, покойного князя, нашедшего столь страшную гибель на охоте.

Покраснев, Аскаланте уже открыл рот для оправдания, но колдун остановил его поднятием руки и успокаивающей безразличной улыбкой.

— Все это не что иное, как малозначительные разногласия. Они утонут в хоре восхищенных приветствий увенчанному лаврами победителю. Я позабочусь о том, чтобы твоя служба короне была по достоинству оценена, — продолжал Туландра Ту. — Но помни, ты должен беспрекословно исполнять мои приказания, иначе не видать тебе княжества Туны.

Я знаю, что у тебя не много опыта в пограничной войне и ты никогда не командовал войском, большим чем полк. Поэтому фактически команду легионом я думаю поручить сотнику Громелю, боссонцу, который хорошо зарекомендовал себя в недавней войне с пиктами. Я давно держу его под наблюдением и думаю склонить на свою сторону. Поэтому ты будешь маршалом легиона, а он станет распоряжаться боевыми порядками. Ты согласен?

— Так точно, мой господин, — прошипел Аскаланте сквозь стиснутые зубы.

— Хорошо. Теперь, когда Конан мертв, вы с Громелем без труда сможете лишить подвижности остав-

шихся повстанцев к югу от Алиманы и задавить их в их собственном логове.

Туландра Ту протянул князю свиток и сказал:

— Вот твои верительные грамоты. Эскорт ожидает тебя у Южных ворот. Ты должен прибыть на Ногарскую мель на Алимане как можно скорее.

— А что, если Прокас откажется принять мои верительные грамоты? — спросил Аскаланте; он предпочитал быть уверенным в том, что все козыри у него на руках, особенно когда приходилось играть с фортуной.

— Несчастный случай может произойти с нашим храбрым генералом еще до того, как ты прибудешь в расположение войска, — усмехнулся Туландра Ту. — Несчастный случай, о котором ты сообщишь Его Величеству как о самоубийстве, причиной которого явилось отчаяние маршала, вызванное собственной трусостью перед ничтожным врагом, а также раскаяние в своей неискупимой вине перед престолом. Когда это случится, отправь тело маршала домой в Тарантию. Живой Прокас здесь ни к чему; мертвый — он станет главным участником пышного похоронного обряда.

А теперь тебе пора, благородный князь, да не вздумай впредь не повиноваться приказам, которые будет передавать тебе некая Альсина, зеленоглазая женщина, — она служит мне.

Сжимая драгоценный свиток, Аскаланте глубоко поклонился и покинул Зал Сфинксов.

Провожая его взглядом, Туландра Ту улыбнулся невеселой улыбкой. Орудия, служившие его воле, были чересчур слабы и ущербны, он знал об этом. Но с ущербными орудиями проще расстаться, если после их употребления настанет такая нужда.

VII. Гибель во тьме

В течение нескольких дней присутствие войска Амулия Прокаса на противоположном берегу Алиманы удерживало повстанцев от переправы. Хотя сам Прокас, раненый, оставался в своем шатре, его сотники зорко следили за каждым движением повстанческих отрядов. Воины Конана ежедневно курсировали по южному берегу, то и дело симу-

лируя переправу в разных местах, но разведчики Прокаса замечали любое движение противника и, к ярости киммерийца, все маневры мятежников оказывались ложными.

— Сталемат! — прорычал Просперо, который изнывал от бездействия. — Я как чувствовал, что так и выйдет!

— Что нам нужно сейчас, чтобы расквитаться с негодяями, — предложил Декситей, — так это какая-нибудь колоссальная диверсия; может быть, внезапное вмешательство богов.

— За мою долгую жизнь, проведенную в битвах, — отвечал князь Пуантенский, — я научился полагаться на собственную скудную мудрость больше, чем на помощь богов. Прости мою самоуверенность, о повелитель, но я считаю, что если что-то и может обмануть Амулия Прокаса, так это наша собственная храбрость. И я, пожалуй, знаю, что может отвлечь нашего врага; шпионы сообщают — в моем собственном княжестве народ вот-вот восстанет против короля.

В эту ночь по приказу маршала человек, одетый во все черное, переплыл Алиману в глубоком месте, выбрался на берег и исчез в густых зарослях. Ночь была туманна, темна и безлунна. Монотонный шум редкого дождя скрыл плеск воды и шаги лазутчика от слуха королевских часовых.

Пловец в черном был пуантенцем, всадником из отряда князя Троцера. На его груди был спрятан конверт из промасленного шелка, в котором, написанное рукой самого князя, находилось письмо, адресованное главарям закипающего в Пуантене восстания.

Амулию Прокасу в эту ночь не спалось. Дождь, стучавший по крыше его шатра, угнетал и без того подавленный дух полководца и еще больше обострял боль незажившей раны. Бормоча варварские проклятия, которым он научился в ранней молодости во время службы на аквилонских границах, старый маршал потягивал подогретое вино с пряностями, чтобы согреться от ночного холода и колотившего его болезненного озноба, и пытался отогнать невеселые мысли игрой в шахматы с одним из слуг. Его раненая нога, укутанная

в повязки, была водружена на грубо сколоченный табурет.

Внезапный раскат грома заставил старого воина встрепенуться.

— Это всего лишь гром, господин, — проговорил ординарец. — Дожливая выдалась ночь.

— Как раз такая и нужна бунтовщикам, чтобы перейти реку, — сказал Прокас. — Надеюсь, часовые получили приказ обходить берег, вместо того чтобы прятаться под деревьями.

— Они получили такой приказ, господин, — уверил его ординарец, — твой ход. Шах королевой.

— Шах, шах... — бормотал Прокас, прищурившись на доску. Он с беспокойством подумал, почему так сжалось сердце при невинных словах слуги: «Тебе шах королевой». Он разозлился на себя за недостойные мужчины ночные страхи и пригубил вино. Не таким закаленным воинам, как Амулий Прокас, опасаться глупых примет! И все же, если бы он только был в состоянии лично проверить посты; часовые, конечно же, распустились без строгости настоящего командира...

Полог шатра откинулся, и на пороге появился высокий воин.

— Что случилось? Разбойники зашевелились?

— Нет, маршал. К вам человек.

— Человек? — в замешательстве переспросил Прокас. — Что ж, пропустить его. Пропустить!

— Это не «он», а «она», маршал; — сказал воин, когда Прокас жестом пригласил незнакомку войти; его слуга встал из-за шахматной доски, отдал честь и покинул шатер.

Часовой ввел девушку, облаченную в одеяние паж. Несколько минут назад она смело подошла к караульным, заявив, что прибыла нарочным от короля Нумедиеса. Пораженные ее спокойной уверенностью и магическим светом, источаемым ее широко посаженными изумрудными глазами, охранники даже не решились спросить, как она пробралась в лагерь.

Несколько мгновений Прокас изучал ее недоверчивым взглядом. Медальон, который показала девушка, не произвел на него должного впечатления, — он вполне мог оказаться ворованным или поддельным. Не

придал он значения и ее бумагам. Однако, когда девушка сказала, что привезла послание от Туландры Ту, маршал встрепенулся. Он знал и боялся темноликого колдуна, чьему влиянию на Нумедиеса завидовал и в меру своих сил противостоял.

— Ну же, — выдал из себя Прокас, — говори.

Альсина покосилась на двух охранников — ладони на рукоятках кинжалов, — стоящих по обе стороны от нее.

— Это известие лишь для твоих ушей, маршал, — скромно сказала она.

Прокас подумал и кивнул стражникам:

— Оставьте нас.

— Но господин, — проговорил старший из стражников, — мы не можем оставить тебя наедине с этой женщиной. Быть может, это козни вероломного Конана.

— Конан! — воскликнула Альсина. — Но ведь он мертв.

Не успела она закончить фразы, как пожалела о своем внезапном порыве.

Старший часовой усмехнулся:

— Ну уж нет. У этого варвара жизнью больше, чем у кошки. Говорят, что он едва не отдал душу богам, однако оправился, отлежавшись в своем логове. Когда мы переправлялись через реку, он уже гарцевал на своем жеребце за нашей спиной, проклиная своих нерасторопных лучников.

Прокас прохрипел:

— Юная госпожа уверена в том, что Конан мертв, и я не терплю узнать причину ее уверенности. Оставьте нас, стражники. Я не настолько немог, чтобы опасаться этой девчонки.

Когда часовые удалились, Амулий Прокас сказал Альсине, задыхаясь от нетерпения:

— Мои слуги готовы использовать любой предлог, чтобы спрятаться от дождя. А теперь скажи, что велел передать мне Туландра Ту. Об остальном позже.

Дождь хлестал по тонким стенам шатра и раскаты грома оглушительно пронизывали ночь, пока Альсина боролась с застежкой шелковой блузы, которая была надета под промокшей до нитки пажеской туники. Она проговорила:

— Мой Хозяин велел передать...

Ее слова утонули во вспышке молнии и оглушительном ударе грома. В это же самое время она понизила голос почти до шепота. Прокасу пришлось приблизить седеющую голову к ее лицу, чтобы расслышать ее слова. АЛЬСИНА продолжала медовым голосом:

— ...велел передать, что пришло время...

С быстротой атакующей змеи она выхватила из складок одежды стилет и вонзила его в грудь АМУЛИЯ ПРОКАСА, целя в сердце.

— ...пришло время тебе умереть! — закончила она и отскочила назад, чтобы спастись от протянутых рук смертельно раненного маршала.

Ее удар был хорошо рассчитан, но стилет наткнулся на препятствие. Под тогой у ПРОКАСА оказалась густая стальная кольчуга. Острие кинжала, попав между стальных звеньев, вонзилось в грудь маршала и прошло между ребер, но рана была не глубока. В исступлении пытаясь вырвать стилет из стальной паутины, АЛЬСИНА обломала острие, которое осталось в кровоточащей ране.

Со звериным криком боли, воин поднялся на ноги и, несмотря на страшную рану, бросился вперед, протянув руки, чтобы схватить предательницу. АЛЬСИНА отпрыгнула, зацепив табурет, на котором стояла свеча, задула пламя, и шатер погрузился в крошечную тьму.

АМУЛИЙ ПРОКАС, спотыкаясь, шарил в темноте, пока его рука не наткнулась на шелк одеяния девушки. На краткое мгновение АЛЬСИНЕ показалось, что пальцы маршала, сомкнувшиеся на ее шее мертвой хваткой, задушат ее; однако руки ПРОКАСА стали слабеть, он задохнулся и закашлялся. Раненая нога подкосилась, и маршал, с лицом, искаженным предсмертной судорогой, повалился на ковер.

АЛЬСИНА бросилась к выходу и выглянула из-за порога шатра. Вспышка молнии осветила лица часовых, стоявших по обе стороны от входа, ссутулясь под проливным дождем. Она с удовлетворением отметила, что шум бури заглушил звуки борьбы.

Порывшись в темноте, АЛЬСИНА нашла камень и огниво и после долгих усилий зажгла свечу. Быстро осмотрев труп маршала, она вложила свой сломанный стилет ему в руку. Вернувшись к выходу из шатра, она снова выглянула наружу и, увидев, что часовые на

месте, запела нежную песню, постепенно возвышая голос так, чтобы он был слышен снаружи.

Песня, которую она пела, была старинной колыбельной, мелодия которой усыпляла слушающих. Мало-помалу, поддаваясь обаянию волшебной музыки, часовые погрузились в сон и уже не слышали шума дождя.

Примерно через час, незаметно миновав караулы и выбравшись из расположения королевского войска, АЛЬСИНА добралась до своего шатра, укрытого густым кустарником на прибрежном холме. Со вздохом усталости она вошла внутрь и стала снимать намокшую от дождя одежду. Ее шелковая блуза была изорвана в клочья.

АЛЬСИНА приложила руку к груди, к тому месту, где она хранила волшебный талисман, но его там не было. Ошарашенная, она поняла, что смертельно раненный ПРОКАС, борющийся с ней в шатре, порвал цепочку, на которой висел обсидиановый осколок... Блестящий полукруг сейчас лежал где-нибудь на ковре в шатре маршала; но как вернуть его? Обнаружив тело военачальника, королевские воины поднимут такой переполох! Зоркие часовые перекроют все подступы к лагерю, им будет приказано немедленно уничтожить черноволосую, зеленоглазую лазутчицу в одеянии паж.

Дрожа от нерешительности и страха, АЛЬСИНА прислушивалась к отдаленным раскатам грома и мерному шороху дождя. Она напряженно думала. Знает ли ТУЛАНДРА ТУ о том, что ее яд не погубил КОНАНА? В последний раз, когда они общались при помощи ее волшебного талисмана, колдун ни словом не обмолвился об этом. Если известие о выздоровлении киммерийца еще не достигло волшебника, она должна сообщить ему эту грустную новость немедленно. Но лишившись обсидианового осколка, она сможет доложить обо всем своему хозяину лишь по возвращении в Тарантию.

Ее мысли становились все мрачнее и мрачнее. Если бы ТУЛАНДРА ТУ знал о выздоровлении КОНАНА, отдал бы он приказ убить ПРОКАСА? Не разгневается ли он на нее за убийство маршала, несмотря на то что сам приказал сделать это, теперь, когда командование ПРОКАСА вновь стало необходимо королевскому войску? И, главное, колдун наверняка обезумеет от гнева из-за

того, что доза яда, который она дала вождю разбойников, оказалась недостаточной. А теперь еще и потерянный талисман! Не будет ей прощения! Обезоруженная, лишенная возможности связаться со своим хозяином, беспомощная, если не считать случайных навыков немудреного колдовства, Альсина потеряла присутствие духа и уже подумывала о том, чтобы бежать за границу, а не возвращаться в Тарантию.

Но потом опомнилась: Туландра Ту всегда обходился с ней доброжелательно и щедро вознаграждал за услуги. Припомнила она и его смутные обещания обучить Альсину искусству настоящего колдовства, его разговоры о бессмертии, которое он ей подарит, а когда сам станет правителем Аквилонии — навечно, — он уверял Альсину, что сделает ее своей первой советницей.

В конце концов Альсина решила вернуться в столицу и встретить возможный гнев своего господина. Кроме всего прочего, будучи очаровательной женщиной и пронырливым дипломатом, она умела поставить себя с любым мужчиной, несмотря на его сан. Успокоившись, она уснула, готовая отправиться в путь с восходом.

Незадолго перед восходом аквилонский сотник явился к шатру маршала, чтобы получить очередные распоряжения. Двое часовых, измученные долгой ночью и с нетерпением ожидавшие смены, отдали ему честь, после чего один из них провел сотника в шатер.

Но маршал Прокас был уже не в состоянии отдавать распоряжений, разве что только в Аду. Он лежал навзничь в луже запекшейся крови, сжимая окоченевшими пальцами рукоять предательского стилета, оборвавшего жизнь самого могучего из аквилонских воинов.

Часовые перевернули тело маршала и безумными глазами глядели на бездыханного полководца. Пепельно-седые волосы Прокаса, спутанные, в засохшей крови, наполовину закрывали его окаменевшее лицо.

— Я ни за что не поверю, что наш маршал покончил с собой, — прошептал ошарашенный сотник, — это на него не похоже.

— Совершенно верно, господин, — отозвался один из стражников. — Человек, решивший покончить с собой, не станет всаживать кинжал в стальную кольчугу. Должно быть, это девчонка...

— Девчонка? Какая девчонка? — взревел сотник.

— Зеленоглазая лазутчица, которую я привел в шатер поздно ночью. Она уверяла, что привезла королевское послание. Вот и ее следы. — Солдат кивнул на очертание подошвы, отпечатавшейся на перепачканном грязью ковре. — Мы не хотели оставлять маршала наедине с ней, но маршал приказал нам ждать снаружи.

— А где же эта девчонка?

Часовой развел руками:

— Не знаю, куда она подевалась. Но только через дверь она не выходила. Мы с Сергием не смыкали глаз и никуда не отлучались от патра с того момента, как оставили генерала. Можете спросить у лагерной стражи.

— Хм, — проговорил сотник, — только черт может незамеченным выбраться из охраняемого боевого лагеря.

— Тогда, пожалуй, она и есть черт, — пробормотал часовой, прикусив губу. — Посмотрите, вон, на ковре, какой-то блестящий полукруг, черный как бездна Ада.

Сотник взглянул на осколок обсидиана и откинул его носком сапога.

— Какой-то поганый амулет, никчемная побрякушка. Ладно, черт или нет, нужно что-то делать. Оставайся здесь, у тела маршала, а я вызову отряд, чтобы прочесать лагерь и близлежащие холмы. Сергей, приведи горниста. Ну, попадись мне эта чертовка...

Оставшись в шатре один, старший часовой поднял отброшенный сотником амулет. Он осмотрел находку, связал концы порванной цепочки и надел талисман на шею.

Невелико украшение, но, кто знает, может, осколок камня принесет ему удачу. Талисман так талисман, а солдату на войне пригодится вся удача, что только есть в запасе у богов.

Конан перегнулся через край огромного валуна и внимательно осматривал расположение королевского войска, все еще стоявшего лагерем на северном берегу Алиманы. Днем раньше во вражеском лагере что-то случилось; там было много шума и суеты. Но из своего укрытия даже зоркий Конан не мог разобрать причины беспокойства.

Не отрывая взгляда от движения на противоположном берегу, Конан принял от слуги кусок холодного мяса и с волчьим аппетитом впился в него зубами. Страхнув с себя последние признаки болезни, вызванной отравленным вином, он чувствовал прилив энергии. Кроме того, бегство Приграничного Легиона остудило гнев Конана, вызванный поражением его войска у Алиманы, где он потерял многих верных сторонников.

Годы пролились с тех пор, как киммерийский полководец в последний раз сражался в партизанской войне — нанося удары из-за угла, устраивая засады, нападая на превосходящее числом войско врага под покровом тьмы. После этого он командовал отрядом разбойников в Зуагирской пустыне. И вот этот опыт пригодился, сохранился в памяти, острый как бритва, несмотря на то что прошло столько лет.

Однако теперь, когда вражеское войско переправилось через Алиману и раскинуло свой лагерь на противоположном берегу, положение армии Конана изменилось: он потерял свое главное преимущество, и это его озадачивало.

Воины, стоящие под развевающимся Львиным Знаменем, не смогут переправиться через реку, пока королевские отряды на северном берегу следят за каждым их движением, готовые отразить любое нападение. Для того чтобы атака была успешной, атакующие, как и при штурме крепости, должны превосходить атакуемых числом, а этого преимущества у повстанцев не было. Не мог Конан больше полагаться и на тактику партизанской войны, не было проку и от его посаженных на коней лучников. Более того, припасы подходили к концу.

Конан нахмурился и продолжал мрачно жевать свою солонину. По крайней мере, успокаивал себя он, войско Прокаса не предпринимает попыток вновь перейти реку и вступить в бой. И в который раз задумался он над причинами беспокойства во вражеском лагере.

На противоположном берегу воины Приграничного Легиона расчищали место для лагеря; там, где Куларская дорога выходила к реке. Они валили деревья вниз и вверх по реке. Позади лагеря сплошной стеной зеленел лес: весенние цветы успели уже опасть. Конан

разглядел группу всадников, въехавшую на территорию лагеря, и до его слуха донеслось пение многих труб.

Конан закрыл глаза от солнца и прищурился. Обернувшись к слуге, он коротко распорядился:

— Мелия, разведчика ко мне. Быстро!

Слуга исчез и вскоре появился в сопровождении худого старика. Конан устремил на разведчика потеплевший взгляд. Мелий служил с Конаном еще на границе с пиктами. Его глаз был зорче, чем у ястреба, его походка легче шелеста ветра.

— Кто это там въехал во вражеский лагерь, старик? — спросил Конан, кивнув в сторону противоположного берега.

Разведчик, напрягая зрение, впился глазами в группу всадников, движущихся между шатров. Через некоторое время он проговорил:

— По чину не ниже генерала, судя по обилию свиты. И, судя по регалиям, из благородных.

Конан послал слугу за Декситеем, который хорошо разбирался в геральдических знаках. Пока разведчик описывал гербы, вышитые на плаще всадника, жрец потирал переносицу, припоминая значение символов.

— Я думаю, — в конце концов проговорил Декситей, — что это герб князя Туны.

Конан раздраженно передернул плечами:

— Имя знакомо мне, но не думаю, что мне пришлось встречать князя. Что тебе известно о нем?

Декситей задумался.

— Туна — это восточное княжество Аквилонии. Но я никогда не встречал нынешнего князя. Я припоминаю какие-то слухи, с год назад, о скандале, связанном с его восшествием на престол, но детали мне не известны.

Вернувшись в лагерь, Конан созвал своих советников, чтобы расспросить их о прибывшем во вражеский стан. Однако ему не удалось получить новых сведений о князе Туны, кроме, разве, того, что тот служил на мирных восточных границах и, насколько известно, не отличался там ни особенной храбростью, ни позорным бесечьем.

К полудню Мелий доложил, что отряды Приграничного Легиона во вражеском лагере выстроились на плацу, где князь Туны прочел им какой-то указ, причем

свиток, из которого он читал, был украшен внушительными лентами и печатями. Просперо со слугой выбрались из лагеря и, затаившись в прибрежных кустах, слушали. Поскольку один из десятников повторял каждую фразу указа громким голосом, доносившимся до их ушей по речной глади, ошеломленные повстанцы узнали, что маршал Прокас покончил с собой и Аскаланте, князь Туны, назначен командующим Приграничным Легионом. Просперо передал эту новость остальным главарям повстанцев.

— Прокас самоубийца? — воскликнул Конан. — Именем Крома, ни за что не поверю! Хотя старик волею судеб стал моим противником, он был настоящим воякой и лучшим полководцем во всей Аквилонии. Такие как Прокас дорого продают свою жизнь; они не расстаются с ней задаром. Я чувствую здесь предательство. Что скажут мои советники?

— Что касается меня, — проговорил Декситей, перебирая четки, — я вижу в этом коварную руку Туландры Ту. Он давно ненавидел маршала.

— Неужели никто из вас больше ничего не знает об этом Аскаланте? — потребовал Конан. — Может ли он командовать войском? Закален ли в битвах? Или просто еще один прихвостень безумного Нумедидеса?

Когда остальные покачали головами, Конан продолжал:

— Ладно. Велите вашим десятникам расспросить солдат, служил ли кто-нибудь под началом князя и что он за полководец.

— Ты думаешь, — спросил Просперо, — что новый командир Приграничного Легиона может оказаться полезным нам?

Конан пожал плечами:

— Как знать, увидим. Если маневр, обещанный Троцero, удастся...

Князь Троцero затаил улыбку.

На следующее утро собравшиеся на наблюдательном пункте вожди повстанцев в ожидании вглядывались в происходящее на противоположном берегу. Небольшая группа всадников, миновав шеренги выстроенного парадом Приграничного Легиона, выехала за пределы королевского лагеря и скрылась в клубах пыли на

Куларской дороге. Среди них, запряженная парой черных рысаков, медленно и величаво двигалась колесница маршала. На ней был установлен черный деревянный ящик — гроб с телом Амулия Прокаса.

Конан проговорил:

— Вот и все, что осталось от старика Амулия. Если бы он был правителем Аквилонии, все было бы совсем иначе.

Несколько ночей спустя, когда густой туман укрыл поверхность Алиманы тяжелым одеялом, пловец, одетый во все черное, отправленный князем Троцero за реку несколько дней назад, вернулся. На его груди опять был прикреплен конверт из промасленного телка.

В ту самую ночь Львиное Знамя поднялось над чеканным серебром бессонной луны.

VIII. Побойще при Алимане

В течение нескольких месяцев сторонники князя Троцero прилежно выполняли порученное задание. На ярмарках и в придорожных харчевнях, в селах и на хуторах, в городах и в замках — по всей провинции Пуантен пронеслась весть: «Идет Освободитель!»

Так называли Конана соратники князя Троцero, помнившие рассказы о киммерийском великане из далекого прошлого. Слышали они, как огряды под его началом, переправившись через серебристые воды Реки Громов, наголову разбили вероломных пиктов, чьи набеги долгие годы опустошали плодородные равнины боссонской земли. Пуантенцы, помнившие о подвигах бесстрашного воина, молили небеса освободить страну от безжалостного тирана.

В течение долгих недель лучники, йомены и вооруженные крестьяне группами и поодиночке двигались на юг, к Алимане. В деревнях, склонившись над кружками с элем, судачили крестьяне о грядущем нашествии.

Наконец, наконец близок час освобождения! Вот-вот придет тот, кто вызволит землю Пуантена, а потом и всю Аквилонию из-под пяты безумного Нумедидеса.

Весть, которую так долго ждали, прибыла в конверте из промасленного шёлка, конверте, запечатанном перстнем любимого ими князя. И они были готовы.

Продрогший в густой туманной ночи часовой, юноша из Гандерланда, чихнул и, ежась от холода, потоптался на месте, чтобы согреться. Лагерный караул и в хорошие времена был скучным занятием, а в сырую холодную ночь он становился просто невыносимым.

Если бы его так глупо не застали в объятиях комендирской подружки, мрачно думал часовой, он сейчас проводил бы ночь в теплом бараке вместе с остальными. И вообще, какой смысл караулить главные ворота Куларских казарм в такую ночь? Неужели комендант опасается прихода вражеского войска из Кора, Немедии или Ванахейма?

Воинский пир разливался весельем. Канделябры горели тысячами зажженных свечей, пламя которых отражалось в серебряных изгибах. Сверкающие в своих парадных хитонах, молодые сотники заигрывали с местными красавицами, которые грациозно скользили по мозаичному полу, смехом отвечали на комплименты сладкоречивых кавалеров, в то время как их матери — разодетые матроны — внимательно следили за каждым движением дочерей с позолоченных лавок, расставленных вдоль лепных стен.

Бал подходил к концу. Королевский наместник, досточтимый Конрадин, появившийся на открытии торжеств, давным-давно отбыл в своей колеснице. Старший сотник Армандий, комендант Куларского гарнизона, зевал, свесив голову над кубком великолепного пуантенского вина. Мрачно глядя на танцующих со своего ложа, обитого красным бархатом, он думал о том, что все эти кружения и поклоны — занятие, достойное лишь детей. Через час, решил он, можно будет ехать домой. Его мысли обратились к его зингаранской подружке, темноглазой красавице, ожидавшей возвращения коменданта. Он сонно улыбнулся, вспоминая нежные губы и другие прелести зингаранки, и погрузился в сон.

Почувяв дым, слуга распахнул парадную дверь и, увидев, что горит солома, высокой кипой сваленная у стен казармы, забил тревогу.

Через считанные секунды королевские офицеры стали вылетать из пылающего здания, словно пчелы из улья. Воины и их дамы, разгневанные и перепуганные, увидели, что плац перед казармами был заполнен молчаливыми угрюмыми людьми с грозными взглядами; в их загорелых натруженных руках блестели обнаженные мечи.

К несчастью для офицеров, они были вооружены лишь кинжалами, годными скорее для парадов, чем для битвы: королевские воины оказались практически беззащитными перед толпой оцетинившихся сталью повстанцев. Через час Куларио был в руках восставших. Рядом со знаменем князя Пуантена, украшенного огненными леопардами, взвился неизвестный доселе флаг с золотым львом на черном поле.

В отдельной комнате лучшего в Куларио постоянного двора королевский наместник играл в кости со своим дружкой — аквилонским сборщиком податей в южных провинциях. Перед игроками стояли полупустые кубки, и большой проигрыш сделал наместника угрюмым и раздражительным. И все же, покинув офицерский бал, Конрадин, зная тяжелый нрав своей ворчливой жены, предпочел компанию своего старого собутыльника возвращению домой. Присутствие находившегося в комнате часового еще больше разозлило наместника, и он велел воину ждать у ворот постоянного двора.

— Оставь меня в покое, — напустился он на часового.

— Верно, невезучему игроку нужно сосредоточиться, — насмешливо поддакнул сборщик податей. Он знал, что бедняге не придется мерзнуть слишком долго — копель наместника был почти пуст.

Продолжая игру, захваченные непредсказуемым танцем костяных кубков, игроки, затаив дыхание, ожидали улыбки фортуны. Они не обратили внимания на глухой удар, донесшийся с улицы, и звук упавшего на деревянный настил крыльца тела. Дверь комнаты распахнулась от резкого удара сапога, и толпа разъяренных крестьян, вооруженных дубинами, косами, вилами и мечами, заполнила помещение. Игроков выволокли из-за стола и повели к грубо сколоченной виселице, только что установленной в центре рыночной площади.

Воины Приграничного Легиона узнали о бунте, охватившем провинцию однажды утром, когда начальник лагерной стражи совершал обход постов. Обнаружив одного из караульных лежащим в тени обозной повозки, разгневанный сотник пнул его сапогом под ребра. Когда эта мера не произвела должного эффекта, начальник стражи склонился над спящим. Его рука наткнулась на что-то влажное. В ошеломлении он уставился на свои переначканные кровью пальцы и перевел безумевший взгляд на перерезанное горло несчастного. Вскочив на ноги, начальник стражи набрал воздуха в легкие, чтобы поднять тревогу, но задохнулся застрявшим в горле криком, когда неумолимая стрела пронзила его сердце.

Туман тяжелым одеялом стелился над беспокойными водами Алиманы, цеплялся за искривленные стволы прибрежных деревьев, окутывал молчаливые шатры спящих воинов. Туман густым водоворотом клубился по краям притихшего лагеря, там, где в кроваво-красном сумраке утопал лес. Между вековых дубов бесшумно двигались фигуры в лохмотьях с кинжалами в руках и с луками за плечами. словно тени, пробираясь сквозь туман, они тихо входили в спящие шатры и вскоре появлялись, вытирая о полы плащей окровавленные кинжалы.

Пока эти люди методично вырезали спящее войско в лагере, другие — такие же молчаливые тени — переходили вброд бурлящие воды Алиманы. Они тоже были вооружены.

Аскаланте, князь Туны, проснулся от душераздирающего вопля. За ним последовали крики из всех концов лагеря, а потом и весь лагерь превратился в бурлящий хаос. На мгновение Аскаланте подумалось, что он бредит. Но тут до него донеслись звуки боя, вошли раненых, стоны умирающих, топот сотен ног, свист стрел и лязг стали.

Бормоча проклятия, князь вскочил полуодетый с походной кровати, откинул полог шатра, и его взору предстал сунций ад. Горящие шатры окрашивали сереющее небо ужасающим светом. Повсюду в жирной от крови грязи валялись трупы, напоминавшие игрушеч-

ных солдат, разбросанных непослушным ребенком. Полуодетые аквилонцы в исступлении пытались отбиваться от закованных в броню врагов, вооруженных копьями, мечами и секирами. Вражеские лучники в упор расстреливали безоружных королевских воинов. Аквилонские сотники и десятники героически пытались выстроить в боевой порядок своих пехотинцев и вооружить тех, кто выбегал из шатров с пустыми руками.

У шатра, у входа в который стоял безумевший от страха князь Туны, показалась гигантская фигура. Это был Громель, огромный боссодец, изрыгавший страшные проклятия. Ошеломленный Аскаланте уставился на него. На сотнике была набедренная повязка и кольчуга, надетая прямо на голое тело. Кольчуга была изорвана, и из-под стали виднелся его мускулистый торс, представлявший из себя страшное кровавое месиво.

— Нас предали! — взревел Аскаланте, схватив Громеля за перепачканную кровью руку.

Громель стряхнул с себя руку князя и сплюнул кровью.

— Предали или застали врасплох, а может быть, и то и другое, — прорычал боссодец. — Провинция взбунтовалась. Наши караулы перебиты; кони угнаны в лес, дорога на север перекрыта. Разбойники переправились через реку в этом проклятом тумане. Мы попали в мышеловку и не сможем отбиться от варваров.

— Что же делать? — прошептал Аскаланте.

— Спасаться бегством, — выпалил Громель. — Или сдаваться, что я и собираюсь сделать. Помогите мне перевязать раны, пока я в себе.

Скрытые туманом копейщики Конана перешли Ногарскую мель. Когда завязалась битва, к ним присоединились Троцери, Просперо и Паллантис с лучниками и кавалерией. Прежде чем месяц высветился сквозь нагромождение туч, князь Пуантена оказался вовлеченным в генеральное сражение, так как отряды легионеров успели сомкнуть шеренги и, закрывшись мощными щитами, ошетинились копьями. Троцери повел своих тяжеловооруженных рыцарей на этот железный барьер,

и, после нескольких неудачных попыток, его людям удалось прорвать строй. Началась кровавая бойня.

Нумедийский лагерь был временным укрытием, растянувшимся вдоль северного берега Алиманы и упирающимся в лесистые холмы. Его излишняя рассредоточенность усложняла оборону лагеря. Как правило, аквилонские воины строили свои лагеря в форме квадрата, укрепляя их земляным валом или бревенчатыми изгородями. В данном случае ни один из этих методов защиты применен не был, поэтому стан Приграничного Легиона был столь уязвим. Неудачное расположение и эффект внезапности атаки повстанцев поставили Армию Освобождения (как стали называть войско Конана) в благоприятную ситуацию, хотя легионеры превосходили объединенные силы Конана и восставших пуантенцев по численности.

Кроме того, дух Легиона был подорван, и даже лучшие аквилонские воины уже не действовали как бойцы пресловуто непобедимой армии. Аскаланте объявил своим полководцам, что Амулий Прокас, раскаявшийся в своем вероломном вторжении в аргосские земли, покончил с собой. Однако воины Легиона с трудом верили этому объяснению. Они слишком хорошо знали и любили своего маршала за его негнбавую волю и стойкость.

Сам Аскаланте показался воинам позером и пройдохой. Несмотря на то что у него был кое-какой военный опыт, вся его служба ограничивалась охраной мирных рубежей.

И, кроме того, любому полководцу, который принимает командование закаленными в битвах воинами, необходимо время, чтобы в его подчиненных остыла ярость неповиновения и противодействия. Однако вялость и куртуазные манеры нового маршала не могли успокоить его полководцев, чье недовольство передалось и простым воинам.

Нападение бунтовщиков было блестяще спланировано. Когда пуантенские крестьяне перебили часовых, подожгли шатры и угнали лошадей, проснувшиеся аквилонцы попытались построиться в боевом порядке, чтобы отразить атаку нападающих вдоль северной границы лагеря. Но одновременно атакованные с юга

отрядами Конана, ряды аквилонцев смешались, и началась настоящая бойня.

Маршал Аскаланте бежал. Отыскав лошадь, он вскочил на нее, неоседланную, и, за неимением стремян, хлеща ивовым прутом, во весь опор погнал перепуганное животное к лесу. Едва не напоровшись на кордон пуантенцев, князь скрылся в густой ночи.

Такой беспринципный негодяй, как Громель, легко мог завоевать расположение победоносного врага, сдавшись в плен вместе со своим отрядом, но для Аскаланте это было немыслимо. Он дорожил своей дворянской честью. Кроме того, князь догадывался о том, какова будет реакция Туландры Ту на разгром королевского войска. Колдун ожидал, что Аскаланте будет удерживать армию бунтовщиков на южном берегу Алиманы — при нормальных обстоятельствах несложная задача, даже для неопытного полководца. Но всеведущий волшебник каким-то образом просмотрел восстание пуантенцев — событие, которое застало бы врасплох любого военачальника, не говоря уже о новоиспеченном маршале Аскаланте. И вот, аквилонский лагерь сожжен и уничтожен, и королевское войско разбито наголову. Все, что осталось князю, — это уносить ноги как можно дальше и от вероломного вождя бунтовщиков, и от темноликого тарантского шамана.

Всю ночь скакал князь Туны между высокими деревьями под безлунным хмурым небом, и восход застал его поблизости от места кровавого побоища. Подстегиваемый мыслями о сокрушительном гневe Туландры, он гнал своего обессиленного коня во весь опор. В восточных пустынях Аскаланте надеялся найти место, где не настигнет его месть колдуна.

Но по прошествии времени сердце Аскаланте наполнилось кипящей яростью на Конана-киммерийца, главного виновника его позора. В глубине души князь Туны поклялся, что когда-нибудь он отомстит Освободителю.

Перед рассветом Конан объезжал разрушенный лагерь Приграничного Легиона, получая донесения своих сотников. Сотники легионеров числились среди раненых или убитых, часть воинов бегала в лес, где их преследовали партизаны Троцера. Целое подразде-

ление королевского войска, семьсот воинов, перешло на сторону Конана. Им командовал боссонский сотник Громель. Переход на сторону восставших этого отряда — пуантенцев, боссонцев, гандерландцев и нескольких десятков других аквилонцев — обрадовал киммерийца. Опытные, хорошо обученные профессиональные воины бесспорно увеличат боевые способности повстанцев, укрепят разношерстные ряды Войска Освобождения.

Хорошо разбирающийся в людях Конан подозревал, что Громель, которого он встречал еще на Пиктской границе, был не только грозным воином, но и человеком, на которого нельзя было положиться. Однако Конан готов был примириться, пока это было ему на руку. Он назначил великана сотника офицером Войска Освобождения.

Отряды усталых воинов снимали с мертвых вооружение и складывали трупы на погребальный костер. Подошел Просперо. Его латы, забрызганные кровью, казались ржавыми в розовом свете восхода. Он был в хорошем расположении духа.

— Что скажешь? — осведомился Конан.

— Хорошие новости, маршал, — осклабился Просперо. — Мы захватили весь вражеский обоз с оружием и припасами, достаточными для двух армий.

— Отлично! А что с лошадьми?

— Лесники окружили аквилонских коней, которых они выпустили, так что мы теперь при лошадях. Да, еще мы захватили несколько тысяч пленных, которые сдались, когда поняли, что сопротивление бесполезно.

— Предложи им вступить в наше войско. А тех, кто откажется, вели отпустить на все четыре стороны. Безоружные нам не опасны, — равнодушно проговорил Конан. — Если мы выиграем эту войну, нам понадобится доброе имя. Вели Паллантиду предоставить всем пленным право выбора.

— Хорошо, о маршал. Еще приказы? — спросил Просперо.

— Утром выступаем на Куларио. Люди Троцero сообщают, что вплоть до самого города они не встретили ни одного вооруженного аквилонца.

— Значит, у нас будет легкий переход до самой Тарантии, — ухмыльнулся Просперо.

— Возможно, но может быть и нет, — ответил Конан, прищуриваясь. — Пройдет несколько дней, пока известие о сегодняшней битве достигнет Боссонии и Гандерланда и тамошние гарнизоны выступят нам на встречу. Но они подойдут вовремя.

— Да, я думаю, королевское войско возглавит князь Ульрик Раманский, — задумчиво проговорил Просперо. Когда к ним присоединился Троцero, Просперо добавил: — Как ты считаешь, князь?

— Без сомнения, Ульрик, — отозвался тот. — Жалко, что мы не смогли встретиться с северными баронами. Они бы задержали Ульрика.

Конан передернул огромными плечами.

— Подготовьте отряды к выступлению сразу после полудня. Я пойду взгляну на пленных Паллантида.

Через несколько минут Конан обходил ряды обезоруженных королевских воинов, то и дело останавливаясь, чтобы спросить:

— Хочешь вступить в Войско Освобождения?

Во время обхода взгляд Конана остановился на одном из воинов. На его волосатой груди что-то блеснуло. Конан приблизился и рассмотрел обсидиановый полукруг, висящий на тонкой цепочке на груди пленного. С минуту Конан стоял, уставившись на медальон, силясь припомнить, где он его видел. Зажав осколок между пальцами, Конан спросил пленного:

— Где ты взял эту штуку?

— О маршал, я нашел этот талисман в шатре маршала Прокаса в то утро, когда его... когда он погиб. Я думал, он принесет мне счастье.

Конан посмотрел на пленного прищурясь.

— Он не принес счастья маршалу Прокасу. Дай-ка его мне.

Воин сорвал с шеи цепочку с амулетом и, дрожа от замешательства и страха, протянул ее Конану. В этот момент подошел Троцero, и Конан, все еще рассматривая черный полукруг, проговорил:

— Я знаю, где видел этот талисман. Он был на шее танцовщицы Альсины.

Троцero поднял брови в удивлении:

— Значит...

— Потом, — оборвал его Конан и, кивнув пленному, продолжал обход.

Когда первые лучи утреннего солнца окрасили розовым светом высокие облака, обозный поезд и арьергард армии Конана переправились через Алиману. Вскоре после этого Войско Освобождения выступило в путь через Пуантен на Куларио и дальше на Тарантию, столицу аквилонских королей. Вновь вступив на аквилонскую землю после долгих месяцев скитаний во враждебных степях и по чужестранным дорогам, повстанцы воспрянули духом. Несмотря на страшную усталость после ночной битвы, воины затянули походную песню, удаляясь все дальше на север по пуантенской дороге.

Опережая войско повстанцев, быстрее ветра неслась весть: «Освободитель идет!» Начавшись не громче шепота, росла и крепла она, превращаясь в могучий многоголосый крик, клич, который способен свергать древние династии и переворачивать троны монархов.

Конан и его полководцы были в прекрасном расположении духа. Ближайшие королевские отряды, не извещенные о их приближении, находились в сотнях лиг от армии повстанцев. Амулий Прокас был мертв, и восставшим некого было опасаться вплоть до самой Тарантии. Мятежники знали, что ворота, ведущие в столицу, будут заперты, и Черные Драконы — королевская гвардия — будут сражаться до последней капли крови, обороняя город и своего государя. Но за повстанцами стояли тысячи и тысячи простого народа, а впереди, за высокими неприступными стенами, возвышался королевский трон, и, значит, они должны преодолеть любые препятствия.

Но был один враг, которого явно недооценили мятежники. Темноликий колдун Туландра Ту.

В пурпурном зале, освещенном свечами из человеческого жира, на черном троне восседал Туландра Ту. Он смотрел в свое обсидиановое зеркало, огромным на-

пряжением воли пытаясь оживить черную блестящую поверхность. В конце концов, вздохнув, он откинул голову, чтобы дать отдохнуть уставшим глазам. Затем, нахмурившись, углубился в изучение листа пергамента, где его неразборчивым почерком были запечатлены астрологические формулы, необходимые для колдовского сеанса. Он взглянул на хрустальные водяные часы, но не нашел ошибок ни во времени суток, ни в дне — ни единой оплошности, которая могла стать причиной его неудачи. По неизвестным причинам Альсина вновь не связалась с ним в назначенное время.

Стук в дверь прервал его тяжкие раздумья.

— Входи, — проговорил колдун в раздражении.

Полог, скрывающий дверь, откинулся, и на мраморном пороге показался Хсяо. Наклонив голову в почтительном приветствии, кхитаец доложил:

— Господин, госпожа Альсина желает говорить с тобой.

— Альсина! — Дрожь в голосе выдала возбуждение колдуна. — Немедленно зови ее.

Шторы, скрывающие дверь, бесшумно задернулись, затем вновь распахнулись. Вошла Альсина. Ее пажеское одеяние было изорвано, пропитано пылью и грязью дороги. Черные волосы перепутаны, на лице застыло выражение тревоги и страха. Она едва волочила усталые ноги. Прекрасная девушка, совсем недавно отправившаяся в Мессантию, казалась сейчас измученной старухой.

— Альсина, откуда ты? Что случилось? — вскричал колдун.

Еле слышным шепотом та ответила:

— Разреши мне сесть, о господин. Подкашиваются ноги...

— Садись.

Когда Альсина опустилась на мраморную скамью и закрыла глаза, Туландра Ту громко прошепел:

— Хсяо, вина для госпожи! Ну, теперь рассказывай, что произошло.

Девушка всхлипнула.

— Я провела восемь дней в дороге, останавливаясь лишь чтобы вздремнуть да наскоро поесть.

— Но почему?

— Я прибыла сообщить тебе, что Амулий Прокас мертв.

— Отлично! — воскликнул Туландра, и в глазах его вспыхнули злые огоньки.

— Но Конан жив!

Услышав это, колдун во второй раз в этот день потерял самообладание.

— Проклятье! — завопил он. — Как это могло случиться? Говори же, негодяйка!

Прежде чем ответить, Альсина пригубила вино из кубка, принесенного слугой. Затем она сбивчиво рассказала обо всем, что произошло в лагере Приграничного Легиона.

— И вот, — заключила она, — опасаясь, что ты еще не проведал о выздоровлении Конана, я почла своим долгом сообщить об этом.

Угрожающе нахмурившись, колдун устремил на Альсину свой гипнотический взор:

— Вместо того чтобы пускаться в такую длинную дорогу, почему ты не воспользовалась своим волшебным зеркалом?

— Я не могла, Мессир. — Альсина виновато заломила руки.

— Почему? — голос Туландры сорвался. — Ты потеряла свиток с описанием планет, который я тебе дал?

— Нет, господин; еще хуже. Я потеряла мой осколок зеркала. Я потеряла мой талисман!

— О демоны! — проревел колдун. — Растяпа! Как ты могла? Ты потеряла рассудок! Или, может быть, ты поддалась на соблазнение какого-нибудь варвара? Ты, похотливая кошка! За это я придумаю тебе наказание, какое еще и не снилось ни одному смертному. Я не только уничтожу твоё тело, я сотру в порошок саму душу! Ты испытываешь все муки своих прежних жизней, от лужи смердящей слизи до червя, водяной твари, волосатого чудовища! Ты будешь молить меня о смерти!

— Выслушай меня, господин! — вскричала Альсина, бросаясь к ногам колдуна. — Тебе известно, что похоть чужда мне, если только она не служит благу Его Величества. — Рыдая, она рассказала о поединке в

шатре Прокаса и о том, как она обнаружила пропажу талисмана.

Туландра Ту прикусил губу, стараясь сдержать растущий гнев.

— Что же, — проговорил он, — в деле такой важности нельзя допускать ошибок. Если бы твой кинжал попал в сердце, Прокас не смог бы сорвать твой амулет, а упал замертво там, где стоял.

— Я не думала, что под его тогой надета кольчуга. Разве ты не можешь отколоть еще кусок от своего волшебного зеркала?

— Могу, но приспособить его для передачи посланий на дальние расстояния настолько сложно, что война кончится прежде, чем я добьюсь этого.

Туландра задумался, поглаживая острый подбородок.

— Ты уверена, что Прокас мертв?

— Да. Его сердце уже не билось, когда я покинула шатер.

— Ладно. Но как же ты просчиталась с киммерийцем?

Альсина в отчаянии вздохнула.

— Я подсыпала ему яду столько, что хватило бы на двух человек. Но его исполинское сложение и нечеловеческая энергия...

Голос Альсины вздрогнул, и она повалилась в ноги своему хозяину.

Туландра Ту поднялся. Возвышаясь над дрожащей от ужаса девушкой, он воздел руки к небу:

— О боги! Неужели никто из моих слуг не в состоянии выполнить простейшего приказа?

И затем, обратив внезапный гнев на распростертую у его ног Альсину, добавил:

— Идиотка! Как можно накормить льва тем, чего едва хватает собаке?

— О господин, ты ничего не сказал, а мне ли репнать, сколько нужно багрового лотоса, чтобы убить великана? — голос Альсины возвысился, и в нем слышалась ярость. — Ты сидишь здесь, в своем роскошном дворце, а твоя несчастная раба мотается по всей стране и в дождь, и в зной, рискуя жизнью, чтобы тебе угодить. И у тебя не нашлось для нее ни единого доброго слова!

Туландра Ту развел руки и поднял ладони в жесте прощения.

— Ладно, ладно, милая Альсина, не будем ссориться. Когда союзники ссорятся, враг выигрывает битву. Если в следующий раз я велю тебе отравить кого-нибудь, я пошлю вместе с тобой человека, который сумеет определить нужную дозу.

Туландра сел и невесело улыбнулся:

— Должно быть, боги сейчас потешаются над случившимся. Отослав Амулия в мир иной, я с радостью воскресил бы его, если бы это было в моих силах; никто, кроме него, не сможет победить варвара с его сворой.

Я думал, Аскаланте и Громель смогут отразить попытки бунтовщиков переправиться через Алиману. И они смогли бы удержать разбойников, если бы не Конан. Теперь придется искать более способного командующего Приграничным Легионом. Над этим нужно подумать. Князь Ульрик Раманский командует северной армией в Гандерланде, на границе с Киммерией. Он способный полководец, но много дней пройдет, пока он получит приказ и прибудет в расположение Легиона. Принц Нумитор стоит ближе, на пиктской границе, однако...

Негромкий стук в железную дверь эхом разнесся по залу, словно звон бронзового колокольчика. Войдя, Хсяо доложил:

— Сообщение из Мессантии, полученное только что Вибием Латро с голубиной почтой. — Наклонившись, он подал жрецу небольшой свиток.

Туландра Ту поднялся и, поднеся свиток поближе к одной из свечей, стал читать. Его губы сжались, так что рот превратился в едва различимую тонкую линию. Наконец он вымолвил:

— Да, госпожа Альсина, боги моего дальнего острова, кажется, совершенно безразличны к судьбе своего баловня!

— Что случилось на этот раз? — спросила Альсина, поднимаясь из-за стола.

— Принц Кассио отправил послание из Рабирийских гор домой в Мессантию. Похоже, что Конан, оправившись от болезни, переправился через Алиману и при

поддержке пуантенских лордов и крестьян наголову разгромил Приграничный Легион. Старый сотник Громель перешел со своим отрядом на сторону восставших; Аскаланте, скорее всего, бежал. Среди убитых и пленных его не обнаружили.

Волшебник смял послание и взглянул на Альсину; его глаза горели такой яростью, какой она не встречала во взгляде ни одного из смертных. Он прохрипел:

— Иногда мне хочется уничтожить тебя, растоптать, как упавшую свечу. Я обладаю силой заклинания, способного обратить моего врага в горсть праха, без единого проблеска огня и завитка дыма...

Альсина отпрянула, заслонилась руками, но ей было не скрыться от колдовского взгляда чародея. Ее тело вспыхнуло, словно охваченное языками пламени, вырвавшимися из разверзшегося жерла печи. Что-то жгло ее изнутри, она зажмурила глаза, чтобы избежать магических волн, исходящих от жреца. Когда Альсина все же решилась раскрыть их, она едва успела вскинуть руки, чтобы заслониться от чудовищного взрыва, и рот ее искажился истерическим криком.

На том месте, где еще мгновение назад находился колдун, сейчас извивался огромный змей. Голова чудовища покачивалась у самого лица девушки, глаза щели пускали разъедающие лучи, проникающие в самую душу Альсины, ужасающий змеиный запах разьедал ноздри. Чешуйчатые челюсти широко раскрылись, обнажая пару острых, как кинжалы, клыков, и чудовищная голова метнулась к Альсине. Отскочив, она вновь зажмурилась, а когда открыла глаза, перед ней снова стоял Туландра Ту.

С кривой усмешкой, перерезавшей его узкое лицо, колдун прошипел:

— Не бойся, несчастная. Я не собираюсь уничтожать мои орудия, пока они достаточно остры.

Все еще дрожа от ужаса, Альсина нашла в себе достаточно самообладания, чтобы спросить:

— Вправду ли ты обернулся змеем, о господин, или мое сознание помутилось, повинуюсь твоему колдовству?

Туландра не обратил внимания на ее вопрос.

— Я лишь напомнил тебе, кто из нас хозяин, а кто слуга.

Альсина была рада сменить тему разговора. Кивнув на смятый пергамент, она спросила:

— Как Фадий узнал о сообщении принца Кассио?

— Мило Аргосский объявил народное празднество по поводу победы бунтовщиков. Теперь ясно, на чьей стороне этот старый дурак. И еще: Мило распорядился изгнать Кесадо из своего царства; в последний раз нашего неудавшегося посла видали едущим под охраной гвардейцев Мило по дороге в Аквилонию. Я прикажу Вибию Латро назначить этого идиота дворцовым мусорщиком: больше он ни на что не годится.

Ну, теперь-то, я надеюсь, наш надоедливый полумный король оставит все государственные дела в моем ведении и полностью предастся своим детским забавам. Я должен хорошо обдумать мой следующий ход в этой игре с фортуной, где наградой может стать царство. Можешь идти, Альсина. Хсяо позаботится о том, чтобы тебя накормили, напоили, одели и дали вымыться.

Протянувшаяся на лигу сверкающая сталью река, на которую походила сейчас движущаяся Армия Освобождения, петляя вокруг лесистых холмов, огибая поля и поместья, приблизилась к вратам крепости Куларио. Едущий во главе войска Конан остановил коня, увидев широко распахнутые ворота. Над крепостными башнями реяли знамена с темно-красными леопардами — гербом Пуантена. Там, за стенами города, толпы народа загрохотали тротуары по обе стороны узкой улицы. В голове Конана зашевелилась его варварская подозрительность, в ожидании обмана, на который способны горожане.

Обернувшись к Троцеро, на белом коне ехавшему рядом с маршалом, Конан пробормотал:

— Уверен ли ты, что это не ловушка, в которую нас хотят заманить аквилонцы?

— Ставлю свою голову, что нет! — беззаботно отвечал тот. — Мне ли не знать своих людей.

Конан с минуту вглядывался в открывшийся перед ним город и сказал раздраженно:

— Пожалуй, мне не стоит изображать из себя завоевателя. Погоди-ка.

Он расстегнул ремни, снял шлем и повесил его на луку седла. Затем, гремя железом, спешился и пошел к воротам, ведя коня в поводу.

Так Конан Освободитель скромно вошел в Куларио, хмуро кивая толпившимся по обеим сторонам дороги горожанам. На голову маршала сыпались лепестки ароматных цветов; ему навстречу летели приветственные крики. Следуя за Конаном на коне, Просперо нагнулся к уху Троцеро и прошептал:

— Не слишком ли рано начали мы спорить о том, кто сменит Нумедидеса на аквилонском престоле?

Князь Троцеро ответил кривой улыбкой и пожал закованными в железо плечами, поднимая руку в приветствии восхищенным и преданным горожанам.

В своем дворце Туландра Ту сидел, склонившись над картой, развернутой на невысокой скамье с разложенными по углам золотыми слитками. Он обратился к Альсине, хорошо отдохнувшей после многодневной дороги, одетой в развевающийся хитон из желтого сатина, облегающий ее стройное тело и изящно оттеняющий густые черные волосы.

— Один из лазутчиков Латро сообщает, что Конан со своим войском находится в Куларио, отдыхает от битвы и длительного перехода. Вскоре они выступят на север, вдоль Хорота — на Тарантию. — Он ткнул в карту длинным ухоженным ногтем. — Остановить их можно вот здесь, у Имирийского откоса в Пуантене, который лежит на их пути. Единственная сила, обладающая достаточной мощью и временем, чтобы сделать это, — Королевская Приграничная Армия принца Нумитора, расположенная в крепости Тандара в Вестермарке, в Боссонии.

Альсина взглянула на карту и проговорила:

— Почему же ты не прикажешь принцу Нумитору немедленно выступить на юго-восток, оставив в крепости небольшой гарнизон?

Колдун сухо усмехнулся:

— Мы еще назначим тебя маршалом, милая. Гонец с приказом принцу выехал сегодня на рассвете.

Туландра Ту стал измерять расстояния на карте пальцами.

— Однако, как видишь, если Конаново войско выступит в ближайшие два дня, Нумитору ни за что не добраться до откоса раньше бунтовщиков. Мы должны задержать разбойников.

— Да, господин, но как?

— Я немного знаком с магией воздействия на погоду. Я устрою так, что киммерийцу придется задержаться в Куларио. Принеси-ка волшебные порошки и яды, посмотрим, на что годится мое колдовство.

Конан стоял на городской стене рядом с вновь выбранным наместником Куларио. Небо, которое еще мгновение назад было безоблачным, стало хмуриться, и они с тревогой смотрели, как бесконечная гряда свинцовых туч затягивала мутнеющую лазурь.

— Мне это не нравится, маршал, — проговорил наместник. — Лето было дождливым, и вот, похоже, опять начинается. Постоянные дожди ничуть не лучше для урожая, чем засуха. Ну, вот! — закончил он, вытирая со лба огромную дождевую каплю.

Когда собеседники спускались по лестнице, навстречу им появился Просперо.

— Маршал! — закричал он. — Ты опять прогнал своего телохранителя!

— Именем Крома, мне нужно иногда побыть одному! — прорычал Конан. — Ни к чему мне твои няньки.

— Это цена власти, маршал, — сказал Просперо. — Ты теперь не просто наш полководец, ты стал символом движения, нашим духовным отцом. Мы должны беречь тебя, как берегут воинское знамя, как хранят священные реликвии. Если врагу удастся убить тебя, — считай, победа за ним. Поверь мне, город кишит шпионами Вибия Латро, ждущими случая, чтобы подсыпать яду в твоё вино или всадить кинжал в спину.

— Ах, эти стервятники! — прокряхтел Конан.

— Да, но ты можешь умереть от жала ползущего гада так же, как и любой смертный. Поэтому, маршал, у нас нет выбора, как только ходить за тобой, как за

новорожденным принцем. Тебе придется примириться с этим.

Конан брезгливо вздохнул.

— Да, вот во что превратилась жизнь безлошадного странника, каким я когда-то был. Ладно, вернемся во дворец наместника, пока этот ливень не смыл нас с лица земли.

Конан и Просперо быстро зашагали по булыжной мостовой, толстый наместник, тяжело дыша, семенил сзади.

Над их головой небеса разверзлись огнедышащей трещиной, страшным раскатом загрохотал гром. Дождь пошел сплошной стеной.

IX. Стальной конь

Пока над перепуганным Пуантемом бушевала гроза, да такая, какой никто из жителей не припомнил, Тарантия купалась в теплых лучах великодушного солнца. Стоя на балконе дворца Туландра Ту, сопровождаемый Альсиной и Хсяо, смотрел на убегающие вдаль поля центральной Аквилонии, золотящиеся на солнце созревающими колосьями пшеницы. Обращаясь к танцовщице, вновь помолодевшей и прекрасной, с драгоценными камнями, блистающими в черных волосах, в новом сатиновом одеянии, облегающем ее грациозное тело, колдун проговорил:

— Колесо небес подсказывает мне, что духи воздуха сослужили хорошую службу. Моя гроза бушует над Пуантемом, а когда она кончится, южные дороги и мели на каждой речушке станут непроходимыми. Войско Нумитора торопится из Вестермарка, и я должен присоединиться к нему.

Альсина улыбнулась:

— Ты хочешь сказать, что собираешься к месту битвы, господин? Иштар! Твое ли это дело? Могу ли я узнать, зачем?

— Войско Нумитора уступает бунтовщикам числом; и, несмотря на форсированный марш, Ульрик Раман-

ский прибудет в Пуантен в лучшем случае через две недели после принца. Кроме того, я не могу доверять принцу Нумитору, он не отличается особой честностью, поэтому-то наш мошенник-король оставил в живых своего двоюродного брата, истребив всех остальных родственников. Я не могу доверить принцу оборонять Имирийский откос до подхода князя Ульрика. Мне придется держать его под контролем.

Колдун обернулся к слуге, узкоглазому телохранителю, который прибыл с ним из далеких заморских земель и сейчас стоял рядом с хозяином с видом, как всегда, непроницаемым.

— Хсяо, приготовь мою колесницу и собери все, что нам может понадобиться. Отправляемся завтра.

Почтительно наклонив голову, слуга удалился. Обернувшись к Альсине, Туландра Ту продолжал:

— Духи воздуха повиновались мне, посмотрим теперь, чем помогут нам духи земли. А тебя, Альсина, я оставляю здесь за себя.

— Меня, хозяин? О нет; я не достойна занять твое место.

— Ерунда, я объясню, что нужно делать. Прежде всего, тебе следует научиться сообщаться со мной при помощи Зеркала Птахмесу.

— Но ведь у тебя нет волшебного талисмана!

— В нем нет нужды. В отличие от тебя, я могу вызывать нужные образы силой воображения. Пойдем, некогда терять время.

Хсяо вывел из королевской конюшни коня, которого запрягали в колесницу Туландры. При беглом взгляде он мог показаться обыкновенным черным жеребцом; однако, если присмотреться, можно было заметить странный металлический блеск, которым отливала кожа животного. Более того, этот конь не бил копытами о землю и не отгонял хвостом надоедливых мух.

Вообще-то и сами мухи его не очень жаловали, хотя воздух во дворе конюшни полнился их гудением. Жеребец стоял без движения, пока Хсяо не подал ему команду, непонятную для тех, кто мог бы ее услышать; животное немедленно повиновалось.

Хсяо повел коня к каретному сараю и повернул его к месту, где стояла колесница Туландры. Когда конь

задел копытом ось колесницы, раздался странный металлический звон.

Колесница колдуна, двухколесная повозка, выкрашенная в красный цвет, была украшена золочеными извивающимися змеями; в глубине ее виднелась широкая скамья. Пара резных столбиков поддерживала выгнувшуюся аркой деревянную раму, крытую полотном. Крыша была необычной; по полотну были выпиты загадочные знаки, среди которых зоркий глаз мог различить изображение луны и главных созвездий южного полушария.

Хсяо уложил вещи в ящик под скамьей, а полку над ней устелил шелковыми подушками. Между делом он мурлыкал себе под нос немудреную кхитайскую мелодию, построенную на причудливых полутонах.

Конан и Троцero смотрели на сплошную стену дождя за окнами дворца наместника. Конан пробормотал:

— Вот уж не знал, что твоя земля лежит на дне моря, князь.

Князь покачал головой:

— Никогда в жизни не видел я такого ливня. Без колдовства здесь не обошлось, поверь мне. Думаешь, Туландра Ту...

Конан хлопнул князя по плечу:

— Вы, аквилонцы, видите волшебство в каждой тени! Только тебе отдавят ногу, и ты уже готов поклониться, что это козни Туландры Ту. Из моего опыта с колдунами я не могу сказать, что они настолько страшны, как кажется... Что скажешь, Просперо? — обратился он к вошедшему сотнику.

— Разведчики вернулись, маршал. Они сообщают, что все дороги непроходимы. Даже ничтожные ручейки обратились в бушующие потоки. Нет смысла выводить войско, нам не продвинуться и на лигу от города.

Конан пробормотал проклятие.

— Твои опасения насчет тарангийского колдуна подтверждаются, Троцero.

— Да, и у нас гости, — продолжал сотник. — Северных баронов, которые выехали из города до подхода нашего войска, застал ливень, и им пришлось вернуться.

Улыбка осветила мрачное, обезображенное шрамами лицо маршала:

— Слава Крому, хоть одна добрая весть. Давай их сюда!

Просперо ввел пятерых мужчин в дорогих шерстяных одеждах, забрызганных грязью с ног до головы. Троцero представил барона Роальдо из Имируса, чьи владения находились в северном Пуантене. Этот дворянин, бывший офицер королевской армии, седоволосый, но вида самого бравого, привел в Куларио остальных и теперь стал представлять их киммерийцу.

Конан заметил, что эти вельможи отличались друг от друга характерами — один был коренаст, румян и полон шумного оживленного веселья; другой строен и изыщен; еще один — тучен и явно охоч до съестного и выпивки, двое хранили мрачное выражение лица и с трудом выдавали лишь пару слов. Хотя они все были непохожи друг на друга, но единодушно поддерживали восстание, ибо уже не в силах были терпеть алчных сборщиков налогов, которых насылал Нумедидес, — их древняя гордость взбунтовалась против королевской дружины, что стояла на их исконных землях, чтобы собирать ежегодную дань и с землевладельца, и с крестьянина. Они жаждали падения тирана и гадали, кто же станет преемником Нумедидеса, чтобы заранее заслужить милость нового владыки.

После того как бароны отдохнули и сменили платье, Конан с друзьями выслушал их жалобы и узнал их сокровенные надежды. Конан обещал немного, но его сочувственный тон создал у каждого впечатление, что после смены правительства его ждет важный пост при дворе.

— Предупреждаю вас, господа, — сказал Конан, — Ульрик, князь Раманский, пройдет с войском по вашим землям, — он движется на юг, чтобы биться с нами.

— Что за войско может быть у этого старого пня? — скривился барон Роальдо. — Наверняка какой-нибудь сброд. На киммерийской границе уже давно царят мир и спокойствие, и для охраны ее не требуется крупных сил.

— Не совсем так, — отозвался князь Пуантенский. — Мне говорили, что Северное Войско почти не

имеет себе равных по силе и может похвалиться старыми войнами, на веку которых немало боев на границах. Да и сам князь Раманский — искусный стратег, это он вырвался из мешка в Векариуме много лет назад.

Конан угрюмо усмехнулся. Мальчишкой он ушел с киммерийской ордой, которая разграбила крепость Векариум, но об этом он не стал распространяться. Он обратился к баронам:

— Я не сомневаюсь, что Нумедидес пошлет войско из Вестермарка, это недалеко, и они будут здесь скоро. Вы должны поспешить обратно, чтобы задержать их по крайней мере до того, как мы побьем боссонцев.

Князь Троцero пристально изучал баронов.

— Можно ли собрать боеспособные силы, не возбуждая при этом подозрений среди королевской дружины, что стоит в ваших землях?

Ответил Аммиан, барон Рондский:

— Эти кузнечики собираются только к урожаю, чтобы забрать себе плоды нашего труда. Хвала богам, они появятся только через месяц или два.

— Но, — возразил тучный Юстин, барон Армавирский, — подобного рода военные действия на наших землях потрепят и нашу казну, и наш народ. Может быть, нам и удастся удерживать сира Ульрика, но только до тех пор, пока он не примется жечь наши поля, громить деревни и преследовать нас самих.

— Если маршал Конан не сможет взять Тарантию, мы в любом случае попадем в опалу и будем лишены всего, — воспротивился суроволицый Роальдо. — Скоро до ушей королевских шпионов дойдет весть о том, что мы примкнули к восстанию. Лучше поставить на кон золотого орла, чем медяшку.

— Верно он говорит, — молвил Аммиан Рондский. — Если мы не повергнем тирана, нам не миновать петли или плахи, — что бы мы ни делали. Дерзнем же поднять наши головы и отстоим нашу свободу, невзирая на все опасности, что окружают нас.

Наконец согласились все пятеро, — одни с воодушевлением, другие — с сомнением. И было решено, что как только погода прояснится, бароны отправятся на север, в свои земли и поскачут, полетят как стрела,

как солома перед бурей, чтобы поскорее оказаться на месте и встать на пути Северного Войска князя Ульрика, когда он попытается пройти через их владения.

Вечером, когда бароны удалились на отдых, Просперо спросил Конана:

— Как ты думаешь, они успеют вовремя?

— И даже если успеют, — добавил Троцери, — то будут ли они верны своим новым союзникам, если Нумедидес стальной стеной преградит нам путь или стены Тарантии окажутся неприступными для нас?

Конан пожал плечами:

— Я не пророк. Только боги могут читать в сердцах людей.

Колесница колдуна с грохотом промчалась по улицам Тарантии, — Хсяю, упираясь ногами, правил; Туландра Ту, в плаще с капюшоном, восседал на обложенной подушками скамье. Горожане, увидев колесницу, отворачивались, прятали лица. Если встретишь темные глаза колдуна, он может обратить на тебя внимание, а все считали, что этого лучше избегать. Ибо не было ни одного человека, которому не приходилось бы слышать о его дьявольских опытах и о пропавших девочках.

Когда колесница подкатила к большому бронзовому порталу южных ворот, они распахнулись, пропуская ее, и тут же закрылись. Очутившись на открытой дороге, странный конь поскакал в два раза быстрее, чем обычные жеребцы, — колесница подпрыгивала и качалась, поднимая облако мелкой пыли. Они делали каждый день больше сорока лиг по белопыльной дороге, и железную колесницу не останавливала ни жара, ни дождь, ни ночной мрак, — она мчалась к своей цели. Когда Хсяю уставал, за вожжи брался его хозяин. На привалах желтолицый жадно ел солонину и забывался тяжелым сном. Хсяю не знал, смыкал ли его хозяин глаза хоть раз.

Через несколько дней они достигли восточного берега Хорота. Колесница Туландры Ту подкатила к большому мосту, переброшенному через реку при короле Вилере Первом. Здесь Королевский Путь, который пе-

ред этим вился, повторяя изгибы реки, упирался в мост и дальше шел уже по западному берегу. Мост высился на шести каменных быках, вбитых в дно реки, на нем был деревянный настил, крутым скатом спускающийся к земле.

Перевозчик, увидев украшенную гербами колесницу, низко поклонился и перевез их на тот берег. Ступив на землю, Туландра обвел взглядом окрестности. Когда он заметил облако пыли, клубящееся впереди над дорогой, мрачное выражение его губ сложилось в тонкую улыбку. Вероятно, это скачут кони принца Нумитора, взрывая тяжелыми копытами рыхлую землю и вздымая пыль к небу, — подумал он, — если так, то его расчеты относительно времени и расстояния оказались верны. Они встретятся там, где Боссонский тракт сливается с дорогой на Пуантен.

Колесница прогремела по причалу и устремилась на юг. Через час Туландра Ту нагнал колонну всадников. Она приблизилась, и воины в хвосте колонны сразу узнали ее. Когда весть передалась в другой конец колонны, всадники торопливо повернули своих коней в стороны, пропуская королевского колдуна. Черный железный жеребец оставлял их коней позади — те робели, плясали, пятились, скалили зубы, — к изумлению всадников.

Во главе колонны колдун увидел принца Нумитора, — он был на огромном коне. Как и его двоюродный брат, король, принц был крепкого сложения, борода и волосы — с рыжеватым оттенком. Во всем остальном он представлял собой полную противоположность, — простодушные голубые глаза, широкие брови, обожженное солнцем лицо, благородный облик, — на всем этом лежал отпечаток искренности и доверчивости.

— Как, Мессир Туландра! — с удивлением воскликнул принц. Хсяю тем временем правил чудесным конем. — Что привело тебя сюда? Ты привез какое-то срочное послание от короля?

— Принц Нумитор, тебе понадобится мое колдовское искусство, чтобы задержать идущих к северу мятежников.

Принц поморщился:

— Я не люблю прибегать к магии, когда веду войну; сражаться так, это недостойно мужчины. Но если тебя послал мой царственный брат, я не могу не воспользоваться этим.

Прикрытые капюшоном глаза колдуна блеснули угрозой.

— Я говорю от имени истинного правителя Аквилонии, — произнес он. — И мои приказы должны исполняться. Если мы будем двигаться быстро, мы выйдем к Имирийскому откосу раньше мятежников. У тебя только два вот этих конных полка?

— Нет, еще четыре пеших, идут следом. Они еще не прошли до конца Боссонский Путь.

— Не слишком много, хотя нас ждет встреча всего лишь с кучкой оборванных, необученных мошенников. Если мы сможем держать их внизу, не давая взойти на утес до прихода князя Ульрика, мы их разобьем в пух и прах. Когда мы поднимемся на утес, мне понадобятся пятеро воинов — опытных охотников — для кое-какого дела.

— Для какого дела, сир?

— Об этом я расскажу тебе позже. Довольно того, что я скажу тебе, — я задумал колдовство, и для этого мне нужны искусные звероловы.

Наконец дождь в Куларио прекратился. Северные бароны и их свита выехали в путь — на грязную дорогу, над которой поднимался пар, — лужи высыхали под летним солнцем. Вскоре после этого по этой же дороге двинулось Войско Освобождения, — оно держало путь на север, к центральным провинциям и дальше, к горделивой Тарантии, к дальним берегам Хорота.

В каждом городке, в каждой деревушке, через которую проходили легионы Освободителя, они пополнялись новыми воинами: то были старые рыцари, жаждавшие принять участие в славной битве под конец своих дней; закаленные в прежних сражениях дружинники, которые воевали вместе с Конаном на пиктской границе; поджарые охотники и звероловы, которые видели, что Конан так же крепко связан с природой, как и они; разбойники, прячущиеся руки закона, и ссыль-

ные, привлеченные обещанием прощения тех, кто будет сражаться под Знаменем Золотого Льва; йомены, торговцы и ремесленники; дровосеки, углежог, кузнецы, каменщики, мостильщики дорог, ткачи, валяльщики сукна, менестрели, писцы — все, кому было нечего терять и кто хотел постоять за себя, вливались в войско Освободителя. Они получали оружие из арсенала мятежников, и их было так много, что Конан, в конце концов, настоял на том, чтобы каждый приходил вооруженным — пусть даже простым топором.

Конан и его товарищи принялись за тяжкую задачу — сплотить этих пылких добровольцев в какое-то подобие военной силы. Они разбили людей на полки и отряды, назначили из числа имеющих боевой опыт десятников и сотников. На привалах новоиспеченное начальство устраивало утомленным людям простейшие учения, ибо, — как их предупредил Конан, — «без постоянной боевой выучки орда таких вот сырых новобранцев обратится в бегущее с визгом стадо, едва лишь прольется первая кровь».

Между деревнями южного Пуантена и Имирийским утесом тянулся великий Броцельонский лес, дорога вилась по нему, как змея среди папоротников. Когда мятежники подошли к лесу, песни пуантенских добровольцев поутихли. Конан видел, что все больше и больше новобранцев шагает в угрюмом молчании, с недобрим предчувствием поглядывая на деревья, смыкающиеся над головой арками.

— Что их тревожит? — спросил Конан у Троцера вечером, когда они сидели в палатке командора. — Можно подумать, эти леса кишат ядовитыми змеями.

Седовласый князь снисходительно улыбнулся:

— У нас в Пуантене только одна змея — гадюка, и то их не очень много. Но головы здешних людей забиты крестьянскими суевериями, — мол, дескать, в лесу обитают какие-то нелюди, которые могут наложить на них чары. У подобных верований есть и хорошая сторона, — из-за них лес — прекрасное, никем не тронутое место охоты для моих баронов и моих друзей.

Конан нахмурился:

— Вот когда мы взойдем на утес и захватим Имирийское плато, они наверняка выдумают себе каких-

нибудь новых духов. В этой части Аквилонии мне не приходилось бывать, но по моим расчетам, до утеса нам остался один дневной переход. Что там с проходом на плато, где он находится?

— В скалах есть глубокая расселина — там, где бурная Битакса, приток Алиманы, водопадом обрушивается вниз. Дорога идет кругами вверх, на плато и начинается в расселине, в этих скалах. Она зовется у нас ущельем Великанов и очень узкая, кругая и скользкая. Недоброе место для встречи с врагом, если он займет утес! Молись своему Крому, чтобы Пограничные Отряды Нумитора не опередили нас.

— Крому мало дела до молитв людей, — сказал Конан, — по крайней мере мне в детстве так говорили. Он вдыхает в каждого смертного силу, чтобы противостоять врагу, — в общем-то, это все, чего разумный человек может просить у богов, которые заняты своими собственными делами. Но нам не нужно рисковать и лезть в эту гибельную ловушку. Завтра на рассвете возьми сильный отряд разведчиков и обследуй утес.

Спотыкаясь, вошел Публий с охапкой счетовых книг, и Троцero оставил Конана изучать состояние обоза. Князь пошел в палатки пуантенских конников и отобрал сорок опытных меченосцев — для предстоящей разведки.

Великое ущелье лежало высоко над головами воинов Троцero, его выступающие стены прятали от полуденного солнца темные колодцы мрака. Князь и разведчики сидели в креслах, глядя вверх, на гребень утеса, тщательно напрягая глаза в поисках предательского солнечного блика, отраженного вражьиими латами. Не было видно и дыма лагерных костров. Наконец Троцero проговорил:

— Разъедемся по лесу и встретимся на дороге, четверть лиги назад, там, где над лесной тропой нависают высокие скалы. Ты, Вописко, поедешь с половиной отряда на восток, и мы с тобой встретимся там через час. Я — на запад.

Отряд разделился на две половины, и всадники пустили коней в густые заросли, что стелились вдоль дороги. Проехав через них, они двинулись дальше, по

неввысоким кустикам, под могучими стволами девственных дубов.

Некоторое время всадники Троцero ехали молча, кони бесшумно ступали копытами по толстому ковру рассыпанных листьев. Вдруг один охотник, который ехал в первом ряду, поднял руку и, повернувшись в седле, тихо сказал:

— Господин, впереди какие-то люди. Я думаю, конные.

Всадники подъехали друг к другу — напряженные, в недобром предчувствии — и остановили коней. Троцero заметил какое-то тревожное шевеление между тенстыми деревьями и услышал странные голоса.

— К оружию! — прошипел князь. — Готовьтесь к бою, но оставайтесь на месте, пока я не дам команду. Мы не знаем, друг это или враг.

Двадцать мечей с шелестом выскользнули из ножен, всадники ослабили то правый, то левый повод, пока, наконец, не выстроились под деревьями в цепь. Голоса слышались громче, и за облезлыми стволами бессмертных дубов показалась группа конников. Троцero, направляя меч в сторону всадников, дал сигнал к бою.

Пуантенцы, вилля меж деревьев, двигались на чужаков. Вскоре те заметили их.

— Сдавайтесь! — закричал Троцero и, резко натянув поводья, осадил коня. Тот понятился, закатывая глаза, и встал на дыбы.

Пятеро всадников, безоружных, но одетых в белые плащи с вышитым черным аквилонским орлом, застыли на месте. Все, кроме одного, тащили за собой пленных, на шеи которых были надеты грубые веревки. Пленные, — трое мужчин и одна женщина — или самцы и самка? — были ростом не больше детей, их нагота была частично скрыта тонкой светло-коричневой шерстью, вроде как у олененка. Над курносым, человеческим лицом поднималась пара остроконечных ушей. Когда их мучители побросали веревки, чтобы выхватить мечи, существа, оказавшись на свободе, бросились бежать. Троцero заметил, что у каждого сзади торчал короткий хвостик, белый снизу, как у оленя.

Командор аквилонцев пришел в себя и прокричал приказ. Его воины тотчас же хлестнули плетью коней и ринулись вперед.

— Убейте их! — крикнул Троцero.

Пятеро всадников, пригнувшись к шее коней, с разбегу налетели на пуантенцев, — смертью горели их мрачные глаза. Мятежникам не удалось образовать прочную цепь, — везде были деревья, — и аквилонцы нацелились на эти просветы. Их предводитель наскочил на Троцero, выставив меч, как пику. Справа и слева воины князя, горя мстительной яростью, отчаянно бились с врагом.

Все смешалось в диком месиве. Лес оглашался криками, освещался белыми вспышками ужаса в глазах людей, которых подхлестывала ярость отчаяния. Двое воинов напали на аквилонца, — тот на полном скаку размахивал смертоносным мечом над лохматой головой. Один вонзил клинок в руку, державшую меч, другой взмахнул что есть мочи мечом, оставив в боку скачущего коня глубокую рану. Но конь, заржав от боли, все же не остановился, и всадник скрылся.

Меч князя скользнул по клинку, искавшему его смерти, и на шесть дюймов вошел в грудь, украшенную орлом-эмблемой. На Троцero обрушился поджарый, мускулистый предводитель аквилонцев, — тот со звоном отразил удар, — песнью смерти звучал скрежет стали о сталь. Пятеро коней прорвали цепь и унеслись, как листья на осеннем ветру, — с четырьмя всадниками. Пятый остался лежать навзничь на рыхлой, усыпанной листьями земле, в лесу, — кровь медленно растекалась по белому плащу.

— Кремио, — прокричал князь, — бери свой отряд, и в погоню! Постарайся захватить кого-нибудь живым!

Троцero вернулся на изрытую копытами поляну, измятая трава которой носила следы яростной схватки. Бросив взгляд на распростертого на земле воина, он проговорил:

— Десятник, проверь, жив ли этот негодяй.

Пока десятник спешивался, приблизившийся воин обратился к Троцero:

— Он мертв, мой господин. Я насадил его на клинок, когда мы столкнулись.

— Так точно, — кивнул десятник, осмотрев тело.

Троцero пробормотал проклятье.

— Он был нужен нам для допроса!

— Вот один из их пленников, — проговорил десятник, склоняясь над обнаженным телом, распростертым на земле, словно рваная рогожа. — Должно быть, бедняга попал под копыта коня и был затоптан.

Троцero прикусил нижнюю губу, задумавшись.

— Да. Я думаю, один из тех сказочных сатиров, о которых так любят судачить крестьяне.

Суеверный ужас отразился на лице десятника, он отдернул от тела поднятую руку и спросил, поднимаясь и отступая назад:

— Что же с ним делать, о господин?

Сатир, чьи запястья были туго связаны тонким ремнем, приоткрыл глаза и, обнаружив окруживших его всадников, с трудом поднялся на ноги. Дрожа от ужаса, он попытался было бежать, но десятник поймал веревку, свисавшую с его шеи, и заставил сатира утомиться.

Когда лесной человек вновь распростерся на земле, Троцero обратился к нему:

— Ты можешь говорить?

— Угу, — проговорил сатир на ломаном аквилонском. — Хорошо говорить. Свой язык говорить, твой язык говорить мало. Что со мной делать?

— Это решать нашему маршалу, — ответил Троцero.

— Ты не рубить голову, как другие?

— Мне ни к чему отрубать тебе голову. Почему ты считаешь, что те, другие, сделали бы это?

— Другие хватать нас для жертвоприношения.

Князь нахмурился:

— Понятно. Тебе нечего бояться. Однако мы должны привести тебя в наш стан. Как тебя звать?

— Я Гола, — ответил сатир спокойно.

— Ладно, Гола, поедешь с одним из моих всадников. Понятно?

— Я бояться лошадей, — сатир потупил взгляд.

— Придется потерпеть, — сказал Троцero, подавая знак десятнику.

— Ну, давай, — проговорил десятник, подхватив сатира с земли.

Он снял петлю с шеи Гола и, осторожно обмотав веревку вокруг талии лесного человека, привязал конец к поясу всадника, на чьем коне очутился сатир.

— Все будет в порядке, — улыбнулся десятник. Вскочив в седло, он развернул отряд по направлению к лагерю.

Отряд, посланный в погоню за аквилонцами, добрался до ущелья Великанов, когда беглецы уже скрывались за крутым склоном. Опасаясь засады, пуантенцы решили прекратить преследование.

По прибытии в лагерь, Троцero докладывал о результатах своей вылазки собравшимся в маршальском шатре вождям повстанцев. Конан, осмотрев пленника, сказал:

— Мне кажется, путы на твоих руках чересчур туги, приятель Гола. В них нет нужды.

С этими словами маршал обнажил кинжал и приблизился к сатиру. Тот съехался от смертельного страха и взмолился:

— Не убивай! Мне обещать! Не убивай!

— Да успокойся ты! — пробурчал Конан, обхватив запястья пленника своей ручищей. — Я тебя не трону.

Он одним движением перерезал путы и вложил клинок в ножны. Гола недоверчиво зашевелил онемевшими пальцами, морщась от боли.

— Так-то оно лучше, — проговорил маршал, садясь за грубо сколоченный стол, и поманил к себе сатира.

— Пьешь вино, Гола?

Сатир заулыбался и кивнул. Конан подал знак слуге.

— Маршал, — воскликнул Публий, — запасы вина подошли к концу. Еще несколько бурдюков — и нам придется довольствоваться пивом.

— Ерунда, — поморщился Конан, — подать вина! Немедийцы говорят: «Истина в вине». Посмотрим, верно ли это.

Публий, Троцero и Просперо переглянулись. С момента появления сатира Конан стал проявлять необъяснимую симпатию к этому лесному созданию. Словно маршал, и сам будучи выходцем из дикой глуши, чувствовал непреодолимую тягу к родному по духу детищу природы, насильно вырванному из непроходи-

мых чащ людьми, чьи цели и поступки были лишены здравого смысла.

Когда полбурдюка было выпито, Конан узнал от сатира, что два полка аквилонской конницы укрепились на плато над Имирийским утесом. Их лагерь находился на вершине, откуда они могли бы отразить нападение восставших, если бы те решились совершить восхождение по дну ущелья Великанов, на четверть лиги в глубь плато. В течение нескольких дней королевские отряды охотились на сатиров на лесистых склонах ущелья. Пойманных отводили в лагерь и, связанных, запирали в специально выстроенном сарае.

— Мои люди в ущелье, — грустно сказал Гола, — волшебные трубы... не успеть.

Не обратив внимания на бормотание сатира, Конан спросил:

— С чего ты взял, что аквилонцы хотели использовать кровь твоих людей для жертвоприношений?

Сатир скромно посмотрел на маршала:

— Мы знаем. Мы тоже уметь волшебство. Большой колдун, там, на вершине.

Конан задумался, всматриваясь в сморщенное лицо собеседника.

— Гола, если мы прогоним разбойников с утеса, тебе больше нечего бояться. Помоги нам, и мы вернем твоему народу леса.

— Как я знаю, что делать большие люди? Большие люди убивать мой народ.

— Нет, Гола. Мы ваши друзья. Смотри, ты свободен, — Конан указал на полог, скрывавший выход из шатра. — Можешь идти.

На лице сатира загорелось выражение детской радости. Конан, подождав, пока сатир освоится с новостью, проговорил:

— Теперь, раз мы будем спасать твоих людей от жертвенного котла колдуна, нам нужна ваша помощь. Как я смогу тебя найти?

Гола протянул Конану маленький костяной свисток, который снял со своей шеи, где он висел на веревке.

— Иди в лес и дуй, — сатир поднес свисток к губам и надул щеки.

— Но я ничего не слышу, — удивился Конан.

— Нет. Сатир слышать. Бери.

Конан уставился на крошечную свистульку, едва заметную в его богатырской ладони. Удивленные вожди нахмурились: что толку в этой никчемной игрушке?

Конан засунул свисток в пояс и мрачно проговорил:

— Спасибо, малыш.

Затем, вызвав слуг и часового, он распорядился:

— Проводите Голу в лес, за лагерь. Да смотрите, чтобы никто его не обидел: наши воины могут принять его за злого духа и, чего доброго, прирежут. Прощай, Гола.

Когда сатир удалился, Конан обратился к своим военачальникам:

— Нумитор притаился на плато над ущельем Великанов и ожидает, чтобы мы начали восхождение. Что вы об этом скажете?

Просперо пожал плечами:

— Мне кажется, он слишком надеется на этого «большого колдуна» — королевского шамана, вне всякого сомнения.

Троцери покачал головой:

— Скорее всего, он даст нашим отрядам возможность подняться на вершину, чтобы встретиться в честной битве. Нумитор известен своим благородством и ведет войну по законам чести.

— Он должен знать, что наше войско превосходит его армию числом, — нерепительно вставил Публий.

— Да, — возразил Троцери, — но его войско набрано из лучших аквилонских солдат. А наше? — сброд новичков. На его стороне стремительность и дисциплина...

Спор был долгим и безрезультатным. Когда догорел закат и над лагерем опустилась непроглядная ночь, Конан со звоном опустил на стол кубок.

— Мы не можем вечно сидеть здесь и гадать о намерениях Нумитора. Завтра войско начнет восхождение по дну ущелья. Всем быть готовыми к немедленной атаке.

Х. Кровь сатиров

Принц Нумитор, пытаясь успокоиться, обошел свой лагерь. Костры, на которых готовили ужин, догорали, полки Королевских Пограничников уже заснули. Было новолуние, и звезды, мерцая в густеющих сумерках, точно алмазы, нашитые на темно-синий ночной плащ танцовщицы, неспешно катились к западу. Проворная тень прочертила темнеющий горизонт — на охоту вылетела летучая мышь. В вершинах деревьев зашумели, забили крыльями птицы.

Принц прошел мимо часовых и направился к ко-согору, где колдовал Туландра Ту. Позади волшебника, в лесной чаще темным силуэтом притих лагерь. Впереди был крутой откос, слева зияла черная пасть ущелья Великанов. Из затихшего лагеря не доносилось ни звука, но что-то беспокоило принца, и он никак не мог понять что.

Принц прошел немного вперед и различил танцующие языки костра. Он поспешил на огонь, Туландра Ту в черном одеянии, как предвестник недоброго, склонился над костром, а Хсяо, стоя на коленях, подбрасывал сухие ветки. Над костром высился железный треножник, с которого свешивался бронзовый горшок, висящий на цепи. Поодаль, в траве, стоял огромный медный котел.

Когда Нумитор приблизился, колдун разогнулся и, порывшись в кожаном мешочке, достал хрустальную склянку. Бормоча заклинания на неизвестном языке, он вытащил пробку и вылил содержимое в кипящий горшок. В горшке что-то зашипело, вырвались клубы радужного дыма.

Взглянув на принца, Туландра Ту коротко поприветствовал его и снова уткнулся в свой мешочек.

— Мессир Туландра! — позвал Нумитор.

— Сир? — Колдун, однако, не оторвался от мешочка.

— Ты настаивал на том, чтобы разбить лагерь подалше от пропасти, — я удивился этому. Если мятежники проникнут в ущелье Великанов, они нападут на нас неожиданно и застанут врасплох. Почему бы утром

не перенести лагерь сюда, отсюда мы можем перебить врага, хотя бы просто забросав его камнями.

Глаза колдуна были скрыты темно-багровым капюшоном, но принцу чудилось, что в них светится огонь — как в глубинных пещерах, как у хищных зверей ночью.

Мягким голосом Туландра Ту произнес:

— Любезный мой принц, я вызываю демонов, и если они сделают то, что я хочу, а твои люди будут стоять вот на этом самом месте, им будет угрожать опасность попасть под мои чары. Я начну в полночь, осталось меньше трех часов. Когда будет нужно, Хсяо известит тебя обо всем.

Чародей всыпал в кипящий горшок еще порошка и помешал бурлящее варево серебряной палочкой.

— Теперь же я прошу твоего прощения, любезнейший, но я должен начертить пятиугольник, а ты со благоволити отойти подальше.

Хсяо подал Туландре Ту деревянный резной посох, который во время прогулок по лагерю служил ему опорой. Пока слуга подбрасывал в догорающий костер ветки, колдун посохом отмерил от него равноудаленные точки. Бормоча себе под нос, он начертил круг — двенадцать шагов в диаметре — и рассек его пересекающимися линиями. Следуя тайному ритуалу, в каждом углу пятиугольника он начертил некий символ. Принц ничего не понял — ни диаграмму, ни надписи, но почувствовал, что ему не особенно хочется вдаваться в нечестивые тайны колдуна.

Туландра стоял у костра, спиной к пропасти. Он произносил что-то на певучем иноземном наречии — молитву или заклятие. Обратившись лицом на восток, он повторил это еще раз, и так еще по разу на все стороны света. Нумитор увидел, как звезды потускнели, в прозрачном ночном воздухе появились неясные тени. Он услышал зловеющий свист невидимых крыльев. Решив, что ему лучше не присутствовать при безрассудных делах фаворита своего двоюродного брата, он, спотыкаясь, пошел в лагерь. Он отдал приказ поднять людей за час до полуночи, чтобы исполнить указание колдуна, и лег спать.

Через три часа Хсяо шепнул что-то на ухо часовому, и тот послал своего товарища разбудить принца. Нумитор отправился к откосу, где колдовал чародей, и по дороге повстречал колонну воинов, которые шли туда по приказу Туландры Ту. Каждый воин тащил за собой по пленному сатиру. Лесные люди были связаны, воины подгоняли их, и они визжали и выли от страха. Всего сатиров была дюжина.

Хсяо раздул костер, бронзовый горшок весело побулькивал и пускал в звездное небо клубы разноцветного дыма. По краткому приказу Туландры Ту первый воин волоком потащил извивающегося, визжащего сатира к медному котлу, что стоял в траве, и сунул туда его голову. В ушах стучал словно невидимый в темноте барабан, — или то бились сердца воинов, окаменевших от страха? Колдун молча перерезал сатиру горло. По знаку люди подняли жертву за колени, — в котел хлынула кровь. Потом колдун отдал негромкий приказ, и маленький трупик бросили в пропасть.

Туландра добавил порошок в свое зловеющее варево и произнес еще одно заклинание. Он кивнул головой следующему в ряду, и тот потащил своего сатира на заклинание. Остальные переминались с ноги на ногу. Один пробормотал:

— Это дело длится дольше, чем коронация. Скорей бы он покончил с этим и отправил нас спать.

Когда погиб последний сатир, небо на востоке уже побледнело. Костер, над которым висел бронзовый горшок, догорал, тлел угольями. По приказу хозяина Хсяо снял кипящий горшок и вылил бурлящее варево в котел, полный крови. Те, кто стоял поближе, увидели, — или им померещилось, — как из котла поднимаются призрачные тени, — но остальным показалось, что это всего лишь клубы пара. Никто не мог бы с уверенностью сказать, что он видел в обманчивых предрассветных сумерках.

Те, кто стоял на косогоре, услышали неподалеку шум шагов, — приближались люди. Они шли молча, но их топот и бряцание лат грубо вторглись в покойную утреннюю тишину.

Туландра Ту поднял голос до крика:

— Господин! Принц Нумитор! Прикажи своим людям уйти!

Внезапно очнувшись от сонного оцепенения, принц гаркнул:

— Стоять! Всем назад в лагерь!

Шаги становились все ближе, все громче, — войско было уже рядом. Колдун воздел руки к небу и произнес звучное заклинание. Хсяо подал ему ковш, — чародей зачерпнул ковшом зелья из котла и вылил его в глубокую щель в скалах. Отступив назад, он воздел в мольбе руки к светлеющему небу и снова выкрикнул заклинание на неведомом языке. Потом зачерпнул еще ковш и следом за ним — третий.

Колдун увидел, как по дороге из Куларио, там, где ее песчаная лента исчезала под покрывалом из листьев, едут два всадника. Они держали путь к ущелью Великанов и по дороге изучали лес и скалы, стеной возвышающиеся над ним. Потом показалась конница, за ней — отряды пеших воинов, шатающихся, несущих на плечах оружие.

Туландра Ту торопливо зачерпнул еще зелья из котла и снова поднял к небу костлявые руки.

Конан, ехавший в первом ряду, приподнялся на стременах, чтобы осмотреться вокруг. Разведчики нигде не заметили врага — ни в зарослях, тянувшихся вдоль лесной дороги, ни в ущелье Великанов, ни в нагроможденных скалах. Орлиный взгляд киммерийца скользил по скалистым утесам, нежно порозовевшим в косых лучах утреннего солнца. В его дикарской душе ворочалось недоброе предчувствие скрытой ловушки. Принц Нумитор не отличался гениальностью, — он знал это; но даже такой полководец, как он, должен был организовать оборону ущелья Великанов.

Тем не менее он не видел ни малейших следов присутствия врага. Неужели Нумитор и в самом деле позволит мятежникам выйти на Имирийское плато, предоставляя возможность компенсировать им свою малочисленность? Конан знал, что вельможи этих земель держались рыцарских законов; но за все годы, что он был на войне, ни один полководец не рискнул

поступиться верной победой ради этого абстрактного принципа. Нет, враг владел положением; было очевидно, что тут какая-то ловушка! Конан имел дело с лицемерием цивилизованных людей и потому с цинизмом относился к таким высоким идеалам. Варвары, среди которых вырос киммериец, были такими же предателями, но они не прятали свои кровавые дела под позолотой благородных чувств.

Вернулся разведчик со странным донесением. У подножия холма, слева от ущелья Великанов, он натолкнулся на лежащие грудой трупы сатиров, все с перерезанным горлом. Тела, разможенные и разбитые, были сброшены откуда-то сверху.

— Дело пахнет колдовством! — пробормотал Троцерио. — Держу пари, что королевский колдун объединился с Нумитором.

Доехав до ущелья, двое всадников принюхивались к коней и скрылись на дороге, что шла параллельно разлившейся реке Битаксе.

Вскоре они вновь появились на скалистом утесе и знаком дали знать, что все спокойно. Конан еще раз пристально оглядел вершины. Ему показалось, что он заметил какое-то мимолетное движение, — черное пятнышко, хотя оно вполне могло быть просто игрой света, на которую отзывались усталые глаза. Повернувшись, он знаком показал сотнику Морену — предводителю отряда, — чтобы тот въехал в ущелье.

Отступив к обочине, Конан напряженно наблюдал за своими людьми. Он смотрел, как они проезжают мимо, и сердце его радовалось их боевому виду, которого он добился в результате бесконечных учений. Его конь, гнедой жеребец, отчего-то беспокоился, бил копытами и плясал. Конан похлопал его по шее, чтобы успокоить, но гнедой все дрожал. Первое, что пришло ему в голову, — это то, что животному не терпелось рвануться вперед, за другими; но конь волновался все больше и больше, и в душе Конана шевельнулось недоброе предчувствие.

Бросив еще один взгляд на ущелье, Конан, сдвинув брови, перекинул ногу через седло и соскочил с коня на землю, — его кольчуга зазвенела. Сжимая повод, он закрыл глаза. Чувствительность варвара, куда более

острая, чем у людей, выросших в городе, никогда его не обманывала. Подметками сапог он ощутил слабую дрожь земли. Это была не та дрожь, что производит отряд скачущих всадников, — это было что-то не такое быстрое, что-то размеренное, неторопливое, отчетливое, словно земля проснулась и теперь зевает и потягивается.

Конан больше не колебался. Приложив руки ко рту и набрав побольше воздуха в могучие легкие, он закричал, что есть мочи:

— Назад, Морен! Выходи из ущелья! Гони коней назад! Все назад!

В ущелье произошло некоторое замешательство, — пока команду передавали из конца в конец и всадники в узком проходе разворачивали коней. Колдун, стоящий на утесе над их головами, выкрикнул последнее заклинание и, сам оставаясь в пятиугольнике, ударил по скале резным посохом.

Земля начала тихо гудеть, словно под ней что-то глухо перекачивалось. Скалы закачались над головами отходящих всадников. От них отрывались глыбы черного базальта и, подпрыгивая, катились вниз, сначала обманчиво-медленно, затем все быстрее и быстрее, задерживаясь на уступах, дробясь, и с грохотом обрушивались в расселину. Река Битакса вздыбилась волнами, пена взлетела вверх, к камнепаду.

Конан не сразу попал ногой в стремя, — животное, в паническом ужасе, плясало вокруг него. Всунув ногу в стремя, он, чертыхаясь, взлетел в седло и развернулся, чтобы ехать навстречу пшшей колонне, которая, все еще ничего не подозревая, двигалась к ущелью.

— Назад! Назад! — ревел он, но слова тонули в рокочущих громовых перекатах землетрясения. Он поставил коня так, что преградил путь колонне, и отчаянно махал руками. Передние поняли и замедлили шаг; но задние продолжали напирать, и колонна сбилась, превратилась в месиво.

Со скал ущелья Великанов катились камни, сами скалы качались и рушились. Миллионы тонн горной породы падали в пропасть, камнепад ревел, как разъяренный бог. Земля под ногами воинов тряслась и дрожала; чтобы стоять прямо, они хватались друг за

друга, падали, со звоном роняя оружие, на каменистую землю.

Всадники Конана, сломя голову, бежали из гибельного ущелья, ужас подгонял их. Передние врезались в пенную колонну, несколько коней повалилось наземь, выбросив всадников из седла и побив копытами пехотинцев, оказавшихся в клещах. Гром землетрясения прорезали вопли людей и жалобное ржание лошадей.

Река вскипела пеной, взволнованная камнепадом, волны выпли из берегов, вода залила дорогу. Воины шлепали по колено в жиже и молились своим богам.

Сдерживая обезумевшего коня, дикой хваткой сжимая поводья, Конан попытался восстановить порядок.

— Морен! — прокричал он. — У тебя все выбралось?

— Все, Командор, только с дюжину осталось там.

Окинув ущелье Великанов злобным взглядом, Конан проклял неудачу. Над проходом висело огромное облако пыли, но дующий ветер постепенно развеивал его. Когда пыль немного рассеялась, Конан увидел, что теперь ущелье гораздо шире, чем было, и что склоны его не столь круты. Расселина была завалена обломками рухнувших скал, самой разной величины — от мелких камушков до глыб размером с палатку. Время от времени со склонов еще срывались небольшие камни, они с глухим стуком катились по разбитым глыбам. Все, кто попал под этот камнепад, остались погребенными здесь навеки.

Один из левых утесов странным образом остался на месте, он возвышался на склоне, как площадка. На вершине этого странного уступа Конан разглядел две фигуры в черных плащах с капюшонами. Одна из них вздымала к нему руки — точно в мольбе.

— Это королевский колдун, Туландра Ту, — или я стигиец, — прошепел рядом чей-то голос.

Конан обернулся и увидел позади себя Громеля.

— Думаешь, это он наслал землетрясение?

— Да. Если бы он дождался, пока все мы войдем в ущелье, мы бы все остались в этой каменной могиле. Он слишком далеко для стрелы, но будь у меня лук, я бы попробовал.

Лучник поблизости услышал их и поднял свой лук.

— Попробуй мой, сир.

Громель спешил, натянул тетиву, точно прицелился и пустил стрелу. Стрела взвилась дугой и вонзилась в утес в двадцати шагах ниже вершины. Фигурки исчезли.

— Хорошая попытка, — проворчал Конан. — Нужно было взять арбалет. Громель, там у многих переломаны кости, им нужны лубки, посмотри, что делают лекари.

Конан хмуро оглядел громоздившиеся глыбы. Душа варвара говорила ему — собери людей, пусть конница присоединится к пешим, и начни с ними безрассудный подъем на ступенчатые склоны, пусть лезут вверх, от скалы к скале, вооруженные лишь мечами. Но опыт предупреждал его, что это окажется пустой затеей, что он бесцельно выбросит жизнь на ветер. Подъем будет медленным и тяжким; карабкающихся воинов осыплют сверху стрелами; а те, кто выживет и долезет до верха, будут слишком измотаны, чтобы сражаться.

— Эй, Троцero! Просперo! Морен, пошли кого-нибудь к Публию и Паллантиду, пусть скажет, что я хочу их видеть. Ну, друзья, что будем делать?

Князь Троцero подъехал ближе к Конану и оглядел кучу глыб.

— Войско ни за что не поднимется по склону. Может, пешие как-нибудь и долезут, — если Нумитор их не перебьет и если колдун еще чего-нибудь не наколдует. Но кони — никогда, даже телеги — нет.

— А что, если мы построим себе дорогу вместо той горной тропы, которая теперь засыпана? — предложил Просперo.

Троцero подумал:

— Вот если у меня будет тысяча рабочих рук, несколько месяцев и золото, чтобы его тратить, я построю тебе такую дорогу, о которой ты можешь только мечтать.

— У нас нет ни времени, ни денег, — рассердился Конан. — Если мы не можем пройти через ущелье, нам надо пройти над ним, под ним или вокруг него. Отдай людям приказ — вернуться на четверть лиги назад по дороге и разбить под деревьями лагерь.

Во вражьем лагере друг против друга стояли Туландра Ту и разъяренный принц. Усталый, измученный, выглядящий старше обычного колдун опирался о плечи крепыша Хсяо. Земля, обведенная пятиугольником, не обвалилась, образовав небольшой уступ, — колдун для безопасности отошел подальше от края этого узкого мостика.

— Ты, полоумный заклинатель трупов! — ругался Нумитор. — Ты должен был дожидаться, пока мятежники заполнят все ущелье. И только потом колдовать. Тогда бы мы убили их всех. А теперь они ушли почти без потерь.

— Ты ничего не смыслишь в делах, принц, — холодно отвечал Туландра. — Я медлил с заключительными заклятиями, пока не увидел, что что-то или кто-то предупредил вождя мятежников о ловушке и они начали отступать. Помедли я еще мгновение, все они ушли бы живыми и невредимыми. Все равно через ущелье теперь не пройти, путь закрыт. Мятежникам нужно двигаться либо на восток, к Хороту, либо на запад, к Алимане, потому что добраться до утеса они теперь не могут.

А теперь пусть Его Высочество меня простит. Чародейство высосало все мои силы, я должен отдохнуть.

— Никогда не был высокого мнения о волшебниках, — проворчал Нумитор ему вслед.

Укрывшись в лесном лагере, Конан с товарищами склонился над картой.

— Чтобы пройти мимо утеса, — сказал Конан, — нам нужно вернуться в Педассу, где дорога делает развилку. Но путь туда долог.

— Если бы в скалах был какой-нибудь малоизвестный проход, — задумчиво произнес Просперo, — то мы тихо прошли бы через лес, вышли бы незамеченными к Нумитору и смогли бы взять его врасплох.

Конан нахмурился:

— На карте такого прохода не обозначено, но я уже давно научился не доверять тем, кто рисует карты. Хорошо, если у них реки взаправду текут так, как

нарисовано. Троцери, тебе известен какой-нибудь другой путь?

— Нет, — Троцери покачал головой.

— Кроме Бигаксы должны быть другие реки, которые прорезают скалы.

Троцери беспомощно пожал плечами.

— Прошу прощения, Командор, но сбежало два воина из отряда Сериса, — подал голос Паллантис.

Конан засопл.

— Всегда, когда мы одерживаем победу, у нас появляются перебежчики из вражьего лагеря; всегда, когда мы терпим поражение, бегут от нас к королю. Это игра случая, которую ведет сама судьба. Попли за ними разведчиков. Если найдутся, повесь их; но не прилюдно. На рассвете подними лесных людей, пусть обследуют скалы с обеих сторон на расстояние мили отсюда, — нет ли там тропы наверх. А теперь, друзья, дайте-ка мне все это получше обдумать.

Конан сидел у походной постели и размышлял над кружкой эля. Он еще раз изучил карту и теперь ломал голову над тем, как его войску взойти на утес.

Он рассеянно поглаживал полукруглый кусок обидиана, который в свое время висел между роскошных грудей танцовщицы Альсины, а теперь — на его могучей ишее. Он глядел на талисман, думая, как прав был его друг Троцери, когда подозревал, что она явилась причиной смерти старого Амулия Прокаса.

Постепенно все части головоломки сложились вместе. Альсина была послана, — главой королевских шпионов или же колдуном, — чтобы попытаться убить его. Потом ей удалось убить маршала Прокаса. Почему Прокаса? Потому что если Конан в могиле, Прокас уже не нужен, чтобы защищать безумного короля Аквилонии. Таким образом, когда Прокас погиб, ни она, ни колдун не знали, что Конан выжил после смертельного зелья.

«Что ж, — не без горечи подумал Конан, — нужно быть поосторожнее с выбором подружек». Но почему Прокас должен был умереть? Потому что хозяин Альсины, — кем бы он ни был, — хотел убрать старика

со своего пути. Это навело Конана на мысль о Туландре Ту, — было общеизвестно, что колдун и маршал соперничают друг с другом за королевские милости.

Когда эта мысль озарила Конана, он стиснул черный талисман. И сразу же почувствовал нечто необычное. Будто в его голове разговаривали какие-то голоса.

Странное, туманное видение появилось перед его глазами. Конан напрягся, готовый выхватить меч. Видение обрело форму, и он увидел женскую фигуру, которая сидела на черном железном троне. Видение было несколько призрачным, — Конан смутно видел через него стену палатки, — и слишком туманным, чтобы увидеть лицо женщины. Но на лице, скрытом тенью, пылали изумрудно-зеленые глаза.

Конан смотрел на фигуру и прислушивался к голосам, — он весь трепетал. Он слышал женский голос, который звучал смутно, ему вторили движения губ. Это был голос Альсины, но казалось, она и не подозревает о том, что Конан видит ее.

Другой голос — сухой, металлический, бесстрастный — говорил по-аквилонски с прищептыванием. Конану никогда не приходилось разговаривать с Туландрой Ту, хотя, когда он, будучи маршалом у короля, бывал во дворце, он видел чародея в тронной зале. Но судя по тому, как колдуна описывали, он предполагал, что королевский фаворит должен говорить именно так. Голос продолжал:

— ...я не знаю, кто выдал мой план; но какой-то предатель наверняка предупредил вождя мятежников.

— Может быть, и нет, Мессир, — отозвалась Альсина. — Этот грязный варвар чувствует острее, чем все обычные люди. Он мог догадаться о надвигающейся катастрофе по каким-нибудь колебаниям воздуха над землей. Что ты будешь теперь делать?

— Я должен оставаться здесь, чтобы не допустить никаких глупостей со стороны этого простофили Нумитора, — пока не прибудет князь Ульрик. Звезды говорят мне, что он появится здесь дня через три. Я очень устал. Заклинание духов земли совершенно истощило мои силы. Пока я не приду в себя, я не смогу колдовать.

— Возвращайся назад как можно скорее, умоляю тебя! — настаивала тень Альсины. — Ульрик в любом случае будет здесь раньше, чем мятежники одолеют скалы, а я нуждаюсь в твоей защите.

— Защите? Почему?

— Его полоумное Величество, король, постоянно домогается меня, хочет, чтобы я приняла участие в его скотских развлечениях. Я боюсь.

— Чего от тебя хочет эта куча дерьма?

— Его желание выше всяких описаний. По твоему приказу я ложилась с мужчинами и убивала их. Но на это я не пойду.

— Сет и Кали! — вскричал сухой мужской голос. — Когда я рассчитаюсь с Нумедидесом, он пожалеет, что он не в аду. Я выеду в Тарантию завтра утром.

— Будь осторожен, чтобы по дороге не попасть в когти мятежников. Известно, что вдоль Королевского Пути рыщут шайки бунтовщиков, а этот варварский кабан со своим стадом может совершить набег на наши территории. Он достойный противник.

Мужской голос тихо, сухо засмеялся:

— Не бойся за меня, моя милая Альсина. Даже сейчас, когда я изнурен, я могу своей силой уничтожить любого смертного, что подойдет ко мне. А теперь — прощай.

Голоса умолкли, видение поблекло. Конан тряхнул головой, будто просыпаясь от сна наяву. Когда Туландра покинет поле сражения, до прихода Ульрика у него будет возможность обрушиться на войско Нумитора и обратить его в бегство, — если только ему удастся выйти на верхние равнины до появления князя Раманского.

Ему нужно было выйти на воздух, — чтобы разобратся в водовороте своих мыслей. Он поднялся, чтобы оставить тесную сонную палатку. В углу сидели его телохранители, которых назначил Просперо, — они были так увлечены игрой, что никто не поднял вверх головы, когда Конан, беззвучно, как тень, прошел мимо.

Снаружи часовые, привыкшие к его ночным прогулкам, решили, что он производит ночной обход. Они отдавали ему честь, а он шел все дальше и дальше, прошел через лагерь и углубился в ночной лес. Про-

сперо рассердится, — подумал он с мрачной усмешкой, — когда узнает, что Конан снова обвел телохранителей вокруг пальца.

Он нащупал в поясе костяной свисток, который дал ему Гола, вытащил его, повертел в руках. Сатир сказал, что, если ему понадобится помощь здешних людей, ему стоит только дунуть. Он поднес свисток к губам и дунул в него — просто так, особенно ни на что не надеясь. Ничего не произошло. Он еще раз тихо дунул, уже более настойчиво.

Может быть, остатки сатиров бежали с места своего побоища. Даже если они слышали зов, им, наверное, нужно было какое-то время, чтобы явиться. Конан стоял недвижно, с трудом сдерживая нетерпение, — точно пригнувшаяся к земле пантера, ожидающая свою жертву, — вслушиваясь в шорохи и жужжание насекомых и шелест ветра. Он снова поднес немой свисток к губам и дунул, — еще раз, еще.

Наконец он почувствовал, что в зарослях кто-то есть.

— Кто ты, дуешь, свистишь, зовешь сатира? — спросил негромкий, тонкий голосок на ломаном аквилонском.

— Гола?

— Нет, я Зудик, господин. Кто ты? — Заросли раздвинулись.

— Конан-киммериец. Ты знаешь Голу? — Конан, глаза которого привыкли к темноте, увидел, что это был старый, сгорбленный сатир, шерсть его была посеребрена.

— Да, — ответил вождь сатиров. — Он говорил о тебе. Кроме него и четырех других. Что ты хочешь?

— Чтобы ты помог уничтожить людей на утесе.

— Как может Зудик помочь большим людям?

— Нам нужна тропа наверх, — сказал Конан, — теперь ущелье Великанов засыпано камнями. Ты знаешь другую дорогу?

Ночная тишина пела шорохами насекомых. Немного погодя Зудик ответил:

— Наверх есть такая тропа маленькая, — сатир показал на восток.

— Далеко?

Сатир ответил что-то на своем языке, — слова, напоминавшие коровье мычание, звучали невнятно.

Конан, ничего не поняв, спросил:

— Мы можем дойти за дневной переход?

— Идти быстро. Можно.

— Ты покажешь нам дорогу?

— Да. К восходу солнца будьте готовы.

Позже Конан нашел Публия и сказал:

— Мы выступим на рассвете и пойдем по тропе, — сатиры говорят, что она ведет наверх; но для телег она слишком узка. Ты отведешь обоз назад в Педассу и потом пойдешь по дороге к Хороту. Если по дороге в Тарантию мы встретимся с тобой, — значит, мы одолели Нумитора, — если нет, то... — Конан прочертил пальцем по шее, — ты пойдешь один.

Второй проход был намного уже, чем ущелье Великанов. Снизу он был незаметен, укрыт пышными зарослями и нависающими скалами. Всадникам пришлось вести коней через ручей, что бурлил внизу, и вверх, по скалистой дороге. Не одна лошадь, напуганная сужающимися стенами ущелья, ржала, закатывала испуганные глаза и пятилась назад, преграждая путь другим.

Пешие шли одной колонной и понемногу просачивались вперед. Когда от пыли тропа стала темной, зловещей, Конан велел, чтобы каждый ухватился за одежду переднего и продвигался вперед. К утру прошли все.

Пока Войско Освобождения отдыхало после утомительного перехода и крутого подъема, Конан послал людей, чтобы те разведали позиции Нумитора. По возвращении их командир сообщил:

— Нумитор снял лагерь и отошел на несколько лиг по дороге. Они разбили лагерь в лесу, по обе стороны от дороги.

Конан вопросительно взглянул на товарищей. Паллангид сказал:

— Что же это такое? Пусть Нумитор глуп, но я никогда не слышал, чтобы он был трусом.

— Скорей, похоже на то, — возразил Троццо, — что он узнал, что мы нашли дорогу на утес, и испугался, что мы сбросим его в пропасть.

— Может быть, его предупредил колдун, — предположил Просперо.

— Это еще не все, Командор, — сказал командир разведчиков. — Мы узнали их знамена.

Конан нахмурился:

— Нумитор оставил весь Вестермарк без войска, теперь пиктам противостоят только сторожевые отряды. Снова они превышают нас числом; и королевские пограничники — искусные воины. Я бился с ними, я знаю. — Он помедлил и добавил: — Друзья, этот сатир Гола говорил что-то о том, как они борются против врага трубами. Как вы думаете, что он имел в виду?

Никто не знал. Наконец Конан произнес:

— Вижу я, что опять надо обращаться к маленькому лесному народу.

Когда сумерки окутали бурлящий поток серым туманом, Конан уже спускался вниз по узкой тропе, по которой его люди совершили такой тяжкий подъем. Он встал один в сгущающейся темноте Броцельонского леса и тщетно прислушивался в ожидании шагов. Он дунул в костяной свисток и, как и раньше, ждал, стоя в тени древнего дерева. Когда наконец кто-то явился на его зов, он с облегчением увидел, что это Зудик, сатир, который вывел его войско к тропе. Отвечая на его вопрос, Зудик сказал:

— Да, мы делаем это трубами. Вели своим сделать уши внутрь.

— Заткнуть уши? — в волнении переспросил Конан.

— Да. Пчелиный воск, тряпки, глина, — чтобы ничего не слышать. Тогда мы поможем тебе.

Пограничники Нумитора встали полумесяцем, закрыв дорогу в Тарантию. Похоже, что принц был готов к тому, чтобы держать оборону до прихода князя Ульрика. Его люди рыли ямы, вбивали в них острые колья, чтобы враг не прошел. Деревья стояли густой стеной,

и мятежники не смогли бы обойти длинную цепь пограничников с флангов.

Войско Освобождения бесшумно подошло к расположению врага и укрылось в зарослях. Но вражеский часовой заметил движение в кустарнике и поднял тревогу. Люди побросали лопаты, выхватили мечи и выстроились цепью.

Конан подал знак своим помощникам, — уши их были заложены, — чтобы они дали команду лучникам открыть по врагу огонь. Воздух наполнился щелчками тетивы и свистом стрел. Но люди Конана ничего не слышали.

Вражеские воины — те, кто стоял с краю, — вдруг услышали пронзительный звук — резкий, воющий, нечеловеческий. Он звучал из ниоткуда, все наполнилось им. Он вызывал зубную боль и вселял в людей странный, беспричинный ужас. Воины бросали оружие и, пораженные ужасом, обхватывали головы руками. Одни истерически хохотали, другие заливались слезами.

Звук приближался, он звучал, как злой рок, проникая в их души. Сначала они боролись с неумолимым желанием бежать, но потом оно взяло верх над многолетней боевой выучкой. Тут и там люди бросали свое место в цепи и обращались в бегство, испуская безумные вопли. Их становилось все больше и больше, и, наконец, множество бегущих, кричащих от ужаса, поглотило остатки цепи, — они бежали куда глаза глядят. Когда фланги принца были снесены, невидимые трубы стали приближаться к центру, и он тоже рассыпался. Конница Троцero гнала бегущих людей, убивая и хватая пленных.

— Что же, — молвил Конан, глядя на опустошенный лагерь врага, — они оставили нам вдвое больше оружия, чем мы можем использовать. Так что теперь мы наберем столько добровольцев, сколько захотим.

— Это была легкая победа, — ликовал Просперо.

— Слишком легкая, — мрачно отозвался Конан. — Легкая победа нередко бывает такой же пустой, как улыбка царедворца. Я скажу, что дорога в Тарантию открыта, только когда увижу городские стены, и не раньше того.

XI. Ключ к городу

Не встречая на своем пути никакого сопротивления, Войско Освобождения прошло по приветствующей его земле, где в высоких травах паслись стада великолепных пуантенских лошадей, где замки вздымались вверх алые, пурпурные, золотые башни. Войско мятежников одолело извилистые, заросшие густым кустарником горные тропы и наконец вышло к границе, разделявшей Пуантен и центральные провинции Аквилонии.

Конан, придержав коня, глядел, как его воины проходят перед ним по берегу. Невесел был его взгляд. Пограничные Отряды Нумитора рассеялись, как осенние листья по ветру, но теперь войско поразил новый враг, перед которым они были беззащитны. Это была болезнь Хворт, от которой тело покрывалось алыми пятнами, начинался жар и лихорадка, она косила ряды, как невидимый демон, пожирающий больше воинов, чем кровопролитный бой. Многие были оставлены по дороге в деревнях — выздоравливать; многие, убоившись страшного поветрия, сбежали, многие умерли.

— Сколько нас сейчас? — спросил Конан Публия. Был вечер, войско подходило к Илимии, приграничной деревушке.

Бывший канцлер пролистал свои списки.

— Около восьми тысяч, если считать тех, кто болен, но еще держится на ногах, а таких около тысячи.

— Кром! Когда мы отошли от Алиманы, нас было десять тысяч, и по дороге к нам присоединялись сотни и сотни. Что же с ними случилось?

— Многие пришли к нам в радужном настроении, словно жених к невесте, но, прошагав пару лиг, все в пыли и поту, призадумались, правильно ли они сделали, оставив родной очаг. Подумали о своих семьях и вернулись домой собирать урожай, — сказал Троцero.

— Да еще и эта пятнистая хворь косит людей тысячами, — добавил Декситей. — И я, и мои лекари пробовали уже все травы, все лечебные средства, и все безрезультатно. Похоже, что здесь не обошлось без колдовства. Против злой судьбы не пойдешь.

С языка Конана уже готовы были сорваться презрительные недоверчивые слова, но он сдержался. После землетрясения он не смел больше недооценивать колдовские возможности врага, как и беспричинную жестокость богов.

— Если бы мы смогли уговорить сатиров со своими трубами присоединиться к нам, — произнес Просперо, — то никто бы и не заметил, что нас так мало.

— Но они бы не ушли из Броцельонского леса, это их дом, — сказал Конан.

— Но ты мог бы взять в заложники старого Зудика, и это вынудило бы их сделать по-нашему, — возразил Просперо.

— Это не в моих правилах, — нахмурился Конан. — Зудик оказался верным другом, и я никогда бы не поступил с ним плохо.

Троцero мягко улыбнулся:

— Не ты ли презирал принца Нумитора за его возвышенные представления о рыцарской чести.

Конан сдвинул брови.

— У дикарей вождь не имеет большой силы. Я жил среди них, я знаю. Кроме того, я вообще не думаю, что даже великая любовь к вождю и забота о нем возьмут верх над страхом перед чужими краями, который присущ всем маленьким народам. Но давайте обратимся к будущему, не будем беречь тени мертвого прошлого. Что слышно от разведчиков о войске Ульрика?

— Ничего не слышно, — ответил Троцero, — правда, сегодня они заметили вдалеке несколько всадников, но те быстро скрылись из вида. Мы не знаем, кто они такие; но я готов спорить, что северные бароны все еще удерживают князя Ульрика.

— Завтра, — сказал Конан, — я возьму отряд Гирто и произведу разведку пуантенской границы, а остальные пойдут к Илимии.

— Но Командор! — возразил Просперо. — Это безрассудство. Полководец должен находиться позади своих войск, откуда можно руководить их действиями, а не рисковать своей жизнью, как безродный искатель приключений.

Конан нахмурил брови.

— Раз здесь командир я, я буду командовать так, как считаю нужным. — Он увидел растерянный взгляд Просперо и с улыбкой добавил: — Не бойся, я глупостей не натворю. Но даже маршал должен иногда делить опасность наравне со своими воинами. Да и вообще, разве сам я не безродный искатель приключений?

— Мне думается, — проворчал Просперо, — что ты просто потакаешь своей варварской натуре. Любите вы драться лицом к лицу.

Конан по-волчьи оскалился, но ничего не ответил.

Отряд Конана выехал промозглым, туманным утром, дорога лежала перед ним золотой лентой. Впереди был Конан, в металлической кольчуге, как и все остальные, справа от него двигался сотник Гирто. Конники гордо ехали по ухабистой деревенской дороге, уперевав пики в стремени. Несколько всадников скакали поодаль, производя разведку окрестностей. Кругом были поля, отдыхающие под паром, грядки, зреющие виноградники.

Крестьяне, работавшие на пашнях или в виноградниках, отрывались от работы, опирались на грабли и мотыги и провожали воинов взглядом. Один-два подняли руку в осторожном приветствии, но большинство хранили недоверчивое молчание. По сторонам Конан отмечал временами мелькание женских нижних юбок, красных и желтых, женщины торопливо прятались от проезжающих воинов.

— Ждут, кто победит, — сказал Гирто.

— Вполне можно их понять, — отозвался Конан, — ведь если мы проиграем, пострадают все, кто помогал нам.

За следующим холмом, в неглубокой долине, раскинулась, прижавшись к земле, Илимия. Небольшая речушка медленно извивалась вдоль глинобитных хижин, направляясь на восток, к Хороту. Ивы склонились над своим отражением в темной, ленивой воде.

Деревня, в которой не было и двух сотен жителей, была практически беззащитна; десятилетия мира ослабили осторожность крестьян настолько, что они не обращали внимания на то, что стена из обожженных

на солнце кирпичей была уже совсем старой и совершенно рассыпалась. Жителей, — если в деревушке сейчас кто-то и был, — нигде не было видно.

— Слишком спокойно, — пробормотал Конан. — В такой хороший день люди должны быть уже на ногах.

— Верно, они спят после обеда, — предположил Гирто. — Или, может, все в поле, а дома остались одни младенцы да дряхлые старики.

— Поздновато для обеда, — Конан нахмурился. — Не нравится мне все это.

— А может, они прячутся, боятся грабежа или погрома.

— Пошли двух разведчиков, пусть объедут деревню; мы подождем здесь, — велел Конан.

Два воина пустились вскачь по склону и скрылись за поворотом узкой вьющейся дороги. Вскоре они показались вновь и поскакали обратно, издали сигнала, что все в порядке.

— Давайте-ка посмотрим сами, — хмуро предложил Конан. Гирто взмахнул рукой, и сотня его копейщиков тронулась с места.

Солнце, огромный оранжевый диск, плавно скользило к западу, хижины Илимии стояли в его ослепительном блеске, черные и зловещие. Мятажники смотрели на них с опаской — никаких признаков жизни не было на пыльных улицах, за запертыми дверями.

— Может быть, — предположил Гирто, — люди ушли, боясь приближения двух армий и разбежались, боясь оказаться между молотом и наковальней.

Конан пожал плечами, вынимая клинок из ножен. По обе стороны дороги стояли приземистые хижины, крытые соломой. У одной хижины было пристроено что-то вроде веранды, перед которой возвышалась стойка. Раскрашенная кружка над обшарпанной дверью указывала на то, что это местная винная лавка, — деревушка была слишком маленькой, чтобы похвастаться наличием постоянного двора. Дальше по короткой улице виднелось здание вроде амбара. Судя по раскиданным железным брускам, клещам и молоту, это была кузница — покосившаяся, ветхая. Никакого звона молотов, однако, отсюда не доносилось. Неожиданно, — Конан и сам не понял, почему, — волосы его встали дыбом.

Конан рывком повернулся в седле и посмотрел назад — последние всадники по двое въезжали в безлюдную улицу. Кони были зажаты лепившимися друг к другу хижинами, свободного пространства почти не было.

— Если нас атакуют здесь, нам придется плохо, — бросил Конан. — Отдай приказ поторопиться.

Гирто махнул рукой своему трубачу, а другой трубач уже играл сигнал. Внезапно двери всех хижин разом распахнулись, наружу высыпали королевские воины, оглашая сумерки дикими, воинственными воплями. Они набросились со всех сторон на отряд Конана, мечи и пики их алкали крови.

Впереди встали три ряда копейщиков, закрыв путь стеной острой стали. Они медленно продвигались вперед, глаза их горели жадной кровавой боя, в лучах заходящего солнца наконечники копий светились тускло-красным светом.

— Кром и Иштар! — взревел Конан, взмахнув мечом. — Мы у смерти в мешке! Гирто, разверни людей!

Мирная деревня наполнилась боевыми звуками — воплями, злыми криками людей, ржанием раненых коней, лязгом скрещенных мечей, скрежетом стали, звоном щитов и глухим стуком падающих тел. Воины Конана, на которых напали с трех сторон, находились в невыигрышном положении. Ограниченное пространство не позволяло им сомкнуться или, напротив, развернуть коней. Пика в руке скачущего всадника — гораздо более грозное оружие, чем когда тот же всадник вынужден остановиться.

Мятажники, распаленные страхом и яростью, подняли копы и ринулись на нападающих. Некоторые выронили свои пики и, вытащив мечи, рубили врага направо и налево, — точны были их удары. Люди громко клялись, давали обеты своим богам. Раненые кони кричали, как грешники в аду. Одному из них копые распорол брюхо, он упал, содрогаясь в конвульсиях, и пригвоздил к земле своего хозяина; враги окружили человека и, изрубив, оставили лежать бездыханным в луже крови.

Другой всадник был воздет на копы, поднят из седла и брошен под беспощадные копыта коней. Еще один

был выбит из седла, но прижался к стене и бился с врагами, — меч его сверкал, как молния.

Немало воинов князя Ульрика пали от копий и смертоносных мечей мятежников. Кровь склеила пыль восточной дороги, раненые кричали в агонии, но костлявые пальцы смерти сжали их глотки.

Конан, рыча, как лев, прорвался назад, прокладывая дорогу между рубящимися воинами и стенами. Его длинный меч неумоимо взлетал и опускался, с каждым ударом его враги отступали или падали замертво. Трижды его удары сплеча отсекали руки, и трижды кровь фонтаном брызгала из чудовищных ран. С каждым взмахом меча Конан громко кричал:

— Назад! Назад! Отходи назад! Из деревни! На дорогу!

Даже его зычный голос тонул в водовороте этого безумия звуков. Но один за другим его воины разворачивали коней и пробивались к югу. За спиной Конана сотник Гирто и двое старых пикейщиков отчаянно бились с лавиной врагов, надвигавшихся под прикрытием ошетилившихся копий, — они прикрывали отход. С пиками наперевес, они бросали своих обезумевших от страха коней навстречу стальной стене; но когда падал один копейщик, на его место вставал другой. И, несмотря на мрачное упорство — стоять насмерть, победить или погибнуть, — они не могли преодолеть безжалостный вал неумолимой стали. И вот один пикейщик упал.

Конь Конана споткнулся о распластанное тело. Он натянул поводья, чтобы удержать коня. Конан развернулся в седле и двинул копьем. Королевский воин отразил яростный удар щитом, но сила этого удара свалила его на колени, он упал в дверной проем и, стоя на четвереньках, ухватился за сломанную руку, слезы струились по его лицу.

Наконец Конан увидел, что последние из его воинов отбились от врагов и скачут вверх по склону, уходя от битвы. Узкая улица, отделяющая его от отступавших, была заполнена пешими врагами, они поскальзывались на кровавых внутренностях людей и лошадей, шатались от усталости, но, точно гончие, почуявшие кровь своей жертвы, подбирались все ближе и ближе к троице всад-

никам, попавшим в коварную ловушку. Конан скосил глаза направо и увидел между двумя хижинами узкую дорожку, тропинку, заросшую сорняками.

— Гирто! — проревел Конан. — Сюда! За мной!

Резво повернув коня к тропинке, Конан помедлил мгновение, чтобы убедиться, что остальные следуют за ним. Длинные тени хижины покрыли отступающих полумраком, и враг не сразу пустился за ними в погоню.

Получив минутную передышку, Конан пришпорил своего измученного коня и пустил его искать дорогу среди помятых кустов овощей. Вдруг, несмотря на слипшиеся пряди на глазах, он заметил свинарник, дверь его была приперта доской, привязанной веревкой к изгороди. Он разрубил толстую веревку окровавленным мечом, и грубо отесанная дверь растворилась.

Гирто и второй всадник стояли недвижно, в испуге, что жаркая битва или оглушающий удар повредили рассудок их вождя. А Конан, подняв указательный палец и указав ехать вперед, — Конан пришпорил коня и поскакал по узкому проходу. Верные воины последовали за ним.

Волна бегущих пешеходов, попеременно с вооруженными конниками, обогнула угол хижины и вздыбилась в узком проходе.

— Скорей! — прокричал Гирто Конану. — Они у нас на хвосте.

Конан пригнулся к шее коня, спрятав лицо в развевающуюся гриву. В самом конце прохода маячила едва заметная в сгущающихся сумерках, высокая изгородь, — за ней была свобода.

Конь Конана, собравшись всем своим могучим телом, величественно перелетел через изгородь, и Сарлус, товарищ Гирто, последовал за ним. Но Гирто не повезло. Его конь, слишком измученный для прыжка, рухнул на изгородь и надрывно заржал, сломав себе плечо.

Гирто, оказавшись один на этой стороне, вскочил на ноги и выхватил меч, приготовившись дорого отдать свою жизнь. Внезапно преследователи натянули поводья и принялись проклинать своих коней — те пятились,

плясали, прижимались в испуге к стенам, били пепих воинов копытами.

Гирто, пораженный отсрочкой своей, казалось, неминуемой гибели, застыл на месте. «Снова колдовство?» — прошептал он, стиснув зубы.

Потом он увидел то, что спасло его. Из загона выбралась свинья с двадцатью поросятами, и все они, покрытые зловонной коростой, с визгом ринулись в сорняки, на поиски съедобных корешков.

Он услышал крик Конана:

— Перелезай через изгородь, скорей!

И он, больше не раздумывая, подскочил к грубо обтесанному забору, подтянулся и прыгнул вниз как раз в тот момент, когда враги уже достигли места, где он стоял.

— Держись за мое стремя! — проревел Конан. — Не лезь на коня!

Гирто уцепился за стремя Конана и побежал гигантскими шагами сбоку скачущего коня. Легкой рысью они пересекли поля. Враги остались сзади.

Когда они отъехали так далеко, что деревня стала совсем маленькой, Конан остановился. Оглядывая темнеющие окрестности, он проговорил:

— Нужно скорей догнать наш отряд. Но сначала я хочу посмотреть на вражеский лагерь. Вот позади нас холм, с него должно быть хорошо видно.

С холма Конан внимательно оглядел ухабистую землю; в самом конце деревни располагался лагерь противника. Отделял его от деревни длинный холм, но, надежно укрытый от постороннего взора, с этой высоты он был как на ладони. Десятки огней горели в темноте, готовился ужин, легкий ветер качал клубы дыма.

— Это войско князя Ульрика, — сказал Конан. — Как по-твоему, Гирто, сколько их?

Тот подумал.

— Судя по количеству костров и величине лагеря, я думаю, что полков двенадцать. Что скажешь ты, Сардус?

— Двадцать тысяч — самое меньшее, сир, — сказал старый конник. — А что это за флаг, вон там, на шесте, справа?

Конан прищурился кошачьими глазами, пытаясь разглядеть что-нибудь в наступающей темноте.

— Будь я проклят, будь я стигиец, если это не флаг Черных Драконов! — воскликнул он.

— Неужели это королевская гвардия? — удивился Гирто. — Не может быть! Если только сам Нумедидес не вышел с князем Ульриком...

— Вряд ли, — королевского флага не видно, — сказал Конан. — Пора искать наших товарищей. У нас впереди еще долгая дорога в лагерь.

Сардус сел в седло за спиной своего командора, и все трое тихо поехали в обход деревни, где пало так много их воинов. Выехав на дорогу, они поскакали к деревьям, где их поджидали уцелевшие в битве. Они потеряли почти треть из шестидесяти воинов. У многих в руках были лоскуты ткани, которыми они перевязывали раненых товарищей.

Когда Конан, Гирто и Сардус подскакали к деревьям, их встретили слабым «ура», — боевой дух воинов упал. Конан нахмурился:

— Я благодарю вас всех, но поберегите свой восторг для победы. Мне нужно было сперва обшарить хижины и только потом пускать вас в эту нехитрую ловушку. Но все равно, ребята, вы задали им жару. А теперь в путь, чтобы к рассвету быть уже в лагере.

Наутро Конан рассказал о том, что с ним приключилось. Просперо присвистнул:

— Двадцать тысяч! В решающем сражении они съедят нас живьем.

Прожевав огромный кусок баранины, Конан сказал:

— Ты эти мысли оставь, а не то еще беду накличешь. Выведи людей, — всех, кроме разведчиков, которые ходили в Илимью, — пусть они укрепят лагерь. Превосходя нас по численности, князь Ульрик вполне может решиться на ночную атаку. Если у нас не будет заградительного вала или рва, он раздавит нас, как муравьев под колесами телеги.

— Но Черные Драконы! — воскликнул Троцеро. — Это просто невероятно, что Нумедидес послал свои внутренние войска на помощь к Ульрику и оставил себя беззащитным.

Конан пожал плечами:

— Я отвечаю за то, что я видел. Только у этой дружины знамя с крылатым чудовищем на черном поле.

— То, что Нумедидес послал сюда Черных Драконов, — произнес Паллантид, — поставило его в уязвимое положение, но от этого хлопот у нас сейчас не меньше.

— Нам даже еще и хуже, что они здесь, — добавил Троцero.

— Тогда давайте, друзья, займемся укреплением лагеря, — заключил Конан. — Нам нельзя терять времени.

Нежный утренний ветерок овеивал прохладой наспех выстроенный частокол и налившиеся кровью глаза и нившие тела его строителей. Когда те, кто шел за войском — разносчики-торговцы, мальчишки-водоносы, женщины и дети пошли к реке за водой, на холме появился конный отряд врагов. Они ринулись вниз, и люди бросились врассыпную. Двое — старик и ребенок — замешкались и были убиты.

Разведчики мятежников были застигнуты врасплох и разбежались. Враги гнали их до лагеря, а потом стали кружиться вокруг частокола, выкрикивая непристойности и метая дротики. Лучники Конана спешно выстроились и уложили двух вражеских коней, но всадники были подхвачены и увезены товарищами. Хотя настоящей атаки и не произошло, напряжение и тревога выбили измученных людей Конана из колеи.

На вечернем совете Публий сказал:

— Хотя я и не военный человек, Командор, я думаю, что ночью мы должны потихоньку отойти, пока Ульрик нас не разбил или не взял в осаду. Со своими силами он может сделать, что хочет, а нас косит болезнь, словно черный призрак.

— Вот что, — Троцero ударил кулаком по столу, — давайте останемся здесь, а мои пуантенцы тем временем поднимут крестьян. Если Ульрик окружит нас, крестьяне, в свою очередь, окружают его.

— Когда близится время уборки урожая, — возразил Публий, — ты не поднимаешь и тысячу. И крестьяне, вооруженные только топорами и вилами, не смогут

выдержать наступление рыцарей Ульрика. Если бы мы сейчас были в Броцельонском лесу! Как нам помогли бы друзья-сатиры...

— Да, — подал голос Просперо, — но только пока враги не догадались бы заткнуть себе уши. Я предлагаю этой ночью неожиданно напасть на лагерь Ульрика.

Паллантид покачал головой:

— Ночная атака часто выходит боком, очень легко попасть в свалку, когда меч не разбирает, где свой, где чужой — особенно с нашими полуобученными людьми.

Спор разгорался, но к единому мнению они так и не приходили. Конан сидел с мрачным лицом, хмурился, но говорил мало. Вдруг часовой доложил:

— Командор, тут пришел королевский сотник с полусотней человек. Они пришли с белым флагом, сотник просит разрешения поговорить с тобой.

— Забери у него оружие и пускай идет сюда, — сказал Конан, выпрямляясь.

Полог палатки откинулся, вошел человек в кольчуге. На груди его белого плаща распростер крылья черный геральдический орел Аквилонии, шлем венчал бронзовый гребень Черных Драконов. Сотник холодно поприветствовал присутствующих.

— Маршал Конан? Я сотник Сильван, Черный Дракон. Я пришел, чтобы перейти к вам с большим отрядом, если вы нас примете.

Конан, прищурившись, оглядел сотника с головы до пят. Перед ним стоял высокий, крепко сложенный, светловолосый человек, даже несколько молодой для своего положения.

— Добро пожаловать, Сильван-сотник, — наконец произнес он. — Благодарю тебя за твое предложение. Но перед тем как принять его, я должен больше узнать о тебе.

— Разумеется, маршал. Спрашивай.

— Прежде всего, что заставило тебя перейти на нашу сторону, да еще при таком положении дел? Ты должен знать, что мы висим на волоске, что Ульрик превращает нас числом и что он мне достойный соперник. Отчего же ты сменил масть?

— Все очень просто, маршал Конан. Я с моими людьми предпочел рискнуть, выступив в рядах мятеж-

ников, чем жить в мнимой безопасности под властью безумца. Если только можно назвать безопасной жизнь под знаменем нашего короля.

— Но почему именно сейчас?

— Первый раз у нас появилась такая возможность. Драконы подошли к Илимии позавчера, до стычки между тобой и воинами Ульрика. Если бы мы вышли, чтобы присоединиться к тебе, прямо из Тарантии, верные отряды короля преградили бы нам путь и разбили бы нас наголову.

— А что, Нумедидес послал сюда весь полк Черных Драконов? — спросил Конан.

— Да, только новобранцы остались на учениях.

— Почему же этот шакал оставил себя без личной стражи?

— Нумедидес объявил себя богом. Он считает себя бессмертным и неуязвимым и потому не нуждается в телохранителях. Кроме того, он твердо намерен подавить ваш мятеж и бросает все свои отряды на помощь войску Ульрика. С восточных границ многие идут сюда.

— А что слышно о Туландре Ту, королевском колдуне?

Сильван заметно побледнел.

— Так часто бывает, что помянешь демона, а он уже тут как тут, маршал Конан. Нумедидес безумен, и королевством правит колдун; он хоть и не столь глуп, как король, но столь же бессердечен и алчен. Он проводит отвратительные опыты и для этого приносит в жертву девственниц, это все знают. — Он порывлся у себя в поясе и вытащил алебастровый медальон на золотой цепочке. Миниатюра изображала девочку лет десяти. — Моя дочь. Она мертва, — пояснил Сильван. — Он забрал ее. Если бы боги даровали мне хоть один шанс, я зубами перегрыз бы его глотку.

Голос сотника задрожал, пальцы судорожно сжались. Неизбывным горем дышали его слова.

Синие глаза Конана загорелись диким, зловещим огнем. Те, кто стоял рядом, вздрогнули, зная, что насилие над женщинами вызывает бурное негодование Конана. Он пустил миниатюру по кругу и, отдавая ее Сильвану, сказал:

— Мы хотим узнать о войске князя Ульрика больше. Сколько их?

— Я думаю, около двадцати пяти тысяч.

— Откуда у Ульрика так много людей? Когда я бросил службу у короля, Северное Войско такими силами не располагало.

— Многие воины принца Нумитора, опомнившись от паники, догнали князя Ульрика. Из Тарантии прислали полк Черных Драконов.

— Что случилось с Нумитором после разгрома?

— Он покончил с собой в отчаянии от поражения.

— Ты уверен? — спросил Конан. — Говорили, что Амулий Прокас совершил самоубийство, но я знаю, что его убили.

— В этом можно не сомневаться, сир. Принц Нумитор зарезал себя перед свидетелями.

— Жаль, — сказал Троцерио. — В сравнении с другими он был самым честным полководцем, разве что чересчур простодушным для кровавой войны.

Конан сдвинул брови.

— Все это нужно обсудить. Паллантин, устрой ночлег Сильвану и его людям и возвращайся сюда. Спокойной ночи, сотник.

Тут Публий, который до этого молчал, подал голос:

— Подожди, подожди, пожалуйста, сотник Сильван. Кто был твой отец?

Сотник, протянувший было руку к положу, обернулся.

— Сильвий Макро, сир. А что?

— Я знал его, когда служил у короля казначеем. Спокойной ночи.

Когда сотник ушел, Конан сказал:

— Ну, что вы об этом думаете? По крайней мере, приятно видеть, что люди бегут к нам, а не от нас, — хоть какое-то разнообразие.

— Я думаю, — проговорил Просперо, — что Туландра Ту пытается подсунуть к нам еще одного убийцу. Он будет выжидать удобного момента, чтобы всадить нож тебе под ребро, а потом сбежит.

— Я не согласен с этим, — возразил Троцерио. — Мне он показался искренним и честным молодцем,

непохожим ни на собутельников Нумедидеса, ни на колдовских подручных Туландры.

— Внешности доверяться нельзя, — настаивал Просперо. — Яблоко может быть хорошим на вид, а внутри полным червей.

— С вашего позволения, — вступил в разговор Публий. — Я знал отца этого юноши. Это был замечательный, выдающийся человек, — и до сих пор им остался, если еще жив.

— Сын не всегда похож на отца, — проворчал Просперо.

— Просперо, — сказал Конан, — твоя забота о моей безопасности делает мне честь. Но на войне нужно выбирать из двух зол меньшее. Ты вот предостерегаешь меня от предательского ножа, а Ульрик, похоже, нас всех перебьет, если только мы не обыграем судьбу каким-нибудь неожиданным ударом.

Конан мгновение размышлял, — вокруг стояла тишина. Наконец, подняв глубокие синие глаза от пола, он произнес:

— У меня есть план, — план опасный, но не более, чем наше теперешнее положение. Тарантия беззащитна, войска в ней не осталось, — Нумедидес сидит на троне и играет в бессмертного бога, жалкий безумец. Отряд храбрецов, переодетых Драконами дворцовой стражи, может пробраться ко дворцу и...

— Конан! — воскликнул Троццо. — Это наитие. Я поведу отряд.

— Ты слишком нужен в Пуантене, господин, — сказал Просперо. — А вот я...

— Не пойдет ни тот, ни другой, — жестко сказал Конан. — В центральных провинциях не особенно жалуют пуантенцев, — люди до сих пор не забыли о вашем вторжении во время войны с королем Вилером.

— Кто же тогда? — спросил Троццо. — Паллантид?

Конан покачал головой, встрахнул черной гривой, и глаза его загорелись жадной битвы.

— Это сделаю я, — либо сделаю, либо погибну. Я отберу отряд старых, закаленных воинов, мы возьмем плащи и шлемы у сотника Сильвана. Сильван, — я возьму его с собой, — пойдет с нами до ворот, чтобы

не возникло никаких подозрений. Именно он — ключ к городу.

Публий поднял руку:

— Один момент, почтеннейший. План Конана хорошо удался бы в обычной войне. Но в Тарантии тебе придется иметь дело не только с безумным королем, но и со злобным колдуном, чьи волшебные заклинания и магия могут двигать горы и вызывать демонов — небесных, подземных, морских.

— Колдуны меня не пугают, — сказал Конан. — Много лет назад я уже имел дело с самым могущественным из них, — в Хорайе, — и уничтожил его со всеми его заклинаниями.

— Как же ты сделал это? — спросил Троццо.

— Мечом.

— Не рассчитывай снова на такую победу, — проговорил Публий. — Твоя сила велика, а чувства острее, чем у всех обычных людей, но судьба не всегда благоволит даже героям.

— Когда мне нужно, она благоволит, — Конан сдвинул брови.

— Но это нужно не только тебе, но и нам тоже, — произнес Просперо. — Давайте я пошлю за Декситеем. Жрец Митры знает о потустороннем мире больше, чем мы, простые смертные.

Конан уступил — с недовольством.

Декситей выслушал план Конана, держа руки скрещенными на груди. Наконец он мягко произнес:

— Публий прав, Конан. Не стоит недооценивать могущество Туландры Ту. Мы, жрецы, знаем кое-что о темных, безымянных силах, стоящих за спиной человека.

— Откуда явилась эта мерзость? — спросил Троццо. — Говорят, что он ведь; а еще говорят, что он из Стигии.

— Ни то ни другое, — ответил Декситей. — Жрецы называют его лемурцем и говорят, что он пришел, — не знаю, как, — с островов, лежащих в неизвестном мире, на востоке, в океане за Кхитаем. Эти скрытые мраком острова — все, что осталось от обширной когда-то земли, которую поглотили волны. Чтобы победить

колдуна его же оружием, нашему маршалу нужно что-то большее, чем человеческое оружие и кольчуга.

Троцero спросил:

— У нас в лагере нет волшебников, которые взялись бы за это дело?

— Нет! — бросил Конан. — Мне нет нужды в подобных штукарях. Я ни одного не возьму с собой, мне не нужна их помощь.

Выражение лица Декситея стало горестным.

— Командор, знаешь ты это или нет, но мне очень горько.

— Отчего же, почтеннейший? — спросил Конан. — Я перед тобой в большом долгу и не могу просто так опечалить тебя. Не говори загадками, друг.

— Ты не нуждаешься в волшебниках, Командор, называешь их обманщиками и шарлатанами, но одного из них ты считаешь своим другом. Тебе нужен колдун, а ты отказываешься от его помощи. — Декситей остановился. Конан кивнул головой, и он продолжал: — Знай же, что в юные годы я изучал черную магию, — хотя, впрочем, и не продвинулся дальше начальных ступеней колдовского искусства. Потом я узрел свет Митры и проклял свои прошлые сношения с демонами и потусторонними силами. Если бы жрец узнал о моем колдовском прошлом, меня никогда не приняли бы в орден. Таким образом, если я буду с тобой в твоём опасном деле...

— Кто, ты? — воскликнул Конан. — Пусть ты и колдун, но разве сможешь ты, старик, проскакать сотню лиг?! Ты просто не выдержишь пути.

— Напротив, я гораздо более крепкий орешек, чем ты думаешь. Жизнь аскета наделила меня молодой силой, и я пригожусь тебе, чтобы противостоять колдовству. Но если я поеду с тобой, моя тайна выйдет наружу. Я вынужден буду оставить священный орден, — грустный конец моего жизненного пути.

— Мне думается, использовать магию в благородных целях — простительный грех, — сказал Конан. — Победителей не судят.

— Ты, сир, но не мой орден, они не прощают таких вещей. Но у меня нет выбора; в Аквилонии я использую все, что умею. — Голос его дрожал от горьких слез.

— После того как все кончится, — произнес Конан, — мне, возможно, удастся убедить твоих священнослужителей сделать исключение из своих суровых правил. Готовься, мой друг, выехать через час.

— Этой ночью?

— А когда еще? Если мы будем ждать до утра, враги могут взять лагерь в кольцо. Просперо, отбери мне отряд из твоих самых лучших конников. Проследи, чтобы у каждого было не по одному коню, а по два, для смены. Но как можно тише. Мы должны обогнать слухи о нашем исчезновении. А остальным продолжать выводить людей на укрепительные работы. Прощайте, все!

Чуть только месяц посеребрил вершины деревьев, колонна всадников, — каждый вел в поводу еще одного коня, — украдкой выехала из лагеря. Впереди ехал Конан в племе и белом плаще Черных Драконов. Рядом с ним был сотник Сильван, позади трусил Декситей, жрец Митры, одетый так же, как и они. За ним следовало пятьдесят самых верных воинов, все в белых плащах и шлемах.

Сильван провел колонну мимо стана врага. Очутившись на дороге в Тарантию, они перешли на мерную рысь. Луна спряталась, и черная ночь поглотила храбрецов.

XII. Лунная тень

Солнце село, в безоблачном небе повис месяц, весь точно усыпанный алмазными блестками. В королевском дворце Тарантии убрали ужин, поданный королем на золотой посуде в его личную столовую, — Нумедидес ужинал в одиночестве. Никто не осмеливался тревожить его покой, — лишь слуга, пробовавший первым яства, стоял за креслом, да два телохранителя сторожили серебряные двери, да еще разносчики блюд сновали туда-сюда.

Тысячи свечей и светильников сияли в королевских покоях, — их было так много, что если бы кто-нибудь случайно попал во дворец, ему показалось бы, что происходит коронация или визит соседнего государя.

Дворец, однако, казался вымершим. Не слышно было щебетания девиц, разговоров юных рыцарей и вельмож, лишь эхо прошлого носилось по мраморным залам, где не было ни души, только несколько стражников, — бесчисленные свечи отражались в их серебряных доспехах. Стражники были либо безусые юнцы, либо седобородые старики, — когда внутренняя стража ушла на юг, чтобы биться с мятежниками, в Черные Драконы поспешно набрали юнцов и давно отвоевавших свое стариков.

Светильники и свечи горели все ночи напролет, — король, возмнив себя солнечным богом, не придумал никакого другого доказательства своей божественности, кроме того, чтобы сделать ночь светлой, как день. И теперь запыхавшиеся слуги бегали от светильника к светильнику, доливая масло, и носили свечи охапками от канделябра к канделябру, чтобы вовремя заменить догоревшие.

По мере того как безумство короля усиливалось, придворные и слуги разбегались. Первым исчез Вибий Латро, который жил и работал во дворце. Канцлер послал Нумедидесу прошение о краткой отлучке. Его здоровье, написал он, подорвано долгими часами работы, и, если он не отдохнет от дел, он вряд ли сможет дальше служить интересам государя.

Нумедидес, который только что до смерти заперол одну из своих наложниц, был в добром расположении духа и удовлетворил его просьбу. Латро без промедления посадил семью в карету и уехал в свое поместье, что лежало на севере от Тарантии. На первом же перекрестке он повернул на восток и, погоняя что есть мочи лошадей, проскакал двести лиг до немедийской границы, и теперь был уже далеко. Другие придворные тоже нашли убедительные причины для отлучки и поспешно отбыли.

Трон Нумедидеса в Палате Личных Аудиенций стоял на чудесном иранистанском ковре, сотканном из превосходных сортов шерсти. Цвета были подделаны под рубины, аметисты, сапфиры и яшму, их пронизывали золотые нити. Сам трон — изящный, тонкой работы, хотя и не такой огромный, как Рубиновый Трон в

Тронной Зале, — был позднее украшен аляповатыми драконами, львами, мечами и звездами. На спинке высокого трона распростер крылья геральдический орел династии Нумедидеса, крылья и глаза его были усыпаны драгоценными камнями, — они мерцали среди множества свечей.

Серебряный скипстр короля — символ королевской власти — лежал на пурпурной подушке сиденья. На широких подлокотниках покоился длинный обоюдоострый Державный Меч, его лезвие и рукоять были также усеяны драгоценностями.

В палате находились двое — сам Нумедидес, на голове которого был тонкий золотой обруч — корона Аквилонии, одет он был в красную хламиду, всю в пятнах от еды, вина и рвоты, — и Альсина, закутанная в шуршащее шелковое одеяние цвета морской волны.

Они глядели друг на друга, их разделял трон. Альсина шипела:

— Поганый старый пес! Я скорее умру, чем пойду на твои уговоры! Тебе не поймать меня, слышишь ты, старая, жирная, вонючая куча дерьма! Пойди поищи для себя суку или свинью! Под стать себе!

— Я же сказал, что не сделаю тебе больно, злючка! — мямлил Нумедидес. — Но уж поймать я тебя поймаю! Никто не может пойти против желаний короля, а уж тем более бога! Иди сюда!

Неожиданно Нумедидес качнулся в сторону, точно падая в обморок. Альсина отпрянула назад, выйдя из-под защиты трона. Тогда король, растопырив руки и похотливо шевеля пальцами, загнал ее за трон, прижав к колоннам. Отсюда было одинаково далеко до обеих дверей.

Пальцы Альсины скользнули за лиф, она выхватила отравленный кинжал — точно такой же, как тот, что убил Амулия Прокаса.

— Назад, говорю тебе! — закричала она. — Один удар, и ты мертв!

Нумедидес попятился.

— Дурочка, неужто ты не знаешь, что твой отравленный ножик мне нипочем?

— Сделай только шаг, и мы с тобой проверим это.

Король подошел к трону и, подняв скипетр, снова бросился к дрожащей Альсине. Когда она взмахнула кинжалом, он серебряным набалдашником ударил ее по руке. Кинжал упал и отлетел в сторону, а Альсина, вскрикнув от боли, прижала руку к груди. Скипетр оставил большой синяк.

— А теперь, сучка, — начал Нумедидес, — мы...

Правые двери приемной палаты распахнулись. На пороге стоял Туландра Ту, опираясь на резной посох.

— Как ты попал сюда? — возмутился Нумедидес.

Шипящий голос темнолицего колдуна прозвучал, как удар бича.

— Государь! Я предупреждал тебя, чтобы ты не трогал моих слуг.

Король скривился:

— Мы просто немножко поиграли. А кто ты такой, чтобы вообще предупреждать о чем-то бога? Кто здесь правит, ты или я?

Туландра Ту улыбнулся тонкой, зловещей улыбкой.

— Ты царствуешь, но не правишь. Правлю я.

Щеки Нумедидеса побагровели от гнева.

— Не кощунствуй, нечестивец! Прочь с глаз моих, пока я не испепелил тебя!

— Успокойся, Государь. Я пришел с новостью...

Голос короля сорвался на визг:

— Я сказал — убирайся! Я покажу тебе, как...

Нумедидес на ощупь нашел рукоять Государственного Меча. Выхватив тяжелый клинок из блистающих ножен, он двинулся к Туландре Ту, сжав меч обеими руками и вращая им над головой. Колдун спокойно ждал, пока он приблизится.

С громким криком король взмахнул мечом, чтобы нанести сокрушительный удар. В последнее мгновение Туландра, чье лицо оставалось таким же бесстрастным, выставил вперед свой посох. Сталь и резное дерево оглушительно зазвенели, словно у Туландры в руках тоже был тяжелый меч. Колдун ловко выбил оружие из рук короля посохом и швырнул его в воздух. Меч, вращаясь, взлетел вверх и упал, пролетев у самого лица короля и оставив на его щеке глубокую длинную царапину. По рыжей бороде потекла кровь.

Нумедидес коснулся щеки и удивленно уставился на кровь, стекающую с пальцев.

— У меня кровь, кровь, как у смертных, — прошептал он. — Что же это?

— До бога тебе еще расти и расти, — улыбнулся Туландра.

Король, побагровев от гнева, завопил что есть мочи.

— Рабы! Паж! Фаздо! Маний! Черт побери, куда вы подевались?! Вашего божественного хозяина убивают!

— Это ему не поможет, — ровно проговорила Альсина. — Он мне сказал, что услал всех своих слуг, чтобы моих криков никто не услышал.

Она откинула здоровой рукой растрепавшиеся волосы.

— Где мои верные слуги? — вопил Нумедидес. — Валерий! Прокас! Теспий! Громель! Вульмана! Где мои придворные? Где Вибий Латро? Неужели все бросили меня? Неужели меня больше никто не любит, ведь я столько всего сделал для Аквилонии! — всеми оставленный царь зарыдал.

— Приди в себя, — сурово сказал колдун, — и знай — Прокас мертв, Вибий Латро бежал, Громель перешел к врагу. Вульмана, как и все остальные, сражается вместе с князем Ульриком. У меня есть еще кое-что тебе поведать.

Нумедидес побрел к трону и, запутавшись в своей хламиде, плюхнулся на подушки. Он вытащил грязную салфетку из рукава и приложил ее к щеке, — салфетка окрасилась кровью.

— Если ты не можешь владеть собой, — сказал Туландра Ту, — я разделаюсь с тобой и буду править сам, а не через тебя, как делал раньше.

— Ты никогда не будешь королем, — просипел Нумедидес. — Ни один человек в Аквилонии не покорится тебе. Ты не королевской крови. Ты не аквилонец. Ты даже не хайбориец. Я начинаю сомневаться даже в том, что ты человек, — он помедлил и бросил на колдуна злобный взгляд. — Так что, поскольку мы друг друга ненавидим, ты нужен мне, так же как и я тебе. А что там за новости, на которые ты намскаешь? Надеюсь, хорошие. Говори, господин колдун, не мучь меня.

— Что же, слушай... Сегодня я рассчитал наши гороскопы, — над нами нависла смертельная опасность.

— Опасность? Откуда?

— Этого я не могу сказать; указания неясны. Наверняка это идет не от войска мятежников. Астральность показывает, и вчерашнее сообщение князя Ульрика подтверждает это, — что мятежников поймали, как свиней в загон, около Илимии. Скоро они отступят, осознав безнадежность своего положения, рассеются в отчаянии или будут уничтожены. Их нам нечего бояться.

— А вот этот дьявол Конан, может он проскользнуть мимо князя Ульрика?

— Увы, мои астральные видения неясны, я не знаю, что делает человек, находящийся так далеко. Но этот варвар — умный негодяй, я предупреждал, что с ним шутки плохи.

— Мне доносили, что банды предателей видели в городе, — губы короля побелели от страха.

— Это слухи, это ложь, если только в центральных провинциях не появился новый вождь.

— Ты думаешь, этот подлец высадится на берег и возьмет город в кольцо? Что мы тогда будем делать, — Черные Драконы далеко?.. Это ты придумал послать их к князю Ульрику, — голос короля визгливо задрожал, — страх и злоба словно дергали за невидимую струну. Он перешел на высокий слог: — Я доверил эту войну тебе, потому что ты утверждал, что владеешь тайным искусством волшебства. Теперь я вижу, что ты просто молокосос во всем, что касается этого дела. Ты все испортил! Когда ты погнал Прокаса в Аргос, ты говорил, что это вторжение раз и навсегда покончит с угрозой восстания, — но вышло совсем по-другому. Ты уверял меня, что этот сброд никогда не перейдет через Алиману, — а что получилось — Приграничный Легион был разбит и разбежался на все четыре стороны. Судя по твоим словам, у них не было никакой возможности пройти по Имирийскому откосу, — а они прошли. Наконец, ты наслал на них чуму и говорил, что она перекосит их всех до последнего, а...

— Государь! — чей-то тонкий голос прервал обвинения короля. — Ради всего святого,пусти меня! Дело неотложной важности!

— Это мой паж, я узнаю его голос. — Нумедидес поднялся и пошел к левой двери, что была заперта. Он повернул ключ, в залу влетел мальчик, одетый пажом.

— Господин! — выдохнул он. — Дворец в руках мятежника Конана!

— Конан! — вскочил король. — Что случилось? Говори!

— К дворцовым воротам подошел отряд Черных Драконов, — или людей, переодетых ими, — они кричали, что у них неотложная весть для короля, что они прямо из боя. Стража ничего не заподозрила и пропустила их, но я узнал великана-киммерийца сразу, как только увидел в освещенной передней зале его обезображенное шрамами лицо. До того как я пришел в Тарантию служить государю, я знал его по Вестермарку. И я бросился предупредить тебя.

— Значит, сейчас он ворвется к нам?! Во дворце нету даже стражи, — только тощие юнцы да эти древние старики, — он повернулся к Туландре Ту, глаза его пылали яростью: — Ну, проклятый колдун, сделай же что-нибудь!

Чародей уже делал посохом какие-то пассы, шептал что-то на прищепывающем, странном языке — длинные, звучные заклинания. В палате происходило нечто необыкновенное. Свечи померкли, помещение наполнилось чем-то вроде клубящегося дыма, ползучего тумана, что стелется вечером над болотами; повеяло гнилью. Тьма все сгущалась, и наконец в Палате Личных Аудиенций стало темно, как в темнице, запертой на вски вечные.

— Ты ослепил меня! — в ужасе вскричал король.

— Верно, государь! Я наложил на дворец заклятье тьмы, — это наша волшебная защита. Если мы запрем двери и будем говорить шепотом, враги нас не найдут.

Паж вслепую дошел по широкому ковру до дверей, что были слева от трона, и повернул огромный ключ; Альсина, гибкая как ягуар, подскочила к правым дверям и тоже их заперла. Король вернулся к трону и сел, страх сковал ему язык. Альсина добралась до колдуна и в немой мольбе припала к его тощим ногам. Паж, плохо ориентируясь в темноте, пополз от двери назад, — как хотелось ему быть сейчас дома, среди покойных

аллей Тарантии. Воцарилась полная тишина, в которой был слышен лишь стук четырех напуганных до смерти сердец.

Неожиданно двери, которые запирали паж, распахнулись, послышались последние слова заклинания на древнем либерийском языке. Тьма сначала прояснилась, а потом и вовсе улегучилась; бесчисленные свечи, как и прежде, залили светом все уголки Приемной Палаты.

В открытых дверях стоял Конан-киммериец, сжимая в руке окровавленный меч; у плеча его — Декситель, жрец Митры, он произносил последние слова своего могучего заклинания.

— Убей их, Туландра! — взвизгнул Нумедидес, он не сводил глаз со своего бывшего маршала. Он прижимал к порезу на щеке салфетку и стонал от ужаса. Альсина подползла ближе к своему наставнику и впиалась злобными глазами в того, кто выжил, испив сс ядовитого зелья.

Туландра Ту поднял резной посох и наставил его на Конана, прошептал проклятие или мольбу к своему неизвестному богу на языке своей никому не ведомой родины. Из ручки посоха вырвался ослепительный пучок света, — точно голубой язык живого пламени, — и ударил в кольчугу Конана. Огненная стрела упала, ударившись о неведомую преграду, и покатиалась по полу, рассыпая искры, — точно молния прогремела.

Туландра Ту грозно сдвинул брови и повторил заклятие, — на этот раз громче и властнее, — он простер руки к Дексителю. Голубой огонь вновь прочертил воздух и упал, как вода с высоты, выплеснутая на стеклянную панель.

Конан шагнул к колдуну, синие глаза его горели жадной убийства, но перед ним встал сотник Сильван.

— Это он убил мою дочь! Я отомщу за нее!

Глаза Сильвана налились кровью, сверкали безумием. Он ринулся к колдуну, вращая меч над головой. Но не успел он сделать и трех шагов, как колдун выставил вперед посох и вновь выкрикнул свое заклятие. Все вновь озарилось ослепительным, нестерпимым голубым светом, и Сильван, вскрикнув от ужаса, рухнул навзничь.

На спине его в кольчуге зияла дыра шириной с палец, сталь чернела и сворачивалась, точно лепестки смертельной розы. По иранистанскому ковру потекли струйки крови, смешиваясь с его золототкаными цветами.

Конан не стал тратить время на скорбь по погибшему соратнику, но ринулся к колдуну, меч блеснул в его руке. Паж, пепельно-бледный от ужаса, скорчился за тронном, Альсина и король жались у стен.

Но силы еще не оставили Туландру Ту. Схватив костлявыми руками посох, он выставил его перед собой на расстоянии вытянутой руки, прошептав что-то на языке, древнем уже в те времена, когда море поглотило Лемурию. Конан сделал еще один шаг и остановился, натолкнувшись на невидимую преграду.

Эта незримая поверхность понемногу поддавалась, отступала, — Конан напрягал все свои силы. Жилы вздулись на его могучей шее, лицо потемнело от нечеловеческого напряжения, мышцы дрожали, как у пиктона. Но преодолеть преграду он не мог. Он вонзил в это невидимое вещество меч и увидел, как посох Туландры Ту, словно под давлением некоей силы, согнулся, но не сломался. Могущество волшебства Дексителя было бессильно перед посохом и заслоном, который он обещивал Туландре Ту.

Колдун заговорил, тяжелая многолетняя усталость звучала в его голосе.

— Я вижу, что этот жрец Митры, нарушитель обетов, подарил тебе броню, отражающую мои стрелы, но слишком слабы его чары, ему не уничтожить меня. Аквилония не стоит моих трудов. Я уйду в страну, что лежит за восходом солнца, туда, где люди смогут оценить мои опыты и дар бессмертия. Прощайте!

— Мессир! Мессир! Возьми меня с собой! — закричала Альсина, ломая в мольбе руки.

— Нет, милая, оставайся здесь! Ты мне больше не нужна.

Туландра Ту двинулся к дверям — тем, через которые он вошел в Приемную Палату. Гибкий заслон двигался за ним. Конан преследовал его, не отступая ни на шаг, — губы его были плотно сжаты, глаза горели смертельной яростью. Могучее тело дрожало от едва

сдерживаемой ярости, — так дрожит лев, от которого ускользает добыча.

Когда они приблизились к дверям, через которые вошел колдун, Туландра Ту, стоя на пороге, закачался, закружился. Он кружился все быстрее и быстрее, темная фигура его окуталась туманом. Вдруг он исчез.

Колдун исчез, и тут же невидимый заслон пропал. Конан прыгнул вперед, вонзая в темноту свой смертоносный меч. Изрыгая проклятия, он ринулся в коридор, — но зала была пуста. Он прислушался, но даже шагов не было слышно.

Тряхнув всклокоченной гривой, точно пропавшая с мечтой, — или отгоняя наваждение, — Конан вернулся в Приемную Палату. Декситей караулил другие двери, Альсина вжималась в стену, король Нумедидес сидел на троне и отирал пораненное лицо окровавленной салфеткой. Конан быстрыми шагами приблизился к трону и встал перед королем.

— Назад, смертный! — взревел Нумедидес, взмахивая пухлой рукой. — Помни, что я бог! Я король Аквилонии!

Конан поднял руку, — мускулы на его кисти перекатывались, как у питона. Рванув короля за одежду, он поставил его на ноги.

— Ты был королем, — зарычал он. — Может, хочешь сказать что-нибудь перед смертью?

Нумедидес обмяк, будто оплыл, — так оплывает воск, когда догорает свеча. По одутловатому лицу, смешиваясь с кровью, все еще сочившейся из раны, потекли слезы. Он упал на колени.

— Во имя всего святого, не убивай меня, добрый Конан! Я делал ошибки, да, но я желал Аквилонии только добра! Отправь меня в ссылку, и я не вернусь обратно. Нельзя убивать старого, безоружного человека!

Презрительно сплюнув, Конан плнул Нумедидеса ногой и, вытерев меч об одежду поверженного владыки, вложил его в ножны. Он повернулся на каблуках и бросил:

— Я не охочусь за мышами. Свяжите эту падаль, потом мы найдем для него яму, в которой пристало держать подобных безумцев.

Краем глаза он вдруг уловил быстрое движение, из груди Декситя вырвался вздох, — Конан вовремя заметил нависшую опасность. Нумедидес нашел отравленный кинжал, который уронила Альсина, и теперь король поднимался с пола, сжав оружие в руке, готовясь нанести Освободителю в спину последний, отчаянный удар.

Конан, обернувшись, схватил короля левой рукой за запястье. Правой рукой он сдавил вялую шею Нумедидеса и рывком могучих мускулов швырнул его на трон. Король одной рукой вцепился в запястье Конана, пытаясь освободиться. Его ноги судорожно подергивались.

Железные пальцы Конана вдавливались в пухлую шею, глаза Нумедидеса закатились. Он разинул рот, но не смог выдать ни звука. Конан все крепче и крепче сжимал горло короля питоньей, неумолимой хваткой, и все, кто был в палате, затаив дыхание, услышали, как хрустят позвонки. Из угла рта Нумедидеса потекла струйка крови, смешиваясь со слюной и слезами. Лицо Нумедидеса посинело, сведенные судорогой пальцы разжались. Отравленный кинжал со стуком упал на пол и откатился в угол. Конан ослабил смертельный зажим, лишь когда жизнь покинула тело.

Наконец Конан отпустил труп. Нумедидес лежал на троне бесформенной грудой, сползая вниз. Киммериец глубоко вздохнул, потом резко повернулся и обнажил меч — послышался звук бегущих ног и бряцанье доспехов. В дверном проеме появились его воины, искавшие своего командора по всему дворцу. Голоса затихли, все взоры обратились на Конана, — расставив ноги, сжимая меч, он стоял возле трона Аквилонии, глаза его сияли триумфом победы.

Никто не знает, что думал Конан в тот миг. Наконец, вложив меч в ножны, он нагнулся и снял с потной лысины мертвого Нумедидеса окровавленную корону. Держа тонкий обруч в руке, он поднес другую руку к подбородку, расстегнул ремешки и рывком дернул шлем. Затем он высоко поднял вверх корону и надел ее.

— Ну, — спросил он, — как я выгляжу?

— Ура Конану, королю Аквилонскому! — воскликнул Декситей.

Остальные поддержали его, и даже паж, который одним глазом выглядывал из-за трона, присоединился к чествованию Конана.

Альсина двинулась к Конану — грациозно, соблазнительной походкой танцовщицы, так будоражившей его в Мессантии. Оказавшись перед ним, она гибко опустилась на колени.

— О, Конан! — зарыдала она — Я никогда, кроме тебя, никого не любила. Но увы, я была заколдована, этот подлый колдун заставил меня выполнять свои приказы. Прости меня, я всегда буду тебе верной рабыней!

Конан хмуро взглянул на нее, голос его прозвучал как раскат грома, эхом отдавшегося в стенах.

Я буду последним дураком, если позволю тому, кто пытался меня убить, попробовать сделать это еще раз. Будь ты мужчиной, я убил бы тебя прямо здесь. Но я не воюю с женщинами. Иди прочь!

— И если утром тебя найдут в этом городе, который теперь принадлежит мне, твоя милая головка слетит с плеч. Элат, проводи ее в конюшню, оседлай ей коня, и чтобы духу ее не было в Тарантии.

Альсина пошла к выходу, шелковистые волосы темным облаком закрыли ей лицо. У дверей она обернулась, чтобы бросить на Конана последний взгляд на щеках ее блеснули слезы. Она ушла.

Конан пнул ногой труп Нумедидеса.

— Отрубите у этой падали голову, наденьте ее на копье, пусть весь город увидит, а потом отвезите в Илимию, к князю Ульрику, чтобы он и его войска знали, что у Аквилонии теперь новый король.

Расталкивая всех плечами, к Конану пробился один из его воинов.

— Маршал Конан!

— Что?

Воин перевел дух. Глаза его были размером с пуговицы.

— Ты велел нам с Кадмом стеречь дворцовые ворота. И вот только что мы услышали, как из конюшен выехала карета с лошастью, но мы ничего не увидели. А потом Кадм показал на землю, дорога была залита лунным светом, и там была тень, будто от кареты с

лошадью. Она бежала по земле, но больше ничего не было, только тень.

— Что вы сделали?

— А что, что мы могли сделать? Тень проскользнула в открытые ворота и побежала по улице, а я поспешил к тебе.

— Это колдун, с кем-то из своих подручных, я не сомневаюсь, — сказал Конан собравшимся. — Пускай уходят, — этот чародей сказал, что отправится в какие-то далекие восточные земли. Больше он нас не потревожит. — Он повернулся к Декситей: — Утром мы будем раздавать должности, и ты станешь моим канцлером.

— Нет, нет, Ко... Государь! — горестно воскликнул Декситей. — Я должен уйти в отшельники, чтобы искупить грех обращения к магии, — я нарушил законы ордена.

— Вот когда появится Публий, тогда, — ради бога, — уходи. Нам нужно временное правительство, а ты мудр в делах политики. Завтра к полудню собери придворных.

Декситей вздохнул.

— Хорошо, мой Государь. — Он взглянул на тело Сильвана и печально покачал головой: — Как горько мне, что он погиб, но я не мог воздвигнуть заслон вокруг вас обоих.

— Он погиб смертью воина, мы похороним его с почестями, — сказал Конан. — А где в этом мраморном хлеву можно принять ванну?

Постриженный и побритый, облаченный в черный бархат, Конан восседал на троне в Приемной Палате. Вокруг не оставалось и следа боя — тела убрали, отравленный кинжал закопали, кровавые пятна с ковра счистили. На лице Конана — словно высеченном из камня — играла выжидательная улыбка.

В дверь вошел канцлер Публий, он был в бархатном камзоле и держал под мышкой кипу свитков.

— Господин! — начал он. — Тут у меня...

— Гром и молния Крома! — вспыхнул Конан. — Неужели все это не может подождать?! Сейчас придет Просперо с красавицами, которые добровольно вызва-

лись быть подругами короля. Мне нужно какую-то выбрать.

— Сир! — сурово произнес Публий. — У меня безотлагательные дела. Твои девицы не умрут, если немного подождут.

Вот, например, прошение от баронов Касприи, они умоляют простить им недоимки. Вот отчет о состоянии казны. А вот тяжба Фингаса против Ария Приска. Уже почти шестнадцать лет длится.

А это письмо от некоего Кесадо из Кордавы, бывшего инпиона Вибия Латро. Мне сдается, мы с ним уже встречались.

— Чего хочет этот шакал? — буркнул Конан.

— Просит, чтобы ему опять дали какое-нибудь задание.

— Ага, он был очень искусен, пытался вокруг и притворялся пьяным или дураком. Назначь его куда-нибудь, — в суд, что ли, но не посылай в соседние королевства инпионом.

— Да, Господин. Вот тут еще Гален Село подал прошение о королевской милости, умоляет простить его. А это вот от кузнечной гильдии. Они хотят, чтобы...

— Боги и демоны! — вскричал Конан, ударяя себя волосатым кулаком по ладони. — Почему мне никто не сказал, что королю приходится заниматься всем этим занудством?! Да лучше я буду предводителем пиратов.

Публий улыбнулся:

— Даже самая легкая корона бывает ой какой тяжелой. Правитель должен править, не то на его место сядет кто-нибудь другой. Вот последний, Пумедидес, брезговал своими обязанностями, и его...

Конан вздохнул.

— Ладно, чего уж там, согласен, ты прав, Кром поберей. Паж! Принеси стол и разложи все эти бумаги. Давай, Публий, начнем сначала с казны...

I. Красные тени

Из тайных бездн в чреве земном
Забывтым, древним, страшным сном
На крыльях тени в мир скользят.
Как кровь, как жгущий душу Ад.

Видения Эмилиануса

Король Конав восседал на троне для судебных разбирательств в Зале Правосудия, расположенном в одном из покоев его дворца в Тарантии — столице королевства Аквилонии. За разноцветными витражами окон, над зелеными садами, усыпанными яркими благоухающими цветами, изгибался свод голубого неба. Дальше, за садами, ввысь устремились квадратные башни из белого камня, пронзающие небесную синеву купола, отсвечивающие зеленоватой медью, силуэты домов, храмов, дворцов, крыши которых были покрыты красной черепицей. В ту древнюю хайборийскую эпоху это действительно был самый величественный город Западного мира.

За садами виднелись старательно выметенные улицы Тарантии, запруженные потоками движущихся людей: мужчины и женщины, пешком, на спинах лошадей, мулов, ослов, в носилках и на колесницах, в повозках, запряженных четверками быков, и на телегах. Речные суденышки, словно тучи водяных насекомых, облепили берега реки Коротас. За два десятилетия твердого, но терпимого правления Конана Великого, Аквилония превратилась не только в самую могущественную, но и в самую цветущую страну из когда-либо существовавших в этом предрассветном мире.

В то время как король вершил свое правосудие, в колонном зале, поодаль друг от друга, стояли группы богато разряженной знати; придворные в шелковых одеяниях, толстые купцы в кафтанах строгого покроя, шею каждого из которых украшала серебряная цепь со знаком своей гильдии на медальоне. Судебный список включал несколько чрезвычайно важных дел, и поэтому сейчас здесь собралась большая часть знатных жителей Аквилонии. Среди них был юный Гонзальвио, сын князя Пуантенского, вместе со своим отцом, старым Троцерио, стройным и элегантным, одетым, как обычно, в алый бархат; золотой леопард — символ его провинции — был рельефно выткан серебряной нитью на его тунике. Здесь присутствовали также граф Монато из Кафен, барон Гильом из Имируса и аскетического вида старец с белоснежной бородой — широко образованный и мудрый Декситей, Верховный Жрец Митры.

Суровые воины, облаченные в черные кольчуги королевских легионов, зловеще застыли у сводчатых дверей и у портика; солнечный свет вспыхивал на их шлемах с драконьими крылами и поблескивал на наконечниках копий. Все взгляды были устремлены на центральный помост, где над толпой смутно нависли два трона, и на толстого торговца, усыпанного драгоценными камнями, беспокойно переминавшегося с ноги на ногу. А в это время его адвокат в серебристо-черной, будто припорошенной дорожной пылью мантии держал оправдательную речь перед большим из тронов.

С его высоты на трепещущего ответчика грозно взирал Конан. В душе он чувствовал глубокое отращение к этим утомительным, многословным, запутанным делам о налогах, с их ложью, так похожей на правду, с их сложными математическими расчетами, от которых раскалывалась голова. Как бы ему хотелось запустить короной в толстую рожу этого жадного глупца, стоящего перед ним, ринуться прочь из зала, ударить ногами по крутым бокам могучего жеребца и умчаться на весь день на охоту в Северные леса. «Чума забери эти королевские обязанности», — думал он. Они высасывают последние капли животворной влаги из

человеческого тела, превращая мужчину во вздорного старого крючкотвора, в жилах которого не хватит горячей крови даже на взмах меча. После двадцати утомительных лет под тяжестью короны, прежде чем неумолимая, всепобеждающая секира времени подкосит его, человек просто обязан отбросить все почести и титулы и умчаться к туманным горизонтам последнего приключения, в путь, отмеченный запекшимися кровавыми следами.

Конан украдкой бросил взгляд на соседний трон, где сидел принц Конн, его сын, наследник Аквилонии. Парню было уже двадцать лет — вполне достаточно, чтобы занять престол самого могущественного королевства Запада. С легкой улыбкой, игравшей на суровой складке рта, старый король изучал ответ скужающей мятежной неприязни на лице молодого Конна. Вне сомнений, парень тоже мечтал сбросить с себя эти сковывающие парадные одежды и умчаться на весь день на охоту или, может быть, окунуться с головой в ночной разгул в одной из прибрежных пивных. Конан усмехнулся, вспомнив многочисленные попойки своей собственной горячей молодости.

Действительно, принц Конн был копией отца в его юные годы. Те же нахмуренные черные брови над пронзительными, глубоко посаженными голубыми глазами, то же смуглое угловатое лицо, обрамленное черной гривой жестких, ровно подрезанных прямых волос, та же мощная комплекция молотобойца, с широкими плечами, покатою грудью и буграми массивных мускулов, которых не могли скрыть шелка и бархат; те же длинные стальные ноги. Едва достигший совершеннолетия, сын Конана был на голову выше большинства присутствующих в зале, уступая лишь своему могучему повелителю, величайшему из воинов, когда-либо переступавших порог этого мира.

Что же касается самого Конана, то время еще не могло сломить этого неукротимого борца. Действительно, шестьдесят с лишним лет жизни уже вплели серебряные нити в густую черную шевелюру и в седую, коротко подстриженную жесткую бородку, закрывавшую его суровые губы и железные скулы. Он

несколько высох, став похожим на усталого серого волка Северных степей. Холодная рука времени уже вырезала глубокие морщины над угрюмыми бровями и на изрытом шрамами лице. Но по его мощной фигуре все еще перекачивались волны неистребимых жизненных сил и жгучее пламя едва сдерживаемого гнева таилось в глубине глаз. Парализующая хватка времени еще не сумела сковать титаническую силу его могучих, словно железные клещи, рук, переплетенных узлами тугих мышц и угрюгих сухожилий.

Он восседал на серебряном троне, как на широкогрудом жеребце среди усеянного телами бескрайнего поля сражения. Могучая рука крепко сжимала серебрясто-черный жезл правосудия, словно утыканную пинами боевую булаву, которая в любой момент могла взмыть вверх, чтобы тут же обрушиться на теснящуюся внизу толпу. Богатые одежды, усыпанные драгоценными камнями, украшенные золотыми цепями и медальонами, облегали его усохшую мощную фигуру, напоминая воинские доспехи. Куда бы он ни вошел — в полную ли веселья пиршественную залу, в пыльную ли тишину библиотеки, пронизанную призрачными отзвуками древности, в обитую ли шелками спальню, — этот угрюмый варвар из придавленных низкими облаками пустынь северной Киммерии приносил с собою грозную, безжалостную атмосферу поля брани. И это был не просто отпечаток прошлых лет, даже теперь, когда причуды Судьбы, усмешка богов или, может быть, его собственная несгибаемая воля вырвали этого чернобрового дикаря из ряда безымянных искателей приключений, чтобы поднять его в сверкающую высь — обитель сильных мира сего, сделав его повелителем могущественного королевства Западного мира. Конан помнил ту ночь почти полвека назад, когда, одетый в лохмотья юнец с безумным взглядом, он прокладывал себе дорогу, вырываясь из хайборийского загона для рабов, вращая обрывком цепи, чтобы потом безоружным пуститься в долгий путь, который лишь немногих избранных приводит к могуществу и славе. В стычках и битвах неукротимый киммериец прошел полмира на-

встречу своей судьбе, прорубив багряную тропу сквозь десяток королевств, от грохочущих пляжей Западного Океана до туманных долин сказочного Кхитая.

Грабитель, пират, наемник, искатель приключений, предводитель варварских племен, главнокомандующий королевских войск, он отваживался на многое и был знаком со всеми опасностями и чудесами, какие только мог предложить ему этот мир. Своим могучим мечом непобедимый киммериец повергал в прах демонов, драконов и кровожадных чудовищ Древней Тьмы. Тысячи врагов познали жгущий укус его вихрем носящегося клинка — воины, покрытые с ног до головы бронзовой броней, злобные колдуны, воинственные вожди белых варварских народов, высокомерные короли. Даже бессмертные боги иногда вынуждены были избегать гнева его сокрушительного меча.

Но приключению, начавшемуся здесь, в Королевском Зале Правосудия в Тарантии, этим теплым весенним днем, по прошествии девяти тысяч лет со времени падения Атлантиды и за семь тысячелетий до расцвета Египта и Шумерского царства, суждено было стать самым странным и фантастическим из всех многочисленных испытаний, которыми и так была насыщена его славная и полная смертельной опасности жизнь.

Это произошло совершенно неожиданно.

Еще мгновение назад Конан сердито разглядывал торговца и его речистого жестикулирующего защитника, но в следующий миг озадаченный взгляд киммерийца скользнул по залу к месту, где элегантная фигура его старого верного друга, князя Троцера из Пуантена, вдруг запаталась на отполированном до зеркального блеска полу.

— Нет, нет! Во имя всех алых демонов Ада!

В хриплом голосе старого придворного прорезались нотки ужаса и отчаяния, оборвавшие витиеватую речь адвоката. Изумленные лица обратились к его закачавшейся на одревеневших ногах фигуре. Брови поползли вверх. Возможно ли, чтобы старый князь Пуантенский явился в Зал Правосудия пьяным?

Одного взгляда на онемевшее от страха, белое лицо Троцero было достаточно, чтобы отбросить эту мысль. Крупные капли холодного пота поблескивали в его бескровных чертах, а мертвенно-бледные губы шевелились будто в немой агонии. Вокруг остекленевших глаз придворного выступили черные круги.

— Троцero! — рявкнул Конан. — Тебе плохо? Что случилось, дружище?

Король чуть привстал, в то время как его ближайший друг и вернейший из соратников пнатался на отполированных мраморных плитах с вытянутыми вперед руками, словно желая отстранить невидимого врага. В зале воцарилась тишина. Рослый сын Троцero бросился от трона, протянув одну руку, чтобы поддержать своего господина. Старый воин стоял в самом центре зала, не в силах сдвинуться с места; ноги его дрожали.

— Нет, я сказал! Я не могу, — ты не посмеешь! О Иштар и Митра! Мит... — его голос сорвался в злое- щий вопль.

И тогда Ужас нанес свой удар.

С крестового сводчатого потолка, из углов просторного зала вылетели крылатые тени — бледные и прозрачные, как обрывки дымчатой ткани, призрачно-красные Тени Ужаса.

В мгновение ока они опутали дрожащую фигуру старого пуантенца. Сквозь красноватую пелену находящиеся в зале могли видеть его белые неподвижные черты лица, застывшие в гримасе странного мучения. Будто стая призрачных летучих мышей-вампи- ров облепила неосторожного путника с ног до головы.

В течение бесконечно долгого, словно бы остановившегося мгновения Красные Тени закутывали жертву в свои бледно-розовые покрывала. Вскоре они исчезли вместе с ней.

Своей неподвижностью зал напоминал застывшую в красках картину. Печать растерянности лежала на лицах присутствующих. Старый князь Пуантенский, который уже четверть века стоял возле трона Конана и сражался за него, вдруг растворился в воздухе.

— Отец! О боги... — Голос молодого Гонзальвио оборвался в звенящей тишине.

— Во имя железного сердца Крома! — прогремел Конан. — Черная магия при моем собственном дворе? Я сниму голову с того, кто сотворил это! Эй, стража! Проклятье, что вытаращились, олухи, — трубите тревогу!

Яростный рев Конана вдребезги разбил хрупкую тишину. Женщины, пронзительно вскрикнув, падали в обморок. Мужчины ругались, терли глаза и снова опарашенно устремляли невидящий взгляд на то место, где только что стоял один из величайших пэров Аквилонии. Над всей этой суматохой поднялся визгливый бронзовый зов военных рожков. Грохотали барабаны, и мрачные воины из легиона Черных Драконов Конана, с мечами в руках, расталкивали струсившуюся в замешательстве толпу. Они пробивали себе дорогу к висающему над помостом знамени Аквилонии, с вышитым на нем львом, вставая на защиту его и правителей, восседавших под его пологом. Но мечи не могли отыскать там ни притаившегося убийцы, ни шпиона, — то есть ничего, доступного глазам.

На помосте, среди закованных в доспехи воинов, король Конан рыскал по залу горящим немигающим взором. Сейчас он был похож на грозного льва среди саванны. Глубокая боль пронзила его загадочное сердце, и острое чувство потери хлынуло в душу. Троцero Пуантенский был первым, кто поддержал Конана, когда тот возглавил бунт против короля-выродка Нумедидеса. Престарелый граф предпринял далекое путешествие к берегам страны пиктов, чтобы вернуть назад бывшего главнокомандующего аквилонскими армиями, которому пришлось бежать от наемных убийц, посланных завистливым Нумедидесом.

Вскоре Конан выступил из Зингары во главе опытных и храбрых воинов. Постоянно пополняя ряды своими сторонниками, он, подобно кровавому мечу, рассек всю Аквилонию от дальних провинций до ворот увенчанной башнями Тарангии, откуда шагнул на ступени королевского трона. И там он собственными руками задушил развращенного Нумедидеса и водрузил

корону на свою черноволосую голову. В глубине души Конан горячо оплакивал потерю своего самого старого верного друга, ставшего первой жертвой Ужаса...

Оставшиеся две недели этого месяца Ужас атаковал снова и снова, пока семь тысяч жителей Аквилонии — пэров и поденщиков, графинь и куртизанок, баронов и бродяг, священников и крестьян — не исчезли в роковых объятиях Красных Теней.

II. Черное сердце Голамайры

Пока ленивые года тянулись словно корабли,
И фениксы покой мосей гробницы стерегли.
В бездонных пропастях унынья мрачного я спал,
Но пробил час, и я от сна восстал!

Конан спал один под неусыпной охраной в одном из просторных покоев своего дворца. В сумеречной вышине неясно маячил позолоченный купол потолка. И хотя последние три дня он не смыкал глаз ни на минуту, отчаянно пытаясь совладать с мистической напастью, поразившей его королевство, сон Конана скорее напоминал беспокойную дремоту, часто посещаемую какими-то видениями. В течение длинных дней и ночей, полных горького бессилия, он держал бесконечный совет. Конан искал ответа у мудрейших людей королевства — седовласых старцев и образованнейших ученых мужей. Он просил священнослужителей Митры, Интар и Азуры молиться о заступничестве богов. Он слушал рассказы шпионов и изучал донесения тайных агентов. Он пытался прибегнуть к чарам и ворожбе служителей тайных культов, — все напрасно.

Теперь изнеможение подточило силы даже его негибасмой железной ярости. Старый, поджарый волк, охваченный беспокойной наркотической дремотой, Конан растянулся в тяжелой кольчуге на шелковых покрывалах, положив под руку свой широкий меч.

Конану казалось, что он слышит далекий голос. Отдающийся эхом призыв прозвучал достаточно громко, чтобы заставить его насторожиться, но столь ту-

манно и неясно, что он никак не мог проникнуть в смысл фразы, жутким шепотом растекающейся по его комнате.

Конан вскочил с постели и, осмотрев свои голые руки и ноги, понял, что это было сновидение. Король обернулся и увидел свое собственное тело, погруженное в глубокую дремоту. Кольчуга мерно вздымалась на широкой груди, поблескивая в серебряном лунном свете, проникавшем сквозь высокие узкие окна.

Снова раздался далекий бормочущий зов, в котором звенели властность и непреклонность. Поразительно, что потом Конан так и не смог ясно представить себе, как из пронизанной лунным светом темноты комнаты он двинулся вперед, разбивая преграды пространства и времени, пока выходящая вихрем серая, как его поседевшая борода, дымка не сомкнулась вокруг него, скрыв все остальное из виду. И даже после этого он все перемещался вперед каким-то непостижимым способом, так не похожим на движение в оставленном позади материальном мире. — вперед, сквозь серую тьму, застилающую глаза подобно липким объятиям ночного гумана

Из этой зыбкой дымки снова и снова доносился тот настойчивый голос, который извлек его дух из громады плоти и увлекал его в этот мир прозрачной темноты и феерического гумана. Постепенно звуки голоса, раздающегося вновь и вновь, стали яснее. «Конан из Киммерии! Конан-Аквилонец! Конан-Островитянин!»

Теперь Конан слышал голос совсем отчетливо, но последняя фраза озадачила его, что значит имя «Конан-Островитянин»? Никогда, за все долгие годы скитаний, это прозвище не было связано с его именем.

Наконец он дошел до места, где почувствовал твердую почву под ногами. И в этом странном сновидении ему почудилось, что серый гуман рассеялся. Тусклый неземной свет пробивался сквозь голубоватые пары. Теперь он находился в колоссальных размеров зале, чьи темные стены и величественный сводчатый потолок казались вырезанными из черной, как могильная тьма, плоти самой Древней Ночи. Слабое мистическое свечение как будто исходило от самих камней, и он мог

смутно различить гигантские ниши, возносящиеся от пола до сводчатого потолка.

Каждый квадратный дюйм черных стен был покрыт изумительной резьбой, изображавшей пышные процессии крошечных фигур, — бесконечная стремительная панорама, заполненная миллионами сталкивающихся и сражающихся людей. Приблизившись, он поразился необычности их одежд и оружия, будто принадлежащих далеким эпохам и другим мирам. Словно чьи-то титанические усилия превратили холодные камни в великоленные гобелены, в которых с высоты птичьего полета отразилась история всего человечества, начиная от забытых дней до Катаклизма, когда Атлантида и Лемурия, Валусия и Грондор боролись за мировое господство; и даже раньше, когда сгорбленные косматые предки людей неуклюже пробирались сквозь джунгли и чернокрылая Ка, Птица Сотворения Мира, впервые вылетела с загадочного Востока, чтобы запустить ход Времени.

Над сражающимися рядами древних королей и героев неясно вырисовывались и другие фигуры — безобразные, нескладные и ужасные. Конану казалось, что в глубине своей души он имел представление об этих существах — древних Безымянных Тварях, господствовавших над заполненной звездами вселенной за миллиарды эонов до рождения Голамайры — Первого из Людей.

Теперь Конан знал, что он шел через сновидения, где время остановилось, и что дух его был захвачен древней Силой, которая стерегла племя людей. Исходящим из самого нутра звериным чутьем, столь естественным для его варварской души, он постигал, что нога смертного еще не касалась этой мертвой пыли, покрывавшей черный пол задолго до начала счета времени. Это существовало всегда, и он сознавал это. И даже более того, ему казалось, что однажды, много лет назад, он стоял на этом самом месте и проходил вниз, в разверстую черную глотку этой гигантской пещеры, охваченный таким же странным магическим сном.

Бесконечное число лет прошло с того далекого дня, но что такое эфемерные поколения смертных людей

для него, вечно спящего под черными сводами лежащей вне времени Голамайры, Горы Вечности?

Конан вступил на широкую винтовую лестницу, которая уносила крутые ступени из черного камня на немыслимую высоту. Уступы стен были здесь украшены загадочными символами какого-то тайного письма, настолько древнего и в то же самое время смутно знакомого, что пробудили в нем неясные воспоминания. Рожденные воспоминания восходили к опыту далеких предков, еще во многом похожих на первых человеко-зверей, неуклюже ковыляющих сквозь Времена Рассвета. И вспыхивающие в этом туманном вихре неясные проблески, в которых оживали видения Старших Времен, вызвали мурашки на его голом теле. Он поспешно отвел глаза от загадочных иероглифов. Поднимаясь по ступеням этой колоссальной лестницы, Конан видел, что всякий раз ставит ступню на слепо шарящую в темноте голову змеи с омерзительно-тонкой чешуйчатой шеей. Извивающиеся кольца змеи были высечены в камне и вызывали образы тех ненавистных кошмарных форм, которые называли Сетом. Старый Змий, бессмертный, злобный Демон Тьмы. Этим символическим приемом неизвестные зодчие хотели знаменовать, что путник каждым своим шагом попирает слепые силы зла и хаоса.

Конан медленно двигался вверх по бесконечной спирали лестницы. Наконец он увидел и саму гробницу, высеченную из сверкающего массивного кристалла, название которого Конану не было известно. Если это был бриллиант, а кристалл действительно был похож на него, то ценность камня, из которого была сделана гробница, была просто немыслимой. В холодном кристалле мириадами звезд сверкали беспокойные лучи мерцающего света.

По обе стороны погруженного в сон склепа в мрачном безмолвии застыли огромные зловещие фигуры фениксов с железными клювами и когтями. Их широкие крылья раскинулись над бриллиантовой усыпальницей, укрывая зубцами каменных перебов обитателя склепа. Из непроглядной темноты гробницы стали возникать очертания титанической фигуры, окруженной

сверкающим ореолом лучей чистейшего света. Завороженный, онемевший Конан не мог оторвать глаз от величественного, обрамленного седой бородой лица.

— Говори, о смертный! — трубно прозвучал глубокий голос. — Знаешь ли ты, кто говорит с тобой?

— Да, — с трудом произнес Конан, — во имя Крома и Митры и всех Богов Света, ты — пророк Эпимитреус, чья плоть превратилась в призрачную пыль пятнадцать тысяч лет назад!

— Верно, о Конан. Много лет прошло с тех пор, как я призвал твой спящий дух, чтобы он предстал передо мною здесь, в черном сердце Голамайры. За протекшие с того дня годы мой немеркнущий взгляд неотступно следовал за тобой по всем извилистым дорогам, через все битвы в разных уголках земли. И ты всегда выбирал правильный путь. Все было сделано так, как того хотели Бессмертные, поставившие меня охранителем людей. Но сейчас тьма нависла над Западными землями — тень, рассеять которую не в силах ни единый смертный, кроме тебя.

Конан вздрогнул от неожиданности этих слов и хотел заговорить, но высохшая рука старца поднялась вверх, приказывая молчать.

— Слушай внимательно, о Конан! В былые времена Боги Жизни дали мне власть и мудрость, недоступную другим людям, чтобы я мог вести войну против исчадия самого Ада, злобного Змия, старого Сета, с которым я уже боролся и убил его, но тогда же и сам напел свою смерть. Ты знаешь это.

— Об этом рассказывается в старинных книгах и поется в песнях, — проговорил Конан.

— Да, это было так, — голова, окутанная сверкающими лучами, едва заметно склонилась. — Ты знаешь, о сын человека, что еще при рождении вечные Боги предопределили тебе великие свершения и бессмертную славу. Через множество смертельных опасностей проходил твой путь, и много темных и злых сил, человеческих и потусторонних, были повержены в прах твоим мечом. И Боги были довольны.

Конан ничего не отвечал на эту похвалу. Его угрюмое лицо было бесстрастным. Воцарилось молчание,

и затем снова раздался глубокий, звенящий в ушах голос Эпимитреуса.

— Еще одно, последнее дело ожидает тебя, о киммериец, прежде чем ты сможешь удалиться на заслуженный покой. Этот подвиг был предсказан твоему духу еще до начала отсчета Времени. Одна последняя и Величайшая победа ждет тебя, но за нее придется заплатить горькой ценой.

— Что это за предназначение и какова та цена? — потребовал ответа Конан.

— Ты должен спасти Западный мир от Ужаса, который уже сейчас медленно наступает на твои зеленые владения. Над землями людей нависло страшное проклятие. Это рок более чудовищный, чем может постичь твой ум. Это Ужас, который внезапно обрушивает вниз свои чары, поработщает души людей и рвет в куски их несчастные тела. Ужас, который должен был рассыпаться в пыль десять тысяч лет назад.

Сверкающий взгляд пророка изучающе застыл на суровом лице киммерийца.

— Но, чтобы совершить это, тебе придется передать трон и королевскую корону твоему сыну и в одиночку устремиться вперед к туманным горизонтам самых отдаленных границ Западного Океана. Ни один человек не отваживался проникнуть туда с того самого времени, когда по воле рока Атлантида погрузилась в сверкающие волны. Именно этой ночью ты должен оставить корону и грамоту об отречении от престола — все, чем ты доселе был связан, и тайно отправиться за пределы твоего королевства, чтобы никогда более не увидеть его. Путь в неведомые края долог и тяжел. Множество смертельных опасностей отделяет тебя от конечной цели, опасностей, от которых даже Боги не смогут оградить тебя. Но ты единственный из людей, кто может пройти по этой тропе, имея хоть какой-то шанс на победу. Да, все эти великие испытания и великая слава предназначены тебе одному, потому что лишь немногим смертным суждено участвовать в судьбе этого мира.

Сквозь облако света старец улыбнулся стоящему внизу королю.

— Только один подарок могу я тебе дать. Пронеси его сквозь все невзгоды, потому что в час величайшей нужды лишь он сможет спасти тебя... Довольно, ничего более я не могу открыть тебе. Твое сердце само подскажет, как использовать этот талисман в час смертельной опасности.

Комочек искрящегося света, подобно облаку звездной пыли, выплыл из протянутой ладони пророка. Что-то холодно звякнуло у самых ног Конана. Не отрывая глаз от пророка, он нагнулся и поднял талисман.

— Еще одно лишь слово, — произнес Элимитреус, — короли-чародеи из забытой Атлантиды использовали Знак Черного Кракена. Этот символ иногда еще может возникнуть вновь. Остерегайся его!

— Теперь иди, сын Крома, — продолжал мудрец. — Смертному нельзя слишком долго оставаться в царстве теней, даже если его дух и был призван мною. Возвращайся, о Конан, в свою оболочку из плоти, и благословение бессмертных Богов пребудет с тобой, дабы рассеять мрак предстоящего тебе пути на краю гибели. Никогда более не окажешься ты перед лицом Элимитреуса — ни в этом, ни в других бесчисленных грядущих мирах, через которые пройдет твоя душа, вновь возродившаяся для борьбы и свершений. Прощай!

Задыхаясь, словно после жестокого удара, Конан внезапно проснулся. Он обнаружил, что лежит на шелковой постели в своей серебрищей стальной кольчуге. Липкий пот обильно струился по его телу. Несомненно, это был только сон! Наркотическое действие вина и его собственные заботы слились в одном устрашающем видении.

Но вдруг его взгляд упал на какую-то вещь, крепко зажатую во вспотевшей ладони. Это был огромный сверкающий бриллиант — талисман, выточенный в виде птицы Феникса. И Конан понял, что это было нечто большее, чем просто сон.

Спустя три часа, во время летнего шторма, когда пронизывающий насквозь ливень захлестывал могучие багнии дворца Тарантии и молнии скручивали их в фантастические фигуры, потайная дверь во внешней

стене, которой редко пользовались, неслышно открылась. Гигант, закутанный в черный плащ, из-под которого поблескивала железная кольчуга, тихо выплел из темного проема. Его лицо было наполовину скрыто огромной черной шляпой с опущенными полями. За ним показалась другая высокая фигура, за которой шел на поводу горячий жеребец. Они остановились, и первый мужчина стал внимательно осматривать подпругу и проверять длину стремян.

— Черт побери! — глухо прозвучал голос молодого принца Конна. — Это несправедливо! Если кто-нибудь и имеет право следовать за тобой, так это я!

Конан мрачно тряхнул головой, и с полей его шляпы поспешно сорвались капельки дождя.

— Кром знает, сынок, что если бы я мог взять кого-то, то я выбрал бы тебя. Но теперь мы уже не те двое беззаботных искателей приключений и не можем подчиняться своим прихотям. Человеку никогда не достичь власти и славы, если у него нет чувства ответственности. Мне потребовались годы, чтобы хорошо выучить этот урок, но иногда он мне кажется слишком тяжелым. Я уйду, возможно, навстречу смерти, а ты должен остаться здесь, чтобы править этой землей и творить на ней правосудие, как подскажет тебе разум. Такова воля богов. Полностью не доверяйся никому. Надежнее всего ты можешь положиться на тех людей, которым я сам оказал доверие. Знай, однако, что девять десятых всех похвал — ложь, ибо королевский титул притягивает к себе лесть, как падаля привлекает мух. Суди о человеке не столько по словам, сколько по делам. Никогда не наказывай принесшего дурную весть и не хмурься грозно на того, кто высказывает неприятное для тебя суждение. Иначе люди не осмелятся говорить правду своему королю. Прощай!

Железная ладонь отца крепко стиснула руку сына, и они на мгновение сдвинули друг друга в объятиях. Одним прыжком Конан взлетел в седло, пока Конн держал жеребца за поводья, другой рукой придерживая стремя. На мгновение человек в плаще обернулся, окинул тускло вспыхивающие золотом багнии Тарантии, звездной столицы Западного мира, и сердце его

— Кажется, это зингаранский пират, Страбо, — отозвался один из его дружков.

Страбо еще раз осмотрел путника с ног до головы.

— Дряхловат для пирата, парни, — насмешливо проговорил он. — Вы посмотрите на этого старого пса, непонятно по какому праву нагло развалившегося на лучшем месте в «Кубке и Трезубце». Эй, седобородый! Оттащи свои мослы в сторону и дай честным аргосцам немного погреться!

Конан метнул в него сверкающий взгляд. Если бы Страбо не опустошил столько кружек и не задибался так открыто, возможно, этот скрытый в глазах огонь проник бы даже в его окостеневшие мозги.

Ведь это был один из тех предгрозовых взглядов, который говорил о том, что Конан с трудом сдерживает закипающий гнев. Юношеский задор мелькнул в налитых кровью глазах аргосца, и его цоросячье лицо вспыхнуло.

— Тебе говорю, панана! — прорычал он и шнул Конана в голень. Звук удара во внезапно наступившей тишине прозвучал необычно громко.

Это был местный силач, громила и забияка. Рыбаки, в предвкушении забавы, подталкивали друг друга локтями, ожидая, когда Страбо выведет этого старикана из себя.

В дальнем углу таверны в молчании сидела чем-то напоминающая кошку фигура. Человек закутался в толстый черный плащ, а его капюшон был низко надвинут на глаза. Зрачки его сузились. Он весь подался вперед, наблюдая ссору со странным интересом. Движение Конана напоминало стремительный бросок возбужденного тигра. Только что сидел он, сторбившись над своим плащом, от которого с шипением поднимался пар, но уже в следующий миг он превратился в вихрь смерти, который обрушился на аргосца. Его огромная чугунная рука тисками сжала бедро противника, а другая смертельной хваткой сдвинула шею здоровяка.

Затем произошло невероятное. Конан одним движением оторвал тяжелого Страбо от пола и вывернул его через всю комнату. Тело аргосца врезалось в деревян-

ную стену с такой силой, что дом вздрогнул от удара, и с глухим стуком рухнуло на дощатый пол. Бедняга неподвижно лежал на полу, тяжело дыша и не в силах прийти в себя от изумления. Один из зрителей ошарашенно пробормотал:

— Чтoб такой старикашка. Это невоз...

Страбо, лицо которого было ярче кумачовой ткани, вскочил на ноги. Изрыгая бессвязные проклятия, он ринулся через комнату, растопырив свои громадные ручки.

Конан шагнул вперед, встречая противника. Словно железный шар, его левая рука врезалась в выпяченный живот громилы. Воздух со свистом вылетел изо рта Страбо. Его лицо посерело и покрылось пятнами. Он переломился пополам, и тогда правая рука Конана сочно припечаталась к физиономии аргосца, отчего тот вздрогнул всем телом. От удара его голова откинулась назад и все тело слегка оторвалось от пола. Когда аргосец грудой мяса рухнул вниз, Конан пинком всадил его в огонь. Угли брызнули по сторонам, и сажа взметнулась вверх, окутав камин черным облаком. С воплями дружки Страбо бросились к огню, чтобы вытащить жертву из камина — почерневшую, обессиленную, в пятнах жира. Они хлопали верзилу по бледным щекам, но голова его при каждом ударе только вяло болталась из стороны в сторону. Кровь сочилась из его смятого в лепешку носа и рассеченных губ, текла вниз к подбородку и исчезала в складках шеи. Конан не обращал на них ни малейшего внимания, а товарищи Страбо, бормоча проклятия, тащили своего приятеля в соседнюю комнату, чтобы вернуть его к жизни.

Напряженная тишина рассеялась над хором восхищенных поздравлений и комплиментов силе Конана. Многие из присутствующих уже давно надеялись, что кто-нибудь в конце концов уймёт этого не дающего никому прохода хулигана. Конан ответил хмурой кривой улыбкой и занялся подогретым терпким элем, который ему уже подали. Едва успел он сделать первый большой глоток из дымящейся фляжки, как оглушительный рев привлек его внимание.

— Во имя молота Тора и огней Баала! Лишь один смертный во всех тридцати королевствах мог так швырнуть этого жирного хвастуна! Нет, не может быть?!

Как нос корабля разрезает волны, так сквозь расступающуюся толпу к Конану пробирался человек огромного роста со слегка посеребренной сединой рыжеватой бородкой. В великолепном алом кафтане, расшитом золотом, неуклюже раскачиваясь на ходу, он походил на здорового красного медведя. На лысой голове незнакомца небрежно сидела шляпа с пером, а в мочках ушей болтались золотые серьги. Тройной шелковый пояс, весь в сверкающих искрах драгоценных камней, поддерживал его массивный живот. За пояс был заткнут усыпанный самоцветами кинжал и дубина с железным наконечником, которой легко можно было раздробить череп быка. Его широкую грудь пересекала перевязь с золотыми застёжками, на которой висела тяжелая абордажная сабля, а на толстых ногах красовались сапоги из тонкой кордавской кожи.

Конан поймал взгляд его острых светлых глаз, поблескивающих из-под ржавых густых бровей на потном красном лице, и обнажавшую ряд белых зубов пирокую улыбку, от которой огненная бородка незнакомца оцептенилась. Его голос поднялся до радостного крика:

— Зигурд из Ванахейма, это ты, старый толстый морж! Во имя огненных кубков Ада, Зигурд Рыжебородый! — прорычал он, поднимаясь, чтобы заключить дюжего моряка в свои объятия.

— Амра — Красный Лев! — прохрипел Зигурд.

— Тише, придержи язык, старый бочонок с китовым жиром, — остановил его Конан. — У меня есть причина пока не раскрываться.

— Ох, — сказал Зигурд и продолжал уже тише: — Во имя сердца Бадба и когтей Нергала, сгори мои внутренности на медленном огне, если нутро старого моряка не обдало теплом, когда я протер глаза от изумления, увидев тебя!

Они крепко сжали друг друга в объятиях, словно два рассерженных медведя, и затем, отстранившись, обменялись дружескими тумаками. Для менее крепкого

человека одного такого удара было бы достаточно, чтобы распластаться на полу.

— Зигурд, во имя Крома! Сядь и выпей со мной ты, обросший ракушками, старый кит! — ревел Конан.

Его приятель, тяжело дыша, обрушился на скамью напротив киммерийца. Он сбросил свою украшенную пером шляпу и с глубоким вздохом облегчения вытянул толстые ноги.

— Хозяин! — прогремел Конан. — Еще одну кружку, и где это проклятое жаркое?

— Во имя золотого меча Митры и многомильного копыя Водана, ты ничуть не изменился за эти тридцать лет! — сказал рыжебородый ванир, когда они сдвинули кубки. Он отер щетинистый подбородок красным рукавом и громко рыгнул.

— Разве? Ты, верно, лжешь, старый мошенник! — усмехнулся Конан. — Тридцать лет назад, когда я награждал человека таким ударом, я ломал ему челюсть, а иногда и шею. — Он вздохнул. — Но, старина, время всех нас загонит в конце концов в свою ловушку. Ты тоже изменился, Зигурд, бочонок жира. Ты был тоньше топ-реи, когда мы виделись в последний раз. Помнишь, как мы попали в мертвый штиль недалеко от Безымьяного острова, и не осталось ни крошки жратвы, кроме крыс в трюме и нескольких вонючих рыбешек, которых нам удалось выудить из грязной лужи Мананна?

— Да, да — горько хмыкнул его собеседник, рукавом смахнув с глаз чувствительные слезы.

— Ох, черти сотри мою утробу, конечно, ты изменился, старый Лев! Тогда в твоей черной шевелюре еще не было седины. Да, да, в те далекие дни мы оба были молоды и в нас кипела жизнь. Но чтоб я пошел на дно! Я вроде слышал от одного человека из Братства, что ты правил каким-то из царств в глубине континента? Коринфия или Бритуния? Я не помню каким. Но, во имя челюстей Молоха и зеленых усов Лира, мне необычайно приятно снова видеть тебя после стольких лет!

Над кружкой подогретого эля и громадным куском горячего мяса два давних товарища обменивались историями о своих похождениях. Много лет назад, когда Конан был членом Красного Братства Барахских островов, лежащих к юго-западу от берегов Зингары, он

и рыжебородый ванир были закадычными друзьями. Тропинки их судеб разминулись уже давно, но снова встретить своего старого друга, еще раз обменяться дружескими возгласами и воспоминаниями перед ревущим и пышущим жаром очагом, за сытной едой и обильной выпивкой — все это для одинокой души киммерийца словно фляжка забористого вина. Конан уже приближался к концу своего рассказа.

— И когда я проснулся и понял, что это был не сон, — говорил он тихим хриплым голосом, — я быстро намарал рескрипт об отречении от престола в пользу моего сына, который будет править именем Крома как Конан Второй. Ничто не удерживало меня более в Тарантии. После двадцати лет правления во рту оскомина от всего этого законотворчества и разбора тяжб. Давным-давно я разбил в прах все замыслы королей соседних государств вступить со мной в войну. Со времени падения Черных там больше не было настоящих битв, и человек мог сойти с ума от этих тягучих лет мира и изобилия, наступивших поколение спустя после кровавой бойни.

Мгновение Конан был погружен в раздумья. В его глазах мерцали огненные отсветы, будто картины прошлого вновь пробегали перед его мысленным взором.

— Да, конечно, — вздохнул он, — Аквилония далеко и утопает в зелени, я старался быть королем, достойным ее. Но мои старые друзья уже ушли из жизни: старый Публий, канцлер, из одного золотого делавший три; Троцero, который помог мне взойти на трон; генерал Паллантид, безошибочно предвидевший все замыслы неприятеля еще до того, как они приходили в голову самому врагу. Все исчезли, ушли из этой жизни. А с того момента, как умерла моя возлюбленная Зинобия, оставив мне новорожденную дочь, даже воздух Тарантии стал тяжек и душен для меня!

Он подозрительно усмехнулся и опрокинул себе в глотку изрядную порцию эля.

— Все было в порядке, пока сын был молод. С каким удовольствием я учил его владеть луком, мечом и копьем, скакать на лошади и управлять колесницей. Но сын уже вырос и должен самостоятельно идти по жизненной тропе, над которой не висит мрачная тень

седобородого ворчливого старого медведя. Мне не нужен Эпимитреус, чтобы постичь эту простую истину. Это время я оставил себе для последнего приключения. О Кром, одна мысль о смерти в своей постели в окружении перепешивающихся медиков и суеющих придворных всегда наводила на меня ужас. Лишь об одном молил я богов — послать мне последнее сражение, где Конану суждено будет бороться и погибнуть.

— Ох, верно, верно, — согласился рыжебородый гигант со свистящим вздохом, качая головой так, что отблески пламени искрами пробегали по золотым серьгам в его ушах. — Со мной приключилось почти то же самое, хотя рука Судьбы никогда не дарила мне ни короны, ни королевства. Я бросил торговлю много лет назад. Я был купцом и плавал между Мессантией и Кордавой. Можешь ли ты представить себе старого рыжебородого Зигурда, грозу Барахии, в роли купца?

Его живот затрясся от смеха.

— Эх, но это было еще не самое плохое. Как и ты, Лев, я тоже пустил корни на суше с одной красоткой — прекрасной девушкой, хотя в жилах ее текла не одна капля пиктской крови. Да, мы нарожали приличный выводок визгливых крепышей, и теперь парни ничуть не уступают мне ростом. Моя жена давно умерла. Эх, Фрисса, да благословят боги твое отважное сердце! А желторотые птенцы подросли и дальше процветают сами по себе. А что делать старику, который еще не собирается умирать?

Хо! Я продал все до нитки, когда женился мой последний сын. Теперь я возвращаюсь к красному ревущему Тортажу, чтобы еще раз ощутить вкус жизни, прежде чем наступит нескончаемая ночь. А как ты, Лев? Отправляйся со мной, дружище, на палубы пиратских кораблей, и пусть Сет заберет себе эти призрачные пророчества и мутные роковые тени! Мы разграбили черную крепость Кеми в Стигии! И чтоб я утонул, как сундук, или нас продырявят копьем и мы погибнем, как герои древних саг, или мы загребем больше золота и драгоценностей, чем Траникос, Зароно и Стромбани вместе взятые! А? Что скажешь, приятель?

Внезапно между собеседниками легла черная тень. Конан поднял глаза, одной рукой нащупывая рукоять меча, в то время как закутанный в черный плащ

незнакомец, который наблюдал за ними из дальнего угла комнаты, не торопясь, усаживался за их стол.

— Вы ищете корабль, джентльмены? — спросил он мурлыкающим голосом.

Северянин громко и подозрительно хмыкнул, но похожий на конку незнакомец, чье лицо все еще было закрыто капюшоном, положил на стол обе руки — в них не было оружия.

— До меня совершенно случайно донеслось несколько слов из вашего разговора, — вкрадчиво сказал навязчивый неизвестный. — Молю вас простить это вторжение, но если вы уделите мне несколько мгновений, то, мне кажется, мы сумеем обсудить одно выгодное для всех нас дело.

Зигурд с сомнением смерил его взглядом, но с любопытством хмыкнул. Конан вонзил в человека испытующий взгляд немигающих глаз.

— Говори же, — проворчал он, — что у тебя?

Незнакомец вежливо кивнул.

— Если я правильно понял из того немногого, что случайно услышал, то, по-моему, вы оба старые моряки и обсуждали сейчас, где бы достать корабль, чтобы снова заняться своим делом где-нибудь на Пиратских островах? Нет, не бойтесь, — он успокаивающе поднял руку, — я не шпиону для властей. Но, может быть, я смогу оплатить вам покупку вполне приличного корабля.

Проворно, словно змея, длинная рука незнакомца исчезла в складках плаща и появилась с полной пригоршней сверкающих камней, которые рассыпались между собеседниками по столу, покрытому отпечатками мокрых кружек.

Мерца в красноватых отсветах пламени очага, на столе лежал богатый княжеский выкуп — сапфиры, синие, как воды южного моря; изумруды, похожие на вспыхивающие в темноте кошачьи глаза; топазы и цирконы, желтые, словно кожа китайца, и красные, словно только что пролитая кровь, рубины.

Конан, на которого эта картина не произвела ни малейшего впечатления, неотрывно буравил незнакомца испытующим взором.

— Прежде всего, — мрачно проговорил он, — я хочу, во имя Крома, знать, кто ты такой. Проклятье! Я не принимаю никаких подарков от человека, который прячет свое лицо даже здесь, в аргосской таверне, где

на каждой улице стоит охранник короля Ариостро и город настолько безопасен, что девка в соку может без опаски прогуливаться по всему порту!

Вкрадчивым голосом, с чуть заметной улыбкой, незнакомец ответил:

— Спасибо на добром слове, моряк! У меня есть веские причины скрывать здесь свое лицо, потому что народ Аргоса слишком хорошо меня знает.

— Прекрасно, твое имя?! — потребовал Конан, и в голосе его послышался рокот каменного обвала. — Или я запущу тебя сквозь комнату, как я это сделал с тем толстозадый задирой!

— Охотно, если вы почувствуете себя от этого непринужденнее, — засмеялся его собеседник. Слегка приподнявшись, он мягко проговорил: — Знай, моряк, что я — Ариостро, король Аргоса!

Конан даже хрюкнул от изумления. Незнакомец стянул со своей руки одну из перчаток и протянул голую кисть. Пламя заиграло на древнем перстне аргосских правителей, украшенном огромным бриллиантом с искусно вырезанной на нем королевской печатью.

IV. Алый Тортаж

Волны рвутся на берега черный острок,
Сотрясая сам небосвод, —
Но какое нам дело, пусть шторм — рев богов,
Пусть он хлещет в окно и ломает засов,
А наш парус летит на восход.
Одиноко и жалобно чайка кричит,
Как душа, что взята волной.
Что за дело — пусть холодное море бурлит,
Темный эль иль вино кровь лихую бодрит.
И не скоро окрасится море вечерней зарей!

Песня баракских пиратов

Тортаж бросил вызов самим звездам. Расположенный в низине, обрамленной обрывистыми утесами, пиратский порт сверкал огнями. Песня раскатистыми звуками глухим эхом отдавалась в скалах, — там обитало Красное Братство. Огромные, вооруженные до зубов галеоны и призрачные каравел-

лы терлись о стены каменных причалов и деревянных пирсов или болтались на якорях в гавани. В каждой пивной, винной лавке, таверне или публичном доме шла бешеная торговля. Добрая половина вольных пиратов Восточного Океана нетвердым шагом важно прогуливалась по булыжным переулочкам Красного Тортажа с туго набитыми золотом кошельками, раздувшимися от вина и эля животами и с сердцами, в которых вспыхивали и разгорались вождение и варварская жестокость. Раскачивались и пронзительно скрипели на свежем ветру вывески винных лавок, расписанные гербовыми знаками: черепами, факелами, переkreщенными кривыми саблями, драконами, грифонами, головами в коронах и другими украшениями. Пенящийся прибой с рокотом разбивался о подножие скал, на которых тускло играли блики бегущего вниз, к городу, звездного света. Соленые брызги фонтанами взрывались у причалов, и воющий ветер разносил соль и теплую водяную пыль по кривым улочкам, которые, словно старые шрамы, извивались между низких домов с плоскими крышами. Их стены покрывала размытая дождями извесчка, их окна были забраны железными решетками. Листья пальм со свистом хлестали темноту, и кроны деревьев металась на фоне танцующих в вышине звезд.

Пожалуй, уже более двух тысяч лет этот маленький городок, незаметно притаившийся среди отвесных утесов, был столицей пиратской империи. Он темной тучей висел над морями между Пустошами Пиктов и Кушем. Здесь не было законов, кроме простой и жестокой хартии Братства. Остальное заменяли кулак, нож, меч и опытность бойца.

В эту ночь в пиратском городе бушевало буйное веселье и не смолкали песни. На улицах то и дело вспыхивали поединки из-за каких-то пустяков, а часто и просто от пьяного задора. Изрыгающих проклятия противников тут же с хриплыми криками обступали группы мужчин. Внутри этого орущего в животном возбуждении круга шла борьба не на жизнь, а на смерть из-за одного случайного толчка, ничтожнейшего оскорбления или за ласки виляющей бедрами девки с пунцовыми губами. Да, это была памятная ночь. Все

корабли стояли на якоре, и их трюмы были до отказа набиты сокровищами — добычей с торговых кораблей в южных морях. И к тому же вернулся Амра-Лев!

За тридцать лет это грозное имя не исчезло в забвении. Напротив, прошедшие годы только добавили нового блеска его необычайным приключениям во времена Белит, пемитской женщины-пирата, Красного Ореха и сурового Запораво из Зингары. Конан появился здесь в те далекие дни, когда Аквилонией правили Вилер, а потом Нумедидес. Сначала он плавал как компаньон Белит среди вечно алчущей крови команды черных корсаров, затем, по проществу некоторого времени, он сам стал вольным барахским пиратом и предводителем зингаранских морских разбойников. За несколько лет как на чужих судах, так и на своих кораблях — вельботе «Тигрица», каравелле «Красный Лев» и карике «Беспризорник» — он избородил все моря и всегда возвращался обремененный грузом сокровищ.

В то время Амре, как называли его одни, или Конану, как звали его другие, не было равных среди капитанов Братства. Но потом он исчез где-то в незнакомых землях в глубине суши. В открытом море о нем никто больше ничего не слышал. Из лежащих вдали от морских берегов королевств доходили сказки и легенды о непобедимом короле-воине, которого называли Конаном, но очень немногие из его старых товарищей, даже среди тех, кто знал Конана именно под этим именем, отождествляли бывшего киммерийского пирата с грозным монархом далекой сухопутной державы. Так Амра стал живым мифом увядающего прошлого.

Но теперь он стоял среди них, словно скала возвышаясь над толпой в мечущемся оранжевом свете факелов, и соленый морской ветер рвал седую гриву его волос и отсвечивающую сталью бородавку. Отблески факелов плясали и вспыхивали искрами на железной рубашке-кольчуге, плотно облегавшей массивный торс и мускулистые руки. Широкий черный плащ распластался по ветру за его могучими плечами, напоминая огромные крылья какой-то гигантской хищной птицы.

Конан стоял на возвышении, каменной скамье в самом центре главной площади города-порта, и его голос глухо гудел, подобно трубе, перекрывая рокот толпы. Звуки этого голоса наполняли их не знающие закона сердца эхом величайших подвигов и легендарных битв далекого прошлого и обещали неслыханные свершения в грядущем. Ведь Амра-Лев возник из призрачного тумана легенд, чтобы набрать команду для какого-то загадочного и рискованного предприятия в Западном море. На памяти людей ни один корабль не отваживался отправиться в эти пустынные пространства вод, где один лишь ветер носится над пенистыми валами. Кто, кроме Амры, осмелился бы пуститься в такое фантастическое приключение? Старые морские волки стояли, вытаращив глаза от изумления. Слова Конана одурманивали моряков своей дикой, безрассудной притягательностью. Дух героических свершений исходил от самой фигуры Конана, и он воспламенял их души, как огонь охватывает сухой хворост. Он обещал им золото и драгоценности, славу, богатство и громкое имя после великих приключений в неизвестности, среди неисхоженных морей, забытых островов и неведомых народов. Они должны были отправиться попытать счастья в безбрежных просторах безымянных морей и возникнуть отсюда вновь уже не бродягами без совести и закона, а чуть ли не мифическими искателями приключений, героями, подвиги которых растопят женские сердца и завоюют им бессмертную славу в песнях и сказаниях последующих поколений.

И там, на якоре, уже стоит корабль Амры — крепкий, могучий галеон «Красный Лев» — имя, которое когда-то носила его каравелла.

Конан не поведал им всей истории. Он ничего не сказал о короле Ариостро из Аргоса, на чьи сокровища они купили это мощное судно. И незачем было отпугивать их сказками о Красных Тенях и сверхъестественном появлении Эпимигреуса, пророка, умершего в незапамятные времена.

Незадолго до того, как Ужас унес в своих объятиях тысячи подданных Конана, это чудовищное проклятие обрушилось и на жителей Аргоса. Придворные маги и

пророки Ариостро прочили его предзнаменование по звездам. Они поведали королю, что в полузабытых фолиантах магических знаний, которых уже давно никто не касался, сказано о Красных Тенях, прилетающих за своими жертвами из каких-то неведомых земель за Западным Океаном. Умный и проницательный король Аргоса стал посылать в Западные моря корабль за кораблем, но ни один из них не вернулся назад и не принес ключа к разгадке этой тайны. В конце концов даже в командах военных кораблей начинались волнения при одном лишь намеке на рискованное плавание на неизведанный Запад. Но Красные Тени все атаковали и убивали людей, и все королевство висело на краю пропасти, и уже недалеко маячило пламя мятежа.

Тогда король Ариостро стал скрытно отправляться один в небезопасные прогулки по улицам Мессантии в поисках беспашных моряков, которых он смог бы убедить пуститься в это приключение. И вот, предприняв последнюю уже, казалось, совершенно безнадежную попытку, он неожиданно наткнулся на тех, кого искал. Конана из Киммерии он почти тотчас узнал, хотя тот и старался быть крайне осторожным, чтобы не выдать себя, и Зигурда Рыжебородого, грубоватого, открытого, благодушного морского бродягу из далекого Ванахейма. На королевские драгоценные камни друзья купили мощный галеон и теперь пришли в порт, чтобы набрать команду необузданных сорвиголов из числа барахских пиратов.

Кое-кого из толпы Конан знал с тех времен своего пиратского прошлого, и он смело зывал к ним. Его взгляд упал на гигантскую мрачную фигуру человека, выходца из джунглей юга, из далекого Кула. Конан выбросил руку по направлению к огромному кушиту, чьи голые руки тускло отсвечивали в оранжевых всплесках пламени факелов, словно полированное черное дерево, а в плотной массе жестких курчавых черных волос мелькала серебряными молниями седина.

— Ты знаешь меня, Ясунга! — прогремел голос Конана. — Ты был еще парнишкой, когда много, много лет назад я скитался вдоль Черного берега вместе с твоей отчаянной госпожой, Белит. Что сделаешь ты?

Присоединилась ли ты ко мне в этом рискованном деле?

Ясунга поднял вверх свои длинные черные руки с радостным возгласом.

— Да, Амра! Амра! — закричал он, опьяненный воспоминаниями прошлого.

— Назад ты, черная собака! — с холодной звериной злобой прорычал какой-то голос, и гибкая, словно змея, фигура, от которой веяло самой смертью, неожиданно возникнув перед чернокожим, оттеснила его в самую гущу толпы. Человек повернулся и окинул Конана холодным жалиющим взглядом.

Конан посмотрел вниз на незнакомца, и глаза его начали медленно сужаться по мере того, как пристальный взгляд киммерийца скользил по вытянутому болезненно-желтому лицу с черными штрихами бровей и тонкими губами, по стройному жилистому торсу, облаченному в черный бархат с отполированными стальными пластинками на груди, покрытыми золотой гравировкой. Бриллианты сверкали в мочке уха и на запястье. Из пенного кружева манжета виднелась сильная рука, нежно поигрывавшая эфесом длинной и натруженной рапиры, которой можно было как рассечь, так и проткнуть противника насквозь.

Спокойным голосом, слегка шипящим акцентом выдавая свое зингаранское происхождение, человек, одетый в черное, обратился к толпе:

— Назад, в свои конуры, собаки! Что развесили уши на дикие бредни этого старого дурака! Он возник неизвестно откуда, чтобы соблазнить вас безумными обещаниями и безрассудными призывами броситься неизвестно куда! Может статься, что это именно тот Амра, о чьих подвигах мы слышаны, а может, и нет. Да и какая разница? Амра он или нет, но этот лживый старый волк проник сюда, чтобы разрушить Братство. Какое нам дело до приключений и славы? Мы деловые люди, добывающие себе пропитание в море, и пусть он катится ко всем чертям со своими безумными героическими мечтаниями!

Он свирепо, с вызовом посмотрел на Конана:

— И не пытайся увлечь бредовыми замыслами моего шкипера Ясунгу, старый пес! Я научил его понимать законы движения солнца и звезд, и, во имя Митры, он останется со мной — Черным Альваро с «Зингаранского Ястреба»! Так что подымай якоря и уводи свой прогнивший карак назад, в тот порт мечты, из которого ты притащился сюда!

Альваро развернулся вполоборота и отступил на шаг от глухо переговаривающейся толпы. Но тут громоподобный взрыв смеха Конана заставил его замсреть в злобном напряжении. Слова Конана гулками ударами падали вниз:

— Старый седой пес, не так ли, ты — смазливый, жалкий, цеголеватый щенок от грязной безродной кордавской потаскухи. Я был хозяином всего побережья, когда тебя еще рвало от тощего прокисшего молока твоей матери. Я выбрасывал на улицы Тортажа половину всех сокровищ дюжины городов, пока тебя, ребеночка, еще ласкали на задворках зингаранского публичного дома. Если твои кишки слишком тонки для отважного предприятия, то ползи назад в свою протухшую конуру. Здесь есть другие, у которых в одном мизинце больше мужества, чем во всем твоём желтопузом теле. Я говорю с ними, а не с тобой. И хотя я стар, но еще знаю пару трюков, которые буду рад тебе показать, если ты того захочешь!

С проклятиями Черный Альваро взвился смерчем, и его рапира со свистом вылетела из ножен, сверкая в неровном свете факелов, словно огненная игла. Толпа с гиканьем образовала круг.

Конан отбросил в сторону трепетавший на ветру черный плащ и потянул свой тяжелый и широкий аквилонский меч. Но еще до того, как клинок вышел из ножен и киммериец сделал шаг вниз со скамьи, на которой стоял, Альваро с грацией танцора сделал стремительный выпад. Стальная игла со свистом пронзила воздух, целясь в незащищенное лицо Конана, но тот отвел лезвие одним пинком тяжелого сапога и упруго соскочил со скамьи. Его меч с резким металлическим воем вылетел из потертых кожаных ножен и колоколом зазвенел, столкнувшись с зингаранским клинком. Сталь-

ная музыка звучала в тишине, и два противника кружили на месте, бросались вперед, быстро отступали, секли, парировали, делали неожиданные выпады. Неровные тени от факелов причудливо скользили по стенам близлежащих домов.

Люди вокруг затаили дыхание в нетерпеливом ожидании исхода схватки, так как рапира Альваро с «Ястреба» почиталась одной из самых смертоносных на островах, а Амра, поседевший с годами, был теперь неизвестным противником. Они сравнивали его играющую гору мышц и могучие руки с гибкой скользкой грацией зингаранца и заключали пари, ставя на обоих бойцов бешеные суммы.

Альваро скоро обнаружил, что у его полощего острия нет никаких шансов пробиться сквозь надежную защиту Конана. Огромный меч, созданный для того, чтобы крошить железные доспехи, казался неудачным выбором для фехтовального поединка с легким клинком. Он должен был быть медлителен и неповоротлив. Но в мозолистых руках Конана он летал, как дирижерская палочка. К тому же суровая ухмылка, застывшая на устах неистового киммерийца, говорила о том, что он совсем не устал, оружие ничуть не отягощает его руки, которая легко носилась в воздухе и в то же время была тверда, как стальной брусок.

Пот выступил на лбу Альваро, смочив разметавшиеся пряди его черных, слегка выующихся волос. Капельки пота блестели у тонких губ и скатывались вниз по впалым щекам. Он знал, что если случится их клинком встретиться в полную силу, то его рапира разлетится в куски.

Но киммериец даже не пытался обрушить на противника всю тяжесть своего длинного меча. Вместо этого Конан с невероятной легкостью создавал вокруг себя сверкающую стену поющей в воздухе стали, в которой вспыхивающее острие зингаранца никак не могло найти себе лазейку для атаки. Время от времени кривая улыбка Конана становилась шире, и он раздражался глубоким громоподобным смехом. Он играл с опытным, но уже уставшим противником, и Альваро неожиданно обдало холодом при мысли, что в любой

момент киммериец может выбить его рапиру из рук и рассечь его пополам.

Казалось, толпа потеряла дар речи и, затаив дыхание, не отрывала зачарованных глаз от звенящей игры туеско мерцающей стали. Постепенно в их сознание проникла та же самая мысль. Ясунга, огромный кулит, который знал Амру уже давно, первый начал выкрикивать его имя, и скоро сотни плотов подхватили его, так что тяжело дышащему, обливаемому потом Альваро стало казаться, что вся площадь дрожит от оглушительного грома голосов:

— Ам-ра! Ам-ра! Ам-ра!

Пульсирующий рев все нарастал и нарастал, пока не загудел, подобно мерному грохоту морского прибоя. Гнетущий ритм заставил затрепетать даже стальные нервы зингаранца. Одна рука Альваро скрылась за спиной в складках короткого плаща из черного бархата. Там, продетый в кольцо, таился волнистый шемитский кинжал, специально припасенный для подобных случаев. Нож легко скользнул меж пальцев зингаранца так, что рукоятка легка на ладонь, а волнистое лезвие слилось с рукой. Альваро уловил мгновение и отскочил на несколько шагов. Он стоял растрепанный, тяжело дыша. Сверкающий меч Конана застыл в вышине.

— С тебя довольно, черная зингаранская свинья? — прорычал старый волк.

Кортик молнией вспыхнул в свете факелов, устремляясь сквозь мрак к незащищенному горлу Конана. Безо всякой видимой поспешности левая рука гиганта взмыла вверх, и Конан поймал кинжал за рукоятку, выдернув его из воздуха в том положении, в каком он и летел. Эта поразительная ловкость вырвала из толпы вопль восхищения. Они слышали, что горцы из легендарных восточных земель играли в смертельные игры, ловя в воздухе летящие ножи, но никогда не видели этого собственными глазами. Никто не знал, что Конан провел долгие годы в искупленных зноем степях Гиркании и на берегах и островах Вилайетского моря, среди величественных Химелийских гор. Он был преследователем кочевых племен, пиратом на этом море в глубине континента и безжалостным воином. Там он

овладел искусством пользоваться смертоносным гирканийским луком, подвижной зуажирской кривой саблей, зайбарским ножом, способным рассечь человека на части, и многими другими видами восточного оружия.

Изумление и ужас отразились в глазах Альваро. Казалось, даже воздух душит его. Резким движением он разорвал кружевной воротник над кирасой и застыл на месте в нерешительности, не зная, что делать дальше. Напряжение росло, словно тегива натягиваемого лука.

Затем Конан одним броском возвратил нож зингранцу. Клинок сверкнул в неподвижном воздухе и глубоко вошел в неприкрытое горло Альваро. Мгновение тот покачивался на нетвердых ногах, его лицо стало бледным, как полотно, и кровь тонкой струйкой потекла вниз по тускло отсвечивающей кирасе. Затем он рухнул, лязгнув доспехами о булыжник мостовой.

Конан подбросил вверх свой огромный меч, поймал его на лету и задвинул в ножны. Толпа заплаш в громоподобном крике:

— Ам-ра! Ам-ра! Ам-ра!

V. Черный Кракен

Кракен не сгинул, он, древний, встает
В первородной бурлящей грязи.
Из глубин погруженной в забвенье земли
Под серым драконовым морем.

Видения Этимитреуса

Прошло уже три дня с тех пор, как «Красный Лев» покинул Барахские острова. Ранним утром, на заре третьего дня, команда Конана заметила в море зеленое судно. Раздетый до пояса, с тяжелым палахом у бедра, Конан стоял на юте, глубоко вдыхая свежий морской ветер. Его шевелюра и борода стали жесткими от соленых брызг. Золотое пламя восходящего солнца слегка окрасило небо на востоке и подожгло края тонких слоистых облаков.

Резкий северо-восточный пассат пел в снастях галеона и гудел в широких тугих парусах.

— Хо, Амра! Поднялся с рассветом, а? — раздался звучный голос.

Конан повернулся и увидел Зигурда, который стоял около релинга и весь так и светился от удовольствия. Ветер трепал его огненную мохнатую бороду и обжигал красные, как спелые яблоки, щеки, которые от этого горели еще ярче. Ветер рвал полы его алого плаща, когда-то украшавшего плечи какого-то надменного зингаранского адмирала, и казалось, что под тканью लेकरываются упругие морские валы.

Конан усмехнулся при виде наряда этого грубовато-добродушного старого северянина. Золотое шитье, украшающее его плащ кружевными причудливыми узорами, уже потускнело и истерлось, и несколько фигурных пуговиц из слоновой кости, видимо, потерялись на массивном животе Зигурда, перетянтом пестрыми лентами ярких, не гармонирующих цветов. На поясе, как обычно, оцетинившемся полудюжиной кинжалов, висели тяжелая дубинка и абордажная сабля с зазубренным лезвием. Под широким плащом ванира была надета белая блуза в дырах и заплатках, заляпанная пятнами от вина и соуса. Она была расстегнута на груди, и между ее отворотами топорщился мех густых рыжих волос, уже кое-где отливающих серебром. Яркая-алая головная повязка была обмотана вокруг его лысой головы, и в каждом ухе болталось по золотой сережке.

— Ха! Во имя рога Хеимдаля и вуали Танит, утро ну прямо для самих богов, а, Лев? — произнес он. — Снова выйти в море с командой бродяг и головорезов, готовых по первому же зову наполнить кровью все девять морей, снова почувствовать крепкую палубу под ногами — это как доброе вино для моих ссохшихся от жажды внутренностей.

— Да, — проронил Конан. — Это действительно прочный корабль, доставшийся нам в обмен на драгоценные камни короля Аргоса, и даже в былые годы мне не доводилось иметь более преданной команды морских бродяг.

Он бросил быстрый взгляд вниз на шкафут, где его матросы скребли палубу и занимались другой нелегкой морской работой. Легенды, освещавшие зловещим светом имя Амры-Льва, собрали в его экипаж бесстрашных, рожденных в морских просторах разбойников, жаждущих разделить с ним славу и добычу в опасном путешествии на туманный Запад. Это было пестрое сборище загорелых, голых по пояс людей. От них исходил терпкий запах дегтя и кислого вина, — но это были еще самые сливки Барахского Братства.

Больше всего там было аргосцев — среднего роста, крепко сложенных, с каштановыми или золотисто-желтыми волосами. Рядом с ними трудились зингаранцы — чернобровые, с оливковым цветом кожи. Здесь были люди из Офира и Кофа, а также несколько смуглых шемитов с орлиными носами и иссиня-черными бородами и такими же шапками волос, и даже один или два огромных бронзовых стигийца с ястребиными лицами. Был здесь и коренастый с редкой пивелпорой запорожец Яков — кормчий, и черный гигант из тропических джунглей Куша — пугурман Ясунга, на глянцевої коже которого тускло отсвечивало солнце, и могучий загорелый человек с буйно вьющейся черной бородой — Горан Сингх из Вендии, земли, лежащей так далеко на востоке и столь малоизвестной, что большинство западных народов считало ее мифической страной. Но белые, бронзовые, черные — все они были очень опытными моряками.

Зигурд с любопытством смотрел на Конана своими умными голубыми глазами.

— Ну, каковы твои планы, кэп? Красивые слова и звучные обещания сверкающих сокровищ и сказочно богатой добычи... но что же мы все-таки ищем в Западном Океане? Что заставило ринуться нас сюда? Пока мы не видели ничего, кроме пары китов.

Конан пожал плечами.

— Кром знает это, не я! Но я слышал, что люди говорили о потерянных континентах и сказочных островах, лежащих далеко, там, где заходит солнце. Из намеков, которые сорвались с уст тени Эпимитреуса, а также следуя советам своры сладкоречивых звездочетов

короля Ариостро, я думаю, что нам следует просто держать курс на запад и внимательно следить за тем, не появится ли что-либо необычное и странное. Забери меня дьявол, северянин, но я ручаюсь, что мы скоро найдем тот гнойник, откуда расползается Ужас! Этот привкус морских просторов возбуждает во мне жажду действий, так и подмывает сделать хоть что-нибудь. Мирная жизнь прекрасна, но...

Легко, словно пупинку, Конан выдернул свой палаш из ножен и со свистом, слышимым сквозь шум ветра, рассек воздух. Рыжебородый расхохотался низким грудным смехом, от которого его живот заколыхался. Он хитро приподнял мохнатую бровь и окинул взором горячего киммерийца.

— Хо-хо, кэп! — рассмеялся он. — Так вот откуда дует ветер? Ты все тот же хитрый серый мошенник, которого я знаю уже столько лет. Когда мы расправимся с призрачными врагами, как мы и обещали, неужели мы не позволим себе немного заняться честным грабежом? В гавани Мессантии на якоре стояло много жирных купеческих кораблей, и разве не здорово было бы выгрузить сокровища с аргосских кораблей при помощи того самого судна, которым снабдил нас их король?

Конан цинично усмехнулся и хлопнул Зигурда по плечу.

— А ты все тот же вор, старый морж! Нет, это мне не по душе.

— Только не говори мне, что за все эти годы ты стал честным человеком!

Конан раскатисто захохотал:

— Только не я! Но когда человек побыл королем, это портит его вкус и он перестает заниматься мелкопробным воровством. Кроме того, с Ариостро у меня никогда не было неприятностей, почему же я буду доставлять их ему сейчас? Да и у Конна будет еще достаточно проблем с защитой своих границ от соседей, и не хватало еще мне вызывать их возмущение своими выходками.

— Тогда ты что же, собираешься направить наш курс на Стигию, как я, собственно, и собирался сделать,

когда мы встретились в Мессантии? Это кровавая и нелегкая добыча, но с этой командой мы запросто могли бы...

Конан покачал головой.

— Нет, даже не это. В конце концов я уже не раз был капитаном пиратского судна, и к тому же мне чертовски везло. Зачем снова карабкаться на ту же лестницу?

— Ну, пусть так, — нетерпеливо перебил Зигурд, — но что же, во имя всего пламени Ада, ты хочешь сказать? Брось это, приятель!

Конан вскинул длинную руку, и его узловатый палец проткнул воздух.

— Дальше на запад, дружище, там есть что-то такое, чего мы совсем не знаем. Красные Тени лишь часть этого. В старинных манускриптах есть какие-то намеки, которые, может быть, тоже связаны с этой историей. — Смех заклокотал в груди Конана. — Тебе бы и в голову не пришло увидеть во мне книжника, а?

— Куда легче было бы поверить, что одна из прелестных маленьких танцовщиц Ариостро занимается морским разбоем.

— Ну, а я между тем могу разобрать несколько различных видов письмен, а в королевской библиотеке Тарантии я нашел легенды про катаклизм, когда океан девять тысяч лет назад поглотил Атлантиду. В этих историях рассказывалось, что тысячи атлантов спаслись бегством на материк, Турию, как они обычно называли его. И в Железной Книге Склоса тоже сказано: «...иные бежали с тонущей Атлантиды на запад, и, как говорят, там они тоже достигли неизвестного континента, напротив Турийских земель, который ограничивает Западный Океан с другой стороны. Но что случилось с этими отщепенцами, я не знаю. Так как после гибели Атлантиды океан, где нет проторенных дорог, стал слишком широк, и суда тех времен не могли поддерживать постоянные торговые сношения между этими землями — той, которую мы знаем, и неведомой землей на западе». Вот и все, но это, может быть, очень тесно связано с нашей нынешней миссией!

— Ну и что из того? — произнес Зигурд. — Мне тоже доводилось слышать подобные байки.

— Тогда, если впереди у нас лежит земля могущественных чародеев, она также будет и землей благоденствия и великих правителей, которая уже вполне созрела для того, чтобы предприимчивые бродяги, такие, как мы с тобой, немного потрясли ее. Зачем зря болтаться по морю за сокровищами с нескольких суденышек, когда — немного удачи и несколько распоротых животов — и мы захватим целую империю?

Зигурд вздохнул и потер глаза тыльной стороной ладоней своих волосатых рук.

— Эх, Амра, я мог бы догадаться, что в твоей изобретательной башке зародился план, более безумный и дикий, чем мог бы даже присниться обычному человеку. И пускай они там скормят нас драконам, но, клянусь всеми богами, я поплыву с тобой даже до того места, где садится само солнце!

Он оборвал свои излияния и подозрительно посмотрел на палящее светило. Внезапно его лицо побагровело от гнева, и Зигурд неуклюже бросился к ближайшему из четырех кормчих, одноглазому шемитскому голово-резу, несшему свою вахту у руля.

— Стой ты, носатый пес! Ты что, ослеп или в стельку пьян? — заревел он, ударом кулака оттолкнув изумленного моряка в сторону. Старый пират схватил румпель своей мозолистой лапой. — Мы отклонились на полрумба от курса, который ты, Амра, задал прошлой ночью! Проклятье, чтоб они сгнили, эти ленивые свиньи! Накинь Барахская! Клянусь кишками Арима и грудями Иптар! — Он яростно покосился на солнце и привычным уверенным движением налег на румпель, который описал плавную дугу. «Красный Лев» слегка накренился, отвечая на команду, словно хорошо натренированный конь.

В это время сверху раздался протяжный гулкий возглас:

— Парус, хо!

Конан упруго подпрыгнул к релингу, и его возбужденный взгляд принялся рыскать вдоль серого, в дымке, горизонта. Однако паруса не заметил.

— В каком направлении? — прогудел он в сложенные лодочкой ладони.

Со смотровой площадки на топе передней мачты тут же донесся ответ:

— Впереди, полтора румба по левому борту.

— Я ее вижу! — Старый северянин, пыхтя словно страдающий одышкой морж, снова был рядом. Он уже успел пихнуть одноглазого матроса назад к румпельно. — Вот она! И, клянусь всеми богами, эта посудина похожа на галеру!

Конан рукой заслонился от солнца и взглянул по направлению указующего перста Зигурда. Там, в зябкой утренней дымке, неясно вырисовывались хрупкие очертания двух голых мачт. Когда пологие волны зыби нехотя поднимали «Красного Льва», люди на юте могли на мгновение различить длинный, низко сидящий в воде корпус галеры, который нес на себе призрачную оснастку.

— Во имя алых пропастей Ада и стигийских идо-лопоклонников Сета, — пророкотал голос Конана, — какого дьявола сюда занесло эту галеру? Вряд ли где-нибудь поблизости есть земля. Ни один искипер в здравом рассудке не станет заплывать так далеко в Западный Океан на подобной посудине. Если волны хляби не поглотят ее, то команда все равно скоро погибнет от недостатка пищи и пресной воды, да там и места на всех не найдется, чтобы лечь.

Теперь галера подошла ближе, и они могли различить вкрадчивые линии ее низкого корпуса цвета зеленоватой морской воды. Белая пена взрывалась по ее деревянным бортам, и Конан увидел блески солнечного света, вспыхивающие на капельках воды, которые скатывались с лопастей двойного ряда длинных весел. Это была двухрядная весельная галера с высоким, мягко изогнутым носом, на котором была вырезана фигура из латуни, напоминающая голову дракона. Под этой искусно выточенной головой, на уровне воды устрещающе оцетинился длинными шипами бронзовый таран. Казалось, что судно, как ножом, разрезает им набегające волны. Бронза уже покрылась зеленоватым налетом, и на ней обильно произрастали ракушки.

— Хм, это чертовски странно, Амра! — недовольно проворчал Зигурд. — Она не несет никакого флага. Да, впрочем, ты ведь говорил, что мы отправились сюда искать подозрительные венцы.

Конан пожал плечами.

— Что нарисовано на ее носу?

Зигурд стал внимательно всматриваться в странное судно.

— Похоже на черное облако с красной сердцевинкой. Или, может, это черная морская звезда?

Глаза Конана сверкнули, когда он взглянул в сторону зеленой галеры.

— Что ж, судя по двойному ряду весел и этому бронзовому тарану на носу, это явно военное, а не торговое судно. Не будем трогать его, оно может здорово нас потрепать, но не даст никакой добычи...

Все же ему казалось довольно странным появление такого корабля в этих пустынных водах. А вдруг это то самое, что они ищут? Тряхнув головой, Конан отбросил назад свои густые волосы и крикнул впердсмотрящему на верхушке мачты:

— О-хо, там! Можешь разглядеть знак на ее носу?

— Да, капитан. Это черная штука, похоже — осьминог с кучей щупалец вокруг красного глаза.

Голос Конана оглушительно загремел:

— У штурвала! Два румба к левому борту, держите курс прямо на галеру. Всех наверх! Приготовить мечи, пики и оборонительные щиты! Разойдитесь по бортам, да получите выставить паруса. Гляди в оба! Лучники — на палубах вместе со своим снаряжением! Ясунга! Собери оборонительную команду. Пошевеливайтесь, мокрые пшавры! Вот она, битва, ради которой вы гнили здесь!

Зигурд в замешательстве покосился на него:

— Во имя Митры, что это значит?

— Это знак Черного Кракена, ты, рыжий ванахеймский пес! Это что-нибудь говорит тебе? Прополощи свои мозги! — прорычал Конан.

Зигурд пересек вслед за Конаном ют и замер на месте, когда киммериец остановился, чтобы дать возможность юнге зашнуровать его рубашку-кольчугу и

надеть ему на голову шлем. Брови северянина буграми сошлись на переносице от напряженного размышления. Затем складки на его лбу разгладились, но лицо побледнело.

— Ты имеешь в виду, — медленно произнес он, — эту старую сказку об эмблеме короля-чародея из Атлантиды?

— Да, именно его. А теперь надевай свою кирасу, пока они не размазали твои жирные кинки по всей палубе.

— О, боги моря! — проговорил Зигурд, медленно отходя в сторону. — Кракен — повелитель атлантов... Все это должно было утонуть девять тысяч лет тому назад... Кром, Бадб и Интар! Возможно ли это?

Хотя галера явно не была торговым судном, полным сокровищ, она повернула назад и помчалась, подгоняемая утренним бризом, прочь от «Красного Льва». На обеих ее мачтах внезапно распустились остроконечные треугольные паруса, которые тут же наполнились свежим попутным ветром. «Красный Лев» преследовал галеру по пятам, вспарывая грудью пенный след от ее кормы.

Конан вскарабкался по снастям повыше. Одной оде-той в броню рукой он крепко держался за канат, а другой заслонял от солнца свои глаза, напряженно вглядываясь вперед.

— Странно, чертовски странно! — бормотал он. — Все весла в движении, но пусть меня назовут проклятым стигийцем, если я вижу на скамьях хоть одного гребца. На ней, похоже, нет и воинов, никого на палубе и юте, и ни одной пары рук наверху, чтобы следить за парусами.

Он спустился вниз на палубу, где Зигурд и Ясунга стояли в ожидании его указаний.

— В самом деле, чертовски странно, Амра, — сказал старый северянин. — Ты только посмотри на обводы ее корпуса! В жизни не видал корабля, подобного этому!

— Зеленое судно Ада, — пробормотал Ясунга густым мелодичным басом. — Корабль призраков, Амра!

— Заткнитесь! — рявкнул Конан. — Адский это корабль или земной, но он улепетывает от нас, словно

на его борту императрица Кхитая со всеми своими сокровищами. Посмотрите лучше, как резво его корма бороздит океанскую зыбь!

Он повысил голос:

— Мило! Поднимай топсель! И если у тебя концы заклинит в блоках, я сдеру с тебя шкуру!

Он снова обратился к Зигурду и Ясунге:

— Она легит быстро со своими веслами и парусами, но у нас есть возможность настигнуть ее, если пошире распахнуть наши паруса. Откуда бы она ни была, эта галера пытается уйти от нас!

— Но у нее нет охраны, — проворчал Зигурд. — Дьявольски подозрительно! Где это видано, чтобы королевская галера или корабль с сокровищами шатались по морям без сопровождения?

Команда уже заняла свои места. На полубаке лучники пробовали, хорошо ли натянута тетива, и осматривали стрелы в колчанах, чтобы удостовериться, что древко ни одной из них не покривилось. На шканцах люди стояли наготове у канатов, в то время как абордажная команда столпилась у релингов. Они завязывали шнуры шлемов, проверяли завязки кирас и кожаных солдатских безрукавок, подтачивая о влажные камни и без того острые абордажные сабли.

— Клянусь Кромом! — гремел Конан. — Мы узнаем, что за драгоценности везет эта галера, и почему она бежит, едва завидев нас, словно перепуганная девка!

Люди, в которых уже зажгло возбуждение преследователей, ответили радостными возгласами. Зигурд, облаченный в кожаную рубаху, обшитую от подбородка до пояса бронзовыми пластинками, с пыхтением взобрался по деревянному трапу на ют. Конан хлопнул его по плечу.

— Кром и Митра, старый морской конь! Вкус битвы переполняет мое сердце и быстрее гонит кровь по жилам, как у старого боевого коня, почуявшего кровь!

Северянин раздвинул губы в широкой улыбке и издал крик радости, который гиппогриф мог бы воспринять как зов страсти во время брачного сезона, окажись он случайно поблизости.

— Ха, прекрасно, Лев! — воскликнул Зигурд. — Все непременно должно было скоро проясниться... и вот, пожалуйста! Чувствую костным мозгом, что там мы поймем такие сокровища, каких никогда еще не видели.

— Неужели? — расхохотался Конан. — Так возьмем же их!

Когда ветер загудел во всех парусах, какие только имелись на галеоне, судно рванулось вперед, вслед за своей жертвой. Широкие попутные волны зыби несенно подкатывались сзади и слегка покачивали корпус корабля, медленно поднимаясь и спадая в клочьях шипящей пены. Тупой нос галеона выбрасывал из-под себя двойную вспененную зеленоватую струю, и вода яростно бурлила в кильватере. И все время впереди него, расталкивая пологую волну, неслась на веслах под парусами загадочная зеленая галера. Ее треугольные паруса почти касались друг друга, словно кожаные крылья какого-то летающего янтера из далекого прошлого.

VI. Магический Огонь

С неизвестного Запада призраком легким галеон летит.
На изыснном носу Черный Кракен державно стоит.
Смертоносно упрямые спаси поют и скрипят,
Тайны Ада и Тьмы судна мрачно трюмы таят.

Путешествие Амры

Солнце висело уже высоко на чистом голубом небосводе, когда «Красный Лев» соприкоснулся с таинственной зеленой галерой, на носу которой красовался знак Черного Кракена из Атлантиды. Все утро галера мчалась впереди них, ветер туго наполнял ее высокие черные треугольные паруса и весла мерно поднимались и опускались, как будто невидимые гребцы не ведали усталости. Но фут за футом могучий галсон сокращал расстояние между ними.

В стальном рогатом племе и в шпегенной из железных колец рубашке-кольчуге, под которой находи-

лась подлатная куртка из мягкой кожи, Конан в нетерпении расхаживал по палубе, проверяя оружие и доспехи абордажного отряда. Затем он взобрался назад, на ют, где, широко расставив ноги, стоял Зигурд, наблюдая за каждым движением галеры. Время от времени старый пират отдавал отрывистые команды моряку, который крепко держал в своих мускулистых загорелых руках спаренный румпель.

— Она уже оставила свои попытки оторваться и меняет курс, — хрипло заметил Зигурд.

Как будто признав бесполезность бегства, галера стала разворачиваться и сбавлять ход; в то время как «Красный Лев» быстро приближался. Теперь они были почти что на расстоянии выстрела из лука. Конан бросил быстрый взгляд на полубак, где за примитивным укрытием из кусков прочной ткани, переброшенных через релинг, застыли лучники Якова, которые в любой момент по команде готовы были выпустить тучу стрел.

— Странно, Амра, — опять проворчал северянин, — на палубе по-прежнему ни души.

— Чертовски странно, — согласился Конан. — По крайней мере, они должны были собрать отряд, чтобы не дать нам взять их на абордаж. Они что же, попрятались, словно мыши, или, может, на борту нет никого, кроме гребцов и кормчих?

— Мы уже совсем близко, — произнес Зигурд.

Конан обратился лицом к носу судна, где наготове стояли лучники, и скомандовал громовым голосом:

— Стрелу!

— Есть, капитан, — отозвался Яков.

Глава стрелков похлопал одного из лучников по плечу, тот натянул тетиву так, что его правая рука коснулась мочки уха, и с резким звенящим хлопком отпустил ее. Стрела описала дугу над черной поверхностью воды между судами и, не долетев шагов десяти, упала в море. На короткое мгновение на галеоне воцарилось молчание, только слышны были протяжные вздохи ветра и злобное шипение воды, когда корабль переваливался с волны на волну.

— Стрелу!

На этот раз острые стрелы глубоко вошло в обшивку галеры, покрытую зеленой эмалью.

— В пределах досягаемости! — возбужденно громыхнул Зигурд.

— Слушай команду! Дать залп! — проревел Конан.

— Есть! — Яков выстроил своих стрелков в линию; через мгновение все луки одновременно распрямились и со свистящим звуком, похожим на шелест стремительных крыльев, стрелы стайей скользнули над сокращающимся водным пространством и градом просыпались на убегающее судно, причем большинство из них попало в щели деревянных щитов на релингах галеры.

Конан, прицелившись, наблюдал за ее веслами. Обычно подобный залп стрел выводил из строя по крайней мере нескольких гребцов, нарушая согласованную работу весел, пока раненые люди не заменялись другими или их весла не втягивались внутрь. Однако весла по обеим сторонам галеры продолжали так же размеренно механически подниматься и опускаться.

— Должно быть, там есть вторая палуба, — свирепо проворчал Конан.

— По-моему, она поворачивает, чтобы взять нас на таран, — заметил Зигурд.

— Верно. Держите курс все время точно на нее. Если мы столкнемся нос в нос, мы подомнем ее под себя и сломаем ее передний брус.

Ванир проревел команду рулевому и палубным матросам. Румпели описали дугу и замерли на новом курсе, круче к ветру. Паруса встрепенулись, чтобы тут же снова поймать боковой ветер, и «Красный Лев» плавно развернулся к левому борту, держа теперь противника точно по носу галеры. Невидимые руки ловко убрали паруса и принайомили их к реям. Галера продолжала делать плавный поворот, и какое-то мгновение корабли мчались прямо друг на друга. С юга Конан прекрасно видел всю палубу галеры. Там не было ни души.

Затем, словно потеряв мужество при виде массивного носового бруса «Красного Льва», лежащего на нее в ключьях пены, галера так резко легла на левый борт, что ее корма осела вниз и судно встало на дыбы. Их разделяло не более пятидесяти шагов, и Конан мог

ясно различить странную черную эмблему, украшавшую нос парусника. Она напоминала круглое облако густых черных испарений. Казалось, что из-под жгутоподобных щупалец осьминога вырываются клубы серого тумана, а огненно-красный глаз, неотрывно глядящий из самого центра черной массы, сверкал яростно и кровожадно.

На палубе так никто и не появился. Может, эта зеленая галера была кораблем призраков, на котором не было места смертным.

— Ни впередсмотрящего на мачте! Ни одной пары рук на палубе! Нет даже кормчего у румпеля! — рокотал Зигурд. — Клянусь Бадбом и Митрой, мне это не нравится, совсем не нравится.

— Яков! — закричал Конан. — Пусть твои парни целят в отверстия для весел!

Хлопнули тугие тетивы луков, и в воздухе вновь зашипели стрелы. Многие воткнулись в дерево около весельных проемов, но значительно больше стрел — ведь расстояние было совсем небольшим — исчезло из виду в черных отверстиях в бортах. Однако, вопреки ожиданию, моряки не услышали ни единого крика боли, ни одно весло не ударилось со стуком о другое. Второй залп, как и первый, не принес никакого результата. Галера по-прежнему свободно бежала по волнам, и ее треугольные паруса были развернуты по ветру. «Красный Лев» повернул вслед за ней, опять пускаясь в погоню.

— Подожгите стрелы, Яков! — ревел Конан. — Клянусь Кромом, я вырву наконец какие-нибудь проблески жизни из этой твари с черными парусами.

В течение нескольких мгновений на полубаке царил торопливое движение. Из камбуза принесли факелы, тряпки погружали в масло и обматывали вокруг накопечников стрел. И скоро град горящих стрел, оставляя в небе клубы черного дыма, со свистом пролетел над мантилетами и глухо застучал о пустую зеленую палубу галеры. Вскоре множество факелов задымилось в разных местах судна, и свежий пассат легко подхватил струи густого смолистого дыма.

— Ха! — прогремел Конан. — А вот и результат! Посмотри-ка, Зигурд!

На богато украшенном юте зеленой галеры возникла высокая тощая фигура. Человек по своему виду совсем не походил на обычного моряка. Ниспадающее складками вниз хлопковое одеяние не могло скрыть худобы его тела, а на узкие плечи был накинут фантастический плащ из пышных ярко-зеленых перьев. Его бритая болезненно-желтого цвета голова была обвязана куском материи, а в аскетически-худом удлинённом лице жизни было не больше, чем в отлитой из латуни маске. Он неподвижно стоял на пышно разукрашенной задней палубе и был похож скорее на священнослужителя или колдуна, чем на моряка. Ядовитый острый взгляд черных глаз старца неотрывно следил за «Красным Львом».

Конан и его команда успели заметить, как человек внезапно протянул вперед свою костлявую руку застывшую в странном движении. Как только он сделал это, все черные смоляные факелы на палубе галеры внезапно погасли. Последние кольца дыма закружились и растаяли в воздухе.

— Магия! — яростно прогудел Зигурд, стальным капканом сжав плечо Конана.

— Яков! — заревел Конан. — Утыкай перьями этого пса!

Но прежде чем приказ мог быть исполнен, высокая, облаченная в плащ из перьев фигура выхватила из складок своей одежды маленькую фляжку и, размахнувшись, бросила ее за борт в зеленоватую бурлящую морскую воду. Как только фляжка ударилась о кругую волну, поверхность моря взорвалась языками ослепительного пламени. Между двумя судами внезапно выросла стена клокочущего огня. Люди на галеоне вскрикнули, пораженные. Они застыли в изумлении. Ужас и суеверный страх были написаны на лицах пиратов. Храбрости у них хватало, чтобы открыто встретить острую сталь и свистящие стрелы, когда был шанс захватить добычу, но кто может сражаться с колдовскими чарами?

— Магия! — повторил Зигурд. — Во имя сердца Арина и львов Тамуза, ты видел это, Амра? Этот косоглазый старикашка создал стену огня за меньшее время, чем нужно человеку, чтобы сплунуть!

Внимательно наблюдая сквозь суженные щели глаз за неестественными языками пламени, Конан заметил, что огонь не распространяется по воде, как должно было бы произойти в случае, если бы во фляжке было какое-нибудь горючее масло. Он не двигался с места, образуя сплошную огненную стену, которая почти полностью скрывала галеру противника и возносилась так высоко, что угрожала поджечь грот «Красного Льва».

— Девять румбов к левому борту! — раздалась протяжная команда Конана. — Посмотрим, удастся ли нам обойти его, — добавил он Зигурду.

— Клянусь кишками Шайтана и бородой Йомира, огонь следует за нами! — закричал тот, стиснув релинг так, что костяшки его пальцев побелели.

И это было действительно так. Как только «Красный Лев» повернул на правый борт круче к ветру, стена пламени сдвинулась, как будто для того чтобы все время держаться между галеоном и убегающей галерой. Конан заслонил ладонью глаза и посмотрел на паруса своего судна, которым угрожала опасность. Однако они не только не загорелись, но на них даже не было видно ни малейших следов, причиненных бушующим пламенем. Да и черный масляный дым лишь чуть-чуть запачкал сажей белую парусину. Конан разразился смехом.

— Хо, моряки! — прогремел он. — Курс по ветру, и не обращайтесь внимания на огонь! Развернуть паруса по ветру!

— Амра! — сказал пораженный Зигурд. — Что? Во имя всех чертей...

Конан криво усмехнулся сквозь ошестинившуюся борду:

— Смотри, старый морж, и учись.

Корпус «Красного Льва» разрезал горящую стену, как будто ее не было и в помине. Команда корабля даже не ощутила тепла от этого странного пламени. Когда они уже были по другую сторону, в мгновение ока колдовское препятствие исчезло, словно задутая ветром свеча. Моряки пораскрывали рты от изумления.

— Всего лишь мираж, обман зрения! — раздался зычный голос Конана. — Теперь готовьтесь к abordажу,

псы, и мы поглядим, как понравится холодная сталь этому черному колдуну в перьях.

Нос «Красного Льва» постепенно приближался к корме галеры, и теперь люди на галеоне могли различить бритый череп и суровые, рубленые, словно у застывшей маски, черты лица чародея, который в ярости делал какие-то странные движения руками. Затем он поднял обе руки, и его яркий плащ распустился на ветру, подобно сверкающим зубчато-острым крыльям легендарной птицы феникс.

— Хаи, Хстли! Шауатепак йа-ксингоф! — пронзительно прокричал он.

И тогда появились Красные Тени. Они возникли из синевы ясного неба со всех сторон бескрайнего горизонта, внезапно, как в тот трагический день в королевском дворце Конана. Тени окутали одного из рулевых, который пронзительно закричал от ужаса и в мгновение ока исчез вместе с призраками. «Красный Лев» слегка накренился, в то время как матрос у второго румпеля, оставшись без помощи товарища, прилагал отчаянные усилия, чтобы удержать судно на курсе.

Это уже был не обман зрения. Конану показалось, колдун рассмеялся отвратительным кудахтающим смехом и затем опять простер руки, чтобы снова вызвать Ужас.

Но на этот раз его глаза были устремлены прямо на киммерийца.

VII. Призрачное воинство

Галера дьявола окружена стеной огня
Тех адских бездн, откуда поднялась она,
Но Лев, сорвав заклятия беду,
Добудет то, что создано в Аду.

Путешествие Амры

Старый Зигурд, увидев это, все понял мгновенно и тут же отдал короткий резкий приказ Якову на полубаке:

— Насади-ка на вертел этого дьявола в перьях!

Упруго зазвенели тетивы луков, и стрелы стремительно, словно молнии, скользнули над зеленой водой

к высокой, разукрашенной золотом палубе, где стоял чародей. Его руки были подняты вверх, чтобы снова вызвать Ужас. Когда злобно поющие наконечники стрел были уже близко, он прервал свое заклинание, чтобы сделать легкий жест раскрытой ладонью. Первая стрела каким-то непонятным образом отклонилась от своей цели и воткнулась в палубу, не причинив ему ни малейшего вреда. Точно так же были отведены вторая и третья, но затем сразу несколько острых наконечников просвистели, нацелившись на колдуна; их, по-видимому, было слишком много, чтобы он смог рассеять стрелы в разные стороны своими дьявольскими чарами. Одна из них глубоко вонзилась в перья, покрывавшие его правую руку. Его желтоватое лицо внезапно побелело от боли, колдун сделал невольный шаг назад, прижимая раненую руку к костлявой груди. Он бросил на барахцев злобный испепеляющий взгляд и исчез.

Пираты отшатнулись в ужасе. Зигурд хмыкнул и потер свой мясистый нос.

— Что мы можем сделать против этого проклятого порождения дьявола, Амра? Не дать ли нам стрекача, пока эти тени не утащили всех остальных?

Конан наградил его свирепым взглядом:

— У тебя что, выдуло последние мозги, старый морж? Корабль Дьявола — вот что мы искали! Именно здесь плодится это отродье — Красные Тени!

— Но холодная сталь — плохая защита против подобных чар.

— А ты разве не видел, как один из парней Якова проткнул стрелой руку того верховного дьявола? — прорычал Конан, двинув Зигурда кулаком в плечо. — Изувеченной рукой ему больше не удастся вызвать эту нечисть. Пришло время настоящего сражения.

Он сделал широкий шаг вперед, к переборкам:

— Рулевой, взять два румба к левому борту! Приготовить abordажные крючья! Ничего не предпринимать до столкновения! Полная готовность на борту!

Нос «Красного Льва» уже поравнялся с кормой галеры и легко скользил вверх на волне. Мгновение — и массивный передний брус галеона с оглушительным треском обрушился на ее изумрудный борт, сокрушая

дерево обшивки и, словно спички, ломая крепкие весла. Абордажные кошки дружным свистом вспороли воздух, чтобы намертво вцепиться в деревянные части корабля противника, и загорелые руки туго выбрали привязанные к ним канаты. Другие моряки надежно поймали баграми бортовые поручни галеры.

— На абордаж! — оглушительно крикнул Конан, прыгая вниз через ступеньки, чтобы присоединиться к толпе вооруженных людей. Они уже переваливали на палубу галеры через крепко притянутые друг к другу борта двух судов с ножами в зубах, с зажатыми в руках мечами, пиками, топорами. По большей части пираты были облачены в некое подобие доспехов, в данном случае представлявших собой ржавую рубашку-кольчугу или кожаную солдатскую куртку, обшитую медными или бронзовыми пластинами. Несколько самых безрассудных и свирепых были раздеты по пояс. Шлемы замысловатых форм украшали их взъерошенные головы.

Сапоги Конана с треском проломили непрочные оборонительные щиты галеры, и он тяжело упал на одну из скамеек для гребцов между палубой и бортовой обшивкой. Скамьи, достаточно широкие, чтобы два человека могли работать одним веслом, были утоплены в узкую палубу на половину человеческого роста. Если бы эти скамьи были заняты людьми, то головы гребцов как раз чуть возвышались бы над палубой. И хотя веслами не двигала ни одна живая душа, они продолжали бесцельно вращаться в уключинах.

Волосы Конана зашевелились от суеверного страха дикаря, страха, которого даже долгие годы цивилизованной жизни не смогли полностью вытеснить из его души. Он поспешно выкарабкался с гребной палубы наверх. Едва Конан, свирепо оглядываясь в поисках врага, появился на главной палубе, как оказавшийся рядом черный гигант Ясунга вдруг крепко сжал его руку, указывая на разукрашенный ют:

— Амра, смотри! Тот дьявол в перьях!

Старец с похожим на череп лицом вновь появился наверху. Теперь, вместо великолепного плаща из перьев, на нем была длинная кольчуга из неизвестного розового металла, который ослепительно вспыхивал на солнце. Голову его украшал фантастический шлем, напомина-

ющий птичью голову. В руке он держал длинный зазубренный меч из какого-то сверкающего кристаллического вещества. За все время своих многочисленных скитаний Конан никогда не встречал ничего подобного. К правой руке старца был пристегнут зазубренный книзу щит, матово-зеленый, с чеканной эмблемой Кракена, точь-в-точь, как и на носу галеры.

Конан повернулся, чтобы встретить черного чародея лицом к лицу. Как только он сделал это, старик клекочущим голосом произнес фразу на том же неизвестном языке, на котором он вызывал Красные Тени. Из толпы пиратов вырвался возглас изумления, их ноги словно приросли к палубе. Там, где только что стоял один вооруженный колдун, теперь были десятки воинов, совершенно одинаковых от мельчайшей черточки лица до последней складки платья.

— Атакуйте их! — взревел Конан и, словно распрямившаяся пружина, взлетел вверх по трапу на ют, вращая своим могучим паланом. Мечи и щиты магической армии встретили его широкий клинок металлическим звоном. У Конана словно свалился камень с души, когда он обнаружил, что его враги — обычные люди из плоти и крови. Высокие, худощавые, мускулистые, они неплохо сражались. Конан бился в самой гуще. Неистовый, словно бешеный волк, он отбивал в сторону их оружие и в грохоте стали крушил защиту противника. За его спиной яростно орущая стая пиратов уже карабкалась наверх и набрасывалась на врагов так, что было слышно, как сталь глухо сшибалась со сталью, словно в какой-то адской кузнице молоты непрерывно били по наковальне.

Изрыгая проклятья, киммериец рубил наотмашь и пронзал насквозь фигуры с длинными носами и ледяным неподвижным взглядом. Они на мгновение вставали перед ним и тут же падали, рассеченные, в крови. Одна фигура пошатнулась и отступила назад, половина лица была снесена взмахом меча из-за спины. Другая — отступила, схватившись за обрубок руки. Третья рухнула за борт. Ее птичий шлем был снесен вместе с верхней частью черепа вплоть до зубов. А они все подходили, и Конан бился и крушил без отдыха, в

безумной слепой ярости дикого зверя, каким в глубине своего сердца он оставался всегда. Он, должно быть, убил восьмерых или девятерых, когда внезапно обнаружил, что находится в кольце воинов с ястребиными лицами в птичьих шлемах. Его клинок был теперь зазубрен словно пила и по самую рукоять омочен кровью. Кольчуга была порвана во многих местах, следы от ударов на его могучих плечах и неглубокие порезы, нанесенные странными пилозубыми мечами, слабо кровоточили. Неистово работая мечом, который он крепко сжимал обеими руками, рыча, словно волк, Конан сдерживал натиск кольца стали вокруг себя. Десятый по счету воин упал, пронзенный насквозь. Ручным браслетом Конан ловко отвел в сторону несколько угрожающе направленных клинков. Он до предела наполнил свои легкие иссушающе-горячим воздухом. Сердце тяжело билось в груди, словно пиктский барабан, кровь бешено стучала в висках, и ноги нервно подрагивали от напряжения. Но несмотря на это, смертоносная сталь, подобно молнии, сверкала в руках киммерийца, и люди падали перед ним один за другим.

Глаза Конана уже начала застилать пелена, и ряды его жестоких, не знающих усталости врагов закружились в призрачной дымке. Теперь он ясно ощутил всю тяжесть своих шестидесяти с лишним лет. В глубине души Конан проклинал судьбу и богов за то, что у него нет уже той способности без усталости выдерживать бешеную пляску стали, как в годы недюжинной юности. Но одновременно он благодарил тех же богов за то, что они предоставили ему возможность погибнуть так, как он всегда мечтал, — лицом к лицу с неприятелем и с мечом в руках.

И все же непостижимым образом киммерийцу удалось разорвать вражеское кольцо, и он оказался напротив одного-единственного воина, который стоял в заднем конце верхней палубы, четко вырисовываясь на фоне синего моря и неба. В мгновение ока Конан навис над ним. Длинное лезвие меча с глухим металлическим звоном рассекло розовую кольчугу и пронзило самое сердце врага. Внезапно все кончилось. Тяжело дыша и пошатываясь, Конан резко повернулся, чтобы встретить

остальных противников, но обнаружил лишь голую палубу, на которой, вытаращив глаза, стояли его утомленные люди. Призрачная армия исчезла. словно ветер внезапно унес в небытие всех этих воинов с ястребиными носами, пропали даже тела убитых. Конан покачнувшись и оперся о борт. Нет, одно тело все же осталось на палубе — того последнего воина, которого он пронзил мечом. Охваченный внезапным подозрением, старый киммериец неловко переступил через него и отбросил в сторону зеленый щит. Правая рука мертвеца была перевязана бинтом. С облегчением Конан несколько раз глубоко вдохнул свежий морской воздух. Его громоподобный смех оборвал приглушенный ропот сбитых с толку пиратов.

— Они были конями вот этого пса, — сказал он, хлопнув плетнем широким клинком по останкам у его ног. — Они действительно существовали, но лишь до тех пор, пока этот был здесь и мог вдохнуть в них жизнь. Когда же он умер, они исчезли, как мыльные пузыри! Теперь перенесите раненых на палубу! Горан Сингх, собери команду и обыщи переднюю палубу. Да поживее! В галере течь, и скоро она уйдет под воду. Если на борту есть какие-нибудь сокровища, то лучше поторопиться забрать их. Зигурд, Ясунга, идите за мной!

Конан, спотыкаясь, спустился вниз по лестнице и одним ударом распахнул дверь каюты под палубой юта. Он полагал, что там должна была находиться комната капитана-чародея. Конан чувствовал, что измучен до мозга костей бешеной схваткой, его ноги дрожали, а лицо осунулось от усталости несколько больше, чем ему хотелось бы обнаружить перед своими людьми. Шестидесять с лишним лет свинцовыми доспехами висели на руках и ногах. Сейчас лишь живительный глоток крепкого вина наполнил бы его постаревшее сердце новыми силами.

В каюте стоял мистический полумрак. Стены были завешаны пурпурными коврами необычной расцветки, на которых гримасничали и искоса пялились отвратительные морды злобных демонов. На низком табурете странной формы стоял хрустальный графин с темной жидкостью. Конан, шатаясь, сделал несколько шагов, с

целью осушить содержимое бутылки. По вкусу напиток напоминал вино, но был куда крепче любого вина, которое киммерийцу доводилось когда-либо пробовать. Конан почувствовал, как живительное тепло распространяется по его телу и наполняет новыми силами крутые бугры утомленных мышц. И вдруг кровь застыла в его жилах. Там, около шелковых занавесок, медленно проплыла фигура человека, только что убитого его собственной рукой! Это был тот самый старик: розовая кольчуга прищельца была рассечена около сердца как раз в том месте, куда Конан послал свой роковой клинок, и из глубокой раны все еще стекала струйка густеющей крови. Не обращая ни малейшего внимания на оцепеневшего киммерийца, призракная фигура сдернула со стены одно из покрывал, за которым оказалась тайная ниша, где хранилась серебряная шкатулка. Конан наблюдал, как полупрозрачная фигура колдуна бережно взяла шкатулку и сделала шаг по направлению к окошку у противоположной стены каюты. Оконный проем своей формой напоминал ограненный бриллиант. В открытых ставнях шумело и пенилось голубовато-зеленое море и виднелась часть корпуса «Красного Льва». Призрак уже собирался шагнуть наружу, прямо в бьющиеся о корпус галеры волны, как Конан с грохотом ринулся через каюту, пытаясь схватить зыбкую фигуру и таинственный сундучок, который та хотела унести с собой в глубины синих морских вод.

— Что ты делаешь, Амра? — вскричал за его спиной Зигурд. Ванир и кушит только что ввалились в каюту вслед за Конаном.

Окровавленная рука Конана обхватила колдуна, но легко прошла сквозь худое тело, как будто оно было соткано из тумана. Однако цепкие пальцы киммерийца дотянулись до серебряной шкатулки и крепко ухватились за ее край. Шкатулка, по крайней мере, была твердой, и Конан выхватил ее из немощных рук призрака. Тень колдуна откинулась назад и выпала из открытого окна каюты, но во время падения она повернулась к Конану и метнула в него короткий, полный

смертельной ярости взгляд. Затем призрак исчез в волнах.

Конан махнул рукой по направлению к окну. Он крепко сжимал шкатулку и пытался собраться с мыслями, чтобы ответить на вопросы, которыми Зигурд и Ясунга буквально засыпали его. Они не могли видеть дух колдуна, но зато воочию наблюдали, как из тайного алькова шкатулка поднялась в воздух и стремительно понеслась к окну безо всякой видимой поддержки. Они были свидетелями того, как Конан огромным прыжком бросился вслед за ней и схватил вещьцу.

Прежде чем Конан смог удовлетворить их шумное любопытство, снаружи раздался тяжелый топот бегущих ног и Горан Сингх прокричал в дверь каюты:

— Капитан! Полубак и трюмы пусты! Нет даже намека на добычу. Посудина быстро оседает вниз. Палуба уже затоплена! Нам надо выбираться назад, на «Красного Льва»!

Конан пристально взглянул на серебряную шкатулку. Это была единственная ценная вещь на всей галере, сокровище, из-за которого магический корабль пытался спастись бегством от пиратов. Это было то, что так берег черный колдун, ради чего он сражался и умер...

VIII. Шкатулка из Атлантиды

Там мертвое солнце садится в кровь,
Бросая в тучи мрачный луч.
И в дымке древних сказок остров вновь
Встает, и море лижет холод темных круч.

Видения Эмилитреуса

С крепко зажатой под мышкой серебряной коробочкой Конан перемахнул через стянутые вплотную борта двух судов, и его широкий меч в кожаном чехле с глухим лязгом стукнулся о деревянную обшивку. Зигурд и загорелый венд Горам Сингх последовали за ним. Его люди выдергивали абордажные крючья из деревянного настила галеры и кольцами сворачивали привязанные к ним веревки.

— Отваливаем! — прогремел Конан. — Йар! Гроты назад! Вынести стаксели на правый борт!

Со скрипом и скрежетом, кроша притершуюся древесину, два корабля нехотя разомкнули свои объятия. Скоро они разошлись на расстояние полета дротика, и между ними пролегла полоса зеленоватой бурлящей воды. Галера, трюмы которой наполнились водой через полученную пробоину, сильно осела вниз, и волны, клокоча и пенясь, перекачивались через ее палубу. Над поверхностью моря упрямо возвынялись только мачты и приподнятые вверх ют и полубак. Рядом с ними плясали на волнах корабельные обломки. Не имея такого тяжелого плотного груза, который утянул бы ее на дно, полузатонувшая галера в течение многих месяцев могла носиться по волнам, представляя собой угрозу другим кораблям в этих дальних, пустынных водах, пока не была бы выброшена на берег или не разломалась бы пополам.

— Вынести вперед грот! — скомандовал Конан. — Убрать марселя и бизань! Выставить паруса! Курс два румба к правому борту по ветру!

Порывистый ветер наполнил грот и стаксели «Красного Льва», и, словно горячий жеребец, галеон рванулся вперед, повинувшись рукам человека. Нырять носом в волны, он пустился бороздить невидимые морские дорожки, оставив позади останки затопленной галеры.

Зигурд смотрел через плечо Конана назад, за корму, пока галера не исчезла из виду среди мерно вздымающихся морских валов. Обычно бодрый старый северянин был бледен и замкнут, как и все на галеоне. Что-то в этом изящном зеленом корпусе наводило на мысль о том, что там, в галере, по-прежнему таился загадочный сверхъестественный Ужас. Словно ледяным ветерком веяло от раскрытого склепа. Ясунга зябко вздрагивал плечами и бормотал молитвы на своем кушитском диалекте. Зигурд украдкой осенял себя магическими знаками, рисуя слева на груди ногтем большого пальца молот Тора.

Скоро даже хрупкие мачты галеры исчезли из виду. Над головой простиралось чистое голубое небо, уже слегка порозовевшее на востоке, где кроваво-красное

солнце медленно тонуло в угрожающей чернильной массе густых испарений. Конан содрогнулся и, повернувшись к Зигурду, хлопнул его по плечу, тем самым выводя последнего из оцепенения.

— Пошли в каюту, Рыжебородый, там мы сможем отметить нашу битву. К тому же нам надо осмотреть добычу. Ясунга, принимай командование на палубе!

Внутри каюты в очаге потрескивал огонь и от горячей воды шел пар. Конан опрокинул на свое обнаженное до пояса тело чан с водой и смыл засохшую кровь и пот сражения. Он вздрогнул, когда вода внезапно обожгла его свежие порезы и царапины. Киммериец обернулся теплым полотенцем, набросил на плечи рубаху и с шумным вздохом облегчения стащил сапоги. Затем он развалился у стола около Зигурда, который сидел, опустив ноги в ведро с горячей водой. Северянин подтолкнул к Конану фляжку с вином, и тот охотно приложился к горлышку. Волны тепла от очага наполнили его блаженством, от вина внутри тоже приятно разливалась теплота, и в нем проснулась способность шутить: лениво и добродушно.

— Налей-ка мне еще, — Конан подвинул Зигурду пустую флягу. — Этот налет по крайней мере разогрел кровь наших людей. Правда, жаль, там не нашлось настоящей добычи, за исключением этой проклятой серебряной коробки!

Шкатулка лежала на середине стола, и Конан задумчиво водил заскорузлым пальцем по ее граням. Коробочка по форме напоминала кирпич и немногим превосходила его по размеру. Она была отделана серебром, хотя, может, это и не серебро вовсе. В неровных красноватых отблесках пламени металл слабо отливал тускло-красным цветом, и при прикосновении к нему чувствовалось, что в нем не хватает прохладной маслянистой гладкости серебра.

Зигурд тоже озадаченно разглядывал венцицу и водил своей волосатой рукой по таинственным пиктограммам, рельефно выбитым на стенках шкатулки. Затем он раскрыл рот, чтобы произнести какое-то слово, но в это самое мгновение оно уже вырвалось у Конана:

— Орихалк!

Легендарный волшебный металл потерянной Атлантиды был, по сказаниям, похож на серебро по плотности и весу, но имел слегка медный оттенок. Возможно ли, чтобы эта шкатулка оказалась реликтом с потерянного континента? Конан всегда неустанно внимал рассказам о древних королях-героях времен расцвета Атлантиды — могучем Калле Валусском, повелителе Пурпурного Трона; ужасном Каа-Язоте и его Железных Легионах; Белом Императоре, изгнанном из Города Золотых Ворот коварством черных магов, которые посадили на его трон короля-колдуна Теватату. Эта история и саги нараспев рассказывались у племенных костров его древней родной земли. Они помогали коротать долгие и суровые киммерийские зимние вечера. Рассказы о минувших свершениях заронили в его душу тоску по путешествиям и приключениям, что в конце концов привело его по половине дорог этого мира. Он нежно поглаживал странную коробочку, и глаза Конана теплели от пробежавших перед его мысленным взором неясных, туманных картин славных подвигов прошлого.

Зигурд, в бесхитростной душе которого находилось значительно меньше места романтике, потряс серебряным ящичком:

— Как ты думаешь, что там внутри?

— Что-то очень ценное, клянусь Кромом! — рассмеялся Конан. — Это все, что было на галере. Ради сохранения этой вещицы она и улепетывала от нас. Давай-ка попробуем вскрыть.

Замочная скважина была хорошо видна, но сам ключ, без сомнения, потонул в глубинах бескрайнего моря. Впрочем, крышка держалась на петлях, и ее можно было попытаться взломать. Конан порылся в своем морском сундучке. Затем положил коробку набор и приставил острие большой бронзовой иглы к основанию шарнирной оси одной из верхних петель. Он осторожно ударил по тупому концу иглы свинцовым шариком, которым заканчивалась рукоять тяжелого клинка. Конан усмехнулся и взглянул на Зигурда.

— Я выучился этим трюкам, когда был еще вором в Заморе. Дай вспомнить... О Митра! Уже лет сорок

минуло... Но с того времени у меня не было случая воспользоваться этим умением!

Скоро обе оси были выбиты из петель и открытая шкатулка беззащитно лежала на столе. Внутри находился маленький свиток, перевязанный парой ленточек из пурпурной ткани.

— Сокровища? — огорченно простонал Зигурд. — Клянусь рогам Шайтана и толстым брюхом Молоха! Никогда еще два благородных грабителя не были так бессовестно обмануты! Взять на abordаж эту мерзкую галерею, проливать кровь, биться со скрежетом зубным в самой Преисподней против половины всех демонов... Ради чего? Ради этого проклятого куска бумаги?!!

Он сплюнул в сердцах. Но Конан, напряженно рассматривавший свиток, сердито пробормотал:

— Не отчаивайся так скоро, Рыжебородый! Это не просто клочок бумаги. Ну да, пусть Кром разорвет меня на части, если я не прав, но это, может быть, и вправду ценная вещь, как и полагал тот черный колдун с дьявольским лицом. Посмотри сюда!

Зигурд наклонился вперед, чтобы взглянуть на свиток, который Конан уже развязал и разгладил на столе. Во-первых, это был не папирус, а какой-то жесткий хрустящий пергамент, который мог бы быть сделан из выдубленной кожи крылатого дракона — одного из тех, что, согласно сагам, использовали древние атланты. Во-вторых, совершенно очевидно, свиток представлял собой карту, на которой были тщательно нанесены контуры незнакомых морей и всех земель неведомого Западного мира.

— Эта линия на востоке напоминает очертания берегов нашего континента, — задумчиво произнес Конан. — Видишь, здесь гавань Мессантии, а вот этот выступ, что загибается на восток, — вероятно, побережье от Зингары до Шема...

— Смотри, дружище, ведь эти разбросанные в беспорядке точки — это Барахские острова. Клянусь Лиром и Махнаном! — пробормотал Зигурд. Затем сердитые складки смяли его лоб. — Боги, ты посмотри, как далеко простирается море на запад! — Заскорузлый

указательный палец северянина скользнул на запад от знакомых берегов.

— Посмотри сюда! — сказал Конан, показывая на берег неизвестного континента у западного края карты и на цепочку из семи больших островов, лежащих к юго-востоку от этих земель. Хотя Конан довольно слабо разбирался в географии, он сразу обратил внимание, что в этих частях карта была выписана с кропотливой тщательностью и в мельчайших деталях. На ней были изображены берега, гавани, рифы, мели, направления ветров и течений, что свидетельствовало о хорошем знании художником земель и морей этого района.

Кулак Конана с грохотом опустился на деревянный стол.

— О Кром! Теперь я понимаю. Ты уловил, в чем секрет, Рыжебородый?

Зигурд пожал плечами. Конан постучал по пергаменту своим длинным узловатым пальцем:

— Зеленый корабль пришел с этих островов и достиг нашего берега. Одному Крому известно, что ему было нужно, разве что он хотел выпустить Красные Тени на наши города с какой-то непонятной целью, о которой мы пока можем только догадываться. Но, как ты думаешь, что же было таким ценным на этом корабле? Почему он вынужден был бежать от нашего галеона, как от чумы? Карта, показывающая путь к дому!

Зигурд озадаченно моргнул.

— Пожалуй, ты попал в самое яблочко, Амра. Но тогда что это за проклятые острова?

— Антилия!

Зигурд хрюкнул от удивления и поскреб челюсть своей волосатой лапой.

— Что ж, пусть зажарят мои внутренности, я слышал эту сказку, но никогда вполне не верил в нее. Эта, что ли, история о том, что, когда Атлантида погрузилась в соленые воды моря, группа священников-мудрецов убежала в неизведанные земли к западу и создала там государство — продолжение Золотой Империи? Слышал я рассказы о стенах Семи Городов Атлантиды, сделанных из золотых кирпичей, об улицах, мощенных

серебряными плитами, священных пирамидах из орихалка и о таких крупных драгоценных камнях, которыми можно было оглушить кита. И эти сокровища просто лежали на пляжах и ждали, когда их подберут... Боги и дьяволы! Ты что, думаешь, в этом есть хоть толика правды?

Конан пожал плечами.

— Одному Крому известно. Я слышал подобные истории о Вендии и Кхитае, но когда я добрался до этих мест, то понял, что эти рассказы здорово преувеличены. Единственный путь узнать правду — это отправиться туда. Карта покажет нам дорогу!

IX. Путешествие по неизвестному морю

Наш парус туг, звенит канат,
Нос расскажет стаи туч,
Сулит нам золотой фрегат
Звезды далекой желтый луч.

Морская песня баракских пиратов

И вот так случилось, что «Красный Лев» отправился в раздираемые штормами, населенные чудовищами бескрайние пустыни Западного Океана, в самое невероятное из когда-либо предпринимавшихся путешествий. Единственными путеводными вехами для людей здесь были солнце днем и звезды ночью, так как в хайборийскую эпоху — время между погружением в море Атлантиды и расцветом Шумерского и Египетского царств — моряки не знали еще тайны магнитной стрелки компаса. И все же, следуя карте, найденной в шкатулке из орихалка, они все глубже и глубже уплывали в неизвестность.

Некоторые упорно не хотели пускаться в это фантастическое приключение, пока Конан не привел два убедительных довода в пользу такого рискованного предприятия. Во-первых, они отправлялись в плавание ради приключений, славы и добычи и, без сомнения, в изобилии найдут все это на Семи Островах легендарной Антилии, среди древних развалин последних городов атлантов. Во-вторых, он обещал самолично

выбросить любого брюзгу за борт на поживу кракенам. Подобные увещевания оказались на удивление убедительными.

И все же, чем дальше они уплывали от знакомых берегов, тем сильнее рос среди команды какой-то суеверный ужас. Матросы вспоминали старые сказки, где говорилось, что мир кончается сразу за линией горизонта. Там земля образует огромный крутой уступ, с которого бесконечным потоком низвергаются воды океана. Они летят все дальше и дальше вниз, чтобы в конце с оглушительным грохотом обрушиться на самые основы неподвижной Вечности. По этим сказкам, корабли, уплывшие за видимую линию горизонта, вскоре захватывались могучим, неумолимым течением, которое выносило беспомощную, вопящую от ужаса команду прямо к уступу на границе мира.

Конан резко обрывал подобные разговоры, с треском сталкивая пару голов друг с другом и доказывая с неумолимой логикой, что с каждой лигой их продвижения к западу горизонт явственно отступает на то же расстояние.

И они плыли далее, с парусами, наполненными ровным свежим северо-восточным пассатом. Впереди лежал неизвестный мир, вокруг же, насколько хватало глаз, простирались таинственные водные пустыни, где под вспененной ветром поверхностью моря их могли подстергать ужасные обитатели океанских глубин. Конана мало страшили морские чудовища. Он встречался лицом к лицу с воинами, древними колдунами, отвратительными монстрами, демонами и даже с богами. И в конечном итоге все они оказывались уязвимыми для острой стали. Но из предосторожности он все же заставлял корабельного плотника смастерить катапульту и слепить смолистые жирные шары из черного дегтя, в нутро каждого из которых было налито масло для светильников и вставлены просмоленные фитили из старого тряпья.

День следовал за днем, лениво протекая над бескрайними просторами пустынных вод, и это длительное безделье становилось для Конана невыносимым. Он уже страстно желал яростной, пусть даже безнадежной борь-

бы, которая хоть как-то нарушила бы бесконечное однообразие плаванья. Но, увы, если в море и обитали таинственные чудовища, они предпочитали держаться на расстоянии от «Красного Льва». Чтобы не дать своим кровожадным разбойникам превратиться в корабельный балласт и выйти из-под контроля от долгого безделья, он все время заставлял их заниматься надраиванием палубы или оперять новые стрелы, дабы возместить потери за время короткой битвы с зеленой галерой, или заставлял их потеть над множеством других явно надуманных заданий. Как сказано в одной старой хайборийской пословице: «Нергаи всегда найдет работу ленивым рукам».

Временами старый киммериец ловил себя на том, что размышляет о событиях, происходящих сейчас в далекой Аквилонии. Он думал о своем крепком характером сыне и спрашивал себя, по силам ли молодому бычку оказалась тяжесть его короны. Он думал о своих старых друзьях при дворе и о том, что лишь немногие из них еще живы. Конан вспоминал также королевский дворец в Тарантии, где он провел столько счастливых лет со своей женой Зиной, уже тоже уснувшей вечным сном. Она была рабыней в Немедии, но он сделал ее единодержавной королевой над всеми зелеными холмами и золотистыми нивами солнечной Аквилонии. Пока она была жива, Конан все время был рядом, кроме нескольких далеких и необходимых путешествий, и он всегда был предан ей всей душой, — не такой уж малый подвиг для грубого, пышущего здоровьем воина киммерийских кровей.

После ее смерти во время родов, Конан опять вернулся к старым привычкам тех дней, когда он еще был королем-холостяком, и снова обзавелся гаремом стройных наложниц. Сделать это приобретение не составило никакого труда. Своеобразное, крайне жесткое понимание мужской чести всю жизнь вызывало в нем стремление заставить женщину подчиняться его объятиям. С другой стороны, всегда хватало желающих и даже жаждущих смириться с такой судьбой. Но больше у него не было ни свадеб, ни жен. Ни одной женщине не довелось занять места Зиной.

Теперь, когда она умерла, Конан часто ловил себя на том, что думает о ней, особенно когда погружался в мрачные раздумья, что, вообще говоря, было ему не свойственно. Пока Зиновия была жива, он отдавал ей всего себя, считая это само собой разумеющимся. Как истинный дикарь, он мало задумывался над проявлением своих чувств. Теперь же Конан часто сожалел о невысказанных словах и о тех мелких услугах, которые он мог бы оказать ей, но так и не сделал этого.

Конан часто заставлял себя в размышлениях о старых временах и старых друзьях. Лица из далекого прошлого вереницей проносились в его голове: Белит, похожая на пантеру, жаркая королева пиратов Черного побережья, его первая страстная любовь... Таурас из Немедии, толстый старый ворюга, вместе с которым он сумел ограбить легендарную Башню Слона... Загадочный стигийский черный чародей Тоф-Амон, чья дорога так часто пересекалась с его собственной, вплоть до их последнего фатального столкновения... Верный, вечно скалящий зубы в усмешке Жюба — черный гигант из Куша, вместе с которым им удалось победить человека из потерянной долины Меру на далеком Востоке... Граф Троцеро Пуантенский; хитрый банкир Публий; благородные солдаты Просперо и Паллантин — все они протянули ему руку помощи и дружбы, когда зависть аквилонского короля Нумедидеса вынудила Конана отправиться в изгнание. Они же стали ему опорой, когда Конан поднял бунт против монарха-дегенерата...

Лица его друзей, любовниц, товарищей и врагов далекого прошлого, на которые он никогда раньше в этой жизни не оглядывался, толпой окружали сурового киммерийца. Воспоминания забытых дней снова наполняли его со все возрастающей яркостью и остротой; именно теперь, когда отчаянные, незабываемые свершения его беспечной юности уже давно умчались в прошлое и Долгая Ночь быстро подступала к нему. «Что ж, — думал он, — годы наваливаются на любого человека, если только ему удалось достаточно пожить. И, клянусь Кромом, Конан еще увидит свой последний медленно меркнувший закат на заваленном окровавлен-

ными телами поле, прежде чем настанет последний миг его жизни!»

— Земля, хо!

Глубоко погруженный в меланхолические размышления, Конан стоял на юте, угрюмо облокотившись на релинг, и наблюдал, как утреннее солнце всплывало из океана и взбиралось вверх по грядам облаков на востоке. Этот крик привел его в себя, и кровь снова упруго запульсировала в жилах.

— В каком направлении? — прогремел его голос.

— Три румба по правому борту, капитан! — отозвался впередсмотрящий с топа главной мачты.

Конан ловко вскарабкался по вантам до середины грот-мачты, и его горящий ястребиный взгляд заскользил по линии горизонта. Впереди, по носу «Красного Льва», запад все еще тонул во мраке, но справа по курсу под низкими лохмотьями облаков, там, где море смыкалось с небом, виднелась более плотная черная полоска. Земля. Внизу на полубаке пираты сгрудились у релингов, указывая пальцами на темную линию, и, когда черная гряда холмов, лова сквозь утреннюю дымку предрассветные блики, четче вырисовывалась вдаль, с полубака доносились радостные возгласы. Как только Конан спустился на палубу юта, к нему, грохоча сапогами о палубу, подбежал Зигурд.

— Что это, дружище? — спросил ванир. — Антилия, наконец? Во имя солнечного диска Шамаха и серебряного месяца Диметры! Наконец-то пришло время действий! Золото и добыча для всех с приправой из горячей крови, клянусь всеми богами!

Конан хмуро усмехнулся:

— Да уж. Ничего, кроме моря и неба. Два полнолуния на борту этой посуды показали мне двумя столетиями. Но теперь путешествие окончено!

В это время из смотровой корзины раздался громкий испуганный крик:

— Дракон справа по борту, у носа! Плышет прямо на нас!

Дракон! При этом слове Конан почувствовал холодок внутри. Затем он застыл, напряженно вглядываясь вперед по правому борту.

С неизвестного Запада пришел он: крылья растопырены, величественно изогнута шея, сверкающая золотым пламенем в блекло-радужном утреннем свете. Его могучая грудь рассекала пологую маслянистую зыбь, глаза горели белыми огнями, и клубы черного дыма вырывались из огнедышащих ноздрей. Он мчался по волнам от туманной груды островов прямо на них — титаническая крылатая змея, одетая в доспехи тускло отсвечивающей чешуи, с глазами, подобными сосудам с огнем.

Х. Огонь Дракона

В кроваво-красной мрачной мгле, где солнце
Заходит в золотой туман,
Забывшие империи влачат существование,
Как призраки давно прошедших дней.

Видения Эпимитреуса

-Все наверх, с оружием! — оглушительный, словно глас рока, раздался рев Конана. Громкий голос капитана стряхнул с людей состояние оцепенения, когда с широко открытыми от ужаса глазами вся команда галеона наблюдала приближение чудовища.

— Лучники! На полубак! Яков, подашь сигнал, когда он приблизится на полет стрелы! Мило, займешься со своими людьми катапультой! Целься — четыре румба по правому борту. На руле, два румба к левому борту! Зигурд, ставь бизань! Возможно, нам придется выписывать вокруг него кренделя, как подвыпившему кохийскому крестьянину. Макро, мой шлем и доспехи на ют!

Люди забегали оживленно, исполняя приказания. Бряцало оружие. Временами кто-нибудь нагибался за упавшим на палубу мечом или копьём. Наверху, впереди, дюжий боцман и его команда кряхтели и потели, поднимая и разворачивая в исходное положение тяжелое вооружение. Другие матросы подносили из трюмов вымазанные дегтем ядра и складывали их неподалеку.

Возмущенный резким поворотом рулей, «Красный Лев» встал на дыбы и сделал мягкий разворот к левому борту, так что чудовище оказалось на одной линии с катапультой. Механизм не вращался вокруг оси, и его можно было нацеливать на врага, лишь разворачивая весь корабль.

Сверкающие глаза чудовища надвигались все ближе и ближе, и казалось, что его шея вытягивается вверх. Как только дракон приблизился на расстояние полета стрелы, лучники отряда Якова послали шквал стрел, которые, описав плавные дуги над разделяющим их пространством воды, частью упруго впились в чешуйчатую шкуру, частью скользнули по золотой чешуе в сторону. Казалось, однако, чудовище не почувствовало уколов шипящих наконечников. Когтистые пальцы, которыми оканчивались его длинные тонкие передние птичьи лапы, даже не вздрогнули. Изогнутая лебединая шея не свилась кольцами от боли, и оскал остался прежним. Золотая маска неумолимо приближалась. Все так же ярко сверкали глаза, озлобленная пасть щетижилась несколькими рядами зубов.

Солнце, доселе скрывавшееся за облаками на востоке, теперь выбралось на чистое пространство и осветило картину во всем ее величии. И тогда Конан воскликнул:

— Оно не живое, парни! Это корабль, машина. Приготовить катапульту!

Внезапный всплеск солнечного света открыл Конану истинное положение вещей. «Дракон» на самом деле был галерой, подобной той, которую они потопили посреди открытого океана, но нос ее был сконструирован так, что с середи судно напоминало чудовище. «Крыльями» же служили два высоких узких треугольных паруса, укрепленных на бамбуковых реях, как это делалось на кораблях Кхитая. Паруса были подняты на паре мачт на шканцах, стоящих совсем рядом друг с другом, а не так, как на большинстве парусных судов — одна на носу, другая на корме. Сейчас их черные полотнища были добраны и выставлены точно по корме, потому что галера гребла прямо против ветра. И хотя паруса никак не помогали кораблю двигаться

вперед, трепещущие на ветру, они усиливали сходство с крылатым морским чудищем.

Второй залп стрел градом застучал по носу судна-дракона, опять не причинив ему никакого вреда. Конан видел, что «передние лапы» служили хватательными устройствами, которые поддерживались толстыми канатами в висячем положении перед форштевнем. Когда судно подойдет достаточно близко, канаты ослабнут и два бруса с силой упадут вниз, при этом «когти» глубоко войдут в деревянную обшивку «Красного Льва» и надежно захватят его.

— Мило! — рявкнул Конан. — Снаряд!

Боцман сделал знак рулевому и немного развернул галеон к правому борту, так что метательная планка его машины точно нацелилась на врага. С резким пружинящим звуком катапульта распрямилась. Первый шар из дегтя, оставляя клубящийся след черного дыма, описал в воздухе плавную дугу, отскочил от шеи монстра и упал в море. Теперь до галеры оставалось расстояние не более броска копья. Изогнутая грудь дракона раскрылась. Широко распахнулись створки дверей, и деревянный абордажный настил сам вышел вперед из раскрывшегося проема. Внутри судна, у дальнего конца настила, выстроилась абордажная команда в каких-то фантастических доспехах. Громко затрещал храповик катапульти — это команда яростно налегла на лебедки, вновь готовя оружие к бою. Затем раздался звенящий хлопок, и второй смолящий дымом шар пролетел над водой прямо в проем, где собрался абордажный отряд. Там взлетели вверх клубы дыма и мертвенно-бледная вспышка света на мгновение осветила внутренности судна. Ряды воинов смешались, и по настилу пронеслось лихорадочное движение. Нескольких человек при этом столкнули в море, и тяжелые доспехи быстро увлекли их ко дну. Из корпуса корабля-дракона в сотне мест начали вырываться струи дыма. Казалось, огонь распространяется почти с естественной скоростью. Конан слышал издали слабые крики попавших в ловушку людей. Сквозь открытый проем впереди была видна часть трюма галеры. Создавалось впечатление, что все попытки бороться с огнем

безнадежны. Скоро оранжевые языки стали вырываться из шеи «дракона», затем пламя подобралось к нижним краям парусов и заревом взмыло вверх.

— Амра! — завопил Зигурд. — Еще один по левому борту.

Конан, крепко ругнувшись, резко повернулся. С противоположной стороны прямо на них шел второй корабль-дракон. Ветер мел этому судну в борт, и парускрылья помогали веслам, так что оно летело куда быстрее, чем первое.

— Мило! — закричал Конан. — Поверни свою машину к левому борту!

Пока на ликанцах у катапульти отряд, обливаясь потом, принялся перетаскивать свой механизм к противоположному борту, второй корабль-дракон быстро сокращал расстояние. Конан последними словами проклинал свою глупость. Он позволил себе увлечься зрелищем пожара на уже выведенном из строя первом корабле и не заметил приближения второго, и только громкий рев Зигурда отрезвил его.

— Яков! — загремел он. — Не стрелять, пока не откroют!

Однако на этот раз корабль-дракон не спешил открывать двери для абордажной команды. Вместо этого он издал шипящий свист, словно разом вскипели сотни котлов. Открытая пасть фигуры на носу галеры выплеснула струю жидкого пламени, которое образовало сверкающую арку над сужающейся полоской воды между кораблями. Пламя ударило в борт и палубу «Красного Льва». В один миг вся палуба была усеяна капельками горящей жидкости, которые разбегались во все стороны. Пираты в панике ринулись прочь от релингов, кто-то уже отчаянно колотил по дымящимся пятнам на одежде. От огненной жидкости валил густой черный дым, запахло горящим маслом. Конан тут же догадался, что это было природное черное масло, подобное тому, что выступает из земли в пустынях Ирана и Турана.

Но у него не было времени объяснять все это своим людям. Шипение повторилось, и новая струя жидкого пламени ударила в стаксель, который в мгновение ока

вспыхнул, словно факел. Отряд у катапульты и лучники с воплями ужаса рассыпались по палубе. Над их головами ярко пылал парус, осыпая палубу дождем горящих обрывков ткани.

— Руль к правому борту до упора! — бешено проревел Конан. — Поставить паруса по ветру и закрепить на правом борту!

Он прекрасно понимал, что следующий поток пламени может лишить их грота и тогда «Красный Лев» станет беспомощным, как старая неповоротливая посудина.

Но было уже слишком поздно. Шипение раздалось еще раз, и стремительная огненная струя обрушилась на грот, который тут же исчез в пучине выходящего, ревущего пламени. «Красный Лев», движущая сила парусов которого, за исключением небольшой бизани, была уничтожена в огне, резко замедлил ход и теперь неуклюже переваливался на волнах. Крючковатые тяжелые бруссы галеры с треском обрушились вниз, и когти глубоко впились в палубные доски галеона. Двери раскрылись, выехал настил, и вторая абордажная команда ринулась вперед, на борт «Красного Льва».

У людей с галеры была смуглая кожа, узкие прорезы глаз, выпирающие скулы и орлиные носы. На головах красовались птичьи шлемы, как у колдуна с зеленой галеры, а на кожаные солдатские куртки были надеты странные стекловидные доспехи. Столь же необычным было и их вооружение: прозрачные мечи с зубчатыми пилообразными краями, крючковатые копья и стеклянные шарики в пращах. Было еще и другое оружие, но у Конана не хватило времени разглядеть его.

Лучники Якова должны были бы встретить высаживающийся на борт «Красного Льва» отряд смертоносным дождем стрел, но они были растеряны и напуганы не меньше других пиратов. Конан бушевал и сыпал проклятиями, но его люди все же так и не построились в оборонительные ряды, а в панике метались по нижней палубе. В сторону нападающих просвистело несколько стрел, но они не причинили особого вреда. Наконечники разлетались на кусочки или проскальзывали по хрупким с виду стеклянным доспехам. Лишь несколько человек из экипажа собрались кучкой у края абордажного помоста, который опирался на релинги «Красного Льва».

Одним прыжком Конан слетел вниз по трапу со своим тяжелым палахом в руке и ринулся на помощь защищающимся. Теперь он видел, что люди с галеры имели странное боевое снаряжение: тонкие трубочки выходили из их ноздрей, закрытых стеклянными шлемами, к контейнеру на спине. Это, решил Конан, наверное, что-то вроде дыхательного аппарата. Но зачем?

Ответ не заставил себя ждать. Едва Конан достиг пиканцев, как первая группа атакующих приостановилась, чтобы раскрутить пращи и осыпать его людей градом стеклянных шаров, каждый размером с яблоко. Они взрывались с мелодичным звуком и разлетались сотнями сверкающих осколков. Там, где разрывался шар, возникало облако бледного пара, которое медленно поднималось вверх.

Все больше и больше шаров со стеклянным звоном лопалось на палубе «Красного Льва», и ветер не успевал уносить прочь дым от все новых и новых нехитрых снарядов. Конан видел, как его рассеянные по палубе бойцы оседали вниз и один за другим тяжело падали на доски без сознания. Они падали один за другим, и скоро лишь несколько человек еще оставались на ногах. Теперь палуба напоминала место жестокой бойни, разве что люди лежали спокойно, словно спали, по-видимому, они были невредимы. Тогда абордажный отряд темной волной прокатился по деревянному настилу вниз, на окутанную серым дымом палубу галеона, на которую кое-где еще падали горящие обрывки веревок и парусины. С оглушительным боевым кличем Конан врзался в толпу нападающих. Широкий меч ткал вокруг киммерийца полотно мерцающей стали. Прозрачно-кристаллические доспехи раскалывались под ударами тяжелого клинка, который разрубал стекло, кожу нагрудников, мясо и кости. Отрубленные конечности разлетались в стороны, вопли вырывались из-под стеклянных шлемов.

Конан прорвался сквозь неплотные ряды первой группы нападающих, оставив позади себя бездыханно лежащими на палубе трех врагов. Но новые воины спрыгнули с абордажного настила, пытаясь окружить его и снова завладеть инициативой. Он прорубил сквозь

их ряды дорогу к релингу, где, с защищенной спиной, ему удалось урвать короткую передышку.

В дальнем конце палубы Конан увидел Зигурда, который обменивался могучими звенящими ударами сразу с двумя противниками. Еще двое лежали у его ног. Вдруг, хотя не было видно, чтобы его кто-нибудь зацепил, северянин выронил свою длинную саблю и осел на палубу так же, как это произошло со всеми остальными членами команды.

Конан почувствовал сладковатый запах, и окружающий мир медленно поплыл перед глазами. Атакующие отступили от него и образовали полукруг, так что киммериец оказался прижатым к поручням релинга. Несколько секунд он стоял лицом к лицу со своими противниками. Его губы, окаймленные серой бородой, раздвинулись в беззвучном рычании. Над головами передних нападающих пролетело еще несколько стеклянных шаров, разлетевшихся на кусочки совсем близко.

Конан не стал дожидаться, пока пары поднимутся и свалят его с ног. С хриплым сдавленным рычанием он ринулся на обступивших его полукругом врагов. Меч в мозолистых руках Конана вихрем пронесся над головой, подобно крылу ветряной мельницы.

Два ангильда упали, один — с рассеченной головой, другой — со смятой грудной клеткой. Теперь Конан смог прорваться сквозь ряды врагов и снова оказался на свободном пространстве.

Он знал, что не сможет один биться со всей командой вражеского корабля. И даже если он сведет счеты еще с несколькими противниками, рано или поздно они все равно окружают и убьют его. Накопленная за долгие годы жизни усталость уже отягощала его руки и ноги и замедляла движения. Дыхание с трудом вырывалось из груди. Дым и струящиеся клубы белого пара, которого киммериец успел наглотаться, вызывали у него удушливый кашель. Теперь уже вся команда галеона лежала на палубе, но лишь немногие были сражены причудливыми мечами врагов, большинство же пало, наглотившись ядовитых паров.

Другой на месте Конана, вероятно, застыл бы в нерешительности, не зная, что делать дальше. Было очевидно, что корабль потерян. Палуба кипела воинами

корабля-дракона. Паруса и оснастка исчезли в пламени и дыму. В это самое время передняя рея, которую уже не поддерживали сгоревшие дотла канаты и парус, с грохотом рухнула на палубу полубака. По сторонам густо дымились огоньки обрывков горящей парусины, веревок и обломков рангоута. От первого корабля-дракона, который они подожгли, на поверхности моря осталось лишь несколько пляшущих на волнах обугленных обломков.

Конан понимал, что не сможет принести пользу своим людям, если позволит убить себя или сдастся в плен. В то же время оставался шанс спасти команду, если ему удастся убежать. Решительность — наследство далекого варварского прошлого — определила дальнейшие действия Конана. Она же не дала ему возможности хоть немного обдумать и взвесить другие варианты. С последним приливом сил он огромными прыжками взлетел вверх по трапу на юг. Один из двух рулевых на счетверенных рулях корабля исчез, а другой лежал мертвым. Над его телом стоял противник с кровавым зазубренным клинком. Конан рванулся к нему и одним ударом разнес на кусочки кристаллическое лезвие меча. Повинуясь могучему взмаху длинных рук киммерийца, его широкий меч как бумагу прошел броню из стеклянных пластин, и воин безмолвно осел вниз.

Конан бросил окровавленный меч, сорвал с головы рогатый шлем и запустил его далеко в море. Никаких трофеев врагам! Он нагнулся и снял с мертвеца стеклянный птичий шлем, а вместе с ним и дыхательный аппарат. В то время, когда антильцы загрохотали сапогами по верхним ступенькам трапа, Конан успел уже закрепить аппарат на голове и на спине.

Враги бросились на него с яростными криками. Конан подхватил меч как раз вовремя, чтобы парировать выпад копьём с острым извилистым наконечником. Одним могучим ударом сплеча он смял шлем наступавшего на него врага, а заодно и череп воина. Не дожидаясь, пока к нему приблизится следующий, киммериец подскочил к релингу, перемахнул через борт и исчез в пенистых гребнях голубоватых волн. Увлекаемый вниз весом своей кольчуги из толстых стальных колец, он камнем пошел ко дну.

Утреннее солнце теперь сияло высоко в небесах и уже рассеяло последние остатки предрассветной дымки. Облака разбегались в стороны и таяли под его горячими золотыми лучами. Разбившись на пары, воины абордажного огряда поднимали бесчувственные тела членов экипажа «Красного Льва» и переносили их по настилу внутрь своего корабля. Другие пытались погасить множество крошечных огоньков, рассыпанных по палубе галеона. Они сбивали огонь ударами плащей и заливали морской водой из ведер, которые тут же поднимались на веревках.

В конце концов люди с корабля-дракона оставили небольшую команду на борту захваченного галеона и вернулись на свое судно. Затрещали деревянные блоки, и абордажный настил заполз обратно в проем, похожие на когтистые лапы брусья поднялись вверх, и двери на груди дракона закрылись. Заработали весла, паруса упруго натянулись под сильным ветром, и галера поплыла назад. Когда между судном и галеоном оказалась достаточно большая полоса чистой воды, галера совершила умелый маневр, пройдя вдоль самого носа «Красного Льва» и почти коснувшись его кормой. Вскоре с натужным скрипом канатов, с парусами, натянутыми до отказа свежим попутным ветром, корабль-дракон двинулся туда, откуда пришел, волоча за собой на буксире «Красного Льва».

XI. Чудища морских глубин

...Престрашным шунальцем и клювом
Оно вступило в бой со Львом...

Путешествие Амиры

Конан вошел в воду с сильным всплеском, и зеленые волны тут же сомкнулись над его головой. Отягощенный массивной кольчугой из толстых стальных звеньев, которая защищала его тело до пояса, и увлекаемый тяжестью меча, он камнем пошел ко дну.

Морская вода была холодна. Утреннее солнце совсем недолго сияло в небе, и его тепло не успело еще проникнуть глубже тонкого слоя воды. Терпкий привкус

соленой воды и прохлада действовали на Конана отрезвляюще. Соль огнем обожгла порезы и ссадины на его теле, волна ледящего холода прокатилась по его утомленному телу, вызвав прилив новых сил в ноющих мышцах.

Медленно, словно во сне, падал он сквозь туманный мир бледно-нефритовой воды. Совсем рядом замаячил темный корпус «Красного Льва», и Конан смог различить ракушки на его киле. Бросив взгляд вверх, старый воин увидел над собой оба судна — овальные темные планеты в тускло поблескивающем зеленовато-серебристым светом небе. Фантастическое зрелище...

Когда Конан врезался в волнующуюся поверхность моря, первым его побуждением было замолотить по воде руками и поплыть. Но он быстро обнаружил, что особая конструкция дыхательного аппарата в кристаллическом шлеме каким-то непонятным образом позволяла ему дышать под водой. Более того, совсем неглубоко под ногами Конан смог смутно различить темное морское дно. В этом месте у островов Антилии морское ложе мягко поднималось вверх, и Конану предстояло не уйти в безжизненные черные глубины, куда еще не проникал луч света, а опуститься лишь на несколько саженей до дна, откуда ему открывался путь до берега. Поэтому он просто позволил себе плавно опускаться вниз, преодолевая инстинктивное желание плыть. Он только немного шевелил ногами — ровно столько, сколько было нужно, чтобы держаться все время в вертикальном положении.

С дыханием дело обстояло несколько иначе. Стенки шлема опускались вниз, плотно прилегая к груди и спине, подобно хорошо пригнанному седлу. Две стеклянные трубки от шлема проходили под мышками и заканчивались какой-то похожей на продолговатый бочонок штуковиной за спиной, между лопаток. Одна трубка входила в шлем на уровне ноздрей, другая — на уровне рта. Надев шлем, Конан довольно быстро освоился с этим хитроумным агрегатом. Выпустив воздух из легких, он увидел, как вверх устремилась суеживая вереница серебристых пузырьков. К непривычному способу дыхания пришлось немного привыкнуть, но когда Конан мягко приземлился на дно на все

четыре конечности, он уже успел овладеть этим искусством.

Дно было покрыто слоем тонкой взвеси, которая взвилась легкими темными вихрями, когда он, загребая песок, сначала встал на четвереньки, а потом поднялся на ноги. От всплесков и водоворотов облака медленно оседающих частичек вода вокруг него стала серо-зеленой. Конан нашел, что через кристаллический материал плема видно вполне неплохо, хотя уже в нескольких ярдах очертания предметов расплывались и исчезали в мутной воде. И все-таки вокруг было довольно светло, и он мог достаточно ясно различать близкие предметы. Далее же песчаные дюны терялись в тусклом ровном изумрудном свете.

Сориентироваться было относительно легко, надо было только следовать плавно поднимающемуся уклону морского дна, который должен был вывести его к берегу моря. Поэтому Конан побрел именно в этом направлении, упорно переставляя вязнущие в мягком песке ноги и покачиваясь из стороны в сторону, так как его массивное боевое снаряжение и дыхательный аппарат сместили центр тяжести вверх. Несмотря на вес кольчуги, Конан чувствовал непривычную легкость своего тела, но каждым дюймо́м кожи он отчетливо ощущал огромное равномерное давление водной толщи, что сильно затрудняло дыхание. И все же, несмотря на все сложности, он упрямо передвигался вперед, делая тяжелые и неуклюжие преувеличенно-медленные шаги, каждый раз чуть отрываясь от морского дна.

Пологие песчаные холмы были покрыты удивительно сочной растительностью. Конан продирался сквозь зачарованный лес загадочных растений, чьи длинные шелковистые стебли колебались, подобно поблескивающим разноцветным лентам. Маленькие, ярких расцветок рыбки стремительно сновали вокруг. Они напоминали фантастических птиц и то отливали золотом, то вспыхивали пурпурными, изумрудно-зелеными и лазурными цветами. Вокруг поднимались ветвистые, похожие на окаменевшие деревья, причудливые нагромождения розовых и белых кораллов, похожие на окаменевшие деревья.

Внезапно коралловые заросли отступили, и Конан оказался среди громоздящихся друг на друге и плавно уходящих вверх скал, которые казались руинами какого-то доисторического города великанов. Камни были сплошь облеплены морскими организмами, одни из которых напоминали цветы, другие — звезды, третьи — угрожающе щетинились многочисленными шипами. Некоторые существа двигались на жестких ломаных суставах ног, шевеля глазами, растущими на стебельках, иные высовывали наружу целые букеты напоминающих перья отростков.

Конан подтягивался на руках и пробирался вверх с одного этажа нависших глыб на другой. Внезапно он почувствовал, как что-то острое глубоко взрезало его палец, и безмолвно выругался. Наконец киммериец добрался до ровной поверхности плато и остановился на вершине, чтобы немного передохнуть.

Солнце, должно быть, уже поднялось выше, а может, это он успел подняться довольно близко к поверхности, потому что мутно-зеленый полумрак глубин сменился прозрачным, гремящим душу желтовато-изумрудным светом. При этом более ярком освещении Конан почувствовал в себе силы преодолеть еще один крутой склон, который должен был вывести его к самой поверхности. Среди разноцветных скал наверху зияла раскрытая черная пасть морского грота. Конан начал подъем, при этом то и дело настороженно поглядывая на пещеру. Он решил обойти ее стороной, так как опыт скитаний на суше подсказывал ему, что такие места часто бывают обитаемы — и в них живут отвратительные кровожадные твари. Он был почти уверен, что и в чернильных глубинах этого подводного грота поселились существа, ничуть не похожие на маленьких безобидных ярких рыбок.

Конан уже продвигался вдоль края пещеры, когда он скорее почувствовал, чем увидел, как в крошечной тьме грота возникло волнообразное движение. Тускло светящееся пятно, величиной с большую миску, появилось из колышущегося мрака. Затем другое пятно возникло рядом с первым, и что-то ощутно заскользило по дну, направляясь прямо к нему. Оно было

похоже на толстый корабельный канат или, скорее, на покрытый черной гладкой маслянистой корой древесный ствол, который каким-то образом приобрел гибкость и способность двигаться. Конец щупальца извивался и был размером с кончик огромного кнута, в то время как у входа в пещеру его диаметр достигал величины матерого, толстого дерева. Ищущий жгут приближался. Отвратительно извиваясь, он то изгибался вниз, то снова отрывался от морского дна. Конан заметил его плоскую подошву с двумя рядами присосок, от самых маленьких, размером с подушечку большого пальца на лентообразном конце, и далее вдоль щупальца — величиной с лошадиное копыто. Теперь тонкий конец оказался совсем рядом. Он приподнялся над дном и испытующе-осторожно дотронулся до сапога Конана, словно пробуя, что это за странное создание и съедобно ли оно.

— Кром! — У Конана перехватило дыхание, когда он распознал в этом жгуте одно из щупалец существа из семейства кракенов. Он отпрыгнул сквозь упругую толщу воды назад и выхватил меч из ножен.

На суше подобный прыжок отбросил бы его на несколько футов, но в воде все было иначе. Конан обнаружил, что неуклюже заваливается вниз на песчаное дно, поворачиваясь при этом вокруг своей оси. Из-за резкого движения вода проникла под стеклянный шлем и зажурчала, заливая уши. Свободной рукой киммериец ударил по воде, чтобы снова обрести равновесие.

Щупальце отступило. Затем стремительное, как атакующая змея, оно лишь на мгновение застыло, приподняв вверх тонкий конец, чтобы через секунду метнуться вперед и обвить бедро Конана. Могучим ударом плеча Конан рассек воду. Но сопротивление жидкости рассеяло большую часть его силы, и клинок чуть повернулся в руках киммерийца, так что удар пришелся вскользь и меч, неглубоко порезав щупальце, пружинисто отскочил назад.

Стальное кольцо на бедре Конана сжималось, и вскоре нога начала неметь. Его легкие напряженно работали, с усилием преодолевая огромное давление

толщи воды. Конан снова нанес удар, но этим он лишь дал воде еще одну возможность вобрать в себя его силу.

Казалось, что под тугой хваткой уже начинает трещать кость. С холодком ужаса Конан внезапно почувствовал всю неумолимую силу этого сдавившего его кольца. С безнадежной очевидностью Конан понял, что, если ему не удастся вырваться из тисков морского чудовища, щупальце утащит его внутрь пещеры. Там, среди раскинутых веером конечностей, окружающих мягкую сердцевину, острый, загнутый, как у попугая, клюв и снующий шершавый язык уже в нетерпении предвкушают трапезу.

Гигантский кракен еще не проснулся окончательно. Он лениво, с медлительным любопытством играл со своей жертвой, похоже, еще не чувствуя сильного голода. Но вот Конан увидел другое щупальце, возникшее из мрака пещеры, а за ним еще одно.

Конан развернул клинок лезвием вниз и с усилием надавил на рукоять. Острие меча мягко проткнуло толстую инкуру чуть выше кольца, сдавливавшего его ногу. Лезвие медленно утопало в резиновом мясе, пока не прошло насквозь и его сверкающее острие не показалось с другой стороны. Слава богам! Он был вооружен прямым остроконечным мечом, а не изогнутой и тупоносой абордажной саблей или ятаганом. Если бы он имел что-нибудь подобное, то легендарный Конан из Киммерии, скорее всего, здесь и нашел бы свой конец.

Казалось, толстокожий медлительный кракен почувствовал сильную боль в своей пронзенной конечности. Конан начал пилить щупальце, медленно двигая лезвие вверх-вниз. Он, похоже, задел нерв, потому что обмотавшееся вокруг его ноги щупальце внезапно ослабло и конвульсивно задергалось, взбивая песок и воду, закрутив его в водовороте вверх ногами.

Когда Конан снова опустился на песчаную поверхность, к нему уже подползало, слепо шаря по дну, другое щупальце, словно огромная черная змея, с крохотной раскачивающейся головкой. Оно, извиваясь, прошло мимо него, и Конан весь подобрался, направив острие своего меча вниз и целясь в конечность, пытаясь пригвоздить ее ко дну морскому. Гибкий конец с

присосками качнулся в сторону, и тогда лезвие настигло его. Раненой змеей щупальце скользнуло назад в пещеру.

Теперь вода вокруг Конана заходила могучими волнами, и гигантский осьминог, окончательно разбуженный болью от нанесенных ему ран, начал вытаскивать вздымающуюся громаду своего тела из отверстия пещеры. Конан невольно застыл в благоговейном восхищении, пораженный гигантскими размерами и мощностью животного. Учитывая длину восьми извивающихся конечностей, размеры чудовища были поистине исполинскими. Сначала показались передние щупальца, длинные, как мачты «Красного Льва», и достигавшие у основания толщины стволов столетних деревьев. Уверенно выброшенные вперед, они намертво присосались к обломкам одной из скал и вытянули за собой все чудовище. Клюв был сейчас скрыт под шевелящейся массой конечностей.

Вслед за щупальцами возникла голова с двумя мисками глаз, посаженными почти вплотную друг к другу у передних конечностей. В глазах темнели узкие щели кошачьих зрачков, только у кракена эти щели были горизонтальными, а не вертикальными, как у кошки. Конан никогда не встречал более бесчувственного застывшего взгляда, чем взгляд этих холодных немигающих глаз.

За головой показалось разжиревшее, похожее на раздувшийся мешок тело. Огромное, оно было больше, чем самый вместительный чан для вина в погребах короля Ариостро. Волны сменяющих друг друга цветов непрерывно пробегали по этой испещренной пятнами массе: белые, темно-розовые, красновато-коричневые, каштановые и черные.

Конан застыл на месте, соображая, что ему делать. Он не осмеливался ринуться назад по крутому откосу, так как знал, что будет двигаться медленно, скованными движениями, да к тому же ему придется повернуться спиной к разъяренному чудовищу. Конан догадывался, что, пока он будет стоять неподвижно, кракен не сможет ясно различить его среди нагромождения глыб. Но если он пошевелится, то движение немедленно привлечет

внимание осьминога. В то же время Конан не мог оставаться на прежнем месте, так как чудовище сейчас направлялось как раз в эту сторону. Осьминог изгибался и волочил студенистую массу своего тела по дну, и одно из его гибких щупалец неминуемо должно было вскоре наткнуться на Конана.

Выбрав простейший путь бегства, Конан упруго прыгнул вверх, чтобы оказаться над кракеном. Он надеялся запутать его и достигнуть верхнего склона над пещерой прежде, чем чудовище почувствует перемещение.

Но Конан забыл, что теперь он ясно вырисовывался черным движущимся предметом на фоне снующей легкими тенями ряби серебристой поверхности, пронизанной солнечным светом. Он еще парил над животным, когда две шарящих конечности взметнулись вверх и с сокрушительной мощностью затянули свои узлы вокруг тела Конана: один — вокруг пояса, другой — вокруг левой ноги. Он стал совершенно беспомощен в беспощадных тисках этой могучей хватки. Не пройдет и нескольких мгновений, как щупальца увлекут его вниз к щелкающему клюву...

Снова воткнул Конан острие своего меча в толстую упругую плоть обвившегося вокруг него щупальца, пронзая его насквозь. Но чудовище не особо было чувствительно к боли. Оно обладало поразительной живучестью. Надо было искромсать половину всех его щупалец, чтобы осьминог обессилел. Тогда кракен просто покинул бы поле боя, чтобы дать время своим поврежденным конечностям отрасти. Конан чувствовал, как перекачивались его мощные мышцы в тисках осьминога, и не мог сопротивляться безжалостной силе, которая тянула его вниз, к пасти-клюву.

Вдруг словно черная молния стремительно вонзилась в одно из удерживавших Конана щупалец и легко разорвала его. Темная продолговатая фигура пронеслась сквозь подводные сумерки, подобно огромному метательному снаряду. Одним срезом тройного ряда зубов был отсечен кусок кракена в фут длиной. Тиски у пояса Конана разжались, и раненая конечность быстро умчалась вниз ко дну, извиваясь в воде, как разорванный надвое червяк.

Новым действующим лицом на этой сцене оказалась колоссальных размеров акула, веретенообразное тело которой превышало тридцать футов в длину. Темная, сланцево-серая сверху, со сливочно-белым брюхом, она слегка изогнулась после первого броска. Один только миг акула неподвижно парила в зеленоватой воде, а затем, выгнув свой податливый хребет, она описала короткую дугу и штопором ринулась в новую атаку. Ее маленькие желтоватые глазки, остекленевшие от вечно-го неутолимого голода, встретились с глазами Конана.

Теперь лишь одно щупальце, обвитое петлей вокруг ноги, удерживало киммерийца. Необходимость придала необычайную силу его рукам. Взмах меча — и острое лезвие рассекло узкий конец щупальца. Конан был свободен.

Не останавливаясь, чтобы вложить меч в ножны, Конан неистово заработал руками и ногами, изо всех сил стараясь, насколько это возможно, отклониться от траектории броска акулы, подобного метеору. Громоздкий меч в руке затруднял движение и тянул его направо и вниз, так что он описал в воде широкий полукруг. Этого было как раз довольно, чтобы уйти с дороги бешено мчащейся вперед акулы, чьи треугольные плавники лезвиями вспарывали тускло-зеленую воду.

Она пронеслась совсем рядом, и усеянная рядами зубов челюсть глухо щелкнула, вобрав в себя одну морскую воду. Минувя Конана, акула прошла так близко, что он мог четко различить каждую чешуйку, которые в обилии покрывали ее белое брюхо шершавой корой. Потоком воды киммерийца отшвырнуло в сторону легко, как соломинку.

Акула резко развернулась и опять на мгновение повисла в воде, и Конан знал, что на этот раз ему уже не вернуться. Когда акула, волнообразно изгибая туловище, снова набрала скорость, направляясь к нему сквозь толщу воды, вверх взвились три черных щупальца. Они миновали киммерийца и петлями охватили громоздкое, как бочонок, тело огромной акулы, оказавшейся в ловушке. Конечности кракена извивались, как рассерженные змеи, которых потревожили в их гнезде. Акула судорожно изогнулась и яростно щелкнула челюстями. Еще одно щупальце было разорвано

надвое, и его поврежденный конец, корчась, пошел вниз к песчаному дну.

Но новые щупальца толстыми канатами обмотались вокруг тела хищницы. Конан, зажав меч зубами, стал резво загребать руками, как веслами, поспешно удаляясь с поля битвы. Однако он видел все, что произошло следом за этим. Осьминог выбросил вверх пять из восьми своих ужасных щупалец, включая поврежденные, и опутал ими переднюю часть тела акулы, закрыв жабры и глаза хищницы. И как ни изворачивалась, как ни щелкала наугад ослепленная акула усеянной острыми зубами пастью, она не могла достать своими стальными челюстями до резинового тела противника.

Тем временем осьминог уже прочно закрепился на скалах, используя присоски на оставшихся трех щупальцах, обезопасив себя от мощных рывков быоющей акулы. Песок на поле битвы смерчем поднимался вверх и временами мутной дымкой покрывал эту область подводного мира. Затем крошечная темнота окутала место кровавого действия и чернильное пятно, выброшенное осьминогом, клубами черного тумана располаглось по всем направлениям.

Конан благодарил судьбу за такой поворот событий. Ни у занятого сражением кракена, ни у гигантской акулы не было времени, чтобы заняться им. Он воспользовался этой удачей и, вложив наконец меч в ножны, поплыл прочь от места разыгравшегося под водой конфликта. Через некоторое время все исчезло позади в смутных сумерках глубин, и можно было лишь неясно различить облако более густого черного цвета среди равномерно-тусклой серости подводного мира. Он никогда так и не узнал, победил ли осьминог, задушив и разорвав на части акулу, или чернильное пятно означало, что акула начала одерживать верх и осьминог пытался таким образом скрыть свое отступление.

Конан опустился на дно в нескольких сотнях футов от места, где он чуть не стал жертвой кракена, собираясь продолжить свой путь пешком. Он не оглядывался назад. Впереди, вверх по склону, дно все ближе поднималось к поверхности Западного Океана, и вода окрашивалась новыми, светлыми красками. Конан уп-

рямо брел вперед, решительно отказываясь обращать внимание на давление, затрудняющее дыхание, и на ноющую боль в ногах. Он с усилием переставлял отяжелевшие, разбухшие сапоги, с трудом преодолевая сопротивление воды. Еще предстояло пройти едва ли не целую милю, а может, и больше, и он жаждал всем своим существом снова оказаться на чистом свежем воздухе.

Медленно Конан прокладывал себе путь сквозь мутную пелену подводного света. Он казался сверхъестественной, фантастической фигурой, увенчанной поблескивающим кристаллическим шлемом, божеством, возникшим из глубин какой-то таинственной феерии.

ХII. Потерянный город

В кроваво-красной мрачной мгле, где солнце
Заходит в золотой туман,
Забутые империи влечат существование,
Как призраки давно прошедших дней.

Видения Эпимитреуса

Конан с трудом подтянулся на руках и сквозь набегавшую на берег пенистую волну выплез на камень, который служил нижней ступенью огромной лестницы. Лестница уходила вверх, к Морским Воротам, в этот час уже закрывшимся на ночь. На мокрую площадку, куда он выполз на четвереньках, легла тень зубчатой высокой стены, выходившей к самому морю. Золотистое солнце скрылось за ее остроконечными пиками и медленно катилось вниз.

Изнемогая от усталости, Конан стянул с головы прозрачный шлем с дыхательными трубками и цистерной, в которой запас воздуха подходил к концу, и положил аппарат на камень рядом. Затем он стащил сапоги и устало вылил из них воду. Некоторое время он сидел сгорбившись, бросая настороженные взгляды по сторонам и тяжело дыша. Трехмильное путешествие по дну мелкого, кипящего акулами моря, а затем еще миля вдоль берега к городу не прошли даром для старого воина.

Когда после полудня Конан увидел эти зубчатые башни, он скользнул обратно в воду. Почти полностью погрузившись в море, он ждал, пока маленькое суденышко не пришвартовалось к берегу на ночную стоянку. Моряки цепью проследовали в ворота, и их створки закрылись. Только тогда Конан осмелился приблизиться к городу.

Разбросанные вдоль длинных каменных стенок-причалов к северу и к югу от ворот, на якорях стояли несколько судов побольше. Другие покачивались на рейде в бухте, но на палубах кораблей не обнаруживалось никаких признаков жизни. Их команды, должно быть, спустились вниз на вечерний отдых или сошли на берег. Эти антильцы, подумал Конан, очень беспечны или настолько уверены в собственной силе, что никогда не выставляют часовых на стенах и кораблях. Среди антильских судов на боку лежал полузатонувший подкопченный огнем корпус «Красного Льва».

Но не только смертельная усталость после напряжения этого дня одолевала Конана, он к тому же был страшно голоден. Конан устало сидел на нижней ступеньке лестницы под постепенно темнеющим беззвездным небом, напряженно обдумывая, что ему делать дальше. Как бы там ни было, ему следовало как можно дольше держаться недалеко от города, пока какой-нибудь часовой не наткнется на него.

Самое лучшее, думал Конан, было бы проникнуть внутрь города. Это, конечно, поставило бы его в крайне опасное положение, тем более что у него не было никакой надежды пройти незамеченным: рост, цвет кожи, черты лица тут же выдали бы его даже в самой плотной толпе маленьких коричневых антильцев.

К тому же возникала проблема с языком. Там, в знакомом ему мире, у Конана всегда было наготове несколько фраз на диалекте различных языков, хотя в его произношении всегда проскальзывал грубоватый киммерийский акцент. Но речь антильцев должна была отдаленно напоминать язык атлантов, давно забытый по ту сторону океана, да и в течение девяти тысячелетий он, по-видимому, изменился настолько,

что утратил сходство с любым известным Конану наречием.

Но не мог же он вечно лежать здесь, у края воды. Возможно, этот сумеречный час, когда люди заняты вечерней трапезой, был самым подходящим моментом, чтобы проникнуть в город, и судьба вряд ли предоставит ему другой случай.

Конан поднялся и бегло оцупал рукой камень стены, уходящей вверх на сорок футов. Она была сложена из огромных, хорошо обтесанных глыб, изъеденных солью моря и столетий. Известковый раствор между блоками размяк и крошился в руках, оставляя отверстия между краями камней, в которые можно было просунуть пальцы рук и ног.

В годы юности Конан, ни на секунду не задумываясь, вскарабкался бы на такую стену. Для дикаря-киммерийца взобраться на такой утес было обычным делом. Но в течение многих лет у него не было случая совершить подобное восхождение, его хватка утратила былую силу, а движения уже не были так уверенны, как раньше. Конан весь собрался, ударом ноги сбросил шлем и дыхательный аппарат в воду и заткнул сапоги за пояс. Некоторое время он боролся с соблазном оставить здесь и рубашку-кольчугу, но в конце концов решил, что сбросить кольчугу перед лицом смертельной опасности, только ради того чтобы освободиться от раздражающего лишнего веса, — поступок незрелого юнца, но не опытного старого воина. Затем, кроша известку и зарываясь пальцами рук и ног в трещины между ровными краями глыб, он начал карабкаться вверх. Медленно, словно огромная бесхвостая ящерица, он полз по поверхности стены. Не раз Конан чувствовал, как пальцы руки или ноги соскальзывали, и почти покорялся неизбежности падения, после которого у него не осталось бы ни единой целой кости. Но стальная хватка сильных пальцев каждый раз помогала ему удержаться на поверхности стены. Вскоре Конан с трудом протиснулся в одну из амбразур крепости и тяжело свалился на широкий плоский карниз.

С другой ее стороны, обращенной внутрь города, тянулся низкий каменный поребрик без зубцов. Конан

скользнул на животе к внутреннему краю стены и осторожно взглянул вниз. Перед ним широко раскинулся город во всем своем величии.

У самой стены, в гаснущих красноватых отсветах заходящего солнца, жались хижинки и скромные лачуги рыбаков. Из утлых хибарок вверх поднимался дым от костров, на которых готовили ужин. Люди развешивали на жерди сети на просушку. Время от времени голый коричневый ребенок пробегал куда-то по вечерним поручениям. Далее лежали мощенные булыжником улицы, вдоль которых тянулись вереницы каменных домов, больших и маленьких.

Город располагался на склоне горы, плавно спускавшейся к морю. С того места, где напряженно притаился Конан, были видны многочисленные улицы и площади, которые поднимались пологими ярусами к самой вершине. Здания побольше были построены в странном монолитном стиле. Толстые приземистые колонны поддерживали тяжелые перемиčky стрельчатых каменных арок. Гладкие массивные стены покрывали алебастр и штукатурка, чисто выбеленная или выкрашенная в ярко-красные, вызывающие канареечно-желтые, изумрудно-зеленые или сверкающие голубые цвета. Этот стиль навевал отдаленные воспоминания о погруженном во тьму Шеме или о таинственных, обнесенных стенами городах — то населенных, то разрушенных, — которые много лет назад ему доводилось встречать в пустынях и джунглях далекого Юга. Тем не менее город поразил Конана своей необычностью. Странная архитектура зданий ставила его чувства в тупик, словно все это было создано по законам чуждой Конану эстетики.

Еще дальше, вверх по склону, гордо возвышались величественные строения, возможно, дворцы, богатые особняки или храмы. Их крыши были покрыты красной черепицей или зеленой медью, а по бокам выросли приземистые пятиугольные башенки с пирамидальными вершинами. Конан видел впечатляющие пилоны, устремившиеся в небо обелиски и просторные арки ворот. Вдоль широких улиц стояли высеченные из камня фигуры фантастических монстров.

Стены, карнизы, дверные проемы, архитравы и капители колонн были украшены злобными мордами с выпученными глазами. Существа с клювами попугаев, крыльями или множеством ног и рук, словно возникшие из древних мифов и легенд, струдились на низких, высеченных на камне барельефах над воротами и на стенах. Конану показалось, что он различает колонки каких-то странных иероглифов. Составленное из маленьких квадратиков с диковинными ликами и другими причудливыми фигурами, это письмо было совершенно незнакомо ему.

В центре города, посреди просторной, ровно вымощенной булыжником площади, вверх устремились плоские грани пирамиды титанических размеров. Она была сделана из чередующихся блоков базальта и песчаника. На самой ее вершине лениво поднимались серые клубы дыма, и Конан с трудом мог различить очертания плоской поверхности алтаря. Каменные ступени, охраняемые статуями чудовищ, исполинскими маршами избегали по поверхности пирамиды. Казалось, что все это сооружение окружала зловещая, тревожная аура, пронизанная ужасом и угрозой, словно каждый камень излучал смятенные чувства тысяч людей, которых принесли здесь в жертву. Конан не мог оторвать взгляда от этого проклятого строения. Он чувствовал, как его кожа покрывается мурашками и глубоко в груди рождается сдвленный рык.

По быстро погружающимся во мрак улицам, где колыхались темно-пурпурные вечерние тени, торопливо двигались редкие пешеходы. Несколько нищих устроилось на ночлег у входных дверей домов. Временами то здесь, то там зевающий раб с заспанным лицом пробегал куда-то по поручениям хозяина.

Конан подождал, пока и эти редкие пешеходы не скрылись из виду. Затем снял кольчугу, увязал ее вместе с мечом в узел и сбросил сверток вниз. Через несколько секунд до него донесся глухой звук падения. Звук засвидетельствовал, что здесь стена значительно ниже, чем снаружи. Затем Конан легко перебросил свое тело через парапет и стал спускаться тем же способом, каким поднимался по противоположной стороне. На

полпути вниз рука его соскользнула, и Конан с силой оттолкнулся от шершавых камней стены. Он пролетел футов пятнадцать и упал на дерн, приземлившись на корточки. Несколько ошеломленный падением, он, однако, не ушибся.

Конан торопливо огляделся, но нигде не обнаружил ни малейших признаков того, что его заметили. Он быстро натянул рубашку-кольчугу, сапоги и пристегнул меч. Единственным его оружием был меч и кинжал с широким лезвием, засунутый в ножны в прорезь на поясе, — не так уж много, чтобы беззаботно бродить по враждебному городу. Но если положиться на удачу, отвагу и осторожность, которые полвека сопутствовали ему в, казалось бы, совсем безнадежных приключениях, возможно, у него был шанс победить и в этой битве. Он никогда не просил богов ни о чем другом; об этом Конан просил их и теперь.

Бронзовой тенью скользнул он между лачуг и пересек первую улицу, укрывшись в сумерках пересекавшей ее сводчатой галереи. Ни одна живая душа не видела киммерийца, когда он быстро продвигался вперед от колонны к воротам, от дверного косяка к пилоу. В дневное время улицы, наверное, были заполнены пестрой разноголосой толпой, но теперь они были пустынные.

Конан неслышно, словно призрак, пробирался сквозь замерший город безвкусно-ярких красок и массивных глыб, покрытых штукатуркой. Он старался выбирать темные аллеи и извилистые переулки, тщательно избегая широких улиц или наклонных парадных спусков, которые соединяли один уровень с другим. Конан пытался понять, где находятся Зигурд и другие пираты из его экипажа, если они, конечно, еще живы. Возможно, их заточили где-нибудь около антильского рынка для рабов. В этом странном, незнакомом, враждебном городе, где никто не говорил на понятном ему языке, у Конана было мало надежды найти и освободить товарищей, и все же он намеревался попробовать использовать и этот ничтожный шанс. Даже в беспешачные годы его юности, когда он делал первые шаги на своей кровавой дороге жизни, Конана всегда выделяла

среди сверстников горячая приверженность чувству долга перед своими соратниками.

Конечно, у одного человека не было ни одного шанса одолеть город с двадцатью — тридцатью тысячами жителей. Но этот простой математический расчет становился немного утешительнее, если бы за его спиной встали шестьдесят закаленных в сражениях бойцов. В самом деле, у шестидесяти с лишним людей было куда больше надежды одержать верх, защищаясь в каком-нибудь узком проходе, чем у одного, даже если этим человеком был Конан из Киммерии.

Однако прежде всего Конану нужно было найти безопасное пристанище, где он мог бы скрыться от посторонних взглядов. Но где в городе, полном тайственных врагов, мог он найти себе союзника? Ему оставалось рассчитывать лишь на милость своих варварских богов. Конан крался вдоль узкой улицы, очерченной ровными линиями тесных и грязных домишек, как вдруг до него донеслось свистящее шипение. Он оглянулся в поисках источника звука. Рука невольно нащупала рукоять меча. Шипение повторилось, но уже с разных сторон. Несколько женщин с тускло-серыми в ночных сумерках лицами появилось в проемах дверей, знаками приглашая его войти.

Внезапная догадка осенила Конана. Он понял, что забрел на улицу Проституток. Конан наугад выбрал дверь и шагнул внутрь. У него не было времени лучше рассмотреть этих женщин, чтобы выбрать посимпатичнее.

Проститутка утащила его в свою комнату. Крошечное помещение было слабо освещено связанными вместе пучками тростника, которые плавали в жире, наполнявшем прикрепленное к стене ведро. Ее быстрое лопотание показалось Конану стремительным потоком странных бессвязных звуков, но протянутая ладонью вверх рука была достаточно красноречива.

Конан достал из-за пояса небольшой кошелек, вытащил оттуда серебряную монету и положил ее на протянутую ладонь. Женщина поднесла монету ближе к огню и, пронзительно вскрикнув от радости, бросилась

к Конану. Она была в простом хлопковом платье, толстая и непривлекательная.

— Полегче, милая! — глухо пророкотал он. — На эту монету можно питаться несколько дней, не правда ли?

Женщина, перебирая пальцами бороду и волосы Конана, заговорила снова. Теперь в ее голосе явственно слышались нотки разочарования. Конан догадался, что она имела в виду.

— Итак, ты думаешь, что я слишком стар для этих игр, а? — произнес он с усмешкой. — Ну, это мы посмотрим позже. А теперь, во имя Крома, дай мне что-нибудь поесть, я чертовски голоден!

Знаками ему удалось наконец добиться, чтобы до нее дошел смысл его слов. Часом позже он уже сидел за столом, который женщина собрала для него. Ее звали Катлахос. Она вышла и вскоре вернулась с корзиной, полной провизии, которую она вскоре приготовила на своем маленьком очаге. Женщина не поскупилась. Конан с жадностью вытащил из корзины источающую странный аромат жареную птицу. Проститутка отступила назад, ожидая, когда он закончит, чтобы потом поесть самой.

— А это что за штука? — с полным ртом спросил Конан.

Он держал в руках какой-то цилиндрический овощ в фут длиною, на котором росли ряды золотистых косточек или зерен.

— Как, дьявол вас побери, вы это едите?

Наконец женщина поняла, что он хочет, чтобы она назвала предмет.

— Махиз, — произнесла она.

— Махиз, а? Ну хорошо, а теперь покажи, как его едят. Давай же, садись и ешь, иначе я проглочу все, что здесь есть, и не оставлю тебе ни крошки.

В конце концов она поняла, чего он хочет. Вслед за женщиной он сгрыз ряды зерен с початка махиза. За едой Конан спрашивал названия и других съестных припасов. К концу трапезы он уже мог обменяться с Катлахос парой простых фраз.

Конан запил остатки пищи флягой фруктового сока, настоящего на незнакомых травах. Он рыгнул и взглянул на Катлахос, которая, улыбаясь, в притворной застенчивости опустила глаза. Затем она многозначительно взглянула на кровать в конце комнаты.

Конан усмехнулся.

— Что ж, я действительно не так молод, как был когда-то, и немного утомился за день путешествия по океанскому дну, сражений с людьми, акулами и кракенами. Но все же можно попробовать.

Он поднялся, потянулся, грубовато сгреб Катлахос и понес ее к ложу.

Прошло несколько дней, и Конан собрался покинуть домик Катлахос. Она, плача, повисла у него на руке, и ему пришлось осторожно применить силу, чтобы освободиться. Теперь Конан был одет в хлопковый плащ и короткую юбку простого антильца. Катлахос добыла для него это одеяние и обучила его зачаткам антильского языка. Конан знал теперь, что находится в Птаукане, последнем из оставшихся на земле городов атлантов. Свою старую одежду и боевое снаряжение он связал в узел, который перекинул на ремне через плечо.

Конан все еще не отваживался показываться на улице днем, так как его рост, цвет кожи и непривычные черты лица в любое время суток, кроме разве что самых глубоких сумерек, сразу сделали бы его предметом всеобщего внимания. Но теперь у него было хоть какое-то представление о плане города и о необходимой для достижения своих целей маскировке.

Вечер постепенно сменялся ночной темнотой, и Конан уже отчаялся найти то, что искал. Под конец он осторожно вступил в сгустившуюся черноту узкого переулка, который вел к просторной площади, и тут заметил в противоположном его конце огромную фигуру, плотно закутанную в красочный плащ из перьев. Незнакомец неспешно повернулся и направился прямо к нему.

Внутри у Конана все похолодело, но секундой позже он уже, словно лев, загнанный в угол, бросился на неизвестного. Прежде чем какой-нибудь звук успел вылететь из уст человека, Конан оглушил его своим

молотоподобным кулаком. Он быстро втащил обмякшую фигуру в ближайшую дверь. На теле Конана выступила холодная испарина, и только теперь он вполне осознал всю степень грозившей ему опасности. Одного крика этого закутанного в зеленую мантию гиганта было бы достаточно, чтобы предприятие Конана завершилось в этом темном переулке.

Он оглядел свою жертву с головы до ног. Если предположить, что закованные в стекловидные доспехи воины с корабля-дракона представляли из себя средний экземпляр антильца, то для жителей островов этот парень изрядно вымахал. Однако вскоре Конан заметил, что на нем были сапоги на высоких подставках с семидюймовыми подошвами. Возможно, это было сделано с целью произвести впечатление на легковерных. По одеянию в этом человеке можно было предположить священника или мага: выбритая макушка, многочисленные кольца-талисманы на руках, цепочки с печатями, амулетами, крошечными фигурками идолов были в изобилии нанизаны на сухую костлявую шею. Конан внимательно осмотрел его руки. Да, он, должно быть, все же был священнослужителем. Никакой иной вид человеческой деятельности не оставляет рук такими мягкими, не ведающими мозолей.

Одет антилец был очень странно. Под платьем из перьев его длинное коричневое тело было почти голым, за исключением разве что узкой, в складку, юбки. Толстые золотые браслеты, покрытые сложным кружевом загадочных символов, обхватывали его пояс, запястья и щиколотки. Его одеяние — такого Конану никогда прежде не доводилось видеть — включало и капюшон. Платье было соткано из грубой шерсти, украшенной сверху перьями, чьи яркие краски были различимы даже при этом ничтожном освещении. Острые кончики перьев насквозь протыкали грубые стежки шерстяной ткани, и каждый из них был зафиксирован специальным узелком. Подкладка из тонкого, тщательно сотканного алого материала, похожего на шелк, ограждала тощее тело от царапающего прикосновения колючей верхней материи.

Внезапно Конана осенила мысль, что, если он напялит на себя это одеяние, только без сапог на подставках, он окажется лишь немногим выше чародея-священника. Действительно, с прикрытыми одеждой руками и лицом, спрятанным за поднятым капюшоном, он, возможно, сможет свободно разгуливать по городу, не привлекая внимания. Однако даже капюшон был не в состоянии полностью закрыть нестриженую седую шевелюру и бороду, которые так разительно контрастировали с гладким лицом и бритым черепом священника.

Конан, не долго думая, реплил эту проблему. Он оторвал длинный кусок шелковистой красной ткани и обмотал его вокруг головы и нижней части лица, так что видны были одни только глаза. С трудом натянул он на себя рубашку-кольчугу и сапоги и повесил меч у бедра. Затем он облачился в тяжелое, жаркое, колючее одеяние из перьев и надвинул капюшон как можно ниже на глаза.

У Конана не было возможности оценить эффективность этой маскировки, но было ясно, что при случайно брошенном взгляде его фигура не вызовет подозрений. И все же голубые глаза и красная повязка вокруг подбородка могли привлечь внимание. Однако он решительно отмахнулся от этих опасений. Ему доводилось бывать в различных городах, и жизненный опыт подсказывал, что священник или маг редко смешивается с толпой простых людей, которые к тому же сами обычно рады избежать подобной встречи.

Собрав все свое мужество, Конан сделал несколько шагов вперед и оказался на площади, освещенной луной и укрепленными на стенах домов факелами-ведрами. И тут же его маскировка подверглась первому испытанию. Толстопузый владелец лавочки, едва начавший собирать выставленные для ночной торговли товары, был первым, с кем Конану довелось столкнуться. Маленький коричневый человечек укладывал в многочисленные деревянные ящички свои узорчатые изделия из меди, нефрита, серебра и золота, а также коллекцию головных уборов, украшенных перьями. Когда Конан показался на площади в своем птичьем одеянии, вла-

делец лавки искоса метнул испуганный взгляд на его высокую фигуру. Затем он согнулся пополам в поклоне, выхватил висящий на заплывшей жиром груди нефритовый амулет, подобострастно поцеловал его и замер, не разгибая спины, в этой услужливой рабской позе, пока Конан величественно не прошествовал мимо.

Итак, первое испытание пройдено! Похоже, маленькие люди Антилии страшно боялись и благоговейно почитали своих колдунов-священников. Так что Конан при разумной доле осторожности и некоторой удаче мог ходить, почти не опасаясь, что его кто-нибудь окликнет.

В течение долгих часов исследовал Конан широкие дороги и извилистые переулки Птаукана, не привлекая к себе особого интереса. Появление священника в подобных одеждах из перьев на вымощенных булыжником улицах среди высоких зданий потерянного города атлантов было, очевидно, обычным делом. Позже, когда улицы совсем обезлюдели, он нашел пустую ветхую лачугу, где и проспал до рассвета, а затем он снова отправился на поиски.

В бледном свете утра Конан видел десятки других высоких фигур в одеяниях из перьев, неспешно вышагивающих на толстых подошвах сандалий-ходуль. Они появлялись то тут, то там, высокомерно шествуя сквозь копошившуюся толпу и никогда не снисходили до ничтожнейшего знака внимания в ответ на униженные приветствия встречаемых людей. Создавалось впечатление, что священники-мудрецы древней Атлантиды являлись также и подлинными правителями этого города.

Видно было, что все население города подчинялось им беспрекословно и полностью. Антильцы казались Конану людьми вялыми, униженно-покорными, с остекленевшими, ничего не выражающими глазами и испуганными лицами. Со страхом, мелькавших в их косых взглядах, они спешили поскорее убраться с дороги, по которой шествовала высокая, укутанная в перья фигура священника, чьим неприятно-высокомерным и властным манерам киммериец изо всех сил старался подражать.

Птаукан, как обнаружил Конан, представлял собой серию плоских наклонных ступеней-уровней, крутые лестницы соединяли сбегаящие вниз параллельные улицы. Сам город был плодом мощной технической мысли, отмеченной сложной и богатой культурой с древними традициями и давно сложившимися архитектурными канонами. Искусство резьбы по камню, процветавшее у антильцев, не имело себе равных в том далеком мире, где жил Конан. Даже самые современные города известных ему государств не могли сравниться с массивными очертаниями величественных храмов и с кропотливо обработанными мельчайшими деталями барельефов. Фантастический зиккурат на центральной площади, увенчанный великолепным храмом, не уступал по размерам пирамидам Стигии и вызывал в памяти зловещие контуры некоторых мрачных культовых храмов Шема. Он, должно быть, возводился тысячами рабов многие века. Площадь ограничивали убегающие вдаль ряды скамей, они поднимались вверх, ступенька за ступенькой вокруг пирамиды и могли бы вместить тысячи зрителей.

Конан держался подальше от этой площади с пирамидой, так как, судя по всему, это было священное место. К тому же там он вполне мог столкнуться с множеством жрецов в таких же, как у него, одеяниях, которых, вероятно, не особо смутит его появление и которые могут заговорить с ним. По той же причине он старался тщательно избегать всякой фигуры в плаще из перьев на улицах города. Впрочем, они, казалось, были кастой не слишком общительной. Отстраненные, неприступные, погруженные в какие-то собственные, никому не ведомые размышления, они редко останавливались даже для того, чтобы заговорить друг с другом. Конан провел много времени, слоняясь неподалеку от кучек различных людей, чтобы услышать какой-нибудь обрывок разговора на их необычном языке. Звуки были гортанными, свистящими и сливались в длинные словосочетания. Теперь Конан уже понимал многие слова и некоторые фразы, но большое, быстро произнесенное предложение тут же ставило его в тупик. И все же он понял, что правила их грамматики совер-

шенно отличны от грамматического строя всех известных ему языков, хотя несколько слов, выученных с помощью Катлахос, очень слабо, но все же напоминали его родное киммерийское наречие.

Конану пришла в голову мысль, что атланты, создавшие свою цивилизацию после падения Валусии, заимствовав значительную часть ее культуры, отчасти были предками и его народа. В почти забытую теперь эпоху до Катаклизма, племена и кланы древней Киммерии воевали и вступали в смешанные браки с атлантами, которые колонизировали берега Таурии. Многие киммерийские общины, воспринявшие зачатки цивилизации в результате длительного общения с колонистами, часто служили наемниками в их войсках во время событий последних веков существования Атлантиды, вплоть до погружения острова-континента в пучины морские. За столетия постоянного общения с атлантами киммерийские варвары столкнулись со множеством новых, более сложных понятий или часто использовали слова своих извечных противников. В этом, наверное, и была причина слабого сходства, сохранившегося по обе стороны Западного Океана между некоторыми словами для обозначения подобных предметов. Однако этого сходства было недостаточно, чтобы пришелец с другого берега Великого моря без изрядной доли старания и навыка смог уловить смысл речей антильцев.

Из различных случайных слов и фраз, которые Конан мог уловить, он понял, что этим утром в Птаукане имелись две основные темы для разговоров и сплетен. Одной было сражение между кораблем-драконом Морской Охраны и вражеским кораблем из неведомых земель, другой же темой было богохульственное нападение на одного из жрецов, который был с невероятной наглостью ограблен и лишен своей священной одежды из перьев. Конан старался не пропустить ни одного слова о местонахождении его экипажа и заключенных, выпавших на их долю. Но если кто-нибудь из беседовавших и знал ответ на эти вопросы, то старался помалкивать по этому поводу.

Конан слонялся вдоль многочисленных лавчонок и прилавков одного из крупнейших восточных базаров, пока наконец ему не подвернулся случай, которого он уже давно с нетерпением ждал. Маленький человечек с бегающим взглядом узких глаз, в рваной антильской юбке, с нарочитой небрежностью зацепился возле обитой медью коробки, в которой торговец хранил свои изделия из металла: свинцовые бруски, кольца из меди и серебра, позолоченные перья для письма. Конан бросил взгляд в сторону лавки как раз в тот момент, когда маленький человечек со скоростью и проворством жалящей змеи запустил голую тощую руку в эту коробку. Мгновение — и она отпрянула, схватив два позолоченных пера.

Торговец ничего не видел, так как был поглощен многословными изъяснениями с неким знатным покупателем, который небрежно склонился с паланкина и нехотя возражал по поводу слишком высокой цены за красивую шкуру какого-то крупного, похожего на кошку, зверя. На скрытых от посторонних глаз губах Конана мелькнула радостная усмешка, когда он увидел, что золотые перья исчезли в складках юбки и вор, никем не замеченный, скользнул прочь.

Человечек быстро и осторожно пробирался сквозь толпу к воротам рынка. Конан молча следовал за ним, пока они не достигли пустого переулочка. Здесь одним мягким прыжком он настиг маленького антильца, который пискнул, словно испуганная мышь, когда тяжелая рука Конана сильно сжала его щуплое плечо. Конан легко парировал удар тонкого, словно иголка, кинжала из обсидиана, который неожиданно вылетел из прозрачного утреннего воздуха, нацеленный рукой человечка. Он схватил антильца за запястье и все крепче сжимал его руку, пока узкое лезвие со звоном не выпало на грязные булыжники мостовой.

Маленький вор со страхом и любопытством поднял глаза на гиганта в капюшоне и мантии из перьев, и тогда Конан прохрипел на ломаном антильском языке:

— Веди меня к королю воров, или я сломаю тебе руку!

Наконец-то ему подфартила кость в этой опасной игре. Как и во всех городах, в великом Птаукане должен был быть свой подпольный преступный мир. А если человек находится не в ладах с правителями, он всегда может рассчитывать на хороший прием в вездесущей гильдии воров!

ХIII. Воры Птаукана

Из мрака отдаленных измерений
Являются исчадия Зла,
Однако распахнувший эти двери
Сам погибает, если Жизнь ушла.

Видения Эпимитреуса

Конан следовал за своим пленником по извилистым улочкам в самые затхлые районы старого города. Здесь, среди осыпающихся стен и покосившихся дверей селились бездомные бродяги и грязные нищие. Неряшливые накрашенные проститутки по пояс высывались из окон, чтобы отбить у соперниц случайного прохожего.

Только когда они проникли в эти трущобы, Конан начал сознать, насколько древним был этот город. Здесь каменные ступени и съезды, вытопанные ногами бесчисленных поколений, были изношены и седлообразно выгибались к середине. Стены из прочного камня были гладко отполированы прикосновениями миллионов плеч. За долгие годы ветра и дожди разрушили большую часть кладки, превратив дома в массивы рассыпающихся развалин. Давно покинутые и населенные одними отбросами общества, многие строения частично рухнули. В этой древнейшей части города часто целые кварталы лежали грудями пыльных обломков. Меж развороченных булыжников мостовой прорезалась чахлая трава, а тощие деревья раскинули костлявые ветки среди неразберихи заброшенных и буйно заросших садов и дворов. Но если для местных обитателей появление облаченного в платье из перьев священника-колдуна на этих потрепанных временем

улицах и было необычным, то ни один из них ничем не выразил своего удивления. Когда, увлекаемый словно на буксире маленьким вором с острыми, как у ласки, чертами лица, Конан проходил мимо, кто-нибудь лишь изредка поднимал на него светящийся вялым любопытством взгляд. Похоже, в этой части Птаукана вошло в обычай никогда не обращать внимания на действия окружающих, что, по-видимому, являлось здесь первым законом выживания. Без сомнения, это был квартал воров, где буйно процветало беззаконие.

Только когда они приблизились к самому сердцу воровских владений, Конан понял, что все это время за его передвижением внимательно следили. Они проходили по кривому, как вендская сабля, переулку между опасно покосившимися и осыпающимися стенами, когда впереди появились две дюжие фигуры, вооруженные увесистыми дубинками, и сзади тут же возникла другая пара здоровенных типов. Эти люди, по антильским меркам, были как на подбор стройны и сильны и почти полностью наги, за исключением каких-то грязных передников из латаной кожи. Остановив на Конане холодный мрачный взгляд темных глаз, они неторопливо приближались с обеих сторон к месту, где стоял вместе со своим пленником киммериец.

Конан отпустил плечо вора и положил ладонь на рукоять меча, скрытого под одеждой. Маленький человечек отскочил на шаг, повернулся и осыпал его градом ругательств, выплевывая слова слишком быстро, чтобы Конан мог разобрать их смысл.

— Он загреб меня после того, как я вытащил немного золотого песка из ящика хатупеновой лавки, — закричал маленький вор. — Я понятия не имею, какого дьявола ему здесь нужно, но...

— Расслабься, Итра, — прорычал один из громил. — Мы сейчас узнаем, что ему нужно.

И, быстро приблизившись к незнакомцу, он поднял свою обитую медными пластинами дубинку.

Конан рассмеялся и ловко отбросил назад одеяние из перьев. Его широкий меч со свистом вылетел из ножен. Громилы остановились, как будто внезапно на-

скочили на невидимую стену. Однако Конану показалось, что они сделали это не только из простого страха.

— Властелины Ада! Железо! Или я ослеп! — сдавленно выдохнул один из них.

Другой пробормотал какое-то ругательство и внимательно посмотрел на Конана, с удивлением пробежав глазами по его рослой фигуре и странному лицу с небритой бородой и гривой седых волос, где выделялись горящие скрытой угрозой голубые глаза.

— Боги смерти, кто он? — Парень глухо выругался. — В Антилии еще никогда не видели такого человека!

Повернувшись спиной к стене и покачивая из стороны в сторону острием поднятого клинка, чтобы держать под угрозой всех пятерых молодчиков, Конан хрипло произнес:

— Тот, кто украл платье у его владельца, дружок, и кто не шпионит для правителей, если ты об этом подумал! — В его голосе глухо зарекотали камни. — И более того, это тот, кто желает увидеть твоего предводителя по делу, выгодному для нас обоих. И я увижу его, захочешь ты этого или нет!

Конан держал меч так, чтобы солнечный свет бликами ходил по его лезвию. Четыре охранника и воришка отступили, поглядывая на него со все возрастающей тревогой. Как это ни странно, но казалось, что его искрящийся на солнце меч вызывал больший интерес, чем он сам. Конан догадался, что по какой-то причине, возможно, из-за отсутствия руды на этом архипелаге, здесь практически не знали железных изделий, хотя легендарные рассказы о железе и стали из древней Атлантиды сохранились, бережно пронесенные сквозь многие поколения.

— А теперь, — хрипло проговорил он, — вы поведете меня к своему главарю или предпочтете сразиться? Они оказались людьми сообразительными.

Главой местного преступного мира был необычайно толстый человек по имени Метемфок. Его лицо представляло собой сплошную массу выпирающей во все

стороны разросшейся салом плоти, в которой холодно, как отполированный обсидиан, блестели черные глаза. Круглое коричневое лицо глубоко прорезала щель узкогубого рта. Нос казался нашлепкой, утопающей в жирных щеках.

Лабиринт заброшенных подвалов под рухнувшими останками домов в конце загаженного переулка служил ему штаб-квартирой. Заляпанную грязными пятнами штукатурку стен скрывали великолепные ковры со странным рисунком, а на цементном полу были со вкусом разбросаны вытканые циновки и дубленые шкуры всевозможных хищников. Серебряные кадила наполняли воздух ароматом фимиама. Сдержанная роскошь убранства комнаты Метемфока и блеск золота представляли собой разительный контраст с убожеством наружного фасада его жилища.

Метемфок, закутанный в великолепную парчу, словно жирная жаба, возлежал в уютном гнездышке из подушек и лениво слушал рассказ Конана. Его лицо было бесстрастным, черные глаза холодно поблескивали, ни одного слова не сорвалось с его уст, пока Конан не закончил свои объяснения. Затем в воздухе повисла тишина. В течение гнетуще долгого мгновения Метемфок окинул Конана с ног до головы изучающим взглядом, уделяя почти столько же внимания мечу, который лежал на коленях киммерийца, сколько и державшему его человеку. Наконец, со вздохом Метемфок потер короткими толстыми пальцами свою жирную челюсть, и искорки заиграли на усыпанных драгоценными камнями золотых кольцах, великолепных украшениях, достойных королевской сокровищницы. Он гортанно рассмеялся и приказал подать вина и мяса. Гнетущая пауза закончилась.

— Клянусь всеми покровителями воров, большой человек! — хихикнул он. — Старый Метемфок за всю свою несчастную долгую жизнь еще никогда не слышал подобной истории, а потому это должно быть правдой! С этой варварской шевелюрой, непривлекательной шерстью на подбородке и с этими честными небесно-голубыми глазами — да, гм, еще такой акцент, что эти старые усталые уши могли с трудом разобрать твою

речь, — все это не оставляет толстому старикану другого выбора, как только поверить, что ты действительно свалился на нашу голову прямиком из неведомых восточных земель. Неудивительно, что нации высокочтимые хозяева, священное жречество — хо! постоянно твердили нам, что там бушуют лишь безбрежные просторы вод и нет ни клочка земли.

Они дружески сдвинули кубки. Конан жадно опрокинул в пересохшее горло сладковатое терпкое вино. Ему никогда раньше не доводилось пробовать ничего похожего. Вне сомнения, подумал он, это напиток не из сока винограда, а приготовлен из каких-то неизвестных местных фруктов.

Он чувствовал себя спокойно, как дома. Простой инстинкт помог ему и этому похожему на жабу главарю воров быстро понять друг друга. И хотя они родились за тысячи лиг друг от друга, среди разных, столь непохожих одна на другую культур, их сердцам был близок международный язык вольного беззакония.

Пока они пили, слуги принесли еду, разместив ее на низеньком столике между ними. Конан с голодным ожесточением принялся за трапезу. Кроме обычной антильской еды, к которой он уже привык, здесь были десятки различных видов орехов и ягод. Пиршество завершило блюдо со странным громадным колючим фруктом, на верхушке которого лохматился густой пучок мечевидных листьев. Метемфок разрезал его на кольцеобразные желто-зеленые ломтики. Сначала вкус плода показался Конану необычным, но, проглотив несколько кусков, он нашел его вполне съедобным. В промежутках между усиленным пережевыванием пищи они вели бессвязную беседу.

— Да, я знаю о том странном корабле, полном варваров-пришельцев, который несколько дней тому назад захватила наша Морская Охрана, — говорил Метемфок. — И это тоже была одна из причин, по которой мне хотелось верить в твою историю.

— Мои люди еще живы? И если да, то где они? — хрипло выдохнул Конан.

— Они пока живы или, точнее, еще были живы прошлой ночью. Их держат в подземной тюрьме под

Передней Богов — той цитаделью, что стоит на краю площади Великой Пирамиды.

Конан отметил про себя, что хитрый король антильского дна, кажется, не прочь дать ему все интересующие его сведения, причем делает это достаточно искренне. Но в то же время было хорошо видно, как его холодный изворотливый ум ищет возможности обратить действия собеседника себе на пользу. Метемфок даже не затруднялся скрывать этого от Конана, который мог отчетливо уловить мысли, мелькающие за напускной бесстрастностью его расплывшегося лица.

— Что их ждет?

— Их держат для принесения в жертву в храме на вершине Великой Пирамиды.

— Что? — Конан сделал резкое движение, пролив немного вина из своего кубка.

— Ну, да. Их отдадут в жертву богу-демону Хотли, согласно ритуалу, который сохранился еще со времен древней Атлантиды.

Волосы на затылке Конана зашевелились, когда Метемфок с невозмутимой важностью объяснял ему обычаи местного святого братства. До падения Атлантиды жрецы Хотли представляли собой влиятельную группировку, с отвратительными обрядами поклонения своему демону-богу, обрядами жуткими и кровавыми. Когда Высокие Боги разрушили Атлантиду за грехи, жрецы Хотли и их рабы унеслись с тонущей суши на могучих крылатых кораблях, поднятых в воздух таинственной силой, которую называют врил.

Конану приходилось слышать неясные истории о небесных кораблях атлантов. Он понимал, что по прошествии столетий корабли износились, запас двигательных сил истощился, а секрет их изготовления был утрачен за годы варварства и кровопролитных войн, которые последовали за Катаклизмом. И поэтому в Хайборийскую эпоху уже не существовало ни одного такого судна.

— Жрецы Хотли, — продолжал Метемфок, — отправились на юго-запад от проклятого континента. Они приземлились на малоизвестной цепи островов, которую называли Антилией. Их владения включали в себя

семь больших островов в Западном Океане, между Атлантидой и огромным континентом, иногда называемом Маиапан, еще дальше к западу. Когда атланты приземлились, они обнаружили, что острова уже имеют хозяев — маленьких, коричневых, узкоглазых дикарей, которые очень походили на людей из Маиапана. Они легко одержали победу над местными племенами и превратили жителей островов в таких же рабов, какими были их привезенные с собой слуги. За тысячелетия после Катаклизма атланты и коренные жители Антилии смешались, и сегодня на островах обитает единая раса. После завоевания Антилии и строительства Великого Птаукана жрецы бога Хотли под руководством Иерарха Священных Мистерий Хотли, чин которого переходил по наследству, правили островами железной рукой, невзирая на крайне редкие взрывы недовольства и бунты своих подданных. Иерархи держали людей в повиновении, уверяя их, что все земли, и даже Маиапан, утонули вместе с Атлантидой. Они внушали своему народу, что мир представляет собой лишь безбрежное пространство вспененных вод, которое простирается по всем направлениям от Антилии вплоть до границы этого мира, там, где бесконечное море встречается с небом и звезды зарождаются в его белой пене.

— Ты веришь этому? — спросил Конан.

Метемфок неприятно хихикнул:

— Если жрец спросит меня, то я, конечно, скажу: да. Большинство людей верит или, по крайней мере, не имеет достаточного мужества, чтобы задаваться вопросами о правильности учения их господ. Но, между нами, некоторые из нас знают, что Маиапан по-прежнему стоит на месте, а теперь твой приход показал, что существуют земли и по другую сторону Великого моря.

— Зачем же жрецы внушают вам эту ложь?

— Это помогает им держать народ в повиновении. Если люди верят, что нет других земель, куда можно было бы сбежать от жестокого правления жрецов Хотли, они теряют надежду скрыться от своих правителей.

— Расскажи мне об этом демоне-боге и его обрядах.

Метемфок объяснил, что Хотли, или Царь Ужаса, был демоном-богом Древней Ночи. Он являлся своим по-

клонникам в виде крутящегося облака непроницаемого черного мрака — вихря абсолютно ледяного холода, подобного дуновению ветра из черных межзвездных бездн. Он пьет живые души тех, кого убивают на его высоких пирамидальных алтарях. Именно для поддержания непрочной связи Иерарха Мистерий с миром Демона Тьмы, пребывающего в черных глубинах неизвестного мира за пределами вселенной, служили бесчисленные жертвы, которых бросали в эту неведомую тьму.

Спокойно рассказывал толстый главарь воров о том, как тысячи голых пленников поднимались на вершину черно-алого зиккурата, достигающего самого неба, — Конан мельком видел его среди самых верхних этажей города, — и там приносились в жертву. На алтарях Абсолютной Ночи священники-колдуны разрывали груди еще живых жертв, вырезали их сердца ножами из вулканического стекла и поднимали их жизненную силу вверх к бешено вертящемуся облаку вампирического мрака, которое медленно стучалось над пирамидой и висело там часами, питаясь живыми человеческими душами. Тела убитых сбрасывали вниз, в шахту какого-то неизвестного колодца или подземного туннеля.

В горле Конана рождалось глухое рычание и глаза вспыхивали опасными огнями во время этого рассказа. Сама идея принесения человеческих жертв не особенно его взволновала. За свою долгую жизнь он видел слишком много пролитой крови, да и подобная практика еще кое-где существовала в ту дикую Хайборийскую эпоху и в его собственном мире. Но чтобы его друзья и соратники были отданы Тьме в таком мерзком варварском ритуале — это уже совсем другое дело!

Конан шумно хлебнул терпкого вина и спросил:

— А что такое Красные Тени?

И тогда он узнал, что постоянные жертвоприношения так сократили население Антилии, что колдунам-священникам пришлось совершать далекие путешествия, чтобы поставлять необходимое количество пленников для утоления кровавой жажды Черного Хотли. Сначала они опустошали берега Маиапана. Когда же прибрежные жители той дикой, редконаселенной земли покинули эти нажитые места, скрывшись в своих не-

проходимых лесах, жрецы начали поиски в других направлениях.

— Красные Тени, как вы их называете, — говорил Метемфок, — слуги-духи самого Властелина Тьмы. Но до сегодняшнего дня я не знал, что Иерарх (чтоб ему вновь родиться дождевым червем!) начал нападать на неизведанные земли на востоке. Черный Хотли, должно быть, сильно проголодался! У нас человеческие жертвы стали столь многочисленны в последнее время, что, как ты сам видел, опустошили город почти наполовину. Целые площади и улицы обезлюдели. Тысячи жителей убежали в горы или на соседние острова, но власть жрецов простирается и на эти земли. Они там вылавливают беглецов по одному. Для этого были созданы и Сторожа Моря, которые захватили твое судно. Они наблюдают за бухтами, чтобы перехватить любого, кто, усомнившись в словах жрецов, попытается сбежать в некую сказочную землю за ревущим морем.

Жилистые кисти рук Конана сжимались и разжимались, как будто в его мозолистых ладонях находилось горло врага.

— Теперь я понимаю, что такое Красные Тени, — глухо прорычал он. — Опыт столкновений с черной магией в моем мире всегда показывал, что если черная сила извне однажды находит точку опоры в мире людей, то она требует все большего и большего числа жертв, чтобы поддерживать там свое существование. Демоны Древнего Мрака, — не знаю, как выразить это на вашем языке, — они отрицательны. Это не нечто, это меньше, чем ничто. Потоки жизненных сил поглощаются ими, чтобы наполнить пустоту их искусственного существования. Но вакуум никогда не может быть наполнен и требует отдавать ему все новые и новые жизни, чтобы поддерживать иллюзию своей реальности и могущества. Ты понимаешь меня?

— Да, понимаю, — ответил Метемфок. — Продолжай.

— Что ж, приятель, знаешь ли ты, что, не встречая сопротивления, слуги Черного Хотли превратят в пустыню все земли этого мира, и со временем в нем не останется ни единого человека? Более того, они возь-

мутся и за высшие формы животной жизни, оставив в мире лишь рыб и червей. Именно об этом хотела предупредить меня тень Эпимитреуса — об этой смертельно опасной, извращенной форме поклонения богам, которая вместе с Атлантидой должна была навеки уйти под воду девять тысячелетий назад.

— Из того, что сказал дух вашего мудреца, — произнес Метемфок, — похоже, следует, что боги выбрали тебя, чтобы встать между миром живых людей и царством Теней Зла. Судя по всему, ты один способен повлиять на исход дела и подтолкнуть чашу весов, чтобы жизнь в этом мире перевесила смерть.

— Да... — пробормотал Конан. — Но как?

XIV. Черный лабиринт

В эбене темноты мерцают
Кроваво-красные глаза
И острые клыки сверкают.
Когда за труп идет грызня.

Путешествие Амры

Конан пробирался вниз по темному туннелю. Со сводчатых изгибов потолка свисали окаменевшие глянцевые занавеси сталактитов. Иногда то с одного, то с другого округлого конца срывалась звонкая капля известковой воды. Пол пещеры был покрыт коркой грязной накипи, влажной от известкового раствора, капающего с минеральных наростов на потолке. То тут, то там возвышались остекленевшие глыбы. Тянулись к потолку толстые колонны сталагмитов.

В холодном, пропитанном влагой воздухе носились странные неприятные запахи. Легкий чуть кисловатый ветерок мягко веял в лицо Конану. Ориентируясь по нему, киммериец шаг за шагом пробирался по черному лабиринту, который простирался на многие мили под древними улицами Птаукана.

Старый Метемфок, глава воровского мира Птаукана, решительно заявил Конану, что одному-единственному вооруженному человеку невозможно тайно проникнуть

сквозь три эшелона охраны в цитадель, куда брошены барахские товарищи Конана в ожидании Дня Жертвоприношения. Этот день должен был наступить через две ночи. Бесчисленная стража, ворота и двери, замки и засовы отделяют свежий воздух улиц города от сокровенного сердца крепости жрецов.

Однако пытливый ум Конана не так легко поддавался соблазну отказаться от своих планов. После бесконечных расспросов господин и покровитель всех воров рассказал ему о древнем лабиринте пещер и туннелей под землей. Никто не знал, как они образовались. Но сам город был когда-то построен на огромной известняковой скале, и, возможно, за долгие годы эти ходы пробили подземные потоки.

Воры хорошо знали самые верхние этажи системы туннелей и часто ими пользовались. Но даже они остерегались забираться глубже, потому что о безмолвных глубинах лабиринта ходили всякие сказочные истории, от которых волосы вставали дыбом: о загадочных перешептываниях и странных вскриках, о скользящем шорохе шагов. Говорили, что люди, которые осмеливались проникнуть глубже, с пронзительным воплем исчезали навсегда.

Уступая неумолимому потоку вопросов Конана, Метемфок неохотно признался, что, вполне возможно, глубокие туннели соединяются с подземными темницами Передней Богов. И все же он настоятельно советовал Конану попытаться найти более подходящий путь в запретную крепость. Но киммериец упорно отказывался внимать его благоразумным предостережениям.

В конце концов Метемфок понял, что Конан непреклонен в своей решимости воспользоваться нижними туннелями для освобождения своих товарищей. Тогда с глубоким вздохом толстый главарь воров приказал созвать своих ближайших соратников на совещание. Они долго рылись в пыльных пергаменты архивов воровской гильдии.

Древние карты ходов лабиринта еще сохранились. Конан напряженно рассматривал их, фиксируя в памяти все изгибы и повороты системы пещер и отличительные знаки, по которым он мог бы найти дорогу.

И вот Конан здесь. Спотыкаясь и скользя, он пробирался сквозь плотную темноту нижних туннелей. В одной руке он держал фонарь, который вручил ему предводитель воров. Эта вещица — прекрасный пример технического мастерства антильцев — представляла собой маленькую бронзовую лампу с цилиндрическим бачком для масла и небольшой ручкой. Из тонкой трубки высовывался шипящий фитиль, и пламя отражалось от выгнутой бронзовой пластинки, покрытой серебром. От длительного употребления и полировки серебро кое-где стерлось, и под ним проглядывала тусклая медная поверхность. Конан был рад и этому маленькому старому светильнику. Метемфок сказал, что он будет гореть в течение нескольких часов, пока не кончится масло.

То здесь, то там среди разветвляющихся туннелей на мокром камне ярко отсвечивали белые знаки, оставленные ворами, пытавшимися освоить подземелье. Там, где ничего не было видно, необычное расположение камней давало понять, что это поверхностный ориентир; например, сложенные кучей куски известняка, напоминавшие гигантского паука.

Конан настойчиво двигался вперед, хотя ему не особо по душе был этот холодный влажный ветерок, сквозивший из неведомых темных глубин. Он медленно шел по черному туннелю, и в его голове помимо воли возникали странные картины, вызванные носящимися во тьме таинственными звуками, которые то выли, отдаваясь эхом, то вкрадчиво шептались в окружающей его темноте. Время от времени он слышал приглушенный всхлипывающий плач, который изредка поднимался до истерически звенящего крика душераздирающей агонии и затем, вновь затихая, превращался в едва слышные рыдания, похожие на шум ветра в далеких соснах.

Временами Конану казалось, что он различает крадущуюся поступь легких шагов за спиной в черной дыре бокового прохода или в непроглядном мраке, обступившем его. Временами свистящий шепот или холодный всплеск издевающегося смеха поднимали в его варварской душе древний страх перед сверхъесте-

ственными силами — страх, который тут же подминала под себя его железная воля.

Вскоре до его взвинченного до предела слуха долетел мягкий шорох скользящего по камням тела, словно какой-то гигантский червь или слизняк, извиваясь, полз по шершавому каменному полу. Даже у Конана, этого старого, воспетого в морских балладах воина, по телу невольно прошла дрожь отвращения, когда он представил себе, что за существа могли поселиться в этих лишенных солнечного света глубинах, под забытым городом Времен Зари Цивилизации.

Все эти рыдания и завывания, — упрямо повторял он себе, — просто шум ветра в искусственном лесу известняковых наростов. Смех — это журчание подземных вод, искаженное гулким эхом многочисленных туннелей. Звуки ползущих тел вполне могут быть вызваны медленным оседанием растрескавшихся пород старых пещер. Но суеверный страх неумолимо закрадывался в его сердце и распалял воображение.

Внезапно его охватил озноб. Конану показалось, что за ним пристально следят невидимые глаза. По его подсчетам, он бродил по подземным пещерам уже больше двух часов. Конан скользил и петлял среди мокрых камней, спотыкался о выступы, перепрыгивал через ямы и глубокие трещины, преграждавшие дорогу, ударялся головой о низкие наросты свода, протискивался на животе сквозь узкие проходы, карабкался вверх и вниз по крутым склонам. Временами он невольно вспугивал колонии летучих мышей, которые пучками свисали вниз головой с потолка, и те со злобным писком шуршали крыльями и уносились во мрак. В его голову постоянно закрадывалась мысль, насколько еще хватит топлива в этом тусклом светильнике. Конану казалось, что огонь в лампе уже ослабел, и фитилек то разгорался, то затухал, как будто масло поступало неравномерно и запасы его уже подходили к концу. А сейчас, вдобавок ко всему, чуткое восприятие варвара, лишь немного притупившееся и утратившее свою остроту за годы городской жизни, явственно подсказывало, что за ним пристально наблюдают невидимые глаза.

Конан замедлил шаг и теперь продвигался вперед тихо и осторожно. Он напрягал зрение, вглядываясь в черные отверстия в стенах соседних пещер в поисках скрытых там шпионов антильских жрецов, но нигде не замечал следов присутствия человека. И все же натренированные в диких просторах чувства подсказывали киммерийцу, что невидимые глаза не оставляют его ни на минуту. Конан задумался, не обладают ли, в самом деле, жрецы магическими кристаллическими парами, унаследованными от их предков с Атлантиды, вроде тех, что ему доводилось видеть в хайборийских землях. С помощью такого шара посвященный в тайну чародей мог видеть то, что происходило вдалеке от его глаз. Может быть, как раз в этот момент холодные антильские глаза следят за каждым его движением?

Мороз пробежал по коже Конана, и он, вслушиваясь, задержал дыхание. Где-то далеко позади послышался металлический лязг, как будто открывались ворота. Но, может это только показалось ему?

Однако шум сзади нарастал. Пот выступил на теле Конана, ибо он уже явственно различал писк и шорох множества снующих конечностей. Словно невидимый наблюдатель выпустил на него орду маленьких отвратительных созданий, чтобы гнать его сквозь подземный мир и в конце концов разорвать на клочки тысячами когтей и зубов.

Звуки неотвратимо приближались и становились все отчетливее. Конан пробормотал имя Крома в короткой полумолитве, полупроклятии. Теперь он верил, что эти туннели действительно перегородены невидимыми решетками и некий внимательный страж заметил его осторожное приближение и спустил скользкую стаю каких-то тварей, желая разом покончить с ним.

Конан качнул фонарь, чтобы осветить главный туннель позади себя. Свет услужливо вырвал из мрака тысячи пар маленьких глазок у самой земли. Когда передний край неудержимого живого потока вырвался на освещенное место, Конан от изумления чуть не выронил светильник. Его преследователями были крысы. Но какие крысы!

За годы скитаний он привык к маленьким серым крысам хайборийских земель, проворным черным крысам Вендии, большим и неуклюжим коричневым крысам Гиркании. Но эти животные превосходили всех известных грызунов его мира так же, как крыса превосходит мышь. Они были размером с большую кошку или маленькую собаку, и в каждой было не меньше нескольких фунтов пса. Крысы были огромные, и, к тому же, отошавшие, вероятно, от долгого воздержания в пище. Белые острые зубы щелкали в нетерпеливой жажде вкусить человеческой крови и мяса.

Конан резко повернулся и ринулся вперед. Его тяжелые сапоги грохотали в такт отдающемуся в висках пульсу. Огромный меч был плохой защитой против такой жадной до крови орды. Величайший боец того времени за считанные секунды был бы погребен под бешеным валом пищащих, лязгавших зубами грызунов. И потому Конан несясь вперед, как не бегал еще никогда в жизни, — даже в тот незабываемый день почти пятьдесят лет назад, когда он вырвался из рабского барака в Гиперборее, пробив себе дорогу к свободе куском разорванной цепи, и потом мчался всю ночь сквозь дождь и снег, преследуемый по пятам стаей изголодавшихся волков.

Каждый глоток воздуха сухим огнем обжигал его легкие, будто он втягивал в себя раскаленные пары из горнила. Сердце бешено колотилось в груди. Казалось, механически двигавшиеся ноги налились свинцом. Мыскульы ныли, словно дьяволы втыкали в голени множество тонких раскаленных иголок. Но он, пошатываясь, стиснув зубы, все же несясь вперед. От быстрого бега встречный воздух грозил совсем погасить маленький огонек фонаря.

За спиной Конана крысы стремительно шуршали по камням, перескакивали друг через друга, неслись вприпрыжку, не отставая от него ни на шаг. Время от времени одно из бегущих впереди животных наступало на соседа и раздавался резкий писк, за которым следовал обмен укусами. Но остальная масса продолжала преследование, почти не задерживаясь из-за этих коротких стычек.

Вскоре глаза Конана уловили что-то вроде слабого отблеска впереди, и ропот журчащей воды подсказал ему, что он приближается к реке. Уже совсем близко он разглядел стремительно несущийся поток черных вод. На мгновение в голове промелькнула мысль, что река, может быть, достаточно узка, чтобы ее можно было одолеть прыжком, и тогда бы между Конаном и стаей преследователей образовалась надежная естественная преграда. Однако он тут же обнаружил, что по крайней мере в этом месте поток достигал не менее двадцати футов в ширину — слишком большое расстояние для одного прыжка. В годы своей буйной юности, не измотанный долгим бегом и не отягощенный оружием и доспехами, Конан легко одолел бы и такую преграду. Но сейчас...

Широко расставив ноги, киммериец обернулся лицом к орде покрытых шерстью безжалостных врагов. Его грудь шумно вздымалась и натруженные легкие всасывали холодный сырой воздух, в котором распространялось отвратительное крысиное зловоние. После стремительной гонки по подземным ходам в ушах еще отдавался гулкий стук сердца и кровь бешено мчалась по жилам. Кровь еще билась в ушах, притупляя слух, но Конан уже вытащил свой широкий меч для последнего сражения.

Ничто живое не могло выдержать бой с этой ордой грызунов, возбужденных запахом плоти и крови. Вся жизнь Конан молил богов дать ему хотя бы один только шанс на победу, но сейчас не было смысла просить даже об этом. Если даже ему суждено умереть всего через несколько секунд, он все же полнокровно проживет эти мгновения и погибнет, сражаясь. Несмотря на свои годы, Конан все еще находился в великолепной форме и мог сломать хребет человеку вдвое моложе его. И если ни одному смертному не удастся стать свидетелем последней схватки Конана из Киммерии, то по крайней мере всевидящие боги насладятся этим зрелищем, если, конечно, они иногда обращают свои взоры вниз и наблюдают за людьми, как утверждают эти лживые жрецы.

Конан стоял на выдвинутом над подземной рекой выступе скалы формы почти треугольной. Опора под ногами напоминала миниатюрный полуостров или мыс. И хотя его преследователи не имели возможности напасть на него сбоку или со спины, они все же могли атаковать широким фронтом.

Гигантские черно-серые крысы грязным, смрадным потоком хлынули из туннеля. В оранжевом свете лампы их глаза вспыхивали красными искорками, словно кровавые звезды адской вселенной. Писк, глухое скрипение и щелканье зубов заглушали ропот текущей воды, а скрежет когтей по камням казался шорохом сухих мертвых листьев, влекомых по земле порывами осеннего ветра.

Конан быстро нагнулся, чтобы отодвинуть маленький светильник назад, за ногу, и крепко сжал обеими руками меч. Голос киммерийца взвился ввысь в мерной и гулкой боевой песне его варварского народа. Мгновение — и крысы набросились на него.

Как только первое животное оказалось в пределах досягаемости, свистящий взмах меча расскл его пополам, отбросив ошметки плоти назад, на головы собратьев. Затем в течение нескольких долгих минут тяжелый меч разрезал воздух, словно лопасти ветряной мельницы, разя направо и налево и чертя в воздухе смертоносные девятиугольные фигуры. Но каждый взмах отточенного острия лишь успевал очистить землю перед Конаном. И после каждого взмаха одна-две крысы взлетали в воздух, иногда целиком, иногда — одни только головы, туловища, конечности и внутренности. Кровь забрызгала руки и ноги Конана. Время от времени он неточно рассчитывал усилия и кончик меча скрипел о камни пола и выбивал бледные искры.

Однако стая рвалась вперед, задние животные толкали бегущих впереди, которые тут же становились добычей нхрем носящегося клинка. Ненадолго давление нападающих слегка ослабло, так как часть крыс развернулась, чтобы полакомиться останками своих мертвых и искалеченных собратьев. А Конан между тем взмах за взмахом все посылал тела убитых животных в воздух. Его меч уже был наполовину в крови, и камни

под ногами стали скользкими и липкими. С каждым ударом клинка красные брызги разлетались в разные стороны.

Крысы снова усилили атаку, и, несмотря на производимое в их рядах опустошение, Конан не мог сдерживать их натиска. Несколько крыс вонзили свои острые, как бритва, зубы в толстую кожу его сапога. Конан яростно взмахнул ногой и ударил сапогом в землю, давя сгрудившихся поблизости, но их место тут же заняли другие.

Одна крыса забралась вверх по сапогу Конана и прокусила острыми зубами штанину у колена, оставив на коже неглубокий порез. Секундный удар меча разбросал по сторонам вращающиеся в воздухе половинки животного. Другие уже добрались до его пояса и груди, но все попытки крыс растерзать свою жертву наталкивались на упругую сталь рубашки-кольчуги. Неожиданно какая-то крыса в отчаянном прыжке вцепилась в грудь Конана, устремляясь к его горлу. Конан сбросил ее как раз в тот момент, когда усатая морда уже коснулась его кожи. Свободной рукой он хватал тех тварей, что успели облепить его тело, и швырял их о стены или в реку позади себя.

Но крысы одолевали. Кучами падали они, громоздились вокруг, а сам воин утопал сапогами в зыбкой трясине скользких от крови лжур и внутренностей. И хотя сапоги и кольчуга пока еще защищали его от укусов и Конан получил лишь несколько незначительных ран, но колени его уже кровоточили, и из руки, которой он хватал взбирающихся на него грызунов, в нескольких местах обильно текла кровь.

На мгновение крысы отпрянули. Тяжело дыша, Конан быстро оглянулся уже почти без надежды. И тут он заметил то, что должен был бы увидеть раньше, если бы преследователи не были так близко. На расстоянии полета стрелы от места, где он сейчас стоял, через несущиеся вниз черные воды перекинулся естественный каменный мост. Конан тотчас же понял, что если достигнет этой узкой арки, то крысы смогут атаковать его лишь по две или по три одновременно.

В таком узком переходе ему удастся долго сдерживать все это необъятное полчище.

Мысль послужила сигналом к действию. Он ощутил мощный прилив сил и рванулся к мосту, продираясь сквозь бурлящую закручивающуюся водоворотами массу крыс, и при каждом прыжке под его подошвами хрустели кости грызунов. Крысы прыгали на него, карабкались по ногам и кусали, и кровь уже обильно струилась по его бедрам, и широкие штаны обвисли лохмотьями. Но этот всплеск энергии позволил Конану достичь моста прежде, чем грызуны сумели свалить его.

Хватая воздух открытым ртом, он шагнул на каменную арку и занял позицию посреди прохода в фут шириной, там, где мост сужался. Конан пожалел, что в спешке у него не было времени прихватить с собой и маленький светильник, но запасы масла все равно уже должны были подходить к концу. Издалека фонарик еще заливал сцену битвы слабым мерцающим светом.

Крысам потребовалось всего несколько мгновений, чтобы снова настигнуть его, но этой паузы было достаточно, чтобы немного отдышаться и прочистить мозги. В затрудненном дыхании, ноющих мышцах и стучавшем молотом сердце ощущалась тяжесть прошедших лет.

Крысы снова подходили. Передние животные достигли подъема моста. Конан приготовился встретить их согнувшись, с мечом в обеих руках. Когда крысы были уже совсем близко, он стал мерно работать палашиом: направо-налево, направо-налево. При каждом взмахе несколько вертящихся в воздухе тел слетало с узкого моста. Они умирали десятками и сотнями. Иные падали в бегущий черный поток, который тут же подхватывал тела животных. Маленькие головки поплавками всплывали из воды, кружились, пытались сориентироваться, и затем плыли против течения до ближайшего берега, пока не исчезали в темноте.

Никогда за все годы многочисленных войн и кровопролитных сражений его меч не уносил так много жизней. Если бы это были не крысы, а люди, то над этой подземной рекой, сопротивляясь их натиску, Конан истребил бы целую нацию. Он работал без устали, как машина...

В бою напрасном Лев повержен был.
И Ад к его команде подступил...

Путешествие Агры

Но тут огромная черная крыса — видимо, вожак, — отделилась от визжащей стаи и прыгнула к его горлу. У Конана было чувство, что все это происходит где-то далеко в прошлом. Его руки онемели и налились свинцом, а расставленные ноги, казалось, превратились в холодные железные колонны. Лево́й рукой он ухватил этот мерзкий комок шерсти и плоти, вцепившийся острыми когтями в звенья кольчуги и рвавшийся к сонной артерии. Но силы покидали Конана, и казалось, он уже не может оторвать от себя это отвратительное существо, хотя ясно чувствовал, как острые бритвы зубов оцарапали кожу за его бородой.

Тут же другая крыса вцепилась в носок его сапога. Конан пнул ее ногой, промахнулся и, покачнувшись, отступил назад, преследуемый ордой кровожадных грызунов. Когда он тяжело отпрыгнул, чтобы удержать равновесие, раздался зловещный треск и весь центральный блок, на котором стоял киммериец, с оглушительным всплеском внезапно рухнул от сотрясения и непосильного веса в стремительный поток.

Конан обнаружил, что находится в воде и железная кольчуга быстро увлекает его ко дну. Гигантская крыса, угрожавшая разорвать ему горло, куда-то исчезла, но теперь, после смертельной битвы на суше, Конану грозила опасность захлебнуться в подземной реке.

Он оттолкнулся ногами от неровного дна и, вынырнув на поверхность, успел набрать полные легкие воздуха, прежде чем вес доспехов снова увлек его вниз. Быстрое течение бросало и било его о неровности дна, закручивало и переворачивало в водоворотах. Еще раз он с большим трудом хватил глоток воздуха. Конан был великодушным пловцом, но судьба распорядилась так, что кольчуга, которую он пронес сквозь это смертельное испытание, защитившая его торс от тысяч укусов, сейчас тянула его на дно, навстречу гибели.

Снова удалось ему достичь поверхности воды. Еще раз он до отказа наполнил легкие воздухом, и снова тяжесть доспехов неумолимо увлекла его вниз. Сознание ускользало от Конана, он словно проваливался в глубокую дремоту без сновидений.

Зигурд из Ванахейма очнулся от приступа подступающей рвоты. Когда под действием наркотических паров, выпущенных людьми с антильского корабля-дракона, старый крепкий ванир, как и все остальные члены команды «Красного Льва», потерял сознание, он уже не ожидал снова увидеть дневной свет. Но смерть выпустила павшего воина из черных когтистых лап. Еще не пришло время встретить Зигурду свою погибель.

И вот ошеломленный, сбитый с толку старый пират очнулся от бьющего в ноздри терпкого пахучего дыма. Он обнаружил, что находится во вместительном трюме антильского судна среди своих барахских товарищей по плаванию, которые тоже начинали приходить в себя. Их окружали бронзовокожие суровые воины низкого роста в странных стеклянных доспехах.

По мере того как его мозги начинали шевелиться, Зигурд стал оценивать обстановку. Он внимательно осмотрел внутреннюю часть корабля-дракона и обнаружил, что на самом деле материал, из которого было построено судно, был вовсе не золотом, корабль был только обшит тонкими пластинками этого металла. Под его ногами находились прочные деревянные доски, твердостью походявшие на дубовые, только цветом темнее. Взгляд всюду наталкивался лишь на деревянные шпангоуты и доски обшивки. Приглушенные удары волн, бьющихся об изогнутый нос корабля, достигли его слуха, и тут Зигурд окончательно понял, что произошло.

Он внимательно взгляделся в лица своих товарищей; они были разбиты в кровь, а кое-кому достались и глубокие раны. Но похоже, почти все были здесь, живые, что уже было отрадно, пусть даже они и в плену у антильцев.

Острая боль внезапно пронзила сердце старого морского разбойника. Его беспокойный взгляд с тревогой

вновь начал шарить по лицам людей его команды, — но где же Конан? Знакомого изрезанного шрамами лица и серо-стальной гривы волос нигде не было видно.

Сердце Зигурда упало, его румяное лицо помрачнело, и черная туча скорби окутала его. Зигурд прекрасно знал железную отвагу старого киммерийца. За всю долгую жизнь Конана лишь немногие могли похвастаться, что им удалось взять его в плен. Всегда готовый яростно отстаивать свою свободу, старый седой волк скорее всего предпочел пасть, сражаясь, чем сдаться на милость этим маленьким, похожим на куклы человечкам. И если Конан действительно был убит, то теперь на бычью шею и плечи Зигурда ложилась громадная ответственность за всю команду.

— Мужайтесь, друзья! — пророкотал он. — Хотя мы уже не свободные люди, но мы еще живы. А пока мы дышим, едят меня рыбы, у нас всегда есть шанс пробить себе дорогу к свободе!

Горан Сингх бросил на него мрачный взгляд больших темных глаз.

— А где наш господин Амра, а, Зигурд? Почему его нет среди нас? — угрюмо потребовал ответа венд.

Зигурд медленно покачал своей рыжей седеющей бородой.

— Клянусь хвостом Шайтана и звездой Нергал, дружище, я не знаю. Может статься, что он в другой части этой проклятой галеры.

Венд молча кивнул, но мрачно склонил голову в тюрбане, избегая смотреть Зигурду в глаза. Он знал не хуже ванира, что Конана вряд ли стали бы держать отдельно от остальных. Скорее всего, могучий киммериец погиб, пронзенный стеклянным антильским мечом, и уже отошел в холодные залы вечно блуждающих призрачных теней.

Они долго шли к гавани Птаукана, почти час, наверное, из-за дополнительного веса полусотни здоровенных пиратов в трюме. Когда их наконец вывели в тяжелых стеклянных цепях из обшитого золотыми пластинками корабля-дракона, Зигурд замигал от неожиданно яркого солнечного света. Со смешанным чувством удивления и любопытства он поглядывал на от-

крывшуюся панораму древнего города: излоданные непогодой камни, кричащие цвета зданий, которые ярус за ярусом поднимались вверх по склону горы.

Ни разу в жизни Зигурду из Ванахейма не доводилось видеть такой странной столицы. Каждое здание в городе было покрыто странными фризами богов с головами чудовищ и людей с головами животных, с монолитными и массивными воротами из прочного камня и диковинно изукрашенных колонн, устремившихся в ясное утреннее небо. Надо всей этой картиной нависала огромная, угрожающая, окрашенная в черные и красные цвета пирамида, тень которой мрачно и уныло легла на город. На вершине ее клубы черного дыма лениво поднимались в воздух, отчего это сооружение походило на какой-то рукотворный вулкан. Однако пиратам удалось выхватить взглядом лишь отдельные детали древнего города атлантов. Охрана быстрым шагом вела их по мощеным улицам вверх по великолепному тракту с яруса на ярус. Далее без остановки они прошли сквозь бронзовые ворота серой крепости, расположенной рядом с огромной пирамидой у самого края площади. Тяжелые ворота с лязгом захлопнулись за спиной, и на несколько мучительно долгих дней последний ключок голубого неба и порыв свежего ветра исчезли для пленников за железными створками. Охрана погнала их вниз по бесконечным каменным ступеням лестницы, спиралью уходившей во внутренность горы, на склоне которой и был построен Птаукан. Когда колени, ноющие от нескончаемого спуска, казалось, готовы были уже сломаться под тяжестью тела, они наконец достигли огромных размеров зала, выдолбленного в камне. Здесь с них сняли кандалы. Люди безучастно стояли под пристальными взглядами охранников, нацеливших в грудь пленникам свои стеклянные пики.

Затем их заковали в кандалы, прикрепленные к длинной прозрачной цепи, сбегавшей вдоль стены сквозь замурованные в нее кольца из того же материала. И хотя люди имели некоторую свободу передвижения, достаточную, чтобы ходить или лежать, практически

все они были заключены на небольшом пятачке около стены площадью в несколько футов.

Затем стража вышла из камеры и заключенные остались одни.

Толстые каменные колонны, поддерживающие крышу этого огромного зала, вздымались словно стволы гигантских деревьев. Создавалось впечатление, что их выдолбили в твердой скале, осваивая это подземелье, и оставили стоять здесь навечно, чтобы удерживать тяжелые своды.

Высоко над их головами на каменном потолке были прикреплены пластинки тускло светящегося металла. Древнее забытое знание атлантов, а может, и колдовство вызывало исходившее от этих пластинок мягкое лучистое свечение, которое разливалось по огромной комнате бледным желтоватым светом. Зигурда на мгновение посетила мысль, что, может быть, эти пластины были сделаны из странного металла атлантов, орихалка, о котором ходило столько слухов, но у него было много других, более насущных дел, чтобы тратить время на обдумывание этой догадки.

Пленников кормили один раз в день. Ведра жирного едва теплого варева из мяса или рыбы выплескивались в длинный грязный каменный желоб, сбегавший вдоль стены. В этом пойле в изобилии плавали комки стывшего жира, перемешанного с какой-то другой бурдой. Но скоро голод переборол брезгливость, и команда «Красного Льва» уже с нетерпением ждала часа кормежки. Зигурду пришлось использовать весь свой авторитет, чтобы удерживать людей от драк за эти мерзкие помои.

Загоченные в сырой камере, не имея возможности наблюдать за ходом небесных светил, пираты вскоре совсем потеряли счет времени. Сколько часов или, может, дней они жили здесь? Пленники затевали бесконечные споры по этому поводу, пока Зигурд не рявкнул на них:

— Заткнитесь вы все! Вы доведете меня до безнечства своим базаром. Можно не сомневаться, что они кормят нас в одно и то же время и каждый день.

Значит, каждая кормежка — это одни сутки. Ясунга, ты будешь следить за временем. Найди место на стене и делай там отметку каждый раз после того, как они принесут сюда эти помои.

— Но Зигурд, — жалобным голосом вмешался маленький офириец, — мы же не знаем, сколько дней уже прошло. Кто говорит, что четыре, кто — пять, а кому-то кажется, что все шесть или семь. Как мы узнаем...

Он резко осекся, так как ванир, поднеся огромный кулак к самому его носу, так что туго натянутая цепь жалобно зазвенела, проревел:

— Заткнись, Ариман, чтоб тебя разорвало, или я обмотаю цепью твою тощую шею и буду затягивать ее, пока не отвалится твоя банка, такая крохотная, что на ней и двум вшам не разойтись! Каждый может прибавлять столько дней к подсчету Ясунги, сколько считает нужным, и это, черт возьми, не имеет никакого значения! А если кто-нибудь еще заикнется об этом, то я размажу его череп по стене, как тухлое яйцо!

— Ах, яйцо! — мечтательно произнес Артанес с Заморы, здоровенный бык, пират с солидным брюхом, известный среди товарищей своим аппетитом. — Что бы я только ни отдал сейчас за пару дюжин свежих куриных яиц...

Питаясь одними помоями, они быстро ослабели. Их необработанные открытые раны начали гноиться и опухать; пленники стали болеть. Двое уже умерли: буйный племит, которому проломили череп во время битвы, умер в агонии, крича и сражаясь с невидимыми врагами. Другой — флегматичный чернокожий выходец из влажных, полных ядовитых испарений джунглей южного Куша, язык которого был отрезан стигийскими работоторговцами еще до его побега на Барахские острова, — горел в лихорадке. Оба тела были унесены законными в прозрачные доспехи антильскими стражами, верно, в какое-то тайное хранилище.

С помощью штурмана Ясунги, корабельного боцмана Мило и начальника отряда лучников Якова, Зигурд

из всех сил старался поддержать в команде присутствие духа. Это было непросто, потому что команда представляла собой пестрое сборище бродяг, подверженных припадкам неприязни, вспышкам ненависти, суеверным страхам и странным фантазиям, внезапным приступам уныния, разочарования или драчливости. А Зигурду, хотя он и был могучим пиратом, одно имя которого вызывало уважение среди Красного Братства, все же явно не хватало той ауры удачи и силы, которой было окутано имя Амры-Льва.

Северяния нашел, что лучшим способом избежать безнадежного уныния и сохранить в пленниках интерес к жизни было всячески побуждать этих морских бродяг рассказывать о своих прошлых подвигах. Они проводили долгие часы в рассказах и спорах, шаг за шагом восстанавливая события минувших битв, осад и набегов, в которых они когда-то участвовали.

Снова и снова вспоминали они о деяниях Конана, или Амры-Льва, — под этим именем знало его большинство пиратов. Они рассказывали и пересказывали вновь, как, желая добиться благосклонности Белит, его первой большой любви, Конан вместе с ней разграбил Черное Побережье и отважился проникнуть далеко в глубь материка по неизвестным рекам в джунгли Юга, где в полуразрушенном каменном городе женщину-пирата постиг страшный, неумолимый рок. Они рассказывали, как, десять месяцев спустя, Амра возник из небытия, чтобы вновь ступить на палубу барахского пиратского корабля, и как, еще позже, он неожиданно стал капитаном корабля зингаранских морских разбойников. Снова, уже в который раз, они вспоминали о фантастической карьере их предводителя, героя, прошедшего сквозь тысячи смертельных опасностей и победившего в тысячах различных битв, от простых поединков до сотрясавших всю землю кровавых сражений.

Но в конце концов даже Зигурд начал падать духом. Темное сырое подземелье с его молчаливыми каменными стенами, мутная пелена бледного света, которая тяготила и растворяла в себе человеческую волю, а также скрытая угроза и ожидание своей неизвестной судьбы — все это создавало столь гнетущее настроение

и источало такую безнадежность, что могло сломить самую яркую и стойкую душу.

Несколько раз Зигурд, с помощью самых сильных людей команды, пытался разорвать сковывающие их цепи. Звенья были сделаны из материала, внешне похожего на хрупкое стекло, но ему никогда не приходилось видеть металла столь прочного, как это прозрачное вещество. Оно было жестким и твердым, как бронза. Никакие усилия, рывки, удары камнями и ногами, попытки изогнуть или растянуть его не привели к желаемому результату, если не считать легких царапин и выпербин на гладкой радужной поверхности.

Нет, похоже, бегство было им не по силам. Они могли лишь надеяться, что судьба сама прервет эту унылую череду дней. И, в конце концов, это произошло.

Металлический лязг копий и щитов мгновенно страхнул с Зигурда чуткую беспокойную дремоту. Он медленно поднялся с соломы и увидел, как комната начала наполняться маленькими воинами с плоскими лицами, которые поднимали копьями его сонных товарищей и связывали им руки сзади.

— Что это, капитан? — пробормотал Горан Сингх.

Зигурд покачал головой, и его нечесаная рыжая седокая борода заходила из стороны в сторону.

— Лишь Крому и Митре известно, дружище! — проворчал он.

Затем он повысил голос, чтобы его слышали все:

— Выше голову, парни! Мужайтесь и покажите этим коричневым собакам, что мы мужчины, хотя нас и держали в этой конуре среди нечистот, словно зверей. И если нас ведут под нож палача, то, во имя зеленой бороды Лира и красного сердца Нергала, мы покажем этим вонючим свиньям, как умирают мужчины, не так ли, парни? Вы останетесь со старым Зигурдом до конца?

Среди пиратов его призыв вызвал хриплый гул приветствий и яростные крики:

— Да, Рыжебородый!

— Прекрасно, парни! А может статься, это будет всего лишь рабский рынок, а? Я думаю, что с удачли-

востью Братства, такие крепкие ребята, как мы, будут приобретены высокородными дамами для особых услуг в их будуарах!

Он натянуто подмигнул.

Его люди ответили дружным свистом и непристойными жестами. Зигурд криво усмехнулся, — все это было лишь притворство, он уже догадывался о том ужасном конце, который ждал их на этих проклятых островах на краю света.

Зигурд был прав. Ослепленные непривычно ярким солнечным светом, пираты, опарашенно хлопая глазами, оглядывались по сторонам, пораженные открывшимся зрелищем. В выпине, словно сапфировый купол в таинственной обители богов, висел небосвод. Солнце стояло почти прямо над головой, обливая горячими струями тела, озябшие во мраке смрадной сырой темницы. Пленники с наслаждением пили свежий морской бриз, прилетавший из бухты, зная, что, возможно, им уже никогда более не придется в этом мире наполнить легкие чистым соленым воздухом.

Они вышли из ворот хмурой серой цитадели, которую называли Передней Богов, и повернули на площадь с величественной черно-красной пирамидой. Огромное сооружение уносило свои плоские грани высоко вверх, и его вершина грозно маячила в вышине над головами десятков тысяч антильцев, скопившихся на площади.

Зигурд, шедший первым, оглянулся назад на своих товарищей. Жалкое зрелище они представляли собой: одетые в лохмотья, грязные, с длинными волосами и всклокоченными бородами. Сквозь дыры изорванного платья были видны костлявые ребра отощавших от скудной нездоровой пищи людей.

Ровные ряды солдат тянулись от Передней Богов до подножия пирамиды, очищая для них узкую дорожку на запруженной толпой площади. Охрана, подталкивая пиратов наконечниками копий, провела пленников по этому живому проходу и пристроила их в хвост цепочки голых антильцев.

Часть жрецов в одеяниях из перьев, возвышаясь над толпой на своих высоких подставках-каблуках, назойливо суетилась, другие стояли рядом у самого основа-

ния пирамиды. В их руках развевались странные флажки и знамена.

Теперь зловещие очертания пирамиды вырисовывались над самой головой пленников — на фоне голубого неба. Кнуты со свистом рассекали воздух и хлестко ложились на едва прикрытые лохмотьями плечи пиратов, когда солдаты направляли их колонну в хвост цепочки антильцев. Молчаливо, медленно и беспрекословно вереницы маленьких коричневых людей с трудом поднимались вверх по крутым ступенькам, уходившим к самой вершине зиккурата.

Зигурд откинул голову и внимательно всматривался суженными, слезящимися от яркого полуденного солнца глазами в то, что происходило на вершине пирамиды, маячившей где-то высоко в сверкающем субтропическом небе. Он смог различить огромный алтарь из черного камня. Рядом высился трон, на котором восседала облаченная в платье из разноцветных перьев фигура.

Один за другим молчаливые антильцы, подгоняемые суровыми солдатами, подходили, низко склонив головы, к храму на вершине. Зигурд мог видеть, как жрецы в звериных масках и платьях из перьев схватили человека за руки, сняли оковы и растянули жертву на каменной поверхности алтаря. Затем вперед вышла другая фигура, в еще более фантастическом костюме из перьев и драгоценных камней, хотя трудно было издали как следует рассмотреть ее. Жрец вытянул вперед тощую коричневую руку и приложил к голой груди антильца какой-то таинственный символ. От нестерпимого блеска солнца на глазах Зигурда внезапно выступили слезы, и он опустил голову, чтобы вытереть их. Когда он снова взглянул вверх, то увидел, что рука верховного жреца поднялась и что-то сверкнуло в его кулаке — это был прозрачный, как стекло, нож. Нож описал стремительную дугу. Распростертый на каменном алтаре человек конвульсивно дернулся. На мгновение жрец склонился над жертвой, работая ножом и что-то нащупывая свободной рукой.

Затем тощая, обгаренная кровью коричневая рука поднялась снова, вознося над головой к яркому небу

красный комок, с которого вниз падали алые капли крови, — то было сердце жертвы, вырезанное из еще живого тела.

Толпа внизу испустила единый вздох. Жрецы запели низкими голосами торжественную песню-заклинание. Эта медленная гипнотическая песня, которая напоминала Зигурду глухой ропот моря, покачивала священнослужителей из стороны в сторону. Жертвенный огонь у самого алтаря выбросил вверх густые клубы черного дыма, когда сердце жертвы упало туда вслед за многими другими, кучами лежавшими на горящих углях. Тело человека тут же уволокли куда-то перемазанные кровью жрецы, и следующая покорная жертва была подведена к алтарю. Потрясенный этим зрелищем, Зигурд спрашивал себя, сколько времени уже продолжался этот страшный ритуал.

Охрана заставляла цепочку людей медленно, ступенька за ступенькой двигаться вверх. Пираты за спиной Зигурда, как и он, не проронили ни звука; они словно онемели, придавленные тяжестью ужаса, висевшего над вершиной пирамиды. Старый морской разбойник не чувствовал ничего, кроме ледяной пустоты внутри, как будто время остановило свой бег и вся вселенная сжалась до размеров его тела. Еще несколько минут — и все будет кончено, завершится их длительное путешествие, легенда будет досказана до конца. Да и какое все это имело значение? Разве любая человеческая жизнь не лишена смысла так же, как и его собственная жизнь? И все же...

Вдруг волны ярости и возмущения захлестнули Зигурда, его упрямое старое сердце гулко забилося в негодовании. Все его существо восстало против безропотного подчинения судьбе. Разве он ничуть не лучше этих недоразвитых островитян? Во имя Молота Тора, нет! Смерть не страшила его. Она была его старым корабельным товарищем. Чем же был тогда этот порыв внезапного бунта, который перевернули все в его душе? Гордость! Да, во имя Бадба и Морригана, это была именно она, самая настоящая гордость!

Зигурд глухо рассмеялся. Ближайшие к нему пираты из этой медленно движущейся вверх вереницы людей

подняли на него глаза, на их лицах было написано непонимание и удивление. Да, это дьявольски неподходящий способ для старого ванира встретить свою смерть!

XVI. В логове дракона

Заслышав шорох роговых пластин, Лев узнает, что здесь он не один...

Путешествие Амры

Сначала Конану показалось, что он уже умер и что бурное море жизни смыло его окоченевшее тело и выбросило на лишенные света берега потустороннего мира. Некоторое время он лежал без движения, моргая, чтобы сбросить с ресниц капельки воды, застилавшие ему глаза. Затем, понемногу, его чувства начали просыпаться, и Конан понял, что каким-то образом он уцелел.

Это было почти невероятно, но все же он был жив. Его мертвое тело, ушедшее ко дну под тяжестью кольчуги, уже давно должно было бы перекатываться и биться о выступы неровного ложа стремительного потока.

Конан приподнялся на локте и с изумлением огляделся. Он лежал во вместительном подземном гроте; и, как ни странно, здесь не царил непроницаемый мрак. Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел тысячи маленьких пятнышек на потолке и на дальних стенах пещеры, от которых исходило слабое зеленоватое свечение. В его голове промелькнула мысль, что, может быть, он лежит на чистом воздухе, а зеленые светлячки — это звезды на черном небе; но Конан тут же сообразил, что звезды не могут быть такими одинаково яркими и так правильно расположенными.

Конан лежал на мокром, скрипящем под его телом песке, на берегу той самой подземной реки. Черный поток врывался в пещеру из-под сводов низкого и темного туннеля, отверстие которого он смутно видел за бурлящими струями несущейся воды. Русло делало крутой поворот и отбрасывало стремительное течение

налево, где река снова исчезала в другом зияющем в стене отверстии. Должно быть, на этом изгибе течение выбросило почти безжизненное тело на берег, а последние, еще теплящиеся искорки сознания заставили его проползти еще несколько футов вверх по склону — как раз столько, сколько было необходимо, чтобы выбраться из холодных объятий черного потока. Затем сознание погасло, и он провалился в абсолютную темноту.

Конан с трудом поднялся на четвереньки и сел на камни. Внимательно, насколько это было возможно в бледно-зеленоватом свечении, исходящем от стен, он осмотрел себя с ног до головы. Похоже, кости остались целы, но все тело было усеяно ушибами и неглубокими порезами — следами зубов гигантских крыс или каменного дна реки. Его штаны висели лохмотьями, сапоги были разрезаны на носках и у щиколоток острыми зубами грызунов, так что из дыр торчали израненные пальцы ног. К счастью, холодная вода подземной реки промыла его раны.

На железных кольцах рубанки-кольчуги уже образовался тонкий налет ржавчины, и тяжелое снаряжение слабо поскрипывало при каждом движении. Кинжал все еще торчал у него за поясом, однако меч был потерян при падении в реку.

Киммериец с трудом поднялся на ноги, пошатываясь и постепенно приходя в себя. Каждый мускул его мощного тела болел и ныл. Сражение с крысиной ордой подточило даже его стальную выносливость, которая выходила за пределы человеческих возможностей. Он находился в смутном, полуобморочном состоянии. Чувства его притупились, и внутри рождалось ощущение собственной нереальности и неуязвимости. Затем изможденный Конан впал в тревожную дремоту. Без сомнения, он проспал целый день и всю ночь, а может быть, еще дольше.

Когда наконец Конан вновь осторожно потянулся, колющая боль в мускулах дала понять, что кровообращение начало восстанавливаться. В то же время он ощутил прилив новых сил, и по его истерзанному телу опять пробежали токи жизни. Конан прошелся несколько раз взад-вперед по изгибу берега. Его конечности

постепенно снова начинали обретать гибкость. Он пивырнул в сторону ножны своего широкого меча; слишком легкие, чтобы пригодиться в качестве оружия, они бы только мешали ему.

В конце концов Конан понял, что страшно голоден и хочет пить. Он утолил жажду холодной водой подземной реки, но голод утолить было нечем. Если бы он только увлек вместе с собой одну из тех гигантских крыс...

Внезапно что-то призрачно промелькнувшее под водой привлекло его внимание. Рядом он заметил еще одно слабое колебание воды и обнаружил, что в реке водится рыба. Конан напел выступ скалы, который мог бы служить ему удобной платформой, и в напряжении замер на камне, наблюдая за снующими под водой рыбами с терпеливостью опытного охотника.

Прошло некоторое время. Неожиданно длинная рука Конана вспоролла черную поверхность реки и вновь появилась с извивающейся рыбой, которую он крепко держал пальцами за жабры. Он расластал рыбу на скале, соскреб кинжалом чешую и с наслаждением впился зубами в жесткое белое мясо. Когда трапеза была закончена, Конан смыл кровь и прилипшие чешуйки с рук и лица, после чего почувствовал в себе силы заняться обследованием пещеры.

Прежде всего он направился к ближайшей стене подземного грота. Конан двигался медленно и осторожно, всматриваясь в тонущие во мраке неровности пещеры, чтобы случайно не провалиться в какую-нибудь канаву или колодец и не упасть в нижние этажи лабиринта туннелей. И хотя освещение было достаточно тусклым, долгие часы, проведенные в темноте, сделали его глаза очень чувствительными к малейшим проблескам света.

Наконец Конан добрался до места, где пещера плавной дугой выгибалась вверх, сливаясь с потолком. Его изучающий взгляд скользнул по одному из ближайших зеленоватых огоньков, слабо поблескивающих на каменной стене. Казалось, что свечение исходит от какого-то продолговатого предмета, размером и формой напоминавшего палец ребенка. Осторожно, не дотраги-

ваясь до неизвестного предмета незащищенной рукой, он вытащил кинжал и проткнул один из зеленых огоньков, отчего тот судорожно изогнулся, упал со стены и прокатился у самых ног Конана. При более внимательном рассмотрении киммериец обнаружил, что светящимся «пальцем» была какая-то гусеница или личинка. Сотни и тысячи этих созданий усеивали потолок и стены.

Он удовлетворенно хмыкнул. Мгновенно тысячи ближайших к нему светящихся червеобразных существ погасли, оставив на стене широкую полосу непроницаемого мрака. Конан замер на месте, выжидая, и скоро маленькие зеленоватые светлячки снова начали испускать сначала совсем слабое, а потом все усиливающееся сияние, пока опять не достигли прежней устойчивой яркости. Очевидно, внезапный звук испугал этих светящихся червячков, и они погасили свои фонари.

Свет был очень кетати, но теперь Конан ясно осознавал, что он, вероятно, сильно отклонился от намеченного маршрута. Убегая от крыс, он выбирал наиболее удобную для продвижения дорогу и опрометчиво сбился с пути, который так тщательно пытался запечатлеть в своей памяти, просиживая над картами в покоях короля воров Метемфока. Не было никакой надежды найти потерянную нить прежней дороги. Даже если бы Конану удалось каким-то образом подняться вверх по течению реки, он мог вновь встретиться там с дикой стаей гигантских крыс, которые, верно, рыскали сейчас где-нибудь неподалеку. А теперь у него не было даже меча для защиты от этих кровожадных грызунов.

Конан вновь принялся исследовать просторную пещеру. То здесь, то там поднимались титанических размеров сталагмиты, которые почти касались свисающих сверху сталактитов, а иногда соединялись с ними, образуя необъятных размеров столбы. Они напоминали Конану колонны древних храмов, построенных для поклонения сумрачным богам подземного мира. В сравнении с огромными размерами этих каменных образований даже его гигантская фигура казалась карликовой.

Теперь, когда голод уже не донимал его так сильно, Конан принялся подыскивать себе оружие более эффективное, чем обычный кинжал. И хотя это было надежное оружие весьма внушительных размеров, Конан чувствовал, что ему необходимо что-нибудь подлиннее. Ведь даже среди вездесущих воров Птаукана никто не знал, каких еще безымянных обитателей подземного мира доведется встретить киммерийцу во время странствий сквозь эти мрачные туннели.

Сталагмиты, попадавшиеся ему на пути, имели округлую форму, с тупыми концами и совсем не подходили Конану, которому нужно было что-нибудь поизящнее, напоподобие копья. Наконец он нашел то, что искал. Подняв известняковую глыбу весом не меньше двадцати фунтов, Конан размахнулся и с силой ударил рукоятью кинжала по заостренному стволу сравнительно тонкого сталактита. Известковый нарост надломился, и Конан отбросил свое орудие, чтобы поймать падающий сталактит. При гулком звуке удара каменной дубины об пол в пещере воцарилась крошечная темнота, но вскоре светящиеся гусеницы снова достигли прежней яркости и вокруг разлился их бледный зеленоватый свет.

Конан взвесил в руке свое новое оружие. Это было четырехфунтовое каменное древко, с одного конца толщиной с запястье руки, а с другого — сужающееся до тонкого острия. И хотя оно не обладало остротой копья, во все еще могучих руках Конана это каменное образование служило серьезным оружием, которым он мог проткнуть врага. Или же, схватив сталактит за тонкий конец, Конан мог орудовать им, как дубиной, хотя прочность материала, из которого состояло это новое орудие, вызвала у него серьезные опасения. Его также можно было бросать, как дротик, на короткое расстояние.

Вооруженный таким образом, Конан почувствовал новый прилив уверенности и теперь готов был противостоять даже безымянным ужасным существам этого погруженного в вечную тьму мира. Осторожно он снова принялся исследовать огромный грот, пытаясь двигаться в том направлении, где сгустившийся мрак свиде-

тельствовав, что пещера простирается в эту сторону глубже всего.

По мере продвижения вперед стены грота начали сужаться и потолок опустился ниже. Светящихся червей стало меньше, и в почти непроницаемой темноте Конан вынужден был удвоить осторожность. Теперь он двигался очень медленно, тщательно ощущая дорогу впереди обломком сталактита, чтобы не попасть в какой-нибудь провал. Опасное положение. Один неудачный шаг — и он, не успев даже осознать происшедшего, соскользнет в один из глубоких каменных колодцев.

Оступившись, Конан врезался головой в сталагмит примерно с него ростом. Непрочная каменная колонна треснула и с громким стуком рухнула на пол. Звук ее падения глухим вибрирующим эхом разнесся по туннелю. Тотчас же все светящиеся черви вокруг погасли, оставив Конана в практически непроницаемой тьме.

— Чтoб Ариман сожрал эти проклятые пещеры! — прорычал он. Однако несмотря на крошечный мрак, Конан продолжил свой путь в том же направлении, нащупывая дорогу ногой и острием сталактита.

Вдруг каменное орудие киммерийца коснулось впереди чего-то живого, и Конан почувствовал, как оно зашевелилось. Сердце мгновенно захлестнуло холод, он застыл, напряженно вслушиваясь и вглядываясь во мрак в надежде, что невидимое существо первым выдаст свое происхождение.

Из мрака перед его глазами раздалось громкое короткое шипение, похожее на шипение змеи, усиленное в десятки раз. Смрад, исходящий от неведомого пресмыкающегося, ударил ему в ноздри. Конан должен был бы почувствовать этот запах раньше, но из-за чуть заметного ветерка, который вяло дул ему в спину, он не смог уловить этого терпкого зловония, пока не наткнулся на его источник.

Пот выступил на лбу киммерийца. Может быть, он вышел на змеиное гнездо? Как всякий северный варвар, он терпеть не мог змей, в изобилии водившихся лишь в непроходимых джунглях юга. Несколько раз Конану все же довелось сталкиваться с подобными тварями, которые, впрочем, во много раз превосходили все обыч-

ные виды. Это были чудовища не менее пятидесяти футов длиной, с головами величиной с лошадиную.

Конан попытался отступить незамеченным и сделал шаг назад. До его слуха донеслось странное шуршание, будто где-то впереди по каменному бугристому полу тянули какой-то тяжелый мешок. Он затаил дыхание, чтобы даже малейший звук не выдал его присутствия.

В это время светящиеся гусеницы на стенах снова начали испускать свое бледное сияние. Когда в туннеле стало чуть светлее, Конан увидел, как впереди, на уровне его головы, возник холодный кружок зеленоватого света величиной с тарелку. Это был огромный глаз. Затем он качнулся в сторону, и Конан увидел второй, такой же. Постепенно бледное свечение достигло своей обычной яркости, и Конан понял, что столкнулся с драконом. Эта рептилия отдаленно напоминала одну из крупных ящериц, которых он видел в Птаукане на прилавках лавчонок мясного ряда. Однако этот экземпляр достигал пятидесяти футов. Пасть чудовища была слегка приоткрыта, обнажая тускло поблескивающие в темноте белые сабли страшных клыков. Между ними, там, где массивные челюсти тупо закруглялись, высочил раздвоенный, как у змеи, язык, который быстро засновал из стороны в сторону, пробуя воздух и, видимо, пытаясь уловить запах пришельца.

Конан резко бросился в зеленоватый мрак боковой пещеры, пытаясь обойти огромного ящера. Дракон оторвал свое скользкое чешуйчатое тело от скалы, на которой спал, и рванулся за ним. Его короткие кривые ноги двигались неуклюже, словно закрепленные на шарнирах. И тем не менее животное покрывало разделяющее их расстояние с ужасающей скоростью.

Пытаясь обойти дракона, Конан обнаружил, что несется по направлению к какому-то боковому ответвлению туннеля. Здесь было меньше светящихся червей, и Конану пришлось несколько сбавить темп, но зато далеко впереди замаячил яркий свет. Это было вовсе не то изумрудно-зеленоватое тусклое свечение, что излучали странные существа на стенах и сводах. Пятно имело оттенок обычного дневного света.

За спиной он явственно слышал громкий стальной стук когтей и злое шуршание чешуи. Конан подумал, что на открытом пространстве он, конечно, смог бы убежать от этой твари, но здесь ему приходилось поглядывать себе под ноги, чтобы не зацепиться на ходу. Если он споткнется, то вряд ли успеет подняться, и страшные челюсти чудовища неотвратно сомкнутся на его теле.

Туннель начал расширяться и вывел к просторному залу. Восковой свет стал здесь немного ярче и исходил откуда-то сверху. Здесь было уже достаточно светло, и Конан сразу разглядел еще двух драконов — справа и слева от себя. Один из них мирно дремал, в то время как другой заканчивал свою трапезу. Одного короткого взгляда было достаточно, чтобы понять, чем он лакомился — из приоткрытой пасти ящера торчали две человеческих ноги.

Когда Конан рванулся вперед, пытаясь проскочить между чудовищами, спящий дракон приоткрыл глаза. У другого животного судорожно дернулось горло, проглатывая человеческие ноги в глотку. Если бы оба ящера не были так поглощены своими делами, им не составило бы труда сделать резкий выпад своей законной в чешую головой и поймать киммерийца, когда тот проносился мимо.

Как бы там ни было, преследующее его чудовище, громко стуча когтями о каменный пол, ворвалось в пещеру и издало звучный, угробный вопль, больше походивший на отгрыжку. Вскоре все три ящера уже мчались за Конаном. Один из них, из пасти которого торчали ноги, яростно сглатывал на бегу, явно желая освободить место для новой жертвы.

Пещера, куда попал Конан, была чем-то вроде передней, примыкавшей к другому залу еще больших размеров. Четыре стены уходили высоко вверх, в одной из них виднелись бронзовые створки огромных ворот, подобных тем, что Конан видел у основания гигантской ступенчатой пирамиды на главной площади города.

В каменной стене напротив дверей высечены углубления, а в них вбиты колышки, образующие что-то вроде ступенек. Эта каменная лестница начиналась у

самого пола и уходила на тридцать футов вверх. Над ней располагалась маленькая платформа, за которой зияло открытое отверстие туннеля. Конану показалось, что на платформе прогуливается взад и вперед вооруженный антилец, но у него не было времени внимательнее рассмотреть фигуру человека наверху.

Основное внимание киммерийца было сосредоточено на шести грифельно-серых драконах, которые скопились в центре пещеры. Среди них были и почти детеныши длиной не более шести футов, и жутко древние чудовища, превышающие шестьдесят футов в длину. Гигантские ящеры присели на задние лапы, вытянув головы и образуя круг как раз под отверстием глубокого колодца. Каждой чешуйкой своих морд они устремились вверх, к квадратному оконцу, сквозь которое с трудом проникали лучи солнечного света. Казалось, что животные заняты каким-то таинственным древним ритуалом поклонения своему далекому предку, прародителю всех драконов. Зубчатые гребни, как килевые плоскости судна, сбегали по их спинам от головы до кончика чешуйчатого хвоста.

Теперь легкие Конана всасывали затхлое зловоние, исходящее телами рептилий. Его нога соскользнула с гладкой поверхности полузастывшего в перемешанный с отбросами песок яйца ящера. Размерами такое яйцо превосходило даже яйца страусов из Куна. Вокруг в изобилии были разбросаны какие-то белые обломки — непереваренные кости людей. Справа валялся череп, чуть дальше лежала челюсть, рядом с ней — раздробленные кости таза.

Когда Конан влетел в эту огромную пещеру, преследуемый по пятам тремя драконами, шесть ящеров, застывших в напряженном ожидании в центре комнаты, опустили головы и уставились на человека огромными, как крупные изумруды, зелеными глазами. Когда в неповоротливые мозги рептилий наконец проникла мысль, что в пещере появилось еще мясо, они повернулись и неспешно затрусили к киммерийцу; и при каждом размашистом шаге было слышно, как их когти глухо стучат по полу, а огромные, покачивающиеся при ходьбе из стороны в сторону хвосты с шумом рассекают воздух. Неожиданно справа от Конана показалось разветвленное отверстие еще одного туннеля. Он рванулся

туда, но когда уже почти достиг цели, зеленый ответ двух пар глаз в глубине прохода и шуршание чешуи остановили его. Конан понял, что еще два дракона, привлеченных шумом, направлялись к главной пещере, чтобы выяснить, в чем дело. И вряд ли удалось бы ему проскользнуть между ящерами в таком узком туннеле.

Тогда он бросился к бронзовым дверям. Но на воротах не было ни щелчки, ни рукояти — ничего, за что можно было бы ухватиться, и они не поддавались его отчаянным толчкам. Теперь ящеры толпой устремились к нему. Конан обнаружил, что находится в центре полукруга, образованного животными. Пот обильно струился по его лбу и застилал глаза.

Эти твари были похуже крыс. Те, по крайней мере, были теплокровными животными, дальними родственниками человека, как утверждали некоторые философы. Но эти огромные, медлительные древние рептилии стояли на противоположной по отношению к человеку ветви эволюции. Это были скользкие монстры, возникшие из первородной грязи, монстры, сохранившиеся со времен юности мира. Тогда землю сотрясала поступь еще более могучих существ, появившихся на свет за миллионы лет до того как, первый человек научился стоять на ногах и начал бороться за господствующее положение в мире природных стихий.

Они приближались, словно ожившие отвратительные кошмары из полных ужаса адских глубин.

XVII. День Крови и Огня

Фонтаном алым брызжет кровь, и тьма
Пьет жизнь из чаш кровавых рук.
Но Он торопит верных слуг, и черный
Нож взлетает вновь.

Видения Эмилитреуса

В слепящем блеске полуденного солнца молчаливая вереница людей медленно продвигалась к могучей пирамиде из черных и красных глыб. От огнедышащего зноя по лицу и спине Зигурда обильно струился пот.

Никогда ему в голову не приходила мысль, что его жизнь может оборваться среди подобного варварского величия. Он представлял свою гибель другой — на горящей палубе корабля, скользкой от крови, или во время налета на прибрежный город на бульварнике одного из безымянных переулков морского порта, когда сумеречное небо залито красным заревом горящих храмов. Это могло бы произойти в каком-нибудь безнадежном поединке с нахальным и ловким морским разбойником на кровавых улицах ревущего Торгажа. Холодный поцелуй мерцающего лезвия, стальной клинок, пронзающий его грудь, и оскалившееся в усмешке смуглое бородатое лицо, проплывшее в красной пелене, которая уже застилает глаза, — он не раз видел такую смерть со стороны; она была ему понятна и знакома.

Зигурд окинул взглядом раскаленную на солнце площадь. Со всех четырех сторон пирамиду окружали прямые ряды каменных скамеек. На них, одетые в нарядные платья, расшитые золотом и украшенные драгоценными камнями и перьями, расположились тысячи состоятельных жителей из высших сословий Антильского государства. Простые жители Птаукана, на которых были в основном набеленные повязки, толпились на площади, между скамей и у основания зиккурата. Антильцы стояли или сидели в напряженном молчании, поглощенные мрачным спектаклем, который разыгрывался на вершине пирамиды.

У самого ее основания монотонно покачивались в такт музыке длинные ряды жрецов Птаукана. Их голоса поднимались вверх и катились неспешными волнами в бесконечной заунывной песне, перемежаемой мерным стуком огромных барабанов, обтянутых человеческой кожей, звуки эти гулко отдавались в ушах ударами могучего сердца. Сами барабаны были расположены в нише на одном из выступов пирамиды. Покрытые белой известкой, вертикальные стены этого углубления были расписаны яркими образами странных богов и демонов этой экзотической земли.

Зигурд взглянул вверх. Высоко над головами в лазурном свете неба четко вырисовывались контуры черного трона. Иерарх, закутанный в платье, обшитое

ярко отсвечивающими изумрудно-зелеными перьями, восседал на этом массивном кресле, расположенном с краю платформы на вершине пирамиды, и, протянув к небу голые коричневые руки, делал какие-то странные жесты. Украшенный драгоценными камнями высокий трон слабо поблескивал на солнце и отливал перламутром.

На площадке перед ним злоеце светила черная полированная поверхность алтаря. Небольшой храм на вершине пирамиды был обращен лицом к Иерарху, от которого его отделял залитый кровью алтарь. Вокруг него без устали работали жрец и два его помощника. На жреце — главном исполнителе обряда жертвоприношения — была лишь набедренная повязка и сандалии. Его лицо и грудь скрывал какой-то фантастический убор из перьев и золотых ожерелий. Желтые кольца и амулеты расщепляли лучи солнечного света на тысячи искрящихся лучиков, которые окутывали голову жреца призрачным облаком сверкающего света.

В это время к алтарю приблизилась женщина-рабыня, которой предстояло пройти древний антильский ритуал. Помощники жреца грубо схватили ее за голые коричневые руки и прижали спиной к алтарю. Обидиановый нож сверкнул на солнце и опустился вниз. Мгновение — и жрец поднял зажатое в кулаке сердце, сочившееся кровью.

Челость Зигурда отвисла от изумления, так как даже в его ни во что не верящих глазах что-то начало материализовываться из прозрачного воздуха.

Солнечный свет потускнел, не в силах пробиться сквозь ступающееся облако мрака в вышине. Леденящим холодом дохнуло от легионеров на площадь тени. Воздух окоченел, словно пронизанный вечной стужей межзвездных пространств. Над зиккуратом медленно возникали очертания Демона Тьмы.

Зигурд слышал, как за его спиной пираты бормотали молитвы, хотя его команда отнюдь не отличалась особым благочестием.

Над пирамидой Облако Мрака уплотнялось и затвердевало. Казалось, сама тьма начала обретать форму и вес, как будто черная тень обращается в реально

существующий предмет. Из облака падул все усиливающийся холодный зловонный ветер. Создавалось впечатление, что черная туча превращается в некое бесформенное морское существо. От туманного центра бахромой лениво ниспадали призрачные складки, словно сотканые из серых теней. Внутри облака все бурлило и бешено вращалось, и Зигурду показалось, что таким и должен был быть легендарный Мальстрем, который, по преданиям, находился где-то у северных арктических берегов его родного Ванахейма.

Завороженно смотрел Зигурд на это страшное явление. Оно притягивало к себе его взгляд с гипнотической силой — так холодные глаза змеи лишают воли находящуюся вблизи птицу.

С неприятным холодком ужаса старый морской разбойник понял, что этот стусок мрака питается жизненной силой людей, приносимых в жертву на алтаре. Каким-то образом оно может пить их жизни, которые выходят из их тел под залитым кровью ножом жреца. Он видел, как верховный жрец питал облако тьмы, поднимая к его дымчатым складкам одно за другим человеческие сердца.

Тогда до Зигурда наконец дошел смысл загадочного символа древних атлантов. Их эмблема — Черный Кракен, которую непосвященный ум принимал за огромного осьминога, на самом деле изображала пульсирующую и медленно растущую тучу Черного Ужаса. Зигурд вспомнил знак Черного Кракена, украшавший нос зеленой антильской галеры, которую они потопили по дороге к этим проклятым островам. Черный Кракен — это был Хотли, Демон Тьмы, как говорилось в древних мифах!

Зигурд скривил губы в жестокой усмешке, но мужество постепенно покидало его. Если бы он раньше угадал зловещий смысл, скрытый за символом атлантов, то никогда бы столь безрассудно не отправился в это стремительное путешествие, что в конце концов привело его к сочащемуся кровью алтарю с нависшим над ним облаком вампирического мрака из иного, ледяного мира.

Шаг за шагом вереница людей в молчании продвигалась вверх. Крутая каменная лестница, которая вела к вершине зиккурата, все приближалась. Над головой висел пульсирующий сгусток мрака. Он постепенно увеличивался в размерах, и темнота внутри облака сгущалась.

Как ни странно, ни один из предназначенных в жертву людей не пытался сбежать. Они стояли в затылок друг другу со склоненными головами. Иные завожено уставились вверх, время от времени поднимаясь на одну ступеньку. Казалось, они находились в каком-то наркотическом трансе.

Конечно, любой порыв к освобождению не мог увенчаться успехом. Пленники были закованы в прочнейшие прозрачные цепи, которые соединяли их связанные сзади руки с кольцом на шее; вдоль пути выстроились настороженные воины в стеклянных доспехах с острыми прозрачными пиками и мечами. Словно в полусне, люди покорно поднимались к месту кровавой резни.

Возможно, их воля была подчинена темной силе, исходящей из зловещей массы наверху, или она была поглощена монотонным ритмом песни плавно рассказывающихся в такт жрецов, которые тоже в экстазе смотрели вверх на своего демона-бога. Как бы там ни было, ни один из пленников не пытался избежать смерти от кровавого жертвенного ножа, что без устали поднимался и опускался под сенью зловещей черной массы наверху.

Одно за другим помощники-жрецы оттаскивали тела от каменного алтаря. Кровь заливала грудь жертвы, руки бессильно волочились сзади. Затем мертвое тело сбрасывалось в черное отверстие шахты на вершине пирамиды. И тут же новая жертва выталкивалась к алтарю. Зигурд видел, как четыре жреца держали человека за руки и за ноги, в то время как пятый снимал с него оковы. Тут же старший жрец склонился над ним. Вскоре нож взлетел в воздух и стремительно ринулся вниз; фонтаном брызнула кровь; жрец поднял на раскрытой ладони сердце жертвы, преподнося новый дар Черному Хотли. Еще одно обмякшее тело было сброшено в дыру колодца у алтаря.

Зигурд медленно двигался вверх по лестнице. Он не жалел, что идет первым. С того самого момента, как Конан погиб, вся ответственность за экипаж «Красного Льва» легла на него, и теперь ему предстояло подать пример сурового мужества остальным.

В конце концов дошла очередь и до него. Бешеный черный вихрь был угрожающе близко. Зигурд ясно ощущал исходящие от него холодные токи. Где-то в глубине души он чувствовал испытующий взгляд его невидимого глаза, жаждущего всосать в себя самые основы его человеческой сущности.

Жрецы в масках возникли прямо перед ним. Их голые до пояса жилистые коричневые тела были обильно забрызганы кровью. Когтистые, как у хищной птицы, лапы вонзились в его руки и ноги, когда они волочили тяжелое тело Зигурда по мокрой поверхности холодного камня. Остекленевшие глаза жрецов казались пустыми глазницами мертвецов.

Лежа на спине и бессмысленно уставясь в пульсирующий мрак наверху, Зигурд слышал, как его наручники и обруч на шее были разомкнуты. Стальные когти сжались на его запястьях и у щиколоток. Теперь над ним появился и приносящий жертвы жрец. Его лицо было скрыто за чеканной дьявольской маской, усыпанной массой изумрудных перьев. Длинная, зашита кровью рука опустилась вниз и острым когтем сделала отметку на волосатой груди Зигурда. Затем в небе возникла вторая рука, сжимавшая рукоятку ножа из черного стекляннистого материала. Вот она уже описала крутую дугу на фоне непроглядно-черной массы. Нож пошел вниз...

Вдруг рука жреца остановилась в воздухе. Зигурд, который непроизвольно затаил дыхание в ожидании смерти, шумно выдохнул.

Фигура жреца каменным изваянием вырисовывалась на фоне неба. Его покрытая перьями маска резко повернулась в сторону, в этом своем движении чем-то напоминая голову удивленного и насторожившегося

ястреба. Странные звуки дошли до ушей Зигурда. Они исходили откуда-то снизу, похожие на отдаленный гулкий звон огромного колокола, бьющего победную песню неумолимого рока. Восседающий на троне Иерарх прекратил свои заклинания и громко спросил что-то у стоявших внизу жрецов.

Затем послышался громкий шелест, как будто все антильцы разом выдохнули. И следом — взрыв пронзительных криков.

Залитый кровью жрец с ножом подался вперед и с изумлением уставился вниз. Что-то происходило на площади у подножия пирамиды. Затем Зигурд услышал глубокий звучный рев, похожий на брачный зов крокодила-самца на одной из речек у берегов Куша, только куда более протяжный и громкий.

Четыре державших Зигурда жреца отпустили его и тоже ошарашенно уставились на площадь, где шум все усиливался. Они хватали друг друга за руки, указывая вниз пальцами и вскрикивая от возбуждения. Как только на вершине пирамиды произошло замешательство, пираты вышли из состояния транса, в котором они находились все это время. Было ли это пробуждение вызвано внезапным прекращением несущегося снизу монотонного гимна, или это произошло из-за того, что Иерарх прекратил свои заклинания, или даже просто потому, что они отвлеклись от поглощающего волноисотрывного созерцания черной тучи наверху, — никто не мог этого сказать. Но как бы там ни было, гипнотические чары, парализовавшие их сознание, внезапно расточились.

Зигурд стремительно скатился с жертвенного алтаря. Ясунга, сверкнув белыми зубами на черном лице, размахнувшись, и его стеклянные тяжелые наручники с ужасающей силой врезались в голову жреца с ножом в дьявольской маске, все внимание которого было поглощено событиями на площади. Тот волчком закружился на месте и рухнул без сознания на каменный пол. Кровь его смешалась с кровью жертв.

Тем временем Зигурд, соображавший в тот момент как никогда в жизни быстро, бросился к жрецу, который

держал ключи от оков. Волосатые руки северянина сжали его тонкую шею. Облаченная в перья фигура повалилась на пол; железные пальцы Зигурда вонзились в глотку жреца, разрывая горло.

XVIII. Врата рока

Свой страшный злый плод вознесит он, где мрак
Ступился в вихрь ледяной.
Пред погруженною в какой-то странный сон,
Благоговейно замершей толпой.

Видения Эмилиануса

Прыгнув вперед, Конан взмахнул своей тяжелой дубиной с отчаянным мужеством загнанного в угол волка. Каменное орудие с глухим звуком врезалось в чешуйчатую морду ближайшей огромной рептилии. С громким треском сталактит разломился пополам, и тяжелый звук падения эхом отозвался в огромной пещере.

Свирепо зашипев, дракон попятился назад, пряча клыки и рассекая воздух своим длинным гибким хвостом. За все столетия, прожитые им в подземных пещерах Птаукана, еще никогда его жертва так себя не вела. У дракона не было опыта встреч с еще живой и сопротивляющейся добычей, и выпад Конана изумил и озадачил ящера не меньше, чем рассердил животное.

Теперь оружие Конана сильно уменьшилось в размерах, превратившись в двухфутовый известняковый шип. И все же, думал он, его остроты хватит, чтобы пронзить один из этих огромных зеленых глаз, которые, моргая, уставились на него из постепенно сжимающегося полукруга чешуйчатых голов. Нет, он не думал, что это спасет его, потому что у подобных созданий даже осознание собственной смерти занимает достаточно длительное время.

Но по крайней мере пусть драконы знают, что он погиб, сражаясь. Две огромные ящерицы подступили ближе, — они были уже почти в пределах досягаемости, и Конан подготовился к последнему сражению, выста-

вив шип вперед, словно кинжал. Еще мгновение — и он набросится на ближайшее чудовище...

Неожиданно напряжение несколько разрядилось. Из отверстия в потолке, откуда на пол падал столб бледного света, что-то темное пролетело вниз и с приглушенным хлопком упало посредине пещеры. Это было обнаженное тело человека с ужасной рваной раной на груди.

Дракон, которого Конан огрел своей каменной дубиной, хрюкнул, резко повернулся и неуклюже затрусил к распростертому телу. Такая привычная безобидная пища была ему больше по вкусу, чем двуногий кусок мяса, так больно стукнувший его по носу. Как только первый дракон повернул назад, второй, а затем и третий инстинктивно бросились следом, к кружку света на каменном полу.

Ящер, первым добравшийся до мертвого тела, словно ковшом, подцепил своими широкими челюстями верхнюю часть тела человека, поскребывая массивной мордой по полу и вращая головой, чтобы захватить кусок побольше. Но едва он поднял добычу, как другой дракон намертво вцепился в свисавшие из пасти ноги мертвеца. Некоторое время обе рептилии перетягивали добычу друг у друга, злобно рыча и мотая головами из стороны в сторону, остальные же сгрудились вокруг, пытаясь тоже урвать кусок своими страшными зубами.

Вскоре тело с неприятным звуком разорвалось пополам. Два дракона, успевшие первыми схватить добычу, попятились назад, а остальные бросились поднимать с пола выпавшие внутренности, толкаясь и спеша обогнать друг друга.

Внезапное озарение открыло Конану тайну многих вещей, которые до того момента оставались для него загадкой. Прежде всего он недоумевал, где такие огромные хищники могли найти себе пропитание в этом лабиринте пещер. Летучие мыши и светящиеся черви явно не могли прокормить их, но постоянный приток жертв отвратительного местного ритуала должен был не только поддерживать их существование, но и, видимо, давал ящерам возможность пребывать в настоящей роскоши по их драконьим понятиям. И Катлахос, и глава воров Метемфок описывали ему массовые жерт-

воприношения богу Хотли и говорили, что тела сбрасывают куда-то. Эта догадка объясняла тот факт, что, вбежав в пещеру, он обнаружил здесь полдюжины драконов, столпившихся с красноречиво поднятыми мордами вокруг желтоватого пятна над сводами.

Затем Конан понял также, что произошло с ним самим. Круг его скитаний по подземному миру почти замкнулся. Он предполагал выбраться из тайного лабиринта где-нибудь под Передней Богов. Это хмурое серое сооружение стояло на площади священной пирамиды, и там держали всех рабов и пленников, которых собирались принести в жертву. Где-то там должна была находиться и его команда.

Битва с крысами увела его далеко в сторону от намеченного маршрута, а после падения в подземную реку он еще дальше уклонился от избранного пути. Но, по прихоти судьбы или по воле богов, черный поток, описав широкую петлю, вынес его как раз на то место, которого он собирался достичь.

Унавившее тело, Конан в этом не сомневался, было очередной жертвой страшного антильского обряда. Шахта, в которую было сброшено тело, наверное, выходила к самой вершине пирамиды. Значит, рассудил Конан, он должен находиться прямо под ней или, в худшем случае, под окружающей это сооружение площадью.

Все это пронеслось в мозгу Конана в течение трех пульсирующих мгновений. Как только чудовища затрусили прочь от него, киммериец стремительно скользнул вдоль стены пещеры к уходящей вертикально вверх лестнице. Кончалась лестница у самой платформы, где бродил охранник. Впрочем, антилец уже не ходил бессмысленно взад и вперед по площадке, а в крайнем изумлении указывал в сторону Конана пальцем и выкрикивал невятные вопросы.

Конан находился уже у самой лестницы, однако охранник наверху был вооружен, и потому не так легко было забраться на платформу, минуя его острый меч. Но, оглянувшись назад, Конан увидел, что один из драконов, которому в общей свалке не досталось куска мяса, снова задумчиво повернулся к нему и тонкий

раздвоенный язык чудовища выскочил между зубов, пробуя воздух. Конан тут же понял, что его шансы в сражении с вооруженным антильцем куда выше, чем в борьбе со стаей этих гигантских ящеров. С ловкостью обезьяны, спасающейся от голодного льва, киммериец взобрался вверх по лестнице, и, когда первая рептилия достигла ее первых ступенек, Конан был уже в двадцати футах над ней — далеко вне пределов досягаемости животного.

Но теперь надо было как-то справиться с охранником. Он вытащил кинжал из ножен за спиной, зажал лезвие в зубах, и только тогда, уже осторожнее, снова полез наверх.

Вскоре Конан оказался почти что лицом к лицу с охранником. Антилец слегка присел и весь подался вперед; его прозрачный меч был угрожающе поднят. На коричневом загорелом лице стража было написано величайшее изумление, и он что-то невнятно бормотал себе под нос.

Держась за колышек на таком расстоянии, где острый меч стражника не мог достать до него, Конан быстро обвил ногой один из клиньев-ступенек, чтобы иметь точку опоры, и сжал в ладони кинжал, который он до того все время держал в зубах. Зажмутив левый глаз и тщательно прицеливаясь, он медленно отвел руку назад... Повинуясь стремительному броску, кинжал молнией сверкнул в воздухе и вонзился в горло антильца почти по самую рукоятку.

С булькающим звуком охранник отшатнулся назад; упавший на пол меч приглушенно зазвенел. Человек воздел руки, словно в судорожной попытке освободиться от рокового ножа. Затем качнулся вперед и рухнул с платформы вниз головой. Конану пришлось прижаться к стене и оттолкнуть падающее тело, чтобы оно не сорвало его с этого подобия лестницы. Тело антильца глухо ударилось о каменный пол пещеры. Внизу раздался рваный треск челюстей дракона, захлопнувшихся на теле, и глухая возня ящеров у подножия лестницы возвестила о начале пиршества.

Тяжело дыша, Конан подтянулся и выбрался на платформу. Он уселся на самом краю, и его ноги в

тяжелых сапогах слегка подрагивали от напряжения. В течение последнего часа жизнь Конана постоянно висела на волоске; никогда ранее за время всех своих полных опасностей приключений он не был так близок к гибели.

Несколько драконов еще стояли внизу у лестницы, с надеждой поглядывая на него. Постепенно, один за другим, они отвалили прочь. Те животные, что еще не успели наполнить свои утробы последними двумя жертвами, снова образовали круг у светлого пятна в центре пещеры. Вскоре еще одно тело пролетело и гулко шлепнулось на пол. Около тела тут же возникла свалка, и в мгновение ока оно было разорвано и поглощено оголодавшей компанией ящеров.

Едва справившись с дыханием, Конан встал и огляделся. С противоположной стороны площадки в глубокий полумрак уходили ступени длинного туннеля. Вход был закрыт бронзовой решеткой, но когда Конан дотронулся до нее, зарешеченная дверь легко открылась. За этими воротами находилось довольно просторное помещение, выдолбленное в стене, значительную часть которого занимало огромное бронзовое колесо. Стержни проходили сквозь его массивное бронзовое кольцо, образуя подобие рукояток. Оно напоминало рулевое колесо, которое Конан видел несколько раз на зингаранских галеонах, только увеличенное в сотни раз. На поверхности этого гигантского пугурвала лежал толстый слой какого-то воскового вещества медного цвета. Похоже было, что им не пользовались уже в течение многих столетий.

Конан нахмурил брови в напряженном раздумье. Его озадаченный взгляд скользнул по огромным бронзовым воротам у противоположного конца пещеры. Почему кажется, что эти двери играют в драконьей пещере важнейшую роль? Чтобы водрузить их здесь, мастеровым Птаукана, наверное, пришлось проделать гигантскую работу. Вполне вероятно, что за ними находится проход, ведущий во внешний мир. Однако единственная польза от всего этого сооружения — это возможность выпустить орду драконов на горожан. Только зачем это нужно было Иерарху?

Неожиданно Конана осемила на диво простая мысль. Ну, конечно же, драконов держали здесь с двойной целью. Они не только уничтожали останки тех несчастных, которых приносили в жертву, но были и последним секретным оружием жрецов, на случай, если жестоко угнетаемое население Птаукана поднимется в могучем бунте против своих господ.

Тогда как открываются эти ворота? Взгляд Конана все время возвращался к древнему бронзовому колесу в боковом гроте.

Должно быть, там, на площади, жертвоприношение Черному Хогли уже в самом разгаре. Площадь, конечно, забита народом. И если люди занимают места у пирамиды согласно своему сословному положению, то ближе всего к драконьим воротам должно находиться святое жречество. В мозгу Конана мгновенно родился замечательный план...

Конан забрался в боковой грот за открытой дверью из бронзовых прутьев. Огромное колесо возвышалось теперь перед ним. Он сделал глубокий вдох и пристроил свои широкие плечи к одной из рукоятей. Словно морской вал прокатился по его могучим мышцам, передавая всю силу бронзовому колесу. Металл тяжело застонал под мощным давлением. От огромного напряжения сапоги Конана со скрипом слегка проскальзывали по каменному полу.

Киммериец встряхнулся, еще несколько раз глубоко вдохнул сыроватый пещерный воздух и сделал новую попытку. Где-то с другой стороны пещеры стиснутый непосильным давлением металл механизма резко взвизгнул и жалобно закрипел. Осевшая за долгие годы и спрессовавшаяся пыль и мелкие частички ржавой накипи падали вниз. Наконец с пронзительным скрипом металл немного подался усилиям, дремавший зоны лет механизм вновь пришел в движение. Колесо повернулось на палец, затем еще на столько же.

Конан снова надавил на него, сжимая спицы с такой яростью, что, казалось, побелевшие у костяшек пальцы сейчас, как в воске, утонут в бронзе. Он давил на колесо,

пока кровь молотом не забила в ушах и бешено не зашумела в висках. Колесо слегка качнулось и повернулось на несколько дюймов. Где-то внутри стены гулко прозвучал удар огромного противовеса.

Между створками бронзовых дверей появилась щель, и на пол легла полоса света.

Еще одно мощное усилие — и внезапно колесо пошло легче, оно стало медленно поворачиваться.

Откуда-то сбоку раздалось стальное рычание и скрежет машины, простоявшей здесь в неподвижности множество веков.

Щель между дверьми расширилась. С натужным лязгом сдвинутый с места механизм сам привел колесо в движение, и оно запрадалось, наращивая обороты. Подвешенные на пронзительно скрипящих шарнирах двери уже распахнулись довольно широко. Драконы, которые в беспокойстве озирались по сторонам и неловко топтались по пещере, после того как непривычные звуки достигли их ушей, как по команде повернулись к медленно открывающемуся проходу.

За проемом дверей вверх уходил крутой подъем, который затем резко поворачивал в сторону и скрывался из вида. Оттуда проникал яркий солнечный свет — настоящий желтоватый дневной свет, из чего Конан заключил, что в верхней части этого крутого съезда одновременно открылась еще одна пара дверей. Они должны были располагаться у подножия пирамиды или в одном из зданий, окружавших площадь.

Когда Конан, хватая воздух открытым ртом, в изнеможении опустился около вращающегося колеса, драконы, испуская восторженные вопли, затрусили в открывшиеся двери. Их когти заскребли по камням, и вскоре они исчезли из виду. Из темных туннелей появились и другие ящеры, очнувшиеся от долгой дремоты, и поспешили сюда, привлеченные скрипом механизма и счастливым ревом своих собратьев. Они присоединялись к процессии, серой рекой хлынувшей вверх по склону, пока более сорока этих тварей не скрылось за его поворотом на пути в верхний мир. Вскоре с площади донеслись отдаленные, слабые крики ужаса.

Все еще тяжело дыша, Конан лежал на полу у самых нижних спиц бронзового колеса, ожидая, когда его сердце успокоится и перестанет так гулко биться в груди. На его устах играла жестокая усмешка.

XIX. Бриллиантовый талисман

Творенье страшное дохриповых эпох, спускалась Тьма
Людскою кровью возделенье утолщит.

И оборвалась светлой Атлантиды нить, пав в прах
Под грозной поступью веков.

Видения Эмили Треуса

Когда Конан сдвинул с места бронзовое колесо, с наружной стороны пирамиды, в покрытой яркой известкой вертикальной стене одной из граней пирамиды, появилась трещина. Куски штукатурки пыльным дождем посыпались на булыжник площади, падая у самых ног бьющих в барабаны и заунывно поющих жрецов. Раздался пронзительный скрип и стон металла. Бронзовые двери, скрытые слоем известки, стали медленно распахиваться наружу, точно так же как и их двойники в пещере драконов.

Песня затихла, и воцарилась тишина; жрецы в недоумении и страхе отступили от раскрывающихся створок. Они непонимающе глядели друг на друга, в воздухе носились не находящие ответа вопросы. За их спинами в толпе антильцев возникло нервное движение. Люди, от беднейших ремесленников, которые толпились на площади, до знатных горожан, восседавших на длинных ступенях каменных скамей, вставали на цыпочки, пытаясь лучше рассмотреть, что происходит, и озадаченно переговаривались.

На вершине пирамиды приносивший жертвы жрец остановился посреди ритуала, как раз в тот момент, когда он собирался рассечь грудь здоровому рыжебородому головорезу из чужих земель. Он сделал шаг к краю верхней площадки пирамиды и, наклонившись, выкрикнул какой-то вопрос, потонувший во все возрастающей сутолоке на площади.

Из темного проема за раскрытыми дверями раздалось мощное шипение, и на солнечный свет выкарабкалось первое чудовище — пятьдесят футов сланцевого-серого грифеля, — быстро и неуклюже ковыляющее на кривых мускулистых ногах; широко растопыренные когти металлом скребли по камням. Достигнув вершины спуска в пещеру, дракон остановился. Он поднял голову и повернул ее: сначала направо, потом налево, охватывая окружающий мир бездумным взглядом огромных зеленых глаз. Зрачки монстра от непривычного солнечного света превратились в узкие щели; из его длинной крокодильей пасти на ярд выскочил ярко-розовый раздвоенный язык.

С воплями ужаса ряды жрецов у подножия пирамиды рассыпались. Священнослужители Черного Хотли отчаянно пробивались сквозь толпу простых антильцев, которые в страхе и изумлении тоже отхлынули от ворот. В возникшей панике женщину и мужчину сбили с ног, и они тут же были затоптаны бегущей толпой.

Один из жрецов неосторожно наступил на полу своего одеяния из перьев и упал. Не успел он подняться, как челюсти дракона с глухим хлопком сомкнулись на его теле. Ящер поднял голову. Затем он несколько раз откинул ее назад, заглатывая добычу, отчего эластичная кожа на его горле то раздувалась, то опадала. С каждым рывком головы рептилии тело жреца проскальзывало все дальше в огромную пасть, пока из нее не остались торчать только ступни ног с сандалиями на толстой подошве. Дракон еще раз мотнул головой, сглатывая добычу, и вскоре его жертва полностью исчезла из виду. Было видно, как горло чудовища вздулось и опало, когда проглоченное тело проскользнуло в его желудок.

Тем временем появились другие ящеры; их пасти были открыты, оттуда доносилось победное рычание, тонкие языки сновали меж страшных зубов. Казалось, этой процессии не будет конца. Гигантские рептилии, царапая когтями по булыжнику площади, с разбегу врезались в толпу дико вопящих антильцев. Многие были раздавлены когтистыми лапами чудовищ, другие падали, случайно оказавшись на пути огромных, по-

крытых острой, жесткой чешуей хвостов. Кровь лужами растекалась по площади, и вязкие алые ручейки стекали в водосточные канавы по краям. То здесь, то там один из драконов останавливался и поднимал голову, чтобы протолкнуть в глотку очередную жертву, а затем снова пускался в преследование.

Тем временем у самой вершины черно-алой пирамиды распахнулась маленькая боковая дверь. Конан вышел из проема, держа в руке антильский меч из черного стекла, которым был вооружен охранник из драконовой комнаты. Соленый морской ветер подхватил его волосы и затрепетал в густой черно-стальной гриве. Конан расправил плечи и с наслаждением вдохнул свежий воздух, от которого он уже успел отвыкнуть за долгие часы скитаний по насыщенным болезненными запахами туннелям подземного мира.

После того как Конан открыл ворота и выпустил стаю драконов на жителей Птаукана, он поднялся вверх по каменной лестнице, которая начиналась у платформы над драконьей пещерой и наклонно уходила куда-то в глубь стены. Местами от нее отходили горизонтальные боковые проходы, но Конан, здраво рассудив, что жертвоприношение должно было происходить на самой вершине пирамиды и, следовательно, самый крутой путь приведет его ближе всего к цели, продолжал подниматься вверх по лестнице, пока не появился из той потайной двери верхних этажей гигантского зиккурата.

Мгновение киммерисц стоял неподвижно, уставившись вниз, с жесткой усмешкой наблюдая панику и опустошение на площади. Несколько драконов уже достигло каменных скамеек, где располагались знать и высшее жречество. Они, опасно наклоняясь и неуклюже пошатываясь, носились вверх и вниз по рядам скамей, преследуя и хватая мощными челюстями вопивших от ужаса беглецов в ярких одеждах из перьев.

С высоты верхнего этажа пирамиды Конан мог видеть и прилегающие к площади улицы. Теперь они были заполнены обезумевшей от страха толпой бегу-

щих людей. Одни устремлялись в первые попавшиеся двери домов и тут же захлопывали их перед самым носом отставших. Другие не останавливались до самых городских ворот и за ними рассыпались по близлежащим рощам и полям.

Конан задрал голову вверх и посмотрел на вершину зиккурата. Там высился зловещий храм Хотли, и около него две группы людей сцепились в смертельной схватке. Цвет кожи мелькавших рук и голов подсказал Конану, что там сражались с охраной и жрецами члены его экипажа.

Внимание киммерийца привлекла высокая тонкая фигура, которая стояла невдалеке от него на одной из площадок лестницы, ведущей к вершине пирамиды. Это был сам старый Иерарх; его легко можно было распознать по необычайному великолепию покрытых перьями одежд, вышитых золотым орнаментом, с которых местами уже свисали лохмотья. Его головной убор из перьев куда-то исчез, и струйка крови сочилась у виска. Наклонившись вперед, он неистово жестикулировал высохшими коричневыми руками и выкрикивал какие-то команды войнам и жрецам, в замечательстве скопившимся на площади внизу.

У основания пирамиды, как раз под Иерархом, один из драконов поднял голову и взглянул на верховного жреца, пробуя языком воздух. Затем чудовище начало карабкаться вверх по лестнице.

Жестокая улыбка вновь пробежала по заросшему бородой лицу Конана. Засунув прозрачный меч за пояс, он в несколько прыжков достиг следующего уровня, где грани пирамиды поднимались вверх ступенями высотой около ярда. Конан мягко и осторожно пробрался по этим ступеням к площадке, где стоял Иерарх, и оказался у него за спиной. Неслышно он шагнул вниз; его могучие руки легли на худую спину верховного жреца, и с нечеловеческой силой Конан бросил в воздух это тощее тело в одеждах из перьев.

Как выпущенный из пращи снаряд, тело Иерарха описало в воздухе плавную дугу и ударилось о камни лестницы чуть пониже. Он покатился вниз по ступеням в кружащемся вихре ярко-зеленых перьев, среди кото-

рых мелькали коричневые руки и ноги, пока не оказался у самого носа чудовища, медленно поднимавшегося снизу. С громким лязгом зубов огромные челюсти захлопнулись на теле дряхлого правителя Антилии.

Похожая на череп голова первого жреца несколько раз судорожно дернулась, его руки беспомощно колотили по челюстям чудовища. Но вскоре один из клыков ящера дошел до какого-то жизненного центра, и тело первосвященника обмякло. Его пронзительный вопль оборвался; руки вяло повисли. Присев на задние лапы у самого основания пирамиды, дракон с видимым наслаждением принялся заглатывать добычу.

Наверху Ясунга, как булавой, вращал своими цепями, отражая натиск противников, и по его черному телу обильно струился пот. Другой пират бросился на жреца, и они покатались по полу, изо всех сил вцепившись друг другу в горло. Бодман Мило зацепил стеклянной цепью алебарду одного из солдат и боролся, пытаясь вырвать оружие, в то время как его противник старался повернуть алебарду так, чтобы освободиться от крепкой хватки чужеземца. Замориец Артанс сражался сразу с двумя антильцами пикой, захваченной у кого-то в рукопашной схватке. Зигурд яростно возился с замками на кандалах нескольких пиратов, в то время как еще человек пять кольцом окружили его, отбивая попытки нескольких солдат и жрецов вновь завладеть ключами. Многие антильцы уже бросились бежать с вершины пирамиды, но некоторые еще борлись со своими бывшими пленниками.

С глубоким, гулким воинственным криком Конан взлетел вверх по лестнице и врезался в самую гущу сражения. Одетый в железную рубашку-кольчугу, он с легкостью справился с тремя невысокими коричневыми антильцами, вставшими у него на пути. Голова одного из них, словно отброшенный ногой мяч, отскочила от тела и, упав на ступени лестницы, покатила вниз. Еще один солдат сложился пополам, ловя выпадающие внутренности. Следующий с воплем схватился за обрубок руки.

Антильцы попятились назад от Конана, их широко раскрытые глаза были полны суеверного ужаса. Ким-

мериец стремительно наносил удар за ударом, постоянно меняя положение и не давая противникам возможности ответить точным ударом меча. Клинок порхал в его руках из стороны в сторону, словно острое, как бритва, крыло. И хотя он уже не был так ловок, как пару десятков лет назад, антильцам никогда не доводилось видеть более смертоносных атак.

— Демон! Это демон! — кричали они, в страхе пятаясь назад.

Скоро уже между окровавленным стеклянным мечом Конана и группой людей вокруг Зигурда не оставалось никого. Северянин поднял глаза.

— Амра! — заревел Зигурд. — Во имя Крома, Митры и всех богов, — мы думали, что ты погиб!

— Пока еще нет, Рыжебородый! Я еще должен кое-кому выпустить кишки!

Конан хлопнул здорового ванира по плечу:

— Ну, а что происходит здесь?

— Пытаюсь разомкнуть эти чертовы оковы, но это занимает дьявольски много времени. Может, у тебя получится быстрее, пока они снова не набросились на нас?

— Ключи — это слишком медленно, — хрипло прорычал Конан. — Посмотрим, сможет ли стекло разрубить стекло. Растяни-ка эту цепь на том каменном алтаре.

Стекло, из которого сделаны цепи и меч, думал он, в общем-то один и тот же материал. Но как и сталь обычного меча лучше закалена и прочнее обычной цепи, так и стекло антильского оружия должно быть крепче этих стеклянных оков. Ведь если цепь должна лишь удерживать пленника, меч специально создан для того, чтобы рассекать. Что ж, он испытает его прочность.

Конан занес меч над алтарем, и острое клинка сверкнуло на полуденном солнце над его стальной поседевшей головой. Лезвие со свистом рассекло воздух и с оглушительным треском обрушилось на гладкую поверхность алтаря, неся в себе всю силу могучих рук киммерийца. Одно из звеньев лежащей на камне цепи раскололось пополам, не выдержав мощного удара, и осколки стекла, словно тысячи искрящихся бриллиантов, брызнули в стороны из-под лезвия меча.

— Теперь следующий! — крикнул Конан.

Он разрубал одну цепь за другой, пока все пираты, на которых еще были цепи, не оказались свободными. Почувствовав, что у них развязаны руки, эти бывалые головорезы тут же заозирались в поисках оружия. Оно валялось повсюду, и, завладев мечом или копьем, пираты бросались с криком на помощь сражающимся товарищам. Увидев, что дело принимает крайне дурной оборот, оставшиеся на пирамиде жрецы и солдаты побросали свои пики и мечи и с отчаянными криками пустились наутек.

Конан взглянул вниз. Выпущенные на свободу чудовища оказались довольно эффективным средством, так как полностью отвлекли на себя внимание антильских солдат на площади, которые не могли вмешаться в ход битвы на вершине пирамиды, что и дало Конану возможность, рассеяв небольшой отряд наверху, освободить своих товарищей.

Теперь площадь была почти пуста. То здесь, то там драконы с громким тоном когтистых лап неспешно пробегали по ее булыжникам, преследуя улепетывающих людей. Те солдаты, что не были захвачены массовым бегством, стояли, сбившись в плотные группы, оцетинясь опущенными горизонтально копьями, чтобы сдерживать чудовищ. Между солдатами сновали жрецы, отдавая приказы и взывая к мужеству воинов.

Драконы по большей части также покинули площадь. Они были сыты, некоторые даже переели, и теперь в них горело одно желание — найти тихое место, чтобы погрузиться в сонное оцепенение и переварить обильную трапезу. Некоторые из них заковыляли вслед убегающей толпе и, выйдя за пределы города, исчезли среди полей, где колосились какие-то злаки, и среди зеленых антильских садов. Другие животные пробрались вниз к бухте через Морские Ворота, скользнули в воду и, извиваясь, словно змеи, поплыли вдоль берега. Скоро последняя пара драконов покинула площадь, и даже внимательный взгляд Конана не смог обнаружить ни одного ящера поблизости.

Теперь жрецы стали спешно выстраивать воинов в босвом порядке. Некоторые указывали на вершину зиккурата и громкими воплями призывали остальных ата-

ковать пиратов. Вскоре несколько сотен маленьких коричневых воинов уже построились в плотные отряды и со всех сторон густой цепочкой окружили пирамиду. Солдаты, пошатываясь под тяжестью груза, вынесли на площадь полные корзины антильских стеклянных шаров с усыпляющим газом.

Глаза Конана сузились, когда он мрачно пытался оценить их весьма непростое положение. Теперь, когда драконы уже не сражались на стороне пиратов, он нисколько не сомневался, что хорошо обученные хозяева Птаукана покажут свое боевое искусство с самой лучшей стороны. Возможно, этой площади придется увидеть его смерть и гибель его товарищей. Что ж, по крайней мере, их великолепное последнее сражение развеет всевидящих богов.

— Мы сможем сломить их, Лев? — пророкотал Зигурд. Он хлопнул себя по голой груди и угрожающе взвесил в руке здоровую кристаллическую саблю. — Клянусь кишками Нергала и грудями Иштар, я просто изнаываю от желания сразиться с этими маленькими коричневыми тварями! После стольких дней в их вонючей конуре, которую они называют подземной тюрьмой, после этих холодных помоев, я, пока еще жив, с радостью раскрою пару голов и выпущу немного кишок. Одно твоё слово, дружище; мы все готовы!

Конан кивнул, его глаза горели, как угли. Он уже готов был поднять меч и повести своих корсаров в последнюю стремительную атаку вниз по ступеням лестницы пирамиды, чтобы прорваться сквозь сверкающие ряды воинов или пасть, напоротившись на их стеклянные копья...

Но тут на него унала угрожающая тень. Он взглянул вверх, на висящую там, белено вращающуюся тучу кромешного мрака — Демона из Чуждой Вселенной.

Кром! Как мог он забыть об этой зловещей тьме из межзвездных просторов? Кровопролитный ритуал, вызывавший ее сюда из каких-то безобразных реалий, где она обитала, придав ей форму и наполнил ее сущностью этого материального мира. Даже внезапное прекращение церемонии хотя и ослабило, но все же не

рассеяло реальности этого извечного мрака и не разрушило могучих чар, вызвавших его в мир людей.

Оно висело, размышляя, над всей этой сценой кровавой сутолоки, с холодной злобой наблюдая смерть сотен антильцев и освобождение жертв, предназначенных для сверхъестественного страшного пиришества. Теперь нечеловеческий разум привел мрак в действие. Оно висело, слабо пульсируя над головами пиратов, и из его черного бешеным вихрем крутящегося центра протянулись щупальца парализующих разум сил, зондируя почву снизу.

Конану казалось, что ледяные невидимые пальцы пронзают самые потасканные части его мозга, блуждая в лабиринтах его воспоминаний, как морской корсар рыщет в поисках добычи по одному из храмов захваченного города. Он чувствовал властное прикосновение чьих-то чуждых мыслей, проникавших в самые затененные места его души. Вся его непокорная человеческая сущность восставала против этого сминающего волно вторжения.

Это была самая странная из битв в его жизни, в которой он боролся против парализующих мозг щупалец мрака. Здесь, в таинственной сфере мыслей, один лишь разум мог сражаться с враждебным разумом. Ни одни доспехи из толстых пластин каленой стали, ни один щит из обитого железом дуба, даже его выдубленная морским ветром кожа не могли противостоять этим проникающим в самый мозг щупальцам. Ни клинок, ни самая могучая рука не могли отразить их удара.

Конан почувствовал, как эти ищущие пальцы ощупывают и умерщвляют его мозговые центры, отчего по всему телу разливается леденящее оцепенение. Постепенно сила уходила из него, и скоро он уже едва стоял на ногах.

Но Конан продолжал бороться, упрямо цепляясь за жизнь и сознание со всем мрачным железным упорством своего полуликого существа. Никогда еще Конану не приходилось подобным образом использовать свой разум в битве. И все же он еще сохранял сознание, подхлестывая свой мозг в борьбе с коварными скользкими путями чуждого человеку рассудка, который стремился оборвать нить его жизни. Конан чувствовал, как его ум

бьется со скользкими щупальцами другой воли, которую называли Хотли, и как он пытается вырваться из цепких объятий этого чужеродного сознания.

Со смертоносной быстротой холодный неземной разум мягко перешел к другому способу атаки. Его щупальца атаковали физически значимые центры, управляющие сознанием человека, и начали высасывать из них жизненную энергию. На глаза Конана легла серая пелена, сознание затуманилось, и очертания предметов стали расплываться. Белые, покрытые известкой колонны небольшого храма на вершине пирамиды приобрели неприятный желтый оттенок, тысячи незримых колокольчиков звенели в ушах. Он чувствовал, что проваливается в бездонный колодец холодного мрака...

Но Конан еще боролся, пытаясь заслонить свой разум от этой Тьмы, которая вытягивала из него капли за каплей жизненные силы.

В ревуем водовороте поглощенного неравной борьбой рассудка смутный непот воспоминания поднялся на поверхность из глубины его сознания. Перед глазами проплыло то мгновение, когда его бесшотный дух стоял в черном сердце Галомайры и величественный призрачный мудрый Элимитреуса говорил с ним. Снова в его ушах раздался голос древнего философа, голос, который интел:

«Лишь один подарок могу я дать тебе. Пронеси его сквозь все испытания, потому что в час величайшей нужды лишь он сможет спасти тебя... Довольно, ничего более не могу я открыть. Пусть твое сердце само подскажет, как использовать этот талисман в час смертельной опасности».

Уже окруженный туманом, Конан вспомнил об этом холодно поблескивающем предмете, который оказался в его руке после пробуждения от пророческого сна в типичи королевской спальни. С того самого момента этот драгоценный талисман на серебряной цепочке покоился на его груди, и он прошел вместе с киммерийцем сквозь всю цепь его удивительных приключений.

Сила уже ушла из его больных рук, но внутри него еще сохранилась та неутолимая жажда жизни, благодаря

которой Конан смог пройти сквозь такое количество смертельных опасностей, коими была до предела насыщена его долгая, полная бурных свершений жизнь. Теперь, перед лицом опасности, самой странной из всех, какие только существовали на земле, он призвал на помощь этот загадочный дар.

Его тяжелая онемевшая рука потянулась к горлу, вытащила из-под кольчуги вырезанного из неведомого кристалла феникса и одним резким движением сорвала талисман, обрывая цепочку.

Черные тиски сжимали его мозг. Он выронил талисман, и, словно сквозь сон, до ушей Конана дошел слабый стеклянный звон падения фигурки о камень.

Собрав последние остатки сознания, когда его раскусок уже кружился, уходя в бешено вращающуюся пустоту, Конан с силой опустил каблук своего тяжелого сапога на лежащую на камнях фигурку и раздавил ее в пыль. Затем его словно втокнуло в непроницаемую черноту.

XX. Боги Света и Тьмы

И если с Кракеном придется бой принять,
Что прилетит на пир кровавый свой,
Ты должен как скала стоять,
И феникс совладеет с Тьмой!

Видения Эмилиантреса

Откуда-то издалека, сквозь погруженные в непроглядную ночную темноту ущелья вечного холода и мрака, донесся слабый далекий голос, звавший его...

Сознание постепенно возвращалось к Конану, и ощущения окружающего мира снова проникли в его тело. Он почувствовал, как грубые мозолистые руки крепко схватили его под мышки, и услышал скрипение песка под своими тяжелыми волочившимися по камню сапогами. Конан жадно глотнул воздух, задохнулся и открыл изумленные глаза. Над его головой возвынялась неуклюжая сопящая громада Зигурда Рыжебородого и увенчанная тюрбаном здоровенная фигура Горана Сингха, которые поддерживали его с обеих сторон.

— Оставьте меня, во имя Крома, — прохрипел он. — Я могу идти сам.

Пираты остановились и помогли ему встать.

— По крайней мере, мне так кажется, — глухо проворчал Конан, чувствуя, что ноги бессильно подгибаются под тяжестью его тела. Он покачнулся и рухнул бы вперед, на ступени одной из граней пирамиды, если бы стоящие рядом товарищи не поддерживали своего вернувшегося почти с того света главаря.

Они усадили Конана на одну из ступенек каменной лестницы на склоне пирамиды. Тысячи крохотных иголок пронизывали его тело — кровь снова весело бежала по жилам. Он огляделся, постепенно вновь обретая способность ясно соображать и восстанавливая в памяти произошедшее.

Странная угрожающая тишина царила вокруг. Пираты уже протащили своего предводителя полпути вниз по лестнице, ведущей к площади. Там в боевом порядке выстроились ряды многочисленной охраны. Но невысокие коричневые воины в поблескивающих на солнце стеклянных доспехах не обращали на пиратов ни малейшего внимания. Их взгляды, полные благоговейного трепета, переходящего в ужас, были прикованы к чему-то наверху. Повернув голову и взглянув туда через плечо, Конан почувствовал, как леденящий холодок пробежал по его спине. Высоко, над самым храмом на вершине черно-алой пирамиды, какая-то странная сила росла, пульсируя и мерцая серебряными искрами.

— Оно возникло из той драгоценной фигурки, которую ты раздавил ногой, — напряженно пробормотал Зигурд, искоса бросая вверх мрачные взгляды. — Одному Митре известно, что происходит там наверху, но, похоже, мы все слышали странный внутренний голос, велевший нам уходить отсюда и как можно быстрее. Чтоб мне утонуть, но эта дьявольская магия и черное колдовство могут вконец сбить с толку любого бывалого рубаку!

Конан коротко усмехнулся. Там, в вышине, похожие на бриллиантовую пыль искорки слабого света

поднимались из раскрошенных остатков талисмана, словно увлекаемые могучими порывами ветра, они быстро взлетали ввысь и там скручивались упругими смерчами. Черная туча кровавого Хотли еще висела над каменным алтарем. Его темные дымчатые образования, похожие на щупальца, в беспокойстве шевелились и напряженно вытягивались и отдергивались назад, как будто в предчувствии приближения смертельного врага.

Закрученные в вихре пылинки света все поднимались вверх и разгорались, превращаясь в несущуюся в воздухе ослепительную галактику сверкающего света. Выходящие конечности обхватывали темную массу Хотли и разрывали этот мрак. Так миллионы разгорающихся звезд рассеивают ночную тьму.

Конан вздрогнул, как будто по его волосам пронесся ледяной порыв ветра из межзвездных пространств. Светящееся облако начало обретать форму, оно растягивалось в высоту, сжимаясь вокруг Хотли в цепком объятии множеством сверкающих щупалец. Митра, — каким-то непонятным ему самому образом Конан узнал, что свет был именно этим божеством, — заговорил. Гром, словно от тысяч могучих бурь, каменным обвалом прокатился по площади. Земля задрожала. Пирамида поплыла под ногами пиратов, обрушивая вниз дождь обломков лепных фигур. С оглушительным грохотом огромный кусок площади осел вниз и исчез из виду, унося с собой сотни пронзительно вопящих маленьких коричневых солдат. Вверх взметнулось удушливое непроницаемое облако известковой пыли. Конан понял, что это, должно быть, обрушились своды драконьей пещеры.

— Скорее прочь отсюда! — проревел он.

Киммериец вскочил на еще плохо слушающиеся ноги и, пошатываясь и спотыкаясь, стал быстро спускаться вниз. Вслед за ним покатился темный вал завывающих пиратов. Те, что уже имели оружие, бежали впереди. Но у подножия пирамиды уже никого не было. Еще минуту назад стройные ряды антильских воинов рассеялись, как мираж. Побросав оружие, ко-

ричневокожие солдаты что есть мочи бежали к городским воротам, срывая и разбрасывая по пути свои кристаллические шлемы, кольчуги и панцири, которые затрудняли движение. Скоро спины последних из них скрылись за поворотами узких улиц.

— Хватайте оружие и быстро к гавани! — закричал Конан.

Высоко вверх Боги Света и Тьмы сплелись в невидимой схватке. Огненные взрывы молний били из вращающегося образования, которое обрело форму и вспыхивало сейчас миллионами звезд света, вокруг которого извивались, то смыкаясь, то отступая, щупальца черного дыма.

Земля качалась под ногами. С другой стороны площади огромные серые очертания Передней Богов заколебались в висящей в воздухе пыли, по стенам мрачного строения побежали трещины, осыпая вниз дождь раскрошенных кирпичей, и затем все здание рухнуло лавиной мелкого щебня, подняв тучу удушливой пыли. Как гигантское дерево, подрубленное дровосеком, одна из высоких остроконечных башен у площади наклонилась и, покачнувшись, с оглушительным грохотом обрушилась на черные булыжники мостовой, так что земля под ногами пиратов подпрыгнула.

Конан рысью бежал впереди своих людей по улицам Птаукана, не обратив никакого внимания на нескольких антильских воинов, встретившихся им на пути. Антильцы, охваченные безумным страхом, были поглощены отчаянными усилиями как-то спасти свою жизнь и даже не повернули головы в сторону убегающих пленников.

— Сюда! — проревел Конан. — Скорее к гавани, пока весь этот проклятый город не рухнул на нас!

За их спиной полуденные тени легли на площадь Пирамиды. То здесь, то там бриллиантами вспыхивали огоньки, куда ярче, чем уже клонящееся к закату солнце. Звуки сверхъестественной битвы громыхали, с треском разрывали небо, отдавались гулкими барабанами и отдаленным ревом. Под режущими лучами

нестерпимого света черное облако, казалось, всасывало свою туманную массу в себя. Оно сжималось, рассеивалось и наконец исчезло. Небывалое напряжение космических сил, срывающее их в единый бешеный вихрь, спало. Когда черные силы погибли, весь город затрясся, как будто был воздвигнут на поверхности барабана, по которому били невидимой дубиной. Еще несколько зданий с грохотом рухнуло вниз. Площадь Пирамиды исчезла. На одно мгновение над этим местом вспыхнул ослепительный огненный смерч, во много раз ярче солнца, затем он исчез, и в небе раздался чудовищный грохот, от которого все оставшиеся в городе люди на время оглохли.

Гигантский столб густого черного дыма поднялся над разрушенным городом. Над ним разрослась клубящаяся грибовидная шапка. Звездное сияние Бога Света некоторое время еще играло над ней, как драгоценная корона. Скоро искрящийся свет погас, и это зловещее темное образование начало рассеиваться, смешиваясь с серым облаком пыли, висящим над городом. То здесь, то там сквозь серую пелену смутно виднелись уходящие вверх клубы черного дыма от горящих домов.

Понемногу в Птаукане снова начали появляться первые признаки жизни. Люди группами и по одному тянулись из окружавших город зеленых равнин, но там их ждали неожиданные известия.

Большая часть жрецов или погибла под обломками разрушенных храмов, или сбежала из города. В течение прошедшей ночи и следующего дня после катастрофы лишь один человек во всем Птаукане остался во главе сколь-нибудь мощной организации. Это был король воров — Метемфок.

Пока город был почти безлюден, скованные железной дисциплиной отряды Метемфока захватили уцелевшие большие здания и склады оружия. Те немногие жрецы, которых им удалось обнаружить, были убиты. Двери подземных темниц открылись, и на свободу

вышли не только приговоренные к смерти члены Метемфокской банды, но и сотни простых антильцев, которых под тем или иным предлогом заточили туда, чтобы принести в жертву Хотли. Многие из них присоединились к Метемфоку, хотя большинство осталось в стороне, опасаясь гнева жрецов или своих богов или просто предпочитая подождать, пока не выяснится, кто оказался сильнее.

Сбежавшие из города жрецы собрали небольшие отряды еще преданных им воинов и попытались пробиться назад в свою столицу, но теперь хорошо вооруженные молодчики Конана напали на них с тыла и легко обратили антильцев в бегство.

Так что вскоре под руководством толстого хитреца Метемфока жители Птаукана принялись за грандиозное и нелегкое занятие по восстановлению разрушенного города. Предводитель воров вряд ли мог стать идеальным правителем, но все же трудно было представить себе, что его правление могло бы оказаться тяжелее железной руки жрецов, много веков державших страну в постоянном страхе. Так что в этот последний уединенный уголок, дальний отголосок великой цивилизации древней Атлантиды, приходило недолгое время мира и спокойствия.

И, возможно, в неких неизвестных реалиях за звездным небом духи старых богов, которые господствовали над небесами Атлантиды в древние времена и которые в конце концов отвернулись от людей, воспринявших культ Черного Хотли, и ввергли остров в морскую пучину, под многомиллионную толщу зеленоватых вод Великого моря, — возможно, умершие боги видели это и улыбались, и с оставшимися у них силами они благословляли людей.

Кром! Как хорошо было вновь ощутить прочные доски палубы под ногами, даже если она и была такой чертовски странной палубой, как эта! После падения Птаукана Конан в течение месяца предавался еде и пьяным пирушкам. Измотанный, донельзя кровопролитными схватками в подземном мире туннелей под Птауканом, а затем и в самом городе, он проспал весь

день и две ночи. Но в течение всех последующих дней, которые он провел в праздности и бездельи, зевая над чашей вина вместе со своими товарищами по плаванию, съедая и выпивая за троих, бывшая сила постепенно возвращалась к нему.

И вот теперь, когда встающее на востоке, но еще невидимое солнце окрасило небо и полосы облаков в золотистые и розовые цвета, он бродил взад и вперед по позолоченным доскам палубы антильского корабля-дракона ипил полной грудью чистый и холодный морской бриз, который взбивал и ключьями уносил туман с зеленой поверхности Западного моря. В его душе играло чувство глубокого удовлетворения. Ха! Он был стар, не так ли? Самое время забраться под покрывало и дать возможность бормочущим под нос лекарям безболезненно проводить его в другой мир.

Конан фыркнул. Он все еще был в состоянии провести с женщиной Катлахос ночь, которая оставила бы ту одержимой, но счастливой. Старая, непреодолимая тяга к необычным путешествиям и приключениям еще наполняла его грудь. В его высохшем крепком теле еще бурлило достаточно жизненных сил, по меньшей мере — для одного-двух приключений!

Конан ударил по позолоченному релингу своей твердой сильной рукой, как человек похлопывает по боку крепкого жеребца. Одно последнее приключение...

Он огляделся. Когда Конан во главе серой от пыли пайки пиратов вырвался из рушащегося за их спиной города, безошибочный взгляд старого морского разбойника сразу определил лучший корабль в гавани Птаукана. Он повел их на борт одного из самых совершенных и боевых кораблей, какие ему только доводилось видеть. Несколько месяцев назад, когда возник из серой утренней дымки, словно чудовище времен юности земли, «Красный Лев» превратился в плавающий сундук под его мощным натиском. Конан усмехнулся и подумал о том, какое любопытство вызвало бы грозное судно атлантов на Барахских островах.

Правда, приобретение этого судна, которое он назвал «Крылатым Драконом», не обошлось без трудностей.

Пиратам, враждебным ко всяким новшествам, как и все моряки, очень не нравилась странная оснастка корабля. Почему бы, говорили они, не вытащить на пляж корпус «Красного Льва» и не привести его снова в порядок? Но после короткого обследования Конан обнаружил, что галеон вряд ли удастся восстановить без помощи одной из верфей по другую сторону океана. Корпус судна был прожжен в нескольких местах насквозь, мачты, паруса и снаряжение сгорели, и их можно было восстановить, лишь приложив огромные усилия. Куда практичнее было очистить его трюмы от оружия и разной прочей оснастки и перенести все это на борт «Крылатого Дракона».

Однако потребовалось много дней, чтобы команда наконец полностью освоила экзотическое судно, сделав заодно кое-какие изменения в его конструкции, которые показались Конану необходимыми. Более того, «Крылатый Дракон» был галерой, а потому для него нужен был экипаж числом побольше. К счастью, среди антильцев нашлось достаточно искателей приключений, из которых и была набрана команда гребцов.

Зигурд Рыжебородый тяжело взобрался по трапу на ют, чертыхаясь и слысывая.

— Ха, Лев! — хрипло воскликнул он. — Как спалось?

— Спал как мертвец.

Зигурд подернул широкими плечами и бросил взгляд назад, где утренняя дымка скрывала семь островов Антилии.

— Мертвецы остались там, позади, много их, — проговорил он. — Клянусь зеленой бородой Лира и рыбьим хвостом Дракона, я просто восхищен тем, как ловко ты вышиб ворота нашей тюрьмы!

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил Конан.

— Нет, ничего! Но человек, который, как ты, вытаскивал своих товарищей из самого пекла, заслуживает уважения, — особенно если для этого ему пришлось оставить полгорода в развалинах.

Конан коротко рассмеялся.

— Конечно! Я бы с удовольствием разрушил и вторую половину, лишь бы иметь такого старого моржа, как ты, рядом с собой.

Зигурд вздохнул:

— Хорошо тебе говорить, Амра. А я уже не так проворен, как в былые времена.

Он взглянул на горные пики Антилии, поднимавшиеся из молочной дымки.

— Мы могли бы прийти на помощь Метемфоку, позволив ему нанять нас в свою безжалостную армию.

Конан усмехнулся и покачал головой:

— Мы, бывшие короли, становимся дьявольски гордыми и не идем на службу к другому человеку, там, где можем справиться сами.

Солнце уже поднялось выше, окрасив небо в ярко-голубые прозрачные тона. Белые чайки с пронзительными криками кружили над мачтами «Крылатого Дракона», и голубые волны мягко бились во вновь просмоленный и выкрашенный пузатый корпус судна. Конан снова глубоко вдохнул морской ветер. Рядом с ним Зигурд украдкой бросил взгляд на разгорающийся в небе день и затем посмотрел на стальную бородку и изрезанный шрамами профиль своего закадычного товарища.

— Что же теперь, Лев? — поинтересовался он. — Назад на Барах, или пойдем грабить берега Стигии и Шема?

Конан покачал головой:

— Такой корабль не создан для того, чтобы одолевать просторы океана. Со всеми нашими гребцами, которых нужно кормить и поить, мы никогда не сможем сделать этого.

— Но смогла же та зеленая галера, повстречавшаяся нам в океане.

— Да, но я не колдун, чтобы призвать себе на службу экипаж бесплотных духов вместо гребцов.

Конан погрузился в тяжкие раздумья. Метемфок о многом рассказал ему. Старый вор утверждал, что еще дальше к западу, у самого края мира, лежит огромный неизведанный континент — Маиапан, как его звали

атланты и их антильские потомки. Они совершали набеги на дальние берега в поисках золота, изумрудов и залежей меди; за краснокожими рабами и забавными птицами с пыльным оперением; за похожими на тигров огромными дикими кошками, чьи красивые золотистые и рыже-коричневые шкуры были местами усыпаны черными пятнышками. Там также существовали варварские государства, основанные выходцами из Атлантиды и Антилии, и культы Гигантской Змеи и Саблезубого Тигра вели жестокое состязание, купаясь в крови человеческих жертвоприношений и отвратительных ритуалов.

Совсем новый мир, думал он, мир непроходимых джунглей и бескрайних равнин, величественных горных хребтов и спрятанных в ущельях озер, где могучие реки извиваются, словно потоки расплавленного серебра, исчезая в изумрудных чащобах джунглей, — мир, где неизвестные народы поклоняются странным, внушающим ужас богам...

«Сколько еще неизвестных приключений может скрываться в глубинах далекого Маиапана?» — думал Конан. Метемфок называл его «Кукулкан», но было ли это какое-то новое прозвище на антильском языке, или дословный перевод «Конан-киммериец», или еще что-то в этом роде, Конан так никогда и не узнал. Если он попадет в этот новый мир, где люди никогда не видели бородатых людей с оружием из стали и стекла, — что ж, может, он завоюет еще одну обширную империю, где ему будут поклоняться как богу, и принесет зачатки цивилизации из старого в новый мир. Быть может, тогда он станет легендарным героем, имя которого будут повторять еще сотни поколений спустя...

— Одному Кромю известно! — глухо проговорил он. — Давай-ка забросим что-нибудь в глотку, — тогда и обсудим это дело. Клянусь всеми богами, спасение мира от гибели прибавляет человеку аппетита!

Они спустились вниз. Через несколько часов огромный корабль, который позже народы Маиапана будут называть «Куэтзалкоатл», что означает на их непривыч-

ном для наших ушей языке «Крылатый (или Пернатый) Змей», — поднял якорь. Судно взяло курс на юг, а затем, обогнув Антильские острова, отправилось далее на неведомый Запад.

Но что произошло далее, обрывающаяся здесь старинная летопись не сообщает.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАЛЬ И ЗМЕЯ

Перевод М. Сушко, Л. Сушко

I. Меч	9
II. Колесо	18
III. Яма	29
IV. Ведьма	48
V. Жрица	60
VI. Вор	72
VII. Камень	84
VIII. Поручение	96
IX. Дорога	107
X. Гора	118
XI. Дерево	128
XII. Ущелье	135
XIII. Пещера	142
XIV. Похищение	149
XV. Смерть	156
XVI. Битва	165
XVII. Возмездие	179

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЧЕРНЫХ ДРАКОНОВ

Перевод О. Мовчанюк

I. Когда царствует безумие	191
II. Львы собираются	198
III. Изумрудные глаза	208
IV. Кровавая стрела	219
V. Багровый лотос	235
VI. Зал Сфинксов	259

VII. Гибель во тьме	274
VIII. Побойище при Алимане	285
IX. Стальной конь	303
X. Кровь сатиров	319
XI. Ключ к городу	335
XII. Лунная тень	351

ТЕНИ УЖАСА

Перевод И. Башмачникова

I. Красные тени	367
II. Черное сердце Голамайры	374
III. «Кубок и Трезубец»	382
IV. Алый Тортаж	391
V. Черный Кракен	400
VI. Магический Огонь	410
VII. Призрачное воинство	416
VIII. Шкатулка из Атлантиды	423
IX. Путешествие по неизвестному морю	429
X. Огонь Дракона	434
XI. Чудища морских глубин	442
XII. Потерянный город	452
XIII. Воры Птаукана	467
XIV. Черный лабиринт	476
XV. Темница отчаяния	487
XVI. В логове дракона	497
XVII. День Крови и Огня	506
XVIII. Врата рока	513
XIX. Бриллиантовый талисман	520
XX. Боги Света и Тьмы	530

Литературно-художественное издание

КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ

Перевод с английского

Зав. редакцией *Геннадий Белов*
 Ответственные редакторы:
Кирилл Титов, Сергей Фроленок
 Художник *Владислав Асадулин*
Форзац Сергея Троцкого
 Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
 Технический редактор *Татьяна Раткевич*
 Корректоры: *Людмила Быстрова, Виктория Листова*
 Верстка *Антонины Помазовой*

Л. Р. № 030022 от 06.07.91.
 Подписано к печати с оригинала-макета 12.09.94.
 Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.
 Печать офсетная. Бумага тип. № 2.
 Тираж 50 000 экз. Усл. печ. л. 28,5. Изд. № 482. Заказ 771.

Издательство «Северо-Запад»
 191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6

Отпечатано на ИПП «Уральский рабочий»
 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

РЕДАКЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «СЕВЕРО-ЗАПАД»
готовит к выходу в свет
следующие книги из
сериала «КОНАН»

*Бессмертный киммериец продолжает жить
и сражаться на страницах блистательной саги:*

- ТОМ СЕДЬМОЙ: КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА**
Романы :
«НЕБЕСНАЯ СЕКИРА»
«ЧЕРНАЯ ПАУТИНА»
- ТОМ ВОСЬМОЙ: КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ**
Романы :
«СТАЛЬ И ЗМЕЯ»
«ПОД ЗНАМЕНЕМ ЧЕРНЫХ ДРАКОНОВ»
«ТЕНИ УЖАСА»
- ТОМ ДЕВЯТЫЙ: КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ**
Романы :
«ТЕНЬ ВЛАСТЕЛИНА»
«НОС ДРАКОНА»
- ТОМ ДЕСЯТЫЙ: КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ**
Романы :
«СВЯЩЕННАЯ РОЩА»
«СЛУГИ ЧАРОДЕЯ»
«КАРУСЕЛЬ БОГОВ»

*Десятым томом «Северо-Запад» заканчивает
публикацию первой эпохи романов о Конане-вирваре.
Ведется подготовка еще пяти томов
саги о Бессмертном Воителе из Киммерии.
Если кого-нибудь из читателей или книгопродавцов
интересует продолжение сериала «КОНАН», просьба
незамедлительно послать предложения по адресу:*

191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6.
Издательство «Северо-Запад»
Редакция Зарубежной фантастики